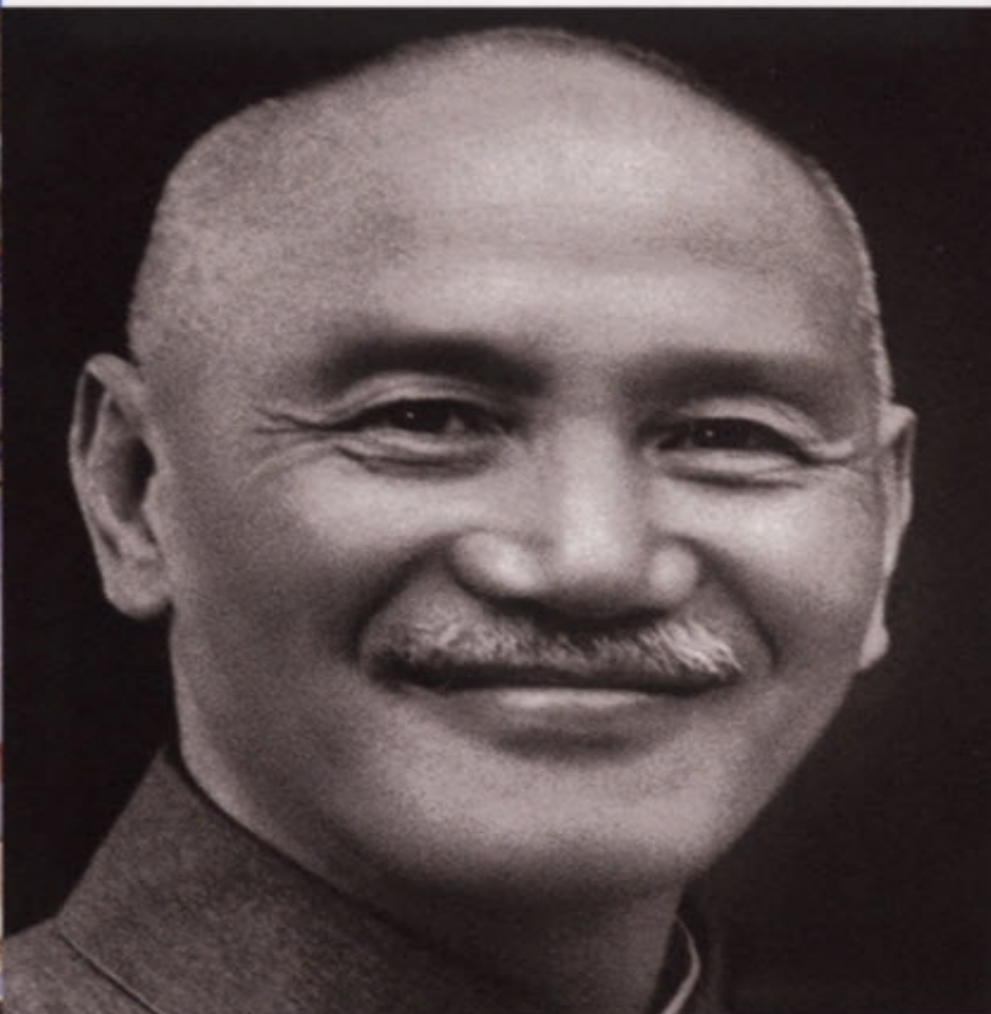

ЧАН КАЙШИ

Александр
Панцов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Чан Кайши (1887–1975), почти полстолетия находившийся во главе Китайской Республики, и по сей день представляется личностью таинственной. Его бурная революционная, дипломатическая и личная жизнь оставалась за рамками демонстративно тенденциозных изданий. Александр Панцов, известный китаевед, доктор исторических наук, профессор, автор биографий Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина («ЖЗЛ»), получивших высокую оценку и в России, и за рубежом, впервые предпринял широкомасштабное жизнеописание этого выдающегося политического и военного деятеля XX века. Новая книга Панцова — основанная на ранее недоступных материалах из архивов России, Китая, Тайваня, США, в том числе на неопубликованных дневниках Чан Кайши, документах из хранилищ Института Гувера (США), тайваньской Академии истории, ЦИК Гоминьдана, ЦК КПСС, ЦРУ — раскрывает феномен загадочного вождя китайских националистов. Человека, который превратил Китай из полукolonии в мировую державу, но проиграл борьбу за власть в материковом Китае Мао Цзэдуну. Несомненный интерес представляют и дипломатические баталии Чан Кайши на грани детектива с главами ведущих мировых держав — Сталиным, Рузвельтом, Трумэном, Эйзенхауэром, Кеннеди, Никсоном, и особенности повседневной жизни китайского народа. Книга предназначена самому широкому кругу читателей.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- -
    -
    - [ПРОЛОГ](#)

- Часть I
  - Потомок Чжоу-гуна
  - В тени восходящего солнца
  - Поднебесная для всех
  - Строптивый ученик Сунь Ятсена
- Часть II
  - Кантон — Шанхай — Москва — Кантон
  - Во главе школы Вампу
  - Борьба за наследие Сунь Ятсена
  - Северный поход и раскол Гоминьдана
- Часть III
  - Завершение Северного похода
  - Успехи и поражения
  - «За новую жизнь!»
  - Игры со Сталиным
- Часть IV
  - Сианьское пленение
  - Момент самопожертвования
  - Кровь и пепел
  - Затяжная война
- Часть V
  - Аве Мария
  - Игры с Рузвельтом
  - Горький вкус победы
  - Новые испытания
- Часть VI
  - Катастрофа
  - Тайваньский узник
  - Под крылом Вашингтона
  - Печаль и надежда
- ЭПИЛОГ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
  -
  -
  -
  -
  -
  -

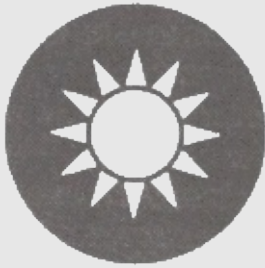
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)

Александр Панцов

ЧАН КАЙШИ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*На авантитуле использован
фамильный иероглиф Чана — Цзян.*

© Панцов А. В., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

*Моей жене
Екатерине Борисовне Богословской
с любовью посвящаю*

ПРОЛОГ

Было около четырех утра 23 июня 1954 года, когда советский танкер «Туапсе», приписанный к Черноморскому пароходству, вошел в Тайваньский пролив. Он вез груз авиационного топлива. Волны тихо перекачивались за бортом, до рассвета оставалось чуть больше часа. Вдруг темное небо прорезал луч прожектора, вспыхнувший на горизонте. С незнакомого миноносца пошел сигнал: «Приказываю остановиться! Капитану с судовыми документами явиться на корабль! В случае неповиновения открываем огонь». Через несколько минут последовали предупредительные залпы. Капитан был вынужден остановить ход, но тут же передал сообщение на родину о нападении. В лучах рассвета на танкер поднялись вооруженные люди.

В Москве это событие расценили как американскую провокацию. Шла холодная война, и 7-й флот США уже в течение четырех лет, с 27 июня 1950 года, сразу после начала корейской войны, бороздил Тайваньский пролив, защищая остров Тайвань — последний оплот китайских националистов, в 1949 году потерпевших поражение от захвативших материковый Китай китайских же коммунистов. На следующий день заместитель министра иностранных дел СССР Валериан Александрович Зорин вручил ноту протеста послу США в Москве Чарлзу Э. Болену.

Но оказалось, что американцы тут ни при чем. 25 июня ответственность за захват советского судна в нейтральных водах (танкер находился в 125 морских милях к юго-западу от острова Тайвань) взяло на себя тайваньское правительство, во главе которого стоял генералиссимус Чан Кайши. Дело в том, что еще во время гражданской войны на материке, в июне 1948 года, Чан объявил побережье Китая от Ляодунского полуострова на севере до провинции Фуцзянь на юго-востоке закрытым для иностранных судов. Сделал он это для того, чтобы ни одна держава не могла снабжать коммунистов, на тот момент захвативших половину страны, морским путем. В феврале 1950 года, после бегства чанкайшистов на Тайвань, политика закрытости превратилась в политику полной блокады материкового побережья Китая. Именно поэтому танкер и был захвачен: по данным тайваньской разведки, он шел в Шанхай, доставляя топливо «коммунистическим бандитам». 26 июня 1954 года газета «Правда», продолжая настаивать на «вине» американцев, дала отповедь и «обанкротившейся банде Чан Кайши» — «прихвостней военно-морских

сил США».

А тем временем советские моряки томились в плену. Тайваньские власти требовали от них одного: подписать заявления о невозвращении в СССР. И из сорока девяти человек двадцать сделали это. А вот двадцать девять во главе с капитаном все же смогли через год вернуться на родину при посредничестве французского консульства.

История эта постепенно заглохла, но в январе 1959-го вновь оказалась в центре внимания советских людей. На этот раз — в связи с выходом на экраны двухсерийного художественного фильма «Ч.П. — Чрезвычайное происшествие», снятого по мотивам документальной повести, написанной капитаном «Туапсе» Виталием Аркадьевичем Калининым и его заместителем по политической части Дмитрием Павловичем Кузнецовым. Зрители валом валили, фильм стал лидером проката. Особенно всем понравился Вячеслав Тихонов, молодой красавец, сыгравший роль моряка-одессита. Он был в своем тогдашнем амплуа — балагура-остряка, которого публика полюбила еще по фильму «Дело было в Пенькове». Да и все моряки-герои вызывали естественную симпатию, в то время как чанкайшисты и их заокеанские покровители — ненависть, тем более что выглядели отвратительно — как фашисты (единственная женщина-героиня фильма, радистка Рита, так их и называла). Чувство ненависти подогревалось обидой, несмотря на то что большинство моряков триумфально возвращались домой. Ведь клику Чана не считали с лица земли советские самолеты, да и часть моряков вместе с захваченным танкером оставалась на Тайване! То есть получалось, что наша страна в итоге потерпела поражение от какого-то жалкого китайского хулигана, еще недавно трусливо бежавшего от вождя китайской компартии Мао Цзэдуна!

В общем, в сознании советского человека Чан Кайши, и до тех пор никаких хороших чувств не вызывавший, окончательно превратился во врага не только Китайской Народной Республики (КНР) и СССР, но и всего рода человеческого.

В 1959-м мне было четыре года, и, конечно, я нашумевший фильм не видел. Посмотрел я его чуть позже, году в 1966-м. И, посмотрев, возненавидел Чан Кайши всем сердцем. Поговорить о кино и Чан Кайши я пришел к деду, историку-китаисту Георгию Борисовичу Эренбургу. И он сказал мне: «Я помню, когда-то давно Чан Кайши был нашим другом, потом стал врагом, потом — опять другом, затем — вновь врагом. Сейчас его все ненавидят, но, кто знает, может быть, в будущем он еще раз станет нашим другом».

Я был ошарашен, но деду не поверить не мог. Ведь в начале 1920-х

мой дед был представителем Коминтерна^[1] в Китае, в 1925—1930-х годах преподавал в коминтерновском вузе, где обучались китайские революционеры, в том числе старший сын Чан Кайши — Цзян Цзинго, и будущий отец китайских реформ Дэн Сяопин, а с начала 1930-х читал лекции по истории Китая в Институте востоковедения и Московском университете. И Чан действительно вплоть до апреля 1927-го считался в Советском Союзе верным другом, поскольку был тогда одним из вождей китайской национальной революции, но после 12 апреля 1927 года, когда совершил в Китае антикоммунистический переворот, превратился в «собаку черной китайской реакции». В 1937 же году, в связи с подписанием советско-китайского пакта о ненападении и организацией в Китае единого антияпонского фронта между чанкайшистским Гоминьданом (ГМД, Националистическая партия) и китайской компартией (КПК), Чан вновь стал другом и союзником СССР. Однако вслед за окончанием Второй мировой войны и возобновлением гражданской войны между ГМД и КПК в 1946 году вновь превратился в супостата. И 2 октября 1949 года СССР даже разорвал с Чан Кайши дипломатические отношения вслед за тем, как 1 октября Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики.

Оставался Чан Кайши врагом и тогда, когда в сознании советского человека место главного ненавистника СССР на Дальнем Востоке занял сам Мао Цзэдун. Чан продолжал быть таковым до начала 1990-х годов. И только после крушения советской власти в СССР отношение к нему стало постепенно меняться. По крайней мере о нем перестали говорить как о «фашисте», а российско-тайваньские отношения начали развиваться и в торговой, и в культурной областях. Однако о том, чтобы вновь зачислить Чана в друзья или хотя бы отнестись к нему объективно, речи больше не шло, хотя у власти на Тайване и в 1990-е годы, и в 2008–2016 годах стояла его партия, Гоминьдан. Не идет об этом речь, разумеется, и сейчас, когда на Тайване правит Демократическая прогрессивная партия (ДПП), откровенно античанкайшистская.

Стереотипы преодолевать всегда трудно. А в отношении Чан Кайши — особенно. Слишком уж противоречива и многогранна его фигура — настолько, что и по сей день вызывает ожесточенные споры даже среди историков. Кто-то по-прежнему считает Чана ярким реакционером и даже нацистом, а кто-то убежден в его прогрессивности, кто-то считает его неоконфуцианцем, а кто-то — радикальным революционером, кто-то — утопистом, а кто-то — прагматиком.

Как же относиться к Чану? Ответ вряд ли может быть однозначным. С

одной стороны, Чан действительно коварный, хитрый и алчущий неограниченной власти правитель, на счету которого более полутора миллионов загубленных человеческих жизней. Но с другой стороны — великий революционер, борец за национальное освобождение своего народа, патриот, выдающийся политический и военный деятель XX века, архитектор нового, республиканского, Китая, герой Второй мировой войны и верный союзник стран антигитлеровской коалиции. Кроме того, христианин и одновременно конфуцианец, мечтатель о всеобщем равенстве. Более того, в отличие от многих жестоких правителей прошлого столетия, таких, например, как Сталин и Мао Цзэдун, он в последний период жизни (1949–1975 годы) смог сделать выводы из трагических ошибок прошлого и, потерпев поражение в гражданской войне, превратил в итоге остров Тайвань — пусть и небольшую по размеру страну — в процветающее государство, основанное на принципах народного благосостояния и социальной справедливости. Да, сделал он это авторитарными методами, а как еще можно было преодолеть вековую отсталость китайского народа? Да есть ли вообще бескровный путь от тоталитаризма к народовластию?

Объяснить феномен Чан Кайши стало возможным только сейчас, после того как многие архивные документы, проливающие свет на его жизнь, деятельность и взаимоотношения с родными, друзьями и врагами, оказались рассекречены. Эти документы хранятся в Архиве тайваньской Академии истории, Центральном партийном архиве Гоминьдана, Втором историческом архиве Китая в Нанкине, Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП России), Центре хранения современной документации (ЦХСД, бывший Архив ЦК КПСС), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Национальном архиве США, Архиве Колумбийского университета, Архиве Оберлинского колледжа, Архиве Института Гувера Стэнфордского университета, читальном зале Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, президентских библиотеках и музеях Франклина Д. Рузвельта, Гарри С. Трумэна, Дуайта Д. Эйзенхауэра, Джона Ф. Кеннеди, Линдона Б. Джонсона и Ричарда Никсона. Часть из них в последнее время опубликована.

Среди архивных документов особое место занимают дневники Чан Кайши, которые он вел с 1917-го по 21 июля 1972 года. Они насчитывают более двадцати тысяч страниц и хранятся в Архиве Института Гувера, а также, частично (за 1919–1930 и 1934 годы), в копиях, сделанных

секретарем Чана, Мао Сычэном, во Втором историческом архиве Китая. Кроме того, среди китайских ученых имеет хождение электронная копия дневников Чан Кайши. Огромное значение имеют и материалы из двухтомного личного дела Чан Кайши, а также личных дел его последней жены Сун Мэйлин, сыновей, родственников, соратников и противников, хранящиеся в РГАСПИ. И, кроме того, — многообразные документы из фондов Чан Кайши и его сына Цзян Цзинго, собранные в Архиве тайваньской Академии истории. Именно на этих уникальных материалах и основано жизнеописание Чан Кайши.

*

Эта книга никогда не увидела бы свет, если бы не финансовая поддержка, оказанная мне тайваньским Фондом международного научного обмена имени Цзян Цзинго (*Chiang Ching-kuo Foundation for International Scholarly Exchange*), а также американским Фондом гуманитарных наук имени Эдварда и Мэри Кэтрин Герхольд (*Edward and Mary Catherine Gerhold Chair in the Humanities*). Я выражаю обоим фондам искреннюю благодарность.

Мне также доставляет огромное удовольствие выразить глубокую признательность друзьям и знакомым в разных странах, помогавшим мне на разных этапах написания и издания этой книги. Это Юрий Николаевич Арабов, Дарья Александровна Аринчева, Екатерина Борисовна Богословская, Ван Вэньлун, Ван Цишэн, Александр Юрьевич Ватлин, Го Бинь, Любовь Спиридоновна Калюжная, Энди Карлсон, Ирина Николаевна Кондрашина, Людмила Михайловна Кошелева, Дэбора А. Кэпл, Мэделин и Стивен И. Левины, Ли Кань, Ли Цзифэн, Ли Ю, Ли Юй-чжэнь, Линь Сяотин, Лю Кэци, Лю Юйи, Люй Фаншан, Ма Чжэньду, Лариса Николаевна Малашенко, Энтони Мьюген, Нина Степановна Панцова, Андрей Витальевич Петров, Лариса Александровна Роговая, Светлана Марковна Розенталь, Джон Секстон, Борис Вадимович Соколов, Ирина Николаевна Сотникова, Кристин Стэйплтон, Дэвид Хэ Сунь, Сяо Жулин, Юрий Тихонович Туточкин, Р. Кристиан Филиппе, Фудзисиро Каори, Фэн Хайлун, Хуан Цзыцзинь, Цуй Цзинькэ, Георгий Иосифович Чернявский, Чэнь Вэй, Чэнь Луюнь, Чэнь Саньцзин, Чэнь Хунминь, Чэнь Юнфа, Валерий Николаевич Шепелев, Ричард Эшбрук, Юй Миньлин, Ян Тяньши.

Часть I
«ТВЕРДЫЙ КАК КАМЕНЬ»

蔣

Потомок Чжоу-гуна

За окном едва забрезжил рассвет, когда Ван Цайюй, 22-летняя беременная жена почтенного Цзян Суаня, хозяина соляной лавки в деревне Сикоу (на местном диалекте: Цзику) на востоке Китая, почувствовала родовые схватки. Начиналось утро пятнадцатого дня девятого месяца года Свиньи по лунному календарю, что соответствовало тринадцатому году правления императора Гуансюя маньчжурской династии Цин, владевшей Поднебесной с 1644 года. По григорианскому календарю это было 31 октября 1887 года.

Отец Суаня тут же велел всем членам семьи выйти во двор: в доме во время родов нельзя было находиться никому. Суаню же он, кроме того, приказал держать рот на замке: отец будущего ребенка не должен был произносить ни единого слова во время родов, так как его слова могли привлечь злых духов. После этого он крепко-накрепко затворил двери спальни на втором этаже соляной лавки, где на большой темно-красной кровати под резным балдахином лежала его невестка, и послал приказчика за повитухой, женой своего дальнего родственника, жившего неподалеку.

Запыхавшаяся повитуха, войдя к роженице, первым делом зажгла толстую свечу, а затем разложила вокруг кровати необходимые обереги: раскрытый зонт, зеркало, буддийские сутры и конфуцианские каноны. На столик перед кроватью она поставила статуэтку Бодхисаттвы Гуаньинь — покровительницы рожениц. По всей же спальне развесила бумажные фигурки укротителей разной нечисти.

В полдень, в час Лошади^[2], Ван разрешилась от бремени. Повитуха показала ей плачущего младенца. Это был мальчик, и счастливая Ван улыбнулась: рождение сына для китайцев всегда особое событие: ведь мужчина — продолжатель рода. У ее 45-летнего мужа уже имелись и сын, и дочь от первой, покойной, жены, но у нее это был первый ребенок. Вошедший в спальню дед с гордостью взял на руки внука и торжественно произнес:

— Пусть его первым, детским, именем будет Жуйюань («Благоприятное начало»).

Дед следовал традиции своего клана — многочисленных близких и дальних родственников, ведущих происхождение от общего предка. Его клан именовался Улинскими Цзянами, то есть Цзянами из деревни Сикоу, что у подножия горы Улин, в 180 километрах южнее Шанхая в уезде Фэнхуа

провинции Чжэцзян. Эти Цзяны считали, что во всех младенческих именах поколения Жуйюаня (оно было двадцать восьмым по счету в роду, начиная с переселения в Улин) должен присутствовать иероглиф «жуй» («благоприятный»). Дочь Суаня от первого брака, появившаяся на свет в 1874 году, уже носила имя Жуйчунь («Благоприятная весна»), а старший сын, родившийся через три года, — Жуй-шэн («Благоприятное рождение»).

Предком Улинских Цзянов считался Бо Лин, третий сын Чжоу-гуна, великого правителя Древнего Китая (XII или XI век до н. э.). Чжоу-гун был известен в Поднебесной как образцовый правитель. Сам великий Конфуций (551–479 годы до н. э.) считал его образцом добродетели. Сын Чжоу-гуна, Бо Лин, получил от отца в удел небольшое царство Цзян на юго-востоке нынешней северокитайской провинции Хэнань, но спустя почти 600 лет, в 617 году до н. э., оно было поглощено мощным южным государством Чу. Многие потомки Бо Лина переселились на запад, в провинцию Шаньси, другие — на восток, в Шаньдун. И те и другие взяли себе клановую фамилию Цзян в память об утраченной родине. В XIII веке, во время монгольского нашествия, одна из ветвей восточных Цзянов переселилась в долины уезда Фэнхуа провинции Чжэцзян, а в XVII веке, когда на Китай напали маньчжуры, кое-кто из них переехал вглубь уезда, к восточным отрогам горы Улин. Там они и осели в деревне Сикоу, что значит «Устье реки», на правом берегу узкой и мелководной речушки Шаньси.

Вместе с Удинскими Цзянами в этой деревне, на единственной улице Улин, протянувшейся с востока на запад на полтора километра, жили представители еще трех кланов: Чжанов, Жэней и Сунов. Но Цзяны составляли большинство, и именно их глава являлся настоятелем общего для всех четырех кланов храма, в котором с 1790 года проводились торжественные обряды перед алтарями предков.

Детское, или молочное, имя считалось неофициальным, временным, хотя иногда закреплялось за человеком, обычно за девочками, которым имена вообще давали только в зажиточных и просвещенных семьях, в других же — просто нумеровали: первая, вторая и т. д. сестра или первая, вторая и т. д. дочка. Семейство Цзян Суаня было зажиточным, а потому его дочери будут носить свои детские имена всю жизнь. Но мальчик должен был получить еще одно, мужское, имя в соответствии с требованиями генеалогической хроники клана. Такие хроники велись во всех китайских кланах, где писцы год за годом составляли записи рождений и смертей родичей, а также фиксировали другие события, связанные с деятельностью своих патронимий. В каждой хронике за очередным поколением мужчин

изначально закреплялся свой иероглиф, который следовало использовать в именах. Хроника рода Цзян из местности Улин велась с 1691 года, и в ней давно было определено, что на поколение мальчика Жуйюаня и его братьев приходится родовой иероглиф «чжоу» («круг», «полный», «совершенный»). Старший брат Жуйюаня уже имел клановое имя: Чжоукан («Совершенно здоровый»).

Дед и отец новорожденного пригласили местного даоса-гадателя, и он первоначально соединил клановый иероглиф с иероглифом «цзянь», являющимся синонимом иероглифа «кан» («здоровый»), но потом, приглядевшись к расположению звезд, посоветовал использовать в имени мальчика иероглиф «тай» («спокойный», «великий»). Вышло красиво: Чжоутай («Совершенно спокойный» или «Безгранично великий»).

В августе 1903 года в возрасте пятнадцати лет этот мальчик отправится в крупный портовый город Нинбо в 40 километрах от его деревни сдавать экзамены на первую ученую степень *сюця* (дословно — «расцветший талант»), без получения которой нельзя было и мечтать занять чиновную должность. Перед поездкой он возьмет себе новое имя, выражавшее его благородные помыслы: Чжицин («Стремящийся быть честным»). В 1912 же году, уже будучи известным революционером, он выберет себе еще одно — величальное — имя, которое должно будет использоваться в особо торжественных случаях — Цзеши («Твердый как камень»). Иероглифы «цзе» и «ши» он заимствует из классической древнекитайской книги «И цзин» («Книга перемен»), сборника гадательных гексаграмм и триграмм — разнообразных сочетаний прямых и прерывистых линий, символизирующих различное соединение сил света и тьмы (то есть *ян* и *инь*) и использовавшихся в эпоху Чжоу (1121 или 1066-221 годы до н. э.). В этой книге в афоризме ко второй линии шестнадцатой гексаграммы говорится: «*Лю эр, цзе юй ши, бу чжун жи, чжэнь цзи*» («Вторая, прерывистая, линия указывает на человека, **твердого как камень**. <Он проникает в суть вещей>, не дожидаясь, пока они изменятся; он все делает совершенно правильно, и его ждет удача»). Именем Цзян Цзеши он подпишет свою первую статью в журнале «Цзюньшэн» («Голос армии»), который начнет тогда издавать. На кантонском диалекте Цзян Цзеши звучит как Чан Кайши, и именно так Цзяна станут называть в самом начале 1918 года, когда он приедет на юг, где в то время начнет набирать силу китайское национально-освободительное движение.

Незадолго до южного периода, в 1917 году, он выберет себе и еще одно имя, которое ему самому будет нравиться больше других, — Чжунчжэн («Срединный и правильный»). Его он тоже возьмет из «И цзина», из

комментария ко второй линии шестнадцатой гексаграммы: ««*Бу чжун жи, чжэнь цзи*», и *чжун чжэн е*» («<То, что «Он проникает в суть вещей», не дожидаясь, пока они изменятся, <и то, что> он все делает совершенно правильно и его ждет удача», показывает **срединная и правильная** позиция <линий>»).

Но это будет позже, а пока семейство Суаня продолжало выполнять традиционные обряды. Родителям роженицы, жившим в соседнем уезде, за горой Сюэдоушань, в 25 километрах от Сикоу, послали петуха — возвестить о рождении внука. (Если бы родилась внучка — послали бы курицу.) Самого мальчика на несколько часов положили на собачью подстилку, чтобы был «здоров, как собака», а губы его смочили мясным бульоном, дабы был богатым и счастливым. Мальчик выглядел здоровым, да и то, что он был рожден в год Свиньи, сулило хорошее будущее: люди, рожденные в этот год, бывают, как правило, честны и искренни, тверды в своих убеждениях и не боятся трудностей. У матери, правда, совсем не было молока, но Суань нанял кормилицу.

Семья Суаня была одной из наиболее уважаемых в деревне. Она владела более 30 му рисовых полей (1 му равняется шести с половиной соткам), бамбуковой рощей и несколькими чайными кустами. И Суань, и его старший брат считались образованными, хотя и не смогли сдать экзамен на соискание ученой степени *сюэца*. Суань сдавал участок земли в аренду и содержал соляную лавку, в которой помимо соли торговал вином и известью. И соль, и вино находились в государственной монополии, но семейство Цзянов, используя *гуаньси* (связи) в верхах уезда, смогло приобрести лицензию. В лавке Цзянов всегда толпился народ: многие приходили даже не за покупками, а за советом в разрешении споров или просто послушать умных людей.

Лавка, на втором этаже которой жила семья, стояла во дворе, обсаженном бамбуком и жасмином. Кругом, насколько хватало глаз, высились горы и холмы, покрытые вечнозелеными деревьями и кустами. На берегу реки женщины полоскали белье, а по мелководью бродили мужчины с гарпунами для ловли рыбы. Веяло тишиной и покоем. Не случайно великий поэт Танской династии Ли Бо (701–762), посетивший эти места, сравнил тихо журчавшую Шаньси с «прекрасной и застенчивой девушкой», а его гениальный современник Ду Фу (712–770) написал: «В Шаньси особая таится красота; как ни стараюсь, не могу забыть». Неподалеку в горах находились женский буддийский монастырь Цзиньчжу (монастырь Золотого бамбука) и буддийский храм Сюэдоу (Пещера в снегу), в котором высилась статуя смеющегося Будды Майтрейи. (Говорят,

что в своей земной жизни Майтрейя был монахом из уезда Фэнхуа.)

Отец Чан Кайши, Цзян Суань (возможный перевод: Цзян «Почтительный и преданный Будде», клановое имя: Цзян Чжаоцун — Цзян «Начинающий мудрец»), родился в 1842 году и до женитьбы на Ван Цайюй (Ван «Сорванный нефритовый <цветок>») был женат дважды. Его первая жена, урожденная Сюй, умерла, оставив ему, как мы знаем, двоих детей. Вторая, урожденная Сунь, тоже скончалась, не прожив в браке и двух лет. Детей у нее не было. Несчастный Суань хотел остаться вдовцом, но по требованию отца женился вновь. И на этот раз ему повезло. Отец подыскал ему жену, которая оказалась крепка и духом, и телом. Геомант сравнил гороскопы молодых, и они удивительно подошли друг к другу. Кроме того, новая жена Суаня оказалась красавицей. Когда Суань перед первой брачной ночью откинул с ее лица красную вуаль^[3] и впервые взглянул на нее, то не смог сдержать восторга. Красота жены превзошла все его ожидания.

Несмотря на свой юный возраст (ей шел всего двадцать первый год — она родилась 17 декабря 1864 года), Ван уже была вдовой. После смерти первого мужа на какое-то время уединилась в монастырь Золотого бамбука, но вскоре ее вновь сосватали, так что монахини из нее не вышло. Она была работящей, не привыкла к роскоши и предпочитала шелковым халатам домотканое грубое платье. Это была волевая женщина, щедро одаренная умом и жизненной хваткой, да еще и отличная хозяйка, умевшая ткать полотно и готовить вкусные блюда из рыбы, свинины и птицы, хотя сама была вегетарианкой. Умела она и хорошо засаливать ростки бамбука — это лакомство на всю жизнь останется любимым кушаньем Чан Кайши. Любил Чан и знаменитый чжэцзянский суп из желтого крокера (небольшой рыбы, по виду напоминающей окуня) и варенные в курином бульоне клубни таро, по вкусу напоминающие картофель, и жаренную с соленой травой мэйганьцай (китайской горчицей) жирную свинину.

Через несколько месяцев после рождения Чана вся семья переехала со второго этажа соляной лавки в новый дом из семи комнат, выстроенный по соседству в традиционном китайском стиле «саньхэюань», с постройками по трем сторонам квадратного дворика. Домочадцы называли его «Суцзюй» («Простое жилище»). Здесь прошло детство Чана. И здесь же родились его младшие сестры и брат. 6 июня 1890 года — сестра Жуйлянь («Благоприятный лотос»), в 1892 году — сестра Жуйцзюй («Благоприятная хризантема») и 26 октября 1894 года — брат Жуйцин («Благоприятный ребенок»). К сожалению, Жуйцзюй умерла, когда ей было всего несколько месяцев.

Чан в детстве часто болел, а когда чувствовал себя хорошо, носился по

деревне с соседскими мальчишками, дрался, играл в войну, купался в Шаньси, лазил по окрестным холмам и жег костры. Он так озорничал, что в деревне его прозвали «Жуйюань-бандит». «Я мог в любой момент утонуть, и мое тело всегда было в ожогах и порезах», — вспоминал он. Отец сидел в лавке с утра до вечера и не имел времени заниматься сыном, зато дед и особенно мать изо всех сил заботились о нем. «Мой дед всегда ухаживал за мной, <когда я болел>. Он неотлучно находился около моей кровати... <А> моя бедная мать волновалась обо мне в два раза больше, чем другие матери о своих детях... Она любила меня так, как будто я <всегда> оставался грудным младенцем», — писал Чан.

Дед, однако, умер от воспаления легких, когда Чану было семь лет. Чан сильно горевал о нем, безутешно плакал и два месяца носил траур. Но вскоре начались новые испытания. Через несколько месяцев, летом 1895 года, скоропостижно скончался отец, которому шел всего пятьдесят четвертый год, а еще через год, в 1896 году, потребовал раздела имущества единокровный брат Чана, двадцатилетний Жуйшэн, оставшийся за старшего мужчину в семье. Мать Чана была потрясена: ведь она всегда относилась к нему как к сыну, несмотря на то, что Жуйшэн рос в семье бездетного дяди, старшего брата отца. Тем более что перед смертью Суань потребовал, чтобы Жуйшэн дал клятву заботиться о мачехе и единокровных братьях и сестре (Чану тогда было девять лет, его сестре — шесть, а Жуйцину — лишь два года). Жуйшэн со слезами на глазах поклялся, но не сдержал слова. Как видно, конфуцианское понятие сяо (сыновья почтительность) не являлось одной из его добродетелей. Он забрал большую часть имущества, в том числе лавку и половину дома, его восточное крыло. Другую половину (западное крыло), в соответствии с китайской традицией, формально разделили между двумя другими наследниками Суаня мужского пола — Чаном и малолетним Жуйцином; половину Чана называли «Дом Фэн», а половину Жуйцина — «Дом Гао» — по названиям двух ранних столиц династии Чжоу: Фэнцзин и Гаоцзин, располагавшихся в провинции Шэньси на двух противоположных берегах реки Фэншуй. Тогда же все западное крыло стали называть «Домом Фэнгао».

Этот дом до сих пор стоит в деревне Сикоу на берегу Шаньси: небольшой двухэтажный флигель из трех комнат под изогнутой бамбуковой крышей, с длинным открытым балконом во весь второй этаж. Во дворе растут сосны и коричные деревья. Здесь Чан провел свое сиротское отрочество, полное, по его словам, лишений и унижений.

У матери от мужа оставался участок в 20 му, и она сдавала его в

аренду. Кроме того, сама много работала, в основном ткала полотно. Кое-какой доход приносила и бамбуковая роща в горах, тоже отошедшая к ней после смерти Суаня. Но она была вдовой и совсем не имела *гуаньси* (связей). Некому было ее защитить, а потому и ее, и ее детей третировали и родственники, и знакомые. «После того как отец умер, а мой старший брат отказался заботиться о семье, нас все обманывали, и моя мать тихо страдала, переноса испытания», — с горечью писал Чан. «Часто нас заставляли платить налоги, которые мы не должны были платить, и выполнять общественные работы, которые мы не должны были выполнять, — продолжал он. — К нашему огорчению, никто из родственников нам не помогал... Нельзя описать то ужасное положение, в котором находилась наша семья в то время».

Как-то в районе случился неурожай, и двое арендаторов отказались платить арендную плату беззащитной мамаше Ван, а остальные потребовали ее снизить. Несчастной вдове пришлось сократить расходы.

Понятно, что сиротство и бедность не могли не сказаться на характере будущего революционера. Чан рос нервным и гордым ребенком и очень рано начал проявлять задатки лидера: ему хотелось доказать окружающим, что он лучше и выше всех. В детских играх он всегда стремился с помощью кулаков утвердить за собой роль командира, компенсируя тем самым свою социальную униженность. Любил он также выступать перед сверстниками с речами, энергично жестикулируя и актерствуя. Нередки были у него и перепады настроения: от безудержного веселья к истеричному рыданию, от честолубивых мечтаний к глубокой депрессии и самобичеванию.

И только благодаря твердому характеру мамыши Ван, поставившей цель вывести единственного сына в люди, Чан смог получить достойное образование. До конца жизни он будет вспоминать, что обязан матери всем, чего достиг в юности.

В 1898 году в семье произошло еще одно несчастье: в возрасте четырех лет скончался брат Чан Кайши — Жуйцин. Смерть младшего сына была особенно тяжелым ударом для матери: из детей она больше всех любила младшенького. «Он был самым красивым из нас, — вспоминал Чан Кайши. — ...Моя мать горячо оплакивала его смерть, тяжело страдая и морально, и физически». После смерти обожаемого ею Жуйцина она всю любовь сконцентрировала на Чане.

Чан пошел в школу рано: ему не было и шести. По его словам, это было решение матери. Уж очень она волновалась, что непоседливый мальчик доиграется: либо утонет, либо сломает себе шею. Ее опасения

имели основания. Трех лет от роду Чан, играя, засунул себе глубоко в горло палочку для еды: ему захотелось узнать, насколько далеко ее можно протолкнуть. Пришлось звать доктора, чтобы спасти ребенка. Через два года Чан, рассматривая корку льда в большой бочке с водой, не удержался на краю и провалился под лед. Ему стоило больших трудов выбраться. Неудивительно, что матери, хотя она и была глубоко верующей буддисткой, приходилось нередко брать в руки прут, чтобы, как позже признавал Чан, «дитя не испортилось».

Первым учебным заведением, которое стал посещать пятилетний Чан, была частная деревенская школа, где он научился читать и писать, а когда чуть подрос, стал под началом строгих учителей изучать конфуцианское «Четверокнижие» (сы шу): «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Учение о срединном и неизменном пути»), «Лунь юй» («Суждения и беседы») и «Мэнцзы», а позже — такие классические каноны, как «Ли цзи» («Книга установлений»)^[4], «Сяо цзин» («Книга сыновей почтительности»), «Чунь-цю» («Летопись позднего периода династии Чжоу «Весна и осень»), «Цзо чжуань» (Комментарий к «Чуньцю») и «Гу вэн цы» («Книга древней поэзии»).

Чтение этих книг не только воспитывало его в морально-этических нормах конфуцианства, но и учило грамотно и литературно излагать свои мысли. В возрасте десяти лет он написал свое первое эссе в классическом духе, посвященное покойному младшему брату.

И мать, и учителя словом и прутom прививали Чану любовь к учебе и труду. Помимо штудирования конфуцианских текстов, написанных на трудном для понимания древнем китайском языке *вэнъянь*, и чтения буддийских сутр, учивших добру, любви к людям и уважению к старшим, маленький Чан много помогал матери по хозяйству. «Когда я был ребенком, мои родители и учителя заставляли меня выполнять разнообразную работу, — говорил он много лет спустя, — я подметал и мыл пол, варил рис, готовил другую еду и даже мыл посуду. И если я по неосторожности ронял на пол несколько зерен риса или неряшливо одевался, меня строго наказывали».

В 1899 году, в возрасте двенадцати лет, Чан продолжил учебу в другой школе, которая располагалась в доме его бабушки по материнской линии. Впервые он расстался на несколько месяцев с матерью и глубоко переживал это. Рассказывают, что когда он приехал домой на летние каникулы, то, увидев любимую мать, разрыдался и никак не мог успокоиться. Когда же пришло время возвращаться в школу, он так громко плакал, что на шум сбежались соседи. Он продолжал рыдать, даже отъехав

от дома на десять километров. Нельзя сказать, чтобы ему было плохо у бабушки: та души в нем не чаяла, но любовь и жалость к матери, по сути дела отдавшей ему всю жизнь, переполняли Чана.

В этой школе он начал писать не только короткие прозаические эссе, но и стихи. Поэтому он не стал (за всю жизнь Чан сочинил около десяти коротких стихотворений), но этот первый опыт стихосложения так понравился его учителю, что он долго не мог успокоиться и все расхваливал Чана. Вот эти стихи, которые, честно говоря, не блещут изяществом^[5]:

Я вижу: на горе
Бамбук растет везде,
Несет он в летний день
Прохладу нам и тень.

Не смея отказать матери, в 1901 году, когда ему едва исполнилось 14 лет, Чан по ее требованию вступил в брак с девятнадцатилетней девушкой по имени Мао Фумэй (она родилась 9 ноября 1882 года) из соседней деревни. Отец невесты, как и отец Чана, занимался торговлей, только не солью и вином, а рисом и другими продуктами. То, что невеста была старше жениха на пять лет, устраивало мать Чана: ей нужна была умелая помощница по хозяйству^[6], а о том, нравится она сыну или нет, мамаша Ван и не думала. В то время свадьбы в Китае всегда устраивались родителями, и о женитьбе по любви даже не слыхивали.

В отличие от отца, когда Чан после брачных торжеств, оставшись с женой наедине, снял с ее лица красную вуаль, он совсем не пришел в восторг. «Я ни разу не видел ее лица до свадьбы, и после того, как нас поженили, наша жизнь не заладилась», — говорил он впоследствии. Имя новобрачной означало «Счастливый цветок сливы», но она оказалась в браке с Чаном глубоко несчастной. Нежных чувств к ней Чан так и не стал питать, несмотря на то что Фумэй была далеко не дурнушкой: пухлые губки, нежное овальное лицо, пышная грудь. Чан, однако, не стал с ней жить и вскоре после свадьбы опять занялся учебой. На этот раз в деревенской школе в родной деревне его жены. Фумэй же вместе со служанкой переехала к его матери.

Новым учителем Чана стал 29-летний *сюцай* Мао Сычэн, дальний родственник его супруги, которого Чан в середине 1920-х сделает своим секретарем. В 1936 году, когда Чан будет уже национальным лидером, Мао

Сычэн напишет лучшую книгу о первых тридцати девяти годах жизни генералиссимуса — его хронологическую биографию в двадцати томах. В ней он оставит следующие воспоминания о своем ученике, дающие представления о характере последнего: «Он считал класс сценой, а соучеников — марионетками: он был дикий и необузданный. Но когда отвечал у доски, читал или сжимал в руках кисточку для письма, думая над ответом, даже тысячи голосов вокруг не могли вывести его из сосредоточенной задумчивости. Моменты спокойствия и взрывов сменялись у него иногда в течение нескольких минут: можно было подумать, что перед нами два человека. Я был им очень заинтригован».

Как видно, характер Чан Кайши не сильно менялся, несмотря на изучение молодым человеком конфуцианства и буддизма: Чан по-прежнему оставался неуравновешенным. «Он был не в состоянии нормально и спокойно реагировать на ту ли иную эмоциональную ситуацию, — пишет один из биографов. — ...Но мог отвечать на вызовы и сосредоточиваться в период кризисов, ибо в этих условиях был способен мобилизовать все свои лучшие качества, получая максимальное удовлетворение. Он чувствовал себя «в норме» или на творческом подъеме <только> в ситуациях, когда требовались его руководство и власть и когда нужно было совершить что-то героическое».

С помощью Мао Сычэна он изучал «И цзин» («Книгу перемен») и писал философско-исторические эссе в классическом стиле. Чан готовился к экзаменам на степень *сюця*, которые должны были проводиться в Нинбо в августе 1903 года. Но, к его страшному разочарованию, экзамены провалил. На гордого и нервного подростка, которому только что исполнилось 15 лет, это произвело тяжелое впечатление, тем более что его старший брат, к которому у него, понятно, было неоднозначное отношение, сдал экзамены, получив искомую степень. Более всего Чана возмутило «жестокое и презрительное отношение к нему членов комиссии».

Чан замкнулся и стал еще более упорно заниматься. Но повторно экзамены ему сдавать не пришлось: в ходе проводившейся императорской реформы образования они были отменены.

Тогда он перешел в только что открывшуюся школу в уездном городе Фэнхуа, где преподавали не только классику, но и некоторые современные дисциплины, в том числе арифметику и английский язык. Мать была против: она хотела, чтобы он пошел по торговой части, но Чан настоял.

Впервые он уехал жить так далеко от дома — за 15 километров, причем в первый раз оказался в уездном городе, пусть и не очень большом. С ним поехала и его жена, хотя Чан этого не хотел, но таково было

требование матери.

После деревни город не мог не поразить его. Древний торговый центр, основанный четыре тысячи лет назад и ставший уездным еще при Танской династии в 738 году, Фэнхуа был окружен мощной крепостной стеной с железными воротами, которые запирались на ночь. На улицах было полно народу и иногда можно было даже встретить «заморских волосатых дьяволов» — так китайцы называли иностранцев. Это были миссионеры — первые белые люди, которых увидел Чан.

В этой школе Чан пробыл два года, но вновь проявил буйный нрав, повздорив с администрацией. Весной 1905 года он с женой переехал в город Нинбо, где зарегистрировался в новую, тоже недавно открытую школу «Золотая стрела», основанную неким Гу Цинлянем, хорошо образованным человеком, недавно вернувшимся из Японии выпускником Йокогамского педагогического института.

Несмотря на то, что любимой матери пришлось заплатить за него немалую регистрационную сумму, трудно винить Чана в том, что он транжирил ее деньги. Эта школа и особенно талантливый учитель Гу сыграли в его жизни важную роль. Именно от почтенного Гу Цинляня семнадцатилетний Чан впервые услышал о необходимости национальной революции в Китае, находившемся под гнетом завоевателей-маньчжуров. Гу рассказал ему о выдающемся вожде национально-освободительного движения докторе Сунь Ятсене, который жил тогда в Токио под именем Накаяма Кироки (на китайском языке это имя звучит как Чжуншань Цяо, что значит «Скромный человек в китайских горах»).

Чан с удивлением и восторгом слушал вдохновенные рассказы учителя об этом необычайном человеке, известном также под именем Сунь Вэнь (Сунь «Цивилизованный»). «Ятсен» («Отшельник») было его прозвищем, которое Сунь стал использовать по совету своего китайского учителя-христианина после того, как в 1883 или 1884 году, будучи учеником средней школы в Гонконге, крестился у американского конгрегационалиста^[7] доктора Чарлза Роберта Хэйгера.

Сунь являлся выходцем из южной провинции Гуандун, где говорили на кантонском диалекте, поэтому его прозвище и звучало «Ятсен» (в общекитайском произношении — Исянь). Он родился 12 ноября 1866 года в бедной семье в деревне Цуйхэн, недалеко от португальской колонии Макао. В 13 лет переехал с матерью на Гавайские острова (в то время Королевство Гавайи), где жил его старший брат-бизнесмен. Учился на Гавайях, в Кантоне и Гонконге. В 1892 году окончил гонконгский медицинский колледж, работал в Макао и Кантоне, но через два года вновь

покинул Китай, вернувшись на Гавайи, где в ноябре 1894 года в Гонолулу создал из китайских эмигрантов первое китайское революционное общество — «Синьчжунхуэй» («Союз возрождения Китая»).

Доктор Сунь Ятсен выступал за революционное переустройство общественно-политической системы Китая на республиканских принципах. Осенью 1895 года члены «Союза» организовали первое антиманьчжурское восстание в Кантоне, закончившееся поражением. После этого за голову Сунь Ятсена маньчжурские власти назначили большую награду. В октябре 1896 года, когда Сунь находился в Лондоне, его похитили сотрудники китайского посольства, которые собирались тайно переправить его в Китай. Но волна протеста, поднявшаяся в английской прессе, заставила горе-похитителей через 12 дней освободить его. Это неудавшееся похищение только увеличило популярность Суня среди западных либералов и националистически настроенной китайской общественности, особенно китайских эмигрантов.

Лондонская история произвела сильное впечатление и на Чан Кайши. Равно как и две книги, которые Чан прочитал по рекомендации учителя: труд его земляка, чжэцзянца Хуан Цзунси (1610–1695) «В ожидании рассвета», осуждающий автократию, и сборник цитат «Инструкции по практической жизни» знаменитого конфуцианского философа Ван Янмина (1472–1529), одного из немногих в Китае мыслителей, кто ставил во главу угла своих философских представлений личность.

Под воздействием прочитанного и услышанного от учителя Чан пришел к выводу, что «нам <молодым китайским интеллигентам> нужно, во-первых, двинуть вперед великую идею нации и определить основы революционной идеологии. Во-вторых, ясно сформулировать свои сознательные моральные принципы... <И>, в-третьих, проникнуться духом наших демократических идей».

От учителя Чан узнал и об огромной роли военного фактора в будущей китайской революции. Гу научил его основам китайской военной стратегии и тактики, разъяснив труды знаменитых военных стратегов Суньцзы (545–470 годы до н. э.) и Цзэн Гофаня (1811–1872). И именно он посоветовал Чану как можно скорее отправиться на учебу за границу. «В результате в тот год <1905-й> я принял решение поехать за рубеж», — записал Чан Кайши в дневнике.

Гу много рассказывал о своей жизни в Японии, которая в 1905 году показала всему миру, что даже азиатская страна, сбросившая ярмо абсолютизма и вставшая на путь модернизации, может нанести поражение сильной европейской державе — царской России, скованной тисками

абсолютной монархии. В то время, 5 сентября 1905 года, закончилась Русско-японская война, в которой японцы, сражаясь с русскими за концессии в Маньчжурии, победили.

Нинбо, один из крупнейших городов Чжэцзяна, имел, как и Фэнхуа, четырехтысячелетнюю историю. Он расцвел в период Танской династии (618–907) и с тех пор продолжал развиваться. В центре города высились конфуцианские, буддийские и даосские храмы под изогнутыми черепичными крышами. Рядом располагались дворцы китайской знати, а в тесных переулках и на лодках-джонках, которыми были забиты местные каналы, ютился бедный люд. В целом Нинбо напоминал «лабиринт узких и кривых улиц, на которых всегда толпился народ. Густо населенные районы соединялись мостами <перекинутыми через каналы и реки>. Воздух был пропитан запахом рыбы: Нинбо славился соленой и сушеной рыбой, которую отправляли во все районы Центрального и Восточного Китая».

В 1905 году Нинбо представлял собой типичный колониальный порт: на северном берегу реки Юйяоцзян, перерезающей его с запада на восток, находился небольшой, но уютный иностранный квартал с христианскими храмами, каменными двух-и трехэтажными домами, фешенебельными отелями и дорогими ресторанами. По широким улицам сновали рикши, а в шумном и дымном порту разгружались корабли из многих стран. Английские колонизаторы заставили цинское правительство открыть Нинбо для внешней торговли наряду с другими четырьмя портами (Кантоном, Сямэнем, Фучжоу и Шанхаем) сразу после того, как разгромили маньчжуров в ходе так называемой «опиумной войны» 1840–1842 годов. Цинская монархия подписала неравноправный договор, по которому, в частности, потеряла контроль над собственной таможней, то есть утратила экономическую независимость. Вскоре аналогичные договоры подписали с ней США и Франция, а затем и некоторые другие страны. За первой «опиумной войной» последовала вторая, на этот раз между Китаем с одной стороны, Англией и Францией — с другой (1856–1860), а потом и новая китайско-французская война — за Вьетнам (1884–1885). Обе эти войны маньчжуры тоже проиграли. В результате Китай превратился в полуколонию западных держав, к которым в 1895 году присоединилась Япония, разбившая маньчжуров в войне 1894–1895 годов. В сентябре же 1901 года восемь держав заставили Цинов принять «Заключительный протокол», последовавший за их совместной интервенцией в Северный Китай с целью подавления восстания так называемых «боксеров» (китайских крестьян-бедняков, мастеров боевых искусств, чьи приемы

напоминали кулачный бой). Последние восстали против «иностранных заморских дьяволов» и даже получили поддержку вдовствующей императрицы Цыси, правившей тогда Китаем. По этому протоколу Цины должны были в течение тридцати девяти лет выплатить огромную контрибуцию — с учетом четырех процентов годовых 670 миллионов золотых долларов США!

В целом в начале XX века Китайская империя заключила неравноправные договоры с восемнадцатью державами, в том числе даже с Перу, Бразилией и Мексикой. Иностранные торговцы имели право не платить внутренние торговые пошлины (*лицзинь*), которые китайские купцы, напротив, обязаны были выплачивать при пересечении границ провинций. Иностранцы обладали также правом создавать свои поселения (сеттльменты) в открытых для них портах. В 1860 году таких портов было пятнадцать, а в начале XX века — уже 107. На территории Китая иностранцы пользовались правом экстерриториальности, или иначе — консульской юрисдикции, то есть были неподсудны китайским судам.

Чан Кайши конечно же не мог не замечать засилья иностранцев, но мысли об антиимпериалистической революции пока не посещали его. Всю вину за полуколониальное положение Китая и за социальное унижение народа он возлагал на правящую маньчжурскую династию Цин, покорившую Китай во второй половине XVII века, а также на продажных китайских чиновников и олигархов — предателей народа. Наиболее крупные из олигархов располагали собственными вооруженными силами и, используя политическую и военную власть, ограничивали инициативу отдельных предпринимателей-частников, а также нещадно грабили население. «Я решил поехать за границу, — записал Чан в дневнике, — ... <потому что> страдал из-за упадка дел в моей стране и деградации маньчжуров. Кроме того, я переживал сиротство и горькое положение моей семьи, которую обманывали и унижали. Мне очень хотелось восстать и показать всем свою силу».

Здесь, в Нинбо, жена Чан Кайши забеременела, но сохранить ребенка не смогла. По Сикоу долго ходили слухи, что у нее то ли случился выкидыш, то ли она родила мертвого младенца после того, как «Жуйюань-бандит» зверски избил ее за то, что она посмела ему в чем-то перечить. Мамаша Ван, убитая горем, долго не могла опомниться, и кто-то из соседей слышал, как она кричала на сына: «Из трех видов <сыновей> непочтительности неимение потомства самая большая»^[8].

В начале 1906 года Чан вместе с женой вернулся из Нинбо в Фэнхуа, где стал вновь изучать английский язык. Его учителем оказался некто Дун

Сяньгуан, его ровесник, за семь лет до того окончивший англо-китайский колледж в Шанхае. Он называл себя по-английски: Холлингтон Дун. Через много лет, в октябре 1937 года, с согласия Чан Кайши он, во многом используя материалы Мао Сычэна, издаст англоязычную двухтомную биографию Чана. Вот что он там, в частности, вспомнит о своем ученике: «Он был серьезным студентом... Рано просыпался, ополаскивал лицо и в течение получаса стоял на веранде возле своей комнаты. Это была его привычка. Губы плотно сжаты, во взгляде сквозит решимость, руки скрещены на груди... Сейчас мы знаем из его дневника, что в эти несколько месяцев он обдумывал планы поездки в Японию изучать военную науку для того, чтобы лучше подготовиться к той жизни, которую готов был полностью посвятить своему народу».

Видимо, Чан закалял волю, вырабатывая мужской характер и способность подчинять себя жесткой дисциплине. В то же время он начал серьезно заниматься спортом. И вскоре на первых студенческих атлетических соревнованиях в Нинбо занял третье место в беге.

Свободное от занятий и спорта время он проводил в библиотеке, жадно глотая поступавшие из Шанхая газеты: ему хотелось быть в курсе всех событий, происходивших в мире.

В апреле 1906 года восемнадцатилетний Чан Кайши бросил школу, вернулся домой и решительно объявил матери, что намерен ехать в Японию поступать в военную академию. Рассказы учителя Гу и многочисленные унижения, которые ему довелось претерпеть в жизни, помноженные на гордость и амбициозность, — все вылилось в осознанное желание: вступить в ряды революционеров, вынашивавших в далекой Японии дерзкие планы социального и политического переворота. Более того, он решил стать военным, чтобы как можно активнее участвовать в вооруженной революционной борьбе. «Я считал, что если не поеду за границу, где собирался учиться и примкнуть к революции, то у меня не будет выхода», — вспоминал Чан. О революционной теории Сунь Ятсена он еще мало что знал. «Я только понимал, что ненавижу *тпухао* <«мироедов»> и *лешэнь* <«злых шэньпи»>, то есть алчных сельских грамотеев-чиновников» и что мои враги — злые псы, жадные и продажные бюрократы, которые подавляют сирот и вдов. Я не мог <открыто> говорить об этом в Китае, поэтому хотел уехать. Я считал, что только выехав за границу на учебу, смогу укрепить свои силы. И хотя мои родные решительно воспротивились этому, я решил проявить упорство».

Требовались деньги, и мать, зная, что сына не переубедить, собрала их. «И впоследствии моя покойная мать должна была работать больше, чем

обычно, для того, чтобы, экономя на всем, иметь возможность посылать мне средства на учебу», — вспоминал Чан с благодарностью.

Он простился с матерью, нелюбимой женой, родственниками и знакомыми, часто унижавшими его, и отбыл в Нинбо, а затем в Шанхай, за 180 километров от родной деревни, откуда на пассажирском судне отправился в Страну восходящего солнца. Из Нинбо он послал матери свою косу, которую отрезал, дав понять, что вступает на революционный путь. Длинные косы в знак покорности маньчжурам носили все китайские подданные Цинской империи мужского пола. Когда жители деревни узнали об этом, они ужаснулись. Но мать сохранила самообладание: она верила в обожаемого сына и ничего не боялась.

В тени восходящего солнца

В Японии, однако, Чана ждало разочарование. Оказалось, что ни в военную, ни в какую иную школу — ни государственную, ни частную — его принять не могут, так как 2 марта 1905 года японское правительство по соглашению с Цинами издало указ, запрещающий китайцам без рекомендательных писем от маньчжурских властей учиться в Стране восходящего солнца. Маньчжуры да и японцы хотели обезопасить себя от возможного проникновения в японские школы китайских революционеров.

Бесславно возвращаться домой было нельзя: это грозило «потерей лица». И Чан поступил в находившуюся в токийском районе Ушигеме школу Цинхуа — единственное открытое для китайцев «с улицы» учебное заведение. Эту школу в июле 1899 года основал на деньги китайских эмигрантов знаменитый реформатор и просветитель Лян Цичао. Финансовую помощь ей оказывало и цинское посольство, потому школа и называлась Цинхуа сюэсяо, что значит Школа Цинского Китая. По сути это были подготовительные курсы, где в основном преподавали японский язык. Можно было брать классы и английского языка, и химии, и физики, и математики. Но Чан записался только на занятия по японскому языку.

В Японии тогда находилось много китайских студентов. Победа японцев в войне с Россией привела к тому, что число китайцев, желавших перенять японский опыт модернизации, стало расти не по дням, а по часам: если в 1901 году в Стране восходящего солнца обучалось только 280 китайских студентов, то в 1905-м — уже восемь тысяч, а в 1906-м — более тринадцати тысяч. И, несмотря на жесткий отбор цинским правительством, многие студенты симпатизировали революции. Именно они и сыграют центральную роль в свержении династии.

Чан Кайши вскоре встретился с некоторыми из них, и эти встречи произвели на него сильнейшее впечатление: горячему провинциалу, стремившемуся к подвигам, импонировал их боевой патриотизм.

Наиболее тесные отношения у него сложились с земляком, чжэцзянцем Чэнь Цимэем, известным также под именем Инши («Солдат-герой»). Чэнь тоже был сиротой, хлебнул в жизни немало горя и приехал в Токио чуть позже Чана. Но у него с рекомендательными письмами все было в порядке, и он поступил в Токийскую полицейскую академию. Это был статный молодой человек двадцати девяти лет, деловой и решительный. Будучи старше Чана почти на десять лет, он смог сразу внушить ему

огромное уважение, и Чан Кайши вскоре стал называть его «старшим братом». Все свободное время они проводили вместе. И однажды, в минуту особого душевного подъема, они сделали ножевые надрезы на правых руках и смешали сочившуюся из ран кровь, став таким образом «кровными братьями». (Такое «родство» считалось в Китае вполне естественным, так что Чан одновременно с «братом» приобрел и вторую семью. Впоследствии племянники Чэнь Цимэя, Тофу и Лифу, станут ближайшими помощниками «дяди Кайши».)

После этого «Солдат-герой» открыл Чану, что недавно вступил в ряды революционной партии Сунь Ятсена, которую тот организовал здесь, в Токио, год назад, 20 августа 1905 года. Чэнь рассказал, что Сунь назвал эту партию «Чжунго гэмин тунмэнхуэй» («Китайский революционный объединенный союз») и что на учредительном съезде этой организации Суня избрали ее президентом. Он также поведал о том, что вскоре после создания «Объединенного союза», 26 ноября 1905 года, Сунь Ятсен в предисловии к первому номеру печатного партийного органа, журнала «Миньбао» («Народ»), выдвинул радикальную политическую программу — так называемые «три народных принципа»: «национализм», «народовластие» и «народное благосостояние».

Чэнь объяснил, что первый из принципов (национализм) подразумевал «национальное освобождение всего Китая» и «равноправие всех национальностей на территории Китая»; второй (народовластие) — предоставление народу не только избирательных прав, но и права законодательной инициативы, референдума и смещения должностных лиц; а третий (народное благосостояние) — подразумевал «ограничение капитала», то есть передачу в собственность государства или под государственный контроль всех крупных и жизненно важных средств производства (земли и ее недр, а также ведущих отраслей промышленности) и «уравнение прав на землю» путем введения земельного налога в соответствии с ценой земли. Сунь Ятсен называл свою программу «социалистической» и иногда даже «коммунистической», имея в виду, что будущее китайское государство будет не просто национальным, но и «социальным», то есть таким, в котором будет широко развита система социальной защиты населения.

При этом, правда, ни о каком уничтожении частной собственности Сунь Ятсен не помышлял, призывая к созданию в перспективе в Китае демократического государства, основанного на сотрудничестве всех классов. Суньятсеновский этатизм (от фр. *etat*, государство) — то есть политический курс, обеспечивающий государственный приоритет в

экономике, — был направлен против олигархического капитализма, создававшего условия для исключительного обогащения властей предержащих. Истинная цель китайского революционера заключалась в использовании государственных рычагов для того, чтобы способствовать развитию в Китае среднего класса. Государство у Сунь Ятсена выступало как контролирующая и направляющая сила. Именно поэтому важную роль в государственной экономической политике должен был играть прогрессивный налог с цены на землю. Введение такого налога, с точки зрения Сунь Ятсена, могло положить конец монополистической политике олигархических бюрократических структур, способствуя построению идеального «справедливого общества» равных возможностей и «взаимной любви».

Это общество Сунь в традициях древней китайской философии, понятных всем образованным китайцам, называл *датун* («великое единение»). О *датун* говорилось в классическом трактате «Ли цзи» («Книга установлений»): «Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, <для управления> избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии... Не полагалось <работать> только для себя... Это называлось великим единением <*датун*>». Цитируя «Ли цзи», Сунь Ятсен провозглашал: «Поднебесная для всех!»

Таким образом, вождь ставил перед революционерами триединую цель: свержение маньчжурской династии Цин, установление республики (он считал, что эта республика «подлинной демократии», в отличие от демократии Запада, будет основана на разделении властей не на три, а на пять независимых ветвей: законодательную, исполнительную, судебную, экзаменационную и контрольную) и образование народного государства равных возможностей со смешанной экономикой, находящейся под контролем государственных структур.

Сунь, часто разъезжавший по свету в поисках средств для партии, в конце 1906 года как раз находился в Токио, и Чэнь Цимэй предложил Чану встретиться с ним. Чан, конечно, с восторгом согласился. И в один из ноябрьских или декабрьских дней 1906 года по предварительной договоренности «кровные братья» вместе с еще одним приятелем, хубэйцем Чжан Цзи (бывшим на пять лет старше Чана и уже выполнявшим важную революционную работу — он редактировал журнал «Народ»), пришли на квартиру японского революционера и философа Миядзаки Торадо, близкого друга Сунь Ятсена. Именно там и состоялась первая встреча Сунь Ятсена и Чан Кайши.

Документальных отчетов об этой встрече нет, но, по некоторым

данным, молодой уроженец Чжэцзяна произвел на Суня хорошее впечатление, хотя не смог толком ответить ни на один вопрос, заданный собеседником. Он в основном отмалчивался, чувствуя себя подавленным «величием» вождя. И именно этим-то и понравился Сунь Ятсену, не терпевшему слишком самостоятельных людей. По складу характера Сунь был диктатором, и ему нужны были люди, целиком признававшие его политическое руководство и даже готовые пойти на все ради достижения поставленных им задач. Сунь сразу почувствовал, что Чан именно такой человек: энергичный, решительный, преданный и исполнительный. Узнав, что Чан хочет стать военным, он горячо поддержал его: «Изучайте военные науки хорошо, в будущем вы сможете пригодиться революции». А после встречи заметил Чэнь Цимэю: «Этот человек станет героем нашей революции; нам в нашем революционном движении нужен такой человек».

Чан Кайши к тому времени только что исполнилось девятнадцать, а Суню — сорок: вождь революции был всего на два года младше матери Чана, но, в отличие от нее, выглядел моложе своих лет. На нем были европейского покроя костюм, белая сорочка, галстук и лакированные туфли. Короткие волосы блестели от бриолина, а маленькие усики красиво топорщились. Лоб его был высок, а карие глаза, «очень живые, с огоньком», смотрели внимательно. Он был явно уверен в себе и в то же время задумчив, чем-то напоминая протестантского пастора. Ростом он был ниже Чана более чем на десять сантиметров (рост Чана — 169,4 сантиметра, а Суня — 158), но телосложением — полнее. В нем чувствовалась харизма, он явно умел влиять на людей, и Чан ушел от него в большом волнении.

Чан жил в китайском районе Токио, недалеко от Чэнь Цимэя. В Японии Чану нравилось: город и даже китайский квартал были опрятны и красивы, улицы чисты. По городу ходили трамваи, было много авто и бесчисленное количество рикш, а по ночам во многих районах горели электрические фонари. Особенно красив был Токио весной, во время цветения японской вишни сакуры: тогда казалось, что городские улицы покрыты «толстым слоем снега. А когда лепестки опадали на землю, можно было подумать, что идет театрализованный снегопад». Конечно, Чан помнил, что Страна восходящего солнца не менее алчно, чем страны Европы и США, грабила его родину; в Токио японцы нередко демонстрировали китайцам свое презрение. Но вместе с тем в японцах чувствовались какая-то врожденная дисциплина и организованность, и это импонировало Чану, по-прежнему упорно работавшему над своим

характером.

По утрам он посещал занятия в школе, а вечерами ужинал с друзьями в дешевых китайских ресторанчиках, с жаром обсуждая планы свержения маньчжуров. У него была только одна слабость: по ночам он любил проводить время в районе «красных фонарей», где гейши усыпляли на несколько часов его революционный пыл.

Между тем в конце 1906 года он получил письмо от матери, которая звала его вернуться. Она сообщала, что в 12-й день 12-го месяца по лунному календарю, то есть 25 января 1907 года, выдает свою дочь Жуйлянь замуж. «В этот день, — писала она, — удачно сходятся звезды», так что свадьбу нельзя откладывать. Как старший брат Чан обязан был присутствовать на церемонии.

Пришлось бросить школу. «Кровный брат» проводил Чана на вокзал, и тот отправился в Нагасаки, откуда отплыл домой.

В день свадьбы густо накумаренная шестнадцатилетняя сестра в длинном красном платье-*ципао* с разрезами до бедер выглядела красиво. Лицо ее скрывала красная вуаль. Похоже, она была счастлива, тем более что знала жениха с детства: раньше он служил приказчиком в соляной лавке папаши Суаня. Жених, правда, был не шибко грамотным, но ей и не нужен был образованный муж. В согласии они проживут 31 год, вплоть до ее смерти. И родят сына и дочь. Племянник Чана станет военным летчиком и в конце 1940-х погибнет в бою с коммунистами, а племянница переедет в Шанхай, где останется жить и при Мао Цзэдуне, несмотря на то что ее отец последует за Чан Кайши на Тайвань.

Через две с половиной недели после свадьбы Чан отпраздновал в кругу семьи самый важный в Китае праздник — Новый год по лунному календарю (праздник весны), который пришелся на 13 февраля. А через несколько дней, простившись с матерью, сестрой и женой, уехал в главный город провинции Чжэцзян — Ханчжоу. Там он собирался сдать экзамены в подготовительную группу для желающих учиться в зарубежных военных школах, открытую на ускоренных шестимесячных курсах одного из лучших учебных заведений Китая, Баодинской академии Военного министерства. При конкурсе более семидесяти абитуриентов на место Чан смог успешно сдать экзамены, и его зачислили. Как же он был горд! Его мечта наконец воплощалась в жизнь.

Летом 1907 года он приехал в город Баодин и начал учиться на курсах. Но учеба не всегда доставляла ему удовольствие. Некоторые классы вели японские инструкторы, которые не упускали случая показать свое превосходство над китайскими курсантами, причем не только

профессиональное, но и «национальное». И однажды вспыльчивый Чан схлестнулся с заносчивым японским офицером, сравнившим китайцев с микробами. Положив на стол небольшой кусок земли, этот японец, читавший курс гигиены, с презрением заметил: «В этом куске 400 миллионов микробов, столько же, сколько людей в Китае». Разъяренный Чан подскочил к японцу и, отломив от куска малую часть, парировал: «А в Японии проживает 50 миллионов человек. Похожи ли они на 50 миллионов микробов, которые находятся в этом куске?» Офицер, «потерявший лицо» перед всем классом, пожаловался руководству, но, к счастью Чана, начальник академии был патриотом, поэтому никаких дисциплинарных мер по отношению к нему не принял.

После окончания курсов Чан вновь собрался в Японию. На этот раз у него как выпускника Баодинской академии имелось рекомендательное письмо от Военного министерства. В марте 1908 года он уже был в Токио, где поступил в подготовительную военную школу «Симбу гакко» («Школу повышения боевого искусства»), основанную китайским правительством для своих курсантов. Находилась она в китайском районе.

В этом учебном заведении давались знания не только в области военных наук. Курсанты изучали японский язык, историю, географию, математику, физику, химию, биологию и черчение. Особенно интенсивными были программы по японскому языку и математике.

Однокурсником и близким другом Чана стал Чжан Цюнь, тоже выпускник Баодинской академии, с которым Чан познакомился на пароходе по пути в Японию. В 1930-е годы он будет министром иностранных дел в правительстве Чана.

Вскоре после возвращения в Японию и воссоединения с «кровным братом» Чан, по его словам, почувствовал, что «если не присоединится к революционной партии «Объединенный союз», то так и не сможет достичь своей цели». А потому в 1908 году по рекомендации Чэнь Цимэя вступил в организацию Сунь Ятсена. Два других его приятеля-революционера тоже поручились за него, и во время тайной церемонии он принял торжественную присягу, поклявшись в верности «трем народным принципам». Подняв правую руку, он произнес: «Изгоним варваров, возродим Китай, создадим республику, уравняем права на землю! И пусть меня сурово покарают, если я оступлюсь, не дойдя до конца!»

В то время Сунь и его соратники организовывали в Китае одно вооруженное восстание за другим, но Чана до поры до времени берегли. «На меня как на будущего военного возлагались большие надежды, а потому товарищи не разрешали мне <пока> принимать участие в боевых

операциях», — вспоминал он.

В свободное время Чан запоем читал революционную литературу, которую обсуждал с Чжан Цюнем и другими новыми друзьями, в том числе с удивительно образованным студентом Юридическо-политического университета Дай Цзитао, чьи предки тоже были родом из провинции Чжэцзян, хотя сам он родился в Сычуани. Дай был на четыре года младше Чана.

Огромное впечатление на него произвела боевая анти-маньчжурская брошюра «Революционная армия», написанная в 1903 году сычуаньцем Цзоу Жуном. Она призывала к насильственной национальной революции в Китае, установлению парламентского строя и введению конституции. За эту брошюру юный Цзоу Жун был приговорен к каторжным работам, подорвавшим его здоровье (он умер в возрасте двадцати лет). По словам Чан Кайши, прочитав книгу, он долго не мог успокоиться и даже мысленно разговаривал по ночам с Цзоу Жуном о том, как свергнуть династию Цин.

На волне революционных устремлений Чан сложил в то время стихи, которые послал одному из своих родственников (стихотворение называлось «Формулировка цели»):

Планету окутал убийственный газ,
Мы слабы пока, но дел много у нас!
Я должен святую страну возродить,
Зачем же бароном мне в Токио жить?

Проведя в школе год, летом 1909-го Чан съездил на каникулы домой. Но теперь ему уже не сиделось с матерью, хотя он по-прежнему горячо любил ее. Жена же вызывала у него только раздражение. Так что, едва заскочив в Сикоу, Чан отправился в Шанхай, чтобы помогать «брату» Чэнь Цимэю, по заданию Сунь Ятсена переехавшему туда из Токио в конце 1908 года для подготовки очередного восстания. Вместе они начали разрабатывать планы захвата власти как в Шанхае, так и в их родной провинции Чжэцзян, но из этих планов ничего не вышло. И в августе Чан собрался вернуться в Японию, но тут к нему неожиданно явилась мать вместе с нелюбимой женой. Мать потребовала, чтобы сын выполнил супружеский долг, поскольку геомант напроорочил ей, что, если Фумэй понесет в это лето, она родит большого чиновника и тот принесет славу семье и всей стране. Чан отказался, но мать пригрозила ему, что утопится в мутной реке Хуанпу, на берегах которой стоит Шанхай. Что оставалось

бедному сыну? Но как только он узнал, что Фумэй забеременела, тут же отправил ее домой в Сикоу, а сам поспешил на пароход в Японию.

Через девять месяцев, 27 апреля 1910 года, в 18-й день третьего месяца года Собаки по лунному календарю, Фумэй родила мальчика, которому бабушка Ван с помощью даоса-гадателя выбрала два имени: детское — «Цзяньфэн» («Тот, кто выстроит столицу Фэн»^[9]) и Цзинго («Тот, кто будет успешно управлять государством»). Последнее имя считалось основным и было выбрано во многом из-за того, что в соответствии с генеалогической хроникой клана на поколение сына Чан Кайши, 29-е по счету, приходился иероглиф «го» («государство»). По просьбе матери Чан Кайши дал согласие зарегистрировать ребенка как сына своего младшего покойного брата Жуйцина, которого так сильно любила мать.

Предсказание геоманта, кстати, полностью оправдалось. Через много лет, после смерти Чана, Цзян Цзинго станет президентом Китайской Республики на Тайване и осуществит глубокие экономические и политические реформы на благо жителей острова, заставив весь мир говорить о «тайваньском чуде».

Между тем Чан, окончив вместе с другом Чжан Цюнем в ноябре 1910 года подготовительную школу «Симбу гакко», получил назначение в 19-ю роту полевой артиллерии 13-й японской дивизии, расквартированной на западе острова Хонсю, в городке Такаде, где должен был проходить практику в качестве унтер-офицера-стажера — необходимое условие для последующего приема в японскую военную академию. Чан, правда, не очень успешно сдал выпускные экзамены: он оказался только пятьдесят пятым по успеваемости из 62 выпускников, получив 68 баллов из 100 возможных, в то время как Чжан Цюнь — третьим (95 баллов)^[10]. Но до практики его допустили, а это было самое главное.

Практические занятия были изматывающими, еда — отвратительной (холодный рис, чуть приправленный овощами), но главное — южанин Чан зимой очень страдал от мороза: марш-броски на открытом воздухе по глубокому снегу при минусовой температуре он выдерживал с трудом. Будучи довольно субтильного телосложения (при росте в 169,4 сантиметра он весил 59,2 килограмма), Чан к вечеру оставался совершенно без сил. Но не смел проявлять слабость, подчиняя себя железной дисциплине. «На поле боя будет гораздо труднее, чем сейчас, — говорил он товарищам, — надо привыкнуть, все можно вынести». Весной и ранней осенью ему было легче, а летом стажеров отправляли по домам. Особого рвения на занятиях он не выказывал («в нем не было ничего, что могло привлечь внимание», —

вспоминал один из его командиров), но все, что требовалось, выполнял.

В один из октябрьских дней 1911 года, когда Така-ду уже завалило снегом, Чан получил вдруг телеграмму из Шанхая от своего «кровного брата». Тот сообщал потрясающие новости: 10 октября в городе Учане (провинция Хубэй, Центральный Китай) произошло новое антицинское восстание, увенчавшееся наконец успехом. Большинство восставших являлись членами революционной организации «Союз всеобщего прогресса» («Гунцзиньхуэй»), имевшей тесные связи с «Объединенным союзом». На следующий день власть маньчжуров была свергнута в соседних с Учаном городах Ханькоу и Ханьян. Таким образом, трехградье Ханькоу, Ханьян, Учан, известное под общим названием Ухань, оказалось в эпицентре революционных событий. Стихийное выступление вызвало взрыв антиманьчжурских настроений во многих городах страны, и Чэнь просил Чана срочно вернуться на родину для участия в разворачивавшейся революции.

Чан был поражен. Ведь только что, в сентябре, он вернулся в Японию после летнего отпуска, который провел в Шанхае у Чэня, и тут вдруг такое! Вместе с Чжан Цюнем и еще одним китайским стажером он немедленно подал прошение об отставке на имя их непосредственного командира. Тот не возражал, но дал им всего 48 часов для того, чтобы покинуть Японию. Прощаясь с ними, он сказал: «Воин в Японии перед походом пьет воду. Это означает, что он преисполнен решимости не вернуться назад живым». Все трое китайских стажеров наполнили бокалы водой и в торжественной тишине осушили их.

Через два дня Чан, Чжан Цюнь и еще 118 китайских студентов и курсантов из разных учебных заведений Японии, решивших посвятить себя делу национального освобождения родины, были уже на пароходе, отправлявшемся из Нагасаки в Шанхай. Перед отплытием Чан, Чжан и их товарищ из 19-й роты, сложив свою военную форму и мечи в посылку, отправили ее по почте своему командиру. Это означало, что они не дезертировали из армии, а честно ушли в отставку.

Поднебесная для всех

Они приплыли в Шанхай 30 октября 1911 года, и Чан сразу же встретился с Чэнь Цимэем. Чэнь, координировавший всю работу в Шанхае и окрестностях, поручил ему сформировать из рыбаков — уроженцев родного уезда Чана, Фэнхуа, находившихся в то время в порту Шанхая, — отряд «презирающих смерть» для участия в штурме столицы Чжэцзяна, города Ханчжоу. Каждому рыбаку за участие в акции предложили 16 китайских долларов (в то время большие деньги — рикша в месяц мог заработать не более пятнадцати), из которых рыбаки тут же отправили своим семьям по десять. Чан набрал 120 человек и 3 ноября отправился с ними делать революцию в Ханчжоу. Перед отъездом он послал прощальное письмо матери и старшему единокровному брату, сообщив, что «решил отдать жизнь за революцию» и, если погибнет, «просит простить его».

В ночь на 4 ноября отряд Чана вместе с другими патриотами атаковал *ямэнь* (офис) маньчжурского губернатора Чжэцзяна. Защищавший его гарнизон сдался почти без боя: все «сражение» длилось 40 минут. Наступавшие произвели лишь несколько выстрелов и вскоре праздновали победу. На следующий день весь город Ханчжоу был в их руках, вслед за чем власть Цинов рухнула во всей провинции Чжэцзян, которая провозгласила независимость от Пекина.

4 ноября Чэнь Цимэй захватил Шанхай, после чего провозгласил себя дуду (губернатором), тоже объявив о независимости города от императорского правительства. Он опирался на купеческое ополчение, а также на три тысячи головорезов, предоставленных в его распоряжение городской мафией. С шанхайскими бандитами (Красным и особенно Зеленым тайными кланами, контролировавшими городскую опиумную торговлю) и он, и Сунь, и другие члены «Объединенного союза» давно поддерживали деловые отношения, так как городские мафиози всегда ненавидели чужеземцев-маньчжуров.

Через несколько дней Чан вернулся в Шанхай, где так же, как и в Ханчжоу, народ праздновал крушение чужеземной династии. Улицы китайских кварталов были запружены радостными людьми. Полицейские рыскали по городу с большими ножницами и, встретив прохожего с косой, тут же насильно остригали этот символ китайской покорности маньчжурам. На рукавах у них красовались повязки с надписью «Восстановление суверенитета».

Правда, власти Французской концессии и Международного селтльмента, существовавших в Шанхае соответственно с 1849 и 1863 годов и охватывавших более чем треть города, хранили молчание. Они выжидали, что, собственно, не мешало китайцам — жителям селтльментов, которых насчитывалось в десятки раз больше, чем иностранцев, выражать бурную радость по поводу революции.

Дуду Чэнь назначил Чана командиром 5-го (позже переименованного в 93-й) полка Цзянсуской армии, во главе которой стоял сам. Этот полк, правда, еще предстояло создать — из тех же членов мафиозных организаций, а также городских пауперов и люмпенов.

С помощью «кровного брата» Чан быстро вошел в городскую бандитскую среду. И вскоре, как и Чэнь, сделался в ней своим. Смелый, волевой, решительный, он легко завел знакомства с высокопоставленными мафиози и стал пользоваться среди них уважением. В то же время Чан познакомился и побратался с еще одним земляком из Чжэцзяна, торговцем антиквариатом Чжан Цзинцзяном (хотя он был старше Чана на десять лет), тоже своим в преступном мире. Чжан, тщедушный инвалид, прикованный к креслу артритом и скрывавший больные глаза за стеклами темных очков, обладал удивительно сильным, властным характером. Он стал оказывать на Чана большое влияние. Полицейские Французского селтльмента Шанхая, следившие за подозрительными личностями, называли Чжана между собой «Квазимодо», но он был настолько самоуверен, что именовал себя «Жэньцзе» («Выдающийся человек»). Правда, у него хватало юмора иногда подшучивать над своими физическими недостатками. «Я цикада, лежащая на спине», — улыбался он. Чжан был не только предпринимателем, но и прекрасным художником, каллиграфом и вообще широко образованным человеком. С 1906 года его связывали тесные отношения с Сунь Ятсеном, он часто оказывал финансовую помощь вождю «Объединенного союза», хотя склонялся более к анархизму, нежели к «трем народным принципам».

Чжан был очень богат, и его особняк на центральной авеню Международного селтльмента Нанкин-роуд, недалеко от набережной Банд, где он жил с четырьмя дочерьми (его жена эмигрировала в США), считался одним из лучших в Шанхае. Для Чана этот дом был открыт всегда, но будущий генералиссимус предпочитал, как и в Токио, проводить ночи в борделях. Военная служба не отнимала много времени: всего два-три часа в день, домашние дела выполняли слуга и повар, а «цикада» Чжан по дружбе ссужал его немалыми деньгами, так что Чан мог позволить себе любые развлечения.

В те дни в одном из борделей он встретил поразительной красоты

женщину по имени Яо Ицинъ (Яо «Приятный цинь»^[11]). Была она его ровесницей и так хороша, что Чан искренне влюбился. Он взял ее на содержание, дав ей новое имя — «Ечэн» («Искренняя девушка с берегов реки Ечанцзин»^[12]) и поселив в своей небольшой квартирке на территории Французской концессии.

Между тем события в Китае развивались стремительно. 25 декабря, в дождливый и ветреный рождественский день, в Шанхай из-за границы вернулся Сунь Ятсен, узнавший о событиях на родине из зарубежных газет. Через четыре дня 43 делегата от семнадцати из восемнадцати провинций империи, собравшиеся в городе Нанкине, в здании местного совещательного комитета по подготовке конституции, абсолютным большинством голосов избрали Сунь Ятсена временным президентом (за него проголосовали делегаты шестнадцати провинций). 1 января 1912 года он вступил в должность и объявил об образовании Китайской Республики.

Страна оказалась расколотой. В Пекине власть по-прежнему находилась в руках императора, опиравшегося на помощь реакционного генерала Юань Шикая, командующего крупнейшей в Китае Бэйянской армией, расквартированной на севере страны. В Нанкине же теперь заправляли Сунь Ятсен и Нанкинское собрание, которое 28 января было преобразовано во Временный сенат Китайской Республики. Гражданская война казалась неизбежной, и командир полка Чан Кайши готов был принять в ней участие. Вместе с «кровным братом» Чэнем они ратовали за открытый конфликт с Юань Шикаем.

Как раз в то время, в начале 1912 года, в Шанхай приехал старый враг Чэня, некто Тао Чэнчжан, напыщенный и самоуверенный молодой человек тридцати лет, тоже имевший заслуги перед революцией, но являвшийся главой «Союза восстановления суверенитета» («Гуанфухуэй»), конкурировавшего с «Объединенным союзом». Как и Чан Кайши, он был чжэцзянцем и выпускником той же японской военной школы «Симбу гакко» (Тао учился в ней в 1902–1903 годах). Он активно участвовал в антиманьчжурском движении с 1902 года, издавал журнал, собирал средства. Но, как и другие члены его союза, был открытым противником Сунь Ятсена. Тао сам стремился к власти, по крайней мере, в Чжэцзяне и соседней провинции Цзянсу, где находится Шанхай. Он во всеуслышание заявил, что покончит с всевластием Чэнь Цимэя в Шанхае и его соратников в Чжэцзяне. Чан впоследствии заявлял, что Тао не прочь был сам стать дуду Шанхая, так как «хотел разрушить организацию «Объединенного союза», но пока в январе 1912 года баллотировался в губернаторы Чжэцзяна,

рассчитывая на помощь членов тайных обществ ряда уездов провинции, среди которых пользовался влиянием. Он и сам являлся членом тайного чжэцзянского общества «Цветок дракона».

Но ему не повезло. Он проиграл выборы стороннику «Объединенного союза» и, очевидно, опасаясь, что теперь его силы и силы дуду Чэня стали неравными, поспешил «заболеть», спрятавшись в одной из шанхайских больниц — госпитале Святой Девы Марии на территории Французской концессии.

Но, как видно, Поднебесная была не для всех и уж точно не для него. Чэнь решил избавиться от конкурента любой ценой, поручив Чан Кайши проверить это «деликатное дело». И тот вместе с верными людьми в два часа ночи 14 января 1912 года, проникнув в госпиталь и пробравшись в палату Тао на втором этаже, выстрелил политическому оппоненту в голову: «Не в силах сдержать ярость, он выхватил пистолет и прикончил <Тао> одним выстрелом». (Позже Чан заявлял, что уничтожил Тао потому, что узнал о его планах убить Чэнь Цимэя; он «страшно вознегодовал» и «решил избавиться от Тао, чтобы защитить революцию».)

Узнав об убийстве, президент Сунь Ятсен, хоть и ненавидевший конкурента, лицемерно заявил, что «наша республика будет всегда горевать» о господине Тао Чэнчжане, «заслуги» которого «перед революцией огромны». Он и его военный министр Хуан Син даже потребовали от Чэнь Цимэя «найти убийц». Но, конечно, смерть Тао и ослабление «Союза восстановления суверенитета» были им на руку. Как и в конце XVIII века во Франции революция, «как Бог Сатурн, пожирала своих детей», вырождаясь в бандитские разборки.

Смерть Тао, однако, не очень помогла Суню, который вскоре стал терять реальную власть. После революции в стране начала стремительно возрастать роль армии, которой у самого Сунь Ятсена не было. Во многих местах военачальники и военные губернаторы, почувствовав свою силу, стали самовластно распоряжаться окрестными территориями, не обращая внимания на слабого президента. Члены же Временного сената были весьма умеренными и на военный конфликт с милитаристами, тем более с наиболее мощным из них, командующим сильнейшей армией Китая, Бэйянской, — генералом Юань Шикаем, идти не хотели. В итоге 13 февраля 1912 года Сунь Ятсен вынужден был подать прошение об отставке, и на следующий день члены Сената единогласно приняли ее. 15 же февраля они также единогласно избрали временным президентом генерала Юаня, который за три дня до того (12 февраля) сумел убедить императорский двор капитулировать. (После смерти в ноябре 1908 года императора Гуансюя и

вдовствующей императрицы Цыси китайским императором был Пу И, которому в то время шел всего седьмой год; регентшей при нем была вдова Гуансюя, императрица Лун Юй.) Цины «поручили» Юаню «организовать временное республиканское правительство» и замирились с «Объединенным союзом» и другими революционными организациями ради восстановления порядка. Все эти события, начиная с восстания 10 октября 1911 года в Учане, по китайскому лунному календарю происходили в год синьхай, поэтому революция стала называться в Китае Синьхайской.

Чан был глубоко разочарован. Ему все еще хотелось драться с Юанем, и он никак не мог понять «соглашательскую позицию» вождя революции. В марте 1912 года раздраженный Чан вновь уехал в Японию. По его словам, он «проявил эгоизм, не подумав об общем деле», но по существу ему все равно надо было скрыться из Шанхая: убийством Тао занялась полиция Французской концессии, так что, если бы она вышла на след Чана, это могло скомпрометировать и Чэня, и самого Суня.

В Токио Чан Кайши теперь стал учить немецкий язык, поскольку решил через какое-то время отправиться на учебу в Германию, самую развитую европейскую страну. Одновременно на свои деньги он основал журнал «Голос армии», в котором опубликовал свои первые пять политических статей. В одной из них, следуя за Сунь Ятсеном, он развивал идеи *датун* («великого единения») в применении уже ко всему миру, настаивая на том, что после победы антимонархической революции в Китае великим державам следует принять Китайскую Республику в содружество наций на правах равного члена. Тогда, по его мысли, «возникнет всемирный союз всех пяти континентов без деления на различные страны. <И>... мы создадим всемирную республику». Другая статья была посвящена проникновению царской России во Внешнюю Монголию^[13], которую китайские националисты считали частью Китая. Чан призывал китайских республиканцев к немедленному военному походу в Монголию для отражения русской агрессии и объединения родины.

В Токио он узнал, что в конце августа — сентябре 1912 года Сунь Ятсен в Пекине вел переговоры с Юань Шикаем о выработке совместной программы действий. 9 сентября Сунь принял предложение Юаня занять пост генерального директора железных дорог в его правительстве с неимоверно большим годовым окладом в 30 тысяч серебряных китайских долларов, а 6 октября в Шанхае на встрече с рядом членов своей партии заявил: «Многие считают, что он <генерал Юань> маскируется под республиканца. Я решительно заявляю, что намерения г<осподи>на Юаня вполне искренни... Г<осподи>н Юань — государственный муж, и все то,

что он делает, он делает для блага государства, этому можно верить».

Сунь, конечно, лавировал, стараясь найти компромисс. Но Чан впал в уныние. В декабре он вернулся на несколько дней в Китай — для того только, чтобы забрать в Японию свою любовницу Ечэн. В начале же февраля 1913 года вернулся опять — и вновь по личным мотивам: ему захотелось перед отъездом в Германию встретить Новый год по лунному календарю в родном Сикоу в теплой семейной обстановке: с матерью, женой, сыном и любовницей, которую он взял с собой. Интересно, что его супруга Фумэй и любовница Ечэн поладили. Приняла пассиву сына и мамаша Ван: в традиционном Китае мужчины часто заводили наложниц, так что ничего особенного в этом не было. По решению матери Ечэн поселилась в ее комнате, Фумэй с сыном разделили вторую комнату с женщиной, которую Чан нанял обучать безграмотную Ечэн читать и писать, а Чану досталась третья комната. В общем, место нашлось всем.

Тем временем политическая ситуация в Китае, казалось, стабилизировалась. Зимой 1912/13 года в стране прошли выборы в новый законодательный орган — парламент. Полную победу над более чем тремястами партиями одержала новая партия Сунь Ятсена, которую он, готовясь к выборам, основал 25 августа 1912 года на базе «Объединенного союза» путем его объединения с четырьмя другими организациями. Новая партия получила название Гоминьдан (ГМД, Националистическая партия). В палате представителей (нижней палате парламента) она получила 269 мест из 596 (то есть 45 процентов), в Сенате же (высшей палате) — 123 из 274 (44,8 процента).

В марте Чан вместе с Ечэн приехал в Шанхай, откуда собирался отплыть в Европу. Но тут произошло событие, резко изменившее его планы. Вечером 20 марта на железнодорожном вокзале в Шанхае двумя пулями был тяжело ранен Сун Цзяожэнь, глава гоминьдановской фракции в парламенте. Он собирался выехать в Пекин, чтобы занять пост премьер-министра. Через два дня он умер в больнице. А еще через два дня полиция нашла убийцу. И тот оказался связан с действующим премьером, одним из наиболее доверенных лиц Юань Шикая. О какой же учебе в Германии теперь могла идти речь? Сунь лично приказал Чэнь Цимэю, дуду Шанхая, задержать Чан Кайши в городе, убедив его отказаться от поездки в Европу. Военные кадры Суню сейчас были особенно нужны. Чан передал Чэню три тысячи китайских долларов, которые планировал потратить на учебу в Германии, и стал ждать развития событий.

Потрясенные гоминьдановцы напрямую обвиняли генерала Юаня в организации преступления. А тот и не думал оправдываться. Он

действительно не желал делить власть ни с Сунь Ятсеном, ни с Сун Цзяожэнем и, заручившись поддержкой западных держав, предоставивших ему огромный заём — более чем в 25 миллионов фунтов стерлингов (около 100 миллионов американских долларов), — вскоре стал открыто готовиться к гражданской войне. По его приказу началась переброска бэйянских войск в стратегически важные центры страны. Более того, он сместил рад губернаторов — сторонников Гоминьдана.

Сунь решил устроить вторую революцию — на этот раз против Юаня. 12 июля 1913 года в провинции Цзянси вспыхнуло антиюаньпикаевское восстание под руководством гоминьдановского губернатора Ли Лецзюня, вслед за чем Цзянси провозгласила независимость. После этого независимость объявили гоминьдановские дуду Нанкина, Аньхуэя, Хунани, Фуцзяни и Чжэцзяна. Против Юаня выступил и военный губернатор Гуандуна, один из близких соратников Сунь Ятсена — Чэнь Цзюньмин, тоже заявивший о независимости. В начале же августа началось восстание в Чунцине (провинция Сычуань).

Разумеется, под руководством «кровного брата» Чана, дуду Чэня, восстал и Шанхай, объявивший о независимости 18 июля. И Чан принял в восстании самое активное участие. Именно он разработал план нападения на шанхайский арсенал, находившийся под контролем верных Юаню войск. И трижды — 22, 28 и 29 июля — атаковал его во главе гоминьдановских отрядов численностью в два батальона. Но у него ничего не вышло. Его войска подверглись массированному артобстрелу со стоявших на рейде Шанхая юаньшикаевских кораблей. Против Чана, как он позже с горечью вспоминал, выступили и «империалисты с территории сеттльмента», а также «компрадоры, *тухао* и *лешэнь*», так что он вынужден был отступить. Город захватили войска Юаня.

Вместе с «выдающимся человеком», «цикадой» Чжаном, Чан отплыл вверх по реке Янцзы в Нанкин, чтобы там продолжить борьбу, но и в этом городе силы революционеров были на исходе. Верные президенту войска подавили все восстания. «Вторая революция» потерпела поражение.

Через три месяца, 4 ноября 1913 года, Юань Шикай объявил Гоминьдан вне закона, после чего разогнал парламент. Сунь Ятсен, Чэнь Цимэй, Чан Кайши и многие другие борцы с диктатурой вынуждены были вновь бежать в Японию. Чэнь Цимэй констатировал: «Во время Синьхайской революции у нас почти не было оружия, нас насчитывалось несколько сотен, но, когда в Учане прозвучал призыв, вся страна пришла в движение. Это потому, что у нас был дух революционной партии. Во время же битвы в год гуйчоу (1913 год) хотя мы и контролировали несколько

провинций и имели армию в сто тысяч человек, но бандитские армии превзошли нас числом, и мы потерпели поражение. Это потому, что мы утратили дух революционной партии».

Прибыв в Токио, Сунь и другие гоминьдановцы начали возрождать именно такую революционную партию, о которой вспоминал Чэнь. Сунь так и назвал ее: Чжунго гэминдан (Китайская революционная партия). Он объявил о ее создании 8 июля 1914 года на собрании более четырехсот своих сторонников, призвав их к подготовке «третьей революции». В отличие от парламентского Гоминьдана, который Сунь теперь считал «полностью обанкротившимся» из-за того, что тот чересчур сильно напоминал «политическую партию западного типа», новая организация строилась на принципах жесткого централизма и конспирации. Ее члены были обязаны подчиняться строжайшей дисциплине и свято хранить партийные секреты. Чан Кайши вступил в нее сто вторым членом.

К тому времени он уже довольно тесно сотрудничал с Сунь Ятсеном. Их личные контакты возобновились в декабре 1913 года, когда, по одним данным, Чэнь Цимэй, а по другим — «цикада» Чжан, полумафиозный друг и Суня, и Чана, вновь свел их в Токио, на этот раз на квартире Сунь Ятсена.

И Сунь вновь проявил интерес к «будущему герою революции». Чан уже имел революционные заслуги, но главное — был по-прежнему предан Суню. Более того, не скрывал, что готов уничтожить всех его врагов как вне партии, так и внутри нее, если таковые найдутся. И Сунь, конечно, не мог этого не оценить, тем более что после поражения «второй революции» подавляющее большинство его сторонников отступились от него: они даже отказались вступать в Революционную партию (членами ее стали всего несколько сотен человек из тысяч его бывших товарищей), а многие из тех, кто вступил, уже не проявляли к нему прежнего уважения. Позже Чан вспоминал: «Среди тех... кто вступил в Китайскую революционную партию, только совсем немногие по-настоящему верили в идеологические принципы *цзунли* (главного распорядителя — титул Сунь Ятсена. — А. П.) ... Они даже вели себя вызывающе по отношению к *цзунли*... Я решил, что как член партии обязан защитить нашего *цзунли*... В противном случае я не буду считаться преданным и достойным членом партии».

Следуя за Сунь Ятсеном и опираясь на его поддержку, Чан теперь уверенно продвигался к власти, хотя путь навверх был нелегким. Надо было преодолевать сопротивление множества противников и конкурентов, и приходилось быть не только решительным, но и осторожным. Не случайно великий философ Китая Чжуанцзы (369–286 годы до н. э.), один из основоположников даосизма, говорил: «Храбрость без осмотрительности

не приносит победы». Чан всегда помнил об этом.

Строптивый ученик Сунь Ятсена

Главным принципом, на котором строилась Революционная партия, была личная преданность вождю. Сунь прямо заявлял соратникам: «Помимо меня, никто не знает путей революции... Есть много такого, чего вы не знаете... Вы должны слепо следовать за мной». Он требовал, чтобы вступавшие в партию не только обещали «пожертвовать жизнью и свободой ради спасения Китая и его народа», но и давали клятву верности лично ему. Чана и его «кровного брата» Чэня это не смущало: в отличие от многих однопартийцев они поставили подписи под текстом суньятсеновской клятвы и, приложив указательные пальцы к красной мастике, отпечатали их на бумаге.

Создавая новую партию по типу китайских тайных обществ, Сунь отнюдь не отказывался от борьбы за демократию. Просто теперь он считал, что продвижение к этой форме политического устройства займет много времени. Если в 1905 году, создавая «Объединенный союз», он полагал, что страну отделяют от демократии всего шесть лет — три года военной диктатуры и три года правления, основанного на временной конституции, ограничивающей избирательные права граждан, — то в 1914-м объявил, что предугадать продолжительность преддемократических этапов невозможно. И даже стал утверждать, что во время второго этапа конституция вообще не нужна, а государство должно находиться под «политической опекой» его партии, то есть, по существу, в условиях однопартийной диктатуры.

Непосредственной целью Сунь Ятсена оставалась вооруженная борьба против Юань Шикая. И здесь, с его точки зрения, все средства были хороши, даже помощь японского правительства, хотя «революционный демократ, полный благородства и героизма» (так называл его Ленин), прекрасно понимал, что японцы стремятся поработить Китай. Но он был готов пожертвовать многим, даже Маньчжурией, поддержав сепаратистское движение местных монархистов, за спиной которых стояла Япония.

Не забывал Сунь и о подготовке новых восстаний в Китае. В мае 1914 года он, например, послал Чан Кайши в Шанхай, а осенью в Харбин для того, чтобы выяснить, можно ли там на кого-нибудь опереться в борьбе с Юань Шикаем. Обе поездки оказались безрезультатными, и Чан, вернувшись в Токио, погрузился в чтение книг. Он проштудировал всего Ван Янмина, любимого им конфуцианского философа, утверждавшего

право каждого человека мыслить критически, а также полное собрание сочинений Цзэн Гофаня, победителя тайпинов — знаменитого восстания деревенских пауперов и люмпенов, а также членов бедных кланов *хакка* («гостей»)^[14], бушевавшего на юге и востоке Китая в 1851–1864 годах. Он так много занимался, что стал терять зрение и ему пришлось лечиться у окулиста. В то же время он по-прежнему ежедневно и подолгу делал гимнастику и медитировал, закаляя себя физически и духовно.

Между тем 28 июля 1914 года началась Первая мировая война. Юань Шикай объявил нейтралитет, Япония же присоединилась к Антанте и в самом конце октября 1914 года вместе с англичанами высадила десант в районе города Циндао на Шаньдунском полуострове. Этот город вместе с прилегавшей бухтой Цзяочжоу с 1898 года являлся германской колонией в Китае. Поглощенные войной в Европе немцы не оказали должного сопротивления, и 7 ноября Циндао пал, превратившись формально в колонию Японии и Англии, а фактически — Японии. Китайцы не вмешивались. 28 января 1915 года Япония предъявила Юань Шикаю ультиматум, так называемое «21 требование», принятие которого привело бы к превращению Китая в японскую колонию.

Весть о наглых домогательствах японцев взбудоражила китайскую интеллигенцию. Однако Юань Шикай, опасаясь вторжения войск микадо, 7 мая принял большую часть требований. На этот раз даже парламент не согласился с ним, отказавшись ратифицировать это соглашение. Тогда Юань 25 мая 1915 года утвердил соглашение своей печатью. В ответ в стране началось антияпонское движение, и даже Сунь Ятсен, несмотря на свои прежние маневры с японцами, открыто осудил предательство Юань Шикая, призвав «нанести по нему удар».

Казалось, что момент для «третьей революции» выдался более чем благоприятный. И Сунь послал Чэнь Цимэя, а затем и Чан Кайши снова в Шанхай. Осенью 1915 года Чан прибыл в этот город, где вместе с Чэнем вначале организовал убийство губернатора, а затем, 5 декабря, поднял очередное восстание, которое и на этот раз потерпело поражение. «Кровным братьям» с трудом удалось спастись. От горя Чан даже заболел, и мать, прослышавшая об этом, приехала в Шанхай за ним ухаживать.

Между тем недовольство политикой президента Китая продолжало стремительно нарастать. В конце декабря 1915 года Юань Шикай сделал еще один опрометчивый шаг. Следуя предложению американского советника Фрэнка Гудноу, он в самом конце декабря 1915-го объявил о восстановлении монархии с 1 января следующего года. Новым императором он, конечно, провозгласил себя, заявив о наступлении эры

правления Хунсянь (Безграничная законность). Именно это теперь возмутило общественность. Юньнань, Гуаней и Гуйчжоу, то есть три юго-западные провинции, объявили об отделении. В стране вновь вспыхнула гражданская война, и, несмотря на то что Юань, опомнившись, через 81 день объявил о ликвидации монархии, Чан по приказу Суня принял в этой войне активное участие.

В борьбе с Юанем японцы теперь оказывали Суню полную поддержку, поскольку под давлением западных держав Юань саботировал выполнение «21 требования». В начале 1916 года Сунь получил от японцев 1,7 миллиона иен (по тогдашнему курсу — 700 тысяч американских долларов), которые он использовал для подготовки нового восстания на востоке Китая. 5 мая 1916 года вместе с группой повстанцев Чан захватил один из форт на реке Янцзы на полпути из Шанхая в Нанкин. К сожалению для него и Суня, он не смог там удержаться, и через пять дней собственные солдаты Чана, потеряв перспективу, восстали против него. Только чудом ему удалось спастись.

А 18 мая 1916 года Чан получил новый удар: его «кровный брат» Чэнь Цимэй был предательски убит на территории Французской концессии в Шанхае в результате покушения, подстроенного провокатором. Чэню было всего 38 лет.

Трудно описать горе Чана. Через два дня, выступая на траурной церемонии, он поклялся продолжить дело, начатое его «кровным братом». «Я обещаю тебе это, — сказал он, обращаясь к мертвому другу, — так же, как я обещал тебе <ранее> «быть вторым тобой, если ты умрешь». Позднее он записал в дневнике: «Можно сказать, что основы моей революционности были заложены после того, как мы потерпели поражение в борьбе против Юаня во второй год Республики <1913-й>, но сформировался я полностью <как революционер> после убийства Инши <Чэнь Цимэя> в пятый год Республики <1916-й>. Это было время, когда я стал стремиться вперед, опираясь на собственные силы».

За несколько дней до того, 1 мая 1916 года, в Шанхай вернулся Сунь Ятсен вместе с поразительно красивой молодой женой, с которой обвенчался в Токио полгода назад. Звали ее Сун Цинлин (Сун «Счастливое настроение»), и было ей 23 года. При крещении она получила имя Розамонда, но в семье ее звали Сузи. Она была дочерью друга Суня, шанхайского предпринимателя и христианского миссионера Чарли Суня (Сун Цзяшу), который был старше Сунь Ятсена всего на три года.

Дети Чарли одобрили брак: и старшая сестра Розамонды, Айлин («Дружеское настроение»; христианское имя — Нэнси), и младшая,

девятнадцатилетняя Мэйлин («Прекрасное настроение»; христианское имя — Оливия), и три их брата, в том числе старший, 22-летний Сун Цзывэнь (Сун «Трудолюбивый сын»), которого все звали либо Джо, либо — по начальным буквам его имени в тогдашней латинской транслитерации (Tseven) — Т. В. Все они были революционерами, а потому относились к Сунь Ятсену с огромным уважением.

Между тем гражданская война в Китае продолжалась, но в разгар ее, 6 июня 1916 года, Юань Шикай неожиданно скончался от уремии в возрасте пятидесяти шести лет. Новым президентом Китая был избран участник Учанского восстания 1911 года генерал Ли Юаньхун по прозвищу Будда. Сунь Ятсен перенес штаб-квартиру Революционной партии в Шанхай, а затем вступил в переговоры с президентом Ли о восстановлении законного конституционного правления.

Вместе с Сунем в Шанхай из Токио вернулся и старый приятель Чана, Дай Цзитао, тот самый студент японского Юридическо-политического университета, с которым Чан познакомился во второй свой приезд в Японию в 1908 году.

Дай был гораздо лучше Чана образован в области философских наук, особенно западных. Этот щуплый молодой человек небольшого роста с черными усиками и умными ироничными глазами тоже был членом партии Сунь Ятсена, принимал участие в Синьхайской революции, а с 1912 года выполнял обязанности личного секретаря вождя. После бегства Чана в Японию в 1913 году Чан и Дай стали особенно близки и вскоре, побратавшись, сняли одну квартиру. С ними помимо подруги Чана Ечэн жила и любовница Дай Цзитао — японская медсестра по имени Шигемацу Канеко (Золотце). Дай, как и Чан, был женат, но молодость брала свое.

С Даем и Золотцем было связано важное событие в жизни Чана. Дело в том, что в начале 1916 года Золотце забеременела от Дая, но тот признавать ребенка не захотел, так как очень боялся своей законной супруги Нью Юхэн, которую из робости и уважения называл «старшей сестрой» даже наедине. Будучи на пять лет старше его, она обладала удивительно сильным характером и легко могла устроить грандиозный скандал, узнав о побочном ребенке (у них уже был свой законнорожденный сын). Это была настоящая эмансипе. К тому же она состояла в Революционной партии, и ее очень уважал Сунь Ятсен. Так что неудивительно, что когда Дай Цзитао в начале ноября 1916 года (в год Дракона) получил известие о том, что 16 октября Канеко (Золотце) родила ему сына, он страшно перепугался и тут же бросился к «кровному брату» Чану (оба уже жили тогда в Шанхае), умоляя помочь. И тот проявил

благородство, заявив, что может усыновить ребенка. В конце ноября 1916 года Дай написал об этом своему токийскому другу.

А через три года тихая и застенчивая Золотце появилась в дверях шанхайского дома Чана и Дая^[15], держа за руку симпатичного худого мальчика. Она надеялась, что Дай признает ребенка, но тот, спрятавшись от нее на втором этаже, даже не захотел увидеться. Поговорив с Чаном и все поняв, заплаканная женщина бежала, бросив сына на произвол судьбы. Сдержав слово, данное «кровному брату», Чан усыновил мальчика, дав ему детское имя «Цзяньгао», то есть «Тот, кто выстроит столицу Гао»^[16], а в соответствии с генеалогической хроникой своего клана — имя Вэйго (перевод тот же, что и имени Цзинго: «Тот, кто будет успешно управлять государством»)^[17].

Так у Чана появился второй сын. Он поручил его заботам любовницы Ечэн, которая и вырастила мальчика, сохранившего к ней сыновью привязанность на всю жизнь. Чан привез Ечэн и нового сына к себе на родину, в деревню Сикоу. Бабушка Ван встретила нового внука с радостью, но жена Чана, Фумэй, не захотела поселить его в доме. По воспоминаниям Вэйго, она поместила его и Ечэн в сарае, где хранились дрова и сено и было полно блох, атаковавших незваных гостей. Только через некоторое время, сжалившись, их забрал к себе в дом старший брат Чана. У него они и жили несколько лет, до тех пор, пока в 1924 году не переехали в Нинбо.

Между тем президент Ли Юаньхун, попытавшийся на первых порах восстановить попранную своим предшественником конституцию, под давлением северокитайской военщины 13 июня 1917 года, как и Юань Шикай, распустил парламент. Возмущенные поведением президента депутаты стали съезжаться в Шанхай, а затем переехали в Кантон, куда 17 июля прибыл и Сунь Ятсен. 25 августа в этом южнокитайском городе открылась чрезвычайная сессия парламента, а 1 сентября Сунь Ятсен был избран генералиссимусом Южного Китая (формально — генералиссимусом всего Китая, но, конечно, военное правительство, которое он создал, не контролировало всю страну).

Китай погружался в пучину хаоса. Армии милитаристов, куда охотно шли служить разорившиеся крестьяне и прочий безработный люд, стали конфликтовать друг с другом. А западные державы, заинтересованные в сбыте оружия в Китай и в получении от местных милитаристов дополнительных экономических льгот, поощряли это. Обосновавшись в Кантоне, вождь революции начал готовиться к Северному походу против воинствующих олигархов.

Что же касается Чана, то он по приказу Сунь Ятсена какое-то время оставался в Шанхае, координируя работу сторонников Суня на востоке Китая и занимаясь нелегальным сбором финансовых средств для партии. По информации муниципальной полиции Международного сэттльмента, 18 октября 1917 года Чан Кайши, например, участвовал в разбойном нападении на частный дом в центре города.

Из Шанхая Чан прислал Суню один за другим два оперативных плана Северного похода. Первый удар он предлагал нанести по войскам местных милитаристов Фуцзяни и Чжэцзяна для того, чтобы установить контроль южнокитайского правительства над всем южным и юго-восточным побережьем страны.

Чан Кайши приехал на юг только в начале марта 1918 года, после того как в ноябре 1917-го Сунь с помощью соратников смог организовать десяти тысячную Гуандунскую армию. Следуя плану Чан Кайши, армия выступила в Фуцзянь, и Сунь потребовал, чтобы Чан немедленно прибыл в город Сватоу на юге Фуцзяни, где уже находился командующий этой армией Чэнь Цзюньмин. 15 марта генерал Чэнь назначил Чан Кайши начальником оперативного отдела своей армии в чине полковника.

В составе Гуандунской армии Чан принял участие в боевых действиях, причем проявил незаурядный военный талант, представив несколько оперативных планов. Однако у него возник личный конфликт с командующим Чэнь Цзюньмином.

Чэнь был властным мужчиной сорока лет, внешне напоминавшим типичного сельского шэньпи (грамотея-чиновника) с длинными, чуть обвисшими усами и высоким лбом. Военной форме он предпочитал серый хлопчатобумажный халат и при ходьбе опирался на трость. Он был уроженцем провинции Гуандун, но принадлежал к угнетенному клану хакка (то есть «гостей»), впрочем, как и Сунь Ятсен. Его семья, правда, не бедствовала, в отличие от большинства членов его патронимии, и он даже смог получить прекрасное образование (в 1899 году ему присудили ученую степень *сюцая*, а в 1908-м он окончил Академию юридических и политических наук в Кантоне). Чэнь вступил в «Объединенный союз» Сунь Ятсена примерно тогда же, когда и Чан, в 1908 году, однако в 1914 году не пожелал примкнуть к конспиративной Революционной партии. По его словам, устав новой организации он «посчитал не вполне удовлетворительным», поскольку Сунь Ятсен, как мы помним, требовал от партийцев приносить клятву личной преданности ему. Таких, как Чэнь, было немало, и, собственно, их позицию можно понять, но Чан Кайши с самого начала считал своим долгом защищать Суня от «отщепенцев».

Поэтому неудивительно, что его отношения с Чэнем не заладились, даже несмотря на то что теперь генерал Чэнь горячо поддерживал Сунь Ятсена.

Чан Кайши не доверял этому генералу. К тому же ему было глубоко обидно, что он (Чан) получил такой низкий, с его точки зрения, чин. «Я пять лет терпеливо ждал и упорно работал, и вот мне уже 30 лет, и чего я достиг? Ничего. Утром прибыл в штаб-квартиру командующего и получил чин штабного полковника», — записал он в дневнике.

Да, Чан явно рассчитывал стать генералом: весной 1918 года он запоем читал «Мемуары» Наполеона, блестящая карьера которого, понятно, разжигала его честолюбивые устремления. Свои обиды он не скрывал, и Чэнь вскоре почувствовал, что начальник оперативного отдела — гордый и строптивый человек. Но Чэнь был умен и хитер. Он не мог не понимать, что Чан Кайши имеет *гуаньси* (связи) не только с Сунь Ятсеном, но и со многими другими видными революционерами, поэтому, в отличие от вспыльчивого Чана, никоим образом не выдавал своих истинных чувств, хотя при удобном случае отвергал разработанные Чаном планы операций.

Невзлюбили Чан Кайши и многие офицеры Гуандунской армии, тоже скептически воспринимавшие его оперативные планы. И не только потому, что старались угодить командующему. Чан для всех них был чужаком, выходцем из Восточного Китая; он не знал ни местных обычаев, ни кантонского диалекта, ни языка *хакка*. Так что все его знания в области военных наук и сам чжэцзянский выговор вызывали у них только раздражение. Правда, до поры до времени конфликт не выплескивался наружу, хотя, судя по дневнику Чана, Чан трижды решал уйти в отставку, поскольку «никогда не испытывал такого унижения», и трижды — «то под давлением обстоятельств, то проявляя выдержку» — заставлял себя не подавать прошения.

Между тем удержаться у власти на юге Сунь Ятсену не удалось. В начале мая 1918 года главарь военной клики из соседней с Гуандуном провинции Гуаней генерал Лу Жунтин, войска которого превосходили армию Чэнь Цзюнмина, потребовал смещения «генералиссимуса», и Суню ничего не оставалось, как ретироваться. На японском почтовом пароходе в сопровождении Дай Цзитао он 26 июня вернулся в Шанхай, где обосновался на территории Французской концессии, в дорогом, утопавшем в зелени двухэтажном особняке на улице Мольера, 29, подаренном ему патриотически настроенными канадскими китайцами.

Летом 1918 года, подав все же 31 июля 1918 года прошение об отставке, в Шанхай приехал и Чан Кайши, уставший от внутриармейских склок. Но Чэнь Цзюнмин тут же начал просить его вернуться в Фуцзянь.

Да, он не любил гордого чжэцзянца, но не хотел нести ответственность за разрыв. Он послал Чан Кайши несколько писем, всячески заискивая перед ним. «Наша армия может пережить сто поражений, но она не может обойтись без тебя», — написал он Чану.

И Чан поддался на уговоры, тем более что о поездке в Фуцзянь его просил и Сунь Ятсен, веривший Чэнь Цзюнмину. В то время Сунь надеялся, что именно Фуцзянь станет новой базой революции.

В сентябре 1918 года Чан получил под свое командование 2-ю колонну Гуандунской армии, дислоцированную к северу от фуцзяньского города Чжанчжоу. Колонна состояла из четырех батальонов общей численностью в тысячу бойцов. Под командованием Чана она действовала довольно успешно. Его солдаты прорвали фронт противника, захватив несколько важных стратегических пунктов и создав непосредственную угрозу столице Фуцзяни — городу Фучжоу. Но в декабре Чан подцепил лихорадку, а в январе 1919 года его войска, оторвавшиеся от основных сил, попали в котел, потерпев серьезное поражение. Этого гуандунские офицеры не простили Чану: над ним стали откровенно смеяться. А Чэнь Цзюнмин вскоре заключил мир с фуцзянцами.

В марте 1919 года разгневанный Чан вновь уехал в Шанхай, откуда на этот раз отправился в родную деревню Сикоу навестить мать. За три месяца до того, в декабре 1918 года, ей исполнилось 55 лет, но, будучи на фронте, Чан не смог поздравить ее. И вот теперь решил исполнить долг. Сунь Ятсен передал матери Чана теплые поздравления и подарки.

Между тем 10 октября 1919 года Сунь Ятсен вновь реорганизовал свою партию, назвав ее теперь Китайский Гоминьдан (в 1912–1914 годах его партия, как мы помним, тоже носила название Гоминьдан, но теперь он к этому слову добавил «Китайский»). Сектантский характер партии не соответствовал более обстановке в Китае. Старый устав, вызывавший разногласия, был изменен: Сунь наконец удалил из него главу, обязывавшую партийцев присягать на верность лично ему. Правда, он по-прежнему был убежден, что олицетворяет не только партию, но и революцию. «Подчинение мне, — настаивал он, — это подчинение революции, за которую я выступаю. И если вы участвуете в моей революции, вы должны, естественно, подчиняться мне». Он и в новой партии располагал всей полнотой власти, сохраняя за собой должность *цзунли* (главного распорядителя).

И Чан Кайши, и Чэнь Цзюнмин, конечно, тоже стали членами новой партии. Но Чан по-прежнему не доверял генералу Чэню, поэтому все время находился в скверном настроении и даже просил Сунь Ятсена отпустить

его в длительное путешествие в Англию и США. Он хотел поступить там в какое-нибудь высшее учебное заведение и поучиться года три. В последние месяцы он даже стал вновь заниматься английским языком, хотя и не очень в этом преуспел.

Он рассчитывал также посетить Советскую Россию, большевистский опыт которой начал его в то время очень интересовать. Он, разумеется, слышал об Октябрьской революции и о том, что в России бушует Гражданская война между загадочной экстремистской партией, организовавшей мощную Красную армию, и контрреволюцией, которую поддерживают империалисты. Он знал, что в марте 1919 года в Москве большевистские вожди Ленин и Троцкий образовали Коммунистический Интернационал (Коминтерн), призвав все народы к некой мировой социалистической революции. Его «кровный брат» Дай Цзитао в то время с головой ушел в изучение большевистской теории и практики и то и дело заводил разговоры о марксизме и коммунизме.

Чан Кайши, как мы помним, всегда был настроен леворадикально. Бедность и унижения, которые ему приходилось терпеть в детстве, острая жалость к матери, работавшей не покладая рук, отвращение к богачам, обманывавшим их семью, — все это подогревало его ненависть к «хозяевам жизни». Горячее желание покончить с вопиющей социальной несправедливостью обострялось диким темпераментом, а также интригующими известиями о победах большевиков в Гражданской войне, о которых все чаще сообщала китайская печать. Чем дальше, тем больше хотелось разобраться в том, почему русским революционерам удавалось побеждать контрреволюцию и империалистов. Может быть, стоило перенять их опыт?

В октябре 1919 года он записал в дневнике: «Если не разгромить класс шэньпи <сельских грамотеев>, простой народ не сможет установить свою власть. На пути простого народа стоят... капиталисты и шэньпи... Я считаю, что для революционного обновления общества надо сначала полностью уничтожить два средних класса — капиталистов и шэньпи». С такими мыслями можно было записываться в Коминтерн!

Сунь Ятсен и сам интересовался событиями в России, хотя до таких мыслей еще не додумывался. В 1918 году он просто направил приветственную телеграмму в Москву советскому правительству. А Чану разрешил съездить только в Японию, да и то лишь на три недели — навестить старых друзей и отдохнуть.

Но поездка только усилила интерес Чан Кайши к Советской России. Едва отплыв из Шанхая 25 октября 1919 года, он тут же начал писать

статью об отношении различных держав к российскому рабоче-крестьянскому правительству, а в самой Японии стал читать левую прессу и книги о социализме.

Но разбираясь в социалистической теории, он не мог не усомниться в способности китайского народа воспринять ее. «Нужны огромные усилия, чтобы внедрить <в сознание почти поголовно безграмотного народа Китая> прогрессивные идеи других стран, — записал он в дневнике. — Это японцам хватило менее трех лет реформ, чтобы достичь нынешнего положения... <а> нам не хватит и десяти лет, чтобы осуществить революцию».

Он купил в Японии книгу «Хроника русской революции» и с огромным интересом прочел на обратной дороге в Шанхай в середине ноября 1919 года. По его словам, она произвела на него «впечатление».

В декабре 1919 года к нему в Шанхай прибыл нарочный от Чэнь Цзюньмина. Командующий Гуандунской армией вновь настойчиво звал его к себе. Но Чан не спешил. В Шанхае он начал ежедневно учить русский язык, по-прежнему с интересом читал леворадикальные журналы, в том числе «Синь циннянь» («Новая молодежь»), издававшийся на территории Французской концессии известным просветителем Чэнь Дусю, а также обсуждал взгляды Троцкого с Дай Цзитао и еще одним приятелем, гоминьдановским генералом Сюй Чунчжи, — с последним они вместе воевали в Фуцзяни.

Большевистские идеи мировой революции овладевали его сознанием. «Если революция действительно добьется успеха в одной стране, то и другие страны смогут близко подойти <к революции> и разрешить <свои проблемы>», — писал он. Главной задачей на 1920 год он определил поездку в Россию. Ему все больше и больше нравилось, как решительно расправляются большевики со всеми врагами. Но он понимал: для того чтобы добиться таких же, как у российских коммунистов, успехов, Гоминьдану нужна своя армия. В том, что Чэнь Цзюньмин и другие милитаристы ненадежны, он никогда не сомневался, а потому уже в феврале 1920 года поднял вопрос о необходимости открыть свою, гоминьдановскую, офицерскую школу. Но его предложение в то время не было принято.

Понимая также, что в основе марксизма лежит учение о решающей роли экономических факторов в развитии цивилизации, он прочел тогда же и две книги по экономическим вопросам: «Принципы экономики» знаменитого английского экономиста Альфреда Маршалла и «Принципы национальной экономики» японского автора Цумура Хидемацу. Чтение

этих книг только усилило его ненависть к китайским богачам. «Я прочел «<Принципы> экономики», — записал он в дневнике, — и они меня расстроили. Я думаю, что основать какие-либо предприятия <в Китае> невозможно до тех пор, пока китайские бизнесмены не избавятся от своих вредных привычек».

Повышенный интерес к России продолжал проявлять и Сунь Ятсен.

В ноябре 1920 года Сунь принял в своем шанхайском особняке на улице Мольера советского коммуниста Григория Наумовича Войтинского (настоящая фамилия Зархин; 1893–1953), посланного в Китай Владивостокским отделением Дальневосточного бюро российской компартии по согласованию с Исполкомом Коминтерна (ИККИ) для установления связи с местной левой интеллигенцией и организации коммунистического движения. Как вспоминал Войтинский, в ходе беседы речь шла о том, чтобы «соединить борьбу Южного Китая с борьбой далекого Советского государства».

Но отправлять Чан Кайши в Москву Сунь по-прежнему не собирался: талантливый военный нужен ему был в Китае. В апреле 1920 года Сунь решительно потребовал, чтобы Чан вновь присоединился к армии Чэнь Цзюньмина. В тонкости личных взаимоотношений между своими соратниками он входить не хотел. И Чан Кайши пришлось подчиниться.

Однако на юге на этот раз он пробыл совсем недолго. Уже через три недели, устав от новых склок, опять все бросил и вернулся в Шанхай. Его по-прежнему тянуло в Европу, если не в Россию, то хотя бы во Францию, но Сунь противился. И тут, как нарочно, в начале мая Чан неожиданно на целый месяц слег в больницу с тифом, так что ни о какой поездке вообще уже не могла идти речь — ни на юг Китая, ни в Россию, ни во Францию.

Когда же Чан выздоровел, в июле 1920 года он все же по приказанию Суня вновь отправился к Чэнь Цзюньмину. Правда, опять-таки ненадолго. Прибыл он в Чжанчжоу 16 июля, в очередной раз впал в депрессию и уже 7 августа вернулся в Шанхай. Его душила злоба: уже четыре раза он ездил на юг, и все безрезультатно. Гуандунская армия, с его точки зрения, была недееспособна, офицерский корпус разъедала коррупция, на него (Чана) по-прежнему смотрели как на чужака, а с Чэнь Цзюньмином у него так и не сложились отношения. «Надежд на то, что Гуандунская армия сможет воевать, нет, — записал он в дневнике, — опять хочу поехать в Россию, чтобы всесторонне ознакомиться с ситуацией <там>».

В Шанхае Чан так же, как в молодости, проводил ночи в борделях. Позже он признавал: «Люди говорят, что я распутен до крайности, но они не знают, что я таким образом заглушаю глубочайшую депрессию». Его

друзья и соратники, в том числе «кровные братья» Дай Цзитао и «цикада» Чжан, уговаривали Чана вернуться на юг, но он и слышать не хотел о новой поездке. В конце концов Сунь Ятсен предложил ему выбор: либо поехать в Россию, если ему так уж этого хочется, либо в Сычуань — организовывать там революционное движение, либо все-таки вернуться в армию Чэнь Цзюньмина. Но дал понять, что сам он хотел бы, чтобы его ученик выбрал Чэнь Цзюньмина. Это был тест на лояльность. И Чану хватило сил все-таки обуздать себя. «У меня есть долг перед друзьями и партией; свои стремления надо обращать на пользу государства», — решил он и в пятый раз отправился на юг.

В тот момент командующий Чэнь по требованию Сунь Ятсена начал активно готовиться к борьбе против старых врагов Гоминьдана — гуансийских милитаристов, по-прежнему оккупировавших Кантон. Сунь тогда опять решил сделать этот южнокитайский город своей революционной базой. Так что момент был очень важный. Чэнь сразу же назначил Чана командиром 2-го корпуса. Это уже была генеральская должность, так что амбиции Чан Кайши, казалось, должны были быть удовлетворены.

Чан разработал планы трех военных операций, которые генерал Чэнь принял и успешно реализовал. Не только Кантон был взят, но и вся провинция Гуандун очищена от гуансийских милитаристов. Несмотря на это, гордый Чан, посчитавший, что свой долг он выполнил, тут же опять впал в депрессию и уехал, подав в начале ноября 1920 года новое прошение об отставке.

Да, трудно было Сунь Ятсену утверждать единоначалие в партии! Похоже, он действительно ценил Чана, этого талантливого, целеустремленного и смелого офицера, но в то же время «нетерпеливого, бескомпромиссного, импульсивного и невыдержанного <человека>, у которого периодически проявлялись симптомы психосоматического заболевания», то есть расстройства психики, вызванного сильными отрицательными эмоциями. Пытаясь в очередной раз образумить строптивца, Сунь написал ему короткое, но весьма знаменательное письмо, в котором высказал недовольство его поведением: «Моему дорогому старшему брату (вежливое обращение в старом Китае. — А. П.) Чан Кайши! Когда наш старший брат Чэнь Цзюньмин, стараясь изо всех сил, с боем вернулся в Кантон, он действовал в интересах нашей партии и нашего государства. Мы, с нашей стороны, изо всех сил помогаем ему... Наше сотрудничество <с ним> не носит обычный временный характер... Я доверяю ему точно так же, как в свое время доверял... Чэнь Цимэю... Но у

тебя очень вспыльчивый характер, и твоя ненависть к посредственности чрезмерна. Это часто приводит к конфликтам и осложняет сотрудничество. Поскольку партия возложила на твои плечи великую и тяжелую ответственность, ты должен, хотя бы немного, пожертвовать своими высокими идеалами и постараться пойти на компромисс. Это <надо сделать> просто в интересах партии, и я никоим образом не требую от тебя отказаться от принципов. согласишься ли ты со мной, мой старший брат, или нет?»

Чан не согласился. Бросил всё и уехал в Сикоу. А Сунь Ятсен 25 ноября 1920 года отправился в освобожденный от гуансийских войск Кантон. 29 ноября он вновь образовал южнокитайское военное правительство в этом крупнейшем городе Южного Китая, расположенном на левом (северном) берегу широкой реки Чжуцзян (Жемчужная) в 150 километрах от английской колонии Гонконг. Кантон, основанный еще в 214 году до н. э., всегда был важным торговым центром страны. В начале же XX века жизнь в нем бурлила не слабее, чем в Шанхае, хотя внешне он совсем не походил на столицу Восточного Китая, которая была больше других китайских городов «испорчена» западной цивилизацией.

Образовав новое правительство, Сунь стал в этом городе обустриваться. 25 декабря в деревню к Чану приехал его друг Дай Цзитао (по-видимому, по приказу Суня) — просить вернуться на юг. Дай заявил:

— Чэнь Цзюньмин (в правительстве Суня он занял посты военного министра и министра внутренних дел. — А. П.) сейчас предоставил себя в полное распоряжение партии, и доктор Сунь уехал в Кантон, чтобы возглавить там военное правительство, целью которого является подготовка экспедиции против северных милитаристов. Мы должны забыть обо всех разногласиях и держаться все вместе на юге.

Но Чан был непреклонен.

— Требовать от меня, чтобы я поехал <на юг> и работал там, — заявил он, — это все равно что требовать, чтобы я укоротил свою жизнь!

Из разговора ничего не вышло. «Кровные братья» накричали друг на друга, и Дай хлопнул дверью. Правда, после этого они обменялись вежливыми письмами, которые дают дополнительное представление как о характере Чан Кайши, так и о его политических позициях в то время. В первом из них от 5 января 1921 года Чан признал: «Да, у меня плохой характер, и мне обычно недостает хороших манер... Я не контролирую себя, становлюсь грубым и легко взрываюсь». На это Дай ответил через неделю: «Когда я столкнулся с твоей яростью, для которой не было никаких оснований, я почувствовал себя крайне удрученным... Ты, мой старший

брат, чрезвычайно упрям, и исправить тебя почти невозможно. Любая мелочь вызывает у тебя неконтролируемый приступ гнева. Обращаясь с людьми таким образом, ты самого себя подвергаешь смертельной опасности. По крайней мере, это может повредить твоей карьере». Чан возразил: «Мой старший брат, ты не можешь представить сложность тамошней <Гуандунской> ситуации... Они выбрасывали меня, когда я им не был нужен, и умоляли вернуться, когда во мне возникала потребность. Как я могу терпеть такое обращение? Я что, узколобый?

Может быть. Но мы не должны чувствовать себя дураками и дерьмом... Я говорил, что у меня плохой характер, не подходящий для общества. Мне надо оставить друзей и жить одному в горах или пустыне. Возможно, тогда я проживу дольше».

И все же Чан задумался над словами «кровного брата». Воздействовали на него и четыре телеграммы Сунь Ятсена, посланные ему из Кантона в течение двух последующих месяцев. Получил он письма и от других товарищей по партии, которые, как и Дай Цзитао, умоляли его пожертвовать своим эго ради общего дела.

После тяжелой душевной борьбы 20 января 1921 года он все же решил поехать в Кантон, но только тогда, когда Гуандунская армия объявит мобилизацию для похода в провинцию Гуаней. Это бы означало начало Северного похода, за который ратовали и Сунь Ятсен, и он сам. Чан даже подготовил для Сунь Ятсена новый детальный план этого похода, на этот раз рассчитывая после Гуаней захватить Сычуань, а потом Шэньси и Хубэй. То есть вместо восточного направления, вдоль побережья Фуцзяни и Чжэцзяна, он теперь настаивал на западном.

Встретившись с вождем партии в Кантоне, куда он наконец приехал в начале февраля 1921 года, Чан вновь высказал ему сомнения в преданности Чэнь Цзюньмина, но Сунь Ятсен повторил то, что написал в письме: «Постарайся наладить сотрудничество с нашими друзьями. Время работает на нас».

Чан постарался, но ненадолго. Через две недели он опять уехал в Шанхай, подав прошение об отставке. Сунь Ятсену же оставил письмо, в котором, в частности, подчеркнул: «Господин Чэнь Цзюньмин... никогда не будет уважать партию и никогда не будет уничтожать ее врагов. <Впрочем> я надеюсь, Вы сможете изменить его, направив <на путь истины>».

Но Сунь не прислушался к совету пусть и строптивого, но верного ученика. 7 апреля 1921 года в Кантоне Сунь Ятсен был провозглашен «чрезвычайным президентом Китайской Республики» и 5 мая официально вступил в должность. (На самом деле он контролировал только часть

Южного Китая, но так звучало солиднее.)

Чан же находился в Сикоу. Его мать давно уже была больна, и он старался облегчить ее страдания. Но тут он получил телеграмму от Сунь Ятсена: северные милитаристы неожиданно объявили о начале похода на юг, против кантонского правительства, и вождь Гоминьдана просил о помощи. Чэнь Цзюньмин тоже умолял вернуться.

Телеграммы от Суня, Чэня и других соратников по партии следовали одна за другой. 21 апреля 1921 года Сунь даже сообщил Чану, что, как тот и хотел, он объявил мобилизацию. И во второй половине мая Чан (в седьмой раз!) выехал на юг.

Но на третью ночь по прибытии он увидел странный сон: перед ним вдруг выросла гора, вся покрытая белым снегом. Белый, как мы помним, цвет траура в Китае, и Чан ужасно разволновался. Сон оказался вещим: на следующий день он получил депешу из родной деревни о том, что матери стало хуже. Тут уж и Сунь Ятсен не мог его задерживать. 27 мая Чан отплыл из Кантона и уже 31 мая в полночь был в Сикоу. В операции по покорению Гуаней, которая началась в июне, он участия не принял.

Помочь матери, однако, он не мог и все дни был подавлен и озлоблен. Он не только любил мать больше всех на свете, но и считал ее самым близким другом. Теперь же чувствовал, что становится совершенно одинок, и ему не хотелось ни с кем общаться. «Фальшивых друзей у меня много, а настоящих мало, — записал он в дневнике, — эгоистов вокруг много, а тех, кто пожертвует всем для общего дела и друга, — мало. Поэтому я жажду одиночества, хочу обрубить все связи с внешним миром, но не могу».

Почтенная Ван тихо скончалась 14 июня 1921 года в 7 часов 49 минут утра на пятьдесят восьмом году жизни.

Чан был совершенно раздавлен. Тупо смотрел он на то, как собравшиеся в доме родственники и соседи, громко плача, перенесли тело покойной на так называемую «водяную постель», сбитую из трех досок в главной комнате. На ней потом женщины омыли тело, а ноги перевязали красным шнуром, чтобы покойница спокойно почивала и уже не могла подняться. Кто-то заклеил окна и занавесил семейный алтарь белой бумагой, кто-то вывесил на воротах дома белой листок с траурным объявлением, кто-то подвесил над телом покойницы мертвого петуха, чтобы смерть больше не заглядывала в этот дом: по местным поверьям, двух мертвецов Богу Смерти Яньвану было достаточно. Вскоре появились буддийские монахи из монастыря Золотого бамбука, в котором когда-то служила послушницей мать Чана, и стали распевать заубойный молебен. Каждый из присутствующих вложил в руки покойницы свой волос, давая

понять, что хочет быть вместе с ней при новом перерождении. Отрешенный Чан тоже вырвал у себя волос и вложил его в ледяную руку матери.

На следующий день гроб с телом перенесли в глубокий холодный погреб, где он должен был храниться до похорон: по совету геоманта (кстати, одного из старых членов Гоминьдана, приглашенного Чаном из Шанхая), они должны были состояться через пять месяцев — 23 ноября — именно этот день выпал благоприятным.

Через три дня Чан получил телеграмму с соболезнованиями и две тысячи китайских долларов от Сунь Ятсена, а также тысячу от Чэнь Цзюньмина. Вскоре пришли телеграммы от многих других товарищей по партии, в том числе «кровных братьев» — «цикады» Чжана и Дай Цзитао. Но Чан был неутешен. Он пожертвовал десять тысяч китайских долларов женскому монастырю Золотого бамбука, попросив использовать их для создания монастырской школы. После чего решил все финансовые вопросы с организацией торжественных похорон 23 ноября. Было решено, что они состоятся на вершине холма в двух *ли* (*ли* — китайская мера длины, равная 0,576 километра) к западу от Сикоу. К этому дню должна была быть готова могила и сооружен временный мемориал. (Постоянный мемориал должен был появиться через два года.) Предварительные работы по расчистке места и рытью могилы были оценены в три-четыре тысячи китайских долларов.

В конце августа 1921 года, оставив дом на жену Фумэй, Чан уехал в Шанхай, откуда в начале сентября отплыл в Кантон. Там в течение нескольких дней он обсуждал с Сунь Ятсеном и самыми близкими к нему людьми планы и сроки Северного похода. Затем отправился в город Наньнин (провинция Гуаней), в ставку Чэнь Цзюньмина. Здесь его опять ждало разочарование. Генерал Чэнь не желал предпринимать Северный поход, считая необходимым сначала укрепиться в Южном Китае. И Чан опять потерял контроль над собой. «Люди из Гуандуна и Гуаней ужасно лживы, — записал он в дневнике. — Не могу избавиться от брезгливого чувства... У гуандунцев... совершенно нет понятия о морали и долге».

В гневе он вернулся в Кантон и доложил о ситуации Сунь Ятсену. Сунь тут же провел тайное совещание со своими единомышленниками и принял решение, что в Северный поход на Южную Хунань в определенное время выступит 2-й корпус Гуандунской армии под командованием самого Чан Кайши. После этого он отпустил Чана домой в Сикоу, чтобы тот захоронил тело матери и провел необходимые по ритуалу обряды.

В назначенный день, 23 ноября, состоялись торжественные похороны

на холме, указанном ранее геомантом. В мемориал была вмонтирована плита, присланная вождем и учителем Чана — Сунь Ятсеном. На ней было высечено: «Могила матушки Цзян». (Как мы помним, Цзян — родовая фамилия Чан Кайши.) Иероглифы на камне передавали почерк самого Суня. Они были выгравированы близкими соратниками вождя, Ху Ханьминем и Ван Цзинвэем. На похоронах от имени Суня присутствовал «кровный племянник» Чана — Чэнь Гофу. Он передал Чану скорбное послание Сунь Ятсена.

Через того же Чэнь Гофу Сунь просил Чана поскорее вернуться в Гуандун: он был полон решимости начать Северный поход. Перед отъездом Чан объявил Фумэй и Ечэн, что разводится с ними, а все имущество делит между сыновьями; дела же, связанные с хозяйством, передает в ведение своей неродной тетки Сунь (младшей сестры второй жены отца). Развод с Фумэй он, правда, не оформил официально, так как она и ее родственники решительно воспротивились этому. Фумэй потеряла только имущественные права, но осталась жить в Сикоу. С наложницей Ечэн было легче: Чан обещал платить ей определенную сумму на содержание, и та смирилась. Что касается старшего сына Цзинго, то он по-прежнему оставался с матерью, а младший Вэйго — с Ечэн. Чан написал им обоим письмо, объявив, что отныне, после смерти их бабушки, «может полностью посвятить себя своей стране». «С восемнадцати лет главной целью моей жизни была революция, — объяснил он, — в сравнении с этой высшей целью жизнь, смерть, слава и поражение не имели для меня никакого значения. Единственное, что меня волновало, это благополучие моей матери... Но теперь мне не надо об этом беспокоиться».

Младший сын Вэйго громко плакал, прощаясь с ним. Он хотел поехать с отцом, повис у него на шее, и Ечэн стоило труда оторвать его. У Чана разрывалось сердце: он любил этого маленького приемного сына сильнее, чем родного («Вэйго славный, а Цзинго жалкий», — записал он в дневнике накануне отъезда). Но ему надо было исполнить свой долг.

12 декабря он вновь уехал в большой мир. В родном доме ему было теперь неуютно.

Часть II
АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ

蔣

Кантон — Шанхай — Москва — Кантон

По дороге на юг в декабре 1921 года Чан, остановившись на несколько дней в Шанхае, решил еще одно важное для себя дело. Приобрел очередную наложницу. Новая подруга Чана была совсем девочкой: за три с половиной месяца до того ей исполнилось 15 лет (она родилась в год Лошади, 3 апреля 1906 года)! Чану же в то время шел тридцать пятый год, то есть разница между молодыми составляла 19 лет.

Да и в этом отношении Чан мог смело считать себя верным учеником Сунь Ятсена, тоже любившего невинных девушек. Правда, его жене Сун Цинлин во время бракосочетания было все же не пятнадцать, а целых двадцать три, но и Суню шел тогда пятидесятый год!

Звали девочку Чэнь Фэн (Чэнь «Феникс»), и была она родом из очень богатой шанхайской семьи, близких знакомых «цикады» Чжана, «кровного брата» Чан Кайши. В доме «цикады» Чан и увидел ее впервые. Ей тогда было около тринадцати, и объективно она была некрасива: очень высокая, худая, с большим ртом и тяжеловатой нижней челюстью. Но ее черные глаза проникали в душу. Вела она себя скромно, было заметно, что хорошо воспитана. Домашние звали ее либо А Фэн, что значит «Маленький феникс», либо на английский манер — Дженни.

В будущем она, правда, проявит себя далеко не такой безобидной, какой казалась. Когда Чан оставит ее в сентябре 1927 года ради женитьбы на новой пассии — Сун Мэйлин, она не в силах будет сдержать обиду. После поражения Чан Кайши в гражданской войне и его бегства на Тайвань она, живя в Гонконге, напишет воспоминания, в которых, во-первых, заявит о том, что была законной второй женой Чана (после Фумэй), тогда как это не так, а во-вторых, расскажет про Чан Кайши, Ечэн и Сун Мэйлин массу грязных историй. Более того, будет уверять, что Чан Кайши никогда не любил Сун Мэйлин и, женившись на ней по политическим причинам, даже не спал с ней. В общем, по ее словам, Чан всю жизнь обожал только ее одну, гордую красавицу, — и до, и во время, и после разрыва с ней.

Многое из того, что она рассказала, проверить, конечно, нельзя, но книга, изданная почти одновременно на Тайване, в КНР и США в 1992–1993 годах, в целом производит впечатление дешевого любовного романа, где есть всё: кровь, страсть, предательство, острый нож, дурная болезнь и даже попытка изнасилования тринадцатилетней девочки диким мужланом. Чан предстает то умирающим от любви молодым офицером, готовым

отрезать себе палец, только бы завоевать неприступную красавицу, то мерзким эгоистом, из-за которого отринутая им женщина пытается покончить с собой. Лишь некоторые описываемые в книге события могут быть подтверждены документами, но в целом книга изобилует ошибками и откровенной неправдой. Просто удивительно, как некоторые биографы Чана, в том числе такой авторитетный, как Джонатан Фенби, не задумываясь, принимают на веру всё, что в ней написано!

Дженни, например, утверждает, что Чан официально женился на ней в Шанхае 5 декабря 1921 года, после чего молодые провели три дня в отеле «Дадун» («Великий Восток»), затем — десять дней в Сикоу, родной деревне Чана, потом еще четыре дня в Шанхае, затем посетили Сучжоу, а потом, вернувшись в Шанхай, в течение минимум десяти дней лечились от гонореи, которой Чан заразил свою избранницу. По-видимому, в Сикоу они с Дженни действительно съездили (по крайней мере, 12 декабря, судя по дневнику, Чан был в Нинбо, откуда до Сикоу рукой подать), но все остальное — плод фантазии обиженной женщины.

Скорее всего дело было так. Когда понравившаяся Чану девочка достигла брачного возраста, «цикада» Чжан по просьбе Чана переговорил с ее матерью (отец Дженни умер 7 сентября 1921 года), и та согласилась, чтобы ее дочь переехала жить к важному гоминьдановскому генералу, «кровному брату» «выдающегося человека» Чжана и близкому соратнику Отца Республики Сунь Ятсена. О законной женитьбе речь никоим образом идти не могла, поскольку Чан не был формально разведен с Фумэй. Однако в старом Китае положение любимой наложницы было не менее, а иногда даже более значимо, чем нелюбимой жены, так что проблем с этим не было. Чан сделал предложение, Дженни согласилась, и 5 декабря в большом зале отеля «Дадун» состоялся банкет. Но, увы, никакого «бракосочетания» не было, хотя Дженни и пересказывает содержание «брачного свидетельства», якобы подписанного Чан Кайши и ею и утвержденного «цикадой» Чжаном, свахами, ее матерью и свидетелем жениха, Дай Цзитао. Но она не публикует ни фотокопии документа, ни фотографий со «свадьбы». Кстати, и Чан Кайши в дневнике ни словом не упоминает об этой «женитьбе». Он пишет только о том, что жил в Шанхае в отеле «Дадун».

В общем, из Шанхая Чан с новой наложницей в конце декабря 1921 года приехал на юг Китая. Своей пассии он дал новое имя Цзежу, что значит «чистая и непорочная»; оно ей очень понравилось.

В то время Сунь Ятсен находился в столице провинции Гуаней —

городе Гуйлине, почти за тысячу *ли* к северо-западу от Кантона. Там верные ему части Гуандунской армии под командованием генерала Сюй Чунчжи, к которому Сунь относился как к сыну, готовились к Северному походу, и Сунь Ятсен то и дело проводил военные совещания.

Кроме того, в Гуйлине с 23 декабря 1921 года Сунь вел тайные переговоры с новым представителем Коминтерна Гендрикусом Снефлитом, голландским евреем по происхождению, представившимся ему как Ма Линь (так на китайском языке звучал его псевдоним Маринг, под которым он работал в Исполкоме Коминтерна; в Китае он был также известен под псевдонимами Андресон и Филипп). Это был человек лет сорока, очень уверенный в себе, энергичный и импозантный.

Маринг прибыл к Суню со своим переводчиком, молодым китайцем лет двадцати трех интеллигентной наружности. Звали этого переводчика Чжан Тайлэй. Маринг предложил Суню установить секретный союз Гоминьдана с Советской Россией, отправив в Москву через Германию под видом предпринимателей нескольких гоминьдановских «делегатов». Он выдвинул также предложения об ориентации Гоминьдана на поддержку народных масс, о создании школы по подготовке военных кадров китайской революции, а также о превращении Гоминьдана в сильную политическую партию, которая объединила бы представителей различных слоев общества.

Его предложения произвели на Суня сильное впечатление, и он с глазу на глаз заверил Маринга, что сам является «большевиком». 4 января 1922 года, выступая перед гуандунским землячеством в Гуйлине, Сунь Ятсен дал всем понять, что хочет построить в Китае такое же государство, какое существует в Советской России, то есть «республику самого нового типа».

К тому времени в Китае с помощью российских большевиков начало развиваться коммунистическое движение. После того как в июле 1920 года Чэнь Дусю, опираясь на финансовую поддержку со стороны представителя Коминтерна Войтинского, организовал первый большевистский кружок в Шанхае, аналогичные кружки возникли в Пекине, Чанше, Цзинани, Кантоне, Ухани и даже в Токио (там кружок организовали двое китайских студентов). В июле 1921 года в Шанхае и Цзясине (провинция Чжэцзян) с помощью Маринга и еще одного посланца Советской России Бориса Никольского (он же Василий Берг, Василий, Васильев; настоящее его имя — Владимир Абрамович Нейман) был проведен I съезд Коммунистической партии Китая (КПК), где секретарем Центрального бюро был избран Чэнь Дусю. Сам Чэнь участия в съезде не принимал, так как находился в Кантоне, где являлся одним из министров гоминьдановского правительства.

Китайских коммунистов в то время насчитывалось немного: всего 53 человека, но они были полны решимости радикально преобразовать Китай, направив его по пути советского большевизма. Коминтерновскую идею единого антиимпериалистического фронта восточных коммунистов и националистов, выдвинутую Лениным еще летом 1920 года, они решительно отвергали. Маринг и Никольский пытались их вразумить, но безрезультатно.

Поездка на юг и беседы с Сунь Ятсеном и другими руководителями Гоминьдана, в том числе Чэнь Цзюньмином, знакомство с достижениями гоминьдановцев в организации рабочего движения в Кантоне укрепили решимость Маринга способствовать тому, чтобы лидеры КПК отказались «от своего одностороннего положения по отношению к Гоминьдану». Более того, Маринг считал, что китайским коммунистам следует войти в суньятсеновскую партию, чтобы «развить политическую деятельность *внутри* Гоминьдана». Таким путем, полагал он, КПК будет легче связаться с рабочими и солдатами Южного Китая, где власть находилась в руках сторонников Сунь Ятсена. Разумеется, КПК не должна была «отказаться от своей самостоятельности».

Инициатива Маринга о вступлении коммунистов в Гоминьдан получила одобрение Сунь Ятсена, а также ряда других руководящих гоминьдановских деятелей, которые заверили представителя Коминтерна, что не будут препятствовать коммунистической пропаганде внутри своей партии. К межпартийному же сотрудничеству Гоминьдана и КПК Сунь Ятсен отнесся пессимистически.

Маринг уехал из Гуйлиня в середине января 1922 года, как раз тогда, когда Чан Кайши с Дженни прибыли в ставку Сунь Ятсена. Чан, похоже, разминутся с посланцем Москвы: иначе он отметил бы встречу в дневнике. Возможно, впрочем, что Сунь не захотел посвящать Чана в свои политические дела, а потому не представил его Марингу. В то время он стремился использовать Чана лишь как военного советника, ценя его талант штабиста и стратега.

Для политических же консультаций у Суня имелись Ху Ханьминь и Ляо Чжункай, оба щуплые, в чем душа держится, но необычайно энергичные и одаренные. Ху, родившийся в 1879 году, блестящий публицист и бесстрашный революционер, был особенно близок к Суню. Редактор главного органа «Объединенного союза» — журнала «Народ», он во время Синьхайской революции стал военным губернатором Гуандуна, а потом потерял свой пост, выступив против Юань Шикая. Ляо, бывший на два года старше Ху, тоже участвовал в революции, смело боролся с Юанем,

и Сунь отдавал должное его организаторскому таланту. Очень ценил Сунь и Ван Цзинвэя, лучшего оратора партии, ставшего знаменитым в 1910 году, когда организовал покушение на маньчжурского князя-регента Цзайфэна. Покушение, правда, не удалось, Вана, которому в то время было 27 лет, приговорили к пожизненному заключению^[18], и только Синьхайская революция освободила его. Эти трое революционеров входили в мозговой штаб Сунь Ятсена со времени основания «Объединенного союза» и по своему положению в партии были выше Чан Кайши. В то время они, особенно Ляо и Ван, горячо поддерживали развитие отношений Гоминьдана с Советской Россией.

Чан прибыл к Суню полный энергии, с детально разработанным планом Северного похода. Но вскоре обнаружил, что никаких надежд на военную экспедицию нет. Хотя у Сюй Чунчжи и союзной с ним Юньнань-гуйчжоуской армии было 30 тысяч солдат и офицеров, но у Суня не имелось ни достаточных средств, ни вооружения. А командующий Гуандунской армией Чэнь Цзюньмин был по-прежнему против Северного похода, хотя и обещал прислать деньги и оружие. Однако в последний момент обманул и в конце марта 1922 года даже организовал убийство суньятсеновского посредника, ведшего переговоры в Гонконге о приобретении вооружения.

Чан тут же предложил Сунь Ятсену послать карательную экспедицию против Чэнь Цзюньмина, находившегося в Кантоне, но Сунь не согласился. Он лишь сместил Чэнь Цзюньмина с постов командующего армией, губернатора Гуандуна, военного министра и министра внутренних дел кантонского правительства. Он не хотел нести ответственность за развязывание войны с генералом Чэнем. В апреле злой и раздраженный Чан подал в отставку и вместе с Дженни, несмотря на уговоры Суня, уехал в Шанхай, куда прибыл 27 апреля. Оттуда он отправился на берег озера Тайху, в город Хучжоу (провинция Чжэцзян), на могилу своего «кровного брата» Чэнь Цимэя. По-видимому, хотел излить старому другу все обиды, скопившиеся в душе за последнее время.

Между тем вооруженный конфликт между Сунем и генералом Чэнем назревал. Получив приказ о снятии его со всех постов, Чэнь Цзюньмин немедленно выехал из Кантона в Хуэйчжоу, главный город Восточного Гуандуна, своей малой родины. В начале 1922 года противоречия Чэнь Цзюньмина с Сунь Ятсеном настолько обнажились, что не укрылись от глаз Маринга. «Его отношение к Сунь Ятсену <уже тогда> было очень негативное», — докладывал позже в Москву Маринг. Чэнь стал настаивать на отставке Сунь Ятсена.

9 мая Сунь Ятсен объявил о начале Северного похода против милитаристов Цзянси, и верные ему войска под командованием Сюй Чунчжи перешли границу этой провинции. Сунь с товарищами настойчиво звал Чан Кайши вернуться. Но Чан закусил удила и бомбардировал телеграммами Суня и других вождей Гоминьдана из своего шанхайского далека. Он твердил о необходимости покончить с Чэнь Цзюньмином, считая это необходимым условием успешного осуществления Северного похода. Даже писал самому генералу Чэню, призывая его «ради нашей прежней дружбы... уйти в отставку раз и навсегда или по крайней мере на какое-то время».

Скорее всего, он сознательно обострял ситуацию. И делал это, несмотря на неоднократные просьбы товарищей по партии «прекратить требовать от нашего вождя атаковать генерала Чэнь Цзюньмина». «Твои многочисленные письма и телеграммы, — писал ему, например, Ху Ханьминь, — ...вызовут только великое смущение умов... Множество ложных слухов <о намерении Сунь Ятсена нанести удар по Чэнь Цзюньмину> уже поползло. И хуже всего то, что если Чэнь Цзюньмин поверит этим сплетням, Кантон легко превратится в кровавое поле брани».

Так, собственно, и случилось. В ночь с 15 на 16 июня 1922 года сторонники генерала Чэнь Цзюньмина подняли мятеж против Сунь Ятсена. Суню и его жене чудом удалось бежать из дворца под грохот артиллерийской канонады. Жена нашла убежище у друзей в Линнаньском университете, на противоположном от Кантона южном берегу реки Чжуцзян (она была беременна, и в ту ночь у нее случился выкидыш). Сунь же укрылся на борту военного корабля «Юнфэн», стоявшего на кантонском рейде Чжуцзяна. Оттуда он, близкий к самоубийству, 18 июня отправил телеграмму Чан Кайши (для конспирации указав адресатом сына Чана, Вэйго): «Ситуация в Гуандуне критическая. Нет никого, кто возглавил бы армию. Дело не терпит отлагательств. Немедленно приезжай». Подобные телеграммы Чану направили Ван Цзинвэй и еще один близкий к Сунь Ятсену человек, Линь Емин.

— Я предупреждал! Я предупреждал! — кричал Чан, получив их. И приказал Дженни: — Собирайся! Мы отплываем в Кантон немедленно!

Он тут же написал «цикаде» Чжану, чтобы тот позаботился о его семье в случае его гибели, взял у председателя Шанхайской палаты — соратника Суня — 60 тысяч китайских долларов и 25 июня вместе с Дженни был уже на борту парохода, отправлявшегося из Шанхая в Кантон, куда прибыл через четыре дня.

Поднявшись на борт крейсера «Юнфэн», он увидел, что Сунь едва

сдерживает слезы. Из всех лояльных к нему военных он, кроме Чана, не мог ни на кого опереться. Сюй Чунчжи и другие генералы были на фронте в Цзянси, а вскоре пришли известия о том, что, взяв Кантон, генерал Чэнь атаковал и войска Сюя, нанеся им тяжелейшее поражение. Северный поход захлебнулся. В полном отчаянии Сунь обратился к американцам с просьбой ввести в Гуандун войска, но правительство США отклонило это предложение. Он попытался связаться с Чэнь Цзюньмином, но у него ничего не вышло.

В этой ситуации Чан Кайши принял единственно правильное решение: немедленно бежать. Сунь согласился и 10 августа 1922 года вместе с женой, Чаном и Дженни отплыл на шхуне, предоставленной ему англичанами, в Гонконг, откуда на канадском судне «Императрица России» утром 14 августа благополучно добрался до Шанхая.

Перед отъездом Сунь Ятсен отправил записку одному из представителей Советской России Сергею Алексеевичу Далину, находившемуся в Кантоне: «Много я думал в эти дни о судьбе китайской революции. Я разочаровался почти во всем, во что раньше верил. И теперь убедился, что единственным действительным и искренним другом китайской революции является Советская Россия... В случае неудачи я уеду в Советскую Россию».

Чан Кайши тоже левел не по дням, а по часам. В его дневнике за октябрь 1921-го — март 1923 года можно найти такие записи: «Хочу открыть школу <в Сикоу>, но местные шэньпи сильно противятся... В деревне людям очень тяжело жить, во всех делах простому человеку ставят палки в колеса, нет возможности изменить общество к лучшему... Китайские торговцы — жуткие снобы, презирают всех, кто стоит ниже их на социальной лестнице, ужасные бюрократы и лжецы. Видя это, испытываю ненависть... Просто ненавижу мерзких и завистливых торговцев». Уезжая из Сикоу в большой мир еще в конце 1921 года, он поклялся не возвращаться до тех пор, пока деревенская элита не будет уничтожена под корень, хотя в глубине души признавал, что это «совсем не тот путь», который раскрывает перед ним Будда, столь почитавшийся его матерью.

Вернувшись вместе с Сунь Ятсеном в Шанхай 14 августа 1922 года, Чан по его просьбе занялся разработкой плана о переносе военной базы китайской революции в Ургу, столицу Монголии. План требовал координации действий с советской стороной, поскольку Монголия, бывшая до Синьхайской революции под властью Цинской империи, с 1912 года находилась под фактическим протекторатом русских — по секретному

договору, заключенному монголами с царской Россией. После Октябрьской революции ее оккупировали белые войска барона Романа Федоровича фон Унгерн-Штерберга, а в мае — августе 1921 года — Красная армия. Все китайские политики, включая Сунь Ятсена, тем не менее считали Монголию китайской территорией, но Сунь, зависевший теперь от советской помощи, готов был на некоторое время закрыть глаза на присутствие в Монголии большевистских войск.

План Чан Кайши был нереальным, но получил одобрение Суня, находившегося в то время не в лучшей форме. Чан собирался на территории Монголии организовать и вооружить в течение двух лет армию в 18–30 тысяч солдат и офицеров. После этого вторгнуться в Китай, свергнуть пекинское правительство и установить контроль над всей долиной реки Хуанхэ и лунхайской железной дорогой, пересекающей Северный Китай с запада на восток^[19]. Затем он планировал пересечь реку Янцзы и освободить Южный Китай.

С конца сентября по конец декабря 1922 года Сунь обсуждал этот план, который, по его словам, был «смел и нов и, кроме того, революционен», с военным атташе полпредства РСФСР в Китае, бывшим начальником Военной академии Красной армии Анатолием Ильичом Геккером, Марингом и Адольфом Абрамовичем Иоффе, видным российским большевиком, прибывшим в августе 1922 года в Пекин в качестве руководителя советской дипломатической миссии. Иоффе сообщил о плане в Москву, заявив, что, с его точки зрения, он «фантастический», но Сунь «продолжает носиться» с ним. В ноябре 1922 года Сунь послал к Иоффе в Пекин одного из своих доверенных лиц для связи, а в самом конце декабря 1922 года поставил перед Иоффе вопрос ребром: «Я могу сейчас двинуть почти сто тысяч из Сычуани через Ганьсу во Внутреннюю Монголию... МОЖЕТ ЛИ ВАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОМОЧЬ МНЕ ЧЕРЕЗ УРГУ И, ЕСЛИ ТАК, ТО В КАКОЙ МЕРЕ И В КАКОМ ОТНОШЕНИИ?»^[20]

Но советское правительство тянуло с ответом. И Сунь Ятсен продолжал вести переговоры с Иоффе, Марингом, другими представителями РСФСР и Коминтерна и даже писал Ленину, Троцкому и Чичерину.

Одновременно, чтобы завоевать доверие русских, он стал вести переговоры с китайскими коммунистами о их вступлении в Гоминьдан и об образовании с ними единого антиимпериалистического фронта.

Все это время Чан не только помогал вождю, но и укреплял свое

положение в партийной верхушке. Помимо разработки военного плана к 13 сентября 1922 года он написал брошюру в 70 страниц «Записки о зловключениях великого президента Суня в Кантоне». Составлены они были в виде хроники, охватывающей события с 15 июня по 15 августа 1922 года. Для Чана публикация этой брошюры (она вышла в Шанхае в октябре 1922 года, после чего неоднократно переиздавалась) имела огромное значение. Главными персонажами в ней были Сунь Ятсен и сам Чан Кайши — единственный из учеников вождя, пришедший к нему на помощь. По просьбе Чана Сунь написал предисловие к брошюре, а «цикада» Чжан красивыми иероглифами вывел ее название, воспроизведенное на обложке. В предисловии вождь воздал хвалу верному ученику: «Когда предатель Чэнь поднял мятеж, Кайши прибыл в Гуандун, чтобы разделить с нами тяжести, и взошел на корабль. Он был рядом со мной все дни, и многие его предложения вызывали у меня радость». Чтобы завоевать себе место рядом с Сунь Ятсеном, Чан сознательно выбрал даже название брошюры, напомиравшее заглавие воспоминаний самого Суня о его похищении в Лондоне в 1896 году (на китайском языке книга Суня называлась «Записки о зловключениях в Лондоне»).

Тогда же Чан опубликовал фотографию, сделанную на борту крейсера: он, молодой офицер, стоит за спиной Суня, как бы прикрывая вождя от возможного предательского удара; оба в белых морских кителях, и их полные отваги взгляды устремлены вперед. Как брошюра, так и фотография убедительно демонстрировали всем окружающим его тесные связи с вождем.

Находясь в Шанхае, Чан принимал участие и в ряде военных совещаний, созываемых Сунь Ятсеном, то и дело предлагая планы походов против Чэнь Цзюньмина то из Фуцзяни, то из Гуаней. 20 октября 1922 года Сунь отправил Чан Кайши в Южную Фуцзянь, назначив начальником штаба в армии Сюй Чунчжи, перебазировавшейся туда после неудачных боев с генералом Чэнем.

Но тут вновь проявился неуравновешенный характер Чана. Несмотря на то что генерал Сюй всегда относился к нему, как к брату (они были ровесниками), Чан выдержал службу под его началом лишь месяц. 27 ноября он вновь был в Шанхае, из которого бежал в родную деревню. Похоже, он просто не умел подчиняться: кроме почившей матери, покойного «брата» Чэнь Цимэя, Сунь Ятсена и «цикады» Чжана он не признавал никаких авторитетов. А потому то и дело спорил с генералом Сюем, как и прежде, впадая то в депрессию, то в истерику.

Будучи, как мы уже знаем, человеком крайне импульсивным, он был

просто «не в состоянии контролировать себя в моменты стресса». От нервного переутомления у него, как и в 1914 году, разболелись глаза, и он стал терять зрение. Чан и так-то не находил себе места, а тут еще болезнь глаз! Судя по его дневнику, он был настолько подавлен, что стал подумывать о самоубийстве. Только вера в то, что «волею Неба» ему «предначертано взвалить на свои плечи миссию, определенную ему партией», остановила его.

Да, тяжелый был человек Чан Кайши, и тем, кто ценил его и уважал, как Сунь Ятсен, требовалось большое терпение в отношениях с ним! Чан и сам понимал, что с нервами у него не все в порядке, а потому по заведенной с юности привычке каждое утро, встав часов в пять или шесть, в любую погоду полчаса сидел перед открытым окном и медитировал, поджав под себя ноги и скрестив на груди руки. Он следовал советам неоконфуцианца Ван Янмина, своего любимого философа, который подчеркивал значение медитации для проникновения в собственное «я» и культивирования положительных качеств, имеющихся в каждом человеке — венце творения. Чан даже как-то, еще в начале 1920 года, попросил Сунь Ятсена написать для него каллиграфическим почерком на листе бумаги четыре иероглифа: «спокойствие», «уважение», «умиротворенность», «сосредоточенность» (*цзин, цзин, дань, и*). Сунь подарил этот постер Чану на Новый год по лунному календарю, 20 февраля, и тот повесил его у себя в доме.

Между тем в середине января 1923 года подкупленные Сунем за 400 тысяч китайских долларов гуансийские и юньнаньские войска нанесли ряд поражений Чэнь Цзюньмину, вынудив его бежать в Восточный Гуандун. Это стимулировало интерес Москвы в укреплении связей с Сунь Ятсеном. 17 января 1923 года к Суню в Шанхай приехал сам полпред Советского Союза Адольф Абрамович Иоффе. В беседе с ним Сунь Ятсен, по словам советского представителя, поставил свой «окончательный» военный план с «головой на ноги». Он уже не требовал ни советской интервенции в Китай, ни дислокации его войск в Монголии, хотя, как покажет будущее, не отказался от этих планов. На этот раз он просил только оказать ему военную и финансовую помощь. Иоффе горячо поддержал его, посоветовав в письме Ленину и другим руководителям большевистской партии пойти ему навстречу.

26 января 1923 года Сунь опубликовал в Шанхае совместное с Иоффе сообщение, в котором, в частности, подчеркивалось: «Китай пользуется самой широкой симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России». Обе стороны обнаружили «полное совпадение их

взглядов на китайско-русские отношения», подчеркнув, что «в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае» из-за отсутствия необходимых условий; «самой насущной и важной задачей Китая является его национальное объединение и приобретение полной национальной независимости».

Через месяц, 21 февраля, Сунь вернулся в освобожденный Кантон, вновь возглавив местное правительство, которое назвал военным. Себя он опять провозгласил генералиссимусом. А в Советском Союзе 8 марта 1923 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение оказать «денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов^[21]», то есть примерно 555,5 тысячи американских долларов, и послать к нему группу «политических и военных советников». Кроме того, Политбюро решило «заложить основу революционной армии в Западном Китае».

Еще находясь в Шанхае, Сунь настойчиво звал Чан Кайши поехать с ним в Кантон. 3 февраля 1923 года он включил его в состав высшего органа управления войсками: Военного совета Гоминьдана, который возглавил сам. А 18 февраля назначил начальником штаба уже не армии Сюй Чунчжи, которому Чан не хотел подчиняться, а своей личной ставки.

Но Чан Кайши продолжал болеть. Судя по всему, он никак не мог выйти из очередного цикла нервного расстройства и все копался в себе и в отношении к нему окружающих. Это видно по записям в его дневнике. «Мои родители хотели, чтобы я стал совершенным человеком, — записал он в те дни, — но я и сегодня — маленький ребенок, обуреваемый злыми страстями... Кто, кроме Сунь Ятсена, относится ко мне искренне? Таких людей можно пересчитать по пальцам. Те, кому я когда-то верил, больше не заслуживают доверия. Во всех делах в Поднебесной надо опираться только на себя. Во всем мире близким мне человеком можно считать только Сунь Ятсена. Помимо него у меня есть лишь дети. Все же остальные — вызывающие отвращение животные».

Похоже, в то время к этим животным он стал уже относить и свою новую пассию Дженни. Во всяком случае о ней, как о близком человеке, он в дневнике не упомянул. Тем не менее взял ее с собой в Кантон, когда наконец в середине апреля 1923 года после настойчивых просьб Сунь Ятсена, «цикады» Чжана, Ляо Чжункая и других товарищей по партии поехал туда.

В Кантоне Чан с головой ушел в разработку операции по разгрому войск Чэнь Цзюньмина, которые закрепились в восточном Гуандуне. Как

начальник штаба ставки генералиссимуса он теперь подчинялся только Суню. Казалось, его честолюбие должно было быть удовлетворено. Но увы! Ему и этого было мало. Он по-прежнему хотел, чтобы все генералы и офицеры беспрекословно принимали его военные планы, но у тех имелись свои мнения. К тому же у Чана возникли разногласия с министром финансов кантонского правительства Ляо Чжункаем по вопросам финансирования армии.

В итоге 12 июля Чан вспылil и, накричав на Ляо Чжункаю, в гневе опять подал в отставку, после чего уже через несколько часов вместе с Дженни сел на пароход, отправлявшийся в Гонконг. Оттуда он вновь бежал в Шанхай, а затем к себе в деревню. Уезжая, он оставил письмо, в котором излил негодование по адресу бывших друзей — Ляо Чжункаю и генерала Сюй Чунчжи, и, как было уже не раз, попросил отправить его в Россию, заявив, что после возвращения из Москвы хотел бы занять какой-нибудь пост в армии, на котором мог бы действовать без чьего-либо вмешательства. Что это за пост, он не уточнил.

Находившийся в то время в Кантоне представитель Коминтерна Маринг всем этим был страшно удивлен. Он много общался с Чаном в то время и в конце июля 1923 года в одном из писем Иоффе характеризовал его как «наиболее доверенного помощника Суня», «одного из... <его> лучших генералов» и «одного из лучших членов ГМД». «Он никогда не стремился занять какой-либо пост и не участвовал в борьбе за должности», — добавил он. Маринг попытался прояснить причины отъезда Чана у Сунь Ятсена, но тот не захотел говорить об этом. Зато Ляо Чжункаю был более-менее откровенен: «Он устал от безуспешной борьбы здесь в Гуандуне, так как его планы не могли быть реализованы из-за споров между генералами».

Терпеливый Сунь Ятсен вновь пошел Чану навстречу. Уже 23 июля, то есть на следующий день после приезда Чан Кайши в Сикоу, Ван Цзинвэй, явно по просьбе вождя, прислал Чану телеграмму, вызывая его в Шанхай. А через три дня, 26 июля, передал ему предложение Суня: отправиться в Москву во главе специальной миссии, персональный состав которой был определен в последующие дни: два гоминьдановца, включая Чана, и два коммуниста, один из которых — знакомый нам Чжан Тайлэй, бывший переводчик Маринга^[22]. Наконец-то давняя мечта Чан Кайши посетить Россию начала сбываться.

Сунь Ятсен очень многого ожидал от этой поездки. Во-первых, ему хотелось, чтобы его доверенный человек своими глазами увидел то, что происходит в СССР, выяснив все «за» и «против» советской власти. Во-вторых, он рассчитывал, что Чан детально ознакомится с опытом

партийного и военного строительства в Советской России, с организацией работы в области образования, пропаганды и молодежной политики. В-третьих, он полагал, что Чан обсудит с вождями РКП(б) и Коминтерна вопросы реорганизации Гоминьдана в массовую политическую партию, получив рекомендации идеологического и организационного характера. И, наконец, — самое главное: он надеялся, что Чан убедит московских товарищей в целесообразности своего старого военного плана, который он по-прежнему вынашивал, — координирование военных действий своих войск и Красной армии против северных милитаристов и создание с помощью СССР новой военной базы Гоминьдана в Монголии или у ее границ. И предполагал даже, что две трети материальной помощи, выделяемой Москвой Гоминьдану, пойдут на строительство военной базы на севере или западе Китая.

Делегация Чан Кайши отбыла из Шанхая 16 августа 1923 года. На ответственное партийное задание в Москву ее провожал весь шанхайский бомонд Гоминьдана, включая Ван Цзинвэя и «цикаду» Чжана, а Дженни и оба сына сопровождали Чана аж до порта Дайрень (Далянь), где члены делегации пересели с парохода на поезд. К поездке Чан хорошо подготовился: еще 5 августа он написал двенадцатистраничный доклад об истории китайской революции и деятельности Гоминьдана, который собирался представить руководящим деятелям большевистской партии.

Пока Чан находился в дороге, Сунь отправил конфиденциальные письма Ленину, Троцкому и наркому иностранных дел СССР Георгию Васильевичу Чичерину, а в середине сентября — новому полпреду СССР в Китае Льву Михайловичу Карахану. В письмах он прямо заявил, что обсуждение военного плана — главная цель визита Чан Кайши. О том же он говорил с прибывшим к нему 6 октября 1923 года Михаилом Марковичем Бородиным, старым членом большевистской партии и видным работником Исполкома Коминтерна, которого Политбюро ЦК РКП(б) по предложению Сталина направило к Сунь Ятсену в качестве политического советника еще 31 июля. «Монгольская база привлекает его больше всего», — докладывал Бородин в Москву.

В Москву Чан и его товарищи прибыли 2 сентября. На Ярославском вокзале их торжественно встречали представители Наркомата иностранных дел, а на улицах столицы — толпы москвичей. Чан был в восторге: ему показалось, что на улицы вышли чуть ли не 250 тысяч человек.

На следующий день делегацию принял Войтинский, являвшийся в то время заместителем заведующего Восточным отделом Исполкома Коминтерна, а через два дня — Чичерин. И тот и другой Чану очень

понравились своей «искренностью», о чем он тут же известил Сунь Ятсена по телеграфу. Под впечатлением от первых встреч Чан с энтузиазмом начал вновь учить русский язык, а кроме того, читать «Капитал» Карла Маркса. «Первая часть этой работы показалась мне очень трудной, — написал он Дженни, — но зато вторая — и глубокой, и вдохновенной». В последующие недели он прочтет «Манифест Коммунистической партии» и некоторые другие марксистские работы.

Все, казалось, складывалось хорошо. 36-летний китайский генерал, моложавый, подтянутый, неплохо образованный, произвел на московских руководителей в высшей степени благоприятное впечатление, тем более что всячески демонстрировал свою «близость» к большевикам. «Чан Кайши... принадлежит к левому крылу Гоминьдана, являясь одним из старейших членов партии, — характеризовал его заведующий отделом Востока Наркоминдела Сергей Иванович Духовский. — Пользуется большим доверием Сунь Ятсена. Очень близок к нам. В настоящее время отошел от военной работы на Юге Китая... Известен в Китае как один из образованнейших людей».

На отношении большевиков к Чану во многом сказывалась характеристика, данная Сунь Ятсеном своему строптивому, но преданному ученику в письмах Ленину, Троцкому и Чичерину. Характеристика была настолько блестящей, что Чан Кайши чуть не расплакался, когда Духовский дал ему прочитать письма.

В сентябре и первых числах октября встречи и митинги шли друг за другом: члены делегации вели переговоры с секретарем ЦК российской компартии Яном Эрнестовичем Рудзутаком, заместителем Троцкого по Реввоенсовету Эфраимом Марковичем Склянским, главнокомандующим советской Красной армией Сергеем Сергеевичем Каменевым и неоднократно с Войтинским и Марингом, вернувшимся в Москву. Они посетили 144-й пехотный полк Красной армии, дислоцированный в Москве, различные военные учебные заведения и аэродром, Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), открытый большевиками в апреле 1921 года для восточных коммунистов, в том числе членов Коммунистической партии Китая (КПК) и китайского комсомола, и даже съездили с ознакомительной экскурсией в Петроград и Кронштадт. Эта экскурсия произвела на них особенно сильное впечатление.

На переговорах Чан называл компартию СССР «родной сестрой» ГМД, а советские хозяева именовали Гоминьдан «братом», на митингах же Чан пылко провозглашал лозунги о готовности гоминьдановцев «умереть в борьбе с империализмом и капитализмом», руки его дрожали и было видно,

что «он сильно и искренне переживал произносимые им фразы». Он пел «Интернационал», кричал «ура!», и после его речей, пения и криков слушатели, приходившие в эйфорию, подхватывали всех членов делегации на руки, качали и выносили к ожидавшему их автомобилю. Вдохновленные левизной Чан Кайши работники Коминтерна даже предложили ему вступить в компартию, но он заявил, что сначала должен посоветоваться с Сунь Ятсеном.

Со Склянским и Каменевым Чан обсудил главный вопрос, связанный с оказанием военной помощи Гоминьдану со стороны СССР. Исполняя поручение Суня, он передал им план новых военных операций в Китае, подчеркнув, что для его реализации необходимо создание северо-западной базы суньятсеновской армии: либо в самой Монголии, либо у ее границ. Окончательный вариант этого плана был утвержден Сунем 5 августа 1923 года, за 11 дней до поездки Чана.

Но тут что-то пошло не так. Радующие русских неожиданно иссякло. Весь октябрь и первую декаду ноября, кроме посещения ряда московских заводов и фабрик, делегация по сути ничем не занималась, и ни Чичерин, ни кто-либо другой из высокопоставленных лиц ее не принимали. Чан страшно разозлился: он решил, что русские просто не хотят принимать план Сунь Ятсена — тот самый, который разработал сам Чан Кайши. Для болезненно обидчивого Чана это был серьезный удар. Он захандрил, целыми днями учился играть на *цине* (старинном китайском музыкальном инструменте) и не выходил из дома. 18 октября Чан направил в Исполком Коминтерна «Доклад о национальном движении в Китае и о партии Гоминьдан», в котором среди прочего утверждалось, что третий принцип Сунь Ятсена — первый шаг к коммунизму. Однако в ответ на поступившее в тот же день предложение Чичерина встретиться ответил, что болен.

Обиженный Чан согласился на встречу с наркомом Чичериным только через три дня, но был явно не в духе, о чем Чичерин в тот же вечер сообщил полпреду СССР в Китае Карахану: «Делегация нервничает, потому что ей слишком мало занимались и ничего не выходит». Карахан посоветовал Чичерину «обласкать суньятсеновского начальника штаба», о чем нарком сообщил Сталину, Троцкому и другим вождям партии и Коминтерна, заметив: «Между тем происходит обратное. Кроме меня с ним виделся только т. Склянский... Нервозность начальника штаба доходит до крайней степени, он находит, что мы им совершенно пренебрегаем».

Да, вожди большевистской партии действительно скептически отнеслись к «фантастическим» военным планам Суня и Чана. Но не это было главной причиной их неожиданного охлаждения. Они с самого начала

считали, что было бы гораздо лучше, если бы их представители (Бородин и военспецы, посланные осенью 1923 года в Южный Китай) обсудили все, что надо, с самим Сунь Ятсеном на месте: ни Чичерин, ни кто-либо другой в Москве реальную военную ситуацию в Китае не представляли. Они вообще находили приезд Чан Кайши в СССР до получения информации от Бородина и советских военных специалистов «неудобным». Но, по словам Чичерина, «не могли отшить» Чана и поначалу вели с ним «некоторые разговоры» просто для того, «чтобы не озлобить его».

В октябре же советскому руководству стало вообще не до Китая. В большевистской партии развернулась борьба между левой оппозицией во главе с членом Политбюро и наркомом по военным и морским делам Львом Давидовичем Троцким, выступившим против бюрократического перерождения партийной верхушки, и большинством ЦК во главе с генеральным секретарем компартии Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Обе фракции, по словам Чичерина, были «очень поглощены» подготовкой к схватке на пленуме ЦК, запланированном на 25–27 октября. Одновременно и ЦК, и Исполком Коминтерна, и Наркоминдел были вовлечены в организацию крупномасштабного коммунистического восстания в Германии: германская революция рассматривалась ими как самая серьезная после Октября 1917-го попытка разжечь пожар мировой революции.

К началу ноября 1923 года, однако, стало ясно, что и большевистский путч в Германии, и левая оппозиция проиграли битву. Вот тогда-то в Кремле, казалось, снова вспомнили о Китае, хотя военного плана Суня так и не приняли. «Военные планы <Суня>, а следовательно, и чисто военные требования, обращенные к нам, откладываются до прояснения обстановки в Европе», — заявил Троцкий. Об этом Чану и другим членам делегации в мягкой форме сказал Склянский. В то же время советская сторона согласилась оказать помощь Гоминьдану в подготовке военных кадров китайской революции. Ну и, конечно, в снабжении ГМД оружием и деньгами.

Чан, конечно, был не очень доволен. Он все это время находился в депрессии и даже попросил советских хозяев устроить его на две недели в санаторий подлечить нервы. Но потом передумал, так как в начале ноября получил плохие известия из Кантона: новая экспедиция Сунь Ятсена против Чэнь Цзюньмина закончилась поражением. И Чан заторопился домой.

В последние дни перед отъездом делегация встретилась с председателем Всесоюзного Центрального исполкома Михаилом

Ивановичем Калининым (который произвел на Чана плохое впечатление своей неосведомленностью в международных делах) и наркомом просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским, приняла участие в заседании Исполкома Коминтерна, проходившем под председательством главы Исполкома Коминтерна Григория Евсеевича Зиновьева, и даже нанесла визит Троцкому. Вообще-то Троцкий считал «нецелесообразным свидание с китайским генералом, который уже виделся с тов. Склянским и Главкомом», но все же уступил Чичерину, который настойчиво старался «устроить свидание» Чана с наркомом по военным и морским делам.

Хотя Чан по-прежнему расхваливал большевиков и твердил о том, что Гоминьдан тоже «сделает что-нибудь на коммунистической основе», но чувствовалось, что он разочарован. Троцкий же его просто разозлил, поскольку не только посоветовал Суню и Гоминьдану «как можно быстрее» отказаться «от военных авантюр, направив все свое внимание на политическую работу Китая», но и заметил, что в будущем «Гоминьдан сможет начать военные действия не из Монголии... а на территории *собственной страны*»! (Выделено мной. — А. П.)

Чан просто задохнулся. Ведь, как мы помним, и он, и Сунь, да и вообще все китайцы считали Монголию частью Китая. «После этого разговора Чан Кайши рассердился на всех, говоря, что Троцкий их обманывает, — докладывал в ЦК КПК после возвращения в Китай член делегации коммунист Шэнь Сюаньлу. — Если Монголия желает быть самостоятельной, то надо, чтобы мы ее признали, чтобы мы дали ей самостоятельность, а не она сама себя признала». Чан также не мог «успокоиться, что там <в Монголии> находится Красная Армия». Когда же Шэнь, по его словам, не согласился с Чаном, тот чуть было с ним не подрался: так он был зол.

Новый приступ злобы у Чана вызвала выработанная комиссией Коминтерна под руководством одного из руководителей большевистской партии Николая Ивановича Бухарина резолюция по вопросу о национальном движении в Китае и о Гоминьдане, несмотря на то, что комиссия составила ее по просьбе самой китайской стороны. Дело в том, что большевики не учли ментальность китайцев, которые очень чувствительны к любым проявлениям высокомерия по отношению к ним. В резолюции же чувствовался менторский тон: Исполком Коминтерна поучал Сунь Ятсена, как тому надо трактовать собственные «три народных принципа» в «духе современности». Большевики выразили уверенность, что Сунь проведет в жизнь последовательную программу антиимпериалистической, национально-демократической революции,

ключевым моментом которой являлся призыв к радикальной аграрной революции и национализации промышленности.

28 ноября, за день до отъезда Чана и его компаньонов в Китай, резолюция была утверждена Президиумом Исполкома Коминтерна и передана делегации. Ознакомившись с ней, Чан записал в дневнике: «Поверхностно и неправдиво. Они поставили себя в центр мировой революции и раздуваются от самомнения. Их вождь «Зиновьев» — человек способный только разрушать, а не созидать. Я уверен, что скоро возникнет необходимость в создании IV Интернационала».

В таком неблагоприятном настроении 29 ноября Чан с делегацией выехал из Москвы на родину. Перед отъездом их принял Чичерин, после чего Наркоминдел организовал прощальный банкет. Но это уже не могло изменить негативного отношения Чана к большевикам. Поездка в Москву оказала решающее влияние на мировоззрение 36-летнего революционера. Проведя в Советской России три месяца, Чан, до того придерживавшийся левых взглядов, пришел к выводу, что «РКП(б) доверять нельзя».

Чан Кайши вернулся в Шанхай 15 декабря 1923 года и, встретившись в тот же день с ближайшими соратниками Суня, в том числе с Ху Ханьмином, Ван Цзинвэем и Ляо Чжункаем, передал им доклад о поездке в Россию, составленный им для Сунь Ятсена. Сам же на следующий день уехал к себе в деревню. Чан считал свою миссию выполненной, а никаких постов ни в армии, ни в Гоминьдане он уже не занимал: ведь, как мы помним, в июле 1923 года ушел в отставку. Кроме того, ему надо было до конца года завершить работы по сооружению постоянного мемориала на могиле матери. Отложить это важное дело он никак не мог, следуя конфуцианским традициям, требовавшим от него «тщательно соблюдать все траурные церемонии, связанные с похоронами родителей, и должным образом чтить память предков».

Вот что Чан доложил Сунь Ятсену:

«У РКП(б) в отношении Китая есть только одна цель — превратить Коммунистическую партию Китая в свой послушный инструмент. Она не верит в то, что наша партия действительно может длительно сотрудничать с ней. В своей политике коммунисты преследуют цель советизировать Северо-Восточные провинции, Монголию, Синьцзян и Тибет. Быть может, РКП(б) таит недобрые намерения и в отношении других провинций Китая.

Нельзя добиться успеха, целиком завися от помощи посторонних. Будет в высшей степени неумно, если мы отрешимся от всякого чувства собственного достоинства и унизимся до того, что начнем идолопоклонствовать перед иностранцами в надежде, что они,

исполнившись альтруизма, станут для нас носителями «небесной воли». Их интернационализм и мировая революция есть не что иное, как царизм под другим названием. Он используется лишь для того, чтобы легче ввести в заблуждение внешний мир».

Вместе с докладом Чан Кайши послал Суню и резолюцию Коминтерна по вопросу о национальном движении в Китае и о Гоминьдане. На словах же он передал Суню через Ляо Чжункая, что русским можно доверять не более чем на 30 процентов. Это же он сообщил и Ван Цзинвэю.

Но, к его разочарованию, Сунь не прислушался к предостережениям: помощь Москвы была крайне необходима вождю Гоминьдана. Сунь принял, по крайней мере формально, почти все рекомендации Коминтерна. Он не захотел принять только одну из них: по аграрному вопросу. Резолюция Президиума Исполкома Коминтерна будет им использована при написании Манифеста о реорганизации Гоминьдана, который получит одобрение I съезда этой партии в конце января 1924 года.

Чан с Дженни приехали в Кантон за четыре дня до открытия съезда, 16 января, после неоднократных просьб Сунь Ятсена, «цикады» Чжана, Ху Ханьмина, Ляо Чжункая и других вождей Гоминьдана. Сунь хотел, чтобы Чан рассказал ему лично о поездке в СССР. Выслушав Чана, он 24 января назначил его председателем подготовительного комитета по организации особого учебного заведения Гоминьдана — Офицерской школы сухопутных войск. Невзирая на свое негативное отношение к большевикам, Чан, по требованию Суня, должен был создать эту школу с помощью советских советников, тем более что сама идея школы исходила от большевиков, да и деньги на организацию школы (900 тысяч рублей) дали они же в дополнение к 186 тысячам 600 юаням, которые наскребло суньятсеновское правительство.

Чан не вошел в число 198 делегатов I съезда Гоминьдана, официально провозгласившего образование единого национального фронта Гоминьдана и КПК при сохранении самостоятельности коммунистов внутри ГМД. Но в качестве гостя он вместе с Дженни присутствовал на его заседаниях, проходивших в центре Кантона, в актовом зале Национального высшего педагогического института с 20 по 30 января 1924 года. Не вошел он и в избранные на съезде партийные органы — Центральный исполнительный комитет (ЦИК), состоявший из 41 человека (24 членов и 17 кандидатов), и Центральную контрольную комиссию (ЦКК) из пяти членов и пяти кандидатов. Ну и, разумеется, не стал членом высшего органа партийной власти — Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана, в который Сунь включил восемь своих ближайших политических соратников, в том числе

знакомых нам Ляо Чжункая, Дай Цзитао, Ху Ханьминя и Ван Цзинвэя, а также коммуниста Тань Пиншаня, что символизировало наличие в Китае единого фронта.

Вряд ли Чану было приятно, что его обошли вниманием (Дженни пишет, что он «почувствовал себя маленьким и незначительным»), но назначение председателем подготовительного комитета по организации офицерской школы улучшало настроение.

Чан еще до приезда в Кантон знал, что Сунь решил сделать его начальником школы. Об этом ему 26 декабря написали Ху Ханьминь, Ляо Чжункай и Ван Цзинвэй. Первоначально, правда, Сунь хотел назначить на этот пост генерала Чэн Цяня, выпускника японской пехотной академии, возглавлявшего в его ставке военно-политический отдел. Этот генерал накануне организовал при своем отделе военные курсы, вот Сунь и думал, что он будет лучшей кандидатурой. Но пока Чан ехал из Москвы в Шанхай, вождь передумал, решив отдать этот пост ему, так как Чан находился не у дел. 3 февраля Сунь Ятсен вновь ввел его в Военный совет Гоминьдана. К тому времени Сунь уже определил место будущей школы: небольшой остров Чанчжоу в районе Хуанпу (на местном диалекте — Вампу) в дельте полноводной реки Чжуцзян, в 40 ли к востоку от Кантона. Здесь располагались здания бывших военных школ Гуандунской армии: пехотной и военно-морской. По названию района эта школа стала именоваться Вампу.

Чан с энтузиазмом занялся организацией школы, но неожиданно 21 февраля опять все бросил и в очередной раз подал в отставку. Сунь ее принял, назначив исполняющим обязанности председателя подготовительного комитета по организации школы Ляо Чжункай. Дело в том, что на одном из заседаний подготовительного комитета Чан разругался с советскими военными советниками, решив, будто его точку зрения ни во что не ставят. Самое обидное было то, что товарищи по партии и даже Сунь оказались не на его стороне. Позже Чан объяснил, что «отказался возглавить военную школу Вампу», потому что «заметил, что некоторые члены нашей собственной партии под влиянием коммунистической демагогии начали колебаться (то есть симпатизировать коммунистам. — А. П.). У меня появились дурные предчувствия».

Одним из таких членов партии был 47-летний Ляо Чжункай, наиболее левый из членов Гоминьдана, известный в партийной среде под псевдонимом Туфу (Смерть богачам). Да и сам Сунь, как мы знаем, занимал в то время довольно левую позицию. В длинном письме вождю Чан объяснил, что чувствует его недоверие к себе. Он напомнил Суню, что

был рядом с ним на крейсере «Юнфэн», что всегда готов следовать за ним. На недоверие Суня он пожаловался и Ляо Чжункаю в не менее длинном письме, где также выразил сожаление, что Ляо «чересчур доверяет русским», а тому, что говорит он, Чан, не верит, совершенно не утруждая себя проверкой того, кто прав, а кто нет. «Если так и дальше пойдет, — резюмировал Чан в письме Ляо, — неизбежно возникнет кризис». Он вновь объяснил, что русские хотят подчинить себе Гоминьдан, а их стратегическая цель заключается в том, чтобы привести к власти КПК: «По моим впечатлениям, Русская партия неискренна. Когда я говорил тебе, мой старший брат, что русским можно доверять только на 30 процентов, я делал это только потому, что ты, мой старший брат, так горячо верил русским, что я не осмеливался расстраивать тебя совершенно».

В интенсивной переписке Сунь объяснил Чану, что на самом деле он старается лишь использовать русских, а отнюдь не идти у них на поводу: «<Мы> заимствуем все положительное <у России> и отвергаем все отрицательное. Мы просто надеваем на Советскую Россию ярмо и едем на ней». И еще: «Коммунизм и Гоминьдан не могут сосуществовать в Китае. Мы должны принять коммунистов <в нашу партию> и преобразовать их. Три народных принципа будут хорошим плавильным котлом». Получая помощь от большевиков, Сунь, несмотря на весь свой антиимпериализм, время от времени старался установить связи с Великобританией и США. Так, в феврале 1923 года его близкий соратник Чэнь Южэнь (Юджин или иначе: Евгений Чэнь) обсуждал возможность получения помощи от американцев с одним из сотрудников Государственного департамента США, а в январе 1924 года сам Сунь вел переговоры о том же с послом США в Китае. 20 февраля 1923 года, находясь в Гонконге, Сунь, будто забыв о том, что еще год назад уверял, что хочет построить в Китае «республику самого нового типа» по образцу Советской России, заявил китайским студентам местного университета: «Мы должны взять Англию за образец, внедрив принципы устройства ее хорошего правительства во всем Китае».

Чтобы Чан чувствовал себя уверенно, Сунь вывел школу Вампу из подчинения командованию армии и ЦИК Гоминьдана, формально переподчинив ее лично себе. Наконец-то Чан мог действовать без чьего-либо вмешательства в свои дела. В середине апреля он вернулся в Кантон и 3 мая официально вступил в должность начальника школы^[23]. В тот же день Сунь назначил его и начальником Генштаба Главного командования Кантонской армии. А через шесть дней поручил Ляо Чжункаю исполнять обязанности политкомиссара (на языке того времени: представителя

партии) в школе Вампу.

16 июня состоялась церемония открытия школы. Чан несколько раз сфотографировался с Сунем: на трибуне вместе с маленьким Ляо Чжункаем, сугубо гражданским человеком, одетым в белый костюм, и женой Суня — Сун Цинлин; на террасе главного административного здания школы вместе с двумя инструкторами школы, офицерами Хэ Инцинем, бывшим соучеником Чана по японской военной школе, и Ван Болином; и на той же террасе вдвоем с вождем.

Последнюю фотографию, где он вдвоем с Сунь Ятсеном, Чан, понятно, любил больше всего, и в дальнейшем она широко использовалась в гоминьдановской пропаганде. Эта фотография и вправду символична: молодой бравый офицер Чан в полной униформе с саблей на боку стоит справа от сидящего в плетеном кресле пожилого Сунь Ятсена. Видно, что начальник школы Вампу преисполнен решимости защищать вождя до последней капли крови.

Во главе школы Вампу

Переехав в Вампу, Чан и Дженни расположились в трех комнатах на втором этаже двухэтажного административного корпуса. Чан, как обычно, рано ложился спать и рано (в пять утра) вставал, делал зарядку в кровати, полчаса медитировал у открытого окна, быстро завтракал, а затем целиком отдавался работе. Он по-прежнему не умел сдерживать эмоции, часто впадал в истерику и, когда муштровал курсантов на утренних построениях, орал на них так, что его голос был слышен далеко вокруг. После муштры проводил заседания с офицерами и советскими специалистами, читал курсантам лекции по военным наукам, составлял расписание, определял программу, устанавливал жалование преподавателям, беседовал с гоминьдановскими чиновниками, то и дело наведывавшимися в школу. Вмешательства в свою работу он, как всегда, не терпел. «Я надеюсь, что вы, мои старшие братья, — говорил он соратникам по Гоминьдану, — будете больше заниматься своими делами и меньше давать советов мне».

Дженни поначалу была его единственным помощником, но потом у Чана появились и другие секретари, уроженцы Чжэцзяна, его родной провинции. Старшим среди них был учитель Чана, 52-летний Мао Сычэн, младшим — 25-летний Чэнь Лифу, племянник его покойного «кровного брата» Чэнь Цимэя, выпускник Питсбургского университета, инженер-шахтер, симпатичный молодой человек с необычным для китайцев остреньким носиком. Другими секретарями были 35-летний Чэнь Булэй, выпускник Чжэцзянского университета, деловой и аккуратный, прекрасный журналист, и Шао Лицзы, низенького роста толстяк в больших круглых очках, получивший образование в католическом Университете «Аврора» в Шанхае и тоже обладавший незаурядным литературным талантом. В 1925 году, когда Шао стал секретарем Чана, ему было 43 года, и он уже пять лет являлся членом КПК. В 1926 году, однако, вышел из компартии по совету Чэнь Дусю — чтобы «непосредственно работать внутри Гоминьдана и отвлечь от себя всякое подозрение и чтобы в Гоминьдане завоевать доверие... Чан Кайши и играть положительную роль в едином фронте». Не зная об истинных причинах выхода Шао из партии, Чан доверял ему ответственные поручения. А вскоре Шао, подпав под влияние Чана, всерьез порвал с коммунистами, став одним из наиболее близких к Чан Кайши человеком.

Расходов по дому особых не было: ни за квартиру, ни за еду, которую

Чан всегда делил с секретарями, он конечно же не платил, а денежное содержание получал немалое: 1500 китайских долларов в месяц (для того времени огромная сумма: к примеру, ежемесячная зарплата вождя КПК Чэнь Дусю, которую он получал из Коминтерна, составляла всего 30 китайских долларов). Чан посылал жене Фумэй на содержание старшего сына 50 китайских долларов; столько же, по-видимому, отправлял и Ечэн на обеспечение Вэйго. Так что Дженни могла откладывать деньги. (Позже, правда, она будет утверждать, что «зарплаты Чан Кайши... едва хватало на жизнь», во что слабо верится.)

Свободные вечера, по словам Дженни, они проводили вместе. Детей у них не было: позже Дженни будет винить в этом Чана, который якобы из-за гонимости остался бесплодным. О бесплодии Чана будут впоследствии писать и Джонатан Фенби, и некоторые другие его биографы, полностью доверявшие Дженни. А весной 1997 года с новым сенсационным рассказом о причинах бесплодия Чана выступит известный тайваньский художник Фань Гуанлин. Он будет утверждать, что генералиссимус вообще никогда не мог иметь детей, так как в возрасте четырех или пяти лет, сев случайно на горячую печь, обжег мошонку, после чего больное место сильно покусала собака, учуяв запах утиного жира, которым мать Чана смазала сожженную кожу. По словам художника выходит, что и старший сын Чана, Цзян Цзинго, — приемный. При этом он ссылается на интервью, которое за три года до своей кончины дал ему младший сын Чана, Вэйго, якобы узнавший об истории с печью и собакой от своей приемной матери Ечэн.

Однако все эти рассказы не подтверждаются документально. В дневнике Чан Кайши за 1928 год имеется запись о том, что его новая («любимая», как он написал) жена Сун Мэйлин, с которой он обвенчался 1 декабря 1927 года, в 1928 году забеременела, но 25 августа потеряла ребенка, из-за того что ночью ее напугали проникшие в дом бандиты. После выкидыша она уже не смогла иметь детей.

О том, что в 1928 году Мэйлин была беременна, вспоминает и ее племянница, старшая дочь Сун Айлин, Кун Линь, которой в то время было 13 лет.

Как бы то ни было, почти все вечера Чан и Дженни «проводили тихо», и их уединение не нарушали детские крики. Ужин состоял из довольно простых блюд: риса, овощей, рыбы и иногда мяса, приготовленных по рецептам нинбоской кухни^[24], — с добавлением изрядного количества уксуса. Чан запивал пищу кипятком: ни чая, ни вина он не употреблял. По заверениям Дженни, это тоже было связано с той самой дурной болезнью: якобы, заразив ее и чувствуя вину, он наложил на себя епитимью —

никогда не пить ничего, кроме кипятка. То, что Чан всегда, вплоть до смерти, пил один кипяток, верно, но делал ли он это в память о Дженни, которую бросил в 1927 году, неизвестно.

Через несколько месяцев после открытия школы уединенная жизнь Чана и Дженни, однако, закончилась. Жена Ляо Чжункая, Хэ Сяннин, добрая и отзывчивая, возглавлявшая в ЦИК Гоминьдана женский отдел, привела к Дженни девочку-сироту, которой на вид было около двух лет. Девочка жила в больнице для бедных, поскольку родители отказались от нее при рождении. Эти люди были очень бедны и не могли себе позволить растить дочь: если бы родился сын — другое дело, а дочь в бедных семьях считалась обузой. Растись, кормишь ее, а пришел срок — отдавай замуж, в чужую семью. Сердобольная Ляо, относившаяся к Дженни как к младшей сестре, а к Чану — как к брату, предложила им удочерить сироту. И те обрадовались. Чан дал приемной дочери детское имя Пэйпэй, что значит «Подружка» и официальное имя Цзян Яогуан (Цзян «Райский свет»). Так в школе Вампу появилась симпатичная «курсантка»: и Чан, и Дженни не могли на нее нарадоваться.

В 1924 году в Кантоне, в том числе в Военной школе Вампу, работали не менее двадцати советских военных специалистов. Школа стала важнейшим источником кадров для гоминьдановской «партийной» армии, которая в будущем получит название Национально-революционной (НРА). Будучи начальником школы, Чан должен был общаться с советскими специалистами ежедневно, но уже не выражал по этому поводу недовольства: как и советовал Сунь, он просто «надевал на них ярмо», используя их боевой опыт и знания, а также немалые средства, которые советское правительство вкладывало в школу. В дополнение к 900 тысячам рублей Москва не раз только в течение 1925 года перечисляла на «поддержание школы Вампу» огромные суммы: то 100 тысяч, то почти 400 тысяч рублей. Если учесть, что кантонское правительство в первое время тратило на школу лишь 30 тысяч китайских долларов в месяц, то значение советской помощи трудно переоценить.

С мая по июль 1924 года группу советских специалистов возглавлял Павел Андреевич Павлов (командовавший корпусом в годы Гражданской войны в России). Но по трагической случайности он погиб на реке Дунцзян (Восточная) возле города Шилун недалеко от Кантона: при переходе с лодки на корабль сорвался в воду и утонул. В октябре на его место прибыл новый главный военный советник — Василий Константинович Блюхер, крупный военачальник, будущий Маршал Советского Союза. С ним Сунь

Ятсен обдумывал планы военных кампаний, которые должны были объединить под правлением Гоминьдана весь Китай. Блюхер оставался в Кантоне до июля 1925 года, после чего вернулся в Советский Союз на лечение.

Василий Константинович работал в Китае под псевдонимом Зой Всеволодович Галин (Зоя и Всеволод — имена его детей, а Галина — имя их матери, с которой он, правда, развелся перед поездкой в Китай). Чан Кайши быстро наладил хорошие отношения с этим красивым и умным человеком, почти ровесником, в чем-то похожим на него самого: они были почти одного роста, только Блюхер чуть плотнее, да к тому же и тот и другой носили небольшие усы. Более того, вскоре после знакомства Чан, как и Блюхер, тоже стал брить голову. Генерал Галин сделался основным военным советником Чана в школе Вампу, а позже во всей гоминьдановской армии. «Среди других советских генералов он <Блюхер>, по моему мнению, выделялся не только как способный офицер, но и как приветливый и рассудительный человек... между нами все шло гладко», — вспоминал Чан.

Блюхер тоже высоко ценил Чана. Вот некоторые характеристики: «Один из преданнейших д-ру Суню, лучший из партийных генералов... наиболее компетентный... Считался лучшим администратором... Д-р Сунь питал к нему большое уважение, и Чан Кайши единственный из генералов, который был близко связан с доктором Сунем даже в частной жизни. Внешне он резко выделяется среди остальных своей военной выправкой, а манера держаться обнаруживает в нем в полном смысле военного начальника. Отличает его также личная работоспособность. Требовательный к себе, он также требователен и к своим подчиненным, поэтому школа отличается наличием в ее стенах твердой стальной дисциплины... Общее мнение ЦИК Гоминьдана аттестовало его не только как хорошего партийца, но и как широко политически развитого человека».

При этом Блюхер замечал и негативные стороны Чана: «Самовлюбленный до крайности, он считал себя во всех отношениях выше других и признавал авторитетом для себя одного лишь Суня. Упрям, и если ему взбредет в голову идея, а они у него рождаются часто, то столкнуть его с прямого решения или изменить «идею» бывало трудно, а делать это приходилось так, чтобы измененное решение преподнести ему как его собственное». Блюхер отмечал также «отсутствие у Чан Кайши хорошего оперативного анализа обстановки».

Помимо советских военных специалистов Чан часто встречался с главным политическим советником Гоминьдана Бородиным, одновременно

выполнявшим вместо Маринга обязанности представителя Коминтерна в Китае. Это был высокий, широкоплечий мужчина сорока лет «с головой льва» и «пышными усами моржа». Он считался крупнейшим авторитетом по всем вопросам революции и «производил впечатление на всех в Китае как человек исключительно высокого калибра»: ведь он был членом большевистской партии с 1903 года и хорошо знал Ленина и Сталина. Говорил он басом, «медленно и четко», «обладал магнетизмом огромной силы» и никогда не терял «чувство собственного достоинства».

Но его магнетизм не действовал на Чан Кайши. Все вопросы, связанные со школой Вампу, он, как правило, решал сам, советуясь только с Сунь Ятсеном и Блюхером. Вторым человеком в школе после Чана был представитель партии Ляо Чжункай, но он мало времени проводил в ее стенах, так как одновременно являлся членом ЦИК, министром финансов кантонского правительства, заведующим рабочим, а потом и крестьянским отделами Центрального исполкома, а также губернатором Гуандуна. В основном он оказывал Чану материальную помощь, изыскивая необходимые для школы средства, а потому курсанты звали его «школьной мамашей».

Политической работой занимался политотдел школы, во главе которого Чан поставил знакомого нам Дай Цзитао, своего «кровного брата». К тому времени Дай, серьезно увлекавшийся марксизмом на рубеже 1920-х годов, утратил коммунистические иллюзии, став ревностным буддистом. «Привлечение в партию <Гоминьдан> коммунистов — только приправа, укус, но не настоящая еда», — стал говорить он, сделавшись одним из вождей правых гоминьдановцев, считавших коммунистов не заслуживающими доверия и требовавших либо их исключения, либо растворения в ГМД. (Вождем левого крыла Гоминьдана в то время был Ляо Чжункай, безоговорочно поддерживавший союз с компартией; лидером средних кругов считался Ху Ханьминь.)

Метаморфоза с Дай Цзитао произошла осенью 1922 года, когда он сошелся с симпатичной Чжао Вэньшу, племянницей своей волевой супруги. Сойдясь же, страшно беспокоился, что супруга все узнает, и даже попытался наложить на себя руки, но неудачно. После чего ему было видение. Отправившись в путешествие по Янцзы, он неожиданно увидел светящийся белый круг — свет Будды, и к нему вернулось страстное желание жить. Он ушел от жены к ее племяннице, уверовал в буддизм и отказался от материализма. Правда, по-прежнему робея перед женой, он вступит в законный брак с Вэньшу только после смерти своей супруги, в 1944-м, за год до собственной кончины (он все-таки покончит с собой, но

по другим причинам). И это даже несмотря на то, что в 1926 году Вэньшу родит ему дочь.

К середине осени 1924 года в школе насчитывалось 62 строевых офицера-инструктора и 131 человек административного состава. Курсантов, проходивших шестимесячный курс обучения, было 1062 человека. Первый набор (613 курсантов) поступил в школу в середине мая 1924 года и окончил ее в декабре, второй (449 человек) — в октябре 1924 года и окончил обучение летом 1925 года. До октября 1926 года школу окончили еще два набора курсантов (3875 человек). То есть к тому времени через школу прошли 4937 курсантов.

В середине октября 1924 года курсанты были впервые использованы в боевой операции. Они приняли участие в подавлении антиправительственного мятежа *шантуаней* (боевых охранных отрядов кантонских торговцев). В народе их звали «бумажными тиграми», хотя на деле *шантуани* были довольно сильны и многочисленны: по разным данным, их насчитывалось то ли шесть, то ли 12 тысяч, то ли даже 25–27 тысяч человек. Подчинялись они Генеральной торговой палате города.

Конфликт между Сунь Ятсеном и купцами Кантона начался еще в мае 1924 года, когда правительство ввело новые налоги, но тогда дело ограничилось забастовкой торговцев. Сунь отменил ряд налогов и стал даже заигрывать с *шантуанями*: нанес им визит, вручил знамя. Однако конфликт продолжал тлеть. По городу ползли упорные слухи, что *шантуани* готовы поддержать генерала Чэнь Цзюньмина, если тот решится напасть на Кантон, и это не могло, конечно, не вызывать опасений Суня.

Конфликт обострился в начале августа, когда в Кантон прибыл норвежский пароход «Хав» с оружием, заказанным главой Генеральной торговой палаты: пять тысяч винтовок, три тысячи пистолетов маузер и 500 тысяч патронов. Сунь страшно разволновался, потребовав от Чана захватить оружие и складировать его в школе Вампу. Что Чан и сделал, надо думать, с большим удовольствием: в то время в школе почти не было вооружения, имелось только 330 винтовок. Разумеется, *шантуани* запротестовали, даже обратились к представителям иностранных держав с просьбой о помощи, но Сунь закусил удила, решив покончить с внутренней оппозицией. И Чан его полностью поддержал.

Так что именно Сунь спровоцировал «бумажных тигров» на мятеж 10 октября 1924 года. Характерно, что восстание произошло через два дня после того, как советское военное судно «Воровский», прибывшее из Ленинграда в Вампу, доставило Суню, а точнее Чану, несколько артиллерийских орудий со снарядами, восемь тысяч винтовок, десять

тысяч пистолетов и патроны. А 9 октября Чан, до того не желавший и слышать об уступках *шантуаням*, получил приказ Суня и Ху Ханьминя выдать им часть конфискованного вооружения, и именно в тот момент, когда *шантуани* стали разгружаться в порту, к ним подошла колонна проправительственных демонстрантов, что, собственно, и вызвало столкновения.

Сунь спешно приказал Чану организовать Революционный комитет «для решения различных чрезвычайных дел», призвав во всем «учиться у России». Он также потребовал раздать оружие «тем отрядам наших товарищей, которые готовы уничтожать предателей моего дела». Командующим войсками Ревкома стал сам Чан. Он же вошел в руководящую тройку этого нового органа наряду с Сунем, ставшим его председателем (14 октября Суня на этом посту сменил Ху Ханьминь), и Ляо Чжункаем, занявшим пост секретаря. В городе было объявлено военное положение, и 15 октября мятеж был жестоко подавлен. Весь западный пригород Кантона, где окопались *шантуани*, был разграблен, треть его — сожжена.

Эта победа укрепила положение не столько Суня, сколько Чана, который 11 ноября был назначен секретарем военного отдела ЦИК Гоминьдана. Тем более что вскоре после разгрома «бумажных тигров», в середине ноября 1924 года, Сунь уехал из Кантона в Пекин, и как оказалось, навсегда. Поводом для поездки стало полученное им приглашение участвовать в мирной конференции по объединению страны, полученное в конце октября от маршала Фэн Юйсяна, бывшего подручного У Пэйфу, милитариста, державшего в руках Северный и Центральный Китай. В октябре 1924 года Фэн выступил против своего патрона, объявив себя сторонником Сунь Ятсена. Он переименовал свою армию по типу суневской партии Гоминьдан в Гоминьцзунь (Националистическая армия), занял Пекин и призвал к прекращению гражданской войны. Тогда же он обратился за помощью к СССР, и вскоре к нему прибыли несколько десятков советских советников, а затем поступило вооружение на сумму свыше шести миллионов рублей. Личность Фэна давно была овеяна ореолом борца с традиционными конфуцианскими устоями китайского общества. Еще в 1913 году он отошел от веры предков и принял христианство в его методистском истолковании^[25]. После этого окрестил всех своих солдат из брандспойта, запретив им употреблять спиртные напитки, курить опиум и притеснять народ.

13 ноября 1924 года Сунь вместе с женой Сун Цинлин отплыл из Кантона. В поездке его сопровождал Ван Цзинвэй с супругой. Проводы

превратились «в грандиозную для Кантона демонстрацию населения». Блюхер вспоминал: «Весь Кантон до беднейшего сампана^[26] украсился флагами Гоминьдана. Улицы города перекрещены бесконечным количеством арок. Перед Сунем проходят десятки тысяч демонстрантов, восторженно его приветствуя. Демонстранты охвачены таким революционным энтузиазмом, какого Кантон еще не видел... Кантон живет необычайным темпом. Всюду митинги, собрания... Целый ряд революционных организаций рабочих, военных и студентов выпускают воззвания к стране с требованием поддержки доктора Суня на Севере».

Все члены кантонского правительства пришли в порт пожелать вождю *илу пиньань* (счастливого пути). Были, разумеется, и Чан с Дженни, которые вместе с Ху Ханьмином и Бородиным проводили Суня и Сун Цинлин до Вампу. Там чета Суней и чета Ванов провели ночь, а затем вместе с Ляо Чжункаем отплыли в Гонконг. Перед прощанием, судя по воспоминаниям Чан Кайши, Сунь сказал ему: «Я еду в Пекин, чтобы там продолжать нашу борьбу. Я не уверен, смогу ли вернуться. Но после того как я почувствовал, какой дух веет в этой школе, я знаю, что ее курсанты смогут продолжить мое дело революционной борьбы, а поэтому моя душа будет спокойна, даже если со мной что-нибудь и случится». По словам Чана, Бородин от имени правительства СССР пригласил Суня после поездки в Пекин посетить Россию, но Сунь, посоветовавшись с Чаном, заявившим, что «он против такого путешествия», по существу отклонил предложение.

В качестве секретаря Сунь Ятсена в Пекин отправился Дай Цзитао. На освободившееся место начальника политотдела Вампу Чан назначил заместителя Дая, 26-летнего коммуниста Чжоу Эньлая, в сентябре 1924 года прибывшего в Кантон из Франции, где он организовывал коммунистическое движение среди китайских эмигрантов. С этим молодым интеллигентным человеком, прекрасным организатором и эрудитом, да к тому же исключительно скромным, он вскоре наладил отличные отношения.

Вообще у Чана в то время никаких проблем с коммунистами не было. И члены КПК, и советские советники по-прежнему считали его крайне левым, даже «прокоммунистом». Поэтому Бородин, например, настаивал, чтобы в работе по реорганизации гоминьдановской армии «упор» делался «на развитие только <школы> Вампу». С ним полностью согласен был Чжоу Эньлай. Осенью 1924 года Бородин и китайские коммунисты приняли решение «поднять статус генерала Чан Кайши, чтобы силы Вампу могли развиваться более быстрыми темпами».

Как же они ошибались! Да, Чан Кайши все еще разделял левые

настроения, по-прежнему ненавидя «мироедов», но, как справедливо пишет Дженни (и уж в этом она не ошибается), «Лысый Чан» (так его звали в то время за привычку брить голову) заигрывал с коммунистами в основном потому, что ему позарез нужно было советское оружие, чтобы окончательно раздавить своего кровного врага Чэнь Цзюньмина. Как мы помним, Чан всегда был «агрессивным, упрямым, легко ранимым, неуправляемым и быстро воспламеняющимся». А количество обид, реальных и мнимых, нанесенных ему генералом Чэнем, привело к тому, что Чан уже готов был пойти на союз с кем угодно, только бы уничтожить врага, который, отступив из Кантона, чувствовал себя вполне вольготно на своей родине в Восточном Гуандуне. Оружие и советники из СССР могли помочь Чану установить свою власть и в самом Гоминьдане в случае, если бы Сунь, не дай Бог, скончался.

Вот почему он «дружил» с коммунистами на протяжении 1924–1925 годов, стремясь «утилизировать» компартию, а также советских советников и массы. И он сам, и его курсанты, и инструкторы носили красные галстуки, его речи в Вампу и вне ее изобиловали клятвами верности Советской России и мировой революции, а опирался он исключительно на советских советников, «предоставив им», по словам Блюхера, «реальную власть в школе». Более того, политическую работу в школе Вампу «в основном осуществляли члены КПК, составлявшие большинство среди политических инструкторов». Копируя опыт Красной армии, Чан ввел в войсках, сформированных из курсантов, институт политкомиссаров и даже предоставил последним «контроль над оперативными приказами, что выравнивало... их в правах с командирами». Наконец, он разрешил организовать в школе коммунистический «Союз молодых воинов», правда, уравновесив его гоминьдановским «Обществом по изучению суньятсенизма», ставшим оплотом правых курсантов.

Между тем в конце декабря 1924 года Сунь Ятсен через Шанхай, Нагасаки и Тяньцзинь прибыл в Пекин. Поездка по морю утомила его, еще в Тяньцзине он почувствовал себя плохо. После обследования оказалось, что у него рак печени. Он слег и в течение двух с половиной месяцев мог жить только за счет впрыскивания морфия. 11 марта Сунь подписал завещание, составленное с помощью Ван Цзинвэя, а также послание Советскому Союзу, написанное Бородиным. Он призвал Гоминьдан «продолжать работу в области национально-революционного движения, чтобы Китай смог сбросить с себя ярмо, навязав которое империалисты низвели его до положения полуколониальной страны», и велел «партии и впредь укреплять сотрудничество» с СССР. После этого, взглянув на

присутствующих, он с трудом произнес:

— Я умираю. Не забывайте, что кругом враги, не забывайте об опасности. Не уступайте врагу.

Сун Цинлин, стоявшая у его постели, громко плакала.

— Когда я умру, — сказал он Ван Цзинвэю, — похороните меня на Лилово-<золотой> горе в Нанкине^[27], так как Нанкин — это город, где было создано временное правительство. Таким образом, революция 1911 года не будет забыта. Кроме того, мое тело должно быть навечно забальзамировано по современной методике.

«Он хотел, чтобы народ помнил его», — пишет в мемуарах находившаяся у его постели жена одного из его соратников — Ляо Чжункая.

Впав в забытие, Сунь повторял:

— Мир... борьба... спасение Китая.

Вождь революции умер в 9 часов 10 минут утра 12 марта 1925 года на пятьдесят девятом году жизни.

Борьба за наследие Сунь Ятсена

После смерти Сунь Ятсена в Гоминьдане вспыхнула борьба за власть между фракциями, но очень скоро правые потерпели поражение. Формально преемником Суня стал центрист Ху Ханьминь, которого сам вождь перед поездкой в Пекин назначил вместо себя исполняющим обязанности генералиссимуса. Ху стал председателем Политкомитета ЦИК Гоминьдана — высшего органа власти, координировавшего и возглавлявшего работу как партии, так и правительства. Политкомитет был создан еще в июле 1924 года, через шесть месяцев после I съезда Гоминьдана, когда Сунь Ятсен под влиянием большевиков решил организовать в своей партии нечто вроде всевластного советского Политбюро. Сунь и стал его первым председателем. Во властной иерархии Политический комитет занимал более высокое место, чем Постоянный комитет ЦИК, образованный в январе 1924 года и занимавшийся только партийными делами.

Фактически, однако, власть сконцентрировалась в руках четырех человек: Ху Ханьминя, Ван Цзинвэя, Ляо Чжункая и Бородина. Сильной фигурой был и командующий Кантонской армией генерал Сюй Чунчжи, близкий по политическим взглядам к Ху Ханьминю. Немалым авторитетом пользовался и Чан. В отсутствие Суня союзнические отношения между Гоминьданом, СССР и маршалом Фэн Юйсяном продолжали укрепляться.

В то время когда Сунь Ятсен умирал, Чан находился на востоке Гуандуна, где с февраля 1925 года верные Суню войска участвовали в Восточном походе против Чэнь Цзюньмина. Узнав о кончине учителя, Чан тут же опубликовал некролог, а также подписал наряду с Ван Цзинвэем и Ху Ханьмином обращение ко всем товарищам по партии, поклявшись выполнить последнюю волю вождя и довести революцию до конца.

В Восточном походе принимали участие и отряды курсантов школы Вампу, которых гоминьдановцы в конце октября 1924 года стали называть партийной армией, а их враги — «русской Красной армией». Курсанты составляли два полка, входившие в так называемую Южную группу войск Восточного фронта, находившуюся под командованием генерала Сюй Чунчжи. Сюю помогал Блюхер, а Чану — военный советник Василий Андреевич Степанов, оставивший о нем характерные воспоминания: «Чан Кайши <—> необычный человек со своими особенностями, наиболее отличительной из которых является жажда славы и власти и страстное

желание стать героем Китая. Он заявляет, что выступает не только за китайскую национальную революцию, но и за мировую революцию... Для достижения этой цели необходимы власть и деньги. Но он не алчет денег и не стремится к личному обогащению... Чан очень решительный и упорный. В сравнении с обычными китайцами, он невероятно целеустремлен... Но он не свободен от подозрительности и зависти. Никому и ни о чем не позволено с ним спорить или брать на себя его обязанности».

В конце марта 1925 года Южная группа разгромила войска Чэнь Цзюньмина, установив контроль кантонского правительства над восточной частью провинции Гуандун, и в начале апреля Чан вернулся в Кантон, в котором, как и при Суне, революционная жизнь была ключом: «Повсюду вдоль дорог и улиц красовались разноцветные революционные лозунги. На перекрестках развевались транспаранты, написанные красной краской на белых полотнищах... Двери большинства зданий профсоюзов и других массовых организаций были также пестро разукрашены».

В то же время в городе по-прежнему квартировали отнюдь не революционные гуансийские и юньнаньские войска, которые, как мы помним, в январе 1923 года за 400 тысяч китайских долларов выгнали из Кантона Чэнь Цзюньмина, приведя к власти Сунь Ятсена. Численность их составляла 25 тысяч солдат и офицеров (пять тысяч гуансийцев и 20 тысяч юньнаньцев). За время нахождения в Кантоне они обложили данью все игорные дома и опиекурильни, установив контроль над наркотрафиком из Кантона в Юньнань, и начали вести себя с местным населением как захватчики, грабя и унижая кантонцев. После смерти Суня гуансийцы и юньнаньцы стали стремиться к полной власти в городе, подняв кампанию против засилья «коммунистов», под которыми имели в виду не только членов КПК, но и Ляо Чжункай, и даже Ху Ханьминя. Некоторые офицеры-юньнаньцы даже выступали за арест генералиссимуса Ху.

В конце апреля Блюхер, Ляо Чжункай и Чан Кайши наметили основные контуры операции против новых врагов, представлявших, по словам советского посла Карахана, «даже большую опасность, чем Чэнь Цзюньмин». И в начале июня «партийная армия» Чана при поддержке других лояльных ЦИК Гоминьдана войск наголову разгромила юньнаньцев и гуансийцев. В плен попали шестнадцать с половиной тысяч солдат и пятьсот офицеров, а их генералы бежали в Гонконг. «Победа кантонского правительства была несомненно заслугой курсантов Вампу», — сообщал в Вашингтон генеральный консул США в Кантоне.

Вскоре после этого к власти в Гуаней пришла новая группа военных во

главе с молодыми генералами Ли Цзунжэнем и Бай Чунси (первому было 35 лет, а второму — 32 года), получившая название «новая гуансийская клика». Летом 1925 года эти генералы при посредничестве уроженца Гуаней, начальника учебного отдела школы Вампу гоминьдановского генерала Ли Цзишэня установили союз с Гоминьданом, объединив таким образом Гуаней с Гуандуном.

Между тем в Китае наблюдался бурный подъем национального движения, характеризовавшийся усилением антиколониальной борьбы рабочих и студентов. 30 мая 1925 года в Шанхае начались антиимпериалистические волнения, охватившие вскоре почти все города страны. В тот день английские полицейские на Нанкин-роуд в центре Международного сэттльмента расстреляли толпу китайцев.

Шанхайская бойня положила начало новому патриотическому подъему. В стране фактически началась антиимпериалистическая революция.

Революционная волна достигла и Кантона. 19 июня, вскоре после разгрома юньнаньцев и гуансийцев, рабочие Кантона и Гонконга забастовали. Они были поддержаны трудящимися англо-французской концессии (колонии) Шамянь, расположенной на небольшом одноименном острове в бухте Белого Гуся в юго-западной части города, в том месте, где река Чжуцзян разделяется на два рукава. 23 июня рабочие, студенты, торговцы и курсанты Вампу, всего несколько десятков тысяч человек, организовали рядом с этой концессией демонстрацию под лозунгами «Отомстим за кровь убитых соотечественников!» и «Долой империализм!». Кто-то выстрелил (по всей вероятности, провокатор), в ответ полицейские сэттльмента открыли огонь. Они были поддержаны артиллерийскими залпами стоявших на рейде иностранных кораблей. В итоге на набережной Чжуцзяна у моста, соединяющего восточный квартал Шамяня с китайским районом Кантона, остались лежать 52 убитых и 178 тяжелораненых демонстрантов. Среди убитых было 20 курсантов Вампу. В Шамяне был убит один француз, а несколько других иностранцев — ранено.

В ответ на новое убийство китайцев началась всеобщая гонконг-кантонская забастовка: бросили работу более 250 тысяч человек, после чего начался массовый исход рабочего люда из Шамяня и Гонконга в Кантон и окрестные города и деревни. Гоминьдановское правительство стало оказывать стачечникам посильную помощь. Была объявлена блокада Гонконга и Шамяня, под руководством рабочего отдела ЦИК Гоминьдана сформирован Гонконг-Шамяньский стачечный комитет.

1 июля на базе кантонского кабинета министров был официально

образован новый кабинет, амбициозно назвавший себя Национальным правительством Китайской Республики. Председателем его стал Ван Цзинвэй, министром иностранных дел — Ху Ханьминь, министром финансов — Ляо Чжункай, военным министром — Сюй Чунчжи.

Генерал Сюй, очевидно, от имени Ван Цзинвэя, рекомендовал и Чану войти в правительство, но тот отклонил предложение: «Тот командующий, который непосредственно подчиняется правительству, не должен входить в <само> правительство». В итоге 3 июля Чан включили только в состав Военного совета, сформированного также под председательством Ван Цзинвэя. Помимо него и Чана в Военный совет вошли Ху Ханьминь, Ляо Чжункай, генерал Сюй, генерал Тань Янькай, бывший губернатор Хунани — миллионер и член Гоминьдана с 1912 года, «уверенный в себе, уравновешенный и интеллигентный» человек, генерал Чжу Пэйдэ, новый командующий юньнаньскими войсками и министр вооружений и материального снабжения войск, и У Чаошу, новый мэр Кантона, известный дипломат и юрист, получивший образование на Западе.

У Чаошу был единственным из членов руководства, который знал западноевропейское и американское право, а это было особенно важно в условиях подъема антиимпериалистического движения в стране.

По мере того как позиции Чан Кайши в гоминьдановской верхушке все более укреплялись, становились заметны трения между ним и военным министром Сюй Чунчжи. В разговоре с Блюхером Чан даже как-то высказал недовольство генералом Сюем, заметив, что Сюй — человек, «с которым вы, работая десять лет и считаясь его другом, на одиннадцатом году можете оказаться выброшенным им из круга своих друзей и оказаться дураком (так в тексте. — А. П.)». Командующий Кантонской армией, много лет покровительствовавший Чану, становился явно не нужен ему, тонкому интригану и далеко не посредственному политику. Более того — мешал ему, стоя на пути к высшей власти.

И тут огромную помощь Чану оказал Бородин: будучи абсолютно убежден в прокоммунистических настроениях Чана, он полностью поддержал его в подковерной борьбе с Сюем. В отличие, кстати, от Блюхера, который, при всем уважении к Чан Кайши, настаивал на поддержке генерала Сюй Чунчжи как военного руководителя. По словам хорошо осведомленного члена руководства КПК Чжан Готао, «дело было передано на усмотрение Москвы, которая отвергла точку зрения Галина (то есть Блюхера. — А. П.)». Последний выехал в Москву.

А советские представители в Китае поставили вопрос об увеличении «дивизии Вампу и, если позволят обстоятельства и силы довести ее к 1

января 1926 г. до 20–30 тысяч^[28]... Если это удастся сделать, то в руках гоминьдановского правительства будет армия, которая совершенно свободно сможет угрожать долине р<еки> Янцзы». Примерно в то же время Политбюро ЦК большевистской партии приняло решение выделить до 1 октября 1925 года на формирование в Кантоне двух новых дивизий и перевозку для них вооружения 477 тысяч рублей. То есть с помощью советских товарищей Чан продолжал наращивать силы.

Он все больше нравился русским своей левизной. Тем более что после того, как двадцать его курсантов остались лежать у моста в Шамянь, сраженные пулями англичан, его антиимпериализм достиг апогея. Дневник Чана в то время буквально запестрел антибританскими записями (они прекратятся только после 7 сентября 1926 года, вскоре после взятия его войсками, участвовавшими в Северном походе, города Ханькоу на реке Янцзы). «Идиоты и варвары англичане считают китайцев мусором и бессмысленно уничтожают их», — написал он 23 июня 1926 года, выплескивая свою ненависть на страницы дневника. И с тех пор в течение 77 дней почти каждую запись начинал с проклятия англичанам: «Надо убить всех английских врагов... Я вас убью, английские враги!» и т. п. Общее число записей — 494(!).

Не только Чан Кайши, но и многие другие руководители Гоминьдана испытывали в то время все возрастающее негодование по отношению к англичанам. Помимо прочего, именно английские власти в Гонконге, контролировавшие китайские таможи, не давали ни Сунь Ятсену, ни его преемникам получать ту часть таможенных налогов, которая превосходила суммы, собираемые англичанами в счет уплаты контрибуции, наложенной на Китай неравноправными договорами. Эту излишнюю часть налогов они отсылали в Пекин, поскольку именно пекинское правительство было международно признанным. Все попытки гоминьдановцев получить эту часть таможенных сборов оказывались безрезультатными. А тут еще расстрел!

С происками английских властей Гонконга многие вожди Гоминьдана связали и новое событие, тоже потрясшее весь город. 20 августа в 9 часов 50 минут утра у ворот ЦИК Гоминьдана был застрелен Ляо Чжункай. Он торопился на заседание и, едва выйдя из машины, пал, сраженный четырьмя пулями наемных убийц. По дороге в больницу он скончался.

Через несколько часов после убийства было созвано совместное заседание ЦИК, правительства и Военного совета, на котором по предложению Бородина был образован Особый комитет в составе трех человек: Ван Цзинвэя, генерала Сюя и Чан Кайши для расследования

преступления. Бородин и Виктор Павлович Рогачев (исполнявший в отсутствие Бородина обязанности главного военного советника) стали советниками Особого комитета, сконцентрировавшего всю полноту власти в Гоминьдане. В Кантоне было объявлено военное положение.

То, что за спиной убийц «стояли англичане», ни у кого из членов комитета, похоже, не вызывало сомнений. Ляо был ярким вождем левого крыла Гоминьдана, так кому же, как не империалистам, была выгодна его смерть? Чан указал на англичан как на организаторов убийства сразу после смерти Ляо! Подозрительно быстро установили «заказчиков убийства» и в самом Гоминьдане: подозрение пало на младшего двоюродного брата Ху Ханьминя и близких к нему людей. Все они принадлежали к правым, то есть являлись оппонентами Ляо в партии, так что левые тут же «раздули слух о причастности к преступлению правого крыла».

К сожалению для членов Особого комитета, почти все подозреваемые фигуранты бежали в Гонконг. Арестовать удалось только бывшего секретаря Ху Ханьминя. Бородин немедленно потребовал арестовать и самого Ху, и того посадили под домашний арест в школе Вампу. Для порядка арестовали и начальника Управления общественной безопасности (УОБ) Кантона, тоже, кстати, члена правого крыла. Правда, потом и Ху, и начальника отпустили: то ли улики не хватило, то ли по каким-либо другим причинам. Говорят, за начальника УОБ вступился Чан Кайши, а за Ху — то ли он же, то ли очень разнервничавшийся от случившегося Ван Цзинвэй. Чан позже уверял, что именно он, Чан, «решил судьбу господина Ху... И Бородин, и Ван Цзинвэй, и Жувэй <Сюй Чунчжи> считали, что надо воспользоваться моментом и «уничтожить Ху», но я решительно воспротивился». Ван Цзинвэй же говорил, что это он спас Ху, защитив его от кровожадного генерала Сюя. А Сюй впоследствии рассказывал Ху, что тот не был убит только благодаря его заступничеству. (Последнее вряд ли правда: известно, что Сюй ненавидел Ху Ханьминя, которого, кстати, многие в руководстве Гоминьдана не любили за высокомерие.) 22 сентября Ху был отправлен в почетную ссылку — в Москву, представителем ЦИК Гоминьдана. Бородин был этому очень рад: он «надеялся, что Коминтерн задержит Ху Ханьминя и не допустит его возвращения в Китай».

В итоге перед спешно созданным особым военным трибуналом предстал единственный подозреваемый: бывший секретарь Ху Ханьминя. Тройка судей-непрофессионалов (все они были генералами, а не юристами) не смогла, по существу, доказать его вину. Обвиняемый решительно отверг свою причастность к убийству. Тем не менее его заточили в крепость на острове Хумэнь, недалеко от Вампу, где он просидел два с половиной года,

до весны 1927-го, когда Чан Кайши разорвал единый фронт с коммунистами. В день освобождения правые гоминьдановцы встречали его у ворот крепости как героя.

Еще одним результатом «дела об убийстве Ляо Чжункая» стало устранение от власти члена Особого комитета генерала Сюя. В ходе следствия выяснилось, что с «заговорщиками» был тесно связан его подчиненный, командир 1-й гуандунской дивизии. «Партийная армия» Чана тут же разоружила эту дивизию, после чего сам Сюй потерял доверие и Вана, и Чана, и Бородина. К генералу Сюю, известному бонвивану и пьянице, имелось немало претензий и помимо этого. В начале июня 1925 года, например, находясь на востоке Гуандуна, он самовольно покинул расположение войск, уехав в Кантон лишь потому, что ему стало скучно в провинции. И, казалось, совсем не расстроился, когда узнал, что после его дезертирства генерал Чэнь Цзюньмин отвоевал все, что он сам и Чан захватили в ходе Восточного похода за два месяца до того.

В общем все было одно к одному. Чан со своими курсантами окружил резиденцию генерала Сюя и от имени правительства предложил последнему «на год» (по другим данным — «на три месяца») уехать в Шанхай — отдохнуть. Но после его отъезда, в середине октября 1925 года, переформировал Кантонскую армию, переподчинив себе большую часть войск генерала Сюя. Обманутый Сюй и его соратники были, конечно, вне себя, и младший двоюродный брат Сюя даже попытался убить Чана, но ему помешали охранники Чан Кайши.

Таким образом бывшие члены высшего руководства Гоминьдана — центристы Ху Ханьминь и Сюй Чунчжи — оказались удалены из Кантона. Кто же в итоге выиграл от этого, как и от смерти Ляо Чжункая? Только два человека: Ван Цзинвэй, которого Бородин характеризовал как самого преданного, самого энергичного работника, и Чан Кайши, «определенно зарекомендовавший себя приверженцем... крайне левого течения в Гоминьдане». Конечно, убийство Ляо было выгодно многим, в том числе и правым, но последние ничего от этого не получили. Напротив, их позиции ослабели. А в Гоминьдане, по выражению крайне довольного этим Бородина, установилась левая «революционная диктатура» Вана и Чана. Стояли ли Ван, Чан и Бородин за убийством Ляо, никто не знает, но то, что эту трагедию они хорошо использовали, чтобы устранить от власти центристов и правых вождей, — несомненно. «Мы убрали Сюй Чунчжи, Ху Ханьминя», — признавал Бородин и добавлял, что ЦК КПК принял решение «подготовить военно-политические силы для неизбежной борьбы» с правительством Ху Ханьминя еще в мае 1925 года.

Все эти события хорошо укладывались в политическую линию Москвы в Китае, которую собственно Бородин и должен был проводить: она была направлена на то, чтобы, превратив КПК внутри Гоминьдана в массовую политическую организацию, радикально изменить классовый состав самого ГМД путем захвата власти левыми гоминьдановцами и коммунистами. В рамках этой политики члены КПК обязаны были воспользоваться своим пребыванием в Гоминьдане и превратить эту организацию в как можно более левую, а именно — в «народную (рабоче-крестьянскую) партию» путем вытеснения с руководящих постов, а затем и исключения из Гоминьдана «представителей буржуазии». После этого им предстояло подчинить своему влиянию «мелкобуржуазных» союзников, чтобы в конце концов установить «гегемонию пролетариата» в Китае — не напрямую через компартию, а через Гоминьдан. Эту линию Коминтерн взял на вооружение весной 1925 года под давлением Сталина. И осенью того же года первые успехи в реализации этой линии были, как видим, налицо.

Обескураженные правые пытались было расколоть Гоминьдан, созвав 23 ноября в предместье Пекина — в Сишани (Западные холмы), в храме Лазурных облаков, где временно покоился гроб с забальзамированным телом Сунь Ятсена, — сепаратное совещание, названное «сишаньцами» 4-м пленумом ЦИК ГМД. Четырнадцать известных гоминьдановских руководителей потребовали исключения коммунистов из Гоминьдана, удаления Бородина и переноса ЦИК партии из Кантона в Шанхай. Идеологом правых был знакомый нам Дай Цзитао, издавший летом 1925 года два теоретических труда: «Философские основы суньятсенизма» и «Национальная революция и Гоминьдан». В них Дай обвинял коммунистов в «паразитировании» на теле ГМД, раздувании классовой борьбы, провоцировании внутригоминьдановских конфликтов и переманивании левых гоминьдановцев в компартию.

Дай также написал длинное письмо своему «кровному брату» Чан Кайши, предупреждая его об опасности сотрудничества с КПК. Но Чан, как Ван Цзинвэй и многие другие руководители Гоминьдана, поддержанные коммунистами, выступил против «сишаньцев». Чан даже вспомнил, что Сунь якобы сказал ему: «Мнение Бородина есть мое мнение. Его мнение должно быть испрошено по всем политическим вопросам». Затея с 4-м пленумом провалилась. Но «сишаньцы» обосновались в Шанхае, начав публиковать свои антикоммунистические статьи в местной газете «Миньго жибао» («Народ»).

Между тем осенью 1925 года национальное правительство Китая начало Второй восточный поход против генерала Чэнь Цзюньмина.

Главкомандующим был теперь Чан, а его советником — Рогачев. Накануне похода, 26 августа, находившиеся в распоряжении Гоминьдана войска были реорганизованы и сведены в единую Национально-революционную армию (НРА), которую составляли шесть корпусов (позже, в марте 1926 года, будет сформирован 7-й корпус, а в июне того же года — 8-й). Командиром 1-го корпуса, образованного из курсантов Вампу, стал сам Чан Кайши, 2-го — Тань Янькай, 3-го — Чжу Пэйдэ, 4-го — Ли Цзишэнь, начальник учебного отдела Вампу, 5-го — генерал Ли Фулинь, старый член суньятсеновского «Объединенного союза», и 6-го — знакомый нам генерал Чэн Цянь (которого Сунь в свое время хотел сделать начальником школы Вампу). Начальником политотдела 1-го корпуса был назначен Чжоу Энлай. В других корпусах тоже числилось немало коммунистов.

К концу 1925 года войска НРА, хорошо обученные и вооруженные, при поддержке четырнадцати аэропланов, управляемых советскими летчиками, наголову разгромили армию генерала Чэнь Цзюнмина — заклятого врага Чан Кайши. В январе 1926 года от местных милитаристов был очищен остров Хайнань. Звезда начальника школы Вампу Чан Кайши, которого с тех пор начали называть в Гоминьдане «Непобедимым», стала стремительно восходить.

Активизация деятельности КПК и советских советников в Гоминьдане, а также очевидное, казалось бы, повышение заинтересованности лидеров Гоминьдана в развитии отношений с СССР проявились в левой, прокоммунистической риторике на II гоминьдановском съезде, состоявшемся 1—19 января 1926 года в Кантоне. На съезд было избрано 256 делегатов, из которых в заседаниях участвовало 189. К тому времени численность Гоминьдана, по разным данным, составляла от 150 тысяч до 500 тысяч членов.

Среди делегатов в этот раз был и Чан Кайши, привлекавший к себе, по словам очевидца, «огромное внимание». Он «вел себя как очень важная персона», всеми способами разыгрывая из себя «крупного военного вождя. Ван Цзинвэй и другие как-то потерялись в его присутствии». На съезде 6 января Чан Кайши выступил с докладом по военным делам. Он с удовлетворением заявил, что в НРА насчитывается 86 тысяч солдат и офицеров и, кроме того, в распоряжении правительства находятся шесть тысяч курсантов. Отметил он и ряд проблем, в частности, недостаток стрелкового оружия: на почти 90 тысяч бойцов — всего 60 тысяч винтовок. Большое внимание Чан уделил и проблемам с денежным довольствием солдат, подчеркнув, что их жалованье меньше офицерского в 16 раз, а

генеральского — в 45. «Это вряд ли правильно», — заметил он.

В конце съезда Чан Кайши подавляющим большинством голосов был избран членом Центрального исполнительного комитета Гоминьдана. И он, и Ван Цзинвэй получили только на один голос меньше Ху Ханьминя, избранного членом ЦИК единогласно, несмотря на его пребывание в московской ссылке^[29]. На 1-м пленуме ЦИК, 22–25 января 1926 года, Чан вошел в узкий состав двух руководящих органов ЦИК Гоминьдана — Постоянный комитет и Политический комитет (оба из девяти человек), куда помимо него были избраны, в частности, Ван Цзинвэй (председатель обоих органов), Тань Янькай и Ху Ханьминь (заочно). 1 февраля 1926 года Чан получил также пост генерального инспектора Национально-революционной армии.

«Революционная» диктатура Вана и Чана, казалось, набирала обороты, и до превращения Гоминьдана в «народную (рабоче-крестьянскую) партию» оставалось немного. Спустя месяц после II съезда ЦИК ГМД обратился в Президиум Исполкома Коминтерна с официальной просьбой о принятии этой партии в Коминтерн!

Но развитие событий пошло не в том направлении, в каком его усиленно подталкивали советские советники и китайские коммунисты. На каком-то этапе, почувствовав вкус победы, они стали действовать чересчур топорно, попытавшись откровенно овладеть аппаратом ЦИК Гоминьдана и национального правительства. Вот что по этому поводу с осуждением писал нарком иностранных дел Чичерин, один из здравомыслящих советских руководителей, в начале 1926 года: «Киткомпартия систематически подменяла Гоминьдан, проводила через него лозунги, замещала в нем руководящие посты коммунистами, отстраняла даже левых гоминьдановцев, таких как Ху Ханьминь (на самом деле Ху, как мы помним, был центристом. — А. П.)». В то же время новый начальник южнокитайской группы военных советников 29-летний командир корпуса Николай Владимирович Куйбышев, надменный служака, работавший в Китае с конца октября 1925 года под псевдонимом-кличкой Кисанька (китайцы звали его Цзи Шаньцзя), после II съезда Гоминьдана и особенно после отъезда в Пекин по делам в конце января 1926 года Бородин стал демонстрировать свое пренебрежение к китайским военным, в том числе к Чан Кайши. От его острых глаз не укрылось, что Чан «по характеру нерешительный, но упрямый» и что «его упрямство — китайского толка, когда люди, занимающие какой-либо пост (особенно это характерно для военных), в случае, если все идет не так, как они хотят, немедленно уходят в отставку или просто уезжают, но возвращаются после того, как их долго

уговаривают и умоляют». Кисанька и сам был упрямым, а потому стал смотреть на Чана сверху вниз, воспринимая его как «типичного «интеллигента»-радикала»^[30] и полагая, что Чан «как командующий не мог бы достичь успеха на поле брани без помощи советских инструкторов». Кроме того, Кисанька выступил против Северного похода, хотя почти все командиры корпусов НРА и сам Чан были за скорейшее выступление на север. В данном случае Кисанька исходил из указаний Сталина и большевистского Политбюро (вполне логичных), что продвижение армии Гоминьдана из Кантона неизбежно ограничит возможности радикализации кантонского режима под предлогом военной обстановки. Недооценивая будущего генералиссимуса, Кисанька начал его просто игнорировать, предпочитая по всем военным вопросам иметь дело с Ван Цзинвэем, который, помимо прочих постов, занимал после убийства Ляо и пост политкомиссара школы Вампу. Так же начали вести себя и заместители Кисаньки: знакомый нам Рогачев, а также Израиль Разгон, работавший в Китае под псевдонимом Ольгин.

А Ван Цзинвэй в свою очередь использовал Кисаньку и других советских советников для дискредитации Чан Кайши: за внешним единодушием двух лидеров Гоминьдана скрывалась глубокая взаимная антипатия. Во многом, как и в конфликте Чана с генералом Чэнь Цзюньмином, это объяснялось местническими причинами. Ван был уроженцем и патриотом Гуандуна и, хотя его предки были выходцами из Чжэцзяна, не терпел чжэцзянского «провинциала» Чана. К тому же оба вождя были совершенно разными по характеру: подтянутый и чуждый болтовни генерал Чан Кайши на дух не переносил вальяжного «покорителя дамских сердец» и прожженного политика Ван Цзинвэя. Беда советских военных советников и китайских коммунистов заключалась в том, что они недвусмысленно выступили на стороне Ван Цзинвэя и Кисаньки.

Зная, насколько болезненно ранимым и вспыльчивым был Чан, нетрудно представить, как он вознегодовал! 19 января 1926 года он записал в дневнике: «На сердце нерадостно от взглядов и поступков Рогачева и Кисаньки. Я отношусь к ним искренне, а они отплачивают мне обманом. Это товарищи, с которыми нельзя вести совместные дела». После очередной встречи с Кисанькой 7 февраля он добавил: «Совершенно ясно, что его сердце полно сомнений, подозрительности и страха <в отношении меня>».

Через день Чан Кайши подал в отставку, но Ван Цзинвэй не принял ее, хотя и «не выразил пожелания», чтобы Чан остался. В глубокой депрессии Чан записал в дневнике 8 февраля 1926 года: «Советские друзья

подозрительны <по отношению ко мне>, они презируют и целенаправленно игнорируют меня, я же совсем не хочу бороться с их ложью и не обвиняю их, и все, что я делаю, — это плачу им искренностью». Он хорошо помнил Конфуция, учившего: «Стремись к искренности и верности; не дружи с тем, кто тебе не ровня; не бойся исправлять ошибки».

Встретившись с Ван Цзинвэем, Чан тет-а-тет пожаловался ему на Кисаньку, рассчитывая, по-видимому, что Ван отправит того в Москву, но Ван посоветовал самому Чану поехать в СССР отдохнуть и поизучать опыт русской революции, а заодно и обсудить свои личные проблемы в Коминтерне, а Кисаньке сразу же передал все, что обиженный генерал говорил о нем.

Ну что оставалось Чану? Вначале, в феврале 1926 года, он действительно решил поехать в Россию, попросив своего секретаря Чэнь Лифу сопровождать его. Расторопный Чэнь даже купил билеты и поменял валюту, но по дороге в порт Чан то и дело заставлял шофера поворачивать назад и в конце концов, окончательно передумав ехать, вернулся домой. Чэнь Лифу утверждает, что Чан Кайши сделал это, вняв его, Чэня, советам использовать силу против врагов. Вокруг Чана стали в то время группироваться все недовольные просоветским курсом правительства, а потому у него имелись шансы победить Кисаньку, Ван Цзинвэя и китайских коммунистов. Отдавать свою партию этим людям Чан конечно же не собирался.

С каждым днем он все острее чувствовал, что кольцо ненависти вокруг него сжимается. Он теперь везде видел врагов, плетущих за его спиной интриги. Как-то вернувшись с банкета, организованного советскими советниками по случаю 8-й годовщины Красной армии, он записал в дневнике: «Моужу (генерал Ван Болин, один из правых. — А. П.) сказал мне, что <на банкете> были люди, клеветавшие на меня. Я тоже заметил людей, презиравших меня... Почему я раньше был так глуп? Больше никогда таким не буду!»

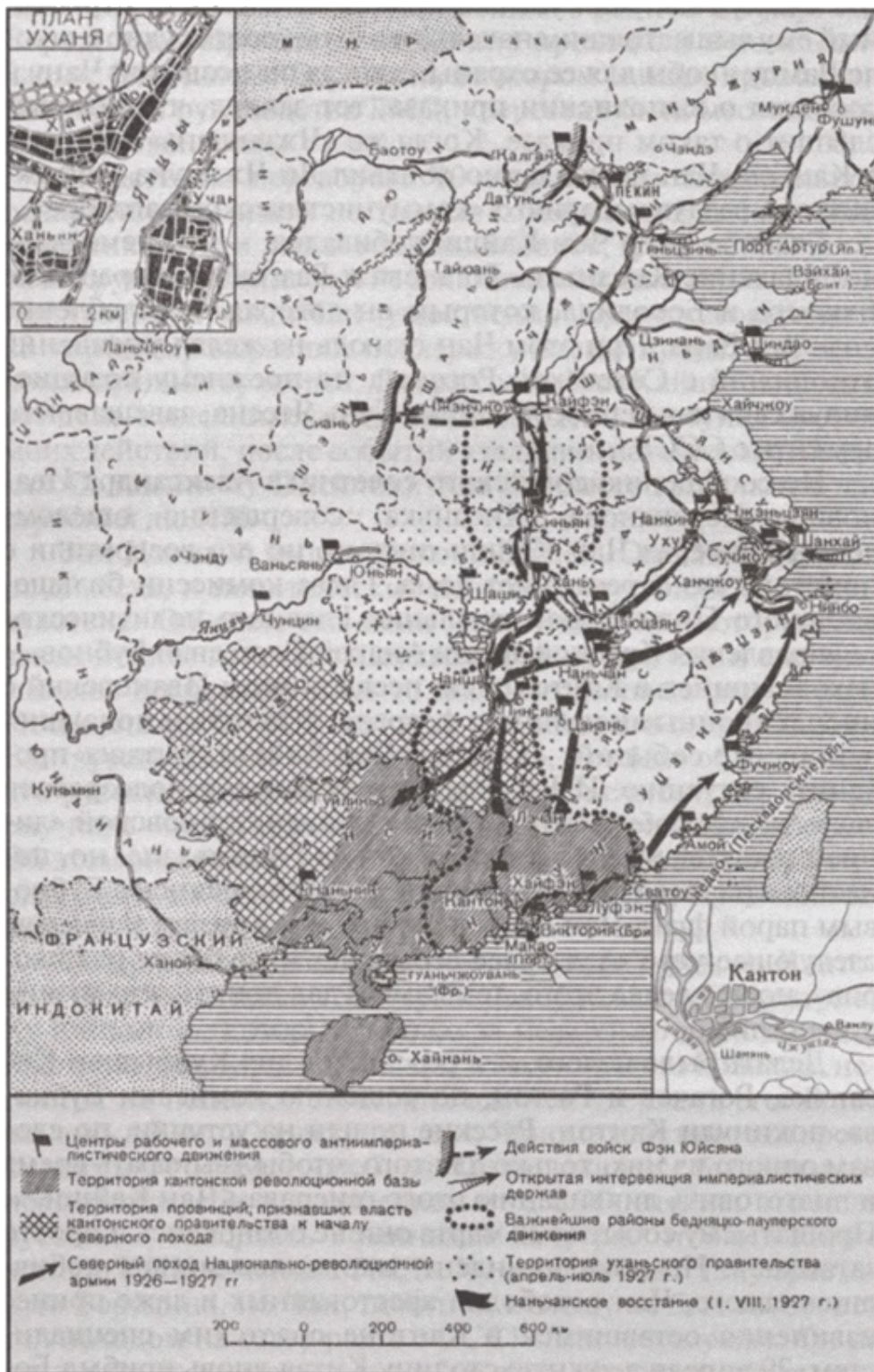
В ночь с 19 на 20 марта 1926 года Чан не выдержал. Он отдал приказ арестовать около пятидесяти китайских коммунистов, послал войска окружить резиденцию советских военных советников и ввел в Кантоне военное положение. Он объяснил это тем, что ему удалось раскрыть «коммунистический заговор»: коммунисты якобы собирались его похитить и отвезти в Россию, где стали бы держать в качестве пленника.

Есть, однако, немало сомнений в том, что такой заговор существовал. Ведь в Москве Чана, как мы знаем, считали крайне левым — левее других командиров НРА. Да и сам Кисанька при всем его высокомерном

отношении к будущему генералиссимусу считал его «якобинцем». Вряд ли в таких условиях китайские коммунисты отважились бы арестовать Чана, да еще вывезти его в Россию. Скорее всего, Чан сам спровоцировал инцидент. Такой вариант кажется единственно достоверным, особенно если учесть, в каком тяжелом психическом состоянии Чан находился в то время и как боялся «потерять лицо» из-за Кисаньки. Не случайно накануне событий он попросил своего «кровного брата» «цикаду» Чжана, жившего в Шанхае и являвшегося руководителем Центральной контрольной комиссии ГМД, немедленно приехать в Кантон для того, чтобы сыграть роль верховного арбитра во внутрипартийных делах. Вполне возможно, что сам Чан верил в «заговор» КПК как человек, страдавший манией преследования, но фактов, подтверждающих заговор, нет.

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ (1925—1927 гг.)

С другой стороны, известно, что за два дня до событий капитан военного корабля «Юнфэн» (после смерти Суня переименованного в «Чжуншань» — «Ятсен») коммунист Ли Чжилун получил устный приказ Чан Кайши, переданный ему вышестоящим начальством, подвести судно к школе Вампу якобы для ее охраны, а когда он позвонил Чану и сообщил о выполнении приказа, тот заявил, что впервые слышит о таком приказе. Когда же «Чжуншань» вернулся в Кантон, Чан неожиданно объявил Ли Чжилуна «мятежником», раздув историю о «коммунистическом заговоре».

Главное, чего Чан Кайши добивался, — это немедленное удаление Кисаньки, Рогачева и Разгона, возвращение Блюхера и Бородина, которым он доверял, и ослабление позиций Вана. При этом Чан отнюдь не желал ухудшения отношений с Советской Россией, по-прежнему позиционируя себя как верного ученика Сунь Ятсена, завещавшего дружить с СССР.

По сообщению советского советника Александра Ивановича Черепанова, Кисанька, совершенно ошеломленный, послал Чан Кайши письмо, но его возвратили с пометой, что адресата нет дома. Глава комиссии большевистского Политбюро, начальник Главного политического управления Красной армии Андрей Сергеевич Бубнов, — находившийся в Кантоне под псевдонимом Ивановский с инспекционными целями с февраля 1926 года и попавший в эпицентр событий, — посетил Чан Кайши, пытаясь прояснить ситуацию. И Бубнов, и его комиссия подозревали связь между событиями 20 марта и коминтерновской «линией наступления и захвата власти» в Гоминьдане, но, понятно, признавать это не хотели. Перекинувшись с Бубновым парой фраз, Чан пообещал, что сам приедет к нему на следующее утро «для более серьезных и глубоких разговоров», но не сделал этого, тем самым дав понять, кто хозяин положения.

Делать было нечего, и через четыре дня Куйбышев-Кисанька, Рогачев и Разгон, по решению комиссии Бубнова, покинули Кантон. Русские пошли на уступки, по словам одного из них, только для того, чтобы «выиграть время и подготовить ликвидацию этого генерала <Чан Кайши>». Прощать ему события 20 марта они не собирались и просто затаились. Но пока инцидент закончился мирно: добившись своего, Чан освободил арестованных и даже принес извинения оставшимся в Кантоне советским специалистам. 29 апреля в южную столицу Китая вновь прибыл Боне родин, а в конце мая — Блюхер. Отныне вплоть до начала Северного похода (июль 1926 года) все основные политические дела стали решаться «большой тройкой» — Чан Кайши, «цикадой» Чжаном, прибывшим в Кантон 22 марта, и Бородиным. Причем их заседания проходили в доме

«цикады». Особняк же Бородина, в котором раньше проходили совещания руководства ГМД, «перестал быть местом бурной деятельности».

Следствием переворота 20 марта было значительное ослабление позиций не только коммунистов и советских советников, но и левых гоминьдановцев, группировавшихся вокруг Ван Цзинвэя. «Революционная диктатура» Вана и Чана развалилась, и Чан существенно укрепил свою власть. 22 марта ему выразили поддержку члены правительства и командующие армиями. С сарказмом Чай Кайши записал в тот день в дневнике: «Те, кто до событий выступал против моих действий, после событий стали внимать моим словам, как Священному Писанию. Как же быстро меняются настроения людей!»

Ван Цзинвэй был глубоко подавлен. Он давно страдал от диабета, и политические невзгоды усугубили его самочувствие. Он слег, его жена Чэнь Бицзюнь (которую все звали Бекки) то и дело вызывала к нему врачей, и он отказывался вести «какие бы то ни было деловые разговоры». После отстранения Кисаньки, «за которого он держался», Ван чувствовал, что «потерял лицо». Он был обижен тем, что русские пошли на уступки Чану, и считал, что теперь ему надо «некоторое время побыть в стороне от работы». Об этом он написал в письме «цикаде» Чжану, самому авторитетному в глазах Чана человеку. В мае Ван Цзинвэй выехал на лечение за границу.

По иронии судьбы на одном пароходе с ним из Кантона в Шанхай отплыл его старый недоброжелатель центрист Ху Ханьминь, который только за несколько дней до того, 29 апреля, вернулся из Москвы в Кантон через Шанхай, несмотря на попытки советских властей удержать его. В тот же день в Вампу Ху встретился с Чаном, действия которого 20 марта он от души одобрял. Он поделился с будущим генералиссимусом впечатлением от СССР, заявив, что цель русских — «взорвать Гоминьдан изнутри, чтобы в конце концов КПК заменила ГМД». Ху посоветовал Чану арестовать Бородина, но Чан, понятно, к этому не был готов: перед походом на север рвать с СССР было неразумно. Он не сказал ни да ни нет, но в тот же день, стремясь продемонстрировать преданность союзу с Россией и одновременно лишний раз показать свою власть, передал слова Ху Ханьминя Бородину, тоже навестившему его в Вампу^[31]. После этого Ху ничего не оставалось, как сразу же покинуть Кантон. В Шанхае он занялся литературной деятельностью.

Между тем в деревнях Гуандуна началось разоружение так называемых крестьянских союзов (на самом деле — паупер-люмпенских), которые к тому времени образовали коммунисты. Кроме того, Чан

предъявил компартии ряд требований, направленных на значительное ограничение ее политической и организационной самостоятельности в Гоминьдане. Эти требования были вынесены на 2-й пленум ЦИК Гоминьдана второго созыва (15–22 мая 1926 года) самим Чан Кайши. В их поддержку выступили Тань Янькай, цикада «Чжан» и сын Сунь Ятсена от первого брака — Сунь Кэ (он же Сунь Фо), после чего требования были приняты. Они включали следующие пункты: запрещение критики Сунь Ятсена и его учения; передача председателю ЦИК Гоминьдана списка коммунистов, желавших вступить в ГМД; ограничение числа коммунистов в ЦИК, провинциальных и городских комитетах Гоминьдана до одной трети от общего количества членов этих комитетов; запрещение коммунистам заведовать отделами ЦИК ГМД; запрещение членам Гоминьдана созывать совещания от имени своей партии без разрешения ее руководства; запрещение членам Гоминьдана без разрешения участвовать в деятельности компартии; предварительное утверждение объединенным совещанием^[32] всех инструкций КПК, передаваемых ее членам; запрещение членам Гоминьдана вступать в КПК. Близкий к Чану человек, старший племянник его покойного «кровного брата» Чэнь Цимэя, — 34-летний Чэнь Гофу, прибывший по просьбе Чана в Кантон из Шанхая накануне пленума, 1 мая, стал заведующим ключевым отделом Центрального исполкома — организационным (вместо коммуниста Тань Пиншаня, возглавлявшего его со времени II съезда партии). По словам родного брата Чэнь Гофу, тот стал заниматься поиском скрытых коммунистов в рядах ГМД, чтобы в подходящий момент вычистить их.

Следуя курсу Сталина, направленному на захват в подходящий момент власти в Гоминьдане, китайские коммунисты приняли эти требования. В противном случае им надо было бы выйти из Гоминьдана, но это похоронило бы все надежды Москвы на превращение ГМД в «народную (рабоче-крестьянскую) партию». Московские руководители и ЦК КПК были к тому же введены в заблуждение довольно искусным маневрированием Чан Кайши. Через некоторое время после переворота он ограничил деятельность не только коммунистов, но и правых гоминьдановцев. В Вампу Чан распустил и коммунистический «Союз молодых воинов», и гоминьдановское «Общество по изучению суньятсенизма», а некоторых правых сместил со своих постов. В конце мая он даже арестовал одного из наиболее ярых сторонников исключения КПК из ГМД — начальника Полицейского управления Кантона У Течэна. Главный информатор Москвы Бородин расценил все это как конкретное проявление «бессилия» правой группировки. Бородин даже считал, что

«резолуции пленума Ц<И>К <ГМД> о коммунистах нанесли правым больший ущерб, чем коммунистам». «Будь Сунь жив, он бы тоже принял определенные меры для ограничения деятельности КПК», — откровенно сказал Бородин члену ЦИК КПК Чжан Готао.

После пленума Чан Кайши постепенно сосредоточил в своих руках все нити власти: возглавил Военный комитет национального правительства, отдел военных кадров ЦИК Гоминьдана, стал главнокомандующим Национально-революционной армией, то есть генералиссимусом, а в начале июля 1926-го — даже председателем нового высшего органа — Политического совета ЦИК, объединившего функции Политического и Постоянного комитетов. После отставки Ван Цзинвэя обязанности председателя Политкомитета исполнял Тань Янькай, ставший также главой национального правительства, а председателя Постоянного комитета — «цикада» Чжан, но теперь они уступили свои посты Чан Кайши. Тот, правда, попросил «цикаду» Чжана на время Северного похода исполнять его обязанности в партии.

Таким образом, в первой половине 1926 года Чан, которому было всего 38 лет, казалось, установил полный контроль над партией и армией. По иронии судьбы победу в борьбе за наследие Сунь Ятсена обеспечили ему коминтерновские работники в Южном Китае, с 1924 года делавшие все, чтобы сначала укрепить школу Вампу и позиции ее начальника, которого ошибочно считали левым (Бородин, Блюхер), а затем спровоцировать его на конфликт (Кисанька, Рогачев). В итоге, опираясь на большинство курсантов и занявших командные должности в Национально-революционной армии выпускников школы, Чан смог не только победить своих соперников в ГМД (Чэнь Цзюньмина, Сюй Чунчжи, Ван Цзинвэя и др.), но и ограничить влияние советских советников, китайских коммунистов и левых гоминьдановцев. Выпускники же Вампу составили ядро вооруженных сил ГМД, начав превращаться в наиболее мощную внутривластную организацию Гоминьдана.

Северный поход и раскол Гоминьдана

21 мая 1926 года ЦИК Гоминьдана опубликовал Манифест о положении в стране, объявив о начале в самое ближайшее время Северного похода, того самого, о котором столько лет мечтал Сунь Ятсен. 5 июня Чан Кайши был утвержден командующим войсками этого похода. Общая численность войск составляла на тот момент около 100 тысяч солдат и офицеров.

Объективным союзником Национально-революционной армии (НРА) в Северном Китае была Националистическая армия (150 тысяч штыков) — ее командующий Фэн Юйсян заявил, как мы помним, о поддержке Сунь Ятсена еще в октябре 1924 года. Однако в апреле 1926 года он потерпел крупнейшее поражение от северных милитаристов, после чего в начале мая выехал вместе с семьей в Советский Союз — вести переговоры о расширении советской военной помощи и «ожидать развития событий в Китае». В Москве, на второй день приезда, Фэн Юйсян вступил в члены Гоминьдана, объявив об этом перед саркофагом Ленина. Но Фэн, конечно, не мог оказать реальную помощь Чан Кайши, пока не вернулся в Китай в середине сентября 1926 года.

Тем не менее в начале июля 1926 года Северный поход стал реальностью. По словам очевидца, поход «поднял революционный дух ГМД».

С самого начала Северный поход оказался успешным, несмотря на то, что силы сторон были неравными: армии противостоявших НРА трех милитаристских группировок намного превосходили гуандунские войска. Во главе этих группировок стояли: в Центральном Китае — знакомый нам У Пэйфу; в Восточном Китае — отколовшийся от У Пэйфу маршал Сунь Чуаньфан; в Северном и Северо-Восточном Китае — маршал Чжан Цзолинь. Армии У Пэйфу и Суня насчитывали по 200 тысяч бойцов каждая, а маршал Чжан мог выставить 350 тысяч человек. Но Чан Кайши повезло. Еще в феврале 1926 года в армии хунаньского губернатора Чжао Хэнти, входившего в группировку генерала У Пэйфу, произошел раскол. Командир 4-й дивизии генерал Тан Шэнчжи поднял восстание, предварительно связавшись с кантонским правительством. Заручившись поддержкой Кантона, Тан атаковал генерала Чжао, вынудив его бежать из столицы провинции Хунань — города Чанши. В конце марта 1926 года Тан провозгласил себя губернатором Хунани. Но укрепиться ему в Чанше сразу

не удалось. Генерал У Пэйфу двинул против него войска, и тот принужден был оставить город. В этих условиях Чан Кайши 19 мая направил в Хунань один из полков НРА численностью в две тысячи человек. 2 же июня дивизия Тана был реорганизована в 8-й корпус НРА, и Тан объявил о начале «борьбы с англичанами, походе против У Пэйфу и изгнании Чжао Хэнти».

9 июля 1926 года в девять часов утра на Восточной площади Кантона, которая еще в минские и цинские времена (1368–1912) использовалась как военный плац, Чан Кайши в присутствии не менее пятидесяти тысяч человек принял торжественную присягу в качестве главнокомандующего НРА. На «впечатляющей церемонии», встреченный бурными овациями, он поклялся «разгромить северных милитаристов, покончить с империалистическим гнетом, выполнить завещание Суня и смыть наш позор». А уже через два дня его войска, воодушевленные идеями национальной революции, одержали первую крупную победу над милитаристом У Пэйфу, после чего заняли столицу провинции Хунань — город Чаншу. Местные жители, ненавидевшие губернатора Чжао Хэнти, установившего режим террора, «приветствовали их как героев». Над каждой торговой лавкой в Чанше развевался красный флаг, по улицам «часами маршировали студенты, выкрикивая коммунистические лозунги... «Долой западный империализм!» и «Да здравствует Россия, спаситель человечества!».

После этого на сторону главкома НРА, представлявшего, по отзыву одного из современников, «новый тип человека: талантливого, решительного и делового», стали переходить мелкие вожди милитаристов, опасавшиеся потерять свои войска, а с ними власть и доход. Чан принимал их, назначал на генеральские должности и включал их полки и дивизии в свои вооруженные силы. «Все хотят сдаться мне, — с удовольствием говорил он. — Они боятся только одного: что я могу не принять их капитуляцию... Все они оппортунисты». В итоге за счет перехода на сторону НРА части милитаристов ее офицерский корпус начал приобретать откровенно консервативный характер; влияние правых вследствие этого возросло, и Чан стал все более склоняться к их позиции. В то же время, вслед за продвижением частей НРА, в деревнях и городах Хунани, а затем и Хубэя усиливалось волнение люмпенов и пауперов, то есть той части сельского и городского населения, которая испокон веку рассматривалась зажиточными землевладельцами да и обычными крестьянами и торговцами как наиболее деструктивный фактор общественной жизни. Люмпены и присоединявшиеся к ним пауперы, голодные и оборванные, хотели

доминировать над теми, кто жил хоть немного лучше их. В обстановке революции и войны у них появился шанс возмездия за свое унижение и нищету. Обычные крестьяне, в массе своей ни в чем не повинные, представляли собой наиболее удобную мишень просто потому, что жили по соседству. Естественно, пауперовско-люмпенский бандитизм создавал угрозу для единого фронта, так как генералы и офицеры НРА были выходцами из более или менее зажиточных семей. Но коммунисты, как и в Гуандуне, стали организовывать люмпенов и пауперов в так называемые «крестьянские союзы», чтобы с их помощью установить свою гегемонию в революции. В том же, что касалось вопроса об очищении Гоминьдана от антикоммунистов, компартия демонстрировала полное бессилие, так как баланс сил в ГМД был не в ее пользу.

Между тем в середине августа, на встрече Тан Шэнчжи с Чан Кайши, было решено продолжить Северный поход в направлении трехградья Ухань в провинции Хубэй и, заняв трехградье, двигаться далее двумя колоннами: западной, целью которой был Пекин, и восточной, нацеленной на столицу провинции Цзянси — город Наньчан. Восточную колонну возглавил сам Чан Кайши, западную — Тан Шэнчжи. 17 августа Северный поход был продолжен.

Осенью 1926 года войска Национально-революционной армии достигли значительных успехов. Они вышли в долину реки Янцзы, 6 сентября был взят город Ханьян, 7-го — город Ханькоу. Учан же удалось захватить только 10 октября, в День Республики. Таким образом, все трехградье Ухань оказалось в руках Национально-революционной армии. Битва за Учан, столицу провинции Хубэй, была особенно кровопролитной. Очевидец вспоминает: «Везде лежали мертвые тела, и трупный запах пропитывал воздух. Издали я мог видеть черные лица убитых, но когда мой конь приближался к телам, махая хвостом, мухи, покрывавшие их, взлетали и черные лица исчезали. Невозможно описать мою боль... Сидя в седле, ошеломленный, я осторожно направлял моего коня между телами, следя за тем, чтобы он не наступил на них».

Находясь в Ханькоу, в сентябре Чан неожиданно получил поздравительную телеграмму от женщины, о которой думал последние несколько месяцев, — от Сун Мэйлин (Оливии), младшей сестры Сун Цинлин, вдовы Сунь Ятсена. К Дженни он к тому времени почти охладел, хотя и поддерживал с ней нормальные отношения, впрочем, как и с Ечэн, воспитывавшей его младшего сына Вэйго. Старшего сына Цзинго в то время уже воспитывали советские коммунисты: в октябре 1925 года он под

влиянием знакомых из советского полпредства в Пекине и с разрешения отца уехал в Москву на учебу — в открывавшийся там в ноябре Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК), коминтерновский вуз, который должен был стать «неким учебным центром единого фронта... КПК и Гоминьдана». Цзинго уехал в составе группы из 119 человек и уже 23 ноября стал студентом, получив от администрации УТК русский псевдоним (из соображений секретности) — Николай Владимирович Елизаров.

Дженни в основном жила в Кантоне: после убийства Ляо Чжункая его вдова, которая хорошо относилась к Дженни, упростила ее и Чана арендовать небольшой домик по соседству с ней в престижном районе Дуншань (Восточные горы), застроенном двухэтажными виллами европейского типа, где жили все высшие гоминьдановские чиновники и советские советники. Соседом Дженни стал и «цикада» Чжан. Из Кантона Дженни как-то во время передышки в боях приезжала к Чану в Ханькоу. Но мысли о новой женщине не покидали его.

Чан познакомился с Сун Мэйлин то ли в начале декабря 1922-го, то ли в начале января 1923 года в шанхайском особняке Сунь Ятсена на улице Мольера, 29. Но тогда, утомленный поездками на фронт в Южную Фуцзянь, где у него не ладились отношения с генералом Сюй Чунчжи, он особого внимания на Мэйлин не обратил.

Новая встреча произошла в Кантоне, накануне Северного похода, в доме старшей сестры Мэйлин, Айлин (Нэнси), жены крупного бизнесмена Кун Сянси, полноватого джентльмена с печальными глазами за стеклами круглых очков, потомка Конфуция в семьдесят пятом поколении. Получивший образование в США (он учился в Оберлинском колледже в штате Огайо и Йельском университете), Кун считался одним из лучших экономистов Китая. Супруги Кун пригласили Чана и Дженни наряду с другими высокопоставленными гоминьдановскими чиновниками на обед. Был жаркий субботний вечер, и обе красавицы-сестры, хорошо сложенные, одетые в элегантные шелковые *ципао* (длинные платья с разрезами до бедер), грациозно обмахивались веерами. Казалось, что они «сошли со страниц шанхайских журналов мод», — вспоминала Дженни.

И вот тут-то Мэйлин, находившаяся в самом расцвете женской красоты (ей шел тридцатый год), произвела на Чана сильное впечатление. В присутствии Дженни он, правда, не обменялся с ней и парой фраз, но о том, что она Чану очень понравилась, свидетельствует его запись в дневнике 2 июля 1926 года: «Мэйлин уезжает в Шанхай, очень жаль расставаться».

С тех пор он ничего о ней не слышал. И вот в сентябре 1926 года

Мэйлин вдруг написала ему, поздравив со взятием Ханькоу. Причем назвала «героем»! Он разволновался и тут же пригласил ее приехать к нему. Но Мэйлин ответила спустя два месяца, поблагодарив за приглашение и выразив сожаление, что приехать не сможет: по ее словам, ей нужно было заботиться о матери, жившей в Шанхае.

К тому времени Чан находился уже вне Ханькоу. Еще до падения Учана он понял, что войска генерала У Пэйфу практически разгромлены, и во второй декаде сентября повернул свою колонну в Цзянси — против нового врага, маршала Сунь Чуаньфана, отдав славу покорителя Хубэя Тан Шэнчжи. Перейдя границу Цзянси 22 сентября, он в течение месяца с боями продвигался в сторону главного города этой провинции, Наньчана, который взял 7 ноября. Следующая цель Чан Кайши и Блюхера, находившегося в его войсках, была ясна: захватить Шанхай и Нанкин — важнейшие города Восточного Китая. Одновременно войска генерала Хэ Инциня (бывшего инструктора Вампу) не спеша продвигались по провинции Фуцзянь в направлении Чжэцзяна, родной провинции Чан Кайши.

Второе послание от Мэйлин Чан получил в ноябре, и оно всколыхнуло воспоминания о роскошной женщине. Судя по тому, что Мэйлин продолжила с ним переписку, он тоже ее заинтересовал. Да почему бы и нет? Сильный, высокий, красивый мужчина, чьи «тревожные черные глаза... проникали в душу». Он явно обладал харизмой, будучи прирожденным лидером. Так что амбициозная волевая женщина, знавшая себе цену и стремившаяся составить блестящую партию, не могла упустить его. Новый вождь Гоминьдана и главнокомандующий армией имел все шансы встать во главе страны, значит, как нельзя лучше подходил ей. Ее старшая сестра разделяла эти настроения — в отличие от средней сестры, Цинлин, вдовы Сунь Ятсена. Та никогда не любила Чана, а после смерти мужа ее отношение к нему даже ухудшилось. По ее рассказам, он через некоторое время после похорон Суня имел наглость послать к ней свата, которого она выставила, так как была уверена, что Чан хочет жениться на ней «не по любви, а из политических соображений». Узнав, что Чан равнодушен к ее младшей сестре, она лишь утвердилась в мысли, что этот человек — карьерист. «Всеми правдами или неправдами он хочет войти в нашу семью, то есть семью Сунь Ятсена» — так примерно рассуждала она.

Была ли она права? Отчасти. Шанс породниться с влиятельной и богатой семьей Сунов, конечно, не мог не будоражить воображение Чана. Ведь он стал бы тогда свояком Сунь Ятсена и родственником умелых

финансистов Кун Сянси и Т. В. Суна (брата Мэйлин), которые смогли бы изыскать деньги, столь необходимые для укрепления его власти в Гоминьдане. Но вполне вероятно, что Мэйлин понравилась Чану и просто как женщина. Она действительно была обворожительна, умна, артистична, великолепно образована и интеллигентна. В общем — настоящая леди.

Мэйлин родилась 5 марта 1897 года в деревне Чуаньпа, пригороде Шанхая. С десяти до шестнадцати лет жила вместе с Цинлин в Америке, в городке Мэйкон, штат Джорджия, в 80 милях к юго-востоку от Алабамы, где Цинлин училась в престижном Уэслианском колледже для женщин, а Мэйлин брала частные уроки английского. В том же колледже до 1909 года училась и их старшая сестра Нэнси. В 1912 году в возрасте пятнадцати лет Мэйлин тоже приняли в это учебное заведение, но через год, когда Цинлин, окончив колледж, вернулась на родину, она перевелась поближе к брату, Т. В. Суну, учившемуся на экономическом факультете в Гарварде. Ее зачислили в знаменитый женский колледж Уэллси, расположенный в 16 милях к западу от Кембриджа, — тот самый, где в 1940-х годах литературу и русский язык будет преподавать знаменитый Владимир Набоков. Весной 1917-го Мэйлин блестяще окончила курс по специальности «английский язык и литература» в числе тридцати трех лучших студенток. Она была влюблена в Америку, что, собственно, неудивительно — в этой стране она выросла. По образу мыслей и воспитанию она была американкой. «Единственное, что у меня есть китайского, это мое лицо», — говорила она. Естественно, изъяснялась она по-английски абсолютно свободно, хотя и с сильным южным американским акцентом, который приобрела еще в детстве в Джорджии и от которого не могла избавиться.

Она рано повзрослела, обнаружив, что привлекательна для мужчин, обожала красиво одеваться, и будучи уверена в своей неотразимости, переживала лишь по поводу своей склонности к полноте. «Я очень экстравагантна в одежде... Мой любимый лозунг: не ешь конфет, ни одной... Моя тайная печаль: я толстая», — писала она в дневнике. Желание любить и быть любимой с ранней юности переплеталось в ней со стремлением достичь славы и величия. Она и представить себе не могла, что может выйти замуж за обыкновенного человека. Говорят, правда, что до встречи с Чаном у нее были какие-то отношения с одним из друзей Т. В. Суна по имени Лю Цзивэнь, они якобы даже обручились. Но так ли это, никто точно не знает. Сам Лю, который, кстати, тоже не был простым человеком и занимал немало видных постов в Гоминьдане еще при Сунь Ятсене, это отвергал.

Чан нравился Мэйлин во всех отношениях. «Мое замужество с Чан

Кайши было целиком моей идеей, — вспоминала она. — Еще будучи маленькой девочкой, я обожала героев». И еще: «Это был мой шанс. Вместе с мужем я буду работать не покладая рук для того, чтобы сделать Китай сильнее». Кроме того, добавляла она, «меня взволновали его горящие глаза... Я влюбилась в него».

Между тем военные успехи Чан Кайши все более беспокоили Бородин. Несмотря на то, что Чан после майского (1926 года) пленума ЦИК никаких новых мер против коммунистов не предпринимал, «высокий политический советник» был убежден, что, взяв Шанхай, этот крупнейший промышленный и торговый центр страны, Чан тут же начнет убивать коммунистов. Еще во второй половине октября в Кантоне, за спиной Чана и «цикады» Чжана, Бородин созвал объединенное совещание ЦИК Гоминьдана с представителями провинциальных и особых городских комитетов этой партии. На совещание в основном собрались только левые. На нем была принята новая программа Гоминьдана, в которую, в частности, вошли требования коммунистов по крестьянскому вопросу: снижение арендной платы, ростовщического процента, облегчение налоговой эксплуатации и запрещение спекуляции. При этом впервые прозвучала критика в адрес и Чана, и «цикады» Чжана, а также было решено просить Ван Цзинвэя, жившего в то время во Франции, вернуться из «отпуска». Удар по Чану был точно выверенным.

В начале ноября Политический совет Центрального исполкома Гоминьдана принял решение перенести в Ухань резиденцию своего национального правительства, и через месяц первая группа министров (четверо мужчин плюс вдова Суня, Цинлин, — все левой ориентации) вместе с Бородиным перебралась на новое место. По дороге из Кантона, в одном из курортных местечек в горах Лушань в провинции Цзянси, поздно вечером 7 декабря Бородин встретился с Чан Кайши. Встреча двух старых знакомых прошла в напряженной обстановке. Бородин приехал в Ухань раздраженный.

Сразу же по приезде он встретился с командиром западной колонны генералом Тан Шэнчжи, которому дал понять, что больше не доверяет Чану и полагается только на Тана. «Тот, кто сможет честно осуществить идеи доктора Сунь Ятсена, станет величайшей фигурой в Китае», — заявил он генералу. Тан, subtilный мужчина с тонкими усиками и оттопыренными ушами, выпускник Баодинской военной академии и правоверный буддист, обрадовавшись, ответил: «Я готов следовать всем вашим указаниям». После этого Тан стал открыто твердить на всех углах: «Чан Кайши устал.

Ему лучше бы отдохнуть, так как он не сможет ничего сделать в Цзянси. Если бы я возглавил армию, я бы атаковал не только Цзянси, но и Нанкин». Борьба с Чаном стала с тех пор и для Тана, и для Бородина настоящей идеей фикс.

КПК, советские советники, а также левые или притворявшиеся левыми гоминьдановцы вновь перешли в наступление внутри Гоминьдана, стремясь овладеть его руководящим аппаратом. На этот раз главным объектом их атаки стал, как мы видим, сам Чан, которого Политбюро ЦК ВКП(б) еще летом 1926 года перестало рассматривать как левого, начав относиться к нему как к центристу. Коммунисты начали с того, что стали распускать слухи: «Чан Кайши собирается пойти по пути Наполеона; он диктатор». И даже в противоречие фактам: «Он не хочет возвращения Ван Цзинвэя». (На самом деле Чан состоял в переписке с Ваном с сентября 1926 года и несколько раз просил «своего старшего брата» вернуться, чтобы взять на себя партийные дела. «У меня мало сил и способностей, — писал Чан. — Я не могу заниматься <и армией,> и политическими делами». В начале октября он даже посылал во Францию к Вану «цикаду» Чжана и еще одного старого товарища, чтобы убедить «строптивца» вернуться, но все было тщетно.)

Слухи и сплетни поддерживал Бородин. Он же развернул кампанию против «цикады» Чжана. Стали раздаваться призывы типа: «Довольно с нас бестолкового, старого и немощного Чжан Цзинцзяна». Более того, по инициативе Бородина 13 декабря в Ухани было организовано так называемое Временное объединенное совещание партийно-правительственных органов, взявшее на себя всю полноту власти в гоминьдановских районах. В данном случае Бородин действовал за спиной не только Чана и «цикады» Чжана, но и самого председателя национального правительства Китая Тань Янькая, который вместе со второй группой министров только собирался выехать из Кантона. Председателем Объединенного совещания был избран министр юстиции Сюй Цянь, один из наиболее непримиримых врагов Чан Кайши; в состав же помимо левых гоминьдановцев вошли три коммуниста.

Эмиссары Москвы явно играли с огнем. 31 декабря 1926 года к Чан Кайши из Кантона прибыли «цикада» Чжан, Тань Янькай и другие министры, входившие во вторую группу. Они были, понятно, обижены тем, что Временное объединенное совещание созвали без них, а потому решили не переезжать в «левый» Ухань. 1 января 1927 года они узнали, что Ухань был официально провозглашен столицей гоминьдановского Китая. В ответ 3 января Чан созвал в Наньчане совещание Политсовета ЦИК, высшего

органа власти Гоминьдана, на котором большинством голосов было решено «временно разместить ЦИК партии и национальное правительство в Наньчане», окончательно решив вопрос о столице 1 марта на 3-м пленуме, созванном в том же городе. Тогда Бородин решил пойти на настоящий разрыв. «3 января 1927 года разрыв стал неизбежен, — признавался он впоследствии. — Мы <не> держались за гнилую веревку Цзян <Чан> Кайши, потому что уже 3 января мы шли на разрыв с Цзян Кайши».

11 января Чан, желая разрешить «недоразумения», отправился из Наньчана в Ухань. Но, проведя там неделю, ничего не добился. Бородин, коммунисты и левые гоминьдановцы откровенно унижали его. На первом же банкете вечером 12 января Бородин, заговорив с Чаном (переводил Т. В. Сун), в грубой форме потребовал, чтобы тот во всем подчинялся уханьскому правительству, по существу, обвинив его в стремлении к диктатуре. Еле сдерживая гнев, он рассказал Чану — так, чтобы все слышали, — одну западную притчу о короле, который, не желая слушать ничьих мнений, вообще запретил министрам говорить, и тогда министры сказали ему: «Только собаки не разговаривают. И если вы, Ваше Величество, хотите, чтобы мы не разговаривали, найдите себе собак». Чан воспринял эти слова как публичное оскорбление. Он был настолько разъярен и обижен, что всю ночь после банкета не мог уснуть, а утром хотел даже покончить жизнь самоубийством: так ему было тяжело от мысли, что он «потерял лицо». Один же из его бывших друзей по Вампу, левый гоминьдановец, понимая, что после таких слов Бородина разрыв левого ГМД с Чаном неизбежен, напился и горько проплакал всю ночь.

В то время в Ухани находилась Мэйлин, приехавшая туда с матерью и старшей сестрой Айлин в декабре 1926 года навестить свою сестру Цинлин (вдову Сунь Ятсена) и брата Т. В. Суна. Последний после гибели Ляо Чжункая с конца сентября 1926 года возглавлял министерство финансов национального правительства и в Ухань приехал с первой группой министров. Как и его сестра Цинлин, которую он очень уважал, Т. В. Сун был в то время крайне левым. Чан в ту неделю неоднократно встречался с ним и с Цинлин, но виделся ли он с Мэйлин, неизвестно. По крайней мере, записи об этом в его дневнике отсутствуют.

Злой и угрюмый, Чан Кайши вернулся в Цзянси 18 января 1927 года и в начале февраля начал наступление на Шанхай и Нанкин. В то же время он потребовал от руководителей Коминтерна немедленно отправить Бородина в Москву, заменив его на кого угодно (Чан предлагал, в частности, кандидатуры видных советских коммунистов Радека или Карахана). Со своей стороны Политбюро большевистской партии 17 февраля на

секретном заседании приняло решение полностью подчинить Чана уханьскому правительству. «Линию Ц<И>К Гоминьдана (на самом деле имелась в виду линия Бородина. — А. П.) в отношении Чан Кайши считаем правильной, — передал Бородину Сталин, — принять меры, чтобы... не выпячивался при этом Бородин, дабы конфликт не был расценен как борьба между Бородиным и Чан Кайши за влияние».

В конце февраля знакомый нам Войтинский, находившийся в то время в Ухани и не на шутку взволнованный сложившимися обстоятельствами, в обход Бородина отправился в Наньчан на переговоры с Чан Кайши, но ничего не достиг. Чан упорно требовал отзыва Бородина. «Все трения в нашей партии вызваны Бородиным», — утверждал он. «Конфликт коренится в Ухани... Последнее время Бородин начал вести политику раскола нацрევдвижения... Сейчас я иду против него, так как он держится опасной линии, ведущей к существованию двух правительств... Мы готовы идти на разрыв». Чан также пожаловался Войтинскому, что коммунисты распускают слухи «по поводу меня о том, что я стал милитаристом, что я диктатор, что я хочу порвать с СССР, что я будто иду на соглашение с японцами».

Вернувшись в Ухань, Войтинский сказал одному из вождей компартии Китая: «Положение безнадежное». Бородин же, узнав о переговорах Войтинского, обвинил его в том, что поездка в Наньчан только «усилила высокомерие Чана и подорвала наш престиж». После бурного разговора с Бородиным Войтинский проинформировал Москву о путчистских намерениях Чан Кайши.

А Чан между тем 27 февраля выпустил «Манифест», в котором объявил: «Часть членов ГМД находилась все время в тылу, другая — на фронте, и поэтому, ввиду потери контакта, возникли разные мнения... Если так будет продолжаться, то не только партия распадется, но и будущее нашей революции станет под угрозой. Когда я думаю об этом, мне становится страшно. Поэтому я стремлюсь к тому, чтобы все товарищи объединились в работе по укреплению власти партии и чтобы они высоко ценили все партийные основы». Он вновь предложил «всем товарищам просить Ван Цзинвэя (так в тексте. — А. П.) о возвращении из отпуска для достижения единства в рядах вождей партии», подчеркнув, что «мысль о Ван Цзинвэе заполняла все мое время» и что «я пришел к решению, что если т. Ван не вернется, я подам в отставку». Он предложил как можно скорее созвать пленум ЦИК Гоминьдана, чтобы «решить основные вопросы». «Наступил момент, когда в нашей партии наблюдается чуть ли не раскол», — предупредил он. Конечно, он лукавил, но ему важно было

показать, что не он является инициатором этого раскола.

В том же «Манифесте» Чан пожаловался на то, что ЦИК «не имеет твердой линии» по финансовым вопросам. Дело в том, что уханьское правительство стало ограничивать денежные выплаты его войскам, стремясь не мытьем, так катаньем подчинить Чан Кайши своей воле. Понимая, что без налаживая отношений с министром финансов Т. В. Суном ему не победить Бородина, Чан в начале марта написал письмо старшей сестре Суна Айлин, пригласив ее вместе с матерью в Цзянси. Та приняла приглашение и прибыла в цзянсийский порт Цзюцзян, расположенный в 300 километрах от Ухани вниз по реке Янцзы. Ни она, ни ее мать не спустились на берег, и Чану пришлось беседовать с Айлин на борту парохода. Ему позарез нужны были деньги, и он попросил Айлин убедить брата перейти на его сторону. По воспоминаниям Дженни, которые на этот раз соответствуют действительности, та ответила согласием, но напрямую заявила Чану:

— Я заключу с вами соглашение... Я не только повлияю на моего брата Т. В. <Суна> с тем, чтобы он, как вы хотите, ушел из уханьского правительства, но сделаю даже лучше. Он и я договоримся с шанхайскими банкирами, чтобы они выделили вам необходимые средства... Но взамен вы согласитесь жениться на моей сестре Мэйлин.

Чан, который и сам был готов оставить Дженни ради Мэйлин, согласился.

Оставалось только поговорить с Дженни. Как мы помним, Чан никогда не бросал своих женщин, не договорившись с ними миром. И жене, и официальной наложнице он выплачивал содержание. Точно так же он решил поступить и с Дженни, откровенно рассказав ей о своем соглашении с Айлин. Дженни, конечно, была убита горем, но он, по ее словам, заверил ее, что они расстанутся не навсегда:

— Освободи меня на пять лет, чтобы я мог, женившись на Мэйлин Сун, получить необходимую <финансовую> помощь и закончить <Северный> поход без помощи из Ханькоу! Это только политическая женитьба!

Он предложил ей поехать за его счет на учебу в Америку, поклявшись, что через пять лет, когда все утрясется, вернет ее и они будут жить счастливо до конца их дней.

Состоялся ли на самом деле такой разговор, мы не знаем, но то, что Дженни действительно в двадцатых числах марта 1927 года уехала из Наньчана в Шанхай, правда. Чан же отправил письма Мэйлин и Айлин, попросив их вместе с другими членами семьи Сунов немедленно покинуть

Ухань и прибыть к нему. Он любил Мэйлин все больше. «Сегодня я все время скучал о младшей сестре Мэй (так Чан стал ее тогда называть. — А. П.)», — записал он в дневнике 21 марта.

Вместе с тем политическая обстановка вокруг Чана продолжала накаляться. Вскоре после его тайной встречи с Айлин, 10–17 марта в Ухани прошел 3-й пленум ЦИК Гоминьдана, который лишил Чана всех высших постов в партии, в том числе поста председателя Политсовета Центрального исполкома. Политсовет был вообще ликвидирован и вместо него вновь сформирован Политкомитет, в президиум которого были избраны семь человек, в том числе (заочно) Ван Цзинвэй, а также коммунист Тань Пиншань. Пленум также дезавуировал решение предыдущего пленарного заседания ЦИК о запрещении коммунистам заведовать отделами ЦИК Гоминьдана, постановив сформировать новый состав национального правительства, в котором два поста (министра труда и министра сельского хозяйства) были предложены коммунистам. Не желая идти на открытый конфликт, Чан, не присутствовавший на пленуме, объявил о поддержке этих решений. Но поляризация Гоминьдана усилилась.

Углублению раскола способствовал и новый подъем движения люмпенов и пауперов в провинциях, занятых армией Гоминьдана. «Насилие шло по... пятам <войск НРА>», — писал очевидец. Весной 1927 года это движение, по словам члена Центрального исполкома КПК Чжан Готао, достигло «стадии сумасшествия». Не менее экстремистски, чем люмпены и пауперы, вели себя и члены так называемых рабочих пикетов, действовавших в ряде городов. Заправлявшие там босяки нападали даже на родственников влиятельных гоминьдановцев и коммунистов! «Коммунисты становятся сильнее, — докладывал на Бюро ЦИК КПК вождь партии Чэнь Дусю, — и рабочее, и крестьянское движение развивается все больше и больше. Храмы конфискуются, сахар и мука конфискуются. Похоже, что торговля запрещена».

Стремясь опереться на это движение в своей борьбе с Чаном, Политбюро Центрального комитета большевистской партии уже 3 марта послало в ЦИК КПК директиву, которая, правда, пришла в Китай только через 19 дней. Политбюро потребовало «со всей энергией... вести курс на вытеснение правых гоминьдановцев, дискредитировать их политически и систематически снимать снизу с руководящих постов».

Сразу после 3-го пленума Бородин предложил левым уханьским вождям отдать секретный приказ генералу Чэн Цяню, командовавшему войсками НРА на правом берегу Янцзы, арестовать Чан Кайши при первой

возможности. Помочь ему в этом должны были китайские коммунисты. Это была уже прямая конфронтация. Одновременно уханьские левые направили секретную директиву советским военным советникам во всех войсках НРА, находившихся на подступах к Шанхаю: «Идти на поражение», так как «поражение Северной экспедиции под Шанхаем рассматривалось как поражение Чан Кайши».

Однако 21 марта в Шанхае вспыхнуло народное восстание, закончившееся успехом. Маршал Сунь Чуаньфань был свергнут. Власти Международного селтльмента на всякий случай наняли сотни китайских кули (разнорабочих) для рытья траншей по периметру концессии, протянули вокруг колючую проволоку и возвели блокпосты. На берег высадились 6 тысяч 750 американских и полторы тысячи японских матросов, чтобы при случае оказать помощь девяти тысячному гарнизону селтльмента. Но вечером 22 марта в уже освобожденные рабочими дружинами китайские районы Шанхая вошли части НРА, и, к счастью, никаких столкновений с иностранными войсками не произошло.

Вместе с тем участились столкновения отрядов армии Чан Кайши с рабочими и крестьянскими вооруженными формированиями. 23 марта в Аньцине, крупном городе провинции Аньхой, чанкайшисты атаковали левогომиньдановскую и коммунистическую организации, устроив настоящее побоище. В ряде других мест они разгромили профсоюзные организации. Стало очевидно, что Чан стремился к повторению событий 20 марта 1926 года, но на этот раз с гораздо более жестким финалом.

А вскоре ситуация обострилась в Нанкине. 24 марта в этом городе, занятом за день до того войсками НРА, произошли погромы иностранцев, несмотря на то что, по свидетельству очевидца, «большинство иностранцев <в Нанкине>, как и большинство китайцев, очень симпатизировали армии южан». Да, они опасались, что их будут грабить головорезы Сунь Чуаньфана, отступавшие из города. Но вышло совсем по-другому. Именно солдаты Национально-революционной армии, оккупировавшие Нанкин и поддержанные городской голытьбой, стали вламываться в дома иностранцев, растаскивать их вещи и крушить все, что нельзя было унести. В результате много жилых домов, школы, пресвитерианский ^[33] Нанкинский университет, основанный американцами, семинария и консульство США были разграблены и сожжены, шесть иностранных граждан, в том числе вице-президент Нанкинского университета, американский миссионер доктор Джон Э. Уильямс и двое католических священников (по другой версии, один) — убиты. Кто организовал погром, неизвестно (коммунисты и гоминьдановцы до сих пор обвиняют друг

друга). Скорее, все происходило стихийно: война всегда разжигает животные страсти. В ответ Нанкин, расположенный на правом берегу Янцзы, был подвергнут обстрелу с английских и американских кораблей, и Чан Кайши стоило труда уговорить империалистов принять извинения (в качестве посредников выступили крупные шанхайские бизнесмены, поручившиеся за Чана и его армию).

26 марта 1927 года Чан Кайши приехал в Шанхай, а 1 апреля туда же из-за границы вернулся Ван Цзинвэй. Поначалу Ван вел себя тихо, даже встретился с Чаном в доме Сунь Ятсена на улице Мольера, и они решили в ближайшее время провести новый пленум ЦИК в Нанкине. Но 5 апреля Ван Цзинвэй опубликовал совместное с вождем КПК Чэнь Дусю заявление, в котором призвал к установлению в Китае «демократической диктатуры всех угнетенных классов, противостоящей контрреволюции»: именно на такой диктатуре настаивал Сталин. В тот же день Ван Цзинвэй тайно бежал в Ухань, к Бородину, которому заявил, что «считает Чан Кайши безнадёжным».

Это в итоге привело к настоящему расколу в Гоминьдане. Секретарь Чана, Чэнь Лифу, вспоминает: «Мы стали планировать чистку партии, чтобы удалить коммунистов из Гоминьдана... Предложение о партийной чистке было принято единогласно <Центральной контрольной> комиссией... Но тут мы обнаружили, что наша официальная партийная печать осталась в Ухани. А без нее мы не могли официально объявить о чистке партии... Я предложил сделать новую печать, скопировав ее со старых документов. Сейчас, когда я вспоминаю об этом решении, я думаю, что оно было радикальным и даже неправильным». Но чанкайшистам надо было как можно быстрее избавиться от коммунистов. А здесь, как они считали, все средства хороши.

Кульминация событий наступила около четырех часов утра 12 апреля, вскоре после того, как Чан занял у шанхайских бизнесменов три миллиона китайских долларов и получил согласие своих старых знакомых, главарей шанхайской мафиозной организации «Зеленый клан», помочь ему в разоружении рабочих пикетов. Со своей стороны, мафиози договорились о совместных действиях с полицией Международного селтльмента и Французской концессии. Был организован Шанхайский комитет по чистке партии, после чего Чан развязал белый террор в Шанхае и других районах Восточного Китая. Чанкайшистские солдаты и полторы тысячи мафиози, повязав на рукава гимнастерок и рубах белые тряпки с издевательским иероглифом гун (рабочий), стали арестовывать коммунистов и членов рабочих дружин и тут же без суда и следствия казнить на глазах

испуганных прохожих. Одним ударом сабли они с легкостью отсекали головы арестованным. Очевидцы рассказывают: «Целый день шел дождь, а потому по городу текли кровавые реки... Улицы старого Шанхая (то есть его китайских кварталов. — А. П.) были буквально залиты кровью обезглавленных жертв... Головы катились по канавам вдоль улиц, как зрелые сливы, а уставшие палачи махали своими саблями с монотонностью *пунка-валл*»^[34]. Когда же обезглавленные тела хоронили, палачи с какой-то изощренной жестокостью соединяли отрубленные головы женщин с телами мужчин и наоборот. По старинному поверью, это должно было оказать разрушающее влияние на геомантику жертв. Тех, кого не убили на улицах, везли либо в буддийский храм Лун-хуа, территория которого была превращена в полигон для массовых казней, либо на южный вокзал, где живых людей бросали в топки локомотивов.

До сих пор не установлено точное количество погибших. По словам Чэнь Лифу, «во время чистки в Шанхае казнили бесчисленное количество людей. Это была кровавая война на уничтожение внутреннего врага. Должен признать, что было много невинных жертв. Мы заплатили высокую цену». Но «только после этого можно было сказать, что мы стали хозяевами положения в Шанхае», — вспоминал Чан.

Через три дня после шанхайского переворота уханьские левые исключили «предателя революции» Чан Кайши из партии, лишили его поста главкома НРА и открыто издали приказ о его аресте. Арестовывать Чана должен был все тот же генерал Чэн Цянь, но «посыльный с приказом... опоздал... <в его ставку> в Нанкин на неделю». Впрочем, даже если бы не опоздал, приказ теперь уже нельзя было выполнить. Очевидец удивлялся: «Кто будет арестовывать, когда он <Чан> сам успел в Шанхае всех разогнать и переарестовать?»

Похоже, и сами уханьские левые понимали свое бессилие, признавая, что «раскол сделал Чан Кайши», который сильнее Ухани «во всех отношениях». Поэтому при исключении Чана из партии они заклинали: «Пусть все подымутся и пошлют свои проклятия Цзян <Чан> Кайши, так, чтобы в будущем никто не посмел повторить его преступлений». Более того, левые назначили награду в 250 тысяч китайских долларов за поимку Чана или 100 тысяч за его голову.

Но Чан не волновался. В апреле 1927 года он в пику Ухани вновь в качестве высшего органа Гоминьдана сформировал Политсовет ЦИК, во главе которого поставил Ху Ханьминя, полностью поддерживавшего его борьбу с левыми. Более того, 18 апреля 1927 года на торжественной церемонии в присутствии более ста тысяч человек Чан Кайши

провозгласил столицей Китая город Нанкин, заявив, что действует в соответствии с заветом Сунь Ятсена. Сунь, правда, ничего такого не завещал, а просил на смертном одре, как мы помним, лишь соорудить для него в окрестностях Нанкина, на Лилово-золотой горе, мавзолей. Но Чан полагал, что если вождь хотел покоем именно в Нанкине, то этот город и должен стать столицей.

Ван Цзинвэй же и остальные уханьские левые тут же начали собирать силы для похода против Чана. Разумеется, они получили полную поддержку Москвы.

Но национальное правительство в Ухани разваливалось на глазах. Один за другим ему отказывали в поддержке генералы, переходившие в разных городах на сторону Чан Кайши. Из-за разрыва торгово-финансовых связей между портами на реке Янцзы и Уханью из Ухани началась стихийная эвакуация промышленников и торговцев, что привело к тяжелейшему экономическому кризису. Резко возросла безработица. Тяжелым ударом для левых явилась весть о том, что 19–21 июня маршал Фэн Юйсян провел с Чан Кайши в городе Сюйчжоу (провинция Цзянсу) несколько встреч, чтобы согласовать совместные действия против КПК и северных милитаристов. Чан предложил платить Фэну начиная с июля по два с половиной миллиона китайских долларов ежемесячно. Более того, даже выразил «горячее желание уступить товарищу Хуаньчжану (то есть Фэн Юйсяну; Хуаньчжан — величальное имя маршала. — А. П.) пост главкома». Фэн с удовольствием согласился принять деньги, но от поста вежливо отказался. Из Сюйчжоу он направил Ван Цзинвэю и в ЦИК левого Гоминьдана ультиматум, потребовав от них тоже порвать с коммунистами. «Компартия ответственна за все беды в Хунани и Хубэе. Компартия устраивает заговор для уничтожения Гоминьдана», — заявил Фэн. И добавил: «Народ хочет положить конец такому <коммунистическому> деспотизму». Будучи не в силах спасти ситуацию, сами руководители уханьского правительства стали переходить ко все более открытой антикоммунистической политике.

8 июля Исполком Коминтерна отправил ЦК КПК директиву с требованием выхода коммунистов из состава национального правительства, поскольку «главные вооруженные силы Уханя... фактически стали орудием контрреволюционеров». Но было поздно. 15 июля 1927 года Ван Цзинвэй порвал с коммунистами, и в Ухани тоже начался белый террор. Поражение китайской компартии стало фактом.

Вскоре после этого Бородин и Блюхер покинули Китай. Бородин, за голову которого чанкайшисты назначили награду в 30 тысяч китайских

долларов, уехал в СССР через северо-западные районы Китая, занятые маршалом Фэн Юйсяном. Фэн и левые гоминьдановцы не препятствовали этому. На ханькоуском вокзале Ван Цзинвэй и Сун Цинлин даже устроили Бородину пышные проводы.

Блюхер же выехал через Шанхай. Несмотря на разрыв единого фронта, Чан Кайши сохранил к своему военному советнику добрые чувства. Он даже встретился с ним, чтобы пожелать счастливого пути, а при прощании сказал ему:

— Быть может, нам еще придется вместе работать при других обстоятельствах, поэтому прошу вас не принимать свой отъезд так близко к сердцу.

— Я тоже надеюсь, что мы видимся не в последний раз. Итак, до новой встречи! — ответил Блюхер.

Разгром коммунистов не привел, однако, к немедленному объединению двух фракций Гоминьдана — ванцинвэевской и чанкайшистской. Слишком сильно они враждовали. Более того, в начале августа положение Чан Кайши в Нанкине резко ухудшилось. Дело в том, что вскоре после успешных переговоров с Фэном Чан, несмотря на наличие в то время угрозы со стороны Ухани, продолжил Северный поход, который через месяц закончился поражением. Чану не удалось взять столицу провинции Шаньдун — город Цзинань, так как войска крупнейших милитаристов — Чжан Цолиня и Сунь Чуаньфана получили помощь японцев, считавших Шаньдун своей вотчиной. Фэн Юйсян не оказал необходимой помощи, и в начале августа чанкайшисты отступили к Нанкину, покрыв Чана позором. Ситуацией тут же воспользовался Ван Цзинвэй, переманивший на свою сторону гуансийских генералов Ли Цзунжэня и Бай Чунси, входивших в нанкинское правительство, но имевших свою фракцию в Гоминьдане.

В этой обстановке Чан Кайши 13 августа демонстративно объявил о своей отставке со всех постов. Это, с одной стороны, могло разрядить ситуацию, а с другой — усилить его влияние в Гоминьдане да и в самом Китае как благородного революционера, пожертвовавшего собой ради единства партии и нации! Именно этот, жертвенный, момент Чан подчеркнул в своем заявлении об отставке. Расчет был точный. Китайская пресса воздала ему хвалу, объявив, что его «отставка является актом беспримерного героизма».

В этих условиях многие члены ГМД, не входившие в его фракцию, решили сделать хорошую мину при плохой игре. Маршал Фэн направил

Чану телеграмму, призвав вернуться: «Вы сегодня опора Китая. На вас Китай и партия возлагают надежды на спасение... Если вы не примете это во внимание и все-таки уйдете в отставку, я, Юйсян, не смогу не сделать то же самое». (Конечно же, когда Чан не внял его уговорам, он никуда не ушел.) Глава «новой гуансийской клики» Ли Цзунжэнь, сторонник Ван Цзинвэя, даже лично приехал в Шанхай просить Чана пересмотреть свое решение, хотя на самом деле считал его «плохим командиром и неквалифицированным стратегом», а также «ограниченным, предубежденным, упрямым, лукавым, подозрительным и ревнивым» человеком.

Просили Чана остаться и члены его фракции, бывшие выпускники школы Вампу, с которыми он встретился 25 августа (и они, в отличие от Фэна и Ли, были искренни).

Но Чан остался непреклонен. «Мы, солдаты, как правило, не понимаем ни науки управления государством, ни законов экономики, — заявил он бывшим курсантам Вампу. — ...Нам надо... подучиться». В его словах чувствовались обида и изрядная доля сарказма. Вслед за Чаном ушли в отставку Ху Ханьминь, «цикада» Чжан и некоторые другие вожди Гоминьдана.

Чан попросил Т. В. Суна поехать в Ухань на переговоры с Ван Цзинвэем. По воспоминаниям современника, Т. В. Сун, этот «гладко выбритый активный молодой человек в слегка затемненных круглых очках, обладал весьма приятными манерами и умел располагать к себе людей». Сам же Чан 14 августа в сопровождении двухсот телохранителей уехал на родину, в деревню Сикоу.

Разумеется, его отставка была лишь тактическим маневром. Сдаваться он не собирался. Через четыре дня у себя дома Чан Кайши встретился с руководителями Общества выпускников школы Вампу. Это общество было создано в конце июня 1926 года и насчитывало несколько тысяч преданных Чану офицеров. На встрече было решено учредить журнал общества «для того, чтобы руководить массами и курсантами». После этого Чан Кайши удалился в буддийский монастырь Золотого бамбука, где когда-то послушницей служила его мать. Но и там, в горах, держал руку на пульсе политической жизни Китая. «Его уединение — миф, — написал один из иностранных корреспондентов, посетивший его. — Даже в этом отдаленном месте генерал Чан не может не думать о делах государства и войны, хотя и старается забыть о них на какое-то время». В монастыре Чан Кайши провел больше месяца, встречаясь с журналистами, секретарями и посылая любовные письма Мэйлин. От переписки с любимой он

испытывал радость. Но то ли опасаясь, что кто-то прочтет его дневник, то ли по какой-то другой причине называл ее в дневниковых записях таинственно: третьей младшей сестрой или даже третьим младшим братом.

Между тем 19 августа 1927 года уханьские левые во главе с Ван Цзинвэем приняли решение переехать в Нанкин. 15 сентября лидеры разных фракций постановили образовать в этом городе некий Специальный комитет ЦИК Гоминьдана, который возьмет на себя функции как Центрального исполкома, так и Центральной контрольной комиссии и ликвидирует Политсовет. На следующий день комитет приступил к работе. 17 сентября были сформированы новое национальное правительство и Военный совет, объединившие руководящих членов трех фракций: сишаньской, то есть крайне правой, ванцзинвэевской левой (последняя опиралась на гуансийских генералов Ли Цзунжэня и Бай Чунси) и чанкайшистской. Правительство официально пригласило Чана вернуться к своим обязанностям.

Но полного единства не получилось. Попытка, по словам Т. В. Суна, «соединить в одно противоречивые и до сих пор непримиримые элементы внутри Гоминьдана» была обречена на неудачу. Ван Цзинвэй отказался войти в состав Специального комитета и правительства, Чан остался в монастыре, а вскоре в Ухани против нанкинцев восстал генерал Тан Шэнчжи. Правда, уже в октябре восставшие были атакованы войсками верного правительству генерала Чэн Цяня, и Тан Шэнчжи вынужден был, бросив армию, бежать в Японию. Однако ситуация на подвластной Гоминьдану территории не улучшилась. В следующем месяце началась война в Гуандуне между гоминьдановскими генералами Ли Цзишэнем и Чжан Факуем, молодым и очень амбициозным генералом, в ходе которой погибло не менее десяти тысяч солдат и офицеров. Положение усугубилось поражением войск Ли Цзунжэня и Бай Чунси на левом берегу Янцзы у Пукоу, прямо напротив Нанкина, в бою против маршала Сунь Чуаньфана, что создало непосредственную угрозу гоминьдановской столице. Вскоре, правда, Сунь Чуаньфан был отброшен, но ситуация на фронте осталась сложной.

В довершение всего в конце ноября в Нанкине полицейские расстреляли толпу студентов и рабочих, требовавших роспуска Специального комитета ЦИК. Трое человек погибли, семьдесят шесть были ранены.

А Чан в то время наряду с созерцанием чжэцзянских гор и размышлениями о государственных делах был поглощен подготовкой к бракосочетанию с Мэйлин. Еще 19 августа, наведавшись в Шанхай, он

отправил свою бывшую наложницу Дженни вместе с приемной дочерью в сопровождении двух дочерей «цикады» Чжана в Сан-Франциско. Но после того как 8 сентября Дженни достигла берегов США, 19 сентября официально отказался от нее, заявив журналистам, что «не знает» женщины «по имени мадам Чан Кайши, которая приехала в Сан-Франциско». «Я развелся со своей законной женой в 1921 году (на самом деле, как мы помним, Чан еще не был разведен. — А. П.), — объяснил он, — после чего у меня было две наложницы. Но в этом году я освободил их, так как считаю, что продолжать иметь наложниц нежелательно».

По словам Дженни, узнав об этом из американских газет, она попыталась покончить с собой, но в конце концов смирилась с судьбой, тем более что Чан назначил ей и дочери содержание. Из Сан-Франциско Дженни с дочерью переехала в Нью-Йорк, где начала учиться в Колумбийском университете. Маленькой Пэйпэй она сменила фамилию — с Цзян на Чэнь. Получив же степень магистра, в 1933 году вернулась с дочерью в Шанхай. В конце 1930-х Пэйпэй вышла замуж за корейца, который, как потом выяснилось, был агентом японцев. После войны, в 1945-м, кореец сбежал, оставив ее с тремя детьми, но Пэйпэй вскоре вновь вышла замуж. В 1962 году, когда в коммунистическом Китае свирепствовал голод, Дженни переехала в Гонконг, где жила под именем Чэнь Лу (Чэнь «Драгоценная яшма»). Разрешение на выезд ей дал Чжоу Эньлай, который хорошо знал ее по годам работы в Вампу. Перед отъездом он пригласил ее в Пекин и, почтительно именуя «Шиму», что значит «Жена учителя» (так Дженни называли курсанты школы Вампу), сказал: «У тебя есть свобода передвижения. Не понравится в Гонконге, можешь вернуться». Но Дженни не вернулась. Все годы Чан платил ей по 500 американских долларов каждые три месяца. Когда она переехала в Гонконг, он даже прислал ей письмо через сына своего «кровного брата» Дай Цзитао. «Как человек ты всегда была добра, прекрасна, честна и искренна, — написал он. — Я ни на минуту не забывал о той заботе, которой ты меня окружала в прежние годы, когда и в ветер, и в дождь мы плыли в одной лодке».

Умерла Дженни на 65-м году жизни 1 февраля 1971 года, за четыре года до кончины Чана. Перед смертью она тоже послала Чану письмо, где были такие строки: «Более 30 лет только один ты знал о моих обидах. Я пожертвовала собой ради славы великой страны». После кончины Дженни ее дочь продолжала получать финансовую поддержку от отца, а затем от брата, Цзинго. Осенью 2002 года по разрешению правительства КНР Пэйпэй перезахоронила прах матери в Шанхае, в Парке счастья и долголетия (Фушоу-юань). Сейчас могила Дженни обсажена желтыми и

красными цветами, а на постаменте, где установлен ее бюст, выгравировано ее имя «Чэнь Цзежу». Иероглифы передают почерк Чан Кайши. Сзади памятника, с левой стороны, высится черная гранитная плита, на которой воспроизведена известная фотография молодых Чана и Дженни, сделанная в мае 1926 года в школе Вампу, а рядом, справа, — бордовая плита, на которой почерком Пэйпэй выбито: «Мать военной школы». (Так тоже курсанты Вампу именовали Дженни.) Пэйпэй пережила Дженни на 41 год. Она скончалась в Гонконге в 2012 году.

Между тем Чан, отослав наложницу, а затем отрекшись от нее, 26 сентября 1927 года обручился с Мэйлин. А через два дня выехал в Японию, где в то время, спасаясь от шанхайской жары, находилась больная мать его невесты. Он знал, что будущая теща настроена решительно против брака по многим причинам. Прежде всего, ей было известно, что никакого официального развода у Чана с законной женой не было. В интервью журналистам он просто кривил душой. А мать Мэйлин не желала, чтобы ее любимая дочь стала новой наложницей женатого мужчины. Более того, как глубоко верующая христианка-методистка, она была вообще против разводов, полагая второй брак мужчины возможным только в случае нарушения его супругой седьмой библейской заповеди «не прелюбодействуй».

Гордая Мэйлин, однако, считала, что возражения матери беспочвенны. Первый брак Чана, с ее точки зрения, считать законным было нельзя: ведь он не являлся церковным, а для женитьбы на ней Чан может принять христианство. «Надеюсь, мне удастся получить благословение семьи, — заявила она друзьям. — Но я полна решимости выйти замуж и невзирая на оппозицию. Я искренне люблю великого генерала».

Вместе с тем Чан, не желавший обострять отношения с будущей тещей, 3 октября навестил ее в японском городе Кобе (его сопровождали Т. В. Сун и, по иронии судьбы, — Лю Цзивэнь, тот самый молодой человек, с которым Мэйлин когда-то якобы обручилась; в то время Лю исполнял обязанности секретаря Чана). Чан сразу же заявил матери Мэйлин, что будет изучать Библию с «открытым сердцем» и «искренне молиться», чтобы Бог наставил его «на путь истинный». Пожилая женщина растрогалась: будущий зять обещал креститься не ради женитьбы, но со всей серьезностью подошел к важнейшему христианскому таинству.

Чан также сообщил, что решил все проблемы с первой законной женой. В конце августа — начале сентября, находясь на родине, он обсудил дело об официальном разводе с начальником уезда, с Мао Фумэй, ее семьей

и своим старшим братом. Первоначально ни Фумэй, ни ее родственники не соглашались на развод. Последние говорили: «Фумэй замужняя женщина, отрезанный ломоть. Как говорится, вышла замуж за петуха, будь всю жизнь курицей, вышла замуж за пса, будь собакой. Пока жива, она член семьи Чанов, а как умрет, будет духом семьи Чанов». В конце концов Чан обратился к одному из местных старейшин, и тот разрешил спор. Он объявил, что развод не будет означать разрыва Фумэй с семьей Чанов, Фумэй останется главной хозяйкой в доме, Цзинго — главным наследником, а фамилия Фумэй (Мао) сохранится в «Хронике клана Улинских Цзянов». Чан подписал договор и отныне стал считаться разведенным. После этого, по правилам тех лет, в течение трех дней (28, 29 и 30 сентября) он публиковал сообщения о разводе под заголовком «Заявление о семейных делах Цзян Чжунчжэна» (то есть Чан Кайши. — А. П.) в шанхайской газете «Миньго жибао».

Получив благословение будущей тещи, Чан вернулся в Шанхай 10 ноября. И уже через две недели весть о предстоявшем бракосочетании «великого генерала» и красавицы Мэйлин облетела весь мир. По сообщению «Нью-Йорк тайме», на свадьбу были приглашены более трех тысяч гостей, в том числе не менее тысячи известных китайских политических деятелей, а также все иностранные консулы, находившиеся в Шанхае.

Бракосочетание состоялось 1 декабря 1927 года. Были проведены две церемонии. Сначала в 15 часов — скромное венчание по канонам методистской епископальной церкви в обширной библиотеке в шанхайском доме тещи (двухэтажный каменный особняк европейской постройки под номером 139 по улице Сеймур-роуд на территории Иностранного селтльмента)^[35]. Венчал новобрачных секретарь Всекитайской организации христианской молодежи Дэвид Юй (настоящее имя Юй Жичжан), известный общественный деятель, организатор китайского «Красного креста» и композитор, в 1905 году написавший антиманьчжурскую «Первую революционную песню Поднебесной», ставшую вскоре знаменитой. Затем в 16 часов 15 минут началась торжественная церемония в соответствии с китайским обрядом. Прошла она в бальном зале самого дорогого шанхайского отеля «Дахуа фаньдянь» («Маджэстик») недалеко от Нанкин-роуд в Международном селтльменте. Было много журналистов, фотографов, снимали даже кино. Отель, перед которым собралась толпа, жаждавшая поглазеть на Чана и его невесту, охраняли десятки полицейских и переодетых шпииков. Председательствовал на церемонии почтенный Цай Юаньпэй, бывший ректор Пекинского университета. А среди свидетелей

были знакомые нам генерал Тань Янькай и Хэ Сяннин, вдова Ляо Чжункая. Внимание гостей привлекли приглашенные на церемонию бывший враг Чана — Ван Цзинвэй и «герой» шанхайской бойни 12 апреля 1927 года глава «Зеленого клана» Ду Юэшэн, которого все звали «Ушастый Ду» — за большие уши.

И Мэйлин, и Чан выглядели сногшибательно. Она была в жоржетовом *ципао* серебряного цвета, что соответствовало западной, а не китайской традиции (как мы знаем, в Китае невеста должна была быть в красном), белой кружевной фате до пола, изысканно расшитой оранжевыми бутонами, серебряных туфлях и такого же цвета чулках. В руках она держала пышный букет из розовых роз, стянутый белой и серебряной лентами. Он же был в черном фраке с жилеткой, полосатых черно-серых брюках, сильно накрахмаленной белой рубашке со стоячим воротником и белых перчатках. Невесту подвел к нему ее брат Т. В. Сун. «Когда я увидел мою любимую жену, медленно плывающую в зал и похожую на облако в вечернем свете, я почувствовал такой прилив любви, не испытанной до сих пор, что я с трудом понял, где я нахожусь», — записал Чан в дневнике после свадьбы.

Под вспышки камер Чан и Мэйлин трижды поклонились фотографическому портрету Сунь Ятсена, обрамленному с двух сторон флагами Китая и Гоминьдана, поклялись жить в любви и поклонились друг другу, свидетелям и гостям. Затем был оглашен брачный договор и на глазах собравшихся заверен печатью. Чан и Мэйлин сели в кресла, и сразу же из закрепленной под потолком корзины на них посыпались тысячи розовых лепестков, что вызвало восторг и новобрачных, и гостей. «Это была самая большая свадьба из тех, какие когда-либо видел Шанхай... Были все консулы... Но я была так ошеломлена и испугана, что ничего и никого не видела», — написала Мэйлин после свадьбы своей американской подруге по колледжу.

После довольно короткой свадебной церемонии молодые отправились на автомобиле покататься по городу, а затем вернулись в дом Сунов на праздничный банкет. Но уже в 21 час уединились в небольшом особнячке под номером 311 на улице Ладу лу (*Route Tenant de la Tour*), который Чан снял перед свадьбой. Улочка была типично китайская, хотя и располагалась в четырех кварталах к югу от центральной авеню Французской концессии Хуайхай лу (*Avenue Joffre*).

Судя по дневнику Чана, он и Мэйлин после свадьбы были на седьмом небе от счастья. «Сегодняшний день провел, держа Мэйлин в объятиях, — написал он на следующий день после брачной ночи. — Вот что значит

сладость новой женитьбы! Ее ни с чем нельзя сравнить». Правда, по уверениям основателя журнала «Лук» («Взгляд») Гарднера Коулса, Мэйлин в октябре 1942 года говорила ему, что в первую брачную ночь у них с Чаном ничего не было: когда они приехали домой со свадебного банкета, Чан якобы сказал ей, что он против сексуальных отношений, если их целью не является зачатие ребенка; а поскольку у него уже есть сын от предыдущей женитьбы и он больше не намерен иметь детей, то секса между ними не будет.

Зачем Мэйлин понадобилась эта ложь, неизвестно. По-видимому, она хотела оправдаться перед американским журналистом, ставшим в одну из октябрьских ночей 1942 года свидетелем ее измены мужу с недавним кандидатом в президенты США от Республиканской партии Уэнделлом Уилки, посетившим тогда Китай. Спору нет, Мэйлин могла увлечься Уилки, поскольку тот был красив, как голливудский актер, но вряд ли ей следовало так неуклюже лгать. Как мы знаем, Чан всю свою молодость был ловеласом, да и с Дженни не разыгрывал из себя ортодоксального иудея. Более того, как мы помним, 25 августа 1928 года у Мэйлин случится выкидыш. Неужели она уже в первые месяцы после замужества крутила любовь на стороне?

В арендованном доме они жили до тех пор, пока Т. В. Сун не купил для них большой дом неподалеку, на улице *Francis Garnier* (он передал его Чану в качестве приданого). Двухэтажный каменный особняк европейской постройки под номером 9 располагался между домами Кунов (Айлин и Кун Сянси, номер 7) и самого Т. В. Суна (номер 11). Чану и Мэйлин он очень понравился, и Чан назвал его *Айлу* (Хижина любви), а Мэйлин написала эти иероглифы несмываемой красной краской на большом валуне во дворе. Этот дом, окруженный высокой стеной, сохранился, только название улицы поменялось: с 1943 года она называется *Дунпин лу* (Улица восточного спокойствия), а в самом доме, похожем на дворец, сейчас находится музыкальная школа.

Вскоре на пресс-конференции Чан объявил, что они с женой собираются в свадебное путешествие в Америку, «если его планам вернуться в революцию» не суждено сбыться.

Но медового месяца не только за океаном, но и в Китае не получилось. «Большинство думает, что у нас был медовый месяц, — жаловалась Мэйлин подруге 24 января 1928 года. — Совсем нет! На следующий же день после свадьбы он <Чан> начал посещать политические совещания и принимать гостей. И так продолжается до сих пор».

Уже 3 декабря, через два дня после свадьбы, в доме Чана в Шанхае

состоялось заседание подготовительного комитета по созыву 4-го пленума ЦИК Гоминьдана. На пленуме планировалось реорганизовать высшие органы власти, поэтому посоветоваться с Чаном прибыли 33 руководителя ГМД, в том числе Ван Цзинвэй, Тань Янь-кай, «цикада» Чжан, главы «новой гуансийской клики» и др. Было решено в ближайшее время распустить Специальный комитет. За день до того крупнейшие военачальники Северо-Западного Китая Фэн Юйсян и Янь Сишань прислали Чану телеграмму с просьбой вернуться к власти. По-прежнему умоляли Чана взять на себя миссию спасителя нации его собственные генералы и офицеры. Не остался в стороне даже Ван Цзинвэй, понявший, что без такого харизматического военного лидера, как Чан, навести порядок ни в армии, ни в Гоминьдане, ни в стране невозможно. 10 декабря на новом заседании в доме Чан Кайши Ван Цзинвэй и несколько его сторонников — членов ЦИК неожиданно для многих открыто предложили Чану вновь занять пост главнокомандующего. Чан был польщен: его главный враг капитулировал. Через несколько дней Ван Цзинвэй уехал «на лечение» во Францию. Чан же вместе с Мэйлин отправился в Ханчжоу, где провел все же несколько медовых дней на уединенной вилле Чэнлу (Чистая хижина), с открытой веранды и из окон которой открывался изумительный вид на живописное озеро Сиху (Западное озеро) — главную достопримечательность Ханчжоу. Располагалась эта трехэтажная вилла на тенистой улочке Наньпинлу, тянувшейся вдоль восточного берега озера^[36].

13 декабря Чан Кайши еще раз выступил перед журналистами, объявив, что опять вступает в должность главнокомандующего по двум причинам: во-первых, нужно «уничтожить компартию» и, во-вторых, завершить Северный поход, покончив не только с милитаристами, «отказывающимися подчиниться нашей партии как высшей власти», но и «с гражданскими чиновниками-интриганами, использующими наши внутренние разногласия в своих интересах».

28 декабря Чан получил известие, что Специальный комитет ЦИК, так и не сумевший объединить Гоминьдан, самораспустился, а 2 января 1928 года на его имя пришла официальная телеграмма от нанкинского правительства с просьбой вновь возглавить вооруженные силы. 4 января он формально принял приглашение, отправившись на поезде из Шанхая в Нанкин. На всех железнодорожных станциях его встречали толпы восторженного народа. Генерал Тань Янькай, сопровождавший его, говорил с умилением: «Сегодня люди радуются вашему возвращению. Какой разительный контраст! В августе прошлого года, получив весть о вашей отставке, они были мрачны и унылы». Правда, были и такие, кто совсем не

приходил в восторг от встречи с «кровавым убийцей шанхайских рабочих»: за семь часов трехсоткилометрового пути из Шанхая в Нанкин неизвестные террористы два раза пытались взорвать поезд Чана.

7 января Чан Кайши вновь вступил в должность главкома Национально-революционной армии, во второй раз став генералиссимусом. По этому поводу в Нанкине был организован праздничный митинг, в котором приняли участие более тысячи человек. Через два дня о своем вступлении в должность Чан объявил всей армии и всему народу.

В то время ему было всего 40 лет. Конечно, в его годы Наполеон уже пять лет как носил императорскую корону, но путь Чана к высшей власти тоже был не слишком долог. Сталин в 40 лет был лишь народным комиссаром по делам национальностей, а Гитлер только завоевывал общегерманскую популярность. А Чан смог объединить большую часть Китая, по размеру превосходящую Францию в четыре раза! И теперь собирался начинать последний этап Северного похода — на Пекин и Маньчжурию, против маршала Чжан Цзолиня, властного и дикого феодала, обожавшего пить тигровую кровь и имевшего целый гарем наложниц, среди которых были и русские красавицы.

Игры с коммунистами в единый фронт, казалось, закончились навсегда. Сталин и китайская компартия потерпели жесточайшее поражение: Чан их полностью обыграл. Чтобы изолировать коммунистов от СССР, нанкинское правительство за 20 дней до возвращения Чана, 14 декабря, официально разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом, закрыв все советские консульства и торговые представительства на территории, подконтрольной Гоминьдану, — эти, по словам Чана, «рассадники интриг, осуществляемых китайскими коммунистами».

Как и Конфуций, который «в сорок лет освободился от сомнений», Чан тоже в эти годы обрел свой путь. Он оставил в прошлом все свои леворадикальные иллюзии. Кровавый опыт единого фронта оказался ему очень полезен.

Часть III

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

蔣

Завершение Северного похода

Прибыв в Нанкин, Чан с супругой поселились в штаб-квартире Главного командования Национально-революционной армии. Оно находилось в небольшом здании, расположенном на довольно грязной улице в центре города по адресу: район Саньюаньган, дом 2 (к настоящему времени здание не сохранилось). Нанкин, как и другие китайские города, чистотой не отличался. Кроме того, был перенаселен, так что даже для главкома и его жены не нашлось отдельного дома. После того как 18 апреля 1927 года Нанкин провозгласили столицей и особенно вслед за формальной нормализацией отношений между фракциями Гоминьдана в него стало прибывать множество чиновников, бизнесменов, торговцев, рабочих и прочих активных людей. Жилья же и офисов не хватало, и многие чиновники спали в своих рабочих кабинетах. Городские улицы были настолько узки и запружены пешеходами и рикшами, не разбиравшими дороги, что две машины не могли разъехаться, электрического освещения почти не было, а те несколько фонарей на центральных авеню, которые по ширине были не больше американских тротуаров, светили так тускло, что «напоминали светлячков». «Это ужасно грязное место, совершенно жуткое», — писала Сун Мэйлин своей американской подруге. Нанкин предстояло модернизировать и перестроить, чтобы превратить провинциальный город в столицу.

В отличие от Пекина (на китайском языке — Бэйцзин, Северная столица) Нанкин (Наньцзин, Южная столица) был центром империи всего полвека, да и то очень давно, в начале Минской династии, с 1368 по 1421 год. Основанный еще в V веке до н. э. на правом берегу Янцзы у подножия Лилово-золотой горы, именуемой также Чжуншань (Колокол-гора), и приобретший городские права в конце III века до н. э., он до основания династии Мин в 1368 году лишь время от времени получал столичный статус, но и то лишь в рамках отдельных царств в период дезинтеграции страны (220–581). Тем не менее большинство китайцев в Новое и Новейшее время воспринимали Нанкин как свою «сентиментальную столицу», потому что Пекин в течение многих веков был столицей варваров, захватывавших Китай, — то чжурчжэней (1153–1215), то монголов (1271–1368), то маньчжуров (1644–1912). А то, что Пекин в течение более двухсот лет являлся столицей и китайской империи Мин, после того как император Чжу Ди в 1421 году переехал туда из Нанкина,

китайцы почему-то забывали.

Переехав в Нанкин, Чан с головой ушел в подготовку 4-го пленума ЦИК Гоминьдана и заключительного этапа Северного похода. Мэйлин же присоединилась к нему чуть позже, 15 января. С конца декабря она болела (у нее было тяжелое нервное заболевание) и не могла сопровождать мужа в его триумфальном въезде в Нанкин. Она и в середине января была не совсем здорова, но поддавалась мольбам Чана, который без нее просто сходил с ума. Похоже, он действительно сильно любил ее. Это, впрочем, не означает, что он вел себя с ней мягче, чем с другими женщинами, особенно в первое время после женитьбы. В конце декабря 1927 года Мэйлин из-за грубости Чана даже ушла из дома, правда, всего на несколько часов. «Моя грубость, в которой я не вполне отдавал себе отчет, была вызвана ее упрямством и вспыльчивостью, — записал, оправдываясь, Чан в дневнике. — ...Она же жаловалась, что ее болезнь — результат того, что ей недостает личной свободы. Она посоветовала мне исправить характер, и я обещал ей сделать это».

Обида прошла, но стремление к независимости у Мэйлин осталось. «Не думаю, что женитьба должна нивелировать или абсорбировать чью-либо индивидуальность, — написала она американской подруге в конце января 1928 года. — Поэтому я хочу быть сама собой, а не только женой генерала».

И ей удалось добиться своего. Ее характер оказался сильнее характера Чана. В конце февраля, проведя некоторое время в больнице на курорте Таншань близ Нанкина и более или менее оправившись от болезни, Мэйлин начала играть важную роль в нанкинском правительстве: прежде всего как главный советник и наиболее приближенный секретарь Чан Кайши. Через год же Чан сделал ее членом Законодательной палаты, занимавшейся подготовкой проектов законов для всей страны. (Помимо нее в этой палате заседали еще две женщины, все остальные были мужчины^[37].)

Чан просто не мог без нее обойтись. Он не только стал брать ее с собой на заседания различных палат и дипломатические рауты, но и в военные походы. «Он был по уши влюблен, — вспоминал бывший американский разведчик Джеймс М. МакХью. — Временами он бросал на нее взгляды, полные очевидной гордости и обожания, и то и дело ласково сжимал ее руку». И страшно ревновал, особенно когда она говорила с кем-нибудь по-английски, а он не понимал ни слова.

Помимо содействия Чану в делах государства Мэйлин включилась и в разработку планов архитектурного развития новой столицы, помогая

своему бывшему другу Лю Цзивэю, с июля 1928 года исполнявшему обязанности мэра Нанкина. Лю развернул широчайшее строительство, деньги в которое стало вкладывать не только правительство, но и почувствовавшие выгоду шанхайские и иностранные бизнесмены. «Я вижу, что здесь надо многое сделать, и я готова сделать все, что могу», — писала Мэйлин подруге. Она стала собирать средства для строительства военного госпиталя, детского дома для сирот борцов за революцию и клуба молодых воинов.

Ощутившая свою значимость не только в жизни мужа, но и страны, Мэйлин, наконец, обрела, по ее словам, «необъяснимое спокойствие и уверенность». Время от времени ее, правда, продолжали терзать депрессии, но ее волевая натура помогала ей преодолевать кризисы. В целом она была счастлива. «Я многократно благодарю Бога за то, что он послал мне два величайших подарка, которые может иметь женщина: возможность раствориться в великой Воле и мужа, верящего в то же, во что и я», — писала Мэйлин.

Конечно, ей не хватало детей, и это порой усугубляло ее депрессивное настроение. У каждой из женщин Чана было по ребенку: у первой, Фумэй, — сын Цзинго, у второй, Ечэн, — приемный сын Вэйго, у третьей, Дженни, — приемная дочь Пэйпэй, а у нее — никого.

Старший сын Чана — Цзинго, правда, жил вдали от матери и отца, в Советском Союзе, куда, как мы помним, приехал шестнадцатилетним юношей в ноябре 1925 года. В Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК) у него от множества революционных книг голова пошла кругом, и по рекомендации своего близкого друга Шао Чжигана, младшего сына знакомого нам Шао Лицзы (бывшего тогда секретарем Чан Кайши^[38]), он вступил в комсомол. Начал выполнять ответственные партийные поручения, вошел в редакционный совет стенной газеты «Хун цян» («Красная стена»), а в апреле 1927 года был настолько потрясен шанхайским переворотом, что на университетском митинге отрекся от своего отца-палача. А потом подписал письмо отцу, написанное, очевидно, сотрудниками университета или работниками Исполкома Коминтерна. В письме были такие строки: «Я знаю только революцию и больше не знаю тебя как отца... Я твой враг... Извини, пожалуйста, но мы легко разделяемся с тобой».

Дальше — больше. Одним из первых среди студентов-китайцев Цзинго вступил в члены троцкистской организации, в рядах которой проявил заметную активность. Однако после разгрома организации советской политической полицией (ОГПУ) в ноябре 1927 года резко отошел

от оппозиции: по словам его сотоварища, троцкиста Ци Шугуна, Цзинго просто «испугался троцкистской нашей активной работы». По совету некоторых сокурсников Цзинго написал официальное заявление о разрыве с троцкистами.

В Москве в конце 1926-го или начале 1927 года он женился на молоденькой студентке Фэн Фунэн (псевдоним — Нежданова). Она была дочерью Фэн Юйсяна, так что этот брак был выгоден и Чану, и Фэну: они становились сватами. Но через несколько месяцев, в конце 1927 года, Цзинго порвал с женой, что объяснялось просто: маршал Фэн ведь тоже оказался палачом, а жена Цзинго, ничего не понимавшая в политике, отца осуждать не захотела. 25 мая 1928 года вместе с братом Фэн Хунго (тоже, кстати, бывшим сторонником Троцкого) и младшей сестрой Фэн Фуфа (и тот, и другая также учились в УТК, псевдонимы — Собинов и Собинова) она уехала в Китай. Цзинго же откомандировали в Ленинград, в Военно-политическую академию (ВПА) имени Н. Г. Толмачева.

Фумэй, мать Цзинго, сильно переживала разлуку с сыном. В политике она ничего не понимала и просто хотела, чтобы ее обожаемый сын вернулся. Она по-прежнему жила в Сикоу, в родовом доме Чанов, и занималась хозяйством. К Сун Мэйлин, когда та с Чаном посетила Сикоу, и она, и ее родственники отнеслись спокойно, скандалов не устраивали, хотя Чан этого очень боялся и накануне визита даже просил своего старшего брата прощупать почву. Фумэй распорядилась, чтобы местный повар готовил любимые блюда Чана, которые когда-то стряпала его мать: варенные в курином бульоне клубни таро (как мы помним, это китайский картофель) и жаренную с соленой травой мэйганьцай (китайской горчицей) свинину. Мэйлин обычно ела западную пищу, но и эта деревенская кухня ей понравилась. Фумэй же просила Чана только об одном: верни сына. Но как раз это-го-то Чан и не мог сделать.

Второго сына, Вэйго, Чан Кайши время от времени видел. В 1926 году, когда Вэйго исполнилось десять лет, Ечэн перевезла его из Нинбо в Шанхай, где мальчишке сначала очень понравилось. Особенно его впечатлил синематограф. Но вскоре, гуляя как-то по улицам Французской концессии, он обратил внимание на надпись перед воротами одного из парков, запрещающую вход собакам и китайцам, и возненавидел «заморских дьяволов». В 1927 году, когда было объявлено о предстоявшей свадьбе его отца с Сун Мэйлин, Ечэн по договоренности с Чан Кайши увезла Вэйго в свой родной город Сучжоу, где Чан вскоре купил им дом за 20 тысяч китайских долларов. Кроме того, он стал ежемесячно платить бывшей наложнице 120 китайских долларов. В Сучжоу Вэйго поступил в

среднюю школу при Университете Дунъю, основанном в 1900 году американскими миссионерами.

Главной проблемой, вставшей перед Чан Кайши сразу после приезда в Нанкин, было вовлечение во второй этап Северного похода Фэн Юйсяна (хозяйничавшего в провинциях Хэнань, Шэньси и Ганьсу), Янь Сишаня (правителя провинции Шаньси) и Ли Цзунжэня (лидера «новой гуансийской клики»). Без помощи этих крупнейших милитаристов рассчитывать на победу в войне против хозяина Шаньдуна Сунь Чуаньфана и маньчжурского олигарха Чжан Цзолия, контролировавшего Пекин, он не мог.

Ему удалось достичь соглашения с Фэном довольно быстро, у того к Чжан Цзолию имелись свои претензии: маньчжурский милитарист в начале 1926 года выбил его из Пекина. С Ли Цзунжэнем тоже осложнений не возникло: к тому времени тот разочаровался в Ван Цзинвэе, оказавшемся не очень-то дееспособным. «Ван Цзинвэй на самом деле представлял собой не более чем «цветочную вазу», — вспоминал Ли Цзунжэнь. — ...Он годился только для декорации, а практического толку от него было мало». «К тому же он был не такой умный», как Чан. Что же касается Янь Сишаня, тот в конце концов тоже поддержал план новой военной экспедиции, несмотря на то, что часть его офицеров склонялась на сторону Чжан Цзолия, да и сам Янь вначале старался убедить Чана, что лучше было бы договориться с маньчжурским маршалом. Янь перешел на сторону Гоминьдана позже других, в июне 1927 года, по сути формально, только из страха потерять власть в провинции, а потому был не очень надежен. В Китае говорили, что он просто «поднял <гоминьдановский> флаг и изменил вывески».

Со 2 по 7 февраля 1928 года в Нанкине в здании Центрального исполкома Гоминьдана (дом 16 по улице Диньцзяоцяо^[39], в северной части города, недалеко от красивейшего озера Сюаньху) состоялся 4-й пленум ЦИК. В нем участвовал 31 человек, но двух крупнейших после Чана деятелей Гоминьдана не было: ни Ван Цзинвэя, ни Ху Ханьминя. Оба находились за границей: у Ху, как и у Вана, отношения с Чаном были сложными, так что пока суд да дело, он тоже решил попутешествовать.

На открытии пленума Чан выступил с речью. «Я надеюсь, — сказал он, — что все товарищи — члены ЦИК будут единомышленны в достижении... <следующих> целей: уничтожении компартии, выполнении завещания Сунь Ятсена, уничтожении милитаризма и империализма, полном завершении Северного похода и признании высшей политической целью

осуществление великой программы строительства государства». При этом он подчеркнул, что «возрождение нашей партии — залог возрождения Китая». Пленум формально исключил из Гоминьдана коммунистов и крайне левых гоминьдановцев, не решившись, правда, прекратить членство в партии вдовы Суня — Сун Цинлин, тоже очень левой. Союз с СССР был официально разорван.

В конце пленума был избран новый состав ЦИК из тридцати шести членов и трех кандидатов. Председателем ЦИК стал Тань Янькай, глава правительства. Был также сформирован вновь возрожденный Постоянный комитет ЦИК в составе девяти человек. Чана опять утвердили главнокомандующим НРА, избрали членом Постоянного комитета и председателем Организационного комитета, а через месяц — и председателем высшего органа гоминьдановской власти — Политсовета ЦИК. Председателем Центральной контрольной комиссии вновь стал «цикада» Чжан, а еще один наш знакомый, Дай Цзитао, занял пост секретаря отдела пропаганды. На пленуме было подчеркнуто, что «национальное правительство, в которое вошли сорок девять человек, работает под руководством и контролем со стороны ЦИК Гоминьдана». Военный комитет правительства вновь возглавил Чан Кайши.

В то время подготовка к завершающему этапу Северного похода шла уже полным ходом, и в начале апреля 1928 года Чан смог объявить о начале нового продвижения на север. НРА была сведена в четыре армейские группировки. 1-й армейской группировкой (АГ) командовал сам Чан, 2-й — Фэн Юйсян, 3-й — Янь Сишань, а 4-й — Ли Цзунжэнь. Последний вспоминал: «После долгого перерыва Северный поход был формально возобновлен... По плану революционные войска должны были двигаться на север четырьмя колоннами... Наше общее наступление началось в конце апреля 1928 года». Численность 1-й АГ составляла 290 тысяч человек, 2-й — 310 тысяч, 3-й — 150 тысяч и 4-й — 240 тысяч. Всего, стало быть, в НРА находилось около миллиона солдат и офицеров. У их противников Чжан Цзолия и Сунь Чуаньфана совместно насчитывалось примерно столько же.

Войска Чана наступали на самом опасном направлении: с юго-востока, из района Нанкин — Шанхай, в направлении столицы провинции Шаньдун — города Цзинань, и далее на Пекин. Им противостояли войска маршала Сунь Чуаньфана, но не они представляли главную угрозу. Шаньдун являлся сферой экономических и политических интересов Японии. Там находились войска микадо (японского императора), а в Цзинани и некоторых других городах жили японские подданные, которые после кровавого инцидента в

Нанкине в марте 1927 года испытывали панический страх перед гоминьдановской армией. Янь и Фэн продвигались на Пекин с запада и юго-запада, а Ли Цзунжэнь — с юга.

Чан довольно быстро разбил главные силы маршала Суня и 1 мая взял Цзинань. Но через несколько часов туда прибыли дополнительные японские войска из Циндао в количестве 600 человек, увеличив японский гарнизон до 3539 военнослужащих. Все иностранцы, проживавшие в Северном Китае, включая американцев, испытали облегчение, надеясь, что японские солдаты не допустят повторения нанкинского инцидента.

Однако 3 мая между японскими и китайскими солдатами возникли кровавые столкновения. Японская сторона, понятно, обвиняла в них китайцев, а китайская — японцев. Всё бы, возможно, улеглось, и Чан смог бы продолжить поход, но командующий японским гарнизоном генерал-лейтенант Фукуда решил преподать китайцам урок. 7 мая этот надменный служака без согласования с японским правительством направил Чану ультиматум, потребовав «жестоко наказать» всех высших китайских офицеров, «ответственных за инциденты», разоружить всех солдат НРА, «оказывавших сопротивление японским войскам», и отвести армию Гоминьдана на расстояние десяти километров от города и Цзинань-Циндаоской железной дороги. Ответ он потребовал дать в течение двенадцати часов.

Чан Кайши, не желавший обострения отношений с Японией, интервенция которой могла привести к поражению Северного похода, частично принял эти требования, надеясь на компромисс, но опоздал с ответом, так как получил ультиматум только 8 мая. Фукуда же ждать не стал и рано утром 8 мая отдал своим солдатам приказ атаковать войска Чана, чтобы полностью очистить от них город. Бои продолжались три дня, в результате многие кварталы были разрушены, 3254 китайских военнослужащих и мирных жителей убиты и 1450 ранены. Японцы потеряли 236 солдат. Очевидец рассказывает: «На тротуарах, у дверей домов, а нередко и посреди улиц лежали трупы китайцев в униформе и гражданской одежде, всех возрастов и обоих полов... В этот жаркий майский день Цзинань явила мне полномасштабную бойню в новых и ужасающих формах: человеческая плоть, разорванная шрапнелью, мертвые тела, валяющиеся в пыли или узких рвах, обезображенные трупы детей, обгрызенные за ночь крысами». «Армия карликов (так китайцы унижительно именовали японцев. — А. П.) безжалостно атаковала Цзинань, — записал Чан в дневнике 10 мая. — Каждый день буду вставать в шесть утра и вспоминать о национальном позоре». А через четыре дня добавил:

«Каждый день буду придумывать новый способ, как уничтожить карликов». Место Англии как главного врага в воображении Чана отныне надолго заняла Япония.

Китайцы направили официальный протест в Лигу Наций, но то же самое сделали и японцы: у каждой стороны имелась своя версия конфликта. Между тем войскам Чана пришлось обходить Цзинань и искать место для переправы через Хуанхэ вместо того, чтобы проехать через город, а затем через мост по железной дороге. Столица же Шаньдуна надолго осталась в руках японцев; только после сложных переговоров в конце марта 1929 года был достигнут компромисс, и 20 мая того же года японцы эвакуировались как из Цзинани, так и из всего Шаньдуна.

Цзинаньские события задержали Чана. Возможно, в этом и состоял план японцев: известного своим антиимпериализмом Чана они опасались больше, чем Янь Сишаня, который не допускал на подвластной ему территории антияпонских демонстраций. Как бы то ни было, но Чан прибыл на соединение с Янь Сишанем в город Шицзячжуан, находящийся от Цзинани всего в 300 километрах, только 30 мая и, обсудив с ним ситуацию, отдал ему славу будущего покорителя Пекина — скорее всего, чтобы не раздражать японцев. 4 мая он заранее назначил Яня командующим Пекинским и Тяньцзиньским гарнизонами НРА. Вскоре после этого, ранним утром 6 июня 1928 года, войска генерала Яня вошли в Пекин, завершив его оккупацию через два дня. Через шесть дней пал Тяньцзинь.

Чжан Цзолинь эвакуировался в Маньчжурию, но 4 июня около пяти утра на окраине своей столицы Шэньян был смертельно ранен в результате покушения офицерами Квантунской армии, расквартированной в Маньчжурии^[40]. Группа националистически настроенных офицеров под командованием полковника Комото Дайсаку с помощью корейских инженеров взорвала его поезд, на котором он въезжал в город. Стремясь к тому, чтобы поставить всю Маньчжурию под контроль Квантунской армии, Комото с товарищами рассчитывал, что им будет легче договориться об этом не с Чжан Цзолинем, а с его старшим сыном Чжан Сюэляном, известным бонвиваном, пьяницей и наркоманом, которого все звали Молодой маршал. «Чжан Цзолинь — это самая большая раковая опухоль, вредящая японской политике в Маньчжурии и Монголии, — считал Комото. — Если мы скинем его — неважно, какими средствами, — то в дальнейшем не будет никаких трудностей в достижении примирения, поскольку Чжан Сюэлян так неопытен!» Как и Фукуда в Цзинани, Квантунские офицеры действовали на свой страх и риск (они даже

изолировали своего дивизионного командира от средств связи), доказав еще раз, что японские военные «гораздо сильнее японского правительства в Токио». И когда глава правительства Танака Гиити попытался привлечь виновных к ответственности, ему под давлением военных пришлось покинуть свой пост.

За день до убийства Чжан Цзолия, 3 июня, в отставку ушел его союзник, маршал Сунь Чуаньфан. Бросив войска, он бежал в находившийся под контролем японцев китайский город Дайрень (Далянь). А через 12 дней, 15 июня, национальное правительство объявило об объединении страны.

20 же июня 1928 года по предложению бывшего секретаря Чана — Чэнь Лифу — Пекин был переименован в Бэйпин (Северное спокойствие). Гоминьдановцы в данном случае последовали примеру основателя Минской династии Чжу Юаньчжана, который, обосновавшись в 1368 году в Нанкине, переименовал прежнюю столицу в Бэйпин. Одновременно бывшая столичная провинция Чжили (в переводе — «Прямое подчинение») была переименована в Хэбэй, что означает «К северу от реки Хуанхэ».

Чан с Мэйлин 6 июля в сопровождении Янь Сишаня, Фэн Юйсяна и Ли Цзунжэня прибыли в Бэйпин. Чан был очень взволнован: ведь именно ему удалось осуществить то, о чем мечтал его великий учитель Сунь Ятсен. Он сухо поздоровался с многочисленными встречавшими, ожидавшими его на вокзале всю ночь, помахал им шляпой и, сказав что-то типа «спасибо, хорошо, хорошо», тут же вместе с Мэйлин, командирами НРА и членами ЦИК Гоминьдана отправился в Сишань (Западные холмы), где в храме Лазурных облаков временно покоился гроб с забальзамированным телом Сунь Ятсена. Чан Кайши подошел к саркофагу вплотную, остальные остановились позади. Мэйлин держала над Чаном зонтик, защищая от палящего солнца. Чан взглянул на тело Суня, покоившееся под стеклянной крышкой, прикоснулся к гробу и, не в силах сдержать эмоции, разрыдался. Вслед за Чаном многие присутствующие тоже стали всхлипывать, даже грузный маршал Фэн и похожий на моржа усатый генерал Янь засопели. Только непроницаемый генерал Ли Цзунжэнь, прятая глаза за темными стеклами очков, не проронил ни звука. Маршал Фэн, подойдя к Чану, стал его успокаивать, но тот долго не мог успокоиться. И в конце концов Фэн вывел его, плачущего, из храма.

Северный поход был завершен. Продолжать его в направлении Маньчжурии руководители Гоминьдана опасались: это грозило неминуемым столкновением с Японией, рассматривавшей северо-восточные провинции Китая как свою вотчину. Гоминьдановцы надеялись

на мирное воссоединение, и им повезло. Молодой маршал Чжан Сюэлян не простил японцам убийство отца. 1 июля он объявил о прекращении вооруженного конфликта с Нанкином, пообещав не препятствовать объединению страны. А 25 июля Чан встретился с его представителями в одном из бэйпинских ресторанов. Он пообещал Маньчжурии широкую автономию, если Молодой маршал объединит ее с Китаем.

В августе 1928 года в Нанкине был созван очередной 5-й пленум ЦИК Гоминьдана, принявший резолюцию по политическим вопросам. Речь в ней шла о необходимости реорганизации правительства. И через несколько месяцев, в начале октября, Политсовет от имени ЦИК объявил об окончании с 1 января 1929 года периода военного правления, провозгласив на шесть лет новый этап развития — так называемой политической опеки со стороны Гоминьдана над государством и обществом (иное название: «период просвещения»). Иными словами, в стране устанавливалась открытая диктатура правящей партии.

О том, что Китай после военного объединения должен будет находиться под политической опекой партии, говорил, как мы помним, еще в 1914 году Сунь Ятсен, полагавший непосредственный переход к демократии в отсталой стране невозможным. На I съезде Гоминьдана Сунь под влиянием советских советников в развитие этой идеи даже выдвинул яркий лозунг из четырех иероглифов: *и дан чжи го* (партия правит государством). 8 октября 1928 года был опубликован «Органический закон об организации Национального правительства», которое в соответствии с заветом Сунь Ятсена о разделении властей на пять независимых ветвей состояло из пяти палат (юаней): Исполнительной, Законодательной, Судебной, Экзаменационной и Контрольной. В Исполнительной палате имелось несколько министерств и комитетов, в том числе Военный комитет. Представители всех палат образовывали Государственный совет — высший орган национального правительства (в разное время в него входили от двенадцати до шестнадцати членов).

Правительство полностью подчинялось партии, «фактически являясь не более чем высшим исполнительным органом Гоминьдана», высшим же органом власти в стране был объявлен съезд ГМД, между съездами — пленумы ЦИК, а между пленумами — Политсовет Центрального исполкома ГМД. Как видно, система ничем не отличалась от большевистской: вслед за Сунем его наследники продолжали скрупулезно копировать советский опыт партийно-государственного строительства, доказавший, как казалось, свою эффективность.

Чан Кайши занял в иерархической системе власти высшее место: он

стал председателем Политсовета ЦИК, председателем национального правительства и Госсовета, председателем Военного совета ЦИК ГМД и главнокомандующим вооруженными силами Китайской Республики (генералиссимусом).

Его союзники тоже заняли важные места. Маршал Фэн стал военным министром, генерал Янь — министром внутренних дел, Тань Янькай возглавил Исполнительную палату, Ху Ханьминь, вернувшийся в Китай накануне, 3 сентября, — Законодательную, Ван Панхуэй, бывший первый министр иностранных дел в правительстве Сунь Ятсена, — Судебную, Цай Юаньпэй — Экзаменационную и Дай Цзитао — Контрольную. Дай был особенно полезен Чану: мало того что он был ему предан, он еще фонтанировал идеями: «Его ум был подобен быстро работающей фабрике, чьи товары выходят из нее непрерывным потоком, поскольку у нее нет складов». 10 октября 1928 года Чан Кайши и другие члены нового правительства на торжественной церемонии принесли присягу.

За несколько месяцев до того, в июле 1928 года, о мирном объединении с отчизной заявил дубань (правитель) Синьцзяна, а 29 декабря лояльность нанкинскому правительству выразил Молодой маршал. Через два дня Чан официально назначил его командующим «северо-восточными пограничными войсками», иными словами, маньчжурской армией. Только Тибет оставался независимым с тех пор, как последний китайский солдат после развала империи Цин, в начале 1913 года, покинул Лхасу. В конце 1929-го — начале 1930 года Чан вступил в переписку с Далай-ламой, предлагая ему признать суверенитет Китая хотя бы формально. Вскоре его представители прибыли в Лхасу, но начатые переговоры зашли в тупик. Правда, национальное правительство это не смутило, оно просто стало рассматривать Тибет как часть объединенного Китая, тем более что независимость Тибета не признало ни одно государство.

Таким образом, к концу 1920-х годов новый флаг Китайской Республики — красного цвета, который символизировал страдания революционеров в борьбе за объединение страны, с расположенным в его левом верхнем углу синим знаменем Гоминьдана с белым солнцем с двенадцатью лучами (по числу месяцев в году), стал развеваться почти над всеми городами Поднебесной.

Успехи и поражения

Завершение Северного похода и установление однопартийной диктатуры Гоминьдана во всей стране не привели, однако, к победе антиимпериалистической революции. Китай по-прежнему оставался зависимым от многих иностранных держав как в политическом, так и в экономическом отношении. Неравноправные договоры не были ликвидированы.

Даже с СССР оставались нерешенные проблемы, касавшиеся договоров, заключенных царским правительством с Цинами, несмотря на то, что еще 4 июля 1918 года нарком по иностранным делам Чичерин заявил о намерении советского руководства их денонсировать, а 31 мая 1924 года полпред СССР в Пекине Карахан подписал Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой, объявлявшее «уничтоженными и не имеющими силы все договоры... затрагивающие суверенные права или интересы Китая». Дело в том, что чичеринское заявление и карахановское соглашение в ряде пунктов оставались на бумаге, так как большевики просто не могли отменить все договоры. Ведь некоторые из них касались территориальных вопросов — по неравноправному Айгуньскому договору 1858 года, например, царская Россия отторгла от Цинской империи около 600 тысяч квадратных километров к северу от реки Амур, а по Пекинскому договору 1860 года — еще 400 тысяч квадратных километров (весь Уссурийский край). Территориальные приобретения (23 тысячи квадратных километров) были сделаны Россией и в 1881 году — на этот раз в западном Синьцзяне (по этому поводу Цины подписали Санкт-Петербургский договор). Как же могли большевики аннулировать эти соглашения? Даже Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) с ее полосой отчуждения, построенную русскими в Маньчжурии по секретному договору с Цинами в 1896–1898 годах, они не спешили отдавать Китаю. Не хотели они и выводить войска из Внешней Монголии, которую оккупировали в 1921 году. Единственное, что они действительно сделали, так это, следуя за американцами, сделавшими это еще в 1908 году, отказались от своей доли боксерской контрибуции и первыми в мире по своей инициативе отменили право экстерриториальности и консульской юрисдикции в Китае (то есть неподсудности своих граждан китайским судам). До того лишь Германия и Австро-Венгрия перестали пользоваться этим правом, но отнюдь не по

своей воле, а в связи с их поражением в Первой мировой войне. Вслед же за СССР в декабре 1927 года от права экстерриториальности в Китае по собственному желанию отказалась только Испания.

Так что ситуация оставалась сложной. И хотя национальное правительство 15 июня 1928 года объявило, что начинает новую борьбу — за достижение равноправия на международной арене, оно отдавало себе отчет в том, что эта борьба будет нелегкой: ведь надо было заставить все державы не только ликвидировать право экстерриториальности и консульской юрисдикции, но и предоставить Китайской Республике полную таможенную независимость, а также вывести из Китая свои войска и флот, прекратить свободно плавать в китайских внутренних и прибрежных водах и вернуть Китаю все концессии, селтльменты и колониальные владения. Тем не менее 18 июля Чан заявил в Бэйпине, что собирается достичь соглашения с иностранцами об отмене всех неравноправных договоров в течение трех лет.

И ему действительно удалось достичь очень многого на этом пути. Уже 25 июля 1928 года гоминьдановское правительство смогло заключить договор с США о возвращении Китаю таможенной независимости в торговых отношениях с Североамериканскими Соединенными Штатами. К концу года от таможенных льгот в Китае отказались и 11 европейских стран, а в мае 1930 года — Япония. Это, конечно, был огромный успех китайской дипломатии, даже несмотря на то, что новые тарифы, установленные национальным правительством на основные импортные товары, были в среднем лишь на 2,5–5 процентов выше прежних. Только на алкоголь, сигареты и некоторые предметы роскоши китайцы ввели высокие ставки — от 27,5 до 50 процентов.

Более того, на призыв национального правительства отменить право экстерриториальности и консульской юрисдикции в 1928 году откликнулись Португалия, Бельгия, Дания и Италия, а в следующем году — Мексика. В 1929–1931 годах Англия ликвидировала концессии в Сямэне (Фуцзянь) и Чжэньцзяне (тогдашняя столица провинции Цзянсу), а также вернула Китаю свою колонию Вэйхайвэй на севере Шаньдуна, а Бельгия — концессию в Тяньцзине. Но ни Англия, ни США не стремились отказаться от права экстерриториальности и консульской юрисдикции. Этим правом продолжали пользоваться также Франция, Япония, Швеция, Перу и Бразилия. С трудом продвигались переговоры и по другим вопросам, связанным с неравноправием Китая.

В то же время весной — летом 1929 года резко обострились отношения Китая с СССР. Узнав, что на конец мая Исполком Коминтерна

запланировал созыв тайной конференции на территории советского консульства в Харбине, Чжан Сюэлян приказал солдатам захватить здание консульства. Во время рейда были обнаружены документы, свидетельствовавшие о том, что Исполком Коминтерна использовал офисы КВЖД в своих интересах — как отделения связи для оказания помощи КПК. Чжан арестовал сотрудников консульства, а в июле захватил КВЖД. Чан Кайши из Нанкина с интересом следил, чем дело кончится. В конфликт он не вмешивался.

Вскоре войска Красной армии под командованием Блюхера, хорошо знакомого Чану, перешли границу Маньчжурии, атаковав Чжан Сюэляна и с земли, и с воздуха. Сталин был так зол на Чжан Сюэляна, что 7 октября 1929 года в письме своему ближайшему соратнику Вячеславу Михайловичу Молотову даже заявил о необходимости «организации повстанческого революционного движения в Маньчжурии». Он хотел сформировать «главным образом из китайцев» (очевидно, проживавших в СССР) четыре полка «и пустить их в Маньчжурию, дав им задание... занять Харбин и, набравшись сил, объявить Чан-суэляна <Чжан Сюэляна> низложенным, установить революционную власть (разгромить помещиков, привлечь крестьян, создать советы в городах и деревнях и т. п.)... Это мы можем и, по-моему, должны сделать. Никаким «международным правам» не противоречит это дело. Всем будет понятно, что мы против войны с Китаем, наши красноармейцы охраняют лишь наши границы и не имеют намерения перейти на кит<айскую> территорию, а если внутри Маньчжурии имеется восстание, то это вполне объяснимая штука в обстановке того режима, который установил Чан-суэлян». Осуществлять этот план, однако, Сталин, не стал: в декабре 1929 года Чжан Сюэлян вернул КВЖД СССР. Иначе Маньчжурия могла бы стать одной из союзных республик Советского Союза!

Все эти события были Чану только на руку: с одной стороны, он умело использовал конфликт на КВЖД для дальнейшего разжигания антисоветских и антикоммунистических настроений в китайском обществе, а с другой — постарался внушить Молодому маршалу, что без его поддержки тот не сможет «стоять на двух ногах». Правда, китайскому правительству в результате этих событий пришлось пойти на восстановление экстерриториальных прав советских граждан в Китае, но сделано это было негласно, чтобы не давать повода западным державам и Японии саботировать переговоры по отмене этих прав.

Непростые отношения с ведущими империалистическими державами и с СССР заставили Чан Кайши искать союзников среди стран, которые

тоже испытывали гнет империализма, особенно среди тех, кто потерпел поражение в Первой мировой войне. С конца 1920-х годов в центре внимания Чана оказалась Германия, которая «в отличие от СССР, не имела не только союзников внутри Китая <таких, как КПК>, но и не преследовала великодержавных интересов».

Чан, как мы помним, давно интересовался Германией и когда-то, в 1912–1913 годах, даже изучал немецкий язык и собирался ехать туда на учебу. Теперь же он не мог не учитывать того, что в 1920-е годы именно Германия, лишенная по условиям Версальского мира возможности перевооружиться самой, стала главным продавцом вооружений Китаю: на ее долю приходилось 42 процента китайского импорта оружия. Кроме того, именно в Германии существовал большой рынок профессиональных военных кадров, лишившихся работы в связи с сокращением армии и флота.

В самом конце декабря 1927 года Чан Кайши назначил своим политическим, экономическим и военным советником немецкого полковника Макса Бауэра, прибывшего в Китай за полтора месяца до того. Бравый артиллерист, служивший во время мировой войны в немецком Генштабе и удостоенный в декабре 1916 года высшей прусской награды, ордена «За заслуги», был Чану рекомендован генералом Ли Цзишэнем, у которого Бауэр служил пару недель в Кантоне.

Максу Бауэру шел пятьдесят девятый год, но он был полон энергии и грандиозных планов. Чана он покорила тем, что, так же как он, отрицал и империализм, и коммунизм, выступая за то, чтобы «каждая нация... развивала свой собственный социализм, свою собственную форму правления». Бауэр заверил Чана, что разделяет идеи Сунь Ятсена и может принести пользу Гоминьдану — партии, которая, с его точки зрения, «одержит победу, поскольку ее цели идут в русле естественного развития Китая».

Побывав в Германии в марте 1928 года, Бауэр подыскал там группу военных специалистов и в ноябре того же года вернулся в Нанкин с двадцатью пятью офицерами. Их задача заключалась в подготовке нескольких образцовых дивизий НРА, хорошо обученных и вооруженных новейшим оружием германского производства. Для этого по инициативе Бауэра в Берлине при китайском посольстве был открыт торговый департамент, занимавшийся закупками вооружения и промышленных материалов в Европе. В 1928 году первые два китайских офицера прибыли на учебу в дрезденскую пехотную школу.

После гибели Бауэра (он умер от оспы 6 мая 1929 года^[41]), к которому

Чан относился с огромным уважением, главным советником Чана стал другой немецкий офицер-националист — полковник Герман Крибель, в свои 63 года успевший покомандовать нацистским ополчением, принять участие в гитлеровском путче в Мюнхене в ноябре 1923 года и даже посидеть в одной камере с Гитлером в замке Ландсберг на юге Баварии. Но Чану Крибель не понравился: он, как и советский советник Кисанька, был чересчур заносчив; более того, в отличие от Бауэра, уделял больше внимания разработке тактических проблем, нежели реорганизации НРА. По требованию Чан Кайши Крибель вскоре вернулся в Германию, а Чан попытался заполучить в советники самого фельдмаршала Эриха Людендорфа (бывшего начальника Генштаба немецкой армии во время Первой мировой войны), тоже, кстати, участвовавшего в гитлеровском «пивном» путче. Тот, однако, отказался, и вместо него в Нанкин в мае 1930 года прибыл другой знаменитый генерал (возглавлявший Генштаб рейхсвера в 1926–1930 годах) Георг Ветцель. За ним последовали новые немецкие офицеры. И если в мае 1930 года в армии Чана насчитывалось сорок советников из Германии, то к декабрю 1930 года — уже пятьдесят, а в 1934-м — девяносто.

Немецкие военные советники старались помочь Чану как в создании пяти образцовых дивизий, так и в разработке важнейших военных кампаний против всех его внутренних врагов, что было крайне важно, поскольку никакого мира внутри страны после завершения Северного похода не наступило. Несмотря на то, что в Китае после формального объединения было введено строго централизованное управление по административно-территориальному принципу (провинция — уезд) и страна была поделена на 28 провинций и две территории (Внутреннюю Монголию и Тибет), тоже формально подчиненные центру, войны между кланами милитаристов, полностью контролировавших свои территории, продолжались. Только теперь все олигархи выступали под знаменем одной партии — Гоминьдана. «Каждая фракция оппозиции, — писал современник, — декларирует верность принципам Гоминьдана... Каждая из армий, сражающихся с Нанкином, размахивает гоминьдановским флагом».

В феврале — апреле 1929 года весь Южный Китай оказался втянут в войну между Чан Кайши и группировкой гуансийских милитаристов во главе со знакомыми нам генералами Ли Цзунжэнем и Бай Чунси, которых поддерживали хозяин Гуандуна генерал Ли Цзишэн и ванцзинвэевцы. Катализатором новой войны стала конференция по демобилизации, которую Чан созвал в Нанкине в январе 1929 года. В ней участвовало 22

высших командира НРА. Чан председательствовал. В течение двадцати пяти дней ее участники обсуждали проекты сокращения вооруженных сил, но так ни к чему и не пришли: «Конференция не просто провалилась, она закончилась полной катастрофой». Генералы ревниво отнеслись к планам Чана реорганизовать армию за счет сокращения их войск.

Ли Цзунжэнь и Бай Чунси были особенно недовольны. Первый из них, «маленький, крепкий и не блещущий красотой» генерал, чувствовал, что сам был способен «занять место Чан Кайши во главе государства». И он действительно производил впечатление человека, «обладавшего мощной духовной и физической силой... Он был очень амбициозен». «Невероятно честолюбив и энергичен» был и его младший партнер Бай, «высокий, хорошо сложенный человек с высоким лбом интеллектуала», хромавший на левую ногу. Он был мусульманином, но охотно пил вино и ел свинину, что усиливало его авторитет в гуансийских войсках, в которых в основном служили немусульмане. Оба были талантливыми полководцами и полностью подчиняться Чану не собирались. Вместе с другими олигархами они стали распространять слух о том, что Чан стремится установить в Китае личную диктатуру.

Были ли они правы и стремился ли Чан на самом деле стать диктатором? Скорее всего, да. Но ведь кто-то должен был удерживать Китай, то и дело разваливавшийся на куски, в крепкой узде! Китай, где по-прежнему хозяйничали милитаристы, лишь номинально признавшие власть центра. Где капитализм еще не стал определять все стороны общественной жизни, где не сложилось общего рынка, где в экономике были представлены все известные истории хозяйственные уклады и экономическая и социальная жизнь значительной массы населения, 97 процентов которого было безграмотным, замыкалась в стабильных местных границах.

Несмотря на свою амбициозность, Ли и Бай быстро проиграли. Уже в апреле сотысячная армия Чан Кайши одержала верх над их шестидесятитысячной группировкой, и они утратили контроль над провинциями Центрального Китая и Гуандуном, где раньше хозяйничали. За месяц до того, на проходившем с 15 по 27 марта 1929 года в Нанкине III съезде Гоминьдана, в котором приняли участие 406 человек, представлявших 422 тысячи 22 члена партии, раскольники Ли и Бай были «навечно» исключены из партии. Исключены были также генерал Ли Цзишэнь (он был даже арестован) и активные сторонники Ван Цзинвэя — Чэнь Гунбо, Гань Найгуань и Гу Мэньюй. Сам же Ван, все еще находившийся за границей, получил письменное предупреждение, но все

же был избран членом ЦИК (таково было желание Чана: члены ЦИК отбирались лично им по согласованию с Ху Ханьмином, и хотя Ху никогда не любил Вана, ему пришлось уступить Чану).

Но мира и на этот раз не получилось. В мае 1929 года вспыхнула новая война — на этот раз между Чаном и маршалом Фэн Юйсяном, оставившим пост военного министра в нанкинском правительстве и вернувшимся в свою хэнаньскую вотчину. 23 мая ЦИК Гоминьдана «навечно» исключил и Фэна из партии, но на сторону раскольника встал генерал Янь Сишань, тоже бежавший из Нанкина.

Сражаясь, Чан одновременно продолжал прилагать усилия для дальнейшей легитимации своего режима. Важную роль в этом, по его замыслу, должно было сыграть перезахоронение тела Сунь Ятсена в грандиозном мавзолее в Нанкине на отрогах Лилово-золотой горы, что демонстрировало резкое усиление культа Великого Учителя. Его культ, раздувавшийся Чаном и его соратниками в неменьшей мере, чем культ Ленина большевиками, призван был, разумеется, освятить чанкайшистскую власть, придав ей сакральность. В марте 1929 года III съезд Гоминьдана объявил учение Сунь Ятсена идеологией всей нации, по сути превратив усопшего вождя в объект чуть ли не религиозного поклонения: «Настоящий съезд считает, что целью образования отныне должно стать формирование новой культуры, основанной на трех народных принципах... Вместо *политики невмешательства*, которой мы придерживались ранее, должна осуществляться строго национальная образовательная политика». После этого не только в учебных заведениях, но и во всех других организациях гоминьдановского Китая стало обычным делом проводить еженедельные собрания, на которых зачитывалось и обсуждалось «Завещание» Сунь Ятсена. Даже в американском христианском университете Яньцзин в Бэйпине традиционные религиозные чтения были заменены на политические занятия, основанные на учении Сунь Ятсена.

Еще в январе 1929 года была образована комиссия по организации перезахоронения. Председателем ее, естественно, стал Чан Кайши. 10 мая из Нанкина в Бэйпин был отправлен специальный поезд из двенадцати вагонов, выкрашенных в бело-синие цвета гоминьдановского флага. Он должен был привезти гроб с телом Суня.

Перед отправкой саркофага в Нанкин 26 мая тело усопшего вождя переодели в новые одежды, и 207 профессиональных носильщиков доставили его на вокзал. Проводить Суня в последний путь в Бэйпине вышли около трехсот тысяч горожан. Были даны 108 залпов артиллерийского салюта, а военные оркестры в разных частях города

играли траурные марши.

По официальным данным, в митингах, организованных по мере продвижения состава, приняли участие не менее миллиона китайцев. Особенно многочисленным было собрание в Цзинани: свыше ста тысяч человек.

Гроб из Бэйпина в Нанкин сопровождала Сун Цинлин, вдова Суня, только что вернувшаяся из-за границы по приглашению Чана. Будучи крайне левой, она в знак протеста против антикоммунистических переворотов в конце августа 1927 года выехала в СССР на деньги Коминтерна и большую часть времени провела в Москве. Там она всячески демонстрировала ненависть к Чан Кайши, участвуя в работе международной Антиимпериалистической лиги — левой общественной организации, поддерживавшейся Коминтерном. Но несмотря на это, Чан Кайши ее пригласил на перезахоронение Сунь Ятсена. Знал бы он, что Сун Цинлин была втянута в секретную коминтерновскую сеть! Вернувшись на родину в мае 1929 года и через некоторое время обосновавшись в Шанхае, она под кодовыми именами мадам Сузи и Лия стала тайно поставлять информацию советским разведчикам и агентам Коминтерна, а также участвовать в конспиративных финансовых операциях, выполняя посреднические функции при передаче крупных денежных сумм Коминтерном руководителям китайской компартии.

Сам Чан встретил поезд на границе провинции Цзянсу: в Бэйпин он побоялся ехать, так как на севере хозяйничал Фэн Юйсян. На станции Пукоу, на левом берегу Янцзы, где заканчивалась железная дорога, саркофаг перенесли на военный корабль, который доставил его в Нанкин. Там он был встречен артиллерийскими залпами и траурной музыкой, а в небе барражировали три аэроплана, присланные Чжан Сюэляном.

Город был украшен флагами Китая и Гоминьдана. Гроб выставили на три дня (29, 30 и 31 мая) в Центральном исполкоме ГМД: именно в этом здании 29 декабря 1911 года Сунь Ятсена избрали временным президентом Китайской Республики. Перед входом выстроилась гигантская очередь из желающих проститься с вождем. Чан вместе с ближайшими единомышленниками решили замуровать саркофаг Суня в мавзолее — в нарушение последней воли самого усопшего. Они объяснили это тем, что тело начало подавать признаки разложения. Но, возможно, причина была в другом: члены семьи Суня были, как мы знаем, христианами, да и Чан готовился принять Господа. Так что сохранять тело бывшего вождя, тоже, кстати, христианина, забальзамированным и выставять его на всеобщее обозрение они, в отличие от атеистов-большевиков, просто не могли. 31

мая члены семьи Суня и его близкие соратники, в том числе Чан, провели церемонию, во время которой гроб с телом был закрыт крышкой.

А на следующий день, 1 июня 1929 года, тело Суня было захоронено в величественном мавзолее из бело-синего гранита и мрамора, на сооружение которого правительство потратило, по разным данным, от полутора до шести миллионов китайских долларов. К огромному дворцу на холме вели 410 широких ступеней, по сторонам которых высились могучие сосны, кипарисы и деревья гинкго. Над входом в гробницу блестели позолоченные иероглифы *тянь ди чжэн ци* (Вселенная гармония), передающие почерк Сунь Ятсена, а также шесть других иероглифов, образующих слова *миньцзу*, *миньцюань* и *миньцзэн* (национализм, народовластие и народное благосостояние), то есть «три народных принципа», передающие почерк «цикады Чжана», старого члена партии, к которому Чан по-прежнему относился с глубочайшим почтением. Гроб на вершину внесли те же 207 профессиональных носильщиков в коротких синих куртках, украшенных на груди и спине изображением белого солнца — символа Гоминьдана. Чан в белом халате и черной куртке с траурной повязкой на рукаве шел впереди, а за гробом медленно двигалось море людей: партийные и государственные чиновники, военные, представители всех провинций, а также рабочих, крестьянских, студенческих и предпринимательских организаций. Маршировали отряды гоминьдановских пионеров в сине-белых галстуках, играла траурная музыка, гремели залпы артиллерийского салюта.

Когда гроб был установлен в мавзолее, Чан и все присутствовавшие поклонились ему три раза, были возложены венки, произнесены траурные речи. А затем ровно в 12 часов пополудни Нанкин замер в трехминутном молчании, в то время как Чан вместе с одним из иностранных друзей Суня, представлявшим дипломатов из восемнадцати стран, с помощью рабочих водрузили саркофаг в гробницу, дверь в которую закрыла Сун Цинлин.

В сентябре 1929 года ситуация в стране вновь обострилась: в Центральном Китае против Чан Кайши восстал генерал Чжан Факуй. Восстали и некоторые из тех милитаристов, которые оказали Чану помощь в войне с Ли Цзунжэнем и Бай Чунси (к столкновению с Чаном их подбил Ван Цзинвэй). Двое из них, Юй Цзобо и Ли Минжуй, 1 октября 1929 года вторглись из Гуаней в Гуандун. После чего в Гонконг из Европы приехал сам Ван Цзинвэй, сторонники которого в 1928 году объединились во внутри — гоминьдановскую фракцию так называемых «реорганизационистов», потребовавшую реформирования ГМД и

либерализации гоминьдановского режима. Накануне приезда, 29 сентября, Ван Цзинвэй вместе с одиннадцатью «реорганизационистами» опубликовал список из десяти «преступлений» Чан Кайши (все они сводились к стремлению Чана установить личную диктатуру). «Он <Чан> делает всё ради собственной выгоды. Он считает всю нацию своей частной собственностью», — заявили они, призвав ко всеобщему вооруженному восстанию против Чана.

В конце октября 1929 года в статье, опубликованной в главном печатном органе ЦИК Гоминьдана «Чжунъян жибао» («Центральная газета»), Чан впервые определил приоритеты в своей политике, повторив фразу Чжао Пу (922–992), знаменитого политика династии Северная Сун: «До того, как мы начнем сражаться с внешним врагом, надо установить мир внутри страны». И когда в ноябре того же года восстали войска, ранее бывшие под началом генерала Сюй Чунчжи, расквартированные в Фуцзяни, Чану пришлось исключить из партии и этого старого знакомого, а заодно и нескольких других видных гоминьдановцев, поддержавших мятеж.

Только к концу 1929 года генералиссимусу удалось окоротить своих противников. Ему повезло, так как «восстания происходили не все сразу, а одно за другим, через достаточные промежутки времени. Это-то и позволило ему подавить их все одно за другим».

12 декабря 1929 года Чан по просьбе гуандунского и кантонского комитетов партии «навечно» исключил из Гоминьдана Ван Цзинвэя. В ответ на это вновь восстал генерал Янь Сишань, армия которого насчитывала до двухсот тысяч солдат и офицеров. И Чан вновь принужден был воевать.

Янь Сишань захватил Бэйпин и опять переименовал его в Пекин. Чан тут же исключил и его из партии, но мятежник потребовал созыва Национального собрания, после чего 18 июня 1930 года его войска оккупировали Тяньцзинь. 9 сентября в Бэйпине (Пекине) во главе с Янем было образовано сепаратистское правительство, в которое вошли и Ван Цзинвэй, и Фэн Юйсян, и Ли Цзунжэнь. Из крупных игроков на военной арене только маньчжурский Молодой маршал Чжан Сюэлян оставался верен Чан Кайши. После убийства отца и объединения страны он относился к Чану как к «старшему брату». 20 сентября 1930 года Молодой маршал вынудил Янь Сишаня бежать из Бэйпина, куда затем перенес свою ставку из Шэньяня.

Чан назначил Молодого маршала заместителем главнокомандующего, то есть своим заместителем, а сам 24 сентября занял еще один важный пост

— председателя Исполнительной палаты вместо скончавшегося за два дня до того Тань Янькая. После этого Чан Кайши решил добить Фэн Юйсяна (последний располагал более чем двумястами тысячами штыков, вооруженные же силы Чана насчитывали 700–800 тысяч человек). Во главе авангардных войск, действовавших против Фэна, он поставил Ян Хучэна, 37-летнего генерала. 29 октября 1930 года этот генерал взял Сиань — опорный пункт Фэн Юйсяна, и Чан тут же назначил его губернатором провинции Шэньси. А Фэн, окопавшись на юго-западе Шаньси со своей изрядно потрепанной армией (из двухсот тысяч у него осталось около пятидесяти тысяч), попытался вновь установить контакт с коммунистами и СССР. По сообщению одного из советских разведчиков, он послал своего человека в Шанхай, и тот «вертелся около <нашей> партии», но ни Сталин, ни руководство КПК дел с ним иметь не захотели.

В войне 1930 года впервые приняли участие образцовые дивизии НРА, вышколенные немецкими советниками, а генерал Ветцель сыграл решающую роль в планировании всех операций. Тем не менее эта война была особенно тяжелой. «Развал страны, сражения, разруха, разрыв торговых связей, дополнительное налогообложение крестьянства и горожан, ужасающие предательства и открытый подкуп «лояльности» — все это характерные черты войны 1930 года. То же самое, но только в меньших масштабах, происходило во время войн, удивительно часто возникавших после 1911 года», — писал современник. В целом в войне 1930 года было убито и ранено более 240 тысяч человек.

Только ценой колоссального напряжения сил и с помощью Молодого маршала Чану удалось в конце концов одержать победу во всех вооруженных конфликтах с милитаристами. Это укрепило его веру в Господа. В октябре 1930 года во время одного из наиболее жестоких боев под городом Кайфэном (провинция Хэнань) против превосходящих сил Фэн Юйсяна, когда его войска были на грани поражения, Чан, зайдя в один из католических храмов, обратился к Богу. Он дал обет в случае победы над врагом креститься. И вдруг пошел сильный снег, сделалась метель, переросшая в настоящий буран. Действия противника оказались скованны, Чан успел получить подкрепление из Нанкина и смог одержать верх.

Вернувшись в Шанхай, Чан Кайши 23 октября 1930 года в доме тещи прошел обряд крещения по правилам методистской церкви. И с тех пор его вера в Господа оставалась незыблемой, хотя вряд ли его можно назвать истинным последователем Христа: великие призывы Нагорной проповеди («не противься злему» и «любите врагов ваших») не находили отзвука в его сердце. Противники Чана называли его «ветхозаветным христианином»,

имея в виду, что вместо христианских истин он исходил из заповедей Господних, данных Моисею: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб». Кто-то из его врагов даже злословил, что Чан Кайши в своем методистском христианстве «методичен» только в одном: «сумасшествии». Но это, конечно, было преувеличением.

Ведя войны с товарищами по партии, то и дело предававшими его, Чан в то же время столкнулся и с вооруженным противодействием со стороны советских агентов в Китае — членов выпестованной Москвой китайской компартии. В феврале 1928 года на 4-м пленуме ЦИК ГМД второго созыва Чан Кайши и другие вожди Гоминьдана, как мы помним, исключили членов КПК из своей партии, но это носило, понятно, формальный характер: КПК уже и так не входила в Гоминьдан. К тому времени коммунисты организовали ряд вооруженных выступлений против гоминьдановцев в ответ на их белый террор. В ночь с 31 июля на 1 августа 1927 года они подняли восстание в частях армии Чжан Факуя в Наньчане. Руководил восставшими знакомый нам коммунист Чжоу Эньлай, бывший начальник политотделов Вампу и 1-го корпуса НРА. Одним же из военных организаторов был талантливый полководец 43-летний Чжу Дэ, член компартии с 1922 года, выходец из сычуаньских *хакка* («гостей»; как мы помним, это были патронимии, переселившиеся в южные провинции с севера много веков назад, но так и не ассимилировавшиеся с местным населением). Повстанцы, насчитывавшие двадцать с лишним тысяч солдат и офицеров, разграбив город, на третий день ушли из него в направлении Гуандуна, чтобы там провозгласить новое революционное правительство. Но в конце сентября — начале октября потерпели сокрушительное поражение в районе порта Сватоу (восточный Гуандун), куда специально прибыли для того, чтобы получить оружие из СССР, которое большевики послали морем из Владивостока. В начале же сентября 1927 года в северо-восточной Хунани один из основателей компартии 34-летний Мао Цзэдун организовал вооруженное выступление пауперов, беднейших крестьян, солдат и шахтеров, тоже окончившееся неудачей. Чан знал Мао с середины 1920-х годов, с тех пор как Сунь Ятсен на I съезде Гоминьдана сделал Мао, снискавшего к тому времени широкую известность в Китае как талантливый пропагандист и организатор, кандидатом в члены Центрального исполкома ГМД.

И Мао, и Чжу отступили в конце концов в один и тот же высокогорный район Цзинган (в переводе «Колодцы и хребты») на границе провинций Хунань и Цзянси. Здесь был создан первый Советский район. Между тем в

декабре 1927 года коммунисты под командованием Чжан Тайлэя, бывшего переводчика Маринга, ездившего осенью 1923 года вместе с Чан Кайши в Москву, и представителя Коминтерна немецкого коммуниста Гейнца Неймана (подпольная кличка — Мориц) организовали вооруженное восстание в Кантоне. Оно тоже не увенчалось успехом. Несколько советских работников, вовлеченных в его организацию, были арестованы и казнены. Погиб и Чжан Тайлэй.

Белый террор и авантюристическая политика восстаний вообще дорого обошлись компартии. К концу 1927 года она потеряла около четырех пятых своего состава: общая численность КПК сократилась с почти пятидесяти восьми тысяч до десяти тысяч человек.

В этих условиях не только Мао и Чжу, но и многие другие коммунисты вынуждены были отступить в деревню, где в труднодоступных районах развернули новую борьбу под продиктованными им из Москвы лозунгами Советов. Там они стали отбирать землю у всех имущих, в том числе обычных крестьян, деля ее в уравнительном порядке между всеми местными жителями, включая пауперов и люмпенов. Понятно, что такой черный передел настроил против них значительную часть крестьянства, зато получил поддержку наиболее радикальных слоев общества — люмпенов, пауперов и членов неимущих деревенских кланов *хакка*. Именно за счет этих групп партизанская армия КПК да и сама компартия стали вновь расти.

В начале 1929 года Мао и Чжу во главе своих войск покинули разоренный ими район Цзинган и, проблуждав год по территории Цзянси, где, как и в Цзингане, занимались грабежами и убийствами, в октябре 1930 года осели на стыке провинций Цзянси, Фуцзянь и Гуандун. Эта территория неформально именовалась в Китае «страной *хакка*», так как была наиболее густо заселена этими пришлыми людьми. Из этого района, получившего название Центральный советский (ЦСР), они стали совершать набеги на соседние уезды, мелкие города и поселки южной Цзянси и западной Фуцзяни.

Грабежами и убийствами занимались и другие коммунисты — в провинциях Аньхой, Хубэй, Гуаней и Гуандун. В компартии отчетливо наблюдалась тенденция, выражавшаяся в лозунге: «Только убийства и только поджоги», так что уничтожение «эксплуататорских элементов» и «поджоги городов» превратились в своего рода «мобилизационный призыв». Восстание коммунистов разгоралось в деревнях, как «огонь в степи». В 1927–1930 годах помимо ЦСР были организованы Советы в западных частях Хубэя и Хунани, в Хунань-Хубэй-Цзянсийском и Хубэй-

Хэнань-Аньхойском районах, в северо-западной Гуаней и западной Фуцзяни. Общая численность китайской Красной армии составляла около пятидесяти четырех тысяч человек.

Центральное руководство КПК, однако, работало в подполье в Шанхае. Во главе партии уже давно стоял не Чэнь Дусю, на которого Сталин свалил большую часть вины за поражение КПК летом 1927 года, а другие люди. С лета 1928 года — известный вождь рабочего движения пятидесятилетний Сян Чжунфа, бывший судостроительный рабочий, и сравнительно молодые интеллектуалы Ли Лисань и Чжоу Эньлай (обоим в 1930 году было около тридцати лет).

По-прежнему основные финансовые потоки в компартию шли из Москвы. К 1930 году счет шел на миллионы золотых рублей и долларов. В этих условиях, как и прежде, лидеры КПК должны были внимательно прислушиваться к указаниям московских боссов. И когда 10-й пленум Исполкома Коминтерна (июль 1929 года) ясно указал на «симптомы нового революционного подъема» в мире, начали готовиться к захвату власти в стране.

И тут вдруг в конце октября 1929 года произошло крушение Нью-Йоркской биржи, которое резко обострило ситуацию. Многим коммунистам в Китае да и в Москве тогда показалось, что предрекавшийся Марксом и Лениным неизбежный крах мирового капитализма начал стремительно приближаться.

Самым непосредственным образом экономический кризис сказался на китайской экономике, хотя и не так сильно, как на экономиках развитых стран. Особенно большое влияние оказали скачки в стоимости серебра на мировом рынке, поскольку китайская денежная система базировалась на серебряном стандарте — в отличие от подавляющего большинства стран, за исключением Мексики и Гонконга. И так как в 1929–1931 годах стоимость серебра на мировом рынке резко падала, китайский доллар стремительно обесценивался. Только в течение 1930 года серебро подешевело почти на 40 процентов: с 21 и $\frac{5}{8}$ пенса за унцию до 14 с половиной. И в результате если в сентябре 1930 года за золотой американский доллар давали 3,6 китайского, то в начале июня 1931 года — уже 4,7. Из-за этого на 12 процентов сократились таможенные поступления, а оборот внешней торговли — минимум на 33. Дефицит же бюджета составил 143 миллиона китайских долларов. Катастрофически взвинтились цены: если в начале сентября 1929 года пикуль ^[42] риса стоил 15 с половиной китайских долларов, то в июне 1930 года — уже 21–23. Возросло имущественное

неравенство. И все это на фоне дальнейшего обострения борьбы различных олигархических группировок и новых войн.

11 июня 1930 года вожди КПК приняли постановление «О новом революционном подъеме и победе первоначально в одной или нескольких провинциях». Написано оно было Ли Лисанем и ориентировало коммунистов на развертывание немедленной революционной борьбы за власть путем захвата крупных городов в Китае. Лидеры компартии, конечно, ошиблись в своих расчетах; партизанские отряды, штурмовавшие города, потерпели поражение. Но эта новая война заставила Чана, который и так прилагал усилия для сохранения единства страны, вплотную заняться окончательным решением коммунистического вопроса.

Одержав победу в длительной войне против маршала Фэн Юйсяна и хозяина провинции Шаньси — Янь Сишаня, Чан в октябре — декабре 1930 года развернул мощное наступление на советские районы в Цзянси. Военная операция, осуществлявшаяся силами 9-го корпуса НРА и приданных ему дополнительных формирований общей численностью в 100 тысяч штыков, получила название «первого антикоммунистического похода» или «первого похода по искоренению бандитов». Командовал войсками губернатор Цзянси — генерал Лу Дипин. Но гоминьдановцы проиграли. Мао и Чжу применили тактику, которая впоследствии получит название «народной войны». Мао выразил ее в яркой формуле: «Враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем». Победа была впечатляющей: армия Мао уничтожила более 15 тысяч солдат и офицеров противника.

Вслед за первым карательным походом войскам Мао удалось отразить и два последующих, организованных Чан Кайши соответственно в апреле — мае и июле — сентябре 1931 года, несмотря на то что Чан бросал против «террористов» лучшие силы. Второй поход возглавлял лично новый министр обороны, генерал Хэ Инцин, очень близкий к Чану человек. А третий — сам Чан. И все безрезультатно. Жестокая затяжная война с коммунистами становилась реальностью, превращаясь в главное дело Чана.

Современник писал: «К 1931 году коммунизм в Китае приобрел статус национальной проблемы». 22 июля 1931 года Чан повторил в дневнике то, что уже написал в «Чжунъян жибао» полтора года назад: «До того как мы начнем сражаться с внешним врагом, надо установить мир внутри страны». На этот раз он имел уже в виду не усмирение Фэн Юйсяна и других раскольников-милитаристов, а коммунистов. На следующий день он заявил об этом в обращении к нации.

Непосредственное участие в планировании карательных походов против Мао принимал главный военный советник Чана генерал Ветцель, но и он ничего не мог поделать с коммунистами. Раздраженный, он стал срывать зло на китайских генералах, резко критикуя их за неумение вести боевые действия. В итоге он настроил против себя всех, в том числе Чана, который стал искать ему замену. И в марте 1932 года нашел ее в лице отставного генерал-полковника Ханса фон Секта, в 1920–1926 годах командовавшего сухопутными войсками рейхсвера. Сект, которому в апреле 1932 года исполнилось 66 лет, был приглашен в Китай и через год, в мае 1933 года (уже после прихода к власти Гитлера 30 января того же года), прибыл в Шанхай, а затем и в Нанкин, где в течение четырех дней беседовал с Чан Кайши, который пришел от него в восторг. Сект был тактичен, но тверд: он заявил Чану, что армия является основой власти и что ее эффективность зависит не от численности, а от квалификации ее солдат и в особенности офицеров. Чан со всем согласился, и Сект был принят в Нанкине, по его собственным словам, как «военный Конфуций, мудрый учитель».

В ноябре 1933 года Сект дал согласие стать главным военным советником Чана и в апреле следующего года вступил в должность, сменив Ветцеля. Первое, что он сделал, это сократил группу советников до сорока пяти человек (через год, правда, их число возросло до шестидесяти одного), оставив в ней только лучших. А затем расширил связи с германскими промышленниками, добившись увеличения поставок немецкого вооружения в Китай в обмен на китайское сырье.

Немцы не могли конкурировать только на рынке авиационной техники. Здесь главными партнерами Чана стали американцы и итальянцы. В 1933 году Муссолини даже послал в Китай группу из сорока военных советников, ста инженеров и механиков во главе с генералом Роберто Лорди, один из членов которой, генерал Сильвио Скарони, организовал летную школу в Лояне (провинция Хэнань). В 1933 году в Цзянси недалеко от Наньчана был построен авиационный завод, а также аэродром, на котором базировались десять самолетов (в том числе личный бомбардировщик Чан Кайши — трехмоторный «форд»). За год до того, в 1932-м, американцы открыли авиационную школу в Ханчжоу.

В то же время Чан Кайши усилил антикоммунистический террор в городах. По приказу Чана его «кровный племянник» Чэнь Лифу организовал специальный сектор в рамках организационного отдела ЦИК Гоминьдана — своего рода аналог ОГПУ, занявшийся выявлением коммунистов. Но этого Чану было мало. Придавая особое значение работе

спецслужб, он организовал еще один орган такого рода — внутри национального правительства. Его возглавил некто Дай Ли, еще один земляк Чана из провинции Чжэцзян, сравнительно молодой человек (он родился в 1897 году, то есть был старше Чэнь Лифу всего на три года). Чан хотел, чтобы спецслужбы конкурировали между собой — в этом вообще заключался его стиль руководства: как и другие диктаторы, он любил стравливать подчиненных друг с другом и, давая им аналогичные задачи и балансируя между соперничавшими фракциями, сохранять в своих руках высшую власть. Чэнь Лифу, однако, это не смутило. «Мы будем выполнять свою работу так, как будто мы две пары глаз и ушей Чана, — объяснил он своим сотрудникам необходимость двух аналогичных ведомств. — Чану нужны две пары глаз и ушей, чтобы отсеивать неверную информацию».

В результате деятельности Чэнь Лифу и Дай Ли многие видные коммунисты оказались за решеткой. *«Кошмарное положение с провалами, провокация за провокацией, провал за провалом»*, — доносил в Москву советский разведчик. (Выделено в документе. — А. П.) 24 апреля 1931 года в Ханькоу был арестован кандидат в члены Политбюро ЦК китайской компартии Гу Шуньчжан, заведовавший секретным (он же специальный) сектором ЦК. В функции его департамента входила организация красного террора в контролировавшихся гоминьдановским правительством городах. Испугавшись расстрела, он выдал полиции все адреса и явки Политбюро ЦК, цзянсуского и хубэйского комитетов партии. В мае — июле было арестовано более трех тысяч китайских коммунистов, многие из которых — расстреляны. Только чудом удалось избежать ареста Чжоу Эньлао, одному из вождей КПК. А вот генеральному секретарю ЦК Сян Чжунфа не повезло. Его схватили, и он, не выдержав пыток, в свою очередь дал показания. Это, правда, не спасло ему жизнь: коммуниста такой величины, даже сломленного, гоминьдановцы предпочли казнить.

С начала 1930-х годов с гоминьдановскими спецслужбами начали активно сотрудничать власти международных селтльментов. В 1931 году было заключено соглашение, по которому полицейские агенты Гоминьдана могли свободно входить на территорию концессий в Шанхае и производить аресты находившихся там по разным причинам китайцев. Перестала либеральничать и полиция селтльментов, так что теперь не только китайским, но и зарубежным коммунистам негде было укрыться. В связи с предательством Гу Шуньчжана за решеткой в середине июня 1931 года оказались двое сотрудников Отдела международной связи (ОМС) Исполкома Коминтерна, супруги Яков Матвеевич Рудник и Татьяна Николаевна Моисеенко-Великая. Вместе с трехгодовалым сыном Дмитрием

(Джимми) они жили в Шанхае под видом супружеской четы Нуленсов. Именно через Рудника и Моисеенко-Великую Коминтерн снабжал ЦК компартии деньгами, поступавшими на счета подставной компании «Метрополитен трейдинг К°». Их арест подорвал финансовое обеспечение КПК, городские организации которой в основном по-прежнему опирались на коминтерновские дотации.

Между тем весной 1931 года вновь обострились отношения между Чан Кайши и представителями внутригоминьдановской оппозиции. Поводом послужило то, что 28 февраля Чан в своем доме взял под стражу Ху Ханьмина, заманив его к себе на обед. Ху вызвал раздражение генералиссимуса тем, что резко высказался против его планов созыва Национального собрания, некоего подобия парламента, для принятия Временной конституции Китайской Республики, которая должна была дать Чану дополнительные права: назначать председателей палат и всех министров. Национальное собрание, членство в котором получили бы как члены Гоминьдана, так и беспартийные, продемонстрировало бы «народную поддержку» чанкайшистскому режиму, явившись первым шагом в подготовке к переходу от периода политической опеки к конституционному правлению. На принятии Временной конституции настаивали противники Чана — Ван Цзинвэй, Янь Сишань и Фэн Юйсян, так что со стороны Чана созыв Национального собрания являлся довольно искусным маневром по нейтрализации оппозиции.

Однако Ху считал момент для созыва собрания неподходящим, так как период политической опеки еще не закончился. В суть тактических игр Чан Кайши он входить не желал, и Чан, как это с ним не раз бывало, вспылал. Он стал орать, но и Ху в ответ повысил голос, после чего один из учеников Сунь Ятсена арестовал другого его ученика.

На следующий день, 29 февраля, Ху, старый член Гоминьдана, был перевезен в горы Таншань и посажен под домашний арест в одной из резиденций Чана. Глава Гоминьдана, уставший от оппозиции, не мог простить непослушания даже ему, главе Законодательной палаты! И это понятно: лидер партии, которая под лозунгом «политической опеки» установила свою диктатуру в стране, не мог руководить этой партией иначе как диктаторскими методами. Его учитель, Сунь Ятсен, тоже, как мы помним, демократом не был, а к началу 1930-х годов об эффективности тотальной власти вождя говорил не только советский опыт, но уже и итальянский, турецкий, венгерский и польский. Более того, идея вождизма все более овладевала массами и в Германии. Вот что по этому поводу говорил сам Чан: «Следует осознать, что теоретически ни один член

революционной партии не может наслаждаться в своих делах абсолютной свободой... <Лишь> несколько вождей пользуются личной свободой в широком смысле этого слова. Мы стремимся не к свободе личности, а к свободе страны и нации. Если люди будут настаивать на полной свободе для себя, то <нашей> нации будет почти невозможно достичь желаемого равенства с другими нациями... Революционер подчинен дисциплине и предписаниям. Он должен подчиняться приказам партии и соблюдать законы. На нем... лежит тяжелая обязанность жертвовать своей свободой ради революции».

Но арест главы Законодательной палаты привел к противоположным результатам, чем те, на которые Чан надеялся. Четверо заслуженных соратников Сунь Ятсена, членов Центральной контрольной комиссии Гоминьдана, потребовали отставки Чана. В мае в Кантоне в ответ на произвол Чан Кайши произошел новый переворот, и вскоре старый враг Чана, Ван Цзинвэй, созвал в этом городе так называемую чрезвычайную сессию ЦИК Гоминьдана, а затем сформировал сепаратистское «национальное» правительство, в которое, помимо него, вошли такие знакомые нам деятели ГМД, как генералы Ли Цзунжэнь и Тан Шэнчжи, а также сын Сунь Ятсена от первого брака — Сунь Фо, решительный мужчина лет сорока, хорошо образованный, но, «как и многие сыновья знаменитых отцов, не блиставший одаренностью». Вновь разгорелся военный конфликт: летом 1931 года Чан двинул против кантонских мятежников войска. В начале июня он исключил из партии сына Сунь Ятсена, наряду с некоторыми другими старыми гоминьдановцами, поддержавшими Кантон.

Между тем Национальное собрание было созвано. В его заседаниях, проходивших в новом актовом зале Нанкинского государственного центрального университета с 5 по 17 мая 1931 года, участвовало 447 делегатов, в том числе Панчен-лама, конфликтовавший тогда с Далай-ламой, а потому живший в Китае. Из общего числа делегатов только сорок четыре представляли ЦИК Гоминьдана и национальное правительство. При открытии собрания Чан заявил, что китайская нация отвергает современные политические теории, такие как фашизм, коммунизм и либеральную демократию, стремясь выработать собственную политическую систему, основанную на древних традициях и законах. Как и следовало ожидать, он получил полную поддержку «народа». 12 мая Национальное собрание приняло «Временную конституцию на период политической опеки», утверждавшую исключительное право членов Гоминьдана править страной и политически воспитывать население.

Но Чана ждали новые испытания. Проблемы, связанные с гражданской войной 1931 года, усугубились катастрофическим наводнением в Центральном и Восточном Китае из-за обильных ливней и мощного муссона, вызвавших подъем воды в тысячах рек и озер, в том числе в Янцзы. Затопленной оказалась территория, равная по размеру Англии с половиной Шотландии. Без крова и средств к существованию остались не менее пятидесяти трех миллионов человек! В конце июля затопленным оказался весь город Ухань, в результате чего 300 тысяч горожан лишились жилья. Да и половина самой столицы была затоплена. Журналист, посетивший в то время Нанкин, вспоминает: «Она <застоявшаяся вода на улицах> воняла. В этой воде плавали трупы. Я остановился в старом отеле «Бридж Хаус», нижний этаж которого был под водой... В болотных лужах роились москиты, везде ползали жирные падальные мухи».

В довершение всего в конце 1931 года из-за того, что Англия и Япония перешли на серебряный стандарт, курс китайского доллара вырос на 90 процентов. Но так как китайская экономика была привязана к дешевому импорту, это в свою очередь оказало негативное влияние на экономику, приведя к рецессии. Стали закрываться промышленные предприятия и торговые лавки, резко возросла безработица. По некоторым данным, в 1931 году в Китае насчитывалось 70 миллионов безработных, в Шанхае почти каждый третий из трех с половиной миллионов жителей был безработным, а в Нанкине, Бэйпине, Тяньцзине и Циндао около половины трудоспособного населения не имели средств к существованию.

Приходится только удивляться, как в такой ситуации, не имея ни одного дня мира, Чан Кайши и его правительству удавалось заниматься чем-либо, кроме войны, стихийных бедствий, экономического кризиса и борьбы на международной арене за успешное завершение национальной революции. А ведь уже в октябре 1929 года Чан принял закон о профсоюзах, разрешивший рабочим объединяться в профессиональные союзы для «обеспечения и улучшения условий труда и жизни», а в декабре того же года — Фабричный закон, вводивший восьмичасовой рабочий день и запрещавший детский труд.

Вообще, как это ни покажется странным, но именно Гоминьдан, а отнюдь не компартию, следовало в то время считать рабочей партией в Китае, и не только потому, что Чан Кайши стремился удовлетворить основные интересы лиц наемного труда, но и по социальному составу этой организации. В 1929 году наибольший процент членов Гоминьдана составляли рабочие: 29 процентов. Немало насчитывалось и представителей интеллигенции — 25,7 процента и военных — 23; чуть

меньше — студентов — 10,5, в то время как крестьян и торговцев — соответственно 7,5 и 4,3 процента. В КПК же тогда подавляющее большинство составляли крестьяне, а также деревенские люмпены и пауперы: их было до 80 процентов. Рабочих же насчитывалось, по разным сведениям, всего от двух до семи процентов.

Реальную помощь чанкайшистское правительство старалось оказывать и сельским труженикам. 28 июля 1928 года, например, гоминьдановцы приняли закон о конфискации земли, согласно которому государство имело право конфисковывать за выкуп частные земли «для осуществления проектов, имеющих общественное значение, а также для уравнительного распределения земли с целью развития сельского хозяйства и улучшения условий жизни крестьянства». 24 января 1929 года были приняты правила оказания помощи сельским жителям по проведению ирригационных работ для защиты от наводнений, а через год — закон о реках, предусматривавшие частичное возмещение населению ущерба в случае стихийных бедствий. Наконец, 30 июня 1930 года был принят Земельный закон, который снижал арендную плату до 37,5 процента. Это была уже настоящая революция, так как в то время во многих местах арендная плата достигала 60–70 процентов. Закон исходил из основных принципов аграрной политики Гоминьдана. Никому не разрешалось собирать ни налоги, ни арендную плату вперед. С февраля 1928 года по инициативе Чан Кайши стали предприниматься меры по развитию кооперативного движения среди крестьянства. Важным событием явилось принятие в декабре 1930 года закона о крестьянских союзах, по которому крестьяне-труженики получали право создавать организации, основанные на принципах взаимопомощи. Через три года был открыт Китайский крестьянский банк с основным капиталом в четыре миллиона китайских долларов, который стал предоставлять крестьянам дешевые кредиты.

Конечно, многие из этих законов оставались на бумаге, так как у Чана не доставало сил заставить крупных землевладельцев и милитаристов их исполнять. Тем не менее нельзя не видеть, что Чан Кайши пытался делать все возможное, чтобы пусть и постепенно, но проводить в жизнь суньятсеновский принцип «народного благосостояния».

Правительству Чан Кайши в начале 1930-х годов удалось принять меры по установлению государственного контроля над разведением шелкопряда и производством шелка, по стабилизации юаня, стандартизации налогов, мер и весов, внедрению централизованной системы высшего образования, разработке общенациональных правил вступительных экзаменов в вузы и даже приступить к строительству новых

дорог.

К 1932 году полностью преобразился Нанкин. Очевидец, посетивший этот город спустя пять лет после захвата его гоминьдановцами, записал в дневнике: «Я почти потерялась в новых незнакомых улицах с пешеходными дорожками — что-то новое под солнцем в Китае. Бесчисленное количество новых жилых домов и предприятий всех сортов построены менее чем за год, и в городских районах, ранее использовавшихся под огороды, по склонам холмов и пустырям проложены оживленные городские улицы... Наша мечта о водопроводной воде и отлаженной системе канализации становится реальностью... В прошлом году был завершен грандиозный стадион — как раз ко времени открытия в октябре Дальневосточных олимпийских игр^[43] — игр, которые пришлось отменить из-за маньчжурской проблемы и угрозы войны».

Вместе с тем за четыре года (1928–1931) Чану так и не удалось установить свою диктатуру ни в партии, ни в стране. Хорош диктатор, если его оппоненты то и дело бросают в бой против него целые армии, а потерпев поражение, возрождаются как феникс из пепла! 1931 год был просто критическим: победить кантонцев Чану так и не удалось. Не смог он разбить и Мао Цзэдуна, а в Шанхае в глубоком подполье продолжали функционировать ЦК КПК и представительство Коминтерна. Страна фактически так и не была объединена.

И тут, в самый трудный момент, 18 сентября 1931 года в Северо-Восточный Китай вторглись японские войска. К концу осени под властью Японии оказалась вся Маньчжурия. Поистине Небо ополчилось на Чана, но сломить этого человека было не так-то просто. Он всегда помнил слова Конфуция: «Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, проявляет стойкость, маленький же человек в безвыходном положении становится безрассудным».

«За новую жизнь!»

В начале 1930-х годов Китай не мог сопротивляться такой мощной стране, как Япония, обладавшей современными вооруженными силами. Он, как мы знаем, был по-прежнему неразвит в индустриальном отношении, а его армия не имела достаточного количества новейшего вооружения, да к тому же ни Гоминьдан, ни Китай не были едиными. В данной ситуации безрассудный лидер мог привести народ к катастрофе. К тому же следовало принимать во внимание, что китайцы сами в какой-то степени несли ответственность за то, что произошло в Маньчжурии. С 1907 года китайские патриоты то и дело в отношениях с японцами прибегали к методам экономического бойкота: к началу 1930-х годов в стране прошло уже восемь общенациональных кампаний по бойкоту японских товаров. Наиболее мощными были кампании 1915 года (в ответ на «21 требование», предъявленное Юань Шикаю японцами), 1919 года (в ответ на японскую позицию по вопросу о Циндао), 1925 года (в ответ на убийство японцем в Шанхае рабочего-коммуниста) и 1928–1929 годов (в ответ на бойню в Цзинани).

Нельзя сказать, что китайцы бойкотировали только японские товары: в 1905 году широко бойкотировались американские, а в 1909 и 1925–1927 годах — английские предметы торговли. Но все же чаще бойкот был направлен именно против японцев. Большинство китайцев просто не могли смириться с тем, что их страну эксплуатировали какие-то «карлики», которых они испокон веку считали людьми «второго сорта», поскольку японцы, начавшие создавать свою цивилизацию только в VI веке н. э., очень многое (принципы государственного строительства, письменность, философию) заимствовали из Императорского Китая.

В июле 1931 года начался новый бойкот японских товаров — когда в Китае узнали о китайских погромах в Корее (в течение десяти дней корейцы, поощряемые японцами, в разных городах полуострова громили китайские лавки и рестораны, 143 китайских торговца были убиты, 343 ранены, а 72 пропали без вести).

Корея была тогда японской колонией, так что японцы, конечно, несли ответственность за эту резню, однако момент для бойкота был не самый удачный. Япония, как и все индустриальные страны, тяжело переживала депрессию: с 1929 по 1931 год японский экспорт сократился в два раза, валовый национальный продукт (ВНП) упал на 18 процентов, а

капитальные вложения уменьшились на одну треть; повсюду шли сокращения, более миллиона человек пополнили ряды безработных, многие мелкие компании разорились; из-за резкого падения цен на шелк и рис немало японских крестьян превратились в пауперов; кроме того, в 1931 году на севере Японии из-за неурожая начался голод. А тут еще бойкот японских товаров!

Особенно японцев возмущало то, что эта новая китайская «экономическая война» не была стихийной: бойкот целенаправленно организовывало и направляло руководство Гоминьдана, придерживавшееся отныне принципов революционной дипломатии и проводившее политику импортозамещения, причем исключительно в отношении японских товаров. Английский и американский импорт Чан и его окружение приветствовали: в нанкинском правительстве доминировала проамериканская фракция во главе с родственниками Чана — Сун Мэйлин, Т. В. Суном и Кун Сянси, а также министром иностранных дел Ван Чжэнтингом.

Бойкоту 1931 года предшествовал и ряд других «недружественных», с точки зрения японцев, мер нанкинского правительства. 1 февраля 1931 года в Китае был введен протекционистский налог на ввозимые из-за границы (в основном из Японии) хлопчатобумажные пряжу и ткани, а затем повышены налоги на продукцию иностранных предприятий, работавших на китайской территории (большинство их тоже были японскими). Более того, все товары, поступавшие на китайский рынок из маньчжурского города Дайрени (Даляня), находившегося под японской оккупацией с 1905 года, также стали облагаться повышенным налогом как товары «иностранного производства».

Японцы, проживавшие в Маньчжурии (а их насчитывалось около 200 тысяч, из них почти половина — женщины), испытывали все возрастающее волнение по поводу своей безопасности. Ведь они жили среди китайского и маньчжурского населения, которое в начале 1930-х годов составляло на северо-востоке Китая 30 миллионов человек. К тому же экономическая депрессия сильно ударила по маньчжурским японцам. На принадлежавшей японскому капиталу Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД) начались массовые увольнения, а мелкие и средние японские предприниматели стали разоряться.

Особенно напугало маньчжурских японцев заявление китайского МИД от 4 мая 1931 года, в котором говорилось, что китайское правительство, продолжая борьбу за равноправие на международной арене, с 1 января 1932 года в одностороннем порядке отменяет право экстерриториальности и

консульской юрисдикции иностранцев, после чего собирается вернуть Китаю все иностранные селтльменты, арендованные территории и построенные иностранцами железные дороги (в том числе ЮМЖД), а также запретить иностранцам плавать в прибрежных и внутренних водах Китая. На следующий день, 5 мая, в годовщину вступления Сунь Ятсена в 1921 году в Кантоне в должность «чрезвычайного президента Китайской Республики», аналогичное заявление сделал сам Чан Кайши, открывая Национальное собрание.

Офицеры Квантунской армии, большинство которых являлись выходцами из крестьян и городских предпринимательских слоев Японии, тяжело переживали вести об экономическом кризисе на родине. Резко негативно реагировали они и на то, что японское правительство партии Минсэйто (конституционных демократов), пришедшее к власти в результате выборов 1930 года, стремилось наладить дружеские отношения с Китаем. С точки зрения Квантунских офицеров, это было предательством интересов маньчжурских японцев, к которым партия Минсэйто относилась как к «пасынкам и падчерицам». Кроме того, их негодование вызывали планы Минсэйто сократить финансирование вооруженных сил.

Группа офицеров Квантунской армии решила вмешаться в ситуацию. Как и их предшественники в 1928 году, они действовали на свой страх и риск, идя на прямое нарушение дисциплины. 18 сентября 1931 года несколько офицеров явились на шэньянский вокзал, куда в час дня прибывал поезд с посланцем министра обороны Японии генералом Татэкава, ехавшим в город с приказом, запрещающим Квантунской армии предпринимать какие-либо действия против китайской стороны. Офицеры затащили Татэкаву в ресторан, напоили и оставили на попечение японских гейш^[44]. И в итоге генерал не смог вовремя передать приказ командованию армии, и пока он нежился в объятиях красивых женщин, в 22 часа 20 минут несколько японских офицеров подорвали, правда несильно, полотно ЮМЖД на северной окраине Шэньяна^[45]. Тут же командование Квантунской армии обвинило в этой «страшной диверсии» китайцев, после чего японские солдаты атаковали шэньянский гарнизон и к утру следующего дня, поддержанные японской молодежью Шэньяна, объединившейся в военизированные группы, захватили весь город. Одновременно был захвачен и Чанчунь, столица маньчжурской провинции Цзилинь.

Чан Кайши, находившийся в Наньчане — столице провинции Цзянси, где руководил третьим карательным походом против коммунистов, был

потрясен, несмотря на то что знал о готовившихся японских провокациях. «Вчера вечером бандиты-карлики безо всякой причины атаковали шэньянский арсенал, а через пятнадцать минут я получил известие о том, что они захватили наши <города> Шэньян и Чанчунь, — записал он в дневнике 19 сентября 1931 года. — Они хотят воспользоваться предательским переворотом в Гуандуне, чтобы расколоть страну и захватить северо-восточные провинции. Внутренняя смута не прекращается, у предателей в сердце совершенно нет жалости к страдающей стране, а у народа нет чувства патриотизма, общество не организовано, а правительство не окрепло. Если говорить об этом народе, то он совсем не живет по законам современного мира, а ситуация усугубляется естественными катаклизмами и бедами, приносимыми бандитами. Единственное, кому я верю, это своему сердцу, любящему мою страну. В этот момент я ясно осознаю, что кризис вот-вот наступит, и единственное, что мне остается, это служить <родине> всеми силами до последнего дня жизни».

Чан выступил с обращением к нации, призвав народ сплотиться вокруг правительства. «У всех нас один Китай и одна программа национального возрождения», — заявил он.

Хозяин Маньчжурии, Молодой маршал Чжан Сюэлян во время этих событий находился в Бэйпине. Именно 18 сентября он выписался из клиники Рокфеллера, где долго лечился от наркозависимости, осложненной тифом. Вечером он заехал в театр послушать пекинскую оперу, в которой главную женскую партию исполнял великий актер Мэй Ланьфан^[46]. Известия о событиях в Шэньяне и Чанчуне, которые он получил поздно ночью, совершенно деморализовали его. А вскоре японцы нанесли его самолюбию новый удар: демонстративно прислали ему 417 ящиков с вещами из его шэньянской резиденции. Он связался с Чаном, не зная, что делать: основные части его армии находились тогда вне Маньчжурии, на севере Китая. Надо ли было идти на Шэньян и Чанчунь? Все взвесив, Чан приказал ему не оказывать сопротивления, надеясь уладить инцидент миром. 21 сентября его правительство направило протест в Лигу Наций, предприняв тем временем строжайшие меры для защиты японских подданных в Китае.

Одновременно Чан, несмотря на войну с китайскими коммунистами, стал прилагать усилия для нормализации отношений с СССР. Ему нужен был союзник, и Советский Союз как нельзя лучше подходил для этой роли: ведь японцы, оккупировав Маньчжурию, создали потенциальную угрозу и КВЖД, и самому СССР, и Чан понимал, что в своих геополитических

расчетах Сталин не мог этого не учитывать. Немцы, конечно, продолжали помогать Китаю, но только СССР, граничивший с Маньчжурией, мог вмешаться в конфликт — по крайней мере для того, чтобы защитить КВЖД, если бы японцы устроили на ней провокации. Конфликт Советского Союза с Японией был бы для Чана наилучшим выходом из ситуации. В сентябре 1931 года бывший советский консул в Дайрене (Даляне) Иван Иванович Шебеко (он же Журба, Шурба) написал во 2-й восточный отдел Наркомата иностранных дел: «Китайцы стараются вызвать признание (так в тексте. — А. П), что СССР введет войска на КВЖД, так как японское вторжение направлено и против СССР, и против Китая... Мнение о том, что СССР по самой природе своего положения должен в Маньчжурии каким-то образом противодействовать Японии, было и сейчас является преобладающим».

В двадцатых числах сентября 1931 года китайский директор КВЖД Мо Дэхуэй, по сути являвшийся полномочным представителем Чана в Москве, в беседах с заместителем наркома иностранных дел Караханом неоднократно пытался, прощупывая почву, поднимать вопросы взаимодействия Китая с СССР в деле противодействия японской агрессии.

Но Сталин стремился избежать конфликта с японцами. 20 сентября 1931 года советское Политбюро постановило: «Отложить принятие решений о дипломатических шагах <в отношении Китая> в связи с оккупацией японскими войсками Южной Маньчжурии и Мукдена <Шэньяна> до получения дополнительной информации». Сталин явно хотел, чтобы Чан хоть в чем-то пошел ему на уступки. Требовать прекращения войны с коммунистами было, конечно, несерьезно, так что 16 декабря 1931 года Сун Цинлин, работавшая, как мы знаем, на Коминтерн, по поручению московского руководства встретила с Чаном в Нанкине, предложив ему обменять его сына Цзинго на арестованных в Шанхае в середине июня 1931 года советских агентов, супругов Рудника и Моисеенко-Великую (Нуленсов).

В то время Цзян Цзинго учился в аспирантуре Международной ленинской школы в Москве. За год до того он окончил Военно-политическую академию имени Н. Г. Толмачева в Ленинграде, некоторое время работал слесарем на московском заводе «Динамо», затем участвовал в советской коллективизации. В 1930 году он вступил кандидатом в члены большевистской партии и, как один из десятитысячников-коммунистов, брошенных партией на подъем колхозного строительства, с мая по ноябрь 1931 года работал председателем колхоза имени Октябрьской революции в селе Коровино Московской области.

Чан Кайши скучал без Цзинго. С января 1931 года в его дневнике появляются грустные записи: «Я не знаю, как быть добрым к моим детям. Я сожалею об этом... Я очень скучаю о Цзинго. Я плохой человек, потому что не забочусь о нем». Но Чан повел себя так же, как через 12 лет Сталин, во время войны отказавшийся поменять сына Якова на фельдмаршала Паулюса. Даже несмотря на то что жена Мэйлин просила Чана согласиться на обмен, он отказал Сун Цинлин, сказав, что «передал бы обоих <Нуленсов> гражданскому суду, иначе он не смог бы поступить». «Мадам Сунь <Сун Цинлин> хотела освободить работников восточного отдела советской компартии, я же ей сказал, что их преступления уже полностью доказаны, но она настаивала, чтобы я их освободил, предлагая обменять их на Цзинго, — записал Чан в дневнике в тот же день. — Лучше уж я соглашусь на то, чтобы Цзинго не возвращался домой или чтобы его убили в Советской России, но никогда не обменяю преступников на собственного сына... Как же я могу... нарушить закон?»

Сун Цинлин была возмущена и вечером того же дня, 16 декабря 1931 года, по информации агента Коминтерна Карла Лессе (заменившего Нуленса), тайно встретила с советским военным разведчиком Рихардом Зорге. (Он жил в Китае под псевдонимом Джонсон, в Москве его знали под кодовым именем Рамзай; с ним она поддерживала связь со времени его приезда в Шанхай в январе 1930 года.) Во время встречи Сун Цинлин «потребовала 100 хороших коммунистов, которые должны были отправиться в Нанкин, она хотела достать для них оружие и сама хотела вывезти <супругов> Нуленс из тюрьмы в правительственной машине».

Из этой затеи ничего не вышло: 19 августа 1932 года Рудник (Нуленс) был приговорен к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением; пожизненный срок получила и его жена. Освободили их только через пять лет по амнистии, а в 1939 году они благополучно вернулись на родину.

Как все же трудно было Чан Кайши управлять страной, когда собственная свояченица, которую все в Китае звали «Матерью государства», поскольку она была вдовой «Отца государства» Сунь Ятсена^[47], занималась преступной деятельностью, сотрудничая с агентами IV (разведывательного) управления советской Красной армии, вооружая коммунистов и готовя побег государственных преступников! Причем в самый тяжелый для Китая момент.

Мира, на который надеялся Чан, не получилось. Антияпонское движение в Китае поднялось на новую ступень. Центром его стал Шанхай. В населенном японцами квартале, известном под названием «Маленькое

Токио», появились *дацзыбао* и *сяоцзыбао* (постеры, написанные большими и маленькими иероглифами): «Убей японца!», «Долой японский империализм!» Шанхайские студенты, захватив поезд, приехали в Нанкин, где атаковали здание МИД, требуя активных действий против Японии. Они схватили министра иностранных дел Ван Чжэнтин и чуть не убили его.

Но Чан сохранял хладнокровие. «Даже полторы тысячи студентов вашего университета, если будут едины, смогут победить японский империализм, — заявил он при посещении Центрального университета в Нанкине. — Но без единства ничего сделать не смогут и 400 миллионов человек». «<Мы> никогда не сдадимся и никогда не подпишем неравноправные договоры с Японией», — заверил он учащихся школы в родной деревне Сикоу. А своим ближайшим соратникам с горечью сказал: «Ответственность за революцию пала на мои плечи. Я знаю нас и наших врагов, и я не должен действовать безответственно, чтобы не разочаровать нашего Председателя <Сунь Ятсена> и наших павших героев, нашу страну и наш народ... Все, что я могу <сейчас> сделать, это сносить унижения и нести тяжелую ношу».

Однако студенты продолжали устраивать демонстрации и забастовки, требуя войны с Японией. В середине декабря 1931 года не менее 70 тысяч учащихся из различных районов страны, прибыв в Нанкин, атаковали ЦИК Гоминьдана, типографию партийной газеты «Чжунъян жибао» и другие правительственные учреждения.

Воспользовавшись ситуацией, кантонские путчисты во главе с Ван Цзинвэем заявили, что Чан продан японским «карлика», вновь потребовав его отставки. Ради объединения страны и Гоминьдана Чан вынужден был пойти на переговоры с Кантоном. Он освободил Ху Ханьминя, упросив его поехать к Вану. И при посредничестве Ху в октябре 1931 года представители разных фракций начали обсуждать выход из кризиса, собравшись в Шанхае в доме Сунь Фо, сына Сунь Ятсена. Во время переговоров Ху Ханьминь потребовал, чтобы Чан Кайши немедленно ушел в отставку и навсегда уехал из Китая. Чан отказался и возмущенный вернулся в Нанкин. «Я клянусь перед портретом доктора Сунь Ятсена, перед народом и страной, что я буду верен Временной конституции, даже если мне придется умереть за это», — заявил он.

Но компромисс надо было искать. И с 12 по 23 ноября 1931 года Чан провел в Нанкине IV съезд Гоминьдана, на котором было решено восстановить в партии всех исключенных в период с 4-го пленума ЦИК второго созыва (то есть с февраля 1928 года), включая Ван Цзинвэя, маршала Фэн Юйсяна и генералов Янь Сишаня, Ли Цзишэня и Ли*

Цзунжэня. В своей речи Чан объявил объединение партии единственным выходом из сложившейся критической ситуации. После этого был также создан Специальный комитет по японскому вопросу во главе с Дай Цзитао и министром обороны Хэ Инцинем. Кроме того, делегаты съезда, которых насчитывалось 381 человек, постановили считать 18 сентября Днем национальной скорби.

Почти одновременно в Кантоне (в ноябре — декабре) и в Шанхае (в начале декабря) Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй провели соответственно свои сепаратные IV съезды Гоминьдана. Как и на чанкайшистском съезде, там также были избраны Центральные исполнительные комитеты партии. В этих условиях, чтобы наконец объединить партию, Чан предложил противникам провести в Нанкине объединительный 1-й пленум всех трех ЦИК, но Сунь Фо от имени оппозиции 10 декабря поставил условием его отставку до 20 декабря.

Понимая, что дальше сопротивляться бесполезно, Чан Кайши 15 декабря принял решение в очередной раз уйти со всех постов. «Он просто создал себе слишком много врагов, а потому во второй раз был вынужден уйти со сцены, находясь на вершине власти», — вспоминал Чэнь Лифу. Вместе с женой Чан уехал в родную Сикоу.

В самом конце декабря 1931 года в Нанкине прошел 1-й пленум объединительного ЦИК. Чан на нем не присутствовал, но его все же заочно избрали одним из девяти членов Постоянного комитета Центрального исполкома Гоминьдана. По решению пленума во главе правительства встал Линь Сэнь, старый соратник Суня, а Исполнительную палату возглавил Сунь Фо.

Между тем в январе 1932 года создалась угроза Шанхаю: японские морские офицеры, проходившие службу на кораблях, крейсировавших по реке Янцзы, пытались повторить «подвиг» своих квантунских товарищей. Тем более что японское правительство, захваченное врасплох событиями 18 сентября, вынуждено было задним числом одобрить действия Квантунской армии, даже наградив участников событий. Одобрение выразил и командующий Квантунской армией, несмотря на то что офицеры действовали без его приказа.

В этой ситуации национальное правительство Китая на чрезвычайной сессии приняло решение просить Чан Кайши вернуться и возглавить страну. Линь Сэнь и Сунь Фо направили ему официальные приглашения. И даже глава кантонцев Ван Цзинвэй (находившийся тогда в госпитале в Шанхае) вновь понял, что без Чана, пользовавшегося авторитетом в войсках, не обойтись. Япония грозила полностью подчинить Китай, и надо

было готовиться к войне. Выйдя из госпиталя, Ван Цзинвэй отправился в Ханчжоу и на восточном берегу чудного озера Сиху, на вилле Чэнлу (той самой, где Чан после свадьбы провел несколько медовых дней с Мэйлин) 17 января 1932 года встретился с Чаном. Обсудив обстановку, они приняли компромиссное решение: Чан возвращается, чтобы вновь возглавить вооруженные силы, Ван заменяет Сунь Фо на посту главы Исполнительной палаты, а Сунь Фо становится председателем Законодательной палаты.

Вернувшись в Нанкин вечером 22 января, Чан сразу же встретился с ближайшими соратниками в своем доме, чтобы обсудить ситуацию. С октября 1929 года у него с Мэйлин была новая резиденция: специально выстроенный для них двухэтажный особняк европейской постройки из красного кирпича. Он находился рядом с Центральной пехотной военной школой, воссозданной на базе бывшей школы Вампу в марте 1928 года (ныне улица Хуанпу, дом 3). Чан любил этот дом, называя его *Цилу* (Хижина отдохновения), но Мэйлин предпочитала жить за городом. У них была дача в 28 километрах от Нанкина, у отрогов гор Таншань, возле горячих источников, — каменный особняк с небольшим двориком, засаженным магнолиями, — но она, правда, не слишком нравилась Мэйлин. Во-первых, находилась прямо в центре поселка Таншань (улица Вэньцюань, дом 3), соседствуя с другими дачами, а во-вторых, была очень маленькой: всего три комнаты на одном этаже да две каменные ванны в подвале. Дача была построена в 1920 году одним из потомков великого китайского поэта IV–V веков Тао Юаньмина, а потому именовалась *Таолу* (Хижина Тао). Чану и Мэйлин ее подарил на свадьбу «цикада Чжан», выкупивший ее у владельца. И Мэйлин, и Чан бывали там редко. В мае 1931 года в особняк по соседству с этой дачей был посажен под домашний арест Ху Ханьминь, остававшийся там до середины июля (после этого Чан перевел его в дом Кун Сянси, а в октябре 1931 года, как мы знаем, освободил в связи с японской агрессией в Маньчжурии). Новую дачу — роскошный дворец из желтого камня с колоннами в три этажа — Чан, поддавшись на уговоры Мэйлин, выстроит в 1934 году; он подарит этот дворец жене на день рождения. Расположенный недалеко от Мавзолея Сунь Ятсена, в лесу на отрогах Лилово-золотой горы, этот дом получит название «Дворец Мэйлин». Супруги переедут туда летом 1936 года.

Но это будет позже, а пока, 27 января 1932 года, Чан узнал, что адмирал Сиодзава, командующий японским флотом в районе Шанхая, предъявил мэру Шанхая ультиматум, требуя прекратить антияпонский бойкот. Поводом для ультиматума стало то, что накануне китайские хулиганы в рабочем районе города Чжабэе, расположенного на северном

берегу небольшой реки Усун (по-другому Сучжоу), избili нескольких японских монахов. И хотя мэр уже на следующий день принял требования адмирала и даже закрыл антияпонские организации, Сиодзава решил проучить китайцев. «Мне не нравится обстановка в Чжабэе, — заявил он корреспонденту «Нью-Йорк тайме». — В Чжабэйском районе Шанхая шестьсот тысяч агрессивных китайцев, и большинство из них настроены резко антияпонски в то время, как около шести тысяч беззащитных японских граждан имеют в Чжабэе дома и магазины».

В 11 часов вечера 28 января 1932 года Сиодзава отдал приказ штурмовать Чжабэй. Но, в отличие от Шэньяна, в Шанхае его моряки, высадившись на берег, встретили ожесточенное сопротивление. Его оказала 19-я китайская армия, переброшенная сюда из Гуандуна Ван Цзинвэем еще в конце 1930 года. Тогда Сиодзава в полночь с 28 на 29 января 1932 года отдал приказ разбомбить Чжабэй с воздуха. Это была первая в истории бомбардировка жилых городских кварталов. Самолеты летели низко, прицельно сбрасывая бомбы в толпы разбежавшихся в ужасе мирных жителей. Через несколько часов этой ковровой бомбардировки в Чжабэе не осталось ни одного целого здания, а тысячи людей были убиты и ранены; беженцы наводнили Международный сеттльмент. Но Сиодзаву, пятидесятилетнего адмирала «с самыми изысканными и мягкими манерами», это никоим образом не беспокоило. «Ваши американские газеты прозвали меня убийцей младенцев, — заметил он тому же корреспонденту «Нью-Йорк тайме» через четыре дня после начала операции. — Но им следовало бы похвалить меня. Я использовал всего лишь 15-килограммовые бомбы, а мог бы 250-килограммовые».

Через пять лет весь мир будет потрясен такой же ковровой бомбардировкой немецким «Легионом Кондор», одной из эскадрилий Люфтваффе, баскского города Герника. Благодаря знаменитой картине Пабло Пикассо («Герника», 1937) Гернику помнят до сих пор. Увы, о не менее жестокой бомбардировке Чжабэя мало кто вспоминает теперь за пределами Китая!

Чан Кайши послал на помощь 19-й армии свои лучшие войска — две дивизии 5-й армии, включая 1-ю образцовую дивизию, вышколенную немцами. «Надо идти на любые жертвы, чтобы помочь им, — написал он в приказе, — слава 19-й полевой армии — это слава Китая».

В то же время Чан, понимая, что его войска не победят японцев, срочно эвакуировался вместе с правительством в город Лоян (провинция Хэнань), где созвал совещание членов кабинета министров с военными. Было решено начать с японцами переговоры, чтобы урегулировать

ситуацию в Шанхае, исходя из установки, сформулированной главой Исполнительной палаты Ван Цзинвэем: «с одной стороны — сопротивление, с другой — переговоры». В этой формулировке важны были обе стороны: слабому Китаю нельзя было сопротивляться, не ведя переговоры, но и вести переговоры, не сопротивляясь, тоже было нельзя: в противном случае страна могла легко потерять независимость. Войска 19-й армии оказали сопротивление японцам, показав врагу, на что способны китайцы, теперь же решить вопрос должны были дипломаты. И они сделали это в мае 1932 года, добившись на переговорах того, что японцы вывели войска из Чжабэя. Правда, китайцы в свою очередь демилитаризировали весь Шанхай и его окрестности, что, конечно, либеральная общественность встретила в штыки. Дипломат, подписавший перемирие, позже был даже избит студентами и госпитализирован. А Чан вернулся в Нанкин лишь в декабре 1932 года.

Между тем 5 февраля 1932 года японцы захватили Харбин, а 18 февраля Маньчжурия, равная по территории одной шестой Соединенных Штатов, была провозглашена «независимой» от нанкинского правительства. 1 марта было объявлено о создании так называемого Маньжоу-Го (Государства Маньчжурия), а 9 марта «Верховным правителем» этого «государства» в Чанчуне — через шесть дней переименованном в Синьцзин (Новая столица) — японцы провозгласили последнего отпрыска Цинской династии Пу И (тайно вывезенного ими в Маньчжурию вместе с двумя женами из Тяньцзиня, где он проживал). (Через два года, 1 марта 1934-го, японцы переименовывают Маньжоу-Го в Маньжоу да диго («Великая империя маньчжуров»); императором «Великой империи» с девизом правления Кан-дэ («Спокойствие и добродетель») они провозгласят того же Пу И.)

Японское правительство всячески подчеркивало «независимость» Маньжоу-Го не только от Нанкина, но и от Токио, однако убедить в этом мировую общественность и победить китайскую дипломатию, настаивавшую на том, что Маньчжурия — неотъемлемая часть Китая, не могло. Лига Наций осудила агрессоров. Но Сталин весной 1932 года по сути признал северо-восток Китая «независимым», начав переговоры о продаже КВЖД новым властям Маньчжурии (а фактически — японцам)^[48]. Более того, он принял решение открыть в Благовещенске консульство Маньжоу-Го, одобрил замену китайских членов правления КВЖД на чиновников, назначенных правительством Маньжоу-Го, разрешил переброску по этой дороге японских войск и начал поставлять японцам авиационное топливо (договор был заключен на пять лет). Характерно, что

в советской Красной армии в то время проходил стажировку ряд японских офицеров, но их не только не вернули на родину, но и продлили с ними контракт еще на год. К постановлению же Лиги Наций по вопросу о японо-китайском конфликте Советский Союз не присоединился.

Вместе с тем Сталин согласился на восстановление дипломатических отношений с Китаем, опасаясь, что «сдержанность» в этом вопросе может толкнуть «нанкинцев в объятия Японии. Этот вопрос, — подчеркнул он, — как и вопрос о наших отношениях с Америкой, имеет прямое отношение к вопросу о нападении Японии на СССР. Если Япония благодаря нашей излишней сдержанности и грубости к китайцам заполучит в свое распоряжение нанкинцев и создаст единый фронт с ними, а от Америки получит нейтралитет, — нападение Японии на СССР будет ускорено и обеспечено. Поэтому сдержанность в отношении нанкинцев... не должна превращаться в грубость и отталкивание, не должна лишать их надежды на возможность сближения».

Однако Чан Кайши этого уже было мало. Судя по данным советской разведки, китайский генералиссимус в начале июня 1932 года стал проявлять не только заинтересованность в обмене послами с СССР, но и в одновременном заключении с Советским Союзом договора о ненападении. Этот договор нужен был для того, чтобы вынудить Сталина официально признать Маньчжурию частью Китая: ведь Маньчжурия должна была быть включена в состав той территории (Китайской Республики), о ненападении на которую советские руководители договаривались бы с Нанкином. 29 июня с официальным предложением заключить договор о ненападении к наркому иностранных дел СССР Максиму Максимовичу Литвинову обратился представитель Китая при Совете Лиги Наций Янь Хойцин. Но, как справедливо отмечали члены советского Политбюро Молотов и Каганович, этот договор мог бы затруднить установление «нужных нам <СССР> отношений с Манчжуго <Маньчжоу-Го>».

В общем, Сталин в то время на заключение пакта о ненападении не пошел, но дипломатические отношения с Китаем восстановил — 12 декабря 1932 года. В апреле 1933 года в Нанкин прибыл советский полпред, 42-летний Дмитрий Васильевич Богомолов, опытный дипломат (бывший полпред СССР в Польше, с 1929 по 1932 год работавший также в советском полпредстве в Лондоне). 2 мая он вручил верительные грамоты председателю нанкинского правительства Линь Сэню.

На первом же приеме в советском полпредстве 7 ноября 1933 года по случаю очередной годовщины Октябрьской революции присутствовали почти все руководители Гоминьдана (около 150 человек), в том числе Ван

Цзинвэй и свояк Чан Кайши — министр финансов Кун Сянси. Но самого Чана не было, вроде бы по уважительной причине: он находился с инспекционной поездкой в Чанше, столице Хунани. Однако именно в тот день, выступая перед гоминьдановским парламентом провинции, Чан похвалил собравшихся за то, что те «не только полностью очистили провинцию Хунань от бандитов, но и помогли соседним провинциям их искоренить». Под бандитами, разумеется, понимались коммунисты. Тем самым Чан ясно дал понять, что восстановление отношений с СССР не означает прекращение гражданской войны с китайской компартией.

Как видно, и Чан, и Сталин вели двойную игру. Стремясь восстановить союз с СССР в целях обуздания Японии, нанкинский лидер в то же время продолжал упорно сражаться с КПК, а московский вождь, соглашаясь развивать с Китаем дружеские дипломатические отношения, не только по-прежнему помогал китайской компартии, но и налаживал при возможности отношения с другими смертельными врагами Чана — с Маньчжоу-Го и Японией. В переписке с друзьями Сталин называл Чан Кайши мелким жуликом, но и сам был не лучше.

Оккупация Маньчжурии и вторжение в Шанхай ознаменовали лишь начало японской агрессии в Китае. Япония продолжила экспансию на севере Китая. В марте 1933 года войска микадо захватили граничившую с Маньчжурией с юга северокитайскую провинцию Жэхэ. Тогда же Япония вышла из Лиги Наций.

Да, трудно не согласиться с одним из биографов Чана: когда «вся страна кричала: «Даешь войну!», от лидера нации «требовалась сверхчеловеческая сила, чтобы проглотить великий позор. Но он <Чан> решил пойти наперекор всеобщему настроению, взвалив всю ответственность на свои... плечи». В мае 1933 года Чан Кайши пошел на новое перемирие с японцами, на этот раз в Северном Китае. Его делегация подписала унижительное соглашение в Тангу (небольшом городке недалеко от Тяньцзиня), согласившись на создание 100-километровой демилитаризованной зоны к югу от Китайской стены. Но фактически японские войска вплотную подошли к Бэйпину (на расстояние в 24 километра) и Тяньцзиню (58 километров), и ни для кого, в том числе Чана, не было секретом, что, невзирая на перемирие, японские аннексионистские планы простирались на весь Северный Китай.

Как бы унижительны ни были перемирия с японцами и как бы сильно они ни подрывали авторитет Чана в глазах патриотически настроенной общественности, нанкинскому правительству они дали необходимую

передышку для того, чтобы покончить с коммунистическим движением. 1 июня 1933 года Чан записал в дневнике: «Соглашение в Тангу по существу не имеет аналогов, его текст постыден, беспомощность <наших> представителей равносильна трусости на фронте, не могу преодолеть стыд. Но раз уж соглашение с врагом подписано, я не могу не нести <за это> личной ответственности».

Однако уже на следующий день он вновь переключил свое внимание на вопросы, связанные с противодействием компартии в Цзянси, где его 9-я дивизия только чудом избежала разгрома. Мальчиком же для битвы за позорное поражение в Жэхэ стал совершенно больной Молодой маршал, войска которого по-прежнему находились в Северном Китае, но не оказали сопротивление японцам. Несмотря на то что Чан сам по существу проводил политику умиротворения агрессора, он еще в марте 1933 года, свалив всю вину на наркомана, потребовал его отставки. Чжан Сюэлян подчинился, призвав своих солдат и офицеров следовать отныне приказам генералиссимуса и «единогласно поддерживать правительство». Сам же уехал в Шанхай, где вместе с двумя женами, тоже наркоманками, прошел новый интенсивный курс лечения от наркозависимости.

И вылечился! После чего со своим советником Уильямом Генри Дональдом, бывшим другом Сунь Ятсена, «удивительным австралийцем с красным лицом и песочного цвета волосами», на шесть месяцев уехал путешествовать в Европу. Там он не только отдыхал, но и искал возможных союзников против Японии. В Италии он вел переговоры с Муссолини, которым восхищался как выдающимся человеком. Встретиться с дуче ему помогла дочь Муссолини Эдда, любовница Чжана, которую он как-то очаровал в Шанхае, где ее муж граф Чиано ди Кортеллаццо, будущий министр иностранных дел Италии, работал генконсулом. Но милитаристская Япония не вызывала осуждения со стороны Муссолини. Тогда маршал Чжан съездил в Германию, где встретился с Гитлером и Герингом. Но и от них ничего не добился, после чего отправился во Францию, где пересекся с Литвиновым. Рассчитывая теперь получить помощь от коммунистов, он попросил Литвинова организовать ему поездку в Советский Союз, но получил отказ: Сталин по-прежнему не хотел осложнять отношения с Японией. (В феврале 1933 года советское правительство даже дало добро на открытие еще одного консульства Маньчжоу-Го на территории СССР — в Чите, советских же консульств в Маньчжоу-Го было уже пять^[49]. А 2 мая 1933 года Литвинов передал послу Японии в СССР предложение возобновить прерванные в прошлом году переговоры о продаже КВЖД Маньчжоу-Го, и 26 июня 1933 года в Токио

представитель СССР стал вновь обсуждать этот вопрос.)

Между тем борьба Чан Кайши с китайскими коммунистами начала, похоже, приносить успехи, хотя частичные. В конце февраля 1932-го — конце марта 1933 года Чан провел четвертый карательный поход против китайских Советов и на этот раз смог нанести поражение одной из их группировок — шестнадцатитысячной армии 4-го фронта Красной армии Китая, действовавшей в Хубэй-Хэнань-Аньхойском районе под командованием Чжан Готао, одного из основателей КПК. Чан, приехавший тогда в Ханькоу, лично командовал 630-тысячной армией, окружившей Хубэй-Хэнань-Аньхойский советский район. Но полностью разгромить Чжан Готао ему не удалось: в конце августа 1932 года, прорвав блокаду, тот увел свои отряды на запад, в северную Сычуань и южную Шэньси. Войска Чана преследовали его, но части 4-го фронта, пройдя более пяти тысяч *ли* (то есть около трех тысяч километров) и потеряв 40 процентов своего состава («это было кошмарное отступление с боями», — вспоминал Чжан Готао), в начале 1933 года все же смогли закрепиться в Сычуань-Шэньсийском районе.

После этого Чан направил свои усилия на Центральный советский район в Цзянси. Но здесь его войскам, во главе которых он поставил министра обороны Хэ Инциня, вновь пришлось испытать горечь поражения. Местные коммунисты, как и прежде, использовали маоцзэдуновскую тактику «заманивания противника вглубь района». «Враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает — мы преследуем» — именно эта «магическая» формула принесла компартии Китая спасение.

В конце сентября 1933 года Чан Кайши начал новый, пятый карательный поход, бросив против «красных бандитов» Центрального советского района миллионную армию. На этот раз он сам возглавил ее, перенеся свою штаб-квартиру в городок Гулин (Пик быка) в горах Лушань, расположенный на севере провинции Цзянси в окрестностях города Цзюцзян. С 1934 года неподалеку от этого городка, в лесу, находилась еще одна дача их семьи, которую Чан назвал *Мэйлу* (Хижина Мэйлин, или Красивая хижина)^[50]. Эта двухэтажная каменная вилла, утопавшая в зелени, была построена в 1903 году и подарена жене Чана ее приятельницей, английской миссионеркой, приобретшей ее в 1922 году. Из окон виллы открывался настолько красивый вид, что в сравнении с ним, по словам одной из ее посетительниц, «Швейцария бледнела». Но Чана этот вид не отвлекал от мрачных мыслей: он прибыл на виллу (Дачу на мосту Богини милосердия!), чтобы раз и навсегда безжалостно искоренить

коммунистов. Война предстояла тяжелая, и он понимал, что в пятый раз просто не мог проиграть Мао.

Здесь Чана посетили два английских журналиста — спецкор лондонской «Таймс» Питер Флеминг и корреспондент агентства «Рейтер» Джеральд Йорк. Обоих поразила спартанская обстановка «маленького бунгало», которое охраняли всего шестеро автоматчиков. По словам Флеминга, Чан принял их в «маленькой комнате, скромно обставленной в европейском стиле». На стенах висели дешевые репродукции картин исключительно религиозного содержания. («Стальные гравюры, изображающие Христа и Деву Марию», — добавляет Йорк.) Мебель была простая, некрасивая и старая. Дом генералиссимуса армии Китайской Республики выглядел совсем не соответствующим его статусу. Чан, одетый в темно-синий халат, показался гостям невероятно худым. «Он тихо вошел в комнату и остановился, глядя на нас, — вспоминал Флеминг. — ...Его лицо было темным, скулы высокими и ярко выраженными, а нижняя губа выступала, как у Габсбургов^[51]. Но самыми необычными были его глаза. Большие и красивые. Его взгляд был острым, почти агрессивным. В нем чувствовалась сила, которая подавляла, что редко встретишь в Китае, где люди обычно смотрят на тебя безразлично, если не уклончиво».

Флеминга и Йорка интересовали главным образом два вопроса: «Возможно ли сближение между Китаем и Японией» и «как скоро Чан собирается решить проблему коммунизма в Китае». Чан, не раздумывая, ответил, что никогда не пойдет на компромисс в маньчжурском вопросе, а с коммунистами покончит к Рождеству, то есть к 25 декабря 1933 года. А напоследок бросил на англичан «один из тех удивительных взглядов, которые заставляют человека непроизвольно чувствовать себя неловко — так, как если бы вы были несоответствующим образом одеты. Мы пошли через сад по тропинке к выходу, ощущая свою ничтожность». «Он самый поразительный китаец из всех, кого я встречал», — резюмировал Йорк.

Германские советники Чана разработали план кампании, заключавшийся в удушении Китайской Советской Республики путем возведения вдоль ее границ нескольких тысяч блокгаузов — мощных каменных фортов, на расстоянии двух-трех километров друг от друга. Решив раз и навсегда покончить с КПК, Чан был теперь осторожен. Более всего он не хотел спешить. Солдаты продвигались вглубь «красной зоны» медленно, по два-три *ли* (то есть по одному-полтора километра) в день, закрепляясь на каждом пройденном рубеже, а от двенадцати до шестнадцати самолетов каждый день бомбили позиции китайской Красной армии, сбрасывая ежемесячно по три тысячи бомб. Время шло, и кольцо

сжималось. Один из генералов Чана так охарактеризовал эту тактику: «Осушить пруд, чтобы выловить рыбу». Наряду с военными мерами Чан использовал и политические. Причем на последние делал особый упор — из расчета «30 процентов усилий — на войну, 70 — на политику». Повсеместно на отвоеванных территориях возрождались традиционная деревенская система круговой поруки (*баоцзя*), воссоздавались отряды местной крестьянской самообороны (*миньтуань*). За поимку главарей коммунистической партии объявлялись большие награды. За голову Мао, например, — четверть миллиона китайских долларов.

Вскоре возникли новые трудности. В ноябре 1933 года в Фуцзяни против Чан Кайши восстали войска 19-й полевой армии, бывшие защитники Шанхая, которых Чан передислоцировал туда после подписания перемирия с японцами. 22 ноября в столице провинции, городе Фучжоу, было провозглашено так называемое Народно-революционное правительство Китайской Республики во главе со знакомым нам гуандунским генералом Ли Цзишэнем, давним противником Чан Кайши. Войска 19-й армии вообще состояли в основном из гуандунцев. «Министром иностранных дел» нового правительства стал левый гоминьдановец Евгений Чэнь, предки которого тоже были из Гуандуна. Мятежники объявили о выходе из Гоминьдана и создании новой «Партии производителей». Их программа была не только резко античанкайшистской, но и антияпонской, более того — антиимпериалистической. Вожди мятежников объявили, что выступают за демократию, против любой диктатуры, а также за огосударствление экономики и перераспределение земли в интересах «голодающих крестьян». Вместо того чтобы бороться с КПК, они стали с ней сотрудничать, но долго им продержаться не удалось. В январе 1934 года Чан подавил мятеж, а затем вновь занялся КПК.

Для искоренения коммунизма в феврале 1934 года по инициативе Мэйлин, Чэнь Лифу и Уильяма Генри Дональда, нового советника Чана, бывшего ранее советником Молодого маршала, но к тому времени уже вернувшегося вместе с ним из Европы и перешедшего на службу к Чан Кайши^[52], была разработана целая программа культурного возрождения нации, целью которой объявлялось восстановление утраченных конфуцианских норм морали и нравственности. Чан полностью поддержал ее, подчеркнув, что «удовлетворение запросов людей, стремящихся к новой жизни, в определенной мере зависит от правительства, особенно его системы образования, экономической политики и мер по защите всего <населения>».

Весной 1934 года в Наньчане (где тогда находилась ставка генералиссимуса) на массовом митинге Чан объявил о начале движения, которое получило название «За новую жизнь!». По всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций в поддержку движения. Инициаторы придавали ему в определенной степени религиозный характер, стремясь внедрить в сознание людей идеалы, характерные как для традиционной китайской философии, так и христианства.

Главные идеи движения выражались в ставшем популярным лозунге из четырех иероглифов: *ли*, *и*, *лянь*, *чи* (хорошие манеры, правильное поведение, честность и гордость). Этот лозунг был взят из трактата великого древнекитайского философа Гуань Чжуна (Гуаньцзы; 720–645 годы до н. э.); трактат Чан внимательно перечитал в начале 1934 года. «Эти четыре добродетели, — объявил он, — являются важными принципами в пропаганде морали... Главной целью движения за новую жизнь является замена иррациональной жизни на рациональную... Наш народ должен быть воспитан в военном духе. Прежде всего мы должны приобрести привычки к порядку, чистоте, простоте, экономии, исполнительности и точности. Мы должны соблюдать порядок, делая упор на организацию, ответственность и дисциплину, и быть готовыми умереть за <свою> страну в любой момент».

В рамках движения, начавшегося в Цзянси, на границах Центрального советского района, а затем быстро распространившегося на другие провинции, развернулись, в частности, кампании «за братство», «порядок в семье», «чистоту» и «гигиену». Полицейские в городах начали внимательно следить за тем, чтобы прохожие не плевали, не бросали мусор и не курили на улицах.

Были приняты меры и против торговли опиумом, этим злом, глубоко поразившим китайское общество. Несмотря на то что наркоторговля была давным-давно запрещена, купить опиум можно было везде совершенно свободно. С опиеторговлей никто по существу не боролся: торговцев просто облагали налогом. «Статуя доктора Сунь Ятсена возвышается в двух шагах от крупнейшей в Ханькоу опиумной лавки. На окне лавки огромными иероглифами написано: «ОПИУМ ПО ДЕШЕВКЕ. ТЕ, КТО ПОКУПАЕТ ВТОРУЮ БОЛЬШУЮ ПОРЦИЮ, ПОЛУЧАЕТ БЕСПЛАТНЫЕ БИЛЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЛОТЕРЕИ», — написал в письме Сун Мэйлин весной 1934 года Дональд, пораженный таким беспределом. (Написано заглавными буквами в тексте документа. — А. Я.) Только после этого Чан издал декрет, положивший начало реальной борьбе с опиеторговлей. Правда, начало ее так и не увенчалось успехом. Дональд предлагал Чану и Мэйлину ввести жесткие

меры против наркодельцов и коррупционеров, вплоть до расстрела, но Чан не мог последовать его совету: иначе пришлось бы расстрелять миллионы людей. Так что борьба в основном ограничилась пропагандой.

Общенациональное движение аккумулировало опыт, выработанный к тому времени выпускниками школы Вампу, две тысячи которых еще 1 января 1929 года объединились в пуританское офицерское «Общество соучеников Вампу, стремящихся укрепить волю» (*Хуанпу тунсюэ личжишэ*), Это общество было создано по образцу консервативной офицерской организации Японии Кайкоса («Идти вместе»^[53]), функционировавшей с 1877 года. Почетным главой общества стал сам Чан, абсолютная преданность которому была определена важнейшим постулатом *Личжишэ*, Одним из членов совета директоров была избрана Сун Мэйлин. Члены общества должны были служить моральным образцом для всего народа, им, в частности, запрещалось пить, курить и играть в азартные игры. Штаб-квартира общества первоначально помещалась недалеко от резиденции Чан Кайши *Цилу*, на территории школы Вампу, а в 1931 году переехала чуть дальше по улице Хуанпу — в роскошный особняк на пересечении этой улицы с проспектом Чжуншань по адресу: проспект Чжуншань, дом 307. Сейчас в этом здании — музей движения «За новую жизнь!». Чан часто посещал это здание, в котором у него был свой кабинет, и он же сформулировал лозунг организации: *ли жэньли цзи, гэ мин гэ синь* («Укрепляя волю других, укрепляй себя; осуществляя революцию, реформируйся сам»).

Помимо *Личжишэ* в то время в Китае существовали и другие полувоенные организации, участие в которых подразумевало беспрекословную преданность вождю, то есть Чану. Большинство из них тоже формировалось выпускниками офицерской школы. Членов этих организаций стали именовать «клика Вампу».

Наиболее многочисленным являлось «Общество тех, кто изо всех сил реализовывает три народных принципа» (*Саньминьчжуи лисиншэ*^[54]), созданное в феврале 1932 года при участии Чана. Оно насчитывало более полумиллиона членов, в основном не старше сорока лет, которые клялись не только осуществлять на практике три народных принципа, но и возрождать «китайскую расу». Будучи глубоко законспирированной, эта преторианская гвардия Чана, находившаяся под командованием таких преданных ему генералов, как его земляки Чэнь Чэн и Ху Цзуннань, действовала через свои легальные организации — «Общество синерубашечников» (*Ланьшэ*)^[55], «Товарищество революционных

военных» (Гэмин цзюньжэнъ тунчжи хуэй), «Товарищество революционной молодежи» (Гэмин циннянь тунчжи хуэй) и «Общество возрождения» (Фусиншэ). Все они были теснейшим образом связаны между собой. Кроме того, имелась группа Сиси (Сиси пай), основанная братьями Чэнь Тофу и Чэнь Лифу (отсюда ее название — по первым буквам их фамилии в латинской транслитерации — *Chen*), близкая по своей идеологии к Лисиншэ, но враждовавшая с ней.

Некоторые из этих организаций по своим политическим установкам, структуре и действиям напоминали отряды чернорубашечников Муссолини или коричневорубашечников Гитлера. Их члены нередко избивали, похищали и даже убивали оппозиционеров Чан Кайши, а Чана называли линсю (вождь или фюрер), изо всех сил раздувая культ его личности, что сам Чан, кстати, исподволь поощрял. Многие заимствовали они и из внешней атрибутики фашистов и нацистов: например, их риторику, факельные шествия и музыкальные марши, а «Общество синерубашечников», насчитывавшее 14 тысяч членов, открыто призывало Чана подражать Муссолини и Гитлеру. Однако ни Чан, ни члены его организаций никогда не стремились заменить суньятсенизм на фашизм или нацизм, ни в коем случае не желая отказаться «от традиционной социально-политической философии Гоминьдана».

Это ясно показало движение «За новую жизнь!», в ходе которого Чан, хотя и признавал, что идеи движения созвучны принципам, сделавшим мощными «современные Италию и Германию», тем не менее апеллировал именно к китайской традиции, то есть к морально-этическим нормам конфуцианства, перемешанным с христианской этикой. Он требовал укрепления дисциплины и правопорядка на основе прежде всего характерных для китайцев клановых обычаев и норм почитания старших и властей предержащих. «Мы не должны подражать верхоглядам Запада и заимствовать империалистическую доктрину силы... Я надеюсь на возрождение наших традиционных качеств», — говорил Чан. А Мэйлин добавляла: «Каждая нация... пытается найти свой выход из великой депрессии... У Италии есть ее фашизм, у Германии — ее нацизм, у Советского Союза — его первая и вторая пятилетки, а у Америки — новый курс^[56]».

Да, Чан, маршал Чжан Сюэлян и многие другие руководители Гоминьдана с интересом и завистью следили за тем, как дуче, а затем и фюрер подчиняли свои народы диктаторской власти и как, всколыхнув итальянцев и немцев, поднимали их с колен. От фашистско-нацистского эксперимента был в восторге и Дональд, посетивший Италию и Германию

вместе с Молодым маршалом. Перейдя после возвращения в Китай от Чжан Сюэляна на службу к Чану его главным советником, он тоже рекомендовал генералиссимусу возродить дух нации в Китае, как это сделали в своих странах дуче и фюрер.

И ничего удивительного в этом нет: в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов фашистский и нацистский опыты притягивали внимание Чана и его соратников так же, как в свое время — большевистский. Ведь у них никогда не было сомнений в том, что слабый Китай нуждается в тоталитарной диктатуре. 23 июля 1933 года Чан, например, говорил своим офицерам, что Италия, Германия и Турция быстро развиваются потому, что их руководители выдвинули «коллективный лозунг» «Труд! Созидание! Военная сила!».

Мощным и сильным Чан хотел сделать и разваливающийся на части Китай, потому-то и пытался, как мы видели, установить в Поднебесной такой общественно-политический строй, при котором страна была бы сплочена. «Партия и правительство имеют полное право ограничивать при необходимости личную свободу любого человека. Этот принцип применим ко всем вне зависимости от их положения, прошлых заслуг или обязанностей, которые они выполняют», — утверждал он. И еще: «Я уверен, что без абсолютного доверия всех к одному человеку мы не сможем возродить нацию и полностью завершить революцию».

Страшная фашистская перспектива? Похоже. Но, во-первых, в отличие от Муссолини и Гитлера, Чану, как мы знаем, мало что удавалось сделать в этом отношении; он даже не смог по существу объединить Китай. А во-вторых, именно Сунь Ятсен задолго до Муссолини и Гитлера призывал ввести в стране режим политической опеки, то есть открытую однопартийную диктатуру, подчиняя при этом и партию, и общество своей личной власти. И тот же Сунь требовал передать в собственность государства или под государственный контроль все крупные и жизненно важные средства производства. Иными словами, все, что Чан пытался сделать, соответствовало учению Сунь Ятсена, а не Муссолини и Гитлера.

В фашизме и даже нацизме обвинять Чана все время пытались коммунисты, но у них это плохо получалось. Вот что, например, писал в Москву главный представитель Коминтерна в Китае Артур Эрнст Эверт в начале декабря 1932 года: «Чан Кайши внутри Гоминьдана организует фашистскую группу — «Ассоциацию синерубашечников»... Эта организация выдвигает следующие национал-социалистические лозунги:

1. Аграрная реформа («to equalize the ownship of land»^[57]).
2. Борьба с иностранными захватчиками, против неравноправных

договоров.

3. Развитие промышленности (для этих целей иностранные займы; часть из них должна быть использована на поддержание фашистской организации).

4. «Устранение конфликта между рабочими и капиталистами».

5. Укрепление армии и ее реорганизация на базе всеобщей воинской повинности.

6. Равенство полов и т. д.».

Да, страшную нацистско-фашистскую организацию создавал Чан Кайши, если она стремилась к реализации таких целей! Особенно «по-нацистски» выглядит равенство полов, не правда ли?

В какой-то мере извращенная реакция коминтерновского представителя на традиционалистское движение «За новую жизнь!» объяснялась тем, что в то время Чан резко усилил антикоммунистическую пропаганду, которая в своем ожесточении стала зашкаливать через край. «За последние несколько месяцев, — сообщал Чан нации в 1934 году, — их <коммунистов> все уничтожающее пламя стало выше, чем когда бы то ни было... Деревни, через которые они прошли, утопают в крови. Они уничтожают всех, мужчин и женщин, стариков и детей... Они совершают такие деяния, которые человеческие существа не могут совершать. За последние двести лет таких преступлений никто не совершал. Когда я говорю об этом, мое сердце сжимается от боли, а когда я думаю об этом, мои волосы встают дыбом».

Слов нет, коммунисты действительно творили беззакония: жгли дома более или менее зажиточных крестьян, захватывали их имущество и даже убивали тех, кого считали «помещиками» и «кулаками». Но офицеры и солдаты Чана тоже не были похожи на христианских миссионеров. Скорее — на инквизиторов, огнем и мечом уничтожавших «ересь». Так что вряд ли у Чана, привыкшего к насилию, от коммунистического беспредела на самом деле сжималось сердце и волосы вставали дыбом. Тем более что и волос-то на голове у него не было: как мы помним, он брил голову.

В конце концов, в ходе пятого карательного похода Чан стал достигать своей цели. Как вспоминал впоследствии китайский коммунист Ян Сун, Чан «во время 5-го похода был умнее нас, он учел весь старый опыт». Истекая кровью и проигрывая одно сражение за другим, Красная армия Китая отступала вглубь Центрального советского района. К лету 1934 года она оказалась в критической ситуации. «Опасное положение в ЦСР... — сообщил 2 июня в Москву Эверт. — Нет надежды, что в ближайшее время еще удастся добиться коренного изменения в нашу пользу... Наши потери

огромны. Дезертирство растёт». Сталин отправил «китайским товарищам» 200 тысяч рублей (по курсу того времени — около 150 тысяч китайских долларов). Большого он сделать не мог.

В октябре 1934 года отряды китайской Центральной Красной армии начали прорыв блокады и в самом начале ноября вышли в южную Хунань. Общая их численность на тот момент составляла чуть более 86 тысяч человек. Цель похода не была продумана до конца. Хотелось только одного: вырваться из котла. Радиосвязь с Исполкомом Коминтерна отсутствовала. Не было сообщения и с другими советскими районами, и о том, что там происходило, никто не знал. Более или менее ясным было одно: надо двигаться в западном направлении, в пограничную область на стыке провинций Гуаней — Хунань — Гуйчжоу, где, по сведениям коммунистов, «не было вражеских укреплений». Маршрут был выбран довольно точно: по районам компактного проживания пришлых людей (*хакка*), которые, естественно, приветствовали красноармейцев как своих освободителей. Гоминьдановские войска, ведущие параллельное преследование, не рискнули атаковать главные силы красных. Они опасались восстания *хаккского* населения.

Вынудив красных уйти на запад, Чан ослабил напряженность в Восточном и Юго-Восточном Китае. Более того, преследуя войска КПК, его армия наконец-то начала де-факто подчинять Нанкину отдаленные районы, до того контролировавшиеся центральной властью лишь номинально. Войдя, например, в Гуйчжоу, войска Чана тут же сместили местного губернатора, а Чан, лично прибыв в столицу провинции, город Гуйян, заставил его улететь в Нанкин. Вместо него он назначил одного из своих генералов. «Таким образом, — вспоминает генерал Ли Цзунжэнь, — продвигаясь на запад, коммунисты... сделали так, что Гуйчжоу перешла в его <Чана> руки». В середине декабря 1934 года Чан, прилетев в столицу Сычуани Чэнду, сменил и губернатора этой провинции, правда, на этот раз назначив на его место одного из местных милитаристов, генерала Лю Сяна, изо всех сил демонстрировавшего ему свою преданность. Это было ошибкой: Лю Сян вскоре начнет устанавливать в Сычуани свои порядки.

Тем не менее можно считать, что 1934 год для Чана завершился неплохо. Великая депрессия, казалось, заканчивалась. В стране наблюдался экономический рост, начали увеличиваться иностранные капиталовложения. Подходила, похоже, к концу и гражданская война с КПК: потерпев поражение, коммунисты отступали в предгорья Тибета. Более или менее нормализовывались и отношения с японцами, которые в основном соблюдали перемирие в Шанхае и на севере Китая, хотя и

хозяйничали в Маньчжурии и Жэхэ. Правда, именно в 1934 году Японии удалось прорвать дипломатическую блокаду Маньчжоу-Го: в марте правительство Пу И признал Сальвадор, за ним последовали Доминиканская Республика и Ватикан, но это мало что изменило. Лига Наций по-прежнему осуждала агрессора.

После Нового года по григорианскому календарю, 1 января 1935 года, Чан улетел на несколько дней в родную Сикоу: он заслужил отдых.

Игры со Сталиным

Однако в 1935 году ситуация вновь обострилась. Несмотря на то что 19 марта советское Политбюро приняло постановление «об активизации» отношений с Китаем, заявив об «абсолютном уважении Советским Союзом суверенных прав Китая, целостности и неприкосновенности его территории», через четыре дня СССР продал Китайско-Восточную железную дорогу Маньчжоу-Го (а фактически Японии) за 140 миллионов иен (по курсу того времени — чуть более 40 миллионов американских долларов). Правда, почти одновременно Политбюро признало «целесообразным... заключение <с Китаем> пакта о ненападении», но Чану этого было уже мало. Обстановка на севере Китая все более накалялась, и угроза полномасштабной войны с Японией с каждым днем становилась очевиднее.

В июне Квантунская армия вторглась в восточный Хэбэй, спровоцировав в то же время вооруженный инцидент в северной части провинции Чахар и начав проникновение в провинцию Суйюань^[58]. 4 июля министр финансов Кун Сянси сообщил полпреду Богомолу о желании нанкинского правительства заключить с СССР уже не пакт о ненападении, а договор о взаимопомощи.

Ну а пока советская сторона размышляла, Чан вынужден был пойти японцам на дальнейшие уступки. От его имени министр обороны Хэ Инцин 6 июля заключил новое (секретное) соглашение с агрессорами, дав по существу добро на образование так называемого «Автономного (а по сути прояпонского) антикоммунистического правительства Восточного Хэбэя». По этому соглашению все гоминьдановские войска, в том числе армия Чжан Сюэяна, выводились из Хэбэя. Так же постыдно разрешился и северочахарский инцидент: путем демилитаризации провинции Чахар. В конце же ноября 1935 года «Антикоммунистическое правительство Восточного Хэбэя», поощряемое японцами, объявило о независимости от Нанкина.

В то время Чжан Сюэян находился в Ханькоу. Вернувшись в декабре 1933 года из поездки в Европу, он получил от Чана назначение на важный пост, став одним из руководителей кампании «по искоренению коммунистических бандитов в Центральном Китае». Но новые обязанности его не радовали. После Европы, где ему так и не удалось получить поддержку в борьбе с Японией, он находился в дурном настроении.

Казалось, Молодой маршал разочаровался в способности китайской нации отстаивать свое право на независимость. Летом 1934 года Дональд написал редактору «Вашингтон пост» Х. Б. Эллистону: «Молодой маршал думает, что эффективны только методы большевиков: отрубить головы миллиону или около того человек. Он говорит, что единственное, что надо сделать, это передать страну какой-нибудь иностранной державе и дать ей поуправлять <ею> в течение лет примерно двадцати пяти».

Под иностранной державой Чжан Сюэлян, однако, не имел в виду Японию. К этой стране он по-прежнему испытывал ненависть. Но Чан не давал ему воевать против «карликов». Наоборот, летом 1935 года перебазировал главные силы его Северо-Восточной армии (общим числом в 160 тысяч штыков) из Хэбэя и Хубэя на северо-запад, в провинции Ганьсу и Шэньси, куда в то время шли войска Мао, завершавшие Великий поход. Чжан получил новую должность: заместителя главнокомандующего «по искоренению коммунистических бандитов в Северо-Западном Китае» (командующим Чан назначил самого себя) и вынужден был переехать в Сиань, столицу Шэньси, находившуюся в то время под властью знакомого нам Ян Хучэна, разгромившего в конце октября 1930 года Фэн Юйсяна. Этот генерал, командовавший шестидесятитысячной 17-й полевой армией (иное название: Северо-Западная армия), являлся также губернатором Шэньси с октября 1930 года, но в мае 1933 года по решению Чана уступил эту должность бывшему секретарю генералиссимуса и одному из его наиболее доверенных лиц Шао Лицзы. Нельзя сказать, что генерал Ян был этим доволен, тем более что в дела провинции стала вмешиваться жена Шао, «женщина весьма энергичная и честолюбивая», да к тому же страшно коррумпированная, продававшая должности за взятки. Генерал Ян жаловался на нее Чану, но безрезультатно. Правда, Шао Лицзы и его жена занимались только гражданскими делами, а вся военная власть в провинции по-прежнему оставалась в руках Яна, тем более что с 1931 года тот являлся также главой так называемого управления по умиротворению Шэньси. Чжан Сюэлян не собирался оспаривать положение Ян Хучэна, несмотря на то что его войска были гораздо сильнее, чем 17-я армия. И Молодой маршал, и генерал оба были настроены резко антияпонски, а потому быстро поладили.

Между тем Сталин продолжал маневрировать. Пакт о взаимопомощи с Китаем он подписывать не хотел, так как не горел желанием быть вовлеченным в китайско-японскую войну, но опасался, что Чан капитулирует перед японцами, заключив с ними антикоммунистический союз. В таком случае не только КПК оказалась бы под угрозой полного

уничтожения, но возникла бы и реальная опасность нападения опирающейся на ресурсы Китая Японии на Советский Союз. С 1934 года Сталин регулярно получал информацию по каналам Иностранного отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и военной разведки о более чем вероятном вторжении Японии в СССР.

Продолжал маневрировать и Чан, по-прежнему старавшийся втянуть СССР в конфликт с Японией. Он все больше приходил к мысли о том, что судьба Китая в решающей степени зависела от исхода приближавшейся Второй мировой войны, начало которой, с его точки зрения, должно было положить столкновение Японии с СССР. В то же время он хорошо понимал, что союзнические отношения между Китаем и СССР в будущей мировой войне нужны Сталину не в меньшей степени, чем ему самому.

Так что Сталину приходилось учитывать многие обстоятельства, и хотя он все время пытался через своего посла внедрить в сознание Чан Кайши мысль о том, что «соглашение между СССР и Китаем несравненно более выгодно для Китая, чем для Советского Союза», тем не менее не мог не отдавать себе отчет в том, что не все козыри находились у него. Немало их было и у Чан Кайши. Вопрос заключался в том, кто и в какой момент их использует для того, чтобы вынудить партнера пойти на уступки.

Через некоторое время после получения сообщения о предложении Кун Сянси Сталин ответил Чану в своеобразной форме. С 25 июля по 20 августа 1935 года в Москве, в Колонном зале Дома союзов, прошел VII Всемирный конгресс Коминтерна, на котором политика мирового коммунистического движения была официально изменена. Опасаясь германского и японского вторжений в СССР, Сталин обязал иностранных коммунистов прекратить борьбу за свержение своих правящих классов, а вместо этого организовать с ними новые единые фронты: на Западе — антифашистский, а на Востоке — антияпонский. Понятно, что идея нового единого фронта в Китае пришла в голову Сталину не в ответ на обращение Кун Сянси: решения VII конгресса готовились заранее начиная с середины 1934 года, но они как нельзя лучше отражали двойственную политику кремлевского вождя в отношении Чан Кайши. Несмотря на нормализацию дипломатических отношений и продолжавшиеся переговоры между Москвой и Нанкином о разных пактах (то о ненападении, то о взаимопомощи), руководимый Сталиным VII конгресс дал ясно понять, что Коминтерн и КПК собираются строить единый антияпонский фронт в Китае с кем угодно, но только не с Чан Кайши и другими лидерами Гоминьдана!

1 октября 1935 года в коминтерновской парижской газете на китайском

языке «Цзюго бао» («Спасение родины») от имени Китайского Советского правительства и Центрального комитета компартии Китая было опубликовано «Обращение ко всем соотечественникам по поводу сопротивления Японии и спасения родины», призвавшее всех граждан Китая прекратить междоусобицу, объединиться и выступить на борьбу с Японией. Этот документ, официально датированный 1 августа 1935 года, был подготовлен еще в июле делегацией китайской компартии в Коминтерне во главе с Ван Мином (настоящее имя — Чэнь Шаоюй), амбициозным молодым человеком тридцати лет, с 1931 года являвшимся членом Политбюро ЦК компартии Китая, а утвержден Секретариатом Исполкома Коминтерна 24 сентября. Чан Кайши, Ван Цзинвэй, Чжан Сюэлян и несколько других «национальных предателей» из числа «соотечественников» исключались; в обращении они именовались «бесчестными подонками» с «человеческими лицами, но звериными сердцами».

Было понятно, что Сталин играет с Чаном, как кошка с мышкой, то давая надежду на помощь в борьбе с Японией, то угрожая ухудшением отношений и продолжением гражданской войны. А тут еще 4 октября 1935 года японское правительство передало послу Китая в Японии документ, содержащий некие «три принципа» стабилизации обстановки в Восточной Азии. Сформулированы они были японским министром иностранных дел Хирота Коки. Японцы требовали от Чана, во-первых, прекратить антияпонскую пропаганду в Китае и перестать зависеть от европейцев и американцев; во-вторых, признать независимость Маньчжоу-Го и, в-третьих, разгромить коммунистов на северо-западе Китая в союзе с армией микадо.

Чан теоретически был не против того, чтобы принять помощь японцев в борьбе с китайской компартией, однако поступаться независимостью не собирался. Даже несмотря на то что осенью 1935 года и американское, и английское правительства начали всерьез убеждать его стать «реалистом» и признать Маньчжоу-Го. Но для Чана, убежденного патриота и революционера, такой шаг являлся, разумеется, неприемлемым, а потому он решил вновь прояснить позицию СССР. 19 октября он отправил Кун Сянси к Богомолу, чтобы тот «по секрету» сообщил советскому полпреду, что вечером того же дня к нему (Куну) в дом заедет генералиссимус и если полпред хочет, может тоже прийти. Понятно, что Богомол не упустил такой возможности и вечером в приватной обстановке встретился с Чаном. И тот напрямую предложил Советскому Союзу заключить с ним секретное военное соглашение. При этом, как бы вскользь, намекнул, что ему сейчас

предлагает военный союз Япония — против большевизма, но он этого не желает.

Все было предельно ясно, но Сталин не спешил с ответом. А Чан готов был и подождать, тем более что тут опять обострились внутригоминьдановские дела. 1 ноября 1935 года было совершено покушение на Ван Цзинвэя, с конца января 1932 года по соглашению с Чаном являвшегося, как мы помним, главой Исполнительной палаты.

За три с половиной последних года между двумя амбициозными вождями Гоминьдана всякое случалось. Первый конфликт произошел уже в августе 1932 года в связи с тем, что Ван, все время находившийся в мрачном расположении духа после провозглашения Маньчжоу-Го, в конце концов вспылал, потребовав отставки Чжан Сюэляна. Он послал последнему истерическое письмо, обвинив его в потере Маньчжурии и нежелании защищать Жэхэ. Чан, однако, не захотел в то время отстранять Молодого маршала, и тогда Ван, поддержанный другими членами кабинета министров, демонстративно ушел в отставку. Он имел право обидеться, так как Чжан нарушил установку правительства, выраженную в формуле: «с одной стороны — сопротивление, с другой — переговоры», а Чан его не наказал. Ван явно «потерял лицо». Исполняющим обязанности главы Исполнительной палаты стал Т. В. Сун, шурин Чана. Ван же уехал в Шанхай, а потом, в октябре, — во Францию, опасаясь покушения со стороны чанкайшистских «синерубашечников». Конфликт удалось замять только через год, после позорного поражения в Жэхэ. Весной 1933 года Чжан Сюэлян, как мы помним, наконец ушел в отставку по требованию самого Чан Кайши. Только после этого Ван Цзинвэй вернулся в Китай и на этот раз не только вновь возглавил Исполнительную палату, но и занял пост министра иностранных дел. И вновь при полной поддержке Чана начал проводить в отношении Японии тот же курс: «с одной стороны — сопротивление, с другой — переговоры», правда, уже с осени начал делать, как и Чан, акцент на втором аспекте. Поэтому-то он и стал вызывать не меньшую, чем Чан, ненависть патриотически настроенных китайцев, обвинявших и Чана, и Вана в том, что те идут по пути умиротворения японских «карликов».

Казалось, коалиция Чана и Вана стала в то время «прочнее, чем когда бы то ни было», но на самом деле это было не так. Стремясь обелить генералиссимуса в глазах общества, его ближайшее окружение (особенно Чэнь Гофу, Чэнь Лифу и члены их группы Сиси, а также прозападная фракция во главе с Т. В. Суном и Кун Сянси) стало распространять слухи о том, что Ван возглавляет «прояпонскую» фракцию в Гоминьдане. Делалось

это скорее всего по приказу Чана или с его согласия и для того, чтобы переложить ответственность за политику умиротворения на одного Вана. Хотя на самом деле Чан был даже большим сторонником этой политики, чем Ван Цзинвэй.

Именно поэтому на Вана и было совершено покушение. Это произошло в здании ЦИК Гоминьдана прямо перед открытием 6-го пленума Центрального исполкома четвертого созыва во время фотосессии. Более ста членов ЦИК выстроились перед фотоаппаратами, когда один из «фотокорреспондентов», закричав: «Смерть предателю родины!» — четыре раза выстрелил в Вана. Тот был ранен в щеку, левую руку и в спину. Четвертая пуля прошла мимо. Его госпитализировали, а террориста, тоже раненого (телохранителем Вана), арестовали. По требованию Чана глава одной из двух секретных служб Дай Ли (которого в Китае звали китайский Гиммлер) лично допросил террориста и выяснил, что тот был офицером по имени Сунь Фэнмин, выпускником школы Вампу и во время японской атаки на Шанхай служил командиром роты в 19-й полевой армии. А затесался в ряды журналистов якобы для того, чтобы убить Чан Кайши, которого считал главным «врагом народа». Но, к его разочарованию, Чан не принял участия в фотосессии (по словам Чэнь Лифу, он перед сессией почувствовал себя плохо; по другим данным, был в туалете), а потому Сунь Фэнмин и выстрелил в Ван Цзинвэя. На следующий день террориста казнили, заодно расстреляли его жену и свояченицу, а также еще несколько десятков человек, якобы замешанных в заговоре.

Чан был вне себя. И прежде всего потому, что инцидент бросал тень на него самого: у Вана и его жены, естественно, возникли вопросы. Почему Чан не появился на фотосессии? Как террорист смог получить пропуск в ЦИК ГМД? Не действовал ли он по приказу секретных служб самого Чана? Ведь он являлся выпускником Вампу! Чан, разумеется, всеми силами старался убедить Вана и его жену в своей невиновности, и те вроде бы приняли его объяснения, но осадок остался.

В отсутствие Ван Цзинвэя, 12 ноября 1935 года, Чан Кайши созвал в Нанкине V съезд Гоминьдана. Этот форум, проходивший в течение одиннадцати дней, до 22 ноября, явился настоящим съездом единства, даже генерал Янь Сишань прибыл в Нанкин для участия в нем. Помимо 405 делегатов с решающим голосом в нем приняли участие 103 члена ЦИК и Центральной контрольной комиссии, а также около 150 гостей, приглашенных ЦИК и национальным правительством. Они представляли 520 тысяч членов партии.

Понятно, что главным вопросом была выработка политики в

отношении Японии. И 19 ноября Чан сам сделал доклад об этом, сформулировав следующий принцип: «Мы ни в коем случае не откажемся от борьбы за мир до тех пор, пока надежды на мир полностью не исчерпаны; мы ни в коем случае не будем бездумно призывать к самопожертвованию до тех пор, пока самопожертвование не станет нашим последним рубежом». Иными словами, он дал всем понять, что пока не отказывается от политики умиротворения японских агрессоров, но и не собирается капитулировать перед ними. Это заявление стало ответом на «три принципа» Хироты.

Во время выборов нового состава ЦИК Чан Кайши получил наибольшее число голосов, на втором месте оказался Ван Цзинвэй, а на третьем — Ху Ханьминь, который, правда, с июня 1935 года находился за границей. Но председателем Постоянного комитета ЦИК, по соглашению с Чаном, был все же избран именно Ху Ханьминь, старый оппонент Чан Кайши: перед лицом ползучей японской агрессии Чану нужно было объединить вокруг себя всех вождей Гоминьдана. Не случайно старый враг Чана, Ван Цзинвэй, получил другой ключевой пост — председателя Политсовета ЦИК, контролировавшего правительство. Сам же Чан стал единственным заместителем как председателя Постоянного комитета ЦИК, так и председателя Политсовета. Он демонстративно выразил желание, чтобы почтенный Ху как можно скорее вернулся на родину. По его распоряжению министр финансов Кун Сянси даже послал Ху Ханьминю 40 тысяч китайских долларов на дорожные расходы, так что в конце декабря Ху выехал из французского города Лиона на родину. Но по приезду в Кантон решительно отказался ехать дальше, в Нанкин, так как не хотел сотрудничать с Чан Кайши. Чан по этому поводу написал в дневнике: «До меня дошло, что Ханьминь ругает политику Ц<И>К и заявляет, что не приедет в Нанкин, люди полагают, что это горе, ну а что делать мне: промолчать или обрадоваться?»

Отсутствие Ху Ханьминя в Нанкине горем он, конечно, не считал, хотя и предпочел бы иметь этого врага рядом, чтобы контролировать. Забегая вперед скажем, что Ху так и не приехал в Нанкин, оставив пост председателя Постоянного комитета ЦИК вакантным, так как 9 мая 1936 года в семь часов вечера у него случился обширный инсульт, и через три дня этот известный соратник Сунь Ятсена скончался в возрасте пятидесяти семи лет.

Незадолго до того, весной 1936 года, на лечение в Европу вместе с женой вновь уехал Ван Цзинвэй, проведший полгода в госпитале. Пулю из его спины извлечь не удалось, и он страдал и физически, и морально.

Таким образом, оба оппонента Чана так и не смогли занять высшие посты в Гоминьдане. Был ли Чан причастен к смерти Ху и покушению на Ван Цзинвэя или ему просто сильно повезло, неизвестно; биографы Чана не верят в его виновность, хотя и не имеют доказательств. Но то, что от устранения конкурентов он сильно выиграл, несомненно. Даже формально вся власть оказалась в его руках: ведь именно он был единственным заместителем и председателем Постоянного комитета ЦИК, и председателя Политсовета. После V съезда, в декабре 1935 года, он во второй раз встал и во главе Исполнительной палаты — вместо Ван Цзинвэя и Кун Сянси^[59]. На пост же министра иностранных дел вместо раненого Вана он назначил Чжан Цюня, своего близкого друга и соученика по Баодинской академии и японской школе «Симбу гакко».

В то время когда Чан Кайши был занят на съезде, хорошая новость пришла наконец из Советского Союза. 19 ноября заместитель наркома иностранных дел Борис Спиридонович Стомоняков, курировавший дальневосточные дела, сообщил Богомолу, что СССР согласен продавать Чану оружие. Еще через месяц, 14 декабря, Сталин через Стомонякова и Богомолу даже намекнул Чану, что готов обсудить с ним и секретный военный союз, но недвусмысленно поставил это в зависимость от отношений Гоминьдана с КПК: «Без реализации единого военного фронта войск Чан Кайши (так в тексте. — А. П.) с частями Красной армии Китая невозможна серьезная борьба против японской агрессии».

Кто бы говорил! Ведь это сами китайские коммунисты, исходя из политики Сталина, не желали единого фронта с Чаном! Похоже, Сталин старался вынудить Чан Кайши первым пойти на переговоры с коммунистами, несмотря на их открытую античанкайшистскую позицию. Иными словами, хотел, чтобы Чан капитулировал перед ним и КПК.

Чан давно понял, что надо вести переговоры не только с СССР, но и с КПК, хотя сам сдаваться не собирался: к капитуляции он хотел подтолкнуть коммунистов, находившихся на грани полного разгрома. Еще в ноябре 1935 года он стал наводить мосты с компартией Китая, дав секретное задание своему «кровному племяннику» Чэнь Лифу «провести переговоры как с китайскими коммунистами, так и с Советским Союзом». Чэнь Лифу через посредников смог связаться кое с кем из работников подпольных организаций КПК в Шанхае и Бэйпине, и его люди вступили с ними в переговоры. Одновременно, по просьбе Т. В. Суна, с шанхайскими коммунистами связалась Сун Цинлин.

А тем временем шансы Сталина на капитуляцию самого Чана неожиданно возросли. В декабре 1935 года по всему Китаю прокатилась

волна антияпонских выступлений студенческой молодежи. Зародилась она в Бэйпине 9 декабря и вскоре охватила почти все крупные города страны. Толпы студентов повсеместно потребовали от Чана организовать сопротивление Японии, резко активизировались различные патриотические организации китайской интеллигенции. Чан оказался в тяжелом положении, и Сталин мог надеяться, что он станет податливее.

Но вождь Китая по-прежнему вел свою игру. 19 декабря 1935 года он вновь встретился с Богомоловым, чтобы найти компромисс в вопросе о китайской компартии. Он передал в Москву просьбу положить в основу китайско-советских отношений принципы, сформулированные в совместном коммюнике Сунь Ятсена и Иоффе 26 января 1923 года, в котором, как мы помним, прямо говорилось о том, что «в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае» из-за отсутствия необходимых условий. Ход был хитрый, но Сталин не откликнулся на эту просьбу.

Тогда в рождественский день, 25 декабря, Чан Кайши послал Чэнь Лифу и заведующего орготделом ЦИК Гоминьдана Чжан Чуна с секретной миссией в СССР, но она закончилась безрезультатно: Чэнь и Чжан вернулись с полпути, так как Сталин не захотел с ними встречаться.

Но Чан не смирился. После Нового года он приказал другому доверенному человеку — Дэн Вэньи, организатору «Общества возрождения» (Фусиншэ), встретиться с Ван Мином, главой делегации КПК в Коминтерне. У Дэна с Ваном имелись *гуаньси*: в 1925–1927 годах они учились в одном Университете имени Сунь Ятсена в Москве, кстати, вместе с сыном Чан Кайши — Цзян Цзинго (Дэн под псевдонимом Зацепин, а Ван — Иван Андреевич Голубев).

Дэн, служивший в то время военным атташе посольства Китая в Москве, провел с Ваном три встречи — с 17 по 23 января. Он не скрывал, что послан Чаном, который «искренне» и «давно хочет вести переговоры с Красной армией». По его словам, Чан предлагал любую форму единого фронта: либо КПК опять вступит в Гоминьдан, либо будет продолжать существовать самостоятельно. Генералиссимус предлагал даже снабжать компартию боеприпасами, оружием и продовольствием, но просил ликвидировать советское правительство и реорганизовать Красную армию в Национально-революционную. При этом Дэн заметил, что Чан хочет послать его (Дэна) в Сычуань или Шэньси на встречу с руководителями ЦК КПК, но боится, «так как предварительно нет никакого согласия со стороны Красной армии».

В беседах принял участие заместитель наркома иностранных дел

Китайской Советской Республики Пань Ханьнянь. Было решено, что Дэн вместе с Панем «направятся в Нанкин для переговоров с Чан Кайши», а затем из Нанкина — в советский район для обсуждения с Мао и другими руководителями КПК «конкретных методов сопротивления Японии и спасения родины». 23 января Пань Ханьнянь направил Чану письмо, гарантируя Дэн Вэнь личную безопасность на территории советских районов. За день до того Чан, проинформированный Дэн Вэнь об успехах переговоров, заявил Богомолу, что «считает возможным договориться с <китайской> компартией», но попросил СССР «использовать свой авторитет, чтобы убедить Красную армию <Китая> признать фактическое правительство <Нанкина>». Но Богомол, а затем и Сталин (через Стомонякова) дали Чан Кайши понять, что СССР якобы не имеет «возможности ни взять на себя, ни осуществить» посредничество между ним и КПК, вновь подталкивая самого Чана проявлять инициативу.

КПК к тому времени была ослаблена. Но все же не уничтожена. В конце октября 1935 года китайские коммунисты закончили свой Великий поход. 22 октября в деревушке Уцижэнь на севере провинции Шэньси Мао Цзэдун объявил его оконченным. Коммунисты в итоге прошли с юго-востока на северо-запад Китая 12 тысяч *ли*, то есть около восьми тысяч километров. (Мао, правда, объявил, что они прошли 25 тысяч *ли*, то есть более 16 тысяч километров — так звучало более героически.) Из 86 тысяч солдат и командиров, вышедших из окружения в октябре 1934 года, в эту деревню добрались не более пяти тысяч, однако говорить о разгроме КПК не приходилось.

Коммунисты стали обосновываться в новом советском районе — на границе провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся. Радиосвязи с Коминтерном у них по-прежнему не было, так что о политике единого антияпонского фронта они ничего не знали. В феврале 1936 года их войска вторглись в провинцию Шаньси, где вновь, как и в Центральном Советском районе, начали грабить и убивать всех, кого считали эксплуататорами. Иначе им было просто не выжить: север Шэньси, куда они пришли, был наиболее бедным районом Китая, а в соседней провинции Шаньси было чем поживиться.

На бандитизм коммунистов Чан, конечно, должен был реагировать. Не прекращая переговоров с Москвой и КПК, он мобилизовал все силы для окружения и разгрома бандитствовавших войск Мао в Шаньси. Коммунисты вынуждены были вернуться в соседнюю Шэньси.

Между тем Чан узнал, что 9 февраля 1936 года в «Ленинградской правде» было опубликовано письмо его старшего сына Цзинго матери, в котором тот вновь, как и после шанхайского переворота 12 апреля 1927 года, заклеил отца. «Что делать, мама, — было написано в письме, — если твой муж — Чан Кай-ши варварски уничтожает тысячи и десятки тысяч наших братьев, предал свой народ, продал интересы китайской нации?.. Сейчас Чан Кай-ши проповедует теории и нравственные законы Конфуция... <Но> разве ты не помнишь, мама, кто стащил тебя вниз со второго этажа за волосы? Разве не он? Кого ты на коленях умоляла, чтобы он не выгонял тебя из дому? Разве не его? Кто своими оскорблениями и побоями вогнал в гроб мою бабушку? Не он?.. Каждый честный китаец должен... беспощадно бороться против Чан Кай-ши».

14 февраля Чан записал в дневнике: «Получил известие о том, что сын Цзин <Цзинго> поместил в московской (на самом деле ленинградской. — А. П.) газете письмо к матери, в котором очернил своего отца. Думаю, что письмо сфабриковано, поэтому на сердце у меня спокойно».

Чан был прав: письмо действительно было фальшивое: еще 23 ноября 1935 года его написал Ван Мин, глава делегации КПК в Коминтерне. По словам Цзинго, узнав о публикации, он даже заболел, проведя в госпитале 13 дней.

В то время Цзинго, который, как мы помним, со времени поступления в Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в Москве в ноябре 1925 года носил русские имя, отчество и фамилию — Николай Владимирович Елизаров, жил на Урале, в Свердловске. Туда его перевели в ноябре 1932 года после обучения в аспирантуре Международной ленинской школы — помощником начальника механического цеха № 1 Уралмашзавода. В 1933 или 1934 году он познакомился там со светловолосой девушкой, сиротой, комсомолкой Фаиной Ипатьевной Вахревой, которая была на семь лет моложе его.

Она родилась 15 мая 1916 года в селе Гаврилов-Ям, недалеко от Ярославля, где ее родители, Ипатий Федорович и Екатерина Петровна, а также старшая сестра Анна работали на прядильной фабрике льняных изделий купца А. А. Локалова. По некоторым данным, Ипатий Федорович, белорус по национальности, переселился туда из города Орши. Побелорусски его фамилия звучала Вахрава, но он, переехав в Центральную Россию (сначала во Владимирскую губернию, а потом — в Ярославскую), исправил ее на русский манер. Мать умерла, когда Фаине было всего шесть лет, в 1922 году, а отец — в 1931-м. Воспитывала Фаину ее «сестра-мать»^[60] Анна. В семье был еще грудной ребенок, брат, но он умер вскоре

после смерти матери. В тот же год, когда скончался отец, Анну послали учиться в Машиностроительный институт города Свердловска, и пятнадцатилетняя Фаина поехала с ней. Девушка сначала поступила в ФЗО (школу фабрично-заводского обучения), а через два года стала работать токарем на Уралмашзаводе. По словам Цзинго, он «с ходу» полюбил Фаину. 15 марта 1935 года, когда он уже полгода как был заместителем редактора заводской газеты «За тяжелое машиностроение», они поженились. Жили молодые в коммунальной квартире на улице Красных партизан, 4, что в двух шагах от завода. 14 декабря 1935 года у них родился первенец, которому Цзинго дал детское имя Айлунь («Тот, кто любит добродетель»), а Фаина — модное тогда имя Эрик. Ребенок был недоношенным и весил чуть более полутора килограммов, но Фаина и Цзян выносили его. Так у Чана появился первый внук, о котором он пока ничего не знал.

7 декабря 1936 года Цзинго перевели из кандидатов в члены партии, а в самом начале 1937-го назначили заместителем заведующего организационным отделом Свердловского городского совета. Он был на хорошем счету, в данной ему характеристике подчеркивалось: «Принимая самое активное участие в политической жизни... зарекомендовал себя крепким партийцем, большевиком, активно проводящим генеральную линию нашей партии во всей выполняемой им работе».

Понятно, что, публикуя фальшивое письмо Цзинго к матери, Ван Мин действовал не на свой страх и риск: он должен был получить разрешение на самом верху, ибо все вопросы, касавшиеся отношений с Китаем, вождем с 1925 года держал под личным контролем. Очевидно, Сталин лишний раз захотел помахать перед носом Чана, не спешившего капитулировать, своим крупным козырем.

Но результат получился обратный. Чан, как видно, не испугался, продолжив преследовать китайских коммунистов.

К тому времени Мао Цзэдун и другие руководители компартии уже ознакомились с основными решениями VII конгресса Коминтерна. Радиосвязи с Москвой у них не было, но в середине ноября 1935 года в столицу советского района на севере Шэньси, город Ваяобао, добрался посланец делегации КПК в Коминтерне, старый коммунист Линь Юйин (псевдоним — Чжан Хао). Он-то и привез коминтерновские документы, в том числе «Обращение от 1 августа». На протяжении нескольких дней лидеры КПК обсуждали эти материалы и, конечно, одобрили их, так как по-прежнему следовали внутрикоминтерновской дисциплине и, как всегда,

зависели от Москвы и в финансовом, и в военном отношении.

В декабре 1935 года китайские коммунисты установили контакт с генералом Ян Хучэном, который в принципе согласился с идеей единого антияпонского фронта, а в начале января 1936 года послали связного и к Молодому маршалу Чжан Сюэляну. Связным был попавший к ним в плен за два месяца до того командир одного из полков Северо-Восточной армии, которого коммунисты смогли распропагандировать. Тот передал Молодому маршалу предложение ЦК КПК перевести гражданскую войну между Красной и Северо-Восточной армиями в антияпонскую. По позднему признанию Чжан Сюэляна, коммунисты «тронули его сердце», что неудивительно: мы знаем его отношение к японцам. К тому времени он и сам успел завязать контакт с некоторыми членами компартии, находившимися в Шанхае, пытаясь выяснить возможность совместной с КПК борьбы против Японии. Вскоре глава Бюро связи ЦК КПК (так называлась разведывательная служба компартии) Ли Кэнун встретился с Чжан Сюэляном в деревушке Лочуань на севере провинции Шэньси. Начались секретные переговоры, в ходе которых Чжан Сюэлян не согласился только с одним предложением коммунистов: совместно бороться не только против японцев, но и против Чан Кайши.

В то время когда шли эти переговоры, 27 февраля, в Ваяобао прибыли два члена шанхайской организации компартии, передавшие руководителям ЦК КПК предложение Чэнь Лифу, действовавшего, понятно, по приказу Чан Кайши, начать прямые консультации. Будучи не в состоянии запросить совета у Москвы, Мао и его товарищи на новом заседании Политбюро в конце марта 1936 года на свой страх и риск приняли решение не отказывать Нанкину, выдвинув, правда, условие: образование правительства национальной обороны и Объединенной антияпонской армии. 21 марта Кун Сянси «по секрету» сообщил советскому полпреду, что Чан Кайши «уже ведет переговоры с компартией о едином фронте» и что «он лично надеется на успех».

Это, правда, мало что значило. Никаких дальнейших шагов по организации единого фронта с КПК Чан не предпринимал, и вожди компартии тоже ничего конкретного делать не стали.

А вот с Чжан Сюэляном коммунисты активизировали переговоры. 9 апреля в католическом храме северошэньсийского города Яньань с Молодым маршалом встретился Чжоу Энълай. Переговоры проходили в дружеской атмосфере, но Чжан продолжал настаивать на том, чтобы коммунисты изменили отношение к Чан Кайши. Чжоу отвечал уклончиво, и тогда Молодой маршал предложил компромиссную формулу: вместо

лозунга «выступать против Чана и против Японии» призвать китайский народ «оказывать давление на Чана, выступать против Японии».

До середины лета 1936 года Чжоу и Чжан встречались еще два раза, и Чжоу наконец согласился (правда, без консультаций с Мао и другими лидерами КПК) изменить лозунг партии. После этого и Чжоу, и Чжан расплакались от радости, а Чжан вскоре послал коммунистам изрядную сумму денег из своих личных фондов.

Но и это ничего не значило. Китайские коммунисты упорно продолжали античанкайшистскую линию, используя любую возможность для ослабления Чана. Так, 12 и 13 июня они опубликовали две декларации в поддержку юго-западных милитаристов, которые за неделю до того в очередной раз восстали против Чан Кайши, объявив об «антияпонском походе на север». Коммунисты объявили этот поход национально-революционной войной «против главаря национальных предателей — Чан Кайши».

Сталин и Коминтерн выразили недовольство линией поведения вождей КПК в конфликте Чана с юго-западными милитаристами, но сделали это поздно (15 августа 1936 года), да к тому же в секретном порядке, так что Чан Кайши об этом не узнал. А «предательское» поведение коммунистов не могло, конечно, не сказаться на отношении генералиссимуса к переговорам не только с КПК, но и с СССР. Тем более что никаких реальных плодов эти переговоры не приносили, а 12 марта 1936 года СССР к тому же существенно ухудшил отношения с Китаем, оформив особый протокол о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой, предусматривавший взаимную поддержку на случай войны. Как мы помним, китайцы считали Монголию частью Китая, так что, понятно, Чан воспринял этот протокол как недружественный акт. 7 и 11 апреля его МИД направил правительству СССР официальные протесты.

Даже торгово-экономические связи Китая с СССР развивались слабо. В 1935 году торговый оборот с Советским Союзом составил не более девяти с половиной миллиона американских долларов, в то время как с США, главным торговым партнером Китая, — более 247 миллионов, с Японией — 182 миллиона, с Англией — 125, а с нацистской Германией — почти 120 миллионов.

Обещания поставок оружия из СССР оставались пока голословными, и по-прежнему основным поставщиком вооружений в Китай являлась Германия. В феврале 1936 года Китай подписал с нацистами очень выгодный договор о кредите на сумму 100 миллионов китайских долларов, который немцы обязались предоставить китайцам для закупки вооружения

в их стране в обмен на поставку в рейх стратегического сырья, прежде всего вольфрама. В конце июня 1936 года Чан Кайши направил большую делегацию спортсменов для участия в Берлинской олимпиаде. Сопровождали ее 29 официальных лиц во главе с самим Дай Цзитао, главой Экзаменационной палаты. И хотя китайские спортсмены проиграли все, что могли, не завоевав ни одной медали, Чан мог считать поездку удачной. Ведь в ходе ее Дай Цзитао был принят Гитлером, а также главой Рейхсбанка Шахтом, вождем гитлерюгенда Бальдур фон Ширахом и рейхсминистром науки, воспитания и народного образования Бернгардом Рустом. Дай был очень впечатлен встречами и переговорами и, выступая перед китайскими спортсменами, рекомендовал им культивировать в себе «великий дух» немецкого народа (как известно, немцы на той Олимпиаде заняли первое место в неофициальном медальном зачете).

В июле 1936 года за вклад в развитие двухсторонних отношений нацисты даже наградили Чан Кайши почетным оружием, а Кун Сянси — орденом Красного креста. Новый же главный военный советник Чана, 57-летний генерал, барон Александр фон Фалькенхаузен, сменивший Секта в марте 1935 года, так же, как Сект, делал все возможное, чтобы как можно быстрее подготовить несколько образцовых дивизий чанкайшистской армии. Чан знал его с лета 1934 года, с тех пор как Фалькенхаузен стал служить в Китае начальником штаба у Секта. И уважал не менее, чем Секта, который оставил свой пост по болезни^[61].

Летом 1936 года один из главных лоббистов Китая в нацистской Германии, генерал Вальтер фон Рейхенау, тот самый, который через два года оккупирует Чехословакию, в 1940-м захватит Париж, а в 1941-м — Киев и Харьков, тот самый, который будет нести главную ответственность за Бабий Яр, даже предложил Чану подписать германо-китайский актикоминтерновский пакт, пообещав существенно увеличить военную помощь. А в июле 1936 года нацисты подписали с Чаном бартерное соглашение на сумму 100 миллионов рейхсмарок (по курсу того времени — более 40 миллионов американских долларов), а затем новые торговые договоры на поставку вооружений. Только за период с августа 1934-го по октябрь 1937 года было заключено несколько таких договоров на общую сумму 389 миллионов рейхсмарок (около 157 миллионов долларов).

И хотя в политический союз с нацистами Чан Кайши вступать не стал, но в игре со Сталиным и компартией Китая его дружеские отношения с Гитлером были как нельзя кстати. Он не только мог пугать этим Сталина так же, как гипотетическим союзом с Японией, но и, опираясь на помощь немцев, шантажировать его продолжением войны с КПК. Маневры Чана,

таким образом, были не менее тонкими, чем у Сталина.

Неудивительно поэтому, что в июне 1936 года после разгрома войск Мао в Шаньси Чан развернул новое наступление — на главный советский район, охватывавший север Шэньси и часть соседних провинций Ганьсу и Нинся. По его приказу 86-я дивизия гоминьдановской армии неожиданно атаковала коммунистов, захватив их столицу Ваяобао. Пришлось коммунистам бежать в городок Баоань, почти за 300 *ли* к западу от Ваяобао.

Это, правда, ничего не изменило в стратегическом отношении. Китайская Красная армия неуклонно росла и составляла уже 25 тысяч бойцов, а население советского района Шэньси-Ганьсу-Нинся — около полумиллиона. Коммунисты продолжали успешно играть с Чжан Сюэляном, даже выдвинув его в председатели Северо-западного правительства национальной обороны, которое запланировали создать. Более того, стали подумывать о его тайном приеме в компартию. (Тот сам выразил желание стать коммунистом.)

И, возможно, они приняли бы его, если бы радиостанциям Коминтерна в самом конце июня 1936 года не удалось наладить с ними радиосвязь. 15 августа Секретариат Исполкома Коминтерна передал руководителям КПК последние указания Сталина, полученные генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Георгием Димитровым в ходе беседы с кремлевским вождем в конце июля. Эти указания легли в основу телеграммы Секретариата Исполкома Коминтерна в Секретариат ЦК КПК, текст которой разрабатывался в Исполкоме Коминтерна еще с начала двадцатых чисел июля и которую Сталин утвердил 13 августа. В Китае, по всей видимости, ее получили не ранее 17 августа. Эта телеграмма явно говорила о том, что Сталин начал волноваться по поводу чересчур тесных отношений китайского генералиссимуса с нацистами. Да и откровенное нежелание Чана идти на уступки Советскому Союзу и КПК в вопросе о едином фронте тоже вызвали его беспокойство.

Принимать в компартию «ненадежного союзника» — Чжан Сюэляна — Сталин категорически запретил, потребовав от Мао и других вождей КПК расширить масштабы единого фронта и изменить негативное отношение китайской компартии к Чан Кайши. О том же, что он сам раньше требовал от КПК борьбы на два фронта (и против японцев, и против Чан Кайши), он, понятно, ничего не сказал.

Вряд ли Мао и другие вожди КПК удивились изменению курса Москвы по отношению к Чану: они уже знали об этом от Пань Ханьняня, того самого, который в январе 1936 года вместе с Ван Мином вел в Москве переговоры с Дэн Вэньи, военным атташе китайского посольства. Приехав

в апреле 1936 года в Нанкин для переговоров о едином фронте, Пань поддерживал собственную связь с Коминтерном, пользуясь личным кодом. По сути, он был в то время неформальным представителем Коминтерна в Китае. По просьбе гоминьдановцев 8 августа Пань приехал в Баоань, новую столицу КПК, чтобы выяснить мнение Мао и других вождей о едином фронте. Он-то и ознакомил лидеров партии с новым курсом Москвы в отношении Чана. И те, разумеется, горячо поддержали этот курс, следуя внутрикоминтерновской дисциплине. 10 августа они приняли решение «признать Нанкин великой революционной силой национального движения». А через 15 дней послушно направили ЦИК Гоминьдана письмо с предложением прекратить гражданскую войну и начать переговоры. «Суть нашей политики — единение с Чан Кайши для сопротивления Японии», — заявил вслед за этим Мао Цзэдун.

1 сентября 1936 года Чжоу Эньлай отправил письмо Чэнь Гофу и Чэнь Лифу (своим старым знакомым по первому единому фронту), в котором от имени ЦК КПК предложил Гоминьдану «объединиться с СССР и китайской компартией для борьбы против Японии». После этого Чан Кайши решил дать коммунистам последний шанс капитулировать. Он потребовал от КПК начать борьбу «за реализацию трех принципов Сунь Ятсена, прекратить борьбу за свержение национального правительства, перестать конфисковывать земельную собственность, распустить советы, переименовать китайскую Красную армию в Национал-революционную и переподчинить ее Военному совету Гоминьдана для борьбы против Японии».

Коммунисты на все согласились, но выдвинули требование: начать войну с Японией. А вот этого-то Чан и не мог от них принять. Главным образом потому, что не хотел допустить, чтобы КПК диктовала ему — вождю нации — свою волю. Ведь только себя он считал в праве решать, когда наконец настанет момент самопожертвования. Как доносил в Москву полпред Богомолов, Чан мог решиться на союз с коммунистами «только накануне... войны с Японией и в связи с соглашением с Сов<етским> Союзом». К войне же с Японией в конце 1936 года он еще не был готов.

Не исключено также, что Чан просто не поверил коммунистам. Ведь, как и многие другие антикоммунисты и в Азии, и в Европе, он был убежден, что «Коминтерн был всегда наиболее изолгавшимся учреждением в этой рекордно изолгавшейся стране <СССР>»^[62]. Поэтому прежде, чем что-то подписывать с КПК, он решил добить китайскую компартию в ее «логове», призвав свои войска к новому, шестому, карательному походу. Как раз к тому времени, середине сентября, ему удалось ценой больших

усилий, в том числе подкупа, решить проблему с юго-западными милитаристами, вынудив их прекратить мятеж, и он теперь мог вновь бросить все силы против коммунистов.

Разгром компартии должны были завершить Молодой маршал Чжан Сюэлян и генерал Ян Хучэн, войска которых, как мы знаем, базировались на границах советского района Шэньси-Ганьсу-Нинся. 22 октября 1936 года Чан на аэроплане прилетел из Нанкина в столицу провинции Шэньси — город Сиань, чтобы скоординировать последнюю антикоммунистическую кампанию. Но там 26 октября он получил обращение 46 руководителей компартии, направленное ему и генералам гоминьдановских войск, дислоцированных на северо-западе. На этот раз коммунисты требовали прекратить наступление на Красную армию, вновь предлагая прямые переговоры о едином фронте против японских агрессоров. Чан, однако, расценил и это их письмо как обман. Коммунисты, заявил он, «несомненно являются интернационалистическими марионетками (то есть агентами СССР. — А. П.), а китайский народ приносят в жертву».

Но Молодой маршал Чжан Сюэлян так не считал и попытался уговорить Чан Кайши остановить карательный поход, объединившись с КПК. Чан вспылил и, накричав на него, отверг его предложение как «капитуляцию». «<Чжан Сюэлян> ничего не понимает, и от этого у меня болит сердце», — записал он в дневнике.

После этого, 29 октября, Чан Кайши вылетел в город Лоян (провинция Хэнань), где через два дня отпраздновал свое пятидесятилетие (по западному летоисчислению ему было еще сорок девять, но китайцы засчитывают девять месяцев, проведенные в утробе, за год, так что он имел все основания для юбилея). По всей стране прошли торжества, а Чан опубликовал обращение к народу, в котором, описав свое тяжелое детство и признавшись лишним раз в любви к матери, попросил сограждан помочь ему выполнить наказ мамы: добиться освобождения китайской нации. По просьбе Мэйлин, находившейся в Шанхае по болезни (у нее разыгралась язва), он прислал за ней аэроплан, чтобы она могла провести день его рождения вместе с ним. За праздничным столом было много гостей, в том числе Чжан Сюэлян и даже бывший враг Чана — маршал Фэн Юйсян, и Мэйлин лично отрезала каждому кусочек торта, в который было воткнуто 50 свечей. Чан опять вспоминал маму, сокрушаясь, что не смог выполнить ее наказ.

В тот же день Чан и Мэйлин присутствовали на военном параде в честь юбилея. Прогремел салют из 21 орудия, и все присутствовавшие трижды поклонились Чану.

Кроме Мэйлин других родственников на банкете не было. Сестры Мэйлин находились в Нанкине. Свояк Чана, Кун Сянси, лежал в постели с высокой температурой, так что его жена Сун Айлин находилась при нем, а для Сун Цинлин, как мы помним, день рождения Чана был не только не праздником, но самым черным днем. Не было и детей: Цзинго, как мы знаем, находился в Свердловске, а младший сын Вэйго прямо накануне юбилея, 21 октября, по протекции генерала фон Рейхенау отправился получать военное образование в нацистскую Германию. Он отплыл из Шанхая на немецком океанском лайнере «Потсдам» и должен был осуществить то, что не удалось самому Чану: посетить Германию. По воспоминаниям Вэйго, Чан, отправляя его, сказал: «Китаю следует учиться у страны, которая сплочена и организована, а не погрязла в безумной роскоши. Мы пока не можем расточительствовать... Германия единственная страна, у которой мы можем чему-нибудь научиться. Они могут дать нам основные знания, опираясь на которые мы разовьем наш собственный стиль: твердый и прочный». Вэйго поздравил отца телеграммой из Сингапура.

Самые большие торжества прошли в столице. Двести тысяч горожан во главе с главой правительства Линь Сэнем, собравшись на аэродроме, с восторгом следили за тем, как 35 аэропланов составили в небе два иероглифа: «чжун» и «чжэн» (как мы помним, Чжунчжэн было официальным именем Чана). К юбилею Чан Кайши по всему Китаю собирали деньги, чтобы купить новые самолеты, и к концу октября их было закуплено семьдесят два, а контракты по еще тридцати с лишним находились в стадии оформления.

Идея со сбором денег для покупки аэропланов принадлежала Сун Мэйлин, которая была фанаткой самолетов. Благодарный муж по рекомендации Дональда назначил ее вскоре, 9 ноября 1936 года, главой правительственного комитета по авиации. Это был мудрый шаг. Ведь своего самолетостроения в Китае не было, и от главы комитета требовалось в основном умение вести переговоры с западными партнерами. И вот здесь-то очаровательная Сун, свободно изъяснявшаяся по-английски, могла в самом деле принести большую пользу.

Между тем 31 октября Чжан Сюэлян, несмотря на день рождения Чана, опять завел с ним неприятный разговор о необходимости единого фронта с КПК. Присутствовавший при разговоре маршал Фэн Юйсян поддержал его. Но Чан, как всегда, разозлился и наговорил им много обидных слов. «Если говорить о войсках Северо-Восточной армии в Сиани, то их дух и дисциплина подорваны пропагандой коммунистических

бандитов, — записал он в тот день в дневнике. — У Ханьцина (величальное имя Чжан Сюэляна. — *А. П.*) нет прочной основы».

Возможно, Чан считал, что он, как Конфуций, достигнув пятидесятилетнего возраста, «познал волю Неба» и потому во всем абсолютно прав и вникать в советы молодого и старого маршалов ему нет нужды. А зря! Лучше бы он брал пример с любимого ученика Конфуция — Цзы Лу (542–480 годы до н. э.), который, если верить Мэнцзы, всегда радовался, когда ему говорили, что он ошибается.

Часть IV
PRO ET CONTRA

蔣

Сианьское пленение

Между тем международная обстановка продолжала ухудшаться. В ноябре 1936 года Германия, которую Чан Кайши считал дружественной страной, подписала с Японией антикоминтерновский пакт^[63]. Против Китая он, конечно, направлен не был, но заложил основу для развития стратегического партнерства нацистов и японцев, тем более что за несколько месяцев до того немцы заключили торговый договор с Маньчжоу-Го, по существу признав ее «независимость». В том же ноябре 1936 года резко обострилась ситуация в провинции Суйюань, где монгольские ханы, подстрекаемые японцами, начали наступление на войска Чана. В китайском же обществе опять стало разворачиваться мощное антияпонское движение, ослаблявшее позиции Чан Кайши.

В этих условиях Чану надо было разгромить КПК как можно скорее, чтобы укрепить свое положение на переговорах со Сталиным. Как человек очень упрямый и авторитарный, Чан по-прежнему желал чувствовать себя победителем, чтобы в будущем диктовать и СССР, и поверженной китайской компартии свои условия. «Хитрые планы посла России и красных бандитов по-прежнему не меняются, их цель — не допустить моего самоусиления», — записал он в дневнике.

Между тем разочарованный Чжан Сюэлян, вернувшись в Сиань, встретился с Ян Хучэном, чтобы рассказать ему о неудачных переговорах с Чан Кайши и попросить совета. Он чувствовал себя так, словно в Лояне его окатили холодной водой. В ушах звучали слова генералиссимуса: «Те, кто выступает за союз с большими предателями <коммунистами> — хуже, чем Инь Жугэн^[64]».

Генерал помолчал, а потом изрек такое, что вначале поразило Чжана, как удар молнии:

— В следующий раз, когда господин Чан приедет в Сиань, сделай то, что делали в древности, — *бинцзянь*.

Это означало «увещевание с помощью солдат». О *бинцзянь* или *цянцизянь* («увещевание с помощью силы») говорится в старинных комментариях к древней китайской летописи «Чуныцю» («Весна и осень»). Судя по комментариям, в VII веке до н. э. один из командиров царства Чу по имени Юй Цюань, двинув войска, арестовал правителя (Вэнь вана), чтобы вынудить того исправить свои ошибки. Никакого вреда главе государства он не желал, а будучи патриотом, просто прибег к последнему

аргументу, пытаясь воздействовать на правителя. В знак преданности Вэнь вану он даже отрубил себе ногу, после чего правитель, устыдившись, исправил ошибки и даже повысил его в звании.

Конечно, ногу себе Чжан Сюэлян отрубить не хотел, но благородная идея *бинцзяня* запала в его душу.

Последней каплей, переполнившей чашу его терпения, стал арест полицией Чан Кайши 23 ноября 1936 года в Шанхае семерых патриотов — организаторов Всекитайской ассоциации спасения родины. (Восьмым организатором была свояченица Чана, Сун Цинлин, но ее, конечно, арестовать никто не посмел.) Чжан был потрясен и 27 ноября написал письмо Чану, умоляя разрешить ему и его войскам участвовать в антияпонской борьбе, а для этого направить его армию в Суйюань. (Накануне он уже отправил одну из частей своей армии в эту провинцию, но без ведома Чана.)

3 декабря Чжан вновь полетел в Лоян — Чан собирал генералов и офицеров, чтобы обсудить ход шестой антикоммунистической кампании. Но, встретившись с Чаном, вновь не нашел с ним общего языка. Чжан Сюэлян умолял освободить патриотов, а Чан опять вспылал:

— Ты единственный во всей стране, кто видит вещи по-своему. Но я и есть революционное правительство! И то, что я делаю, и есть революция!

Между тем в тот день подразделения морских пехотинцев японской армии высадились в городе Циндао, начав проникновение в провинцию Шаньдун. Потрясенный, Чан решил немедленно активизировать меры, направленные на скорейший разгром КПК, по-прежнему упрямо считая это необходимым условием начала войны с Японией. На следующее утро, 4 декабря, вместе с 49 членами своего штаба он на машинах выехал в Сиань, чтобы переломить ситуацию, сложившуюся в Северо-Восточной армии. Настроен он был по-боевому: почти всю дорогу перечитывал трактат «Искусство войны» древнекитайского философа Суньцзы. Молодой маршал отправился в Сиань вслед за генералиссимусом.

В Сиань, точнее в расположенное в ее северо-западном предместье местечко Хуацзинчи (Красивый и чистый горячий источник), Чан приехал в тот же день, в девять часов вечера. Здесь, в старинной резиденции тайского императора Сюаньцзуна (Ли Лунцзи), окруженной живописными холмами и славившейся своими минеральными источниками (температура воды — около 50 градусов), он всегда любил останавливаться. Почему-то особенно ему нравился одноэтажный и довольно мрачный дом Уцзяньтин (Пятикомнатный павильон) в юго-восточном крыле паркового комплекса.

5 декабря Чан Кайши выступил с истеричной речью перед кадетами

сианьской военной академии, призвав их разгромить «красных бандитов», а через два дня, по воспоминаниям Молодого маршала, опять наорал на него:

— Нигде, кроме северо-запада, и никто, кроме тебя, Чжан Сюэлян, не осмеливается со мной так разговаривать. Никто не смеет критиковать меня. Я генералиссимус и я не ошибаюсь. Я — это Китай, и Китай не может обойтись без меня!

«Господин Чан был очень упрям, очень консервативен, слишком консервативен, — вспоминал Чжан Сюэлян много лет спустя. — ...Если можно вообразить себе императора, то он и был императором... Он никому не мог позволить подорвать свой авторитет. Я же подорвал его авторитет».

Через четыре дня ситуация в Сиани ухудшилась. В ответ на выступление японского военного министра 8 декабря с новыми угрозами в адрес Китая более десяти тысяч студентов на следующий день, 9 декабря, в годовщину бэйпинских антияпонских манифестаций, вышли на улицы. Они потребовали остановить гражданскую войну и объединить все силы против Японии. По дороге из Сиани в резиденцию Чан Кайши их встретили полицейские, открывшие огонь. Двое студентов были ранены. По воле случая они оказались детьми одного из офицеров Северо-Восточной армии. Но студенты все равно продолжили шествие, и через некоторое время на мосту через реку Вэйхэ, недалеко от резиденции, путь им преградили войска. Массовой гибели людей удалось избежать только потому, что к месту события примчался Молодой маршал, со слезами на глазах умолявший студентов повернуть назад.

— Как патриот и солдат, — обратился он к студентам, — я хочу участвовать в антияпонском сопротивлении. Я передам ваши требования Председателю Чан Кайши... Верьте мне... Я дам вам ответ через неделю.

Вслед за Чжаном многие студенты расплакались.

На следующий день Чан принял Молодого маршала в своем павильоне. Тот стал заступаться за студентов, но Чан вновь разозлился: «С этой патриотической молодежью нельзя общаться иначе, как только стреляя по ним из пулеметов!» Опустошенный, Чжан Сюэлян вернулся домой, а Чан вечером того же дня принял Ян Хучэна, но взаимопонимания они тоже не достигли. Перед сном Чан записал в дневнике: «На сердце беспокойно... Чувствую горечь и негодование».

Что же касается Чжана и Ян Хучэна, то они поняли — дальше терпеть нельзя. Своевольный Чан Кайши просто не оставил им выбора. Их поддержал командующий 2-й армией и губернатор Ганьсу Юй Сюэчжун, который тогда находился в Сиани. Ян и Юй были настолько возмущены поведением Чана, что даже не пошли на прощальный обед, который

генералиссимус дал вечером 11 декабря (он собирался улетать из Сиани на следующий день, 12-го, в субботу). Осторожный Чжан Сюэлян, однако, на обед пришел, но Чан заметил, что он был «возбужден и растерян», просто «не походил на себя». Перед сном Чан поразмышлял об этом, помолился Богу и решил быть настороже. Ведь, как говорил великий воин Поднебесной Чжугэ Лян (181–234), «подготовленность к непредвиденному — вот путь должного управления».

Когда Чан проснулся, уже рассветало. Часы показывали начало шестого. Сделав обычную получасовую гимнастику, он уже собирался одеваться, как вдруг услышал выстрелы. Он подумал, что на резиденцию напали бандиты, возможно — коммунисты. Успев накинуть лишь легкий халат, он выскочил в окно, добежал до ограды, взобрался на нее, сильно поранив бок, и спрыгнул с девятиметровой высоты в ров, окружавший резиденцию. Его пронзила адская боль: он сильно ударился о мерзлую землю. Потеряв тапочки, босиком бросился бежать по тропинке в горы. Двое слуг следовали за ним. Обнаружив узкую расщелину, Чан спрятался в ней. Позже он будет говорить, что это убежище указал ему Бог.

Что случилось в его резиденции, он не знал. И даже не мог предположить, что на него напали солдаты Молодого маршала, которых тот послал арестовать его.

Дело в том, что, расставшись с Чаном после обеда, Чжан Сюэлян в час ночи 12 декабря собрал в своей штаб-квартире высших офицеров Северо-Восточной армии, объявив им о своем намерении немедленно прибегнуть к *бинцзянь* («увещеванию с помощью солдат»). После этого отдал приказ начальнику своей личной охраны 26-летнему капитану Сунь Минцзю отправиться во главе отряда в 120 человек в Хуацинчи и арестовать Чан Кайши. При этом подчеркнул: «Если вам не удастся взять Чан Кайши живым, вы тоже умрете».

В 5 часов 30 минут утра отряд капитана Суня прибыл на место и примерно через полчаса атаковал резиденцию Чана. Ввязавшись в бой с охраной, они потеряли время, дав Чану возможность бежать. Нашли его только в 9 часов утра, босого и жалкого. Он сильно дрожал от холода и не мог вымолвить ни слова: в спешке он забыл свою вставную челюсть^[65]. Капитан приветствовал Чан Кайши в соответствии с воинским уставом. Чан наконец с трудом вымолвил:

— Если вы мои друзья, застрелите меня и покончите со всем этим.

— Мы не будем стрелять, — ответил Сунь, по щекам которого текли слезы. — Мы только просим вас возглавить нашу страну в борьбе с

Японией. Тогда мы первыми будем аплодировать нашему генералиссимусу.

— Позовите сюда маршала Чжана, и я спущусь, — сказал Чан Кайши.

— Маршала Чжана здесь нет. Войска в городе восстали; мы пришли, чтобы защитить вас.

При этих словах генералиссимус, казалось, успокоился и попросил привести ему лошадь, чтобы он мог спуститься.

— Здесь нет лошадей, — ответил Сунь, — но я спущу вас вниз на своей спине.

И он опустился перед Чан Кайши на колени. Немного помедлив, генералиссимус вскарабкался на широкую спину капитана, и тот вынес его к машине.

Между тем солдаты армии Ян Хучэна арестовали гражданского губернатора провинции Шэньси — Шао Лицзы, отдавшего приказ о разгоне студенческой демонстрации 9 декабря, его жену (ее ранили при аресте), а также сопровождавших Чан Кайши лиц. Затем на старинной Часовой башне (Чжунлоу), выстроенной в центре города еще в период правления основателя Минской династии Чжу Юаньчжана, в 80-е годы XIV века, вывесили огромный плакат в поддержку победы неких «Объединенных антияпонских сил».

Чан же в 10.30 утра был доставлен в Сиань, в штаб-квартиру Ян Хучэна, где, к его удивлению, был встречен не только Чжан Сюэляном и Ян Хучэном, но военным оркестром и почетным караулом. Чжан с Яном явно не желали ему вреда, действуя в строгом соответствии с традицией *бинцзянь*. Но Чан, как всегда, не способен был себя контролировать и начал истерично кричать на Чжана:

— Если ты еще мой подчиненный, немедленно освободи меня, если же ты не мой подчиненный, застрели меня!

Отвернувшись, Чжан проговорил:

— Да, вы действительно упрямы!

После этого Чан Кайши был посажен под домашний арест, а мятежники направили в ЦИК Гоминьдана, председателю нанкинского правительства Линь Сэню, а также другим государственным деятелям страны и редакциям различных газет открытое обращение, содержащее восемь требований: реорганизация правительства на демократической основе, прекращение гражданской войны, освобождение семерых патриотов, арестованных в Шанхае, освобождение всех политзаключенных, развертывание массового патриотического движения, предоставление народным организациям политических свобод, выполнение завещания *цзунли* (Сунь Ятсена) и немедленный созыв конференции по спасению

родины. Обращение было передано по телеграфу 12 декабря и на следующий день опубликовано в сианьской газете «Цзефан жибао» («Освобождение»). 12 же декабря маршал Чжан направил личные послания свояку Чана — второму человеку в правительстве Кун Сянси и жене генералиссимуса Мэйлин. Последнюю он постарался успокоить, заявив, что всего лишь «попросил господина Цзе <Чан Кайши> временно задержаться в Сиани».

А тем временем в городе начались дикие солдатские грабежи, не утихавшие три дня. Тон задавали военнослужащие Северо-Западной армии: почти все банки, в том числе главный банк Молодого маршала, склады и магазины были опустошены. Аналогичные погромы произошли в столице Ганьсу, городе Ланьчжоу, вотчине генерала Юй Сюэчжуна, поддержавшего мятеж. Как видно, революция никогда не обходится без грабежей.

Еще до ареста Чана, где-то между тремя часами ночи и пятью утра, Чжан Сюэлян отправил сверхсрочную телеграмму Мао Цзэду и Чжоу Эньлаю: «Действуя в интересах китайской нации и перспектив сопротивления Японии, невзирая ни на что, мы сегодня арестовали Чана для того, чтобы заставить его освободить патриотов, реорганизовать и объединить правительство. Что по этому поводу думают старшие братья? Ответьте скорее».

Получив телеграмму, лидеры компартии пришли в восторг. Все слова о едином фронте с Чан Кайши были моментально забыты. На массовом митинге коммунисты приняли «резолюцию, требовавшую «народного суда» над Чаном как над предателем; в городе <Баоани> происходило дикое ликование».

В 12 часов ночи 12 декабря Мао и Чжоу радировали Чжану ответ, сообщив, что в Сиань для «обсуждения большого плана» собирается выехать Чжоу Эньлай. А за 12 часов до того, в полдень, переправили телеграмму Чжан Сюэляна в Секретариат Исполкома Коминтерна.

Там ее получили и расшифровали только 13 декабря. Димитров тоже обрадовался. «Оптимистическая, благоприятная оценка Джан Сюэляна (Чжан Сюэляна. — А. П.). Сов<етскому> Союзу нужно сдержанно относиться и уметь реагировать на антисоветскую кампанию в связи с событиями в Сиане», — записал он в дневнике.

Но воодушевление Димитрова угасло после того, как утром 14 декабря он прочитал редакционную статью «Правды», в которой восстание Чжан Сюэляна объяснялось происками «прояпонских элементов в Китае», использующих «все средства для облегчения японскому империализму

дела закабаления страны». Аналогичная мысль содержалась в «Известиях». Те же газеты опубликовали и заявление ТАСС, опровергавшее информацию японского агентства «Домей Цусин» о том, что Чжан Сюэлян якобы получает поддержку из СССР. Димитров понял, что такова позиция Сталина, который тоже получил сообщение о Сианьских событиях 13 декабря^[66]. Поэтому он сразу изменил свою точку зрения и созвал совещание, чтобы обсудить китайские дела с самыми доверенными лицами. А после этого послал письмо Сталину. В нем он взвалил вину за арест Чан Кайши не только на Чжан Сюэляна, но и на вождей ЦК КПК, явно пытаясь дистанцироваться от них: «Трудно себе представить, что Чжан Сюэлян предпринял свою авантюристическую акцию без согласования с ними или даже без их участия». В подтверждение этого он отправил Сталину еще и доклад одного из руководящих деятелей компартии.

Но Сталин, похоже, уже узнал о первой, радостной, реакции Димитрова на арест Чан Кайши. И был явно недоволен позицией руководства Коминтерна. Ведь казнь Чана неизбежно привела бы к усилению гражданской войны в Китае, сделав эту страну легкой добычей японского империализма, который в дальнейшем мог, опираясь на китайские ресурсы, нанести удар по СССР. Кроме того, Сталин понимал, что на место Чана мог прийти Ван Цзинвэй, а это ничего хорошего не сулило. Дело в том, что находившийся в Германии на лечении Ван встретился с Гитлером. О чем они говорили, Сталин не знал, но мог опасаться, что в случае прихода Вана к власти Китай мог вступить в антикоминтерновский союз.

Между тем эйфория в КПК по поводу ареста Чана не спадала. 15 декабря Политбюро ЦК китайской компартии обратилось к нанкинскому правительству и Гоминьдану с резким письмом, в котором заявило: «В отношении этих требований <сианьских мятежников> нельзя ничего сказать, кроме одобрения... Допустимо ли, чтобы патриоты и руководители Гоминьдана могли беспринципно подчиняться Чан Кайши (так в документе. — А. П.) и прояпонской группировке, которая угодничает перед Японией и угнетает народ... Если вы хотите отмежеваться от Чан Кайши и прояпонской группировки, вы должны проявить решимость и принять требования Чжан Сюэляна и Ян Хучэна — прекратить начавшуюся войну, снять Чан Кайши с поста и предать его народному суду». (Коммунистических вождей не смущал тот факт, что никакого снятия Чан Кайши «с поста» и предания его суду ни маршал Чжан, ни генерал Ян не требовали: достаточно было того, что они, коммунисты, этого хотели.)

В конце концов ситуацию удалось разрулить. 16 декабря Сталин в своем кабинете в Кремле обсудил ситуацию с Димитровым, секретарем Исполкома Коминтерна Дмитрием Захаровичем Манульским и четырьмя членами Политбюро большевистской партии — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и Орджоникидзе. После этого в Центральный комитет компартии Китая полетела директива Секретариата Исполкома Коминтерна, обязывавшая китайских коммунистов выступить «решительно за мирное решение конфликта» на основе реорганизации правительства путем включения в него «нескольких представителей антияпонского движения, сторонников целостности и независимости Китая»; обеспечения «демократических прав китайского народа»; прекращения «политики уничтожения Красной армии» и установления «сотрудничества с ней в борьбе против японской агрессии»; а также установления «сотрудничества с теми государствами, которые сочувствуют освобождению китайского народа от наступления японского империализма <то есть с СССР>».

Эта шифротелеграмма пришла в Баоань то ли 17-го, то ли 18 декабря. Из-за возникших технических помех, однако, часть ее вообще не прошла. И только 20 декабря Мао Цзэдун смог прочитать ее полный текст. Но теперь это ничего не меняло: к тому времени и он, и другие вожди КПК уже смогли ознакомиться со статьей «Правды» и заявлением ТАСС, которые не оставляли сомнений в позиции Сталина и Коминтерна.

Поздно вечером 17 декабря в Сиань прибыл Чжоу Эньлай, который после встречи с Чжаном послал Мао и другим руководителям КПК телеграмму, предложив: «Для того чтобы предотвратить наступление чанкайшистской фракции, облегчить нам раскол Нанкина и развить всекитайское <патриотическое> движение, можно было бы в тактических целях сказать, что мы обеспечиваем безопасность Чана, но сделать <при этом> заявление, что, если Нанкин двинет войска и развяжет гражданскую войну, безопасность Чана не будет гарантирована». 18 декабря ЦК компартии отправил обращение к ЦИК Гоминьдана, выдержанное в духе телеграммы Чжоу. В обращении содержался призыв к формированию единого антияпонского фронта на основе демократизации нанкинского режима. На следующий день ЦК КПК и советское правительство Китая послали в Нанкин и Сиань еще одно письмо, призывая обе стороны разрешить конфликт миром.

Между тем Чжоу встретился с генералом Яном, который считал, что Чан Кайши можно освободить, если тот поставит подпись под восемью пунктами, сформулированными в обращении мятежников от 12 декабря. Чан же находился в злобном настроении и, закутавшись в одеяло, лежал на

кровати. Он почти не притрагивался к еде, несмотря на уговоры Чжан Сюэляна, который то и дело извинялся перед ним за вынужденные неудобства. В отличие от Ян Хучэна, он уж и не рад был тому, что ввязался в это опасное дело. Его очень расстроили погромы в Сиани, устроенные солдатами Северо-Западной армии, и сильно пугала неуступчивость Чана. А потому он хотел как можно скорее завершить этот *бинцзянь* и умолял Чана дать хотя бы устное обещание прекратить гражданскую войну и возглавить общенациональное сопротивление Японии. Но тот не желал обсуждать даже это. «У вас остался только один выход: немедленно покаяться и дать мне возможность вернуться в Нанкин, — твердил Чан Молодому маршалу. — Это как в ваших личных интересах, так и в интересах родины. Не идите в приготовленную вам коммунистами западню. Покайтесь, пока не поздно».

А в это время в Нанкине руководители Гоминьдана решали, что делать. Об аресте Чана они узнали в час дня 12 декабря и вскоре получили требования Чжана и Яна. Мэйлин и Кун Сянси были тогда в Шанхае, а потому получили известие о событиях в Сиани только в восемь вечера. Они сразу же отправились в Нанкин, решив, что оттуда, после того как выяснят обстановку, первым в Сиань полетит советник Чана Дональд, за три года ставший его близким другом. Как мы помним, Дональд был когда-то советником и Молодого маршала, и Мэйлин знала, что он до сих пор имел влияние на Чжан Сюэляна. Больше всего их волновал вопрос, жив ли Чан. Дональд не сомневался, что жив, а потому и Мэйлин, и Кун Сянси, и Т. В. Сун сразу выступили за мирное разрешение конфликта: только бы сохранить жизнь родственнику. Без Чан Кайши их клан потерял бы всю полноту власти. Однако они встретили сопротивление со стороны министра обороны Хэ Инциня, волевого и решительного генерала, начавшего перебрасывать к границам провинции Шэньси войска с целью наказать мятежников. Над Сианью стали барражировать военные самолеты, угрожая начать ковровую бомбардировку. Было похоже, что безопасность Чана не очень волновала генерала Хэ: в крайнем случае он сам мог возглавить страну. Твердо глядя в глаза Мэйлин, Хэ не переставал повторять: «Он <Чан Кайши> мертв, и мы дадим приказ атаковать». Взяв на себя обязанности генералиссимуса, Хэ Инцин сразу снял Чжан Сюэляна со всех постов, тем самым поставив его вне закона. Только ценой больших усилий родственникам Чан Кайши удалось убедить воинствующего полководца подождать, пока они проведут переговоры с Чжан Сюэляном.

14 декабря, в понедельник, Дональд был уже в Сиани и в 17 часов навестил Чана, который по-прежнему содержался в резиденции Ян Хучэна,

находившейся в центре города, в так называемом Желтом дворце — массивном одноэтажном здании с колоннадой (там сейчас находится Народное правительство провинции Шэньси). Чана он застал лежащим на деревянной кровати, завернутым в одеяло с головой и отвернувшимся к стене. В комнате, кроме кровати, пары веников в углу и ведра для отправления естественных потребностей, не было ничего. Дональд окликнул Чана по-английски (как мы помним, он не говорил на китайском языке):

— Привет, Джиссимо!

Он всегда звал его так, шутливо сокращая его звание, полностью звучавшее по-английски Generalissimo. Кстати, Мэйлин он звал на тот же манер — «Миссимо» (от слов Madame и Generalissimo).

Чан тут же повернулся к нему и, сев на кровати, разрыдался.

— Я знал, что ты приедешь, — произнес он, а Чжан Сюэлян перевел.

Комната была довольно мрачной и не приспособленной для жилья, поэтому Дональд при согласии Чжана уговорил Чана переехать в более подходящее место — особняк командира 84-й дивизии Северо-Западной армии, выстроенный всего за три года до того. Там были все удобства.

На следующий день, 15 декабря, Дональд слетал в Ло-ян — только для того, чтобы позвонить и успокоить Мэйлин, так как связь в Сиани не работала. Видно, действительно был хорошим другом. Узнав, что муж жив, Мэйлин послала Чану телеграмму: «Умоляю, согласись на сопротивление Японии, не надо умирать в руках врагов».

А 20 декабря в Сиань прилетел Т. В. Сун. Встретившись с ним, Чжан тут же сказал, что готов все уладить миром, и проводил его к генералиссимусу. Т. В. Сун передал Чану письмо от Мэйлин, в котором говорилось: «Если Т. В. не вернется в Нанкин в течение трех дней, я сама прилечу в Шэньси, чтобы жить и умереть с тобой». Чан опять горько заплакал, и Т. В. Суну пришлось успокаивать его. «Вам симпатизирует весь мир», — пытался он ободрить генералиссимуса. Они обсудили вероятность военной операции правительственных войск против Сиани, и Чан сказал, что это «единственный выход из ситуации», но Т. В. Сун решительно возразил, заметив, что удар по мятежникам не только обострил бы гражданскую войну, но и создал бы смертельную опасность для самого Чана, несмотря на заверения Чжана. Он не ошибался: вечером того же дня Чжан Сюэлян откровенно сказал ему: «На случай, если вспыхнет широкомасштабная война, комитет <восставших> принял решение передать генералиссимуса в более безопасное место — коммунистам (!)».

Т. В. Сун очень испугался. Утром 21 декабря он вновь встретился с

Чан Кайши. Тот передал ему три завещания: народу, жене и двум сыновьям, попросив показать их маршалу Чжану. Готовность Чана лучше умереть, чем пойти на компромисс, вызвала удивление Дональда, считавшего, что Чан «ведет себя упрямо», но ни Дональд, ни Т. В. Сун не могли его переубедить. В полдень они вылетели из Сиани в Нанкин.

Перед их отъездом Чан умолял Т. В. Суна не пускать Мэйлин в Сиань, но она все же решила лететь, чтобы уговорить Чжан Сюэляна немедленно освободить мужа. Ходили слухи, что когда-то, в середине 1920-х, Мэйлин и маршал Чжан имели любовную связь. Так это было или нет, неизвестно, но вот то, что Молодой маршал неровно дышал при встречах с первой леди Китая, точно. Вот Мэйлин и решила использовать свой шарм, чтобы выволить мужа. «Господин Дональд заложил фундамент, Т. В. выстроил стены, я же покрою крышу», — считала она, имея в виду переговоры о мирном разрешении Сианьского инцидента. Т. В. Сун поддерживал ее в этом решении.

В сопровождении Т. В. Суна, Дональда, начальника секретных служб Дай Ли и еще одного генерала Мэйлин вылетела в Сиань 22 декабря. Перед отлетом она протянула Дональду небольшой револьвер.

— Застрелите меня, если я окажусь в плену у вражеских солдат, когда мы приземлимся, — попросила она.

Но ее, конечно, никто не арестовал. Сам Молодой маршал встретил ее у трапа, любезно приветствовал и проводил к мужу. Чан, увидев ее, не мог сдерживать волнения. «Я подумал, что это мне снится», — вспоминал он. Под влиянием Мэйлин он наконец согласился принять некоторые требования путчиков («реорганизовать правительство, созвать через три месяца конференцию спасения родины и согласиться на союз с Россией и союз с компартией»), поручив Т. В. Суну провести переговоры с Чжаном. Но категорически отказался подписывать какой-либо документ. Он давал только устные обещания.

23 декабря Т. В. Сун (утром и днем) и Мэйлин (днем) встретились с Чжоу Эньлаем и после долгих переговоров на следующее утро вместе с Чжаном и Яном смогли наконец выработать приемлемое для всех сторон решение, заложившее основы для формирования нового единого фронта, реорганизации правительства и оказания сопротивления Японии. Было решено прекратить гражданскую войну, легализовать компартию и через некоторое время переименовать Красную армию в одну из частей Национально-революционной армии.

Вечером 24 декабря к Чан Кайши пришел Чжоу Эньлай. Это была первая их встреча с 1926 года. Как мы помним, Чжоу тогда служил под

началом Чана в школе Вампу, но теперь он обратился к Чан Кайши вежливо, но с достоинством:

— Господин Чан! Мы не виделись десять лет. Вы заметно постарели.

Чан кивнул головой, вздохнул, но потом вдруг решил напомнить Чжоу, что он (Чан Кайши) его командир, пусть и прежний. Дело в том, что для китайцев с их клановым сознанием отношения между старшим и младшим как в семье, так и вне ее носят сакральный и неизменный характер. «Правитель должен быть правителем, чиновник — чиновником, отец — отцом, сын — сыном», — говорил Конфуций. А потому Чан сказал:

— Эньлай! Ты мой подчиненный и должен следовать моим приказам.

Но Чжоу парировал:

— Если господин Чан сможет изменить свою политику, выражающуюся в формуле «до того, как мы начнем сражаться с внешним врагом, надо установить мир внутри страны», прекратит гражданскую войну, объединит страну для сопротивления Японии, не только я смогу следовать приказам господина Чана, но даже наша Красная армия тоже сможет перейти под командование господина Чана.

Чан все понял и, быстро закончив разговор, заявил, что «прекратит карательные операции против коммунистов и совместно с Красной армией будет оказывать отпор Японии». Он также пообещал, что «воссоединит Китай под своим руководством» и назначит Т. В. Суна, Сун Мэйлин и Чжан Сюэяна «своими полномочными представителями» для разрешения с Чжоу всех вопросов, а по возвращении в Нанкин начнет «непосредственно там переговоры» с компартией. Т. В. Сун настойчиво убеждал Чжоу верить Чану.

После этого Чан дал Чжоу понять, что устал, и тот оставил его, сказав на прощание:

— Отдохните, господин Чан, у нас еще будет время поговорить.

Тот кивнул головой:

— Хорошо, хорошо.

Все, казалось, шло к благополучному концу, но 24 декабря, когда слухи о переговорах и скором освобождении Чана достигли офицеров Северо-Восточной и Северо-Западной армий, многие из них возмутились, потребовав, чтобы Чан дал письменное обязательство выполнить требования, предъявленные ему 12 декабря. Вечером 24 декабря у Чжан Сюэяна по поводу освобождения Чана произошел бурный конфликт с Ян Хучэном. Тот тоже не хотел отпускать генералиссимуса без письменных гарантий. «Совершенно ясно, что он отрубит нам головы!» — кричал он. Рано утром 25 декабря офицеры передали угрожающее письмо Т. В. Суну,

заявив, что лучше погибнут, но Чана не выпустят. Поняв, что восставшие рисковали, если бы «позволили генералиссиму уехать, получив от него лишь устные обещания», Т. В. Сун сообщил о письме офицеров Чану, и тот, страшно испугавшись, попросил его умолить Чжана освободить его сегодня же.

О том же попросили Молодого маршала и обворожительная Мэйлин, и свояк Чана — Кун Сянси, и он в итоге решил преподнести красивой женщине подарок на Рождество: объявил, что сам будет сопровождать ее с мужем в Ло-ян и затем в Нанкин!

В начале одиннадцатого утра 25 декабря Чана вновь навещил Чжоу Энълай. Они договорились о том, что компартия перестанет нарушать единство страны, Красная армия Китая подчинится его (Чана) верховному командованию, а Чан в ответ прекратит свои антикоммунистические кампании. Чан пригласил Чжоу, как только тот «хорошо отдохнет», приехать в Нанкин для продолжения переговоров.

Чан Кайши выглядел откровенным. По словам Чжоу Энълая, у него «действительно произошел сдвиг, и он был искренним». Правда, в глубине души Чжоу терзали сомнения, и он сожалел, что Чжан Сюэлян собирался отправиться в Нанкин вместе с Чаном. «Чжана отравили старые оперы, типа *Ляньхуаньтао*^[67], — сказал Чжоу позже своим соратникам. — Он, как обезьяна, подражает некоему китайскому Робин Гуду, выказывая великое терпение и великодушие. Он не только отпустил мошенника, но даже признал свою вину!»

Между тем Т. В. Сун попросил Чжоу Энълая переговорить с генералом Яном, чтобы тот не препятствовал освобождению генералиссимуса. «Он <Чан> дал ясно понять, что если не уедет сегодня, то вообще не захочет уезжать», — сказал Т. В. Сун. Чжоу тут же отправился к Ян Хучэну, и после долгих уговоров тот наконец согласился более не задерживать Чана. Перед отъездом Чан прочел Чжан Сюэляну и Ян Хучэну небольшую нотацию, но при этом признал и свои ошибки, дав им понять, что не держит на них зла.

Во второй половине дня Чжан Сюэлян, усадив Чана, Мэйлин, Дональда и Т. В. Суна в три машины, отвез их в аэропорт. На полной скорости машины въехали на взлетное поле и остановились перед самолетом Молодого маршала. Это был «боинг», за штурвалом которого сидел американский летчик Роял Леонард. Чжан занял место второго пилота, Мэйлин села на другое кресло в кабине, а Чан, Т. В. Сун и Дональд поднялись в салон.

Перед тем как сесть в самолет, Чан сказал Чжану:

— Вспыхни гражданская война до сегодняшнего дня, ответственность

за нее лежала бы на вас, а если она возникнет после сегодняшнего дня, то ответственность буду нести я. Впредь я ни в коем случае не буду предпринимать карательные операции против коммунистов. Я признаю свои ошибки, вы же должны признать свои.

Пока он говорил, Мэйлин нетерпеливо ерзала в кресле.

— Вы готовы? — спросила она Леонарда по-английски, когда Чан наконец закончил разговор.

Летчик взглянул на нее и не смог скрыть восхищения. «Слева от меня... сидела одна из наиболее красивых китайских женщин, которую я когда-либо видел», — вспоминал Роял Леонард спустя несколько лет. Он кивнул головой.

— О'кэй! — крикнула разгоряченная Мэйлин. — Тогда давай убираться отсюда!

Было четыре часа пополудни, когда самолет взлетел.

В Лоян они прилетели через час двадцать. «Благодарю Всевышнего, что оберег меня», — записал Чан в дневнике. Отдохнув, на следующее утро все вылетели в Нанкин. Туда Чан Кайши, Мэйлин и Дональд полетели на личном «юнкерсе» Чана с немецким экипажем. Они приземлились в столице в 12.20 под взрывы петард и радостные крики многотысячной толпы, встречавшей их на аэродроме. Очевидец рассказывает: «На этот раз ни один полицейский не пытался выполнить указания городского начальства, запрещавшего <в обычное время> запуск петард. Все города вдоль Янцзы светились огнем».

Чжан же и Т. В. Сун на «боинге» Леонарда прилетели через два часа, и когда Чжан Сюэлян показался из самолета, толпа вскипела от ненависти. Солдаты и агенты секретной службы вынуждены были образовать живой коридор, чтобы дать возможность Чжану пройти. Иначе его просто растерзали бы. По лицу Чжана текли слезы, но он прошел сквозь толпу с поднятой головой.

На выходе из аэродрома его тут же арестовали и препроводили в дом Т. В. Суна под охраной. 31 декабря 1936 года, нарушив все обещания, Чан Кайши отдал мятежного маршала под суд военного трибунала.

Ну что ж! Молодой маршал знал, на что шел, и действительно, подобно герою древности Юй Цюаню, пожертвовал собой. Еще 19 декабря в частном письме корреспонденту лондонской «Таймс» Дэвиду Фрэйзеру он написал, что готов последовать за Чаном в Нанкин, «если возможен беспристрастный и честный трибунал». «Я приму любое наказание, даже смерть», — заверял он.

31 декабря Чжан Сюэлян был приговорен к десяти годам тюрьмы и последующему понижению в гражданских правах на пять лет. До конца дней он считал, что от расстрела его спас сам Чан, простивший ему всё^[68]. Однако на самом деле его не казнили благодаря энергичному заступничеству Мэйлин, которая и впоследствии проявляла о нем заботу: посылала деньги, одежду, медикаменты; и даже как-то, когда ее любимая собака оценилась, отправила ему одного из щенков.

Через пять дней, 5 января 1937 года, Чжан Сюэляна перевели под домашний арест (и он будет томиться в неволе долгие годы). 13 января его увезли из Нанкина в Сикоу, родную деревню Чана, где он оставался несколько дней, но 24 января перевезли выше в горы, где поселили в одноэтажном мрачном павильоне, напоминавшем казарму (сейчас там его музей). Обстановка была спартанской, но пленнику разрешалось читать, писать, совершать прогулки и даже встречаться с двумя своими женами (один месяц — с одной, второй — с другой). Охраняли его 30 солдат.

По иронии судьбы его унылая тюрьма находилась рядом с буддийским храмом Сюэдоу, на территории которого возвышается огромная статуя смеющегося Будды Майтрейи. Не над Чжаном ли смеялся мудрый Учитель? Глядя на него, Молодой маршал мог только грустно улыбаться: в 1937 году ему было всего 36 лет, но его карьера подошла к концу.

Забегая вперед скажем, что в ноябре 1946-го, вскоре после начала новой войны с компартией, Чан отправил Чжана, жившего тогда под стражей в предместьях Гуйяна, столицы провинции Гуйчжоу, на Тайвань, где его поначалу поселили в небольшом особнячке в горах в уезде Синьчжу, в 127 километрах к югу от тайваньской столицы Тайбэй, а потом, через 12 лет после бегства самого Чана на Тайвань, в августе 1961 года, — в окрестностях Тайбэя, у отрогов Янминшани (Горы Ван Янмина). (И в том, и в другом месте сейчас музеи.) За шесть лет до того, в 1955 году, он крестился, став ревностным христианином-методистом. На свободу он вышел только в 1990 году, почти девяностолетним стариком!

После освобождения Чжан Сюэляна на банкете в его честь, устроенном бывшим министром иностранных дел Китая Чжан Цюнем, было много знатных гостей, в том числе председатель Исполнительной палаты Тайваня Хао Байцунь. Вдова Чжоу Эньлая, умершего в январе 1976 года, прислала Чжану из Пекина приветственную телеграмму, а Сун Мэйлин, жившая тогда в Нью-Йорке, — букет цветов. Бывший Молодой маршал растрогался и, отвечая на поздравления, сказал: «В девяносто лет мое зрение и слух ослабли, но я еще не стал развалиной. И если правительство и народ нуждаются во мне, я бы хотел отдать себя им еще

больше, чем во времена моей юности». Но тайваньское правительство и народ, похоже, в нем не нуждались, и в 1994 году Чжан Сюэлян вместе с одной из своих жен (вторая к тому времени умерла) переехал на Гавайские острова, в Гонолулу, где и скончался от воспаления легких 14 октября 2001 года в возрасте 100 лет.

Что же касается его поделщика, командующего Северо-Западной армией Ян Хучэна, то он, как и ганьсуский генерал Юй Сюэчжун, был снят со всех постов 5 января 1937 года. А через месяц Сиань заняли войска верного Чану генерала Гу Чжунтуна. Генерал Ян, однако, арестован не был. В июне Чан отправил его вместе с женой и малолетним сыном за границу. После начала широкомасштабной войны между Китаем и Японией 7 июля 1937 года генерал Ян просил Чана разрешить ему вернуться для участия в антияпонской борьбе, но получил отказ. Так что ему ничего не оставалось, как путешествовать. Он посетил США, Англию, Францию, Германию, Чехословакию, Австрию, Швейцарию и Испанию. Но в ноябре 1937-го все же не выдержал и на свой страх и риск вернулся в Китай. Однако как только он прибыл в Гонконг 26 ноября, за ним тут же установили слежку тайные агенты Чан Кайши. Вскоре ему позвонил сам Чан, пригласив приехать в Наньчан на встречу. Когда же генерал Ян с семьей прибыл в Китай, их всех тут же арестовали. С тех пор они содержались то в тюрьмах Хунани, то Хэбэя, то Гуйчжоу, то Сычуани. В конце ноября 1946 года его жена начала голодовку и в феврале 1947 года умерла. А 6 сентября 1949 года, перед отступлением с материка, Чан Кайши отдал тайный приказ ликвидировать как генерала Яна, так и двух его детей, сына и дочь. Все трое были зарезаны в Чунцинской тюрьме вместе с секретарем Яна, его женой и малолетним сыном. Как видно, Чан так и не простил Ян Хучэну то, что, в отличие от Чжан Сюэляна, тот не хотел отпускать его из Сиани.

Все это будет позже, а пока, вернувшись в Нанкин и еще не оправившись от перенесенных испытаний, Чан Кайши в тот же день, 26 декабря, получил тревожную телеграмму от своей племянницы из Сикоу — она сообщала, что его старший брат, Жуйшэн, находится при смерти. Дело в том, что, узнав об аресте брата сианьскими мятежниками, Жуйшэн настолько разволновался, что у него тут же случился инсульт. Две недели деревенский врач боролся за его жизнь, но ничего сделать не мог. Вечером 26 декабря Чан послал к брату лучших врачей, но было уже поздно. 27 декабря Жуйшэн скончался. В ожидании похорон, как это было принято, гроб с его телом поместили в глубокий холодный погреб.

Между братьями не всегда были ровные отношения. Как мы помним,

Чан долго не мог простить Жуйшэну то, что тот после смерти их отца вероломно разделил имущество, а потом не помогал матери. Но что было, то было, и Чан давно уже простил его, тем более что по конфуцианским законам, как мы знаем, младший всегда должен был почитать старшего — в особенности если тот, как Жуйшэн, был главой семьи. Чан был неутешен. «Увы! — написал он в дневнике. — Нас было трое братьев, а сейчас остался только я один. В тяжелое время у больного старшего брата сердце дрогнуло от испуга, и это привело к его быстрой кончине. Но он получил известие о моем освобождении из неволи, и это, вероятно, успокоило его».

29 декабря 1936 года Чан в очередной раз подал прошение об отставке со всех постов, заявив, что как главнокомандующий несет ответственность за поведение своих подчиненных в Сиани и должен разделить с ними вину. Это был красивый и чисто китайский жест: вся страна должна была оценить скромность Чана. Члены Центрального исполкома Гоминьдана, конечно, единогласно отвергли его просьбу, но он еще дважды просил их об отставке. И, разумеется, тщетно. Ему просто предоставили отпуск на три месяца.

Чану действительно требовался отдых: по некоторым данным, из-за «ушиба при неудачном прыжке из окна во время событий в Сиани и в результате простуды у него обострилась болезнь ног», он получил «контузию берцовой кости», и врачи опасались, что потребуется «ампутация ноги». Но все обошлось: помогли массажи, восстановившие нормальную циркуляцию крови в ногах.

2 января 1937 года Чан приехал в Сикоу, чтобы проститься с братом. Официальные похороны были отложены до весны и состоялись 15 апреля. Помимо Чана и Мэйлин на похоронах присутствовали такие видные деятели Гоминьдана, как Линь Сэнь (глава правительства), Хэ Ин-цин (министр обороны), маршал Фэн Юйсян, генерал Янь Сишань, а также старый друг Чана — шанхайский мафиози Ду Юэшэн, которого, как мы помним, все звали «Ушастый Ду». Для тех, кто пришел со всей округи проститься с братом генералиссимуса, накрыли более тысячи столов. Похороны получились торжественные и богатые: на них было потрачено более 12 тысяч юаней.

Через три дня Чан с женой уехал из Сикоу в Ханчжоу. А на следующий день, 19 апреля, они получили радостное известие: в Шанхай прибыл на советском пароходе из Владивостока его старший сын Цзинго с женой и сыном.

Как же Цзинго смог вырваться из СССР, да еще со всей семьей? Сам

он полагал, что определенную роль сыграло его письмо Сталину, которое он написал в начале 1937 года, «умоляя... отправить его домой». Но это вряд ли. Его судьба была вопросом большой политики, к тому же Сталин, как известно, не был склонен к сантиментам.

Решение вернуть Цзинго в Китай было принято Сталиным потому, что вслед за мирным разрешением Сианьского инцидента не произошло немедленного объединения Гоминьдана и КПК на единой антияпонской платформе, и Сталин, понятно, был этим недоволен. В нарушение всех договоренностей Чан, получив свободу, продолжил подготовку к шестому антикоммунистическому походу. В конце декабря к границам советского района на севере Шэньси стали активно стягиваться новые военные силы. В ответ Центральный комитет китайской компартии тоже начал «решительно готовиться к <новой> войне» с Гоминьданом.

Пришлось Сталину вновь вмешаться, и 19 января 1937 года он через Коминтерн предупредил Мао Цзэдуна, что мирное разрешение Сианьских событий «может быть сорвано не только благодаря проискам японских империалистов и их агентов, всячески разжигающих внутреннюю войну, но и в результате ошибочных шагов вашей партии». Одновременно он поручил Димитрову направить Мао отдельным письмом директиву о необходимости ради единого фронта «перейти от советской системы <в Китае> к системе народно-революционного управления на демократических основах». Это, конечно, было большой уступкой Чан Кайши.

Далее, с помощью московских руководителей ЦК китайской компартии составил лояльную телеграмму в адрес 3-го пленума ЦИК Гоминьдана пятого созыва, который должен был открыться 15 февраля, пообещав прекратить политику вооруженных восстаний с целью свержения национального правительства в масштабах всей страны. Китайские коммунисты также выразили готовность переименовать советское правительство в правительство Особого района Китайской Республики, а Красную армию — в Национально-революционную, заявив, что будут подчиняться Центральному правительству Гоминьдана и Военному комитету в Нанкине. А кроме того, согласились ввести в Особом районе демократическую систему всеобщих выборов и прекратить конфискацию «помещичьих» земель. Эту телеграмму они отправили в Нанкин 10 февраля.

Но Чан и другие члены Центрального исполкома Гоминьдана, считая, что «время для принятия предложений китайских коммунистов еще не созрело», 21 февраля одобрили в ответ на их «расплывчатые обещания»

резолюцию «Об окончательном искоренении красной опасности», потребовав реформирования Красной армии, роспуска китайского советского правительства и прекращения пропаганды коммунизма.

За три дня до того Чан записал в дневнике: «Необходимо решительным образом и до конца бороться с бесчеловечными теориями компартии, аморальным образом жизни коммунистов и их анархистскими, антинациональными измами».

В тот же день он сделал на пленуме доклад о событиях в Сиани, а членам пленума были вручены его «Записки о пребывании в Сиани в течение двух недель», только что написанные. «Записки», переведенные затем на несколько иностранных языков, подготовил секретарь Чана, знакомый нам Чэнь Булэй. По требованию Чана он составил их в виде «дневника», который генералиссимус якобы вел в заточении — для того, чтобы придать истории больше правдивости. (На самом деле дневниковые записи Чана в период сианьского заточения гораздо лапидарнее, чем составленные Чэнь Булэем записки.)

Почти в то же время, 20 января 1937 года, Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Димитров получил от сотрудника полпредства СССР в Китае некоего Никонова донесение о том, что Чан Кайши якобы направил письмо Гитлеру, обязуясь «полностью сотрудничать с Германией вплоть до включения Китая в возможную борьбу с СССР». Тогда же поверенный в делах СССР в Китае Иван Иванович Спильванек сообщил Стомонякову, что «германский посол в Нанкине... предложил МИД <министру иностранных дел> Чжан Цюню, чтобы Китай присоединился к японо-германскому <антикоминтерновскому> соглашению». Было от чего Сталину обеспокоиться.

Между тем новой кампании против коммунистов не последовало. Сталин, отправив китайской компартии в самом начале марта 1937 года 800 тысяч американских долларов и пообещав еще примерно такую же сумму, решил, очевидно, сделать широкий жест и в сторону китайского генералиссимуса, вернув ему сына. События в Сиани привели к тому, что в игре с Чан Кайши Сталин мог считать себя победителем: Чан «потерял лицо» не только потому, что оказался арестованным собственными подчиненными, но и потому, что не последнюю роль в его освобождении сыграл Сталин, который теперь, по-видимому, мог рассчитывать и на то, что коммунист Цзинго сможет убедить своего отца пойти на союз с СССР и коммунистами в целях отражения японской агрессии. В любом случае Сталин явно исходил из того, что отправка Цзинго домой поможет предотвратить возобновление гражданской войны в Китае.

Формально же отправка Цзинго была ответом на непрямую просьбу Чан Кайши, переданную Мэйлин через посла Китая в СССР Цзян Тинфу еще в ноябре 1936 года. По воспоминаниям Цзян Тинфу, Мэйлин перед его отъездом в Москву сказала ему, что генералиссимус «очень хочет, чтобы его сын Цзинго вернулся в Китай». Цзян Тинфу передал эту просьбу заместителю наркома иностранных дел Стомонякову, а тот, разумеется, по инстанции. Но Сталин тянул и, судя по архивным материалам, принял решение не раньше середины февраля 1937 года. 23 февраля то ли опять Ван Мин, то ли кто-то другой из Исполкома Коминтерна от имени Цзян Цзинго подготовил новое письмо его отцу. В нем уже говорилось: «С радостью... отмечаю, что Вы — мой отец, принимаете все меры к объединению Китая... В настоящее время я, как патриот своей страны, решил вернуться в Китай... Совершенно искренне желаю вместе с Вами, рука об руку, бороться за единый независимый, могучий Китай... Через несколько недель я вместе с женой и сыном выезжаю из Москвы».

Было ли отправлено это письмо или по диппочте ушло другое, написанное самим Цзинго, неизвестно, но мы знаем, что 8 марта советское Политбюро постановило: «Не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен». И уже на следующий день Цзинго получил телеграмму из Исполкома Коминтерна с требованием немедленно приехать из Свердловска в Москву. 10 же марта генсек Исполкома Коминтерна Димитров записал в дневнике (явно выполняя указание кремлевского вождя): «Сына Чан Кай-ши <так в тексте> вызвать <к себе> и послать в Китай». По поручению Сталина с Цзинго встретился и находившийся тогда в Москве полпред Богомолов, после чего 16 марта Цзинго вызвал в Москву Фаину.

До их отъезда — 26 марта — в Китай по железной дороге через Владивосток (о таком маршруте распорядился сам Сталин) Цзинго вручили деньги, чтобы он смог заказать себе и жене приличные костюмы и другие необходимые вещи, а также купить билеты на поезд. Кроме того, выдали валюту — 120 долларов «на путевые расходы». Цзинго поклялся твердо следовать указаниям большевистских вождей: «воздействовать» на отца, который «ведет неустойчивую политику».

Через три дня, будучи в пути, Цзинго отправил телеграмму Димитрову: «Посылаю Вам мой самый сердечный большевистский привет с дороги. Все Ваши инструкции будут выполнены». 12 апреля он отплыл на пароходе из Владивостока в Шанхай, а за десять дней до того полпред Богомолов сообщил «кровному племяннику» Чана — Чэнь Лифу, что сын Чана скоро приедет в Шанхай.

И вот Цзинго через 12 лет вновь вступил на китайскую землю. Из Шанхая он вместе с женой и сыном в сопровождении мэра Ханчжоу, встречавшего его на пристани, в тот же день, 19 апреля, на поезде отправился в этот город, где в то время находился его отец. Но тот не захотел с ним встречаться: ведь сын не попросил у него прощения за то, что неоднократно отрекался от него, да к тому же был еще коммунистом. 20 апреля Чан уехал из Ханчжоу в Шанхай, чтобы удалить больные зубы (с зубами у него давно были проблемы, но вряд ли для этого нужно было ехать в Шанхай, он мог пригласить любого шанхайского дантиста к себе на дом). Так что не приходится сомневаться, что уехал Чан Кайши из Ханчжоу демонстративно. Чэнь Лифу посоветовал Цзинго написать отцу письмо с извинениями и просьбой вступить в Гоминьдан. Цзинго сделал это, и Чан наконец принял его в своей ханчжоуской резиденции Чэнлу 30 апреля, сразу после возвращения из Шанхая.

Рассказывают, что когда блудный сын вошел в комнату, где его ждал Чан, он опустился перед отцом на колени и трижды коснулся лбом пола. После этого они поговорили о будущем, и Цзинго сказал, что у него есть «прогрессивные идеи» и он хочет реализовать их в Китае, но Чан посоветовал ему сначала восстановить китайский язык (Цзинго свободно изъяснялся и писал по-русски, но уже забыл многие иероглифы), а также заново изучить китайскую классику — Конфуция, Мэнцзы, Ван Янмина и других философов, а также работы Сунь Ятсена. Он хотел, чтобы сын вернулся в лоно китайской культуры.

Затем Чан представил Цзинго его новой маме — Мэйлин, которая потихоньку сунула ему конверт с деньгами. Со своей стороны Цзинго вручил отцу и новой маме подарки из Москвы, которые выбирал вместе с послом Цзян Тин-фу: Чану он подарил письменный прибор из черного уральского мрамора, а Мэйлин — каракулевую шубу. После этого состоялось знакомство Чана и Мэйлин с Фаиной и маленьким Эриком-Айлуном. И Чану, и Мэйлин невестка и внук очень понравились. И Чан, видимо в тот же день, дал Фаине китайское имя — Фаньян, что значит «Красивая девушка». Тогда же, по-видимому, новое имя (клановое) получил от деда Эрик-Айлунь — Сяовэнь. Дело в том, что на поколение Эрика-Айлуна (30-е по счету в роду Улинских Цзянов) приходился иероглиф «сяо». Он означает «почтительность к родителям», «вэнь» же значит «цивилизованный», «образованный». Иными словами, имя получилось вполне созвучным конфуцианским канонам. Возможно, в тот же день, а может быть, и позже по требованию Чана и Мэйлин Цзинго и Фаина согласились крестить сына. (При крещении ему дадут имя Алэн, и с тех

пор в семье все будут звать его именно так, правда, произнося это имя на английский манер — Элен.)

Только после этого Чан записал в дневнике: «Сын Цзин вернулся домой из России. Не стоит удивляться тому, что, оторвавшись друг от друга когда-то, кости и мясо вновь соединились спустя двенадцать лет. Дух моей покойной матери может теперь успокоиться».

Помирившись с отцом, Цзинго мог теперь навестить свою мать Фумэй. И в самом начале мая он с женой и сыном приехал наконец в Сикоу. Плача от счастья, Фумэй не могла наглядеться как на него, так и на внука. Понравилась ей и невестка — очень скромная и молчаливая. (Молчала Фаина потому, что совсем не знала китайского языка. Разговорится она через несколько лет, когда в совершенстве овладеет нинбоским диалектом.)

Единственное, что не понравилось матери Цзинго, это китайское имя Фаины.

— Нет, оно никуда не годится. Какая же она девушка, если уже замужем! Надо изменить ее имя на Фанлян («Аккуратная и добродетельная»).

Цзинго имя очень понравилось. Так потом и весь Китай стал звать Фаину.

По требованию Фумэй вскоре была устроена их новая свадьба — на китайский манер. Фаину нарядили в красивое шелковое платье-*ципао* красного цвета с разрезами до бедер, расшитое цветами и огромными драконами. Цзинго надел костюм-тройку. Были приглашены многочисленные родственники и соседи, и Фаина приготовила несколько русских блюд, правда, с большим трудом, так как деревенские озорники подложили ей в печку мокрый хворост. На китайских свадьбах принято подшучивать над невестами, так что все весело смеялись.

Светловолосая, скромная и трудолюбивая Фаина произвела на местных жителей хорошее впечатление. Сильно удивило их только то, что через несколько дней после свадьбы Фаина вдруг появилась на берегу реки в купальнике! Толпа зевак высыпала на берег — смотреть на «голую» невестку Чан Кайши. Но их прогнала Фумэй.

— Женщины на Западе только так и купаются, — объяснила она. — Так что не на что здесь смотреть.

Молодожены поселились в отдельном каменном доме со всеми удобствами, выстроенном Чаном на восточной окраине Сикоу еще в 1930 году. Одноэтажный особнячок в три комнаты, расположенный прямо на берегу реки Шаньси, и сейчас отличается от остальных домов деревни, так как построен в западном стиле, с плоской крышей, окруженный невысоким

парапетом, и каменной лестницей, идущей прямо к реке.

В нем Цзинго прожил полгода — до весны 1938-го, когда уехал на работу в Наньчан. Здесь он написал небольшую книгу воспоминаний «Мои дни в Советской России». И здесь же 15 февраля 1938 года Фаина родила дочку, которую счастливый дед на следующий же день в письме сыну предложил назвать Сяочжан. Как мы помним, «сяо» («почтительный к родителям») — это иероглиф поколения внуков Чан Кайши; иероглиф же «чжан» в данном контексте может иметь двойное значение: во-первых, он близок по смыслу к иероглифу «вэнь» («образованный», «цивилизованный»), есть даже выражение — *вэнь юй чжан* (буквально: «текст и глава»), а во-вторых, его можно перевести и как «следующий правилам», «организованный». Как видно, конфуцианское значение имени внучки Чана тоже не вызывает сомнений. Цзинго и Фаина согласились, но между собой стали звать дочку Эммой.

Что же касается младшего сына Чан Кайши — Вэйго, то он, приехав в начале декабря 1936 года в Берлин, поступил на ускоренные языковые курсы Берлинского университета, где проучился чуть более четырех месяцев. Во время учебы он едва не попал в неприятную историю, когда хозяин его квартиры, некто барон фон Стенгель донес на него в гестапо, будто он не уважает фюрера и симпатизирует коммунистам. Дело удалось замять. Вэйго переехал на другую квартиру, а через несколько месяцев, в ноябре 1937 года, под именем Вего был зачислен в горнострелковую дивизию вермахта, получив через некоторое время чин унтер-офицера.

Чан Кайши тем временем завершил свой долгий отпуск и 27 мая 1937 года вернулся к исполнению государственных обязанностей. За день до того он прибыл на дачу *Мэйлу*, находившуюся, как мы помним, недалеко от городка Гулин в горах Лушань (север провинции Цзянси). Здесь 8 июня возобновились его прямые переговоры с представителем китайской компартии Чжоу Эньлаем. Со стороны КПК в них приняли участие такие видные коммунисты, как Линь Боцюй и Бо Гу, а с гоминьдановской — Мэйлин, Т. В. Сун и Чжан Чун (заведующий орготделом Центрального исполкома Гоминьдана).

Первый тур переговоров прошел еще 26 марта в Ханчжоу, но тогда они мало что смогли согласовать. На той встрече Чан высказал уверенность, что из-за сильной оппозиции со стороны ветеранов Гоминьдана сотрудничество коммунистов с его партией невозможно. Он лишь «в принципе» дал свое согласие прекратить гражданскую войну. А вот новый тур переговоров, в Лушани, продолжавшийся до 15 июня, оказался более успешным. Была

достигнута официальная договоренность о прекращении гражданской войны и три принципа Сунь Ятсена объявлены идеологической основой сотрудничества. Вместе с тем не все важные вопросы были разрешены. Чан и Т. В. Сун, например, настаивали на том, что компартия «не должна быть слишком многочисленной», что ей нужно сначала, до организации единого фронта, «завоевать доверие страны» и что ее рост не должен «создавать крупных затруднений для Чан <Кайши>». Согласия на это они не получили. Не удалось Чану добиться и того, чтобы Мао Цзэдун выехал за границу (а Чан этого очень хотел). Но, как говорится, «политика есть искусство возможного».

За полтора месяца до того, в начале апреля, Чан Кайши в обстановке секретности провел в Шанхае и переговоры с полпредом СССР Богомолым: в обмен на союз с китайской компартией Чан хотел заручиться согласием советского правительства помогать Гоминьдану материально. Ему очень хотелось заключить на случай войны договор с Советским Союзом о взаимопомощи, но Сталин по-прежнему не хотел втягиваться в японо-китайский конфликт. 12 апреля Богомоллов сообщил новому министру иностранных дел Китая Ван Чунхою, что вместо договора о взаимопомощи Москва стремится к немедленному началу переговоров с Нанкином «о пакте неагрессии», то есть ненападении.

Стороны продолжали обсуждать возможные варианты, но ни Чан, ни Сталин не форсировали заключение пакта. Чан продолжал, как мы видели, дискутировать с коммунистами, а Сталин пребывал в уверенности, что политика Японии на Дальнем Востоке «несколько смягчилась». На эту мысль его настраивал Богомоллов, неоднократно докладывавший в МИД, что ««мирный» период <в японо-китайских отношениях> затянется на продолжительное время... К «большой»... войне в Китае они <японцы> не готовы». Советская разведка информировала Сталина в том же духе.

Чан тоже, по-видимому, лелеял надежду, что Япония не решится напасть на Китай. То, что Страна восходящего солнца «старается избегать рисков» в Китае, с апреля 1936 года внушал ему его главный военный советник фон Фалькенхаузен. Этот бравый немецкий генерал даже полагал возможным для китайской армии начать собственное наступление на японские позиции в Китае: засылать диверсантов и партизан в Маньчжурию и саму Японию, а также атаковать японские гарнизоны в Ханькоу, Шанхае, Северном Китае и на западном побережье Кореи. Шансы Китая в будущей войне он оценивал очень высоко, считая, что китайцы вполне могут отбросить японцев к северу от Великой китайской стены.

Однако как советские информаторы Сталина, так и немецкий советник

Чана были неправы. И это стало очевидно очень скоро. В середине лета 1937 года японцы нанесли новый удар по армии Чан Кайши, на этот раз в районе Бэйпина. Китайские войска оказали сопротивление, но разгромить агрессора были не в силах. Таким образом, началась широкомасштабная война, которую многие и в Китае, и на Тайване считают началом Второй мировой.

Момент самопожертвования

Трудно винить Чан Кайши в недальновидности или излишней доверчивости по отношению к немецкому советнику. Да, он знал, что японцы сосредоточивают силы недалеко от Бэйпина и Тяньцзиня — об этом ему доносили секретные агенты. Более того, 17 июня 1937 года ему в Гулине рассказал об этом его американский знакомый, корреспондент «Нью-Йорк тайме», только что вернувшийся из поездки в Маньчжоу-Го. Он сообщил о замеченной им переброске больших контингентов японских войск с севера на юг Маньчжурии и об их концентрации на границе с Китаем. Но у Чана была и другая информация — о том, что японцы на границе с СССР только что увеличили свои войска на 20 тысяч человек, вероятно, готовясь напасть на Советский Союз.

Американскому гостю Чан Кайши показался утомленным. После неудачного падения со стены в Хуацзинчи в декабре 1936-го он постоянно испытывал боль в позвоночнике и носил корсет. Ни иностранные, ни китайские врачи помочь ему ничем не могли, уверяя, что и операция ничего не даст. Но он, невзирая на все это, теперь был действительно преисполнен решимости сражаться с японцами. По крайней мере, он твердо заявил гостю, что «больше не пойдет японцам на уступки и будет драться до конца».

На такого болезненно самолюбивого человека, как Чан Кайши, Сианьские события не могли не оказать глубокого психологического воздействия. Ведь в Сиани он действительно «потерял лицо», и за это должны были ответить не только маршал Чжан и генерал Ян, но и японские «карлики»! Чаша терпения Чана наполнилась до краев, и достаточно было одной капли, чтобы она переполнилась.

Такой каплей явилось радиосообщение, которое он получил рано утром в четверг, 8 июля 1937 года. В нем говорилось, что накануне, 7 июля, около половины одиннадцатого вечера, в районе моста Лугоуцяо через реку Юндинхэ в 30 *ли* к юго-западу от Бэйпина произошло вооруженное столкновение японских и китайских солдат. Реку Юндинхэ (Река Вечности) раньше называли Лугоухэ (Черная канава), отсюда — такое неблагозвучное название моста, вообще-то очень красивого, белокаменного, украшенного по обеим сторонам резными фигурками свирепых каменных львов (их насчитывается около пятисот). Этот мост, выстроенный в XII веке, иностранцы называли мостом Марко Поло, так как великий

путешественник упомянул о нем в своей книге, отметив, что «в целом свете нет такого хорошего моста».

Само столкновение было заурядным. Началось оно с того, что командир небольшого японского отряда, квартировавшего на левом берегу реки по условиям Боксерского договора 1901 года, закончив запланированные на тот день маневры, обратился к командиру китайского гарнизона, дислоцированного на правом берегу реки, в городке Ваньпин, с требованием пропустить его солдат в город на поиск пропавшего японского военнослужащего. Китайский офицер ответил отказом. После этого началась стрельба. У кого первого сдали нервы, сказать трудно: китайцы, понятно, винят японцев, а те — китайцев. Сначала шла ружейная перестрелка, но затем японцы (и в этом уже сомнений нет) дали залп по китайским позициям из артиллерийских орудий. Китайцы ответили. На следующий день, правда, всё улеглось, да и пропавший солдат нашелся: он, оказывается, провел ночь в китайском борделе. Так что всё, вероятно, могло и обойтись.

Но Чан Кайши, узнав о случившемся, вспылел. Это было вполне в его духе: как мы помним, периоды депрессий у него часто сменялись резкими всплесками ярости. В данный же момент его реакцию несомненно обострило общее физическое состояние. И вместо того, чтобы забыть об инциденте, он решил действовать.

Утром 8 июля, едва получив известие из Бэйпина, Чан созвал срочное рабочее совещание военных и гражданских руководителей Гоминьдана. В Гулине тогда собралось много ответственных работников. Во-первых, потому, что там был Чан Кайши, а во-вторых, потому, что в раскаленном от жары Нанкине находиться было просто невозможно. Здесь же, в горах, чистый воздух, напоенный запахом хвои, оживлял прохладой. Помимо прочих в Гулине проводил время и Ван Цзинвэй, вернувшийся из-за границы после лечения в середине января 1937 года. У него пошаливало сердце, но он проявлял большую активность.

В тот же день, 8 июля, Чан Кайши издал несколько приказов, в том числе генералу Сун Чжэюаню, командующему 29-й армией, войска которой столкнулись с японцами у моста Марко Поло. Чан потребовал от него укрепить Ваньпин и ни в коем случае не отступать. Кроме того, приказал начальнику Генштаба генералу Чэн Цяню двинуть дополнительные войска на север. А вечером записал в дневнике: «Карлики-бандиты устроили провокацию у Лугоуцяо.

1. Они что, хотят, воспользовавшись тем, что я не закончил подготовку <к войне>, заставить меня капитулировать?

2. <Хотят> создать трудности Сун Чжэюаню? Хотят превратить Северный Китай в независимое <государство>?

3. Я решил: надо сражаться, разве не настало время? 4. На этот раз карликам не удастся воспользоваться инициативой, начав войну».

Инициативу он теперь хотел оставить за собой. Именно поэтому и двинул дополнительные войска на север, в район Бэйпин-ханькоуской и Тяньцзинь-пукоуской железных дорог, прекрасно понимая, что японцы будут недовольны. Ведь продвижение в Северный Китай нарушало условия майского (1933 года) соглашения в Тангу, по которому к югу от Китайской стены создавалась стокилометровая демилитаризованная зона.

9 июля в Гулине он выступил на закрытом собрании гоминьдановских руководителей с двухчасовой речью, заявив, что посылает на север шесть дивизий и что Китай будет сражаться. А на следующий день записал в дневнике: «Их <японцев> цели не ограничиваются <Лугоуцяо>... Я уже активно двинул войска на север и готов к войне». Тем не менее Чан считал, что формально войну объявлять не следует до тех пор, пока это не станет абсолютно необходимым.

Как это ни покажется странным, но в тот момент японский премьер, принц Коноэ Фумимаро, возглавлявший правительство микадо с начала июня 1937 года, в отличие от Чана, не был исполнен решимости начать настоящую войну. 9 июля Коноэ, весьма осторожный человек, отклонил просьбу министра обороны послать в Северный Китай дополнительные пять дивизий и по совету генерал-майора Кандзи Исивара, опасавшегося, что Япония может «увязнуть в Китае точно так же, как Наполеон в Испании», даже отдал приказ подготовить самолет, чтобы лететь в Китай на переговоры с Чаном.

Но этот миролюбивый зигзаг продолжался недолго: агрессивная военная фракция в японском правительстве победила, и уже через два дня Коноэ объявил об отправке войск в Северный Китай, правда, не пять, а три дивизии. Вместе с тем войну он тоже не спешил объявлять, стремясь пока лишь к тому, чтобы установить японский контроль над частью Северного Китая — от Бэйпина и Тяньцзиня до Баодина, после чего собирался предъявить Чану условия мира, которые привели бы к потере китайской независимости. Японские войска в этой части Китая были относительно малочисленны — не более 130 тысяч человек, и, начиная полномасштабные боевые действия, японцы отдавали себе отчет в том, что захватить весь Китай они не смогут.

12 июля, когда новые японские войска уже высаживались в Тяньцзине, Чан обсудил ситуацию с Ван Цзинвэем, с которым у него, похоже, стали

налаживаться отношения сразу после возвращения последнего из Европы. В феврале 1937 года Чан даже выдвинул Ван Цзинвэя на пост председателя Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана, но не получил поддержку других авторитетных руководителей партии. Как и Чан, Ван в связи с событиями у Лугоуцяо был настроен резко антияпонски, выражая готовность сражаться. При этом он, как и раньше, не отвергал возможность мирных переговоров, оставаясь верен своей формуле: «с одной стороны — сопротивление, с другой — переговоры». Правда, он решительно выступал против единого фронта с коммунистами: «Этот шаг (единый фронт. — А. П.) равносителен осушению бокала с ядом для утоления жажды».

17 июля Чан Кайши вновь выступил перед высшими лицами партии и государства — на этот раз с речью, предназначавшейся для печати. Это было его своеобразным «Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»^[69]. Он напомнил о том, что говорил два года назад, в ноябре 1935-го, на V съезде Гоминьдана: «Мы ни в коем случае не откажемся от борьбы за мир до тех пор, пока надежды на мир полностью не исчерпаны; мы ни в коем случае не будем бездумно призывать к самопожертвованию до тех пор, пока самопожертвование не станет нашим последним рубежом». После чего заявил, что последний рубеж достигнут: «Мы можем только пожертвовать собой и вести борьбу до самого конца. Только решимость к полному самопожертвованию может принести нам окончательную победу».

Чан отверг все надежды на компромисс, подчеркнув, что мир возможен только на основе сохранения территориальной целостности Китая и уважения его суверенных прав.

Утром 20 июля это обращение было распространено Центральным агентством новостей Китайской Республики. А через четыре дня Чан написал старшему сыну в Сикоу: «Тебе не надо волноваться по поводу вторжения японцев в Китай, я уверен, что найду возможность их окоротить».

Речь Чана от 17 июля, однако, на японцев не подействовала. Они посчитали, что он блефует, и 26 июля ударили по Бэйпину. Через три дня Сун Чжэюань по приказу Чана оставил город, отойдя на юг, к Баодину, а на следующий день пал Тяньцзинь. Чан был потрясен: «Карлики-бандиты легко взяли Бэйпин и Тяньцзинь, это случилось вне всяких ожиданий. Но если сегодня они так легко сделали это, разве нельзя быть уверенным в том, что в другой день они так же легко потерпят поражение?»

И Чан Кайши решил сам выбрать и этот день, и новое место, где мог бы преподать японцам урок. В начале августа он принял решение

перенести боевые действия с северокитайской равнины в Шанхай. Это, по-видимому, порекомендовал ему его главный военный советник фон Фалькенхаузен. И он, и Чан считали, что на улицах города легковооруженным китайским войскам будет удобнее вести боевые действия, чем на просторах Северного Китая. Кроме того, открытие фронта в Шанхае, центре экономических интересов англо-американских инвесторов, могло привести к прямому вмешательству в конфликт западных держав, что скорее всего вынудило бы японцев свернуть боевые действия в Китае, так как к открытому конфликту с Западом Страна восходящего солнца была тогда не готова. Наконец, Чан рассчитывал на то, что война в Шанхае сорвет быстрое наступление японцев в Северном Китае. Вот что по этому поводу писал впоследствии его младший сын Вэйго: «7 августа 1937 года, выработав стратегию на длительный срок, президент Чан решил... «сконцентрировать свои главные силы против врага в Шанхае для того, чтобы вынудить японскую армию оперировать по линии восток-запад вдоль реки Янцзы»... Это было одним из выдающихся достижений стратегического плана генералиссимуса Чана, направленного на изменение операционной линии японской армии».

Поразительно, но ни Вэйго, ни фон Фалькенхаузен, ни самого Чан Кайши не смущало то, что в результате такого «выдающегося достижения» Чан обрекал на смерть десятки, а может быть, сотни тысяч мирных жителей Шанхая — города, который он собирался превратить в ловушку для японцев. Не волновало их и то, что сам город — крупнейший центр промышленности, торговли и культуры Китая — должен был быть разрушен — может быть, до основания!

В тот день, 7 августа, уже находясь в Нанкине, Чан созвал новое закрытое совещание высшего руководства, посвященное вопросам обороны. Сурово глядя в зал, он, срывая голос, нервно обратился к собравшимся:

— Итак, товарищи, нам надо решать: будем ли мы сражаться или будем уничтожены?

Он попросил тех, кто хочет сопротивляться Японии, встать. Поднялись все, в том числе Ван Цзинвэй. «Решение сражаться принято», — записал он в тот вечер в дневнике.

Выбрав Шанхай как главное место сражения, Чан немедленно направил туда крупные силы — 450 тысяч солдат и офицеров, в том числе две лучшие дивизии, вооруженные и натренированные немцами. Как и в случае с переброской войск на север в июле, он хорошо понимал, что нарушает достигнутое ранее с японцами соглашение — на этот раз

заключенное в марте 1932 года после японской атаки на Шанхай в начале того года. По этому соглашению, как мы помним, китайцы не имели права держать свои войска ни в Шанхае, ни в его окрестностях. Иными словами, Чан опять сознательно шел на провокацию.

Японцы потребовали, чтобы Чан отвел свои войска, но тот не стал этого делать. Они обратились за помощью к представителям держав, но те, увы, были бессильны. Тогда всем стало ясно, что новой бойни в Шанхае не избежать.

В ответ на действия Чана японцы, во-первых, начали эвакуировать своих граждан, проживавших в шанхайском районе Ханькоу («Маленькое Токио») — их насчитывалось 30 тысяч, во-вторых, переоборудовали поле для гольфа на восточной окраине Международного сэттльмента под аэродром, а в-третьих, стали действительно перебрасывать войска с северокитайского фронта в район Шанхая. Если в самом начале августа в городе насчитывалось пять тысяч японских солдат и моряков, то 9 августа — уже восемь тысяч. Численность же военных японских судов на рейде Шанхая за то же время возросла с трех до двенадцати. Через два дня к Шанхаю приблизились еще 16 японских кораблей, а 13-го, в пятницу (!), вдоль берега выстроились уже 32 боевых судна, в том числе флагманский дредноут «Идзумо», отличившийся еще в 1905 году, во время Русско-японской войны, в знаменитом Цусимском сражении. Жерла артиллерийских орудий были развернуты в сторону городских кварталов.

Уже за день до того, 12 августа, в городе началась паника: тысячи китайцев, помнивших о январской (1932 года) японской бомбардировке, устремились в Международный сэттльмент по мосту через реку Усун. Толпа растянулась на более чем 15 километров. «Мы были... упакованы, как сардины в банке, в этом десятимильном потоке китайцев, шедших в Шанхайский международный сэттльмент — единственный остров безопасности, — вспоминал очевидец. — Мы двигались со скоростью спешащих людей, обутых в шлепанцы... Мои ноги скользили по крови и мясу. Раз шесть я замечал, что иду по телам детей и стариков, попавших под поток и раздавленных бесчисленными ногами». В тот же день китайский мэр Шанхая бежал из города, а власти сэттльмента стали размещать беженцев где придется — на складах, в офисах, магазинах, кинотеатрах, но все равно мест не хватало. Тысячи людей ночевали на улицах, в парках и аллеях.

13 августа в 9 часов 15 минут началась перестрелка. Как и 7 июля у моста Марко Поло, не было понятно, кто первым открыл огонь. В тот же день в 16 часов Чан принял послов некоторых западных держав, заявив, что

«у Китая нет желания обострять столкновения <с Японией>... Китай хочет мира». Но как раз в 16 часов японцы начали артиллерийский обстрел Шанхая с кораблей. Китайцы ответили. Чан был вне себя! «Сбросьте врага в море, заблокируйте берег, не дайте ему высадиться», — отдал он приказ войскам.

На следующий день китайские самолеты поднялись в воздух, чтобы ударить по японским кораблям. Их главной целью был «Идзумо». Но один из летчиков, испугавшись шквального огня корабельных зениток, в панике не вовремя открыл бомболюк, сбросив две бомбы на территорию Международного селтльмента, одну — на знаменитую набережную Банд, а вторую — на отель «Палас». 728 или 729 человек было убито и 861 — ранен. А вскоре еще один китайский пилот по ошибке сбросил две бомбы недалеко от Нового международного развлекательного центра в северо-западной части французской концессии, убив 1011 и ранив 570 (по другим данным, убитых и раненых было более трех тысяч).

Такого мир еще не видел! Чан Кайши и его пилотам явно не повезло в тот день. Очевидец вспоминал: «Пыль, дым и шум заволокли наши глаза и мысли. На нас обрушился шквал строительного мусора... Я побежал на Банд, волшебным образом очищенный от беженцев. На углу лежал обезглавленный полицейский-сикх, его руки вытянуты, как будто он по-прежнему дирижировал трафиком... Головы, руки, ноги лежали вдали от искореженных туловищ... Здания, тротуары и дороги были полны мертвых тел».

Да, в эту черную субботу мирные горожане заплатили высокую цену за «выдающееся достижение стратегического плана» их генералиссимуса!

И это было только начало. Японские солдаты и матросы высадились на берег, и сражение перенеслось на улицы города. Оно сопровождалось японскими ковравыми бомбардировками городских кварталов и с кораблей, и с воздуха. Вместе с тем уже через несколько дней, следуя гибкой политике, Коноэ через своего министра иностранных дел Хирота обратился к немецкому послу в Токио с просьбой о посредничестве в мирных переговорах с Чан Кайши. Но из этой затеи ничего не вышло.

В начале сентября японцы спешно перебросили в Шанхай с северо-китайского фронта и из Тайваня, находившегося под японской оккупацией с 1895 года, солдат. Бои продолжались три месяца, китайские солдаты героически сопротивлялись, но у них не хватало ни оружия, ни патронов, ни снарядов. В воздухе господствовали японцы. Китайские кварталы были почти полностью разрушены, десятки тысяч ни в чем не повинных людей погибли. Помимо мирных граждан более 187 тысяч

китайских солдат и офицеров пали в боях или были ранены в этом китайском Сталинграде (в среднем погибало по две тысячи военнослужащих в день!). И хотя Чан требовал, «невзирая на потери, защищать... позиции до последнего человека», ему пришлось признать поражение. В начале ноября 1937 года китайские войска численностью 400 тысяч человек оставили город. 11 ноября с криками *банзай!* (да здравствует!) его стали занимать японцы, завершившие оккупацию на следующий день. Бежать из Шанхая удалось и 350 тысячам горожан, но большинство мирных жителей этого четырехмиллионного города оказались в оккупации, в руках безжалостных врагов, установивших режим террора.

Японцы были обозлены: в боях за город погибло более сорока двух тысяч японских военнослужащих.

Накануне взятия города, правда, японское правительство, посчитавшее, что китайская армия уже не сможет оправиться, вновь обратилось к немцам (на этот раз и к послу в Токио, и к послу в Нанкине) с просьбой о посредничестве при мирных переговорах с Чан Кайши. Тактика Коноэ по-прежнему заключалась в том, чтобы после нанесения Чану ряда поражений склонить его к миру. И шанхайская победа была, разумеется, самой важной в этом стратегическом плане.

За неделю до падения города, 5 ноября 1937 года, немецкий посол в Китае передал Чану японские условия мира (автономия Внутренней Монголии, расширение демилитаризованной зоны в Северном Китае и Шанхае, прекращение антияпонской кампании, совместная борьба против коммунизма, понижение таможенных тарифов на японские товары и уважение прав иностранных подданных). Но Чан их решительно отверг. Ну что ж, японцы не настаивали: у них пока были силы для новых побед.

Поражение Чан Кайши на всех фронтах неудивительно. Несмотря на мужество китайских солдат и их численное превосходство (китайская армия насчитывала 2 миллиона 378 тысяч 970 военнослужащих, в то время как японская — несколько сотен тысяч)^[70], они не могли одолеть врага не только на просторах северокаитайской равнины, но и на узких улицах городов. По словам Цзян Вэйго, «в начале войны одна японская дивизия, вооруженная лучше <нас>, в полной боевой комплектации, с офицерами и солдатами, прошедшими хорошую и длительную подготовку, могла <успешно> сражаться против трех наших дивизий... Боевая мощь пятидесяти одной японской дивизии равнялась боевой мощи 153 китайских реорганизованных дивизий». Перед началом войны у Китая было 177 боевых самолетов, но к концу 1937 года они были почти все уничтожены.

Танков насчитывалось только 70, а современной артиллерии практически не существовало, имелось лишь 76 зенитных орудий среднего и мелкого калибра и 48 полевых пушек, а снарядов к ним почти не было. Не случайно полпред Богомоллов 26 августа 1937 года доносил Сталину, что «военного снаряжения» у китайцев «едва ли хватит больше, чем на три месяца войны». Да и сам Чан в то время оценивал шансы Китая в войне против Японии пессимистически — в том случае, если никто ему не поможет: он считал, что сможет продержаться не более шести месяцев.

Но международная обстановка не благоприятствовала Китаю, так как ни США, ни Англия не были готовы оказать ему реальную помощь. Более того, США, несмотря на политику нейтралитета, которой они придерживались с конца августа 1935 года, активно помогали японцам, поставляя в Японию и вооружение, и такие стратегические материалы, как металлолом, сталь, а главное — нефть, которой у японцев почти не было. Причем американские поставки нефти покрывали потребности Страны восходящего солнца на целых 80 процентов! США в данном случае следовали принципам американо-японского договора 1911 года о торговле и навигации, устанавливавшего между ними режим наибольшего благоприятствования в торговле. Не спешили помогать Китаю и Великобритания с Францией, тоже дорожившие своими торговыми связями с японцами и к тому же опасавшиеся войны на два фронта — и против Германии, угроза со стороны которой становилась все более ощутимой, и против Японии. Накануне войны, в мае — июне 1937 года, англичане вообще вели в Лондоне переговоры с японцами о признании их прав на Северный Китай. И хотя эти переговоры ничем не завершились, Богомоллов, например, считал, что именно они «в известной степени развязали японцам руки на севере Китая». И свое мнение не скрывал от китайской стороны.

Чан все это знал, а потому еще 7 августа 1937 года, выразив готовность сражаться, признал: «США и Англия помогут нам морально. Но, как показывает опыт Италии, они не надежны».

Ненадежность Запада подтвердили вскоре и Лига Наций, и Брюссельская конференция девяти держав^[71], проходившая в ноябре 1937 года в связи с началом войны в Китае: ни Лига, ни ведущие страны мира ничего не могли поделать с Японией. Ссылка же Чана именно на итальянцев была не случайной: в 1936–1937 годах Муссолини полностью свернул помощь Китаю, обидевшись на Чана, присоединившегося к санкциям, наложенным на Италию Лигой Наций в ответ на вторжение фашистов в Эфиопию в октябре 1935 года. В 1937 году только один известный итальянец, Альберто де Стефани, бывший министр финансов в

правительстве Муссолини и член Большого фашистского совета, активно работал на Чан Кайши, будучи его экономическим советником.

Продолжали, правда, оказывать военную помощь Китаю нацисты. Летом и осенью 1937 года Гитлер всячески демонстрировал свое сочувствие Чан Кайши. В сентябре в кулуарах съезда нацистской партии в Нюрнберге он долго жал руку китайскому послу, выражая ему свое восхищение «храбростью» Чан Кайши. В те же дни фюреру представили Цзян Вэйго как «сына китайского генералиссимуса». По воспоминаниям Вэйго, Гитлер «тепло приветствовал» его, попросив передать привет отцу. Явно по поручению Чана в сентябре 1937 года его свояк Кун Сянси, находившийся на лечении в Германии, направил письмо Гитлеру, в котором, рассыпаясь в любезностях, умолял фюрера не поддерживать Японию. Он заверял фюрера в том, что у Китая гораздо больше, чем у Японии, общего с рейхом: ведь в Китае, как и в Германии, — авторитарный режим и во главе государства стоят одна, националистическая, партия и сильный вождь. В Японии же — гнивающая парламентская система. Кун Сянси, правда, не получил ответа, но в ноябре Гитлер все же откликнулся на просьбу Чана предоставить ему новые вооружения на сумму 50 миллионов рейхсмарок (чуть более 20 миллионов американских долларов). В целом в 1937 году Китай получил 37 процентов всего германского экспорта вооружений — на сумму почти 83 миллиона рейхсмарок (около 32 миллионов долларов), в то время как Япония, которой нацисты тоже продавали оружие, — всего 13 процентов — на сумму около 11 миллионов рейхсмарок (чуть более четырех миллионов долларов). А вскоре фюрер согласился на поставку и дополнительного вооружения на сумму 100 миллионов рейхсмарок (более 40 миллионов долларов). Несмотря на яростные протесты японцев, в Китае продолжали работать немецкие военные советники (в начале войны их насчитывалось сорок шесть), а также почти полторы тысячи немецких гражданских специалистов. Германия инвестировала в Китай 400 миллионов рейхсмарок (более 160 миллионов долларов).

И все же полностью доверять нацистам Чан Кайши не мог. Да он, скорее всего, не знал, что 16 августа 1937 года Гитлер заявил своим министрам иностранных дел и обороны, что «в принципе» отвержен идее сотрудничества с Японией. Зато был прекрасно осведомлен о том, что Германия еще в апреле 1936 года и в июне 1937-го заключила торговые соглашения с Маньчжоу-Го, а потом, 4 сентября 1937 года, предоставила Пу И кредит на сумму 100 миллионов рейхсмарок в обмен на поставку в рейх маньчжурских товаров. Правда, как мы помним, не только Гитлер вел с Чаном двойную игру в Маньчжурии: такой же была маньчжурская

политика Сталина. Так что, получая немецкое вооружение, Чан мог закрывать глаза и на недружественное поведение Гитлера в вопросе о Маньчжоу-Го, как закрывал их на аналогичное поведение Сталина. Хотя, конечно, не забывал, что у фюрера с японцами был подписан антикоминтерновский пакт. Знал Чан и о том, что в Нюрнберге 6 сентября, несмотря на теплое отношение Гитлера к Вэйго и китайскому послу, фюрер все же отметил в своем «Обращении к партии», что Япония, как Германия и Италия, прилагает усилия для «отражения атак на цивилизованный мир» мирового большевизма. Все это, разумеется, заставляло его волноваться по поводу перспектив китайско-германского сотрудничества.

Принимая во внимание сложное международное положение Китая, Чан еще в начале августа 1937 года осознал, что медлить с заключением официального договора с Советским Союзом о ненападении дальше нельзя. Как мы помним, Чану очень хотелось заключить с СССР договор о взаимопомощи, чтобы вовлечь его в войну, но в итоге он вынужден был согласиться и на пакт о ненападении, на чем настаивал осторожный Сталин. Кремлевский вождь в тот момент не хотел связывать себя какими-либо письменными обязательствами помощи, но желал иметь формальную гарантию того, что советское оружие, продаваемое Китаю, не будет использовано против СССР.

Сталин, конечно, был опасным игроком, и печальный опыт единого фронта 1920-х годов не давал Чану расслабиться. Но в тот конкретный момент — и Чан это хорошо понимал — только он мог помочь Китаю без проволочек всеми возможными средствами. И не потому, что так уж сочувствовал китайским националистам, а потому, что поражение Чан Кайши и подчинение Китая Японии могло привести к разгрому китайской компартии и — это главное — к нападению Японии на СССР. У Чана и Сталина, таким образом, был один враг, и Чан все еще мог надеяться, что Советский Союз не только поможет ему оружием и деньгами, но в конце концов вмешается в японо-китайский конфликт, нанеся превентивный удар по Квантунской армии.

Чан знал, что Сталин готов помогать хоть сейчас. Ведь еще за четыре с половиной месяца до начала войны, 8 марта 1937 года, советское Политбюро приняло решение «согласиться на продажу нанкинскому правительству самолетов, танков и другого военно-технического снабжения на 50 млн. мексиканских долларов <то есть почти 14 миллионов американских> с доставкой в течение двух лет, сроком на 6 лет» с покрытием стоимости поставками из Китая стратегического сырья. А через три недели после событий у моста Марко Поло советское руководство по

просьбе Чан Кайши пересмотрело это постановление, решив: «1. Увеличить поставку оружия <Китаю> в кредит до 100 милн.^[72] кит<айских> долларов (то есть примерно 28 миллионов американских. — А. И.), предложив нанкинскому правительству 200 самолетов со снаряжением и 200 танков на ранее сообщенных ему условиях, но с поставкой в течение 1 года. 2. Предложить нанкинскому правительству допустить в Нанкин небольшую группу наших командиров для ознакомления с нуждами китайской армии. 3. Согласиться принять для обучения у нас группу китайских летчиков и танкистов».

Это было как раз то, в чем нуждался Чан Кайши. А потому, доведенный японцами до крайности, он пошел на сделку со Сталиным, именно на сделку, поскольку хорошо понимал, что в ответ на сталинскую помощь должен будет легализовать китайскую компартию и ее Красную армию.

В середине августа 1937 года проект договора был быстро согласован; по инициативе советской стороны принято решение, что он вступит в силу с момента его подписания, без траты времени на формальную ратификацию, и будет действовать в течение пяти лет. Причем, по требованию Сталина, Чан согласился на то, чтобы министр иностранных дел Ван Чунхой при подписании пакта о ненападении сделал устное «джентльменское» заявление о том, что «Китайская республика не заключит в течение действия договора о ненападении... какого-либо другого договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР». В ответ, по просьбе китайской стороны и с согласия Сталина, Богомолов декларировал, что СССР «не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией». Договор был подписан в Нанкине 21 августа 1937 года в 10 часов вечера Ван Чунхоем и Богомоловым.

И на следующий день, 22 августа, Чан Кайши отдал приказ о включении Красной армии Китая в состав находившейся под его командованием Национально-революционной армии. РККА Китая была переименована в 8-ю полевую армию. Вскоре было утверждено и правительство так называемого Особого пограничного района Китайской Республики — так теперь стала называться территория, контролировавшаяся компартией на северо-западе страны. Особый пограничный район с новой столицей — городом Яньанью включал в себя 18 уездов провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся. Через месяц, 22 сентября, была опубликована декларация китайской компартии о признании руководящей роли Гоминьдана, а 23-го — заявление Чан Кайши об

образовании единого антияпонского фронта всех политических партий страны.

Но с реальным объединением ГМД и КПК по-прежнему существовали проблемы. И главная из них заключалась в том, что ни Чан Кайши, ни Мао Цзэдун не доверяли друг другу и, по сути дела, никакого единого фронта не хотели. «Мы не должны позволить <коммунистам> быть слишком независимыми», — записал Чан в дневнике за два месяца до оформления единого фронта.

Вместе с тем Чан Кайши готов был терпеть китайских коммунистов, так как ему позарез необходимо было советское оружие. К тому же он понимал, что до тех пор, пока Китай ведет войну с Японией, «Россия не позволит <китайской> компартии устроить переворот». Более того, он продолжал рассчитывать на вторжение советской армии в Маньчжурию, все настойчивее проталкивая идею советско-японской войны в разговоре с советскими представителями.

«Ставка на японо-китайскую войну остается у Чан Кайши по-прежнему идеей фикс, — докладывал в Москву еще 17 июля Богомолов. — В недавнем разговоре с Лепиным^[73] он опять высказал мнение, что с японской точки зрения основной проблемой является не китайская, а советская проблема». В августе же гоминьдановцы стали буквально бомбардировать советских представителей просьбой вмешаться в войну — либо напрямую, либо «произвести на маньчжурской границе кое-какое передвижение советских войск для того, чтобы «отвлечь внимание Японии от Китая». 1 августа с этим предложением к наркому Литвинову обратился посол Китая в СССР Цзян Тинфу, а на следующий день аналогичный запрос Богомолову сделал Сунь Фо, председатель Законодательной палаты, сын Сунь Ятсена. 28 августа сам Чан попросил Богомолова передать Сталину просьбу не только ускорить доставку советских самолетов, но и разрешить советским летчикам «поступить волонтерами в китайскую армию». Осенью же с просьбой к руководству СССР вступить в антияпонскую войну обратился генерал Ян Цзе, возглавлявший китайскую делегацию в Москве на секретных переговорах о военных поставках. Он передал записку наркому обороны Клименту Ефремовичу Ворошилову, заметив, что это личная просьба Чан Кайши. В ответ Ворошилов посоветовал Чану навести порядок в своей армии, «прибрав к рукам» всех генералов и губернаторов. «В настоящее время ЧКШ <Чан Кайши> должен стать диктатором, — заявил он, пояснив: — Нужно снимать голову каждому генералу, если он пытается увильнуть от выполнения своего долга».

В словах Ворошилова был смысл: Национально-революционная армия по-прежнему представляла собой конгломерат милитаристских клик, и генералы не всегда повиновались приказам вышестоящих военачальников, поскольку боялись потерять в боях свои войска, источник их власти и обогащения. И это тоже было одной из причин неудач Чан Кайши на фронте.

Местничество проявилось даже во время битвы за Шанхай. Так, по словам английского генконсула, пятидесятитысячная китайская армия, дислоцированная на юге Чжэцзяна, не стала вмешиваться в сражение, потому что провинциальные власти опасались, что некому будет оборонять их собственную территорию. Еще хуже повели себя бывшие войска Чжан Сюэяна, переброшенные из Сиани в город Уси в провинции Цзянсу, к северу от Шанхая. Не желая помогать генералиссимусу, арестовавшему их командующего, они просто отказались пропустить транспорт с оружием к истекавшим кровью защитникам китайского Сталинграда. «Провинциализм тяжело умирает, — заключал генконсул. — Можно только посочувствовать Чан Кайши, стремящемуся создать национальную армию».

Между тем 14 сентября делегация Ян Цзе достигла соглашения с советской стороной о военных поставках: в течение месяца (с 25 сентября по 25 октября) в Китай должны были прибыть 225 самолетов. Причем официального договора о денежном кредите Китаю, под который поступали эти самолеты, пока подписано не было. Первый такой договор будет заключен только 1 марта 1938 года и не на 14 или 28 миллионов американских долларов, а на 50 миллионов. К тому времени в Китай будет уже переправлено 282 самолета, а всего по этому договору Советский Союз предоставит Китаю 297 самолетов, 82 танка, 425 пушек и гаубиц, 1825 пулеметов, 400 автомашин, 360 тысяч снарядов, 10 миллионов винтовочных патронов и другие военные материалы.

За день до падения Шанхая, 11 ноября 1937 года, генерал Ян Цзе получил аудиенцию у Сталина. И, разумеется, воспользовался случаем, чтобы напрямую попросить вождя СССР вступить в японо-китайскую войну. И тут вдруг Сталин не стал отвергать такую возможность, заявив, что «СССР вступит в войну», если «Япония начнет побеждать» Китай. Зачем он это сделал, трудно сказать: все имеющиеся у нас документы показывают, что участвовать в этой войне Сталин не собирался.

Можно представить, как счастлив был Чан Кайши, когда генерал Ян Цзе, вернувшись в Китай, передал ему слова Сталина! Чан тут же (25 ноября 1937 года) написал кремлевскому вождю письмо — первое в серии

писем, которые затем последуют. Он тепло поблагодарил Сталина «за моральную поддержку и материальную помощь», заверив его в «дружеских чувствах». И не довольствуясь одним письмом, на следующий день написал второе, попросив кремлевского вождя решить «вопрос о посылке Ваших войск» в Китай. Как видно, ковал железо, пока горячо.

1 декабря 1937 года в Нанкине приземлились первые советские самолеты: 25 истребителей И-16 и 20 бомбардировщиков СБ. Чан был рад, но с горечью записал в дневнике: «Увы, слишком поздно, хотя их еще и можно использовать».

А через два дня, 3 декабря, Чан Кайши получил от японцев новые предложения мира, переданные ему послом Германии в Китае. Японцы теперь требовали признать Маньчжоу-Го, независимость Внутренней Монголии, а также присутствие японских войск в Северном Китае, расширить демилитаризованную зону, развивать экономическое сотрудничество, совместно бороться против коммунизма и пресечь антияпонскую кампанию.

Желая подтолкнуть Сталина поскорее вступить в войну с Японией, Чан тут же проинформировал об этом нового военного атташе посольства СССР, комдива Михаила Ивановича Дратвина, которого знал еще с середины 1920-х, когда тот служил советником в его школе Вампу. Дратвин только что прибыл в Нанкин вместе с первой группой советских военных специалистов и, помимо прочего, стал исполнять обязанности главного военного советника Чан Кайши. Дратвин тут же сообщил о разговоре с Чаном в Москву. И только после того, как Чан через него получил новые заверения из Москвы о поддержке Китая, он передал немецкому послу отрицательный ответ для японцев.

Решимость Чана сражаться насмерть оставалась непреклонной, он закусил удила. Таков уж был его характер: дикий и необузданный, как и в далеком детстве. Новые заверения из Москвы он ждал лишь потому, что блефовал: ему нужно было внушить Сталину мысль, что он легко может закончить войну, если Советский Союз не окажет ему достаточной помощи. На самом же деле согласиться на мир с агрессором он мог только в одном случае: если бы японцы восстановили статус-кво, существовавший до событий у моста Марко Поло. Кто-то посчитает это упрямством, а кто-то — героизмом.

Кровь и пепел

Тем не менее, пока Чан Кайши ждал ответа от Сталина, его войска потерпели новое поражение, на этот раз в самой столице — Нанкине. Этот город, расположенный в 600 *ли* (300 километрах) от Шанхая вверх по реке Янцзы, оказался под непосредственной угрозой сразу же вслед за падением китайского Сталинграда. А потому Чан еще в конце ноября 1937 года решил эвакуировать правительство во главе с престарелым ветераном Линь Сэнем в глубокий тыл — город Чунцин, а ставку военного командования — в Ухань. Оба города тоже находятся на реке Янцзы, но выше Нанкина, к западу. Чунцин — почти за 1700 километров, в провинции Сычуань, а Ухань — более чем за 800, в провинции Хубэй.

В середине ноября 1937 года в Нанкине Чан Кайши провел три военных совещания по вопросам обороны города. Не все участники считали необходимым держаться за столицу, которую трудно было оборонять: враг мог окружить ее с трех сторон, а с четвертой отступление китайским частям преградила бы Янцзы. На сдаче города без боя особенно настаивали гуансийские генералы Ли Цзунжэнь и Бай Чунси, полагавшие, что после разгрома в Шанхае армия утратила боевой дух и ей нужен отдых. Они предлагали объявить город «беззащитным», дабы не дать японцам повода для репрессий в отношении мирного населения. Их поддерживал фон Фалькенхаузен. Но Чан, боясь «потерять лицо», принял решение оборонять столицу. «Здесь находится Мавзолей Отца Государства, — заявил он. — И мы должны его защитить».

Конечно, Чана можно понять: вождь не мог так легко уступить врагу свою столицу, несмотря на то что Нанкин не имел стратегического значения, да и его оборона была обречена на провал. Этот город был символом Нового Китая. И все же решение Чана оборонять его до последнего было, по-видимому, ошибочным. Оборона обернулась колоссальными жертвами как среди китайских военных, так и гражданского населения.

В боях за Нанкин участвовали и советские летчики, но и они не могли переломить ситуацию. Сконцентрировав большое количество артиллерии, самолетов и танков, японцы 7 декабря атаковали город. Китайские войска смогли продержаться только пять дней, потеряв за это время 70 тысяч убитыми (их число за день превысило шанхайские потери в семь раз!).

Сам Чан вместе с Мэйлин бежал из города рано утром 7 декабря: встав

в четыре утра и помолившись Богу, уже в 5.30 он с женой сел в самолет, чтобы через два с половиной часа приземлиться в городке Гулин, расположенном, как мы помним, в цзянсийских горах Лушань. Выйдя из самолета, Чан жадно вдохнул чистый воздух. «Как здесь спокойно, — записал он вечером в дневнике, — отдыхаю душевно, да и мысли приходят в порядок». Прилетевший вместе с ним его советник Дональд вспоминал, что они «совсем не думали ни о тяжести ситуации, ни о поражении», просто бродили по горным тропам, «совершенно не волнуясь» по поводу «ужасающих событий войны». Завидное спокойствие!

Между тем ситуация в столице становилась ужасающей. 8 декабря из Нанкина сбежал его мэр. К тому времени всё, что можно было вывезти (главным образом предметы культуры и искусства), было отправлено в Чунцин. После этого солдаты начали поджигать или взрывать здания. В городе наступил всеобщий хаос. Люди пытались выбраться из осады, но переправиться через полуторакилометровую Янцзы не могли. Улицы были запружены народом, уже не обращавшим внимания на канонаду. А тем временем на подступах к городу шли кровопролитные бои. Вечером 12 декабря командующий нанкинскими войсками генерал Тан Шэнчжи отдал наконец приказ отступать. В тот же день поздно вечером он сам отплыл из города на небольшом катере. А 13 декабря в два часа пополудни японские солдаты вошли в Нанкин.

Все иностранцы, за исключением человек тридцати, покинули столицу еще осенью. Те же, кто остался (бизнесмены, миссионеры и врачи), приняли меры к созданию в центральной части города вокруг посольства США так называемой Зоны безопасности^[74]. Среди них — двое российских эмигрантов: читинец Николай Подшивалов, которому было всего 25 лет, и татарин Цял (о нем известно лишь то, что он был механиком). Они огородили белыми флажками с красными крестами территорию почти в четыре квадратных километра, объявив ее «нейтральной» и устроив там лагерь беженцев. Чтобы управлять этой зоной и охранять ее, они образовали международный комитет. Смелые, но наивные люди надеялись, что японцы не рискнут войти в эту зону, опасаясь дипломатических осложнений. Ведь там, помимо их комитета и посольства США, располагались и нанкинский комитет Международного Красного Креста, и посольство Италии, и дипмиссия Нидерландов, и международный и немецкий клубы, и женский колледж Цзиньлин^[75], управлявшийся американцами. Но, как показало ближайшее же будущее, зона, конечно, не была полностью безопасной.

Перед падением города в зоне скопилось до 200 тысяч китайцев (население Нанкина к началу войны составляло миллион человек), а затем добавилось еще тысяч пятьдесят. И вскоре зона превратилась в перенаселенное гетто: люди ютились в заброшенных зданиях, подвалах, землянках, окопах, наскоро сооруженных шалашах, даже на улицах под открытым небом. Самое страшное было то, что японцы то и дело наведывались в эту зону и, несмотря на решительные протесты членов международного комитета, а часто и героическое сопротивление, убивали и насиловали беженцев.

И все же те, кто скрывался в зоне, просуществовавшей до середины февраля 1938 года, имели хоть какие-то шансы выжить. А вот остальные жители Нанкина оказались в аду. То, с чем они столкнулись, иначе как резней не назовешь. В течение как минимум шести недель японские солдаты и офицеры, опьяненные победой и озлобленные сопротивлением китайской армии, в буквальном смысле уничтожали нанкинцев. При этом, издеваясь, повсеместно вывесили объявления, гласившие, что японцы — единственные друзья китайцев!

Никто такого не ожидал. Очевидец-иностранец рассказывает: «Мы думали, что с приходом японских солдат... наступит мир... Но были просто поражены тем, чему стали свидетелями: грабежи, пытки, убийства, насилие, поджоги — все, что только можно себе представить, осуществлялось с самого первого дня без всяких границ. В наше время с этим не может сравниться ничто. Нанкин превратился почти в живой ад... Солдаты брали все, что хотели, и уничтожали все, что им было не нужно; открыто, на глазах у людей, насиловали сотни и тысячи женщин и девочек... а затем закалывали их штыками». А вот еще одно свидетельство (запись от 19 декабря 1937 года): «Никогда прежде я не испытывал такой ужас, как в эту неделю. Я и не думал, что японские солдаты могут быть такими варварами. Это была неделя убийств и насилия... Они не только убивали всех пленных... но и огромное число обычных граждан всех возрастов. Многих застрелили на улицах, <японцы> гонялись за ними, как за зайцами. По всему городу валяются тела».

В итоге за шесть недель массового террора японцы, по разным данным, уничтожили от трехсот до трехсот пятидесяти тысяч ни в чем не повинных людей — около трети предвоенного населения Нанкина!

Нельзя сказать, чтобы Чан совсем не переживал по этому поводу. 16 декабря 1937 года он обратился с посланием к нации, в котором взял на себя ответственность за сдачу столицы. Узнав же о масштабах нанкинской трагедии, записал в дневнике 22 января 1938 года: «Жестокие убийства и

чудовищные насилия, совершаемые бандитами-карликами в столице, еще не закончились. Враг упрямо движется вглубь <страны>... страдания моих соотечественников огромны». За месяц до того, 24 декабря 1937 года, он направил послание президенту США Рузвельту с просьбой о помощи, но тот ничего конкретного не обещал.

В то же время Чан Кайши дал интервью немецкому корреспонденту, заявив, что «китайский народ полон решимости сопротивляться». При этом отметил (скорее всего, сознательно, ибо, как мы знаем, хотел вызвать конфликт между Японией и СССР), что получает в достаточном количестве военное снабжение и оружие из Советского Союза. Сталин был вне себя: ведь советское вооружение поставлялось в Китай неофициально. Но, поразмыслив, кремлевский вождь успокоился: в конце концов в тот момент для него было важно, чтобы Чан продолжал сопротивляться Японии. А потому он написал Молотову и Ворошилову: «ЧанКайши <так в тексте> поступил не совсем осторожно, — ну и черт с ним». Послать Чана к нечистому и Молотов, и Ворошилов конечно же согласились.

Между тем 26 декабря 1937 года в Учане, куда Чан Кайши прибыл 14 декабря, германский посол вновь посетил его, передав ему третий проект японских условий мира, практически сводившихся к тому же, что и предыдущие два: японцы добавили лишь требование об уплате Китаем «соответствующей контрибуции». Через два дня Чан рассказал об этих условиях новому полпреду СССР в Китае Ивану Трофимовичу Луганцу-Орельскому (настоящая фамилия — Бовкун)^[76], опять-таки стараясь напугать Сталина. «Положение таково, — сказал он, блефуя, — что если СССР не выступит открыто вооруженной силой на помощь Китаю, то поражение Китая неизбежно... Среди китайских общественных кругов... начинают укрепляться настроения: поскольку надежды на военное выступление СССР оказались необоснованными, поражение неизбежно и лучше поддержать японофильское правительство». Чан развивал эту мысль в течение двух с половиной часов. (Так и видишь эту картину: уставший от забот и худой до изнеможения Чан то и дело возвращается к волнующей его теме, а «плотный мужчина богатырского телосложения», сын кузнеца Луганец-Орельский, совмещавший должность полпреда с обязанностями резидента советской внешней разведки, внимательно слушает.)

Стремясь напугать и другие ведущие страны, чтобы вынудить их помогать Китаю, Чан Кайши распорядился направить японские условия мира также правительствам США, Англии и Франции. То, что он блефовал, очевидно: 27 декабря, выступая на заседании Высшего совета национальной обороны и доложив о требованиях Японии, он дал понять

своим подчиненным, что ни в коем случае не собирается принимать требования Японии. «Сегодня уже не может быть мира без капитуляции, а выживания <нации> без сопротивления», — заявил он. А за пару дней до нового года записал в дневнике: «Сегодня самое опасное — это прекратить войну и начать говорить о мире».

Тем не менее Чан дал задание Кун Сянси, который советовал ему не отвергать посредничество немцев, провести с японцами переговоры, чтобы выиграть время. Но японцы потеряли терпение, и 16 января 1938 года Коноэ объявил, что отныне не будет иметь дела с правительством Чан Кайши. Вслед за чем японцы приступили к образованию марионеточных правительств в Северном и Восточном Китае. В ответ Чан отозвал своего посла из Токио. Тогда японцы отозвали своего. Таким образом, дипломатические отношения Японии и Китая оказались прерваны^[77].

Отдавая дань уважения Китаю, продолжавшему сопротивляться Японии, несмотря на тяжелейшие поражения и многочисленные жертвы, американский «Тайм», издававшийся Генри Люсом, горячо симпатизировавшим этой стране, 1 января 1938 года объявил Чан Кайши и Мэйлин «мужем и женой года». Чан был изображен в китайском халате с фетровой шляпой в левой руке, а Мэйлин — в строгом костюме западного фасона. И оба — почему-то на фоне каких-то римских колонн. Возможно, чтобы сделать их ближе западному читателю.

Чан же тем временем, расположившись в Учане, в здании провинциального правительства Хубэя, стал прилагать усилия для обороны трехградья Ухани, новой фактической столицы страны, имевшей не только политическое, но и огромное стратегическое значение: город находится на пересечении двух важнейших транспортных артерий Китая — текущей с запада на восток реки Янцзы и Бэйпин-кантонской железной дороги^[78]. Ухань был и одним из крупнейших мегаполисов страны: в нем насчитывалось около двух миллионов жителей, включая несколько сотен тысяч беженцев. «Как удержать Ухань? — записал Чан в дневнике 1 января 1938 года. — Надо дать понять бандитам-карликам, что им не удастся проглотить Китай, надо, чтобы они узнали, как это трудно сделать, и остановились».

10 января он прилетел в Кайфэн, бывшую столицу Сунской династии (960—1127), расположенную в 450 километрах к северу от Ухани, где на следующий день провел новое совещание высшего командования. Он метал гром и молнии, даже отдал приказ арестовать генерала, губернатора провинции Шаньдун Хань Фуцзюя, уступившего врагу без боя город

Тайань. Генерал был отдан под суд военного трибунала и через несколько дней расстрелян. Чан решительно требовал укрепить военную дисциплину и мобилизовать все силы для защиты Уханьского региона. А через 20 дней вновь отправил письмо Рузвельту с просьбой вмешаться в войну. Но, как и прежде, американцы придерживались политики нейтралитета.

А вот Советский Союз оказал Чану большую помощь в обороне Ухани. По словам бывшего посла Китая в СССР Цзян Тинфу, в то время «Москва была настроена более прокитайски, чем Вашингтон или Лондон. Это проявлялось и в дипломатии, и в поставках военного снаряжения». Сначала Дратвин, а с июля 1938 года — сменивший его новый главный военный советник Александр Иванович Черепанов (приехал в Китай под псевдонимом Чагин; тоже знакомый Чана по 1920-м годам) со своими штабами участвовали в разработке военных операций, а десятки военных советников находились на фронте в боевых частях. В январе-феврале 1938 года на уханьском аэродроме приземлился 31 советский бомбардировщик, а в Наньчане совершили посадку 40 истребителей. К середине февраля в районе трехградья было дислоцировано уже 100 советских самолетов. В целом же к началу сентября китайцы приобрели в СССР 123 бомбардировщика СБ, 105 истребителей И-16 и 133 — И-15. С мая по октябрь 1938 года советская авиация уничтожила свыше 100 японских самолетов и более 70 военных и транспортных судов. Но немало погибло и наших летчиков. Из всего авиапарка (602 самолета^[79]), находившегося на вооружении китайской армии летом 1938 года, к 28 октября 1938 года осталось только 87.

В марте прибыли первые советские танки — 40 боевых машин Т-26 с инструкторами. Вскоре же с помощью советских советников была сформирована первая в китайской армии механизированная дивизия. В апреле прибыли первые советские артиллерийские орудия. 1 июля в Москве было подписано новое соглашение о кредите Китаю — вновь на 50 миллионов американских долларов. По этому договору СССР должен был предоставить Китаю 180 самолетов, 300 орудий, 1500 ручных пулеметов, 500 станковых пулеметов, 300 грузовых автомашин, авиационные моторы, запасные части, снаряды, патроны и прочие военные материалы.

Но Чану этого было мало. Весь 1938 год он беспрестанно просил Сталина увеличить помощь вооружением и советниками, прилагая дальнейшие усилия, чтобы вовлечь СССР в войну с Японией. Более того, умолял заключить либо секретный военный союз, либо договор о взаимопомощи, либо издать совместную политическую декларацию, либо просто обменяться нотами о дружбе. Китайский посол в СССР Цзян Тинфу

уверял Чана, что это бессмысленно: Сталин не вступит в войну, но Чан, не желая этому верить и разозлившись, отозвал Цзяна, заменив его на знакомого нам Ян Цзе. Со своей же стороны, Чан Кайши настойчиво обещал Сталину, что отныне будет всегда следовать в фарватере советской внешней политики. Кроме того, с начала июня 1938 года он то и дело просил Сталина прислать к нему главным военным советником Блюхера, с которым, как мы помним, у него сложились прекрасные отношения в 1920-е годы. В июне 1938 года Чан даже предложил Сталину принять его (Чана) в Москве «для обсуждения этих вопросов».

Но Сталин, неизменно заверяя его в том, что «будет сделано все возможное для помощи великому китайскому народу», вступать в войну, подписывать секретное военное соглашение, новый договор или декларации отказывался. Не желал он и обмениваться нотами о дружбе или посылать Блюхера в Китай^[80] да и принимать Чана у себя.

И все же помощь СССР Китаю трудно переоценить, поскольку именно тогда резко ухудшились отношения Чан Кайши с другим союзником — нацистской Германией. То, о чем Гитлер говорил своим партайгеноссе еще 16 августа 1937 года, обрело реальное содержание: с февраля 1938 года фюрер стал открыто поддерживать Японию. Гитлер не мог простить Чан Кайши его сближения с большевиками, несмотря на то что министр иностранных дел Китая еще до опубликования китайского пакта с СССР заверял посла Германии (а также послов Франции, Англии, США и Италии) в том, что этот пакт не означает отказ от «традиционной» антикоммунистической «политики китайского правительства». В японском же антисоветизме фюрер не сомневался: тесное сотрудничество Германии с Японией развивалось именно на антисоветской платформе. Кроме того, у Гитлера имелись и экономические резоны. Впечатляющие успехи японской армии, оккупировавшей огромную часть Китая, привели к тому, что фюрер стал выражать заинтересованность в широком развитии торговых связей с Японией. Ведь необходимое Германии китайское сырье она могла теперь получать от японцев.

В результате Гитлер 20 февраля 1938 года официально признал Маньчжоу-Го, заявив при этом, что «вне зависимости от того, как в конце концов завершатся события на Дальнем Востоке, Германия, обороняющаяся от большевизма, будет всегда рассматривать и ценить Японию как фактор защиты. Защиты человеческой цивилизации». (За три месяца до того, 29 ноября 1937 года Маньчжоу-Го было признано Муссолини, 6 ноября присоединившимся к японо-германскому антикоминтерновскому пакту.)

Чан был обескуражен. И в марте 1938 года, пытаясь произвести на Гитлера хорошее впечатление, через немецкого посла поздравил его с аншлюсом (захватом Австрии). Кстати, в австрийской кампании в чине унтер-офицера горнострелковой дивизии вермахта участвовал младший сын Чана — Вэйго, о чем, конечно, и Чан, и Гитлер знали. В октябре того же года Вэйго со своей дивизией принял участие и в германском вторжении в Судеты, после чего его зачислили в Мюнхенскую офицерскую школу. В том же письме Чан попросил фюрера продать ему 20 бомбардировщиков. А в апреле 1938 года новое дружеское письмо Гитлеру послал Кун Сянси.

Но ни Чан, ни Кун ничего не добились. В конце апреля Гитлер отдал приказ прекратить поставку вооружения в Китай, потребовав также, чтобы все немецкие военные советники (а их тогда насчитывалось в Китае 32 человека) вернулись в Германию. Не все подчинились: семеро остались, но большинство все же выехало из Китая через Гонконг в течение двух месяцев. Последние, в том числе фон Фалькенхаузен, покинули страну 5 июля 1938 года. Одновременно с ними был отозван в Берлин и посол Германии. За три дня до отъезда Чан пригласил их всех на прощальный обед, во время которого тепло поблагодарил за службу. Японское же правительство направило в Берлин благодарность.

Осложнение отношений с Германией было, конечно, неприятно, но времени на долгие переживания Чан не имел. Всю весну, лето и начало осени 1938 года он изо всех сил укреплял уханьскую военную базу. С 29 марта по 1 апреля в здании Уханьского университета в Учане он провел Всекитайский чрезвычайный съезд Гоминьдана. (Открылся он в Чунцине, но Чан туда не приезжал; все остальные заседания проходили в Учане.) В съезде участвовали 272 делегата, приглашенные Центральным исполкомом партии (в условиях войны организовать выборы было невозможно). В качестве наблюдателя пригласили представителя компартии Чжоу Эньлая: в критический момент Чан хотел собрать воедино все силы страны. В последний день съезда Чан Кайши выступил с докладом «О войне сопротивления Японии и перспективах партии», в котором особо подчеркнул, что антияпонская война есть продолжение революции.

Съезд наделил Чана поистине диктаторскими полномочиями, избрав его на вновь учрежденный пост *цзунця* (генерального директора, вождя^[81]). Его старого врага Ван Цзинвэя избрали заместителем *цзунця*, чтобы более-менее уравновесить разные фракции. Принятые съездом «Манифест» и «Программа вооруженного сопротивления и строительства государства» в целом были расплывчатыми, но в них содержалась главная мысль: Китай никогда не склонится перед захватчиками. С этим, казалось,

все делегаты были согласны. Оба документа призывали и к более тесному сотрудничеству всех партий страны для противодействия японцам, а в «Программе» говорилось о необходимости «образовать новый комитет для участия народа в делах государства».

Такой комитет был учрежден в начале июля 1938 года. Он получил название Национально-политический совет (НПС). В него вошли 200 человек, половина из которых не являлась членами Гоминьдана. Власти НПС никакой не имел, но давал возможность различным партиям открыто излагать свои взгляды, служа тем самым совещательным органом единого антияпонского фронта при правительстве Чана. Членами НПС стали и семь коммунистов, включая Мао Цзэдуна, который, правда, никакого участия в его работе не принимал, так как в Ухань не приезжал. Компартия Китая, кроме того, имела в Ухани свое представительство, так называемое Чанцзянское бюро ЦК КПК (Чанцзян — китайское название реки Янцзы).

Все это время Чан был невероятно занят. Он не только принимал участие в разных военных и политических мероприятиях, выступал с лекциями и речами, но и разрабатывал планы военных операций, то и дело выезжал на фронты, связывался по телефону или радиации с командующими военными зонами и командирами отдельных частей. Казалось, что у него «сотни пар рук и глаз... Каким образом его жилистое худое тело генерировало столько энергии — загадка», — удивлялся очевидец. Похоже, что только теперь, во время обороны Ухани, он пришел в себя, оправившись от первых поражений и превратившись «в более решительного и эффективного руководителя».

Мэйлин тоже не сидела без дела, устраивая сиротские дома для бездомных детей, наводнивших Ухань. Город вообще был переполнен беженцами, разместившимися прямо на тротуарах или набережных Янцзы. Из дома в дом ходили нищие, прося милостыню. Тут и там по улицам маршировали солдаты, сновали кули, тащившие чьи-то пожитки. На улицах стояли невыносимый шум и гам, время от времени перекрываемые сиренами, оповещавшими о налетах вражеской авиации. После отбоя воздушной тревоги повсюду валялись искореженные тела и слышались истошные крики раненых.

Чан еще более исхудал, осунулся и стал выглядеть гораздо старше своих лет. Впервые увидевший его в начале лета 1938 года военный советник Александр Яковлевич Калягин вспоминает: «Распахнулась боковая дверь, и показался среднего роста человек, одетый в форму цвета хаки без погон... Он шел медленно, сутулясь... Старческая походка... тщедушная фигура, облаченная в нарочито простой мундир, сухие руки,

бегающие глаза». Несмотря на это, в нем чувствовалась какая-то жизненная сила, хотя и было заметно, что он напряжен, как дикий зверь в минуту опасности. Вот что рассказывает другой очевидец, английская журналистка: «Чан Кайши поразил меня главным образом жизненной энергией, настороженностью, спокойной уверенностью, а также загадочным выражением лица — улыбающегося, худого и красивого. Он изящен и грациозен в движениях... Он очень уверен в себе и учтив, но видно, что он никогда не расслабляется и все время начеку. Его глаза — самое выразительное, что в нем есть: большие, очень темные и яркие, чрезвычайно умные, полностью скрывающие его внутренний мир... Он походит больше на пуританина семнадцатого века, чем на диктатора двадцатого».

А тем временем война в Китае продолжалась, и ей, казалось, не будет конца. Весной с фронта пришли и радостные вести: в марте-апреле китайские войска нанесли крупные поражения японцам — в битвах под городами Линь и Тайэрчжуан на юге провинции Шаньдун. Но на ход войны они не оказали влияния. Захватив все крупные центры на севере и востоке Китая, в том числе 19 мая город Сюйчжоу — важный узел на Лунхайской (идущей с запада на восток) и Бэйпин-пукоуской (с севера на юг) железных дорогах, японские «карлики» в конце мая стали быстро продвигаться вдоль Лунхайской дороги в направлении города Чжэнчжоу, еще одного крупного транспортного узла, но уже на пересечении Лунхайской и Бэйпин-ханькоуской железных дорог.

6 июня японцы захватили Кайфэн, расположенный всего в 76 километрах к востоку от Чжэнчжоу. Ситуация создалась критическая. И Чан, находившийся 12 мая в Чжэнчжоу, понял, что город падет через несколько дней. Взятие же Чжэнчжоу могло быстро приблизить падение Ухани.

Никакие человеческие силы не могли, похоже, остановить японцев. И тогда командующий 1-й военной зоной, расположенной вдоль Бэйпин-ханькоуской железной дороги, Чэн Цянь, он же председатель правительства провинции Хэнань, предложил Чану план, который не может не поразить своей чудовищностью: взорвать дамбы на реке Хуанхэ, особенно полноводной после проливных дождей, чтобы устроить искусственное наводнение на огромной территории Великой Китайской равнины и тем самым остановить японских «карликов».

Да, план казался эффективным с военной точки зрения, но обрекал на голод, разорение и смерть сотни тысяч соотечественников, о которых Чан так горевал в своем дневнике. Тем не менее Чан принял его. 9 июня пара

тысяч солдат за обещанное вознаграждение в две тысячи юаней каждому выполнила ужасную задачу, разрушив дамбы в 17 километрах к северу от Чжэнчжоу (в сорока восьми — от линии фронта). Операцию провели в полной секретности: местных жителей, конечно, не предупредили, чтобы об операции не узнали японцы.

Мощный поток шириной в 200 метров и высотой в полтора метра обрушился на землю и устремился на юго-восток, сметая все на своем пути. В результате 54 квадратных километра территории в Центральном Китае — 44 уезда в провинциях Хэнань, Аньхой и Цзянсу — оказались затоплены, около пяти миллионов человек лишились крова и, по разным данным, от 500 до 890 с лишним тысяч погибли. Иными словами, Чан собственными руками убил чуть ли не в два с половиной раза больше мирных китайцев, чем японские «карлики» в Нанкине!

Интересно, что Йозеф Геббельс, узнав об этом, назвал действия Чан Кайши «гораздо более варварскими», чем действия японцев. Из его уст, правда, осуждение Чана звучало неубедительно. Ни один диктатор, ни Гитлер, ни Сталин, ни Мао Цзэдун никогда не останавливались перед сотнями тысяч невинных жертв ради достижения своих целей. Хотя — и это тоже верно — никто из них не топил сотни тысяч собственных мирных жителей. Так что действия Чан Кайши на самом деле не имеют аналогов в истории^[82].

Чан и сам понимал, что совершил преступление. А потому уже 11 июня послал секретную телеграмму Чэн Цяню: «Надо объявить народу, что дамбы на Хуанхэ разбомбили вражеские самолеты». И никогда впоследствии ни Чан Кайши, ни Чэн Цянь не признавались в том, что совершили, а гоминьдановская пропаганда, выполняя приказ Чана, упорно взваливала вину на японцев.

Бог Чану судья. Тем более что с военной точки зрения, даже принимая во внимание то, что наводнение действительно затормозило на пять месяцев японское наступление на Ухань, оно не оказалось чрезвычайно эффективным. В середине июня японцы начали новое наступление в направлении Ухани, теперь вдоль Янцзы, то есть к югу от наводнения. 15 июня они взяли Аньцин, крупный город в провинции Аньхой в 170 километрах вверх по Янцзы от Нанкина, а 26 июля — важный речной порт Цзюцзян. Здесь они устроили новую резню мирного населения, стремясь запугать китайцев.

А после того как 22 октября 1938 года японцы неожиданно и быстро, за десять дней, захватили Кантон, судьба Ухани была решена. Ведь они перерезали Кантон-учанскую железную дорогу, связывавшую Китай через

Гонконг с большинством стран мира.

— Падение Кантона обнажило наш фланг, — объяснил Чан Дональду. — Теперь мы должны уйти <из Ухани>.

«Он говорит о потере города так, как если бы потерял фигуру в шахматной игре», — подумал Дональд.

Как будто прочтя его мысли, Чан добавил:

— Я не волнуюсь по поводу потери городов. Если мы потеряем слишком много, мы построим еще больше.

(Пораженный Дональд не знал, что Чан повторял мысль Сталина, переданную ему Сунь Фо после разговора с кремлевским вождем: «Главное —...не бойтесь отдать тот или иной город. Это не имеет значения в ходе борьбы».)

Ухань пала 25 октября 1938 года. При ее обороне погибли и получили ранения более полумиллиона китайских солдат и офицеров^[83], но панического бегства не было. Чан смог организовать плановый отход основных сил на запад и перед тем, как покинуть город, даже, не торопясь, в открытой машине провел смотр войск, выстроившихся вдоль набережной. Но в то же время отдал еще один страшный приказ — полностью разрушить Ухань, чтобы не досталась врагу.

Сам же вместе с женой улетел из морозной, запорошенной снегом Ухани на юг, опять в горы, только на этот раз не в Гулин, а в местечко Наньюэ, расположенное в горах Хэншань, в 170 километрах к югу от Чанши, столицы провинции Хунань. Из высокого начальства они с Мэйлин последними покинули дымившийся город — в 10 часов вечера 24 октября.

В Наньюэ, что в переводе означает «Южная гора», они добрались более-менее спокойно. Но через несколько дней, испугавшись, что японцы скоро возьмут и Чаншу (до нее от Ухани всего 350 километров), Чан вдруг запаниковал и, не в силах овладеть собой, совершил еще одно жуткое преступление: приказал губернатору Хунани генералу Чжан Чжичжуну сжечь этот город дотла, если враг к нему приблизится.

Ретивые подчиненные, думая, что город падет не сегодня-завтра, подожгли Чаншу ночью 12 ноября. Никто из них даже не подумал предупредить жителей, мирно спавших (!). Древний город, основанный три тысячи лет назад, горел два дня: 12 и 13 ноября. Очевидец, врач американского госпиталя, вспоминает: «Два дня и две ночи гул огня, все застилавший дым и страшные разрушения — вот что сидело в моем сознании... Жара была ужасающей... <Врачи> видели языки пламени и то, как какие-то несчастные на локтях пытались выбраться из дверей и окон госпиталя; больные и раненые солдаты сгорали заживо». В огне погибли от

двадцати до тридцати тысяч человек.

Однако японцы не стали брать Чаншу. И Чан, опомнившись, опять попытался выйти сухим из воды. Мэйлин прислала письмо в американский госпиталь в Чанше, заявив, что она и генералиссимус ужасно удручены случившимся и что поджог не был произведен по приказу Чана. Генералиссимус свалил вину на местных военных. Командир гарнизона, бывший одним из «кровных братьев» Чана, командир одного из полков и начальник городской полиции были арестованы и расстреляны, а хунаньский губернатор генерал Чжан Чжичжун — отправлен в отставку.

Да, в трагические минуты Чан явно изменял древнему правилу великого китайского полководца Таиской эпохи Ли Цзина (571–649), которое гласило: «Являть собой устрашающую силу, но при этом оставаться заботливым — вот должное равновесие».

Затяжная война

С 25 по 28 ноября 1938 года Чан Кайши, все еще находясь в Наньюэ, провел самое многочисленное с начала войны военное совещание, чтобы подвести печальные итоги и выработать стратегию и тактику на будущее. Он по-прежнему пылал решимостью продолжать сопротивление, несмотря на колоссальные потери в живой силе и технике (по разным данным, число убитых, раненых и пропавших без вести солдат и офицеров составило от одного до почти полутора миллионов), захват японцами половины территории собственно Китая^[84], причем наиболее развитой — в Северном, Восточном и Южном Китае, включая основные города и коммуникации, и потерю до 90 процентов индустриальных мощностей, а также до 80 процентов налоговых сборов. Чан твердо верил в окончательную победу и даже, начиная с конца октября, стал всерьез раздумывать над тем, не объявить ли официально Японии войну. Делать он этого, однако, не стал, так как встретил серьезную оппозицию среди членов правительства. Вместе с тем в речи на открытии совещания в Наньюэ заявил, что с падением Ухани закончился только первый этап войны и теперь Китай вступил во второй этап, когда «от обороны мы перейдем к наступлению и от поражения — к победе».

Это было своего рода ответом на прозвучавшее за три недели до того, 3 ноября, радиообращение Коноэ к японскому народу, в котором премьер Японии изложил принципы так называемого «нового порядка в Восточной Азии». Коноэ на этот раз предложил установить равноправное сотрудничество между Японской империей, Китаем и Маньчжоу-Го, заявив об отсутствии у Токио материальных претензий к Китайской Республике и пообещав аннулировать японские концессии и право экстерриториальности в Китае. Хотел он только совместно с китайцами и маньчжурами бороться с коммунизмом и западным империализмом.

Отвергнув предложения Коноэ, Чан Кайши уделил особое внимание необходимости развернуть в японском тылу партизанскую войну, попросив Чжоу Эньлая и Е Цзяньина, начальника штаба коммунистической 8-й полевой армии, присутствовавших на совещании, помочь Гоминьдану в подготовке кадров для этой войны. Вскоре в Наньюэ открылись партизанские курсы, к которым был даже прикреплен один из советских военных советников.

О необходимости вести партизанскую войну Чан говорил и ранее.

Первый раз — 2 августа 1937 года на заседании своего Генштаба, после чего неоднократно возвращался к этой теме. Однако до падения Ухани этот вопрос так и не был переведен в практическую плоскость, поскольку по большому счету Чан не понимал, как эту войну вести. Он просто думал перебросить во вражеский тыл несколько частей и подразделений, чтобы те развернули в тылу врага такие же регулярные действия, что и солдаты на фронте. Но многие генералы отнеслись к этому с предубеждением, полагая, что те, кто отправляется в японский тыл, на самом деле уваливают от настоящей схватки, «спасая свои шкуры». Поэтому идея войны в тылу стала крайне непопулярной среди офицеров, не желавших «терять лицо».

Но с падением Ухани и японской оккупацией огромной части страны Чан вновь заострил этот вопрос. Дело в том, что японцы не имели достаточного числа солдат, чтобы оккупировать каждый квадратный километр китайской земли; они контролировали только более-менее крупные города и другие стратегические объекты, включая линии коммуникаций. Так что в их тылу сохранились участки территории, на которые их власть не распространялась. Вот там-то и могли действовать китайские партизаны.

В марте 1939 года Чану удалось переломить высокомерное отношение своих офицеров к партизанщине, и гоминьдановцы наконец стали направлять за линию фронта большое количество войск, а сам японский тыл разделили на пять военных зон (всего в Китае было организовано десять военных зон). Но Чан так до конца и не осознал, что война во вражеском тылу не могла быть ни позиционной, ни маневренной, а только народной. Организовывать население в иррегулярные боевые отряды он не стал.

В отличие от коммунистов, которые занялись развертыванием в тылу врага именно народной войны, в полной мере используя опыт, накопленный в период советского движения, Мао не отказывался помогать «дружеским регулярным войскам», но, с его точки зрения, 8-я армия могла и должна была вести только чисто партизанские или маневренно-партизанские («воробыиные», как он их называл) боевые действия в японском тылу независимо от Гоминьдана, «взяв инициативу в свои руки». Такой метод войны, считал он, будет «свободнее, живее и эффективнее». Это же советовал ему Сталин. И Мао, и Сталин полагали, что антияпонская война будет носить затяжной характер. Надо набраться терпения и ждать, разъяснял Мао, пока японская армия истощит силы. И продолжал следовать своему излюбленному правилу: «Враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы тревожим; враг утомился — мы бьем; враг отступает —

мы преследуем».

В начале 1939 года, по данным японцев, к северу от Янцзы в тылу японских войск действовали уже 300 тысяч партизан, в Центральном Китае — 100 тысяч, а в районе между Шанхаем, Нанкином и Ханчжоу — 250 тысяч. Китайцы давали другие цифры, заявляя, что за линией фронта оперируют два с половиной миллиона вооруженных патриотов. По сведениям же голландского разведчика, жившего в Шанхае, в 1939 году в тылу японцев сражалось от восьмисот тысяч до одного миллиона партизан. Часть из них действовала под руководством гоминьдановцев, часть — коммунистов.

Так же, как Мао со Сталиным, Чан тоже начал понимать, что война против Японии будет затяжной. А потому стал уделять огромное внимание не только строительству и вооружению армии, но и подготовке и воспитанию руководящих кадров партии. «Кадры решают все, — записал он в дневнике 15 ноября 1938 года, — реализация политической линии, стратегии и тактики партии теснейшим образом связана с тем, насколько сильны партийные кадры, насколько силы партии разобщены, насколько кадры связаны с массами, насколько велик у кадров практический опыт и насколько высок уровень их теоретической подготовки».

Как видно, он вновь цитировал Иосифа Виссарионовича — на этот раз его речь в Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 года. Похоже, Чан Кайши проявлял большой интерес ко всему, что говорил советский вождь, не упуская возможности у него поучиться.

На следующий год Чан даже запланировал что-то вроде конференции под лозунгом «Кадры решают все». «Политика важнее военного дела... Дух важнее материи», — заявил он на совещании в Наньюэ.

1 декабря 1938 года он вылетел из Хунани в Гуилинь (северо-восток Гуаней), а через неделю прибыл в Чунцин — свою новую столицу. Выбрал он этот город, находившийся в провинции Сычуань, не случайно, учитывая прежде всего его стратегическое расположение — на берегу главной водной артерии страны, Янцзы, при ее слиянии с другой широкой рекой Цзялинцзян (Река, текущая меж красивых холмов). Последняя берет начало на севере страны, в Шэньси. Будучи зажатым с двух сторон этими водными потоками, город возвышается на крутых холмах вдоль узкого полуострова, напоминающего клюв попугая. От линии фронта до него было довольно далеко — более 800 километров, к тому же подходы к нему перекрывали горные хребты и речные теснины «Сянься» («Три ущелья»), отделяющие Сычуань от остального Китая.

Кроме стратегического значения город Чунцин мало чем мог привлечь

внимание. Это было «заброшенное, скучное и невеселое место». Вновь прибывшего оно сразу же поражало тем, что «удивительно не подходило для жизни человека, так как ровной территории не было. Чтобы куда-нибудь добраться, превращаешься в козла».

К декабрю 1938 года Чунцин был уже страшно перенаселен за счет беженцев со всех концов Китая. Городское население увеличилось более чем в два раза: с 480 тысяч в июле 1937 года до 1 миллиона 100 тысяч. Это, конечно, обострило все городские проблемы: продовольственную, жилищную, санитарную, транспортную и т. д. Резко возросла преступность.

С утра до вечера почти все 400 городских улиц и переулков кишели народом, галдевшим на разных диалектах. Множество людей прямо на улицах и жили, и спали, и справляли нужду. Полицейские не могли установить порядок. Везде было полно нищих — худых, оборванных, грязных, кто-то сидел на обочине, кто-то преследовал прохожих, хватая их за одежду. А рядом «вдоль улиц валялись трупы, и их никто не убирал... Полиция не обращала на них внимания». Многие нищие «были больны проказой... Надо было успеть найти деньги в сумочке, если же ты мешкал, они касались твоей кожи, пока ты старался увернуться». По улицам бегали крысы, их было неисчислимое множество^[85].

Девять месяцев в году Чунцин был затянут облаками, почти все время моросил мелкий дождь, и улицы превращались в сточные канавы. Солнечные лучи так редко пробивались сквозь тяжелый смог, что местные жители говорили: «Когда в Чунцине светит солнце, собаки на него лают, как на незнакомца». В летние же дни жара достигала 40 градусов при почти стопроцентной влажности, и люди задыхались.

В общем, как писала жена Эрнеста Хемингуэя, посетившая вместе с мужем эту военную столицу Китая, «Чунцин... выглядел как большая серо-коричневая куча камней... хаотичный и грязный, нагромождение скучных цементных зданий и лачуг бедноты, лучшим местом которого был оживленный рынок». Писателю город тоже не понравился. «Жизнь в Чунцине невероятно трудна и неприятна», — писал Хемингуэй.

Впрочем, иностранцы, как и богатые китайцы, жили за городской чертой, к югу от Янцзы, в дачном районе Хуаншань (Желтая гора). Там тоже были холмы, но на них росли сосны и кипарисы, а воздух был чист и свеж.

Разумеется, и супруги Чан поселились в Хуаншани, тем более что они, как мы знаем, вообще любили природу. К их приезду правительство выкупило дачи у владельцев, так что, помимо четы Чанов, в этом уютном

месте обосновались еще несколько высокопоставленных чиновников, в том числе свояк Чана и Мэйлин — Кун Сянси, с января 1938 года вновь стоявший во главе Исполнительной палаты. Он жил тогда один, так как его жена Айлин, старшая сестра Мэйлин, вместе с третьей сестрой Цинлин, вдовой Сунь Ятсена, находилась в Гонконге. Не было рядом и старого друга и наставника — «цикады Чжана», он из осажденной Ухани уехал в Швейцарию, на лечение. Забегая вперед скажем, что через год Чжан отправится в Нью-Йорк, где и останется насовсем. После войны Чан будет звать его вернуться, но он не поедет и вскоре, 3 сентября 1950 года, скончается от болезни сердца, в общем не очень-то и старым человеком — в возрасте семидесяти трех лет.

Чан, конечно, не мог не скучать о старом друге, но у него было слишком много дел. Его дача на южном берегу Янцзы по адресу Хуаншань, дом 23, стала на время войны штаб-квартирой китайского сопротивления Японии. Деревянный особняк в три этажа из десяти комнат в густом хвойном лесу, выстроенный в смешанном китайско-западном стиле и принадлежавший когда-то банкиру, находился на вершине небольшого холма Хуаншань. В подвале соорудили комфортное бомбоубежище, что было немаловажно.

У Чан Кайши была резиденция и в городе, даже две. Одна — в центральном районе, в небольшом переулке Дэаньли (Переулок морали и спокойствия), — двухэтажный особняк с колоннами под номером 101, по соседству с представительством компартии, в котором во время посещения Чунцина работал Чжоу Энлай. Рядом же находилось и здание контрразведки, и других секретных служб китайского правительства, которые по-прежнему возглавлял «китайский Гиммлер» Дай Ли. Вторая резиденция располагалась в южном пригороде, в гостинице Сяоцюань (Маленький источник), занятой в то время студентами и преподавателями Политического университета Центрального исполкома Гоминьдана. Поскольку Чан часто приезжал туда на разные мероприятия, для него выстроили небольшой павильон в западном стиле для отдыха и работы.

Но больше всего Чан любил свою дачу в Хуаншани, которую назвал «Пещерой в облаках», вспомнив одно из произведений великого поэта Тао Юаньмина, в котором говорилось:

Облако в пещере поселилось,
Выплывать не хочет в небеса.
От полетов птица утомилась
И домой вернулась, чуть дыша.

Жители Чунцина, правда, именовали его резиденцию «Гнездом орла» — по аналогии с баварским шале Гитлера, но Чан не любил это сравнение.

Резиденции Чана охраняли несколько десятков солдат под командованием начальника его личной охраны Вальтера Франца Марии Штеннеса, одного из семи немецких военных советников, не пожелавших уехать на родину в июле 1938 года. Штеннес, бывший когда-то одним из организаторов нацистской партии и ее штурмовых отрядов, еще в начале 1930-х порвал с Гитлером и в 1933-м, с приходом фюрера к власти, вынужден был бежать. С тех пор он жил в Китае, работая на Чан Кайши. Этот отважный человек лет сорока, арийской внешности, «высокий и белокурый», пользовался полным доверием Чана и его жены, которые, увы, не знали, что в марте 1939 года он предложил свои услуги советской разведке, после чего начал поставлять в Москву секретную информацию. На Лубянке ему присвоили кодовое имя «Друг».

Несмотря на войну и переезды, Чан, как всегда, придерживался строгого распорядка дня. Вставал по-прежнему в начале шестого утра, сначала молился Богу, читал Библию (подаренную ему когда-то тещей), затем полчаса медитировал перед открытым окном, делал зарядку и обливался ледяной водой, никому не позволяя к себе входить. Потом кричал «вэй!», и в дверях появлялся денщик, подававший горячее полотенце. Чан насухо обтирался, после чего обязательно выпивал стакан теплой кипяченой воды. (Как мы помним, он не пил ни чая, ни кофе.) Затем выходил подышать свежим воздухом, что-то напевая или бормоча себе под нос: он всегда так делал во время прогулок. Часа через полтора подавали легкий завтрак (овощи, лапшу или рисовую кашу), Чан ел и уходил в кабинет работать. В час дня вместе с женой обедал (рис, немного мяса, соленые овощи), затем до трех спал, опять недолго гулял, а потом вновь шел в кабинет. В шесть вечера в третий раз шел на прогулку, теперь уже с Мэйлин. В 7.30 подавали ужин, как и завтрак, и обед, всегда «по-спартански простой». К ужину Чан обычно приглашал нескольких гостей. «Он любил смотреть, как люди едят, считая, что они раскрывают себя в манере поглощать пищу, — писал один из его биографов. — Любил, когда люди ели быстро... не проявляя интереса к еде». После ужина он либо опять работал — до позднего вечера, либо, что чаще случалось в Чунцине, — вместе с Мэйлин и гостями смотрел какой-нибудь фильм. Перед сном кратко записывал в дневнике события дня, а если не успевал, делал это на следующее утро. В начале 11-го, помолившись, ложился спать.

От обслуживающего персонала он требовал строжайше следовать раз и навсегда заведенному порядку и часто гневался на нерадивых слуг. Он был очень строг, редко улыбался и никогда не шутил с обслугой. Зная крутой и вспыльчивый нрав хозяина, в доме все его боялись. Только Мэйлин пользовалась свободой: ложилась спать в час или два ночи, вставала в 11 утра. Правда, заставляла себя минут на пятнадцать просыпаться, когда Чан поднимался ни свет ни заря, и вместе с ним молилась Богу. Но потом ложилась досыпать. Она любила красиво одеться, хорошо поесть, умела танцевать и шутить, курила длинные русские папиросы, которыми ее снабжал корреспондент ТАСС Владимир Николаевич Рогов, и пила дорогое вино. Все окружающие были от нее в восторге. В общем, она совсем не походила на своего довольно скучного супруга.

Не успев обжиться в новом доме, Чан на следующий же день после прилета, 9 декабря 1938 года, провел в нем заседание Высшего совета обороны, на котором повторил то, что сказал в Наньюэ: война затяжная, мы не сдадимся. «Его решимость продолжать войну была твердой», — вспоминает очевидец.

Среди тех, кто присутствовал на заседании, был и второй человек в партии и государстве Ван Цзинвэй, заместитель *цзунцзя*. После сдачи Нанкина он все время находился в подавленном состоянии. Потеря же Ухани и особенно Кантона, в окрестностях которого он родился, совсем выбила его из колеи. В частной беседе с Чаном он поделился мыслями о том, что теперь настало время сесть с японцами за стол переговоров, поскольку Китай не знает, «как вести войну», а Япония — «как ее закончить», а Коноэ заметно смягчил требования к Китаю. Ван по-прежнему исходил из формулы: «с одной стороны — сопротивление, с другой — переговоры». Но Чан не согласился, несмотря на то что знал: это позиция не одного Вана, но и многих других деятелей партии, в том числе Кун Сянси и Чэнь Лифу, его близких соратников. Существовала даже группа, именовавшаяся «Клуб пониженных тонов», все время агитировавшая против «военной истерии». С членами клуба Ван Цзинвэй поддерживал тесные связи.

Тем не менее Ван продолжал настаивать на переговорах с японцами. У него было много аргументов, но главных — два. Первый — продолжение сопротивления приведет к гибели китайской нации, а второй — из-за индифферентности западных держав Китай оказался под контролем СССР, использующего военную помощь, чтобы диктовать Чану свою волю и

расчищать путь для прихода к власти китайской компартии.

Но Чан, казалось, «совершенно не понимал той трудной ситуации, в которой оказалась страна... бездумно отвергая предложения о мире». Во время беседы он даже не выдержал, вспылil, разговор получился бурный.

Ван был подавлен, но через неделю опять навестил «слепого оптимиста» (так он и его единомышленники называли между собой Чан Кайши). Увы! Они так ни к чему и не пришли. Вот что об этом вспоминает Цзян Тинфу, бывший посол Китая в СССР: «Он <Ван Цзинвэй> был совершенно опустошен. Он сказал мне, что генералиссимус абсолютно не разделяет его взгляды». К тому времени позиции Чана значительно упрочились: 15 декабря 1938 года Рузвельт принял решение предоставить Китаю первый заём — на 25 миллионов американских долларов. Правда, эти деньги нельзя было использовать на покупку американского вооружения, так как США по-прежнему придерживались изоляционистской политики, но уже сам факт предоставления займа свидетельствовал об изменении отношения американцев к японо-китайскому конфликту. «Американский заём — сильнейший удар по врагу», — написал Чан в дневнике.

В итоге Ван Цзинвэй решил действовать на свой страх и риск и вступить в открытые переговоры с японцами без одобрения Чана^[86]. Он полностью отдавал себе отчет в том, что его за это могут подвергнуть всеобщему осуждению, но был готов, по его собственным словам, «принести себя в жертву» во имя спасения Китая.

18 декабря, через два дня после последней встречи с Чаном, он, заранее отправив своих детей за границу, вместе с женой и близкими соратниками улетел из Чунцина. Сначала — в Куньмин, столицу Юньнани, где обратился за поддержкой к местному губернатору Лун Юню. Но тот не сказал ни твердого да, ни твердого нет, и Ван со своими единомышленниками на следующий день улетел в город Ханой (Северный Вьетнам), откуда затем перебрался в один из окрестных горных курортов.

Узнав о побеге Вана, премьер Японии Коноэ вечером 22 декабря выступил с новым заявлением, предложив «тем дальновидным китайцам, которые разделяют наши идеалы и устремления», мир на основе всего трех принципов: «добрососедские отношения, совместная оборона против коммунизма и экономическое сотрудничество».

Между тем Чан, получив 21 декабря донесение о побеге Ван Цзинвэя, потерял сон. Он ведь не знал, насколько серьезной поддержкой Ван пользовался в партии и армии. Больше всего его волновал вопрос, не взбунтуются ли Юньнань и Гуандун. Через день он провел встречи с

высшими чинами армии (он успел побеседовать с более чем восьмьюдесятью генералами!). Но он зря волновался. Несмотря на довольно формальное подчинение генералиссимусу, губернаторы Юньнани и Гуандуна не поддержали Вана. 26 декабря Чан официально отверг три принципа Коноэ, ознакомив со своим заявлением все западные державы.

Через три дня, однако, Ван Цзинвэй послал «мирную телеграмму» бывшим товарищам в Чунцине, открыто заявив, что принципы Коноэ — разумная основа для переговоров.

В ответ Чан, совершив ранним утром 1 января 1939 года обряд поклонения духу умершего Сунь Ятсена (для того, очевидно, чтобы заручиться его поддержкой), созвал заседание Постоянного комитета Центрального исполкома Гоминьдана для обсуждения поступка Вана. Со своей стороны, Чан скромно предложил собравшимся послать изменнику «предупреждение», объяснив ему, что не надо попадаться «на японскую удочку», но большинство присутствовавших, понимая, чего на самом деле хочет *цзунцай*, потребовали исключения ближайшего ученика Сунь Ятсена из партии «на вечные времена» и лишения его «всех должностей как по партийной, так и другим линиям». Чан тут же объявил перерыв на обед, после чего, возобновив обсуждение, сделал вид, что подчиняется мнению большинства. «Ван Цзинвэя надо исключить из рядов ГМД и лишить всех должностей, — заявил он, — так как он на 90 процентов является предателем». Разыграв, таким образом, спектакль, он предложил проголосовать: «Кто за исключение?» Из шестидесяти восьми членов Постоянного комитета руки подняли шестьдесят четыре (по другим данным — из шестидесяти присутствовавших руки подняли пятьдесят восемь). Среди тех, кто не согласился с решением, был, кстати, Кун Сянси, заявивший, что сначала было бы хорошо объявить Вану выговор, а уж потом, если не одумается, — исключить.

Рассказывая об этом советскому послу 2 января, сын Сунь Ятсена — Сунь Фо заметил, что Ван Цзинвэй — китайский Троцкий: «Вы изгнали своего Троцкого, и мы изгнали своего Троцкого — Ван Цзинвэя». Луганец-Орельский, до того всё время пытавшийся по поручению Сталина склонить китайцев к борьбе с троцкизмом, был, понятно, доволен таким сравнением. Чан же через несколько дней написал в дневнике: «То, что Ван сбежал, благо для партии и страны».

Действительно, с бегством Вана позиции Чана в партии, армии и стране упрочились. На 5-м пленуме Центрального исполкома Гоминьдана пятого созыва, проходившем в Чунцине с 21 по 30 января 1939 года, Чан получил новый пост: стал уже не только *цзунцаем*, но и председателем

Высшего совета национальной обороны, объединившим руководство партии и армии. 10 февраля он послал человека в Ханой, чтобы уговорить Ван Цзинвэя уехать куда-нибудь подальше — например, во Францию, и даже передал ему загранпаспорт и 500 тысяч юаней на дорогу. Но тот решительно отказался.

Тогда Чан отдал тайный приказ главе спецслужб ликвидировать предателя — точно так же, как сделал Сталин за полгода до того в отношении Троцкого^[87]. 21 марта 1939 года убийцы проникли в спальню Вана, дали автоматную очередь по спящему на кровати человеку и быстро скрылись. К страшному разочарованию Чана, Ван Цзинвэй избежал смерти: по каким-то причинам он накануне поменялся спальнями со своим секретарем. В результате бедный молодой человек поплатился за преданность шефу, а Ван, испугавшись, что Чан на этом не остановится, в конце апреля уплыл из Вьетнама в более безопасное место — в оккупированный японцами Шанхай.

Да, ему повезло больше, чем Льву Давидовичу Троцкому, которого агент НКВД смертельно ранит через полтора года в Мексике, но и у Ван Цзинвэя судьба оказалась незавидной. Прибыв в Шанхай 5 мая 1939 года, он отдал себя во власть японцев. И в итоге его романтические мечты о «добрососедском мире» с агрессором разбились о грубую реальность — отныне у него был один путь: стать японской марионеткой. И он ею стал, начав создавать прояпонское правительство.

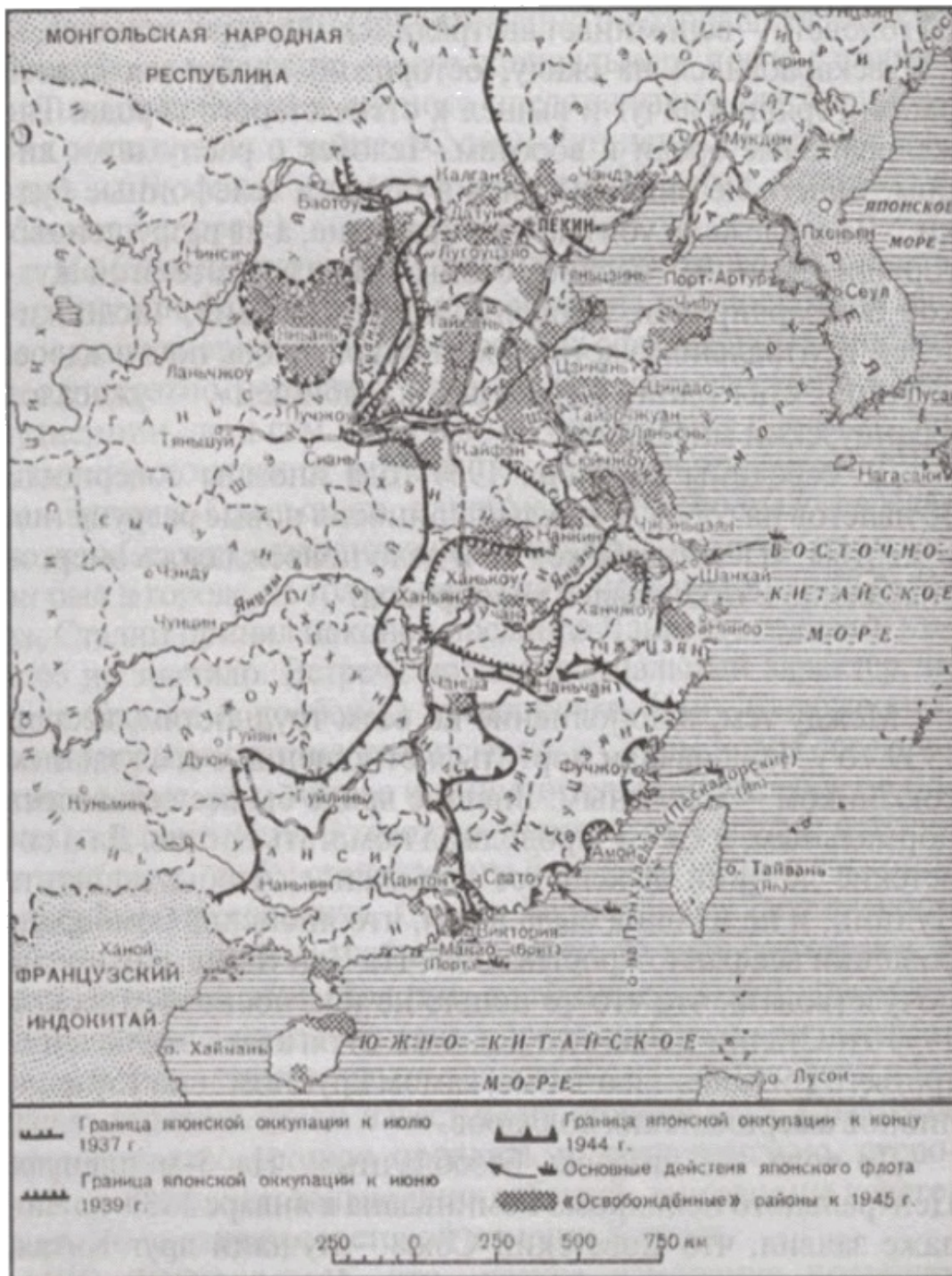
А в Чунцине тем временем нарастал патриотический подъем. Каждое утро по радио гремел национальный гимн, а вечерами отовсюду слышались звуки горна, сопровождавшие спуск государственного флага. В кинотеатрах же «перед просмотром фильмов на экране демонстрировались изображение развевающегося государственного флага и фотографии вождей партии и государства. Все обязаны были вставать и молча слушать национальный гимн». В городе разворачивалось движение «За новую жизнь!», прилагались усилия для решения городских проблем. «Тысячи рабочих трудились день и ночь, прорубая бомбоубежища в чунцинских скалах, — вспоминает очевидец. — Добытый же таким образом камень шел на строительство заводов, магазинов, офисов и жилых домов». Торговля опиумом, процветавшая до того, была решительно пресечена. Всем жителям приказано было одеваться просто, соблюдать гигиену, нормы морали и нравственности. Общие бани, издавна процветавшие в Чунцине, закрыли, продажу алкоголя прекратили, запрещено было плевать на улицах, проводить пышные банкеты, даже в дни свадеб и похорон, а женщинам,

кроме проституток, — ходить на каблуках. По-революционному переименовывали улицы: улица Сунь Ятсена, улица Чжунчжэна (то есть Чан Кайши), улица Национализма, улица Народовластия, улица Народного благосостояния (три «народных принципа» Сунь Ятсена). Были проложены новые дороги и тротуары, и начали даже строить водопровод, чтобы доставлять в город воду из Янцзы и Цзялинцзяна. Это было настоящей революцией, потому что такого чуда техники, как водопровод, горожане никогда не видели: водоснабжение города всегда обеспечивали кули, перетаскивавшие воду в бадьях на коромыслах, длинными вереницами поднимаясь наверх, в город, по каменным ступеням.

Иными словами, жизнь в Чунцине да и во всей Сычуани и других свободных районах Китая постепенно налаживалась. Богатая провинция Сычуань, самая большая в стране, насчитывала тогда около пятидесяти миллионов жителей и была, по сути, самодостаточной, то есть могла прокормить себя. Правда, в ней не было хлопка-сырца, да и современная промышленность полностью отсутствовала, но все проблемы можно было решить. Хлопок стали завозить из других мест, эвакуированные заводы заработали. И даже с местными властями, до того полностью контролировавшими Сычуань, у Чана не возникло осложнений. Генералиссимусу повезло: сычуаньский милитарист Лю Сян, плохо подчинявшийся ему, скончался задолго до переезда Чана в Чунцин, 20 января 1938 года. «Это счастье для страны», — записал Чан в дневнике в тот день, отметив, что хотя он и «глубоко опечален» кончиной Лю Сяна, «но теперь Сычуань можно будет объединить, заложив фундамент войны сопротивления». Вот этот фундамент он теперь и закладывал.

КИТАЙСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА (1937—1945 гг.)

Время от времени, правда, Чунцин подвергался японским бомбардировкам. Первая, самая страшная, произошла в начале мая 1939 года. «Армада, наибольшая из всех, которые я когда-либо видел в Китае, пронеслась над моей головой, — вспоминает австралийский корреспондент. — ...Я вскарабкался на скалу, осторожно пробрался сквозь район горящих лачуг и вышел к стене старого города. Тяжелораненые брели к воротам. Человек с распухшим лицом, ничего не видя, тыкался в стены и телефонные будки... Везде лежали убитые и умирающие, а из разрушенных горящих зданий... неслись стоны». В результате этой жуткой бомбардировки, продолжавшейся два дня, число жителей центральной части города сократилось почти вдвое. «Чунцин стал одним огромным кладбищем», — ужасался французский миссионер.

До середины сентября 1939 года японцы совершили 30 налетов на город, и каждый приносил новые разрушения и жертвы. Из-за бомбежек то и дело повреждалось энергоснабжение и отключался водопровод.

Между тем, в дополнение ко всем трудностям, весной 1939-го у Чана начали портиться отношения с его главным союзником — Сталиным. Внешне вроде бы все оставалось нормальным, и СССР продолжал помогать Китаю. Да и советские летчики делали все возможное, чтобы защитить Чунцин, и не их вина была в том, что японские бомбардировщики все равно прорывались. Но Чан Кайши не мог не почувствовать, что что-то пошло не так, поскольку весной 1939-го Сталин начал неожиданно оттягивать заключение третьего соглашения о займе, самом крупном — на 150 миллионов американских долларов.

До того все казалось безоблачным. На 5-м пленуме Центрального исполкома Гоминьдана в январе 1939-го Чан даже заявил, что Советский Союз — лучший друг Китая. Он также выразил надежду на то, что Китай, СССР, США, Англия и Франция составят фронт мирных стран, чтобы противостоять агрессивному блоку Японии, Германии и Италии. 22 марта в связи с отъездом в Москву полпреда Луганца-Орельского (в отпуск «месяца <на> 2–2,5») Чан передал с ним письмо Сталину, в котором, в частности, написал: «Моим непоколебимым мнением является то, что на протяжении будущих пятидесяти лет СССР и Китай должны быть тесно связаны в едином фронте». Он подчеркнул, что рассчитывает на заем в 150 миллионов долларов, чтобы «покрыть наш недостаток в военных материалах», и, кроме того, вновь предложил заключить дополнительный договор — на этот раз под названием «общий пакт защиты мира на

Дальнем Востоке». Одновременно он отправил в Москву Сунь Фо — в качестве своего специального посла с полномочными правами и личного представителя для подписания соглашения о займе. (Сунь и Луганец-Орельский, вылетев из Чунцина на одном самолете 25 марта, прибыли в Москву 7 апреля.)

Но Сталин поступил с Сунь Фо точно так же, как десять лет спустя с Мао Цзэдуном: поселил на подмосковной даче и стал игнорировать. Через разных официальных лиц Чан неоднократно передавал просьбы Сталину удостоить Суня аудиенции, да и сам Сунь настойчиво просил о том же, но Сталин уклонялся от встречи под разными предлогами. Через Луганца-Орельского, например, Сунь Фо было передано, что Сталин «находится вне Москвы», несмотря на то что он был в городе. И только через пять недель, 15 мая 1939 года, Сталин принял наконец посланца Чана, что, однако, ничего не значило. Встреча носила формальный характер, и, хотя Сталин и пообещал предоставить Чану «снабжение», он отнюдь не спешил подписывать с Сунем новое соглашение о займе, да и вопрос о дополнительном договоре не пожелал рассмотреть. Возможно, поэтому он в начале встречи потребовал, чтобы стенограммы беседы не велось, а в конце отобрал у переводчика, Сергея Леонидовича Тихвинского, блокнот, в котором тот делал записи по ходу разговоров. А на следующий день Молотов, в кабинете которого проходила аудиенция, на голубом глазу сообщил Суню, что поскольку «сведения относительно нашей беседы, состоявшейся недавно вечером, стали известны на стороне <?!>, Советское правительство решило продлить и, следовательно, отсрочить, в ожидании дальнейших событий, теперешние переговоры об оказании советской помощи Китаю».

Чан предполагал, что «резкое изменение политики СССР в отношении Китая» объяснялось приходом в Наркомат иностранных дел СССР в начале мая 1939 года Молотова — вместо Литвинова: по какой-то необъяснимой наивности он, похоже, считал, что наркомы в Советском Союзе могут влиять на политический курс страны. Но он ошибался. Скорее всего поведение Сталина было связано с тем, что именно весной 1939 года резко обострились отношения гоминьдановцев с китайскими коммунистами в тылу японцев в провинции Хэбэй.

Союз двух бывших смертельных врагов не мог, конечно, и сам по себе длиться вечно, а уж в условиях, когда коммунистические и гоминьдановские партизаны вынуждены были в японском тылу действовать бок о бок, должен был неминуемо дать глубокую трещину. Ведь прокормить всех — и японцев, и коммунистов, и гоминьдановцев —

местные крестьяне не могли, так что «трения», то есть вооруженные конфликты между войсками КПК и ГМД за фураж и продовольствие, были неизбежны. Начиная с конца 1938 года Чан неоднократно пытался урегулировать коммунистическую проблему. Он настаивал на строгом разграничении зон боевых действий в тылу японцев, требовал от Мао и Чжу Дэ (командующего коммунистической 8-й армией) неукоснительно исполнять все его приказы и даже неоднократно предлагал коммунистам либо вступить в Гоминьдан, либо ликвидировать обе партии, образовав единую организацию под названием «республиканская» или «социалистическая». По требованию Чана 3 июня 1938 года Центральная контрольная комиссия Гоминьдана восстановила в партии Чэнь Дусю, Чжан Готао, Чжоу Эньлая, Мао Цзэдуна и еще 26 прежних и нынешних вождей компартии, которые входили в Гоминьдан раньше — в период первого единого фронта 1920-х годов.

Но все было тщетно. В тот же день, 3 июня, Мао и другие руководители КПК отклонили решение ЦКК Гоминьдана, отказавшись от восстановления. И продолжили проводить операции в японском тылу независимо от Чан Кайши. Понимая, что Китай в одиночку не победит Японию, Мао использовал время для того, чтобы создать как можно больше военных баз КПК на захваченной японцами территории. И к 1940 году таких баз было уже более десяти (коммунисты в пропагандистских целях называли их «освобожденными» районами, хотя на самом деле никого не освобождали: в большинстве деревень за линией фронта японцев не было).

Чан хотя и возмущался, но не прекращал снабжать 8-ю армию деньгами — так, как это было оговорено еще при ее образовании в августе 1937 года: по 675 тысяч китайских долларов ежемесячно. Но иной раз и у него сдавали нервы и он начинал принимать кое-какие антикоммунистические меры, в основном, правда, ограничиваясь областью пропаганды (запрещал, например, продажу книг о 8-й армии или распоряжался распространять листовки против коммунистов). Но как только он это делал, советские представители и Мао тут же сообщали в Москву об «ужасном» антикоммунизме Чана.

Вот Сталин и захотел проучить китайского генералиссимуса, специально затянув заключение договора о займе. Он дал добро на заключение соглашения о новом займе Китаю на 150 миллионов американских долларов лишь в июне 1939 года. 16 июня был заключен торговый договор между СССР и Китайской Республикой, а еще через четыре дня — контракты о поставке Советским Союзом Китаю военной

техники и иных припасов для сопротивления японской агрессии.

17 июня 1939 года Сталин в своем кабинете в Кремле принял будущего нового полпреда и главного резидента советской внешней разведки в Китае, старшего майора госбезопасности Александра Семеновича Панюшкина (Луганец-Орельский вместе с женой к тому времени были арестованы сотрудниками НКВД, 8 июля они будут ликвидированы).

— Вам надо попробовать себя на дипломатической работе, — сказал он этому сравнительно молодому человеку (Панюшкину шел тридцать пятый год), занимавшему тогда должность начальника 3-го (оперативного) спецотдела Наркомата внутренних дел (НКВД), в ведении которого находились наружное наблюдение за подозреваемыми, обыски и аресты. И до отъезда Панюшкина в Китай, то есть до 10 июля, еще два раза встретился с ним для того, чтобы определить его задачи.

По словам будущего полпреда, вождь сказал ему: «Советский Союз будет и впредь неуклонно оказывать моральную поддержку Китаю и, безусловно, выполнит свои обязательства по советско-китайскому договору о ненападении и кредитным соглашениям о поставках вооружения и материалов».

Вполне возможно, что он так и сказал, но вот выполнять обязательства явно не торопился, тем более что в июне 1939 года в японском тылу в провинции Хэбэй произошло настоящее сражение между 120-й дивизией 8-й армии и гоминьдановскими войсками. И хотя последние были полностью разбиты, а их командир бежал из провинции вместе с губернатором, Сталин не мог не испытывать раздражения по поводу Чан Кайши. Ведь получалось, что советское оружие, поставляемое им Чану, использовалось против коммунистов. Поэтому кремлевский вождь стал тянуть с его поставкой.

30 июля 1939 года Чан Кайши написал письмо Ворошилову, заметив, что «все вооружения, которые Вами обещаны Китаю, по слухам, до сих пор еще не отправлены», но ничего не добился. Первая партия вооружения в счет нового займа (250 артиллерийских орудий, 500 автомашин, более 500 тысяч снарядов, 50 тысяч винтовок, 2 миллиона 100 тысяч патронов) придет в Китай только через несколько месяцев.

Вместе с тем в Китае, на фронте и в тылу, продолжали активно работать советские военнослужащие. В октябре 1939 года военных советников из СССР в этой стране насчитывалось 80 человек, а прочих специалистов — более трех с половиной тысяч. Интересно, что одним из них был Андрей Андреевич Власов, будущий генерал-лейтенант, который в июле 1942 года перейдет на службу к нацистам. Он был командирован в

Чунцин из Киева под псевдонимом Волков в ноябре 1938-го и, проработав несколько месяцев военным советником Янь Сишаня в провинции Шаньси, был затем, в мае 1939-го, назначен начальником штаба главного военного советника Черепанова. Находился он в командировке до конца ноября 1939-го и даже успел после отъезда Черепанова домой в конце июня 1939 года и до прибытия нового главного военного советника, комдива Кузьмы Максимовича Качанова (псевдоним — Волгин), в октябре того же года, то есть в течение трех с половиной месяцев, послужить в должности и. о. главного военного советника Чан Кайши. С последним у него, как и у Дратвина, Черепанова и Качанова, сложились хорошие личные отношения.

Опираясь на опыт советских советников и специалистов, Чан в апреле, июле и сентябре 1939 года даже предпринял три попытки прорвать фронт. Правда, успеха не имел — в отличие от японцев, которым в конце марта 1939-го опять повезло: они взяли столицу Цзянси город Наньчан. И так же, как в Нанкине, устроили там страшную резню.

Между тем как гром среди ясного неба в Китае прозвучала новость о том, что 23 августа 1939 года Советский Союз заключил с нацистской Германией договор о ненападении. Конечно, о секретном протоколе к договору^[88] в Китае, как и во всем мире, ничего не знали, но Чан очень встревожился, поскольку на его идее создания фронта мирных стран (Китая, СССР, США, Англии и Франции) против агрессивного блока Японии, Германии и Италии можно было поставить крест. А ведь он так надеялся на этот фронт, тем более что в Москве с апреля 1939 года шли англо-франко-советские переговоры о заключении договора о взаимопомощи и их успешное окончание казалось не за горами. Он не знал, что и думать, а потому, пригласив нового советского полпреда вечером 25 августа на обед, выпрашивал, что значит советско-германский договор и что будет с англо-франко-советскими переговорами. Чана также волновало, не заключит ли СССР под влиянием Германии аналогичный договор с Японией. Он попросил Панюшкина выяснить мнение Сталина по этим вопросам. По его просьбе это же попытались выяснить в Москве Сунь Фо и посол Китая генерал Ян Цзе.

Панюшкину Чан Кайши запомнился стройным, подтянутым, «с пронзительным взглядом небольших глаз и коротко подстриженными сидящими усами». Движения Чана показались ему «медленными, неторопливыми». Он сразу понял, что перед ним «опытный восточный политик».

В начале сентября Чан снова предложил Сталину заключить договор о взаимопомощи. Ему казалось, что такой договор выбил бы почву из-под

ног Японии и она не смогла бы договориться с СССР о ненападении. Но Сталин опять отказал в подписании этого договора, передав Панюшкину для Чана: «Не понимаем, почему волнуется Чан Кайши. Слухи о том, что будто бы японцы предложили СССР пакт ненападения и что будто бы ведутся об этом переговоры, лишены всякого основания».

А тем временем в Европе уже вспыхнула Вторая мировая война, и Чан прекрасно понимал, что явилось ее катализатором. 5 сентября 1939 года Кун Сянси, явно не без ведома Чана, заявил советскому полпреду: «Германия не могла бы напасть на Польшу, если бы Франция, Англия и СССР договорились между собой... СССР мог бы своим веским словом прекратить войну».

11 сентября сам Чан Кайши, получив сообщение о частичной мобилизации в Советском Союзе, прямо поставил перед Панюшкиным вопрос: «Какую позицию СССР занимает в отношении к этой стране <Польше>?» — подчеркнув, что «Китайское Правительство по этому вопросу никаких решений еще не принимало, но... симпатии о<бщест>ва на стороне Польши, подвергшейся агрессии». Полпред неубедительно промямлил, что «СССР будет придерживаться благожелательного нейтралитета в отношении Польши».

То ли он лгал, то ли не был посвящен в сталинские планы, но уже через шесть дней, 17 сентября, Советский Союз ввел войска в Польшу, а после раздела Польши, 28 сентября, подписал с фюрером еще один договор — о дружбе и границе. Расчеты Чана на вовлечение СССР в японо-китайскую войну рухнули, поскольку Япония была ближайшим союзником Германии — нового друга СССР.

Чан был потрясен. «Сегодня утром советские войска напали на польскую территорию под предлогом того, что польское правительство развалилось... но в то же время они заявили, что по-прежнему придерживаются нейтралитета в германо-польской войне. Разве это не смешно? Вчера они пошли на соглашение с Японией^[89], а сегодня напали на Польшу. Их принципы и убеждения не имеют ничего общего с международными нормами морали». Через неделю в новой беседе с советским полпредом Чан Кайши дал понять — он догадывается о том, что «Германия и СССР договорились о разделе Польши». И даже не старался скрыть симпатии к «храбрым» польским солдатам.

При этом Чан, конечно, ничего не мог сделать, так как по-прежнему зависел от советской военной помощи. «Да, на международной арене мы должны идти на компромисс с СССР, — записал он в дневнике, — но весть о советской агрессии против Польши вызывает боль в сердцах всех

нравственных людей в мире».

Боль болью, но в сентябре 1939 года именно с помощью советских военных советников войскам Чан Кайши удалось отразить наступление 120-тысячной армии врага на Чаншу, что явилось большой победой: за месяц боев китайцы уничтожили 40 тысяч солдат и офицеров противника (то есть порядка трети).

Однако в конце ноября японцы, неожиданно высадив десант на побережье провинции Гуаней, захватили город Наньнин. А накануне до Чана дошли новые тревожные известия из Москвы — о том, что японский посол в СССР предложил Молотову еще 9 сентября 1939 года подписать советско-японский торговый договор, а 4 октября — временное соглашение о торговле и мореплавании. Чан взволновался и дважды — 13 и 21 ноября — попросил Панюшкина передать советскому правительству, чтобы оно не вело с Японией «никаких торговых дел». Но Сталин 16 ноября дал японцам согласие на заключение торгового договора. Да уж, скучать со Сталиным Чан Кайши не приходилось!

30 ноября 1939 года кремлевский вождь преподнес ему новый неприятный сюрприз: заручившись поддержкой Германии, неожиданно напал на Финляндию. Это было уже посерьезнее Польши, так как поставило Чан Кайши в тяжелейшее положение. Дело в том, что через некоторое время аргентинское правительство, поддержанное большинством латиноамериканских государств, поставило перед Лигой Наций вопрос об исключении Советского Союза из членов этой организации. Как на грех, Китай был одним из государств, обладавших в Совете Лиги правом вето, так что, конечно, мог не допустить исключения, но тогда бы он, как и СССР, оказался в международной изоляции. Ведь не только латиноамериканские страны, но и западные демократии выражали резкое недовольство действиями Советского Союза. Более того, англичане и французы даже рассматривали планы посылки в Финляндию совместного экспедиционного корпуса и планировали бомбардировки нефтяных месторождений Баку. В итоге в день голосования, 14 декабря 1939 года, китайский делегат Веллингтон Ку воздержался. И хотя кроме него воздержались представители еще восьми государств, а двадцать восемь проголосовали за исключение, Сталин расценил как предательство именно поведение делегата Китая. Что, собственно, неудивительно.

И никакие неуклюжие извинения Чана и его ссылки на некие «технические обстоятельства» не помогли. Не задобрило кремлевского вождя и лицемерное заявление Чана, переданное через его специального представителя генерала Хэ Яоцзу 30 декабря 1939 года о том, что якобы «те

мероприятия, которые проводит СССР на Балтийском море с момента возникновения войны в Европе для осуществления мирной политики (?!), общественное мнение Китая признает весьма правильными, войдя в положение Советского Союза».

И тут в дополнение ко всему в самом Китае — в северной провинции Шаньси, в тылу японских войск — вновь начались столкновения между коммунистическими и гоминьдановскими партизанами. Да еще какие! С участием десятков тысяч солдат и командиров. И самое неприятное, что произошли они во время нового, зимнего, наступления чанкайшистской армии, причем самого крупного, для которого Чан мобилизовал 450 тысяч солдат.

Это наступление шло с переменным успехом, так как китайцам катастрофически не хватало вооружения. На всю армию, насчитывавшую тогда четыре с половиной миллиона солдат и офицеров, имелись лишь 1 миллион 600 тысяч винтовок, 68 тысяч 762 автомата, 17 тысяч 700 пулеметов, 5 тысяч 884 мортиры и 2 тысячи 650 артиллерийских орудий разных калибров.

А тут еще столкновения с коммунистами! Из-за «трений» с компартией губернатор Шаньси генерал Янь Сишань не смог принять участие в наступлении и даже вступил в переговоры с японцами, чтобы с их помощью разгромить коммунистов. Но у него ничего не получилось, и войска коммунистов одержали новую убедительную победу над гоминьдановцами.

Этим дело не ограничилось. Примерно в то же время коммунистические партизаны южного Хэбэя, находившиеся под командованием Лю Бочэна и Дэн Сяопина, учредив еще в октябре 1939-го собственный банк, начали в больших масштабах печатать бумажные деньги, получившие широкое хождение на севере Китая. Это не могло не подорвать финансово-экономическую систему страны. Более того, именно в 1939 году Мао Цзэдун, по некоторым данным, стал регулярно продавать японцам секретную разведывательную информацию о положении дел на гоминьдановской территории.

Между тем 12 декабря 1939 года японская авиация впервые подвергла бомбардировке родную деревню Чана, Сикоу. Его отчий дом был разрушен, а его первая жена, Мао Фумэй, получив тяжелейшие ранения (на нее рухнула одна из стен), скончалась на следующий день. Ей было всего 57 лет. Чан был глубоко опечален, но не смог поехать на похороны. 13 декабря, узнав о ее кончине, он попросил Цзинго взять на себя все заботы о ее погребении. Похоронив мать, Цзинго установил на ее могиле плиту, на

которой его почерком были выбиты четыре иероглифа: *и сюэ си сюэ* («кровь будет смыта кровью»).

Вместе с тем на фронте 16 декабря китайские войска достигли успеха, отбив у врага Кайфэн, правда, не смогли его удержать. И в конце концов, весной 1940-го, проведя 960 боев и 1340 мелких стычек, вынуждены были отступить почти по всей линии фронта, потеряв в результате 200 тысяч солдат и позволив японцам продвинуться вглубь страны еще более чем на 300 километров — до городка Ичан на реке Янцзы. Теперь до Чунцина врагу оставалось всего 500 километров. Но армия микадо не могла их преодолеть; фронт стабилизировался, и никакого генерального наступления на Сычуань и Чунцин японцы предпринимать не стали. Они лишь продолжили бомбить китайскую столицу, совершив в 1939–1941 годах 268 авианалетов и превратив Чунцин в город, подвергшийся самым интенсивным бомбардировкам в мировой истории^[90].

А Чан Кайши тем временем, в январе 1940 года, начал новые переговоры с представителями компартии о полном территориальном размежевании в тылу японских войск. Широкомасштабная война с Мао ему была совсем не нужна. Это, кстати, спустя много лет, в 1970-е, поняли даже советские историки, относившиеся к Чан Кайши негативно. Но и они не могли не признать, что в конфликтах компартии и Гоминьдана в 1939–1940 годах Чан был не виновен. Во-первых, от ссор со Сталиным он ничего не мог выиграть, так как при всех «за» и «против» СССР по-прежнему оставался главным поставщиком вооружения в Китай, а во-вторых, Чан не мог не учитывать, что в то время в Нанкине быстрым ходом шло оформление режима Ван Цзинвэя, которому развал единого антияпонского фронта был на руку. (Марионеточное правительство Ван Цзинвэя будет образовано 30 марта 1940 года.)

Переговоры шли тяжело, и только в середине июля 1940 года Чан Кайши и Чжоу Эньлаю, вновь представлявшему КПК, удалось, казалось, достичь соглашения, согласно которому все коммунистические войска, находившиеся к югу от старого русла Хуанхэ, должны были быть отведены на север.

Но именно в то время, в июле, Молотов получил предложение японского посла в СССР заключить соглашение о нейтралитете, по существу направленное против Китая: посол разъяснил, что «нейтралитет» означает отказ СССР от «предоставления помощи чунцинскому правительству». Молотов, не краснея, заявил японцу, что «все разговоры о <советской> помощи Китаю не имеют под собой почвы», хотя и не отрицал, что «раньше» СССР оказывал Китаю помощь «людьми, оружием

и самолетами». Но, заметил он, «другое положение сейчас». Тем самым второй после Сталина человек дал смертельным врагам Китая понять, что Москва не против обсудить за спиной Чан Кайши соглашение с Токио.

Молотов знал, что говорил — похоже, кремлевский вождь стал тогда склоняться к тому, чтобы в скором времени поменять партнера на Дальнем Востоке. По крайней мере, он начал все сильнее тормозить поставки вооружения в Китай.

Задержки с поставками, разумеется, вызывали у китайцев волнение. И в сентябре 1940 года советник китайского посольства в СССР Лю Цзэжун пожаловался в Наркомат иностранных дел: «Ни один вопрос, поставленный <нашим> послом в Наркомвнешторге^[91], не решен. — Может быть, это является общим отношением к китайским делам. Наш посол Шао Лицзы^[92]... ехал сюда с очень бодрым настроением, но в настоящее время он находится в сильно удрученном состоянии».

В не менее расстроенных чувствах пребывал и Чан Кайши. В начале сентября 1940 года он записал в дневнике: «Надо телеграфировать Сталину и спросить, что в конце концов <происходит>. (Он не ответил ни на телеграмму, переданную через посла Паня <Панюшкина> и главного советника, ни на письмо, переданное послом Шао. Получил ли он их, прочел ли? Напряженно думаю о китайско-советских отношениях, возможно ли вообще получение материальной помощи в этот момент.)».

В 1940 году в связи с войной в Европе сильно осложнились отношения Чана и с его ближайшим другом и советником австралийским журналистом Дональдом. С 3 сентября 1939 года Австралия находилась в состоянии войны с Германией, так что Дональд стал выражать резко антинацистские настроения, стараясь повлиять на Чана в том же духе. Но китайский генералиссимус был очень осторожен, особенно в связи с советско-германским пактом, и как-то в сердцах даже назвал Дональда «предателем», жертвующим интересами Китая ради интересов Великобритании. В другой же раз, более спокойным тоном, заметил ему:

— Я не воюю с Германией.

— А я воюю, — ответил Дональд, понимая, что пора расставаться.

Как раз в то время у него произошел и тяжелый разговор с Мэйлин, которой он со свойственной ему прямоотой указал на непозволительное поведение членов ее семьи, замеченных в коррупционных сделках и спекуляции на валютном рынке. Первая леди Китая, вспыхнув, гневно сказала ему:

— Дональд, вы можете критиковать правительство и все остальное в Китае, но есть некоторые люди, которых даже вы не смеете критиковать!

Слов нет, коррупция и воровство существовали в Китае всегда, в том числе при Гоминьдане. Но незаконное обогащение властей предрержащих и прежде всего членов семьи Чана становилось особенно неприемлемым с моральной точки зрения в условиях войны. Однако Мэйлин да и сам Чан не пожелали вмешаться, приняв ситуацию как должное. А когда одна из иностранных журналисток как-то заметила Мэйлин, что коммунисты, похоже, менее всех коррумпированы в Китае, мадам Чан с раздражением воскликнула: «Да, они не коррумпированы! Но это потому, что еще не добрались до власти!»

То, что Чан Кайши не был коррумпирован, не вызывает сомнений, но вот его свояка Кун Сянси, с 1933 года занимавшего пост министра финансов, управляющего Центральным банком, и жену Куна Айлин (Нэнси) вряд ли можно считать невинными. Их богатство до неприличия бросалось в глаза. Жене Хемингуэя, встретившей Нэнси на одном из приемов, она напомнила «толстую богатую вульгарную матрону из отелей в Майами Бич... Я помню ее платье — одно из красивейших, которые я когда-либо видела. Оно было классического китайского покроя... из черного вельвета. Маленькие пуговицы, на которые такое платье застегивается от воротника до колен, обычно делаются из шелковых узелков; у нее же были бриллианты размером с пуговицы. Она сказала, что у нее есть еще рубиновые и изумрудные пуговицы».

В 1941 году Кун и особенно Нэнси станут объектами мощной критики как в китайской, так и в зарубежной прессе.

«Я был поражен почти всеобщей ненавистью по отношению к мадам Кун, — свидетельствует очевидец, живший в Чунцине во второй половине 1941 года. — Все верили в то, что она контролирует особый банк, через который скупает американские доллары прямо накануне очередного резкого падения китайской валюты». В 1942 году одного из протеже Куна даже казнят по обвинению в коррупции, а в 1943 году еще нескольких его сотрудников арестуют. Но Кун выйдет сухим из воды, никакого расследования в отношении него не будет.

Между тем в мае 1940-го Дональд покинул Чанов, а с ними и Китай, свое второе отечество. В течение двух лет на своей яхте «Мэйхуа» (можно перевести как «Красивый цветок» или «Цветок Мэйлин») он путешествовал по Тихому океану, а в январе 1942-го попал в плен к японцам в Маниле. Те, правда, так и не узнали, кого захватили: Дональд скрыл свое имя. После войны он уехал в США, и там, в Нью-Йорке,

случайно встретил Мэйлин. По ее просьбе он вернулся в Китай и, будучи тяжело больным, лег в шанхайский госпиталь. Мэйлин часто навещала его и даже украсила его палату тайваньскими орхидеями. Врачи делали все возможное, но ему становилось все хуже. На прощание Дональд поцеловал Мэйлин руку, сказав: «Береги себя». Он умер 9 ноября 1946 года — как раз тогда, когда Чан в нем, похоже, больше всего нуждался.

Кто знает, может быть, умный совет старого друга мог бы спасти Чан Кайши, а с ним и Китай от катастрофы, обрушившейся на них через три года, в октябре 1949-го, когда Чан проиграл последнюю войну с коммунистами, а Китай оказался в тисках коммунистической диктатуры?

Хотя вряд ли. Чану и его супруге надо было слушать Дональда раньше, весной 1940-го, когда честный советник прямо указал им на страшную опухоль, пожиравшую их правительство, — коррупцию властей предержащих. Эта опухоль в последующие годы антияпонской войны даст смертельные метастазы, которые наряду с другими факторами и приведут к гибели режима Чана. Интересно, что за несколько месяцев до смерти Дональд предсказал этот трагический конец, связав его именно с разросшейся коррупцией.

Так что трудно не согласиться с очевидцем, американским летчиком Клэром Ли Шенно, вспоминавшим: «Трагедией для всего Китая был провал попытки Дональда в 1940 году убрать с высоких постов в гоминьдановском правительстве реакционеров и устранение самого Дональда с его места позади кресла генералиссимуса... Дональд был непримиримым врагом восточной политической коррупции и некомпетентности».

Нельзя не признать и правоту Конфуция, говорившего в свое время: «Когда добродетель не совершенствуют, в учение глубоко не вникают, а зная принципы долга, не могут им следовать и не могут исправить недостатки, — все это повергает меня в скорбь».

Часть V

СУДЬБА КИТАЯ

蔣

Аве Мария

Осложнение отношений с Советским Союзом, конечно, огорчало Чан Кайши, но он воспринимал это как данность. «Внешняя политика России явно и коренным образом изменилась, и нам не надо <больше> надеяться на их помощь», — записал он в дневнике в начале 1940 года. Он трезво взвешивал ситуацию, тем более что именно в то время у него появилась уверенность в скором обретении нового друга — Соединенных Штатов Америки.

Американское правительство начало предпринимать меры для обуздания японской агрессии на Дальнем Востоке еще в июле 1939 года. Именно тогда в Чунцин из Вашингтона пришла хорошая новость: президент Рузвельт получил согласие Конгресса на расторжение через шесть месяцев американо-японского договора 1911 года о торговле и навигации, согласно которому США снабжали японцев стратегическим сырьем. Однако американцы, следуя своей изоляционистской политике и имея небольшую армию, в конце 1939 года насчитывавшую вместе с резервами порядка полумиллиона солдат и офицеров, по-прежнему не хотели вмешиваться в конфликт, а потому старались избегать всего, что могло их в него втянуть, в частности отказывались продавать китайцам оружие.

Но к началу 1940 года, то есть к моменту, когда настало время аннулировать торговый договор с Японией, в общественном сознании США произошла большая перемена. Семьдесят процентов американцев, возмущенных японскими зверствами в Китае и испытывавших стыд по поводу того, что их правительство в первые годы войны помогало агрессорам, стали выражать желание наказать Японию, используя против нее «при необходимости военно-морские силы». Эти воинственные настроения подогревались все возрастающими опасениями американских граждан по поводу возможного вторжения японцев в Юго-Восточную Азию, важный источник сырья для американской промышленности.

Сильное недовольство американской общественности и правительства вызывали и союзнические отношения японцев с нацистами, развязавшими Вторую мировую войну и уничтожавшими европейских евреев. Не случайно посол США в Японии Джозеф Кларк Грю еще в апреле 1939 года заявил редактору «Токе нити нити симбун» (Токийская ежедневная газета): «Если бы Япония оказалась в одном лагере с Германией, нашим двум

странам было бы трудно сохранить мирные отношения».

Немало надежд возлагал Чан Кайши и на серьезное обострение англо-японских отношений, прежде всего потому, что Великобритания уже воевала с японским союзником — нацистской Германией.

Весной 1940 года надежды Чана стали материализовываться. 7 марта Рузвельт предоставил ему второй заём — на этот раз на 20 миллионов американских долларов. И хотя деньги были небольшие и опять-таки не предназначались для покупки вооружения, Чан не мог не испытывать удовлетворения. «Американский заём маловат, — написал он в дневнике. — ...Но его нельзя назвать никчемным в моральном отношении, так как он явно наносит удар по фальшивой организации Ван <Цзинвэя>». Почти одновременно англичане развернули в Китае программу вооружения и подготовки тридцати тысяч китайских партизан.

В июне 1940 года Чан Кайши послал в Вашингтон своего шурина Т. В. Суна для переговоров о предоставлении Китаю большей помощи. Сун получил статус личного представителя генералиссимуса и, прибыв в американскую столицу, тут же развернул бурную деятельность, вовсю используя китайское лобби в американском истеблишменте. При этом, по заданию Чана, он то и дело давал понять вашингтонским властям, что от размеров американской помощи зависит, будет ли правительство Китая продолжать сопротивление врагу. Конечно, и он, и Чан опять блефовали: сдаваться японцам, как мы знаем, Чан Кайши не собирался ни при каких обстоятельствах, но ему нужно было выбить из банков США как можно больше средств. И здесь тактика запугивания была наилучшей. «Если США будут по-прежнему стоять в стороне и не вмешаются немедленно <в конфликт>, — написал Чан в телеграмме Т. В. Суну в тот самый день, когда тот прибыл в Вашингтон, — это окажет негативное влияние на нашу войну против <японской> агрессии». После этого Чан через посла США в Китае дал понять Рузвельту, что больше, чем японцев, он боится «открыто неповинующихся коммунистов»; иными словами, попытался устрасить его коммунистической революцией.

Летом и осенью 1940 года на руку Чан Кайши сыграло резкое обострение международной ситуации. В июне гитлеровская Германия разгромила Францию, и индокитайские колонии последней по большому счету остались без хозяина. Стало понятно, что Япония не упустит случая воспользоваться ситуацией, что и произошло всего через три месяца. 22 сентября армия микадо начала оккупацию Вьетнама, и уже через пять дней Япония подписала с нацистами и итальянскими фашистами Тройственный пакт, направленный против США и их союзников. Иными словами,

оказалась теперь и официально в одном лагере с ними. В результате Рузвельт и его ближайшие советники пришли к выводу, что США «в конце концов будут втянуты в войну».

Все это вызвало рост симпатий в Китае к Соединенным Штатам, еще более усилившийся после того, как 30 ноября 1940 года, в день, когда японцы признали правительство Ван Цзинвэя, Рузвельт в пику японцам предоставил Чан Кайши самый крупный заём — 100 миллионов американских долларов, половину которого Чан мог теперь использовать на так называемые «общие цели», включая закупки оружия в США (вторая половина предназначалась для стабилизации китайской валюты).

Одновременно Рузвельт разрешил продажу в Китай боевых самолетов, а также посылку американских летчиков-волонтеров (несмотря на то, что статья 1-я Конституции США запрещала офицерам Соединенных Штатов служить в иностранных армиях). Именно этого и хотел Чан, рассчитывавший на то, что американцы помогут ему защитить Чунцин. Еще в октябре он отправил в Вашингтон для решения этих вопросов другого своего родственника — генерал-майора авиации Мао Банчу, 36-летнего племянника своей первой жены. Мао был не только членом семьи, но и учеником Чана по военной школе Вампу, а также однокурсником своего двоюродного брата Цзинго по московскому Университету имени Сунь Ятсена.

В поездке его сопровождал отставной капитан американских ВВС Клэр Ли Шенно, который с июня 1937 года служил гражданским советником Мэйлин, возглавлявшей, как мы помним, китайские ВВС. (Кстати, в Китай этого американца пригласил как раз Мао Банчу, встретивший его как-то на авиашоу в Майами во время своей первой командировки в Штаты.) Шенно был уволен в запас из американских ВВС весной 1937-го в связи с ухудшением здоровья: он стал глохнуть. Летать он уже не мог, но в Китае от него этого и не требовалось: Мао Банчу, Чан Кайши и особенно Мэйлин ценили его прежде всего как выдающегося знатока авиации и талантливейшего организатора. И вот теперь энергичный Шенно с помощью генерала Мао, Т. В. Суна и китайского лобби в Вашингтоне стал работать над созданием чисто американской эскадрильи китайских ВВС. Мэйлин полностью его поддерживала, и Шенно был очарован ею. «Она всегда будет для меня принцессой», — написал он в дневнике. Мэйлин, очевидно, он тоже нравился: высокий, крепкий, решительный — настоящий мачо. Она подчеркнуто называла его «полковником», несмотря на то что он был всего-навсего капитаном в отставке.

Встретившись с американскими официальными лицами, Шенно и Мао сообщили об ужасающем состоянии китайских ВВС, заявив, что хотя в Китае и имеется 480 боевых летчиков, но у них есть только 37 истребителей и 31 бомбардировщик русского образца; зенитная же артиллерия полностью отсутствует. В то же время, рассказали они, у японцев насчитывается 968 самолетов в Китае и 120 в Индокитае.

Шенно и Мао пришлось преодолевать огромные трудности, так как в США в то время господствовал европейско-центристский взгляд на Вторую мировую войну. Считалось, что «сначала надо победить Гитлера... а уж потом разобраться на Дальнем Востоке, ибо последнее будет сделать нетрудно». Поэтому все свободные самолеты направлялись в Англию.

Но в середине декабря 1940 года у посланцев Чана появились реальные шансы добиться успеха. 17 декабря Рузвельт объявил о разработке программы помощи странам, воюющим против агрессоров; программа получила название ленд-лиз («давать займы»). Она прежде всего предназначалась для Великобритании, но ее распространение на Китай не исключалось, тем более что Рузвельт испытывал огромную симпатию к Китаю и его народу — это чувство он унаследовал от матери и дяди, живших когда-то в этой стране вместе со своим отцом, его дедом, крупным опиеторговцем.

В конце января 1941 года Рузвельт, по предложению Т. В. Суна, специально послал в Чунцин своего человека для изучения вопросов, связанных с финансовым положением Китая, в том числе инфляционными процессами, а также возможными поставками по ленд-лизу. Сун просил послать бывшего министра торговли Гарри Гопкинса, но Рузвельт выбрал одного из своих экономических советников — Локлина Бернарда Керри. И тот, вернувшись в начале марта, рекомендовал включить Китай в программу ленд-лиза, несмотря на то что Чан Кайши продемонстрировал полное нежелание заниматься сложными экономическими и инфляционными проблемами. Чан был просто уверен, что цены на рынке можно стабилизировать силой, казнив наиболее отъявленных спекулянтов, и даже расстрелял мэра Чэнду. Единственное, в чем он был заинтересован в тот момент, это прямая военная и финансовая помощь со стороны США.

Между тем положение дел в Китае оставалось сложным. Японцы больше не наступали, но после боев 1939 и 1940 годов территория свободного Китая, хотя и незначительно, но сократилась: теперь на ней проживало всего 47,5 процента населения, то есть на оккупированной территории находилось не менее 200 миллионов китайцев. Финансово-экономическое же положение в гоминьдановских районах продолжало

ухудшаться, так что Чан зря не желал заниматься этими вопросами: цены на товары первой необходимости катастрофически возрастали (индекс цен в июне 1941 года по сравнению с июлем 1937 года составил 3214 процентов), уровень же инфляции оставался очень высоким. В конце 1940 года за один американский доллар давали шестнадцать китайских, в то время как до войны обменный курс составлял 1: 3,3. В Чунцине остро ощущались перебои с поставками риса. А расходы на армию, насчитывавшую в 1941 году 3 миллиона 856 тысяч солдат и офицеров, достигали $\frac{2}{3}$ бюджета.

Но для Чана гораздо важнее было то, что в начале 1941 года в США был наконец положительно решен вопрос об отправке в Китай первых ста самолетов П-40Б (знаменитых «Томагавков»). 11 марта 1941 года американский Конгресс принял закон о ленд-лизе, а 15-го Рузвельт выступил с заявлением, подчеркнув, что «Китай... выражает потрясающую волю миллионов простых людей к борьбе против уничтожения их нации. Китай устами своего генералиссимуса Чан Кайши просит о нашей помощи. Америка заявила, что Китай получит нашу помощь».

И уже через 20 дней Т. В. Сун представил американцам конкретный запрос о предоставлении Китаю по программе ленд-лиза тысячи самолетов, в том числе трехсот бомбардировщиков, а также современного вооружения для оснащения тридцати дивизий и прочих военных материалов. 26 апреля 1941 года Рузвельт сообщил Чану, что дал добро на отправку в Китай по ленд-лизу товаров на сумму 45 миллионов американских долларов, а 6 мая заявил, что защита Китая жизненно важна для обороны США.

Так что весной — летом 1941 года у Чана четко определился главный союзник — Соединенные Штаты, и Чан мог бы торжествовать, считая недели до начала американо-японской войны, если бы не одно обстоятельство. Оккупировав Вьетнам, японцы перерезали путь, связывавший Китай с внешним миром через порт Хайфон, и у китайцев осталась только одна «дорога жизни» — бирманская, идущая в Куньмин из Рангуна, столицы британской колонии Бирмы. Из Рангуна на север, до бирманского городка Лашо, тянулись железнодорожные пути, а затем через горы шла грунтовая трасса, узкой лентой петляя меж отвесных скал. Правда, 12 июля 1940 года новый премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, за два месяца до того сменивший на этом посту Невилла Чемберлена, закрыл свой 188-километровый участок дороги на три месяца, на сезон дождей. В октябре, впрочем, он его вновь открыл и, более того, в декабре представил Чану коммерческий заём в пять

миллионов фунтов стерлингов. Но кто знал, не закроет ли Черчилль опять дорогу в новый сезон дождей в 1941 году.

Между тем Сталин тоже наконец дал добро на выполнение контрактов, и с конца 1940-го по июнь 1941-го в Китай поступили более 250 советских самолетов и примерно за то же время — 300 грузовиков, 250 артиллерийских установок, 200 тысяч снарядов и прочее имущество.

Но именно тогда вновь обострились отношения Гоминьдана с китайской компартией. Новый кризис стал развиваться с июля 1940 года, когда коммунисты повели наступление на гоминьдановских партизан в Центральном Китае. К тому времени коммунистическая 8-я армия уже разгромила все гоминьдановские партизанские отряды Северного Китая, и вот теперь тех гоминьдановцев, кто оперировал к югу от старого русла Хуанхэ, начала бить другая армия коммунистов — пятнадцатитысячная Новая 4-я, во главе которой стояли старые вояки Е Тин и Сян Ин. И делать она это стала как раз в тот момент, когда в Чунцине, как мы знаем, Чжоу Эньлай и Чан Кайши, казалось, достигли соглашения о разграничении территорий, занимаемых в тылу японцев коммунистическими и гоминьдановскими партизанами. 19 октября 1940 года Чан отдал Е Тину приказ о передислоцировании Новой 4-й армии к северу от старого русла Хуанхэ, но именно в октябре эта армия разбила войска гоминьдановского губернатора провинции Цзянсу, взяв в плен более восьми тысяч солдат и офицеров. После этого, 31 октября, генерал Бай Чунси заявил Панюшкину: «Коммунисты... ведут себя совершенно неправильно и недостойно... Мы не можем терпеть бесконечные трения, конфликты и столкновения, приносящие огромный ущерб нашим силам».

Но в декабре возникли новые столкновения между Новой 4-й армией и гоминьдановцами. В итоге 6 января 1941 года девять гоминьдановских дивизий атаковали штабную колонну Новой 4-й армии и в течение девяти дней боев, бывших «невиданно ожесточенными», полностью уничтожили ее. Е Тин был взят в плен, а Сян Ин — убит.

На следующий день Панюшкин вместе с новым военным атташе Василием Ивановичем Чуйковым, прибывшим в Китай под новый, 1941 год, и некоторыми другими советскими представителями встретились с Чжоу Эньлаем и Е Цзяньином (начальником штаба 8-й армии) для обсуждения инцидента. Все были смущены, никто не знал, как реагировать — начинать ли борьбу против Чан Кайши или нет. Боевой генерал Чуйков предложил по крайней мере в политической работе компартии «показать, что виновником всех событий является 4<ан> К<ай>ш<и>», но Панюшкин не согласился. «Важно сохранить сотрудничество, — сказал он. — ...Не

следует ссылаться на имя 4<ан> К<ай>ш<и>». Беседа вышла какой-то скомканной, и Панюшкин попросил Чжоу и Е не передавать Мао Цзэду их (представителей СССР) «личную оценку создавшегося положения». Собственно и передавать-то было нечего: никакой оценки они не дали.

25 января Панюшкин по приказу Сталина встретился с Чан Кайши, чтобы выяснить, будет ли тот продолжать войну против Новой 4-й и 8-й армий. По данным советских историков, Чан попытался уклониться от ответа, и советскому полпреду пришлось повторить вопрос три раза. Только после этого Чан пообещал все уладить миром. Однако сам Чан Кайши по-иному описывает эту встречу в дневнике: «Русский посол, исполняя приказ своего правительства, спросил меня об инциденте с Новой 4-й армией... Я резко его осадил... Он смущенно замолчал и ретировался». Еще Чан написал: «Стратегия китайских коммунистов заключалась в том, чтобы, используя помощь России Китаю как политическое оружие, подавить Центр (то есть ЦИК Гоминьдана. — А. П.) и антикоммунистическое течение. Их план можно назвать крайне глупой фантазией. <Тем не менее> с самого начала войны они хотели с помощью интриг сокрушить Центр, мечтая захватить власть». Вслед за тем Чан отдал приказ блокировать Особый район Шэньси — Ганьсу — Нинся, где находилось правительство КПК.

В этих условиях ждать новых военных контрактов с СССР было бессмысленно, и 2 февраля в письме Сталину, которое Чан передал Качановым, отъезжавшим на родину^[93], он подчеркнул значение уже не материальной, а лишь моральной поддержки Китая со стороны СССР. Он правильно оценил ситуацию. Поставки советского оружия в конце 1940-го — начале 1941 года были последними.

Ну что ж! В феврале 1941 года к отправке в Китай были уже готовы первые американские истребители, и Чан вполне мог рассчитывать на то, что Шенно удастся завербовать человек 250 летчиков США. Так что моральная поддержка со стороны Сталина Чана вполне устраивала.

Но неожиданно 13 апреля 1941 года поздним вечером Чан получил ужасную новость из Москвы: советское правительство, не поставив его в известность, подписало с Японией два документа — пакт о нейтралитете, в который была включена статья, по сути обязывавшая СССР не оказывать помощь Китаю, а также декларацию, по которой СССР признавал территориальную целостность Маньчжоу-Го, а Япония — Монголии. Это уже было нарушением всех моральных обязательств СССР. Тем более всего за два дня до того (!) Панюшкин заверял Чана, что, несмотря на визит в Москву японского министра иностранных дел Мацуока Ёсуге (прибыл 8

апреля), Советский Союз «не намерен по эгоистическим мотивам жертвовать интересами дружественной державы» и «советское правительство проявляет по отношению к Мацуоке лишь обычную дипломатическую вежливость».

Можно не сомневаться, что позже до Чана дошла и другая информация: провожать Мацуоку на Ярославский вокзал вечером 13 апреля прибыл сам Сталин. Такой чести не ожидал даже Мацуока. Поступок был из ряда вон выходящим: ни до, ни после Сталин не провожал иностранных визитеров. Поезд задержали на час, ожидая Сталина. Когда он приехал, то сначала повел Мацуоку в привокзальный ресторан, где они с Молотовым напоили его, а затем, обняв отяжелевшего японца и шепча ему на ухо: «Вы азиат, и я азиат, мы должны объединиться», Сталин довел его до вагона и буквально втащил в поезд на глазах у всего дипломатического корпуса, выстроившегося на перроне. А выйдя из поезда, громко спросил, где тут Шуленбург (посол Германии), подошел к нему и, обняв, сказал: «Мы должны остаться друзьями, и вы должны теперь все для этого сделать!» После чего повернулся к и. о. германского военного атташе Гансу Кребсу и, «предварительно убедившись, что он немец», сказал ему: «Мы останемся друзьями с вами в любом случае».

Конечно, Чан не мог знать, что за день до того во время беседы с Мацуокой в Кремле Сталин сказал японскому министру, что он «убежденный сторонник Оси^[94] и противник Англии и Америки», но того, что Чан Кайши узнал, и так было достаточно. Кремлевский диктатор продемонстрировал всему миру, что дружбу с Японией и Германией ставит отныне превыше всего.

Тот день, 13 апреля, у Чана вообще не заладился. В обеденное время у него с Мэйлин была запланирована встреча с четой Хемингуэев, находившейся в Чунцине по журналистским делам (жена писателя, Марта Геллхорн, представляла солидный журнал «Кольеровский еженедельник», а Хемингуэй имел контракт со скромной нью-йоркской газетой «ПМ»), Гостей следовало принимать, а у Чана не было вставной челюсти. Что с ней стало, неизвестно (возможно, сломалась), но факт остается фактом: он вынужден был принимать гостей беззубым. Сначала все шло сносно, поскольку разговор, как обычно, повела Мэйлин. Она старалась обворожить знаменитого писателя. Чан же молча слушал, лишь изредка вставляя короткое «хао» («хорошо»), «Он выглядел забальзамированным, — вспоминала позже Марта. — Худой, с прямой спиной, в простом сером мундире, сидевшем на нем безупречно». Но когда разговор зашел об инциденте с Новой 4-й армией, а Хемингуэй с Мартой дали понять, что не

верят в официальную гоминьдановскую версию, он не выдержал и, вмешавшись, назвал инцидент «несущественным». А поскольку гости не поддержали его, повторил это четыре раза, развивая тему. У Марты округлились глаза: голые десны генералиссимуса поразили ее. Заметив это, Чан свернул беседу, которая, понятно, произвела на него неприятное впечатление. Впрочем, на его гостей тоже.

А вечером пришла эта новость из Москвы, и настала очередь Чан Кайши считать Сталина предателем. Вот что он записал в дневнике: «Россия и Япония в Москве в 14 часов подписали соглашение о нейтралитете^[95]. В нем, как я слышал, говорится о взаимном признании территориальной целостности каждого из двух псевдогосударств — Маньчжурии и Монголии. У России, должно быть, уже вошло в привычку вредить другим. Этого следовало ожидать... Это наносит самый большой удар по доверию к России в мире».

19 апреля он заявил Панюшкину: «В народе и армии Китая... очень остро и болезненно восприняли известие о заключении пакта... наш народ и армия действительно были потрясены». И, еле сдерживая негодование, добавил: «Мне хотелось бы надеяться на то, что если СССР будет предпринимать какие-либо шаги в отношении Японии, то это не будет тайной для нас». Посол опешил: «То есть что вы имеете в виду?» Так резко Чан никогда еще с ним не говорил.

Возможно поэтому, получив спустя три недели от своей разведки сообщение о том, что Германия собирается напасть на СССР через полтора месяца, Чан 12 мая 1941 года сообщил об этом не Сталину, а Рузвельту (в секретной переписке с ним он и его жена использовали общее кодовое имя — *Segac*). Правда, эта информация дошла и до Москвы — от знакомого нам советского агента Штеннеса («Друга»), доверенного человека Чана. Сталин, как можно догадаться, ей не поверил.

Вместе с тем в июне 1941 года, когда Советский Союз подвергся агрессии со стороны нацистской Германии, Чан выразил безусловную поддержку СССР, несмотря на то что обида на Сталина, подписавшего договор с Японией за его спиной, у него никогда не ослабевала. Но теперь Чунцин и Москва оказались в одном лагере, сражающемся против держав «Оси». Правда, каждый воевал на своем фронте и против своего врага, но Чан Кайши хорошо понимал: в результате вступления Советского Союза во Вторую мировую войну «у всего человечества появилась светлая надежда». Через 11 дней, 3 июля, в ответ на признание Германией и Италией правительства Ван Цзинвэя он разорвал с этими странами дипломатические отношения.

Вместе с тем опасения Чан Кайши по поводу коммунистической угрозы его режиму не уменьшались, тем более что он читал показания Е Тина, арестованного командира Новой 4-й армии, сообщившего на допросе: «Коммунистический Интернационал в Москве «руководит» действиями 8-й полевой армии китайской компартии, направленными на «расширение их влияния и силы в оккупированных <японцами> районах», а также на «затягивание японо-китайской вражды». Лишь в самом начале советско-германской войны Чан Кайши надеялся, что СССР и китайские коммунисты «успокоятся», но быстро осознал, что этого не произойдет. А потому имел все основания сказать американскому журналисту Теодору Уайту: «Японская агрессия — это болезнь кожи, а коммунизм — это болезнь сердца».

Советский Союз продолжал помогать китайским коммунистам и после начала Великой Отечественной войны! А вот ни денег, ни оружия для Чан Кайши у Сталина уже больше не было. 24 октября 1941 года кремлевский вождь сухо проинформировал Чана, что больше не сможет оказывать ему военную помощь. В феврале же 1942 года Чуйков и другие советские военные советники покинули Китай.

Тем временем американцы уже всю разворачивали поставки в Чунцин, несмотря на то что формальное соглашение о ленд-лизе с Китаем они подпишут лишь 2 июня 1942 года. До конца 1941 года американцы представили Чану по этой программе помощь в размере около 26 миллионов американских долларов, что составило 1,7 процента стоимости всех товаров (более полутора миллиардов долларов), отправленных всем дружественным воюющим странам. (Приоритет по-прежнему отдавался Великобритании, которая за то же время получила в 30 раз больше, а также — после нападения нацистской Германии на Советский Союз — и СССР, но летом 1941 года в Аризоне была развернута программа подготовки китайских летчиков.)

Что же касается американских пилотов-добровольцев, то они еще 15 апреля 1941 года получили разрешение Рузвельта вступать в эскадрилью Шенно. Таким образом была создана Американская волонтерская группа (АВГ) в составе первых ста десяти отставных летчиков-истребителей. А вскоре Шенно получил согласие президента на формирование второй группы, состоявшей из ста пилотов-бомбардировщиков, а также 181 стрелка и радиста.

В июле 1941 года этот энергичный советник Мэйлин вернулся в Чунцин, чтобы «доложить генералиссимусу о невероятном успехе американского проекта». А затем направился в Бирму, где был создан

тренировочный центр АВГ. Вслед за ним в эту страну прибыла его первая эскадрилья, потом вторая, а в середине декабря — только что сформированная третья (в ней тоже насчитывалось 100 пилотов). Всех их прозвали «Летающими тиграми» — за то, что раскрашивали носы своих «Томагавков» под страшные акульи пасти, кстати, подражая летчикам британских ВВС в Ливии. Почему их звали именно тиграми, а не акулами — неизвестно; на этот вопрос не мог ответить даже сам Шенно.

К сожалению для Чана, из-за долгих тренировок в Бирме и затянувшейся переброски самолетов американские волонтеры смогли вступить в бой с японцами в небе Куньмина только 20 декабря 1941 года. Но дрались они храбро, не хуже советских летчиков. Правда, в отличие от летчиков из СССР, никогда не выходивших за рамки «облика морале» из-за очевидных опасений иметь дело с НКВД, летчики из США все свободное время проводили в компаниях с китайскими проститутками, что вызывало неодобрение китайских властей^[96].

Вместе с Шенно в Чунцин прилетел и еще один долгожданный гость Чан Кайши: его новый политический советник, направленный в Китай президентом США, — Оуэн Латтимор, известный китаевед, бывший редактор журнала «Пасифик афферс» («Проблемы Тихого океана»). Прислать ему политического советника просил сам Чан, но именно Латтимора выбрал Керри, согласовавший, разумеется, кандидатуру с Рузвельтом. И оказалось, что лучшего человека нельзя было и желать.

В отличие от других иностранных советников Чана, этот сорокалетний ученый, историк и политолог не только хорошо знал Китай, но мог свободно изъясняться на китайском языке, поскольку до двенадцати лет жил то в Шанхае, то в Баодине, то в Тяньцзине, где его отец преподавал английский, французский и немецкий языки. Причем Латтимор даже понимал чанкайшистский выговор, так как его китайская няня была родом из тех же мест, что и Чан. В общем он был очень полезен генералиссимусу, тем более что по замыслу Чана и Рузвельта должен был играть роль негласного связного между ними — в обход дипломатических служб США, которым, по словам Латтимора, ни Рузвельт, ни Чан полностью не доверяли. Чан советовался с ним по всем вопросам, Латтимор составлял для него послания Рузвельту и после того как Чан их редактировал, отсылал в Вашингтон, но не самому президенту, а Керри. Тот их расшифровывал, а затем передавал лично Рузвельту. Это называлось «горячей линией». Шифр, которым пользовались Латтимор и Керри, был только у двух человек: в Чунцине — у Мэйлин, в Вашингтоне — у Керри.

Латтимора поселили в западном, живописном, квартале города, в

особняке Т. В. Суна, расположенном на высоком берегу реки Цзялинцзян и пустовавшем без хозяина — Т. В. Сун, как мы помним, находился в Вашингтоне (до него в этом доме жил Керри). И хотя американский ученый придерживался весьма либеральных взглядов и даже неплохо относился к Мао Цзэдуну и другим вождям коммунистов, которых посетил в июне 1937 года, он быстро поладил с Чаном и Мэйлин. Генералиссимус и его жена не могли не оценить того, что Латтимор из всех сил старался помочь им не только выбить как можно больше помощи из США, но и убедить Рузвельта признать Китай равноправной великой державой. Он горячо сочувствовал как китайской войне против японского империализма, так и вообще национально-освободительной борьбе Китая. Но на соответствующие предложения Латтимора Рузвельт отвечал молчанием, не желая конфликтовать со своим главным союзником — Великобританией, опасавшейся, что предоставление статуса великой державы Китаю может после войны привести к усилению национально-освободительного движения в Индии, находившейся в колониальной зависимости от нее.

Между тем в октябре 1941 года в Чунцин прибыла американская военная миссия во главе с генералом Джоном Магрудером, чтобы контролировать поставки по ленд-лизу. С этим генералом, бывшим когда-то военным атташе посольства США в Пекине, так же, как с Оуэном Латтимором, у Чана и Мэйлин сложились деловые отношения.

Магрудер пробыл в Чунцине вплоть до июня 1942 года, а вот Латтимор уехал уже в середине января 1942-го. «Зная Чан Кайши лично, — вспоминал Латтимор спустя много лет, — я до сих пор считаю, что он был великим человеком. Он безусловно не был святым, но равным образом не являлся и законченным злодеем. Это был не только патриотически настроенный человек, но и революционер. Он хотел изменить китайское общество... <Но> его менталитет был в какой-то мере отсталым... полуфеодално-милитаристским и полусовременным».

С этой оценкой трудно не согласиться. Так же, как и с утверждением Латтимора о том, что даже во время антияпонской войны Чан Кайши не смог стать диктатором в полном смысле этого слова, несмотря на то что война требовала максимальной централизации власти. Чан был просто не в состоянии подчинить себе всех местных милитаристов и, «будучи китайским военным политиком, взошедшим на вершину власти... должен был балансировать между фракциями» как в партии, так и в армии.

Как мы помним, у Чана не всегда получалось контролировать даже свою семью. Интересно, что он вел серьезные беседы с Латтимором только тогда, когда Мэйлин уходила спать. А до того, сидя в кресле, в основном

молчал, наблюдая за тем, как его самоуверенная супруга монополизирует беседу.

С сыновьями, однако, он вел себя очень властно, хотя, как мог, проявлял о них отеческую заботу. Так, еще до начала Второй мировой войны он испугался за младшего сына, учившегося, как мы помним, в Мюнхенской офицерской школе: ухудшение отношений с нацистской Германией могло привести к тому, что Вэйго, как в свое время его старший брат в СССР, мог стать заложником. И когда тот окончил школу, Чан тут же потребовал, чтобы он немедленно уехал в Америку. Там Чан нашел для него место в летном училище на военно-воздушной базе Максвелл Филд (штат Алабама). Вэйго мог покинуть рейх в середине сентября 1939 года, через две недели после германского вторжения в Польшу^[97]. И вскоре стал первым китайцем, зачисленным в это училище, Максвелл Филд. Через некоторое время, однако, он по настоянию американцев переехал на другую военную базу — в Форт-Нокс (штат Кентукки), где делился с американскими коллегами знаниями, полученными в Германии. Вернулся он в Китай 27 октября 1940 года.

По требованию Чана в Гонконг встречать его приехал Цзинго, который не видел брата 15 лет. Он повез Вэйго в гостиницу, где они все ночь пили пиво и общались. На следующий же день Цзинго проводил его к «маме» Мэйлин, находившейся в том же городе на лечении.

Вэйго и Мэйлин встретились впервые: по какой-то причине Чан никогда не знакомил их. До нее, правда, доходили слухи о том, что у ее мужа есть приемный сын, матерью которого является японка, а отцом — некий «политический деятель Гоминьдана». В 1939 году американский журналист Джон Гюнтер пересказал эти слухи в книге «Внутри Азии», которую Мэйлин приобрела и хранила в личной библиотеке. Расспрашивала ли она Чана об этих слухах и интересовалась ли тем, кто являлся настоящим отцом Вэйго, неизвестно, однако трудно предположить, что ей это было неинтересно. Скорее всего, к моменту знакомства она уже знала, что ее «новый ребенок» — сын Дай Цзитао и Золотца Канеко. Судя по воспоминаниям Вэйго и дневниковым записям Чана, «мать» и «сын» понравились друг другу. Вот что, например, написал Чан, узнав о встрече: «Слышал, что в Гонконге мать и сын встретились и очень полюбили друг друга, я очень рад... чувствую, что милость Всевышнего безгранична».

Дети вместе с женой должны были приехать в Чунцин ко дню рождения Чана по григорианскому календарю, 31 октября. Он просил их об этом, так как хотел, чтобы все собрались за праздничным столом. Но они задержались в Гонконге, так что вечером в тот день огорченный Чан

записал: «Жена обещала сегодня вернуться, но я ее еще не видел. Она не звонила, и я не знаю, где она».

Мэйлин еще долго не возвращалась, а вот оба сына Чана приехали наконец к отцу в Чунцин 3 ноября 1940 года. Чан был несказанно рад обоим, особенно Вэйго, который был, как мы помним, его любимцем и которого он не видел четыре года. Он много расспрашивал Вэйго о Германии и Америке, а тот в свою очередь передал ему большое количество секретных материалов, которые смог вывести из Форт-Нокса. Чан был доволен: Америка и Япония быстрыми темпами двигались к Тихоокеанской войне, и эти документы могли иметь большое значение.

Целый месяц он держал любимого Вэйго при себе и только в начале декабря 1940-го отправил к старшему брату в город Ганьчжоу, на юг провинции Цзянси, — познакомиться с невесткой, племянником и племянницей.

В этот уездный город Цзинго вместе с семьей переехал в марте 1939-го после того, как год проработал в Наньчане в должности заместителя начальника провинциального отдела безопасности. На эту должность его назначил отец по просьбе местного губернатора. Еще в январе 1938 года Цзинго вступил в Гоминьдан, а весной того же года его произвели в генерал-майоры. В Наньчане он почти весь год жил один: город часто бомбили, поэтому Фаина с детьми оставалась в деревне с его матерью. Без мужа она скучала, а тот мог навещать ее редко — примерно раз в три месяца. В марте 1939-го, накануне захвата Наньчана японцами, когда Цзинго в целях безопасности перевели за 400 километров к югу, в Ганьчжоу, она с детьми последовала за ним. В Ганьчжоу Цзинго возглавил отдел безопасности всего административного района южной Цзянси, территории более чем в 23 тысячи квадратных километров, охватывавшей 11 уездов с населением свыше 1 миллиона 600 тысяч человек. Кроме того, он исполнял обязанности комиссара (то есть специального представителя губернатора) в этом районе. Иными словами, в его руках была сконцентрирована вся местная власть. Он искоренял бандитизм, боролся с проституцией, опекурением и азартными играми, проводил аграрную реформу, снижая арендную плату на 25 процентов и перераспределяя землю, читал лекции на курсах молодых кадровых работников, издавал газеты и проводил кампанию по ликвидации безграмотности. В 1941 году Цзинго даже учредил трехлетний план экономического развития района. Каждый день он вставал в четыре-пять утра, а ложился спать в два ночи, так как дел было невпроворот. Что же касается Фаины, то она работала заведующей детским домом для детей в возрасте от 3 до 15 лет (через

четыре года число ее воспитанников составило более шестисот человек).

Вэйго ознакомился с работой брата, подружился с Фаиной, с удовольствием пообщался с племянником и племянницей. Кроме того, навестил свою приемную мать, Яо Ечэн, бывшую любовницу Чан Кайши, к которой он, как мы помним, был очень привязан. Она жила здесь же, в Ганьчжоу. Вместе с Цзинго съездил в соседнюю с Цзянси провинцию Чжэцзян, в их родную деревню Сикоу, где они оба поклонились могилам предков. Они вовремя сделали это, так как через полгода, 22 апреля 1941 года, японцы захватят Сикоу и, дабы оказать негативное влияние на геомантику Чана, разрушат могилы его кровных родственников.

Вернулся Вэйго в Чунцин только 24 декабря — к Рождеству, а в начале 1941 года Чан Кайши откомандировал его в Сиань, в армию одного из своих доверенных генералов.

Радость от встречи с детьми, однако, не могла заглушить боль Чана от разлуки с Мэйлин, уехавшей лечиться в Гонконг еще 6 октября 1940 года и, невзирая на просьбы Чана, отказывавшейся вернуться.

Мэйлин действительно болела. Тяжелый климат Чунцина был явно не для нее, она то и дело простужалась и даже заказывала лекарства в Америке для лечения респираторных заболеваний. Кроме того, Мэйлин страшно боялась бомбежек, и ее нервы совершенно расшатались, она страдала бессонницей. А когда одна из бомб упала на лужайку перед их городским домом и взрывная волна выбила в нем все стекла, первая леди Китая просто запаниковала. «Бомбардировщики все еще кружат над нами, — написала она своей бывшей однокурснице. — Они прилетают эскадрильями — в большом количестве — и выглядят как огромные черные вороны. Бах, бах, бах! Сейчас они сбрасывают бомбы на другой берег реки. Я не могу видеть взрывы, так как нахожусь в Хуаншани. Мы с мужем живем в горах, поскольку наш дом в Чунцине больше не пригоден для жилья. Японцы знают и этот наш дом, так как предатель Ван Цзинвэй, посетив нас однажды, рассказал им о том, где мы живем... Боже! Как нам не хватает здесь самолетов! У нас достаточно подготовленных летчиков, но прискорбно мало самолетов».

Помимо прочего, у Мэйлин в то время сильно болели спина и шея, и врачи определили смещение позвонков. Это было связано с автомобильной аварией, в которую она и Дональд попали осенью 1937 года, когда ездили на шанхайский фронт. У машины тогда лопнуло заднее колесо, и пассажиров выбросило на дорогу. Дональд легко отделался, а вот у Мэйлин оказалось сломано ребро. Врачи тогда не придали этому значения. В итоге ребро срослось, а вот позвоночник чем дальше, тем больше давал о себе

знать.

В довершение всего жена Чана страдала от резкой зубной боли, природу которой чунцинские дантисты не могли определить. Наверное, и эта боль развилась на нервной почве.

Вот почему в начале октября 1940 года она и отправилась в Гонконг, а Чану пришлось без нее справлять свой день рождения по лунному календарю (в тот год 15-й день 9-го месяца пал на 15 октября), а затем и по григорианскому.

Болезни Мэйлин, однако, были лишь одной из причин ее долгой разлуки с мужем (она отсутствовала более четырех месяцев, вернувшись в Чунцин только 12 февраля 1941 года). Другой, похоже, была ревность. Встретившись с Вэйго, она вдруг засомневалась в том, что он приемный сын ее мужа. То ли потому, что Вэйго показался ей чем-то похожим на Чан Кайши, то ли еще почему-то. Но она явно почувствовала себя обманутой.

Ревность, ожесточенная болезнями, привела к тому, что она возненавидела Чунцин. В письме американской подруге, собиравшейся навестить ее, когда она вернулась в этот город, 10 апреля 1941 года, Мэйлин написала: «Здесь нет ни *одного* увеселительного заведения и никакой культурной жизни (выделено в документе. — А. П.). Ничего, кроме непрерывной, утомительной, дух захватывающей работы между авианалетами. Жара и дождь, никакой романтики». Она жаловалась на плохие условия жизни, отвратительную еду, недостатки с водоснабжением и болезнями.

И это было не столько нытье избалованной и капризной барыньки, сколько крик уставшей и больной женщины. Вернувшись в Чунцин, Мэйлин ко всем несчастьям подцепила еще малярию и лихорадку денге (острое вирусное заболевание). Кожа ее покрылась сыпью, лимфатические узлы увеличились. На фотографии с Хемингуэем и его женой, сделанной в апреле 1941 года, Мэйлин выглядит исхудавшей и утомленной, особенно рядом с толстым улыбающимся американцем, довольным жизнью. Хотя — и это тоже правда — по-прежнему блещет красотой.

Но, как бы то ни было, Мэйлин все же осталась в Чунцине и, хотя не сразу, простила Чана. Правда, за что? Он не был ни в чем виноват. Но, как говорят в Китае, *хао нань бу гэн нью доу* (умный мужчина не спорит с женщиной). Так что Чан предпочел не обострять отношений, тем более что по характеру жена была намного сильнее его. Очевидно, ему все же удалось убедить ее в том, что Вэйго не его сын, и к апрелю 1941 года их семейная жизнь наладилась. Чан был на седьмом небе. 31 марта он записал в дневнике: «В семье между мужем и женой, матерью и детьми мир,

любовь и союз — это начало счастья в жизни, обновление тела и успокоение сердца, возношу молитвы».

Правда, он не знал, что Мэйлин вскоре после возвращения из каких-то одной ей ведомых причин (коварство? злость? интрига?) предложила ничего не подозревавшему Вэйго, опять гостившему у отца в Чунцине, почитать на досуге упомянутую выше книгу Гюнтера. Возможно, она хотела проверить его реакцию или спровоцировать на разговор с Чан Кайши. Но Вэйго проявил выдержку, хотя, разумеется, был потрясен: никакие слухи о его рождении до него не доходили, и он был уверен, что является родным сыном Чана. Каким-то образом он сообразил, что под «политическим деятелем Гоминьдана», названным в книге его отцом, скорее всего имелся в виду Дай Цзитао, «кровный брат» Чан Кайши. И он навестил его, чтобы обо всем расспросить. Но тот только расхохотался и, принеся из другой комнаты зеркало и портрет Чана, попросил Вэйго сравнить, на кого тот похож. Вэйго перевел взгляд с портрета на Дай Цзитао, а потом на свое отражение и сказал:

— Вроде я больше похож на отца <то есть Чан Кайши>.

Вновь расхохотавшись, Дай Цзитао спросил:

— Ну тогда закончим на этом?

Больше Вэйго вопросов не задавал. Но, возвращаясь домой, подумал: «В конце концов, и отец и дядя великие люди, быть сыном любого из них почетно».

Ни Мэйлин, ни Чану он об этом разговоре ничего не сказал.

Между тем в середине ноября 1941 года до Чана дошли тревожные известия о том, что Рузвельт выразил готовность договориться с японскими «карликами», уладив спорные вопросы миром. Генералиссимус был потрясен: ведь все, казалось, шло к американо-японской войне, тем более что в июле президент США даже заморозил японские активы в американских банках. А тут вдруг Рузвельт стал рассуждать о модус вивенди (временном мирном сосуществовании) с Японией! Даже Черчилль выразил удивление, написав Рузвельту: «Конечно, это Ваше дело, и мы безусловно не хотим дополнительную войну. Но есть один вопрос, который нас волнует. Как насчет Чан Кайши? Не сидит ли он на очень строгой диете? Мы беспокоимся о Китае. Если они потерпят поражение, опасность для всех нас возрастет в огромной мере».

Чан, конечно, не знал о секретной телеграмме Черчилля Рузвельту, а потому, почувствовав, что либеральный Запад его предает, впал в настоящую истерику. Он попросил Латтимора послать срочную телеграмму

в Вашингтон о том, что «опора на Америку — основа всей его национальной политики». При этом намекнул на то, что, если Рузвельт помирится с японцами, это навсегда подорвет престиж США в Китае так же, как закрытие Бирманской дороги подорвало престиж Англии. Кроме того, попросил предупредить Рузвельта, что американо-японская разрядка усилит режим Ван Цзинвэя, ослабив позиции китайского национального правительства. Латтимор сообщил Керри, что он «на самом деле никогда не видел Чан Кайши в таком возбуждении».

Беспокойство Чан Кайши не ослабевало вплоть до того момента, пока в четыре часа утра 8 декабря 1941 года его не разбудил телефонный звонок заместителя заведующего отделом пропаганды Центрального исполкома Гоминьдана Холлингтона Дуна, того самого, кто в начале 1906 года был его учителем в уездной школе в Фэнхуа. Дун сообщил важнейшую новость: три часа назад японская авиация атаковала военно-морскую базу США Пёрл-Харбор на Гавайях. Жесточайшая бомбардировка длилась 2 часа 12 минут, потоплены пять линкоров и три крейсера, уничтожены 177 самолетов, убито более двух тысяч военнослужащих и еще свыше двух тысяч человек — ранены или пропали без вести. Почти одновременно японцы напали на английские колонии Гонконг, Британскую Малайю и Сингапур.

Как ни ужасны были жертвы, Чан не мог не почувствовать облегчения: ведь в войну с Японией вступали мощнейшие державы — США и Великобритания. А это означало, что победа над жестоким врагом становилась близкой и что Китай, встав в один ряд с союзниками, мог наконец-то обеспечить себе статус великой державы.

В волнении Чан поставил на граммофон одну из своих любимых пластинок — «Аве Мария» («Радуйся, Мария») Иоганна Себастьяна Баха и Шарля Гуно и, сев в кресло, слушал, испытывая блаженство. А когда эта пластинка закончилась, заменил ее другой — тоже «Аве Мария», но Франца Шуберта. Он любил оба произведения.

Спешить уже было некуда: судьба Китая отныне решалась на фронтах Тихоокеанской войны.

Игры с Рузвельтом

Как ни прекрасна была музыка, долго наслаждаться ею Чану не дали. Все ждали его реакции, а потому уже через четыре часа в своем городском офисе он созвал экстренное заседание Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана, на котором было принято решение немедленно обратиться к США, Великобритании и СССР с предложением создать военную коалицию, заключив союзный договор и объявив совместную войну Германии, Италии и Японии. Во второй половине дня Чан передал соответствующие предложения американскому и советскому послам^[98], а с Панюшкиным даже провел отдельную беседу, пытаясь убедить его (а через него — Сталина) в необходимости нанести превентивный удар по Японии. Понятно, что разговор с Панюшкиным не получился: за три дня до того советские войска только начали контрнаступление под Москвой, и одновременная война с Японией Сталину могла привидеться только в кошмарном сне. Поэтому вечером, проводя заседание Военного совета, Чан пригласил на него военных атташе только посольств США и Соединенного Королевства, заявив им, что Китай разделит с их странами все невзгоды войны. Он также предложил организовать совместное военное командование под руководством Соединенных Штатов.

А на следующий день, 9 декабря 1941 года, китайское правительство официально объявило войну Японии, с которой до тех пор шла война необъявленная, а также Германии и Италии. На день раньше войну Японии объявили Соединенные Штаты и Великобритания, а 11 декабря 1941 года Соединенным Штатам объявили войну Германия и Италия. В итоге китайско-японский фронт превратился в театр Второй мировой войны.

На тот момент японские вооруженные силы насчитывали примерно два с половиной миллиона военнотружущих, из которых в Китае действовали более 600 тысяч, а в районе Тихого океана — 230 тысяч. США, Англия и Голландская Индия (Индонезия) вместе могли выставить против них 370 тысяч солдат и офицеров. Китайская армия была самой многочисленной: 3 миллиона 819 тысяч человек, но по-прежнему не очень эффективной. Из 316 китайских дивизий только тридцать лучших являлись личными войсками Чан Кайши, остальные же по-прежнему подчинялись своим региональным командирам, бывшим милитаристам. Поэтому Чан, прежде чем отдавать приказ этим командирам, неизбежно задумывался: «А выполняют ли они его?»

Понимая слабости своей армии и устав от непрерывных неудач на фронте, Чан испытал смешанные чувства при известиях о первых поражениях союзников: от сочувствия до злорадства. 10 декабря 1941 года он записал в дневнике: «По-видимому, англо-американские военно-морские силы на Тихом океане уничтожены на восемь десятых. Это неизбежный результат чрезмерной болтовни, а также совершенной неподготовленности англо-американских вооруженных сил. Но, если говорить о ситуации в мире в целом и о последствиях <этого события> для войны на Дальнем Востоке, то вполне можно из катастрофы извлечь выгоду. Отныне Англия и США не смогут не концентрировать все свои силы на решении прежде всего вопроса с японскими бандитами на Дальнем Востоке, то есть они не будут более ставить Китай и Дальний Восток на второе <после Европы> место».

Вскоре Рузвельт предложил Чан Кайши провести в Чунцине военную конференцию представителей союзных держав, чтобы выработать совместную стратегию. И Чан с энтузиазмом взялся за дело. Однако созванная 23 декабря конференция выявила разногласия между Чаном и командующим британскими войсками в Индии генералом Арчибалдом Уэйвеллом, заносчивым аристократом. За неделю до того японские войска вторглись в Бирму, а потому Чан, опасаясь, что они могли установить контроль над «дорогой жизни», связывавшей Китай с остальным миром, 24 декабря за завтраком предложил Уэйвеллу план переброски в Бирму на помощь англичанам двух китайских армий численностью в 80 тысяч человек. Однако сэр Уэйвелл, как и положено британскому лорду, высокомерно ответил:

— Нам, британцам, было бы стыдно, если бы китайские войска освобождали для нас Бирму.

Чан очень обиделся, тем более что, как и все китайцы, считал Северную Бирму китайской территорией, незаконно отнятой у Китая англичанами в 80-е годы XIX века.

Он вообще, как мы знаем, был ранимым. А в конце 1941 года его нервы совсем расшатались в связи с новой семейной неприятностью. Дело в том, что любимая племянница. Мэйлин по имени Линцзюнь — дочка Кун Сянси и Айлин (в семье ее все звали Жанетт), вернувшись в середине декабря из атакованного японцами Гонконга, привезла в собой не только многочисленных служанок, но и семнадцать (!) собак и щенков. Вместе с ними она заняла весь салон самолета, который Чан вообще-то послал для того, чтобы эвакуировать из Гонконга издателя старейшей китайской газеты «Дагун бао» («Общественная газета»). Но из-за собак для издателя в

самолете не нашлось места. Все бы ничего, но когда лающая компания выбралась на чунцинский аэродром, главный редактор «Дагун бао», встречавший издателя, был настолько возмущен, что тут же написал редакционную статью, вызвавшую большой шум. Как мы помним, семейство Кунов давно пользовалось дурной славой в Китае, а тут такой скандал!

Со временем, разумеется, все более-менее улеглось, но осадок у многих остался. Неунывающая же Жанетт, как ни в чем не бывало, подарила дяде и тете одного из щенков-сеттеров. Пес был очаровательный, и супруги Чан не могли, конечно, ему не радоваться, тем более что вообще любили собак. Но скандал омрачал подарок, что, правда, не отразилось на судьбе щенка. Чан его полюбил и теперь ходил гулять только с ним.

А тем временем в Вашингтоне в конце декабря Рузвельт и Черчилль провели ряд встреч, получивших кодовое название «Аркадия». Их результатом стала публикация 1 января 1942 года «Декларации Объединенных наций» (термин был введен в оборот президентом США). Она была подписана представителями двадцати шести стран — участниц антифашистской коалиции. Для Чана, да и всего Китая, особое значение имело то, что подпись китайского представителя Т. В. Суна, с 23 декабря 1941 года являвшегося новым министром иностранных дел Китая, шла четвертой — сразу за подписями Рузвельта, Черчилля и Литвинова (в то время — заместителя министра иностранных дел и посла СССР в США). Остальные подписи стояли в алфавитном порядке соответствующих стран. Знал ли Чан, что Рузвельт изначально поставил Китай на второе после США место в списке подписантов и только потом заменил его на Соединенное Королевство, очевидно, опасаясь недовольства Черчилля? Возможно. Но и включение Китая в четверку ведущих союзных держав значило многое: это была великая победа китайской национальной революции.

За день до того Рузвельт предложил Чан Кайши взять на себя верховное главнокомандование союзными войсками на китайском театре военных действий, который включал в себя, помимо Китая, часть территории Таиланда и Индокитая. 3 января Чан принял это предложение, попросив прислать ему высокопоставленного генерала на должность начальника его объединенного (союзного) штаба, в который он хотел включить представителей США, Китая, Великобритании и Голландии.

А через три недели, подводя итоги месяца, Чан с гордостью написал в дневнике: «После опубликования совместной декларации двадцати шести государств США, Англия, СССР и Китай официально сделались центром, в

итоге наша страна стала одной из четырех великих держав. Более того, после того, как я согласился стать главнокомандующим на китайском театре военных действий, включающем в себя Вьетнам и Сиам <Таиланд>, престиж и место <нашей> страны и каждого гражданина фактически упрочились до невероятной степени, такого еще не было в истории... Мы можем уже ничего не бояться».

В январе 1942-го Рузвельт согласился дать Чан Кайши четвертый, самый крупный, заём — на полмиллиарда долларов, и 7 февраля Конгресс одобрил это решение. С таким кредитом можно было смело продолжать войну до победы. Тем более под волшебные звуки «Аве Мария».

Воодушевленный поддержкой Рузвельта, Чан решил поставить англичан на место, заставив считаться с новым статусом Китайской Республики^[99]. Те, правда, тоже помогали ему деньгами: 3 февраля, например, предоставили 50 миллионов фунтов^[100], но, как мы знаем, относились к Китаю, как к третьесортной державе, поэтому в феврале 1942 года Чан вместе с Мэйлин посетил Индию — английскую колонию (!), где в пригородах Калькутты в течение пяти часов беседовал с заклятым врагом англичан, лидером индийского национально-освободительного движения Махатмой Ганди. И сделал он это, несмотря на то что генерал-губернатор Индии Виктор Александр Джон Хоуп через британского посла в Китае — барона Арчибальда Кларка Керра просил Чана воздержаться от такого поступка. Но генералиссимус явно упивался своей новой ролью революционера, превратившего наконец свое государство в великую державу, а потому хотел выступить посредником между Ганди и англичанами. Он желал показать последним, что без него они не смогут убедить отца индийской нации поддержать их в антияпонской борьбе. И когда Ганди согласился «не вредить войне против Японии», не мог скрыть радости. «Вот вам, заносчивые британские империалисты, — читалось на его лице. — Что бы вы без меня делали!»

С равным успехом прошла встреча Чана и Мэйлин с Джавахарлалом Неру, председателем Индийского национального конгресса (ИНК) — националистической партии, близкой по своим установкам к Гоминьдану. 21 же февраля Мэйлин зачитала по калькуттскому радио обращение Чана к индийскому народу, в котором китайский генералиссимус открыто призвал англичан представить индийцам свободу «как можно скорее» (на следующий день оно было опубликовано в Индии). Чан был убежден, что колониальные народы Азии и Тихого океана можно было мобилизовать для

борьбы с Японией только в том случае, если бы Великобритания и Голландия передали им «реальную политическую власть».

В тот же день Чан с Мэйлин вернулись в Китай, но уже 1 марта вновь были в пути. На этот раз — в Бирму, где хотели прояснить обстановку, обострившуюся после постыдного поражения английских колониальных войск у моста через реку Ситтан на юге этой страны в конце февраля. Они прибыли в бирманский городок Лашо, расположенный у ворот на «дорогу жизни», куда через два дня прилетел и вновь назначенный Рузвельтом начальник союзного штаба Чана, генерал-лейтенант Джозеф Уоррен Стилуэлл, большой знаток Китая.

Чан был знаком с этим американцем. Начиная с 1911 года тот четырежды приезжал в Китай в длительные командировки, а в 1935–1939 годах даже служил военным атташе американского посольства (в целом он прожил в Китае более десяти лет). Это был высокий худой человек лет шестидесяти, опытный и решительный военачальник. Рузвельт назначил его на эту должность 23 января 1942 года по совету начальника Генштаба своей армии Джорджа Кэтлетта Маршалла-мл., однокурсника Стилуэлла по пехотной школе, и Чан был рад новой встрече с ним. Тот мог оказать ему огромную помощь: помимо исполнения обязанностей начальника его штаба, он должен был осуществлять командование всеми американскими войсками на китайском театре военных действий. Правда, он был излишне горяч и груб, «труден в общении, нетерпелив и временами язвителен», за что заслужил в войсках прозвище «Уксусный Джо», но Чан не стал придавать этому большого значения. Стилуэлл обязан был подчиняться ему как верховному главнокомандующему, и Чан надеялся, что они поладят.

Увы, он не знал, что Стилуэлл не питал к нему добрых чувств. «Уксусный Джо» давно составил себе впечатление о Чане как о «совершенно бездарном» вояке и в своих дневниках называл его не иначе как «проклятым дураком». Даже голос Чана — «резкое, отрывистое стаккато» — его раздражал. Незадолго же до прибытия в Бирму, во время полета над Атлантикой, обсуждая с подчиненными напряженные отношения между Чаном и генералом Уэйвеллом, он с радостью подхватил шутку двух молодцов по поводу того, что позиции Чана «слишком шатки, чтобы лелеять обиды» на англичан.

— Принимая во внимание ту неразбериху, в которой находится сегодня Китай, он <Чан> похож на... — один из парней запнулся, подыскивая правильное сравнение.

— *Пинат* (земляной орех. — *А. П.*), водруженный на кучу навоза! — подхватил другой шутник.

Стилуэлл расхохотался:

— Неплохое имечко для старины Чана — Пинат.

Все грохнули со смеху, поняв игру слов: ведь «пинат» (*peanut*, «земляной орех») на американском сленге означает «мелочь пузатая». Именно так — *Пинат* («Мелочь пузатая») — тилуэлл с тех пор будет часто называть генералиссимуса. За глаза, конечно. Для Мэйлин же он и его американские подчиненные придумали более приличную кличку — «Белоснежка». А семерых главных чанкайшистских генералов стали называть по именам гномов из этой сказки.

Встреча в Лашо тем не менее прошла исключительно хорошо. Чан и Мэйлин тепло приветствовали Стилуэлла.

Через два дня все трое были уже в Чунцине, но к тому времени ситуация в Бирме вновь обострилась. На этот раз в связи с захватом японской армией 6 марта 1942 года Рангуна, столицы этой страны, — того самого города, куда по ленд-лизу доставлялись грузы из США. Британские войска начали стремительно отступать, и даже Черчилль вынужден был констатировать: «Жестокость, ярость и мощь Японии намного превосходили все наши ожидания». Тут уж было не до капризов Уэйвелла, который, кстати, впал в глубокую депрессию: англичане согласились на предложение Чана прислать в Бирму две его лучшие армии.

В тот же день, 6 марта, Чан представил Стилуэлла командующим этими армиями (5-й и 6-й), приказав китайским генералам подчиняться американцу:

— Генерал Стилуэлл командует вами, а я — Стилуэллом. Разве генерал Стилуэлл не мой начальник штаба?

Стилуэлл был приятно удивлен и готов был уже изменить мнение о Чане, записав в дневнике: «Похоже, он жаждет сражаться и сыт по горло отступлением и вялостью англичан. К тому же сильно подозревает их в дурных мотивах и намерениях... Я вздохнул спокойно, поняв, что Джи-мо ^[101] предполагает отдать командование в Бирме мне... Никогда прежде иностранцу не позволялось ни в какой мере контролировать китайские войска ^[102]... В его словах есть много смысла».

Стилуэлл тоже не питал теплых чувств к англичанам, считая их «сукиными детьми» и «ублюдками» за то, что они оставили Рангун. 11 марта 1942 года он вылетел в Бирму, где провел шесть дней, изучая обстановку. А вернувшись, представил Чану оперативно-тактический план, предложив перебросить китайские войска на юг Бирмы, чтобы занять оборону примерно в 280 километрах к северу от Рангуна.

И вот тут-то у них начались трения. Все, что предложил американец, Чан отверг, заявив, что надо выстроить оборонительную линию в Центральной Бирме, то есть на расстоянии порядка 600 километров к северу от Рангуна. Понятно, что Чан считал себя более сведущим в военных делах, чем «Уксусный Джо».

В дурном настроении Стиллуэлл вернулся в Бирму, а тем временем Чану пришлось вновь переключиться на семейные проблемы. В марте 1942 года Жанетт выкинула еще один фортель. Гуляя как-то по окрестностям Чунцина, она обратила внимание на симпатичного юношу и тут же бесстыдно предложила ему уединиться с ней. Молодой человек, однако, вежливо отказался (может быть, приняв Жанетт за гомосексуалиста, так как, будучи весьма экзальтированной особой, она любила носить мужскую одежду). Разгневанная Жанетт велела своим четырем охранникам избить «негодяя». Что те и сделали. К несчастью, юноша оказался сыном знакомого нам Бай Чунси, одного из вождей гуансийской военной клики и заместителя начальника Генштаба чанкайшистской армии! Генерал Бай, конечно, поднял шум, и Чану опять пришлось улаживать дело.

А в конце марта 1942 года новый сюрприз Чану преподнес уже его старший сын Цзинго. Неожиданно приехав к нему в Чунцин 27 марта, он сообщил отцу, что у того почти месяц назад (1 марта) родились два новых внука — близнецы Лиэр и Шиэр (Красавчик и Львенок). Как и старший внук Ален, они были недоношенными: без малого семимесячными, поэтому их еще называли Дамао и Сяомао (Большой котенок и Маленький котенок)^[103]. Это было, конечно, радостным событием для 55-летнего деда, но оказалось, что новые внуки не от Фанлянь (Фаины), законной супруги Цзинго, а от любовницы, некоей Чжан Яжо, о которой Чан понятия не имел. Не знали о ней и Фаина с Мэйлин.

То, что Цзинго завел любовницу, Чана не удивило: у него и самого их в свое время было немало, но пикантность ситуации заключалась в том, что иностранка Фаина, не привыкшая к китайским традициям многоженства, могла, если бы узнала о мужниной измене, устроить скандал. А это не только нанесло бы ущерб престижу генералиссимуса, но и осложнило политическую ситуацию в стране.

Поразмыслив, Чан изменил странные имена внуков Лиэр и Шиэр, которые, по словам Цзинго, его любовница дала им по названию улицы, на которой жила — Лиши лу (Улица красивого льва), и нарек их в соответствии с генеалогической хроникой своего клана: Сяоянь и Сяоцы. Как мы помним, на 30-е по счету поколение в роду Улинских Цзянов приходился иероглиф «сяо» («почтительность к родителям»), иероглиф же

«янь» значит «строгий», а иероглиф «цы» — «добрый». Позже, при крещении, дети получают и западные имена — Джон и Уинстон. Но Чан строго-настрого запретил давать новым внукам родовую фамилию, потребовав, чтобы они носили фамилию матери — Чжан. Узнав об этом, любовница Цзинго впала в депрессию: она поняла, что ее детям отказано в правах наследства.

Это была красивая, но наивная женщина. В декабре 1939 года, когда они с Цзинго встретились, ей уже исполнилось 26 лет, но выглядела она на восемнадцать: маленькая, полненькая, с круглым лицом и губками бантиком.

Родилась Чжан Яжо в 1913 году в поселке Учэн на севере Цзянси в семье шэньши (деревенского интеллигента). Ее детским именем было Маоли («Очаровательная сливка»), и оно, как нельзя лучше, подходило ей. В семнадцатилетнем возрасте ее выдали замуж, и от этого брака она родила двоих сыновей, но спустя шесть лет ее муж по какой-то причине покончил с собой. Когда в марте 1939 года пришли японцы, она, оставив детей на попечение матери, уехала на юг Цзянси, в Ганьчжоу. Романтически настроенная, Чжан Яжо решила отдать себя целиком героической борьбе за освобождение родины, а потому поступила на ганьчжоуские курсы молодых кадровых работников. И через несколько месяцев, в ноябре, на большом городском собрании впервые увидела Цзинго. Стоит ли говорить, что молодой человек, красивый и веселый, да к тому же сын Чан Кайши, ей сразу понравился.

После окончания курсов Яжо стала работать в местной администрации, и здесь-то на нее обратил внимание сам Цзинго, вскоре предложивший ей перейти к нему на работу секретаршей. Ну а дальше — все понятно. Роман длился почти два года, в полной тайне от Фаины, которая вместе с детьми тоже жила в Ганьчжоу. И это несмотря на то что Фаина хорошо знала Яжо и даже время от времени просила ее присмотреть за своими детьми, Эриком-Аленом и Эммой, когда должна была куда-нибудь отлучиться. По просьбе Фаины Яжо даже занималась с ней китайским языком.

Может быть, Цзинго увлекся Яжо потому, что она совсем не походила на Фаину, женщину не менее красивую, но ярко выраженного славянского типа? А может, ему, говоря словами поэта, захотелось «звон свой спрятать в мягкое, женское» и покорная пухленькая Яжо (что в переводе значит «Послушная») отвечала его желаниям больше Фаины, по характеру не менее сильной, чем Мэйлин? Ну а может быть, его просто потянуло «на клубничку»? Кто знает? Вроде бы это была обоюдная страсть. Он ласково

называл ее «Хуэйюнь» («Светлое облако»), а она его — «Хуэйфэн» («Сильный ветер»), заимствуя эти имена из китайских выражений *фэньюнь цихуэй* и *фэньюнь були* («ветер и облако встречаются» и «ветер и облако никогда не расстаются»).

Как бы то ни было, но в октябре 1941 года все закончилось — после того, как Яжо с замиранием сердца сообщила своему возлюбленному, что беременна. Тут-то Цзинго, похоже, перепугался. Дав ей изрядную сумму денег, он отправил Яжо в сопровождении подруги по имени Гуй Чандэ подальше от Ганьчжоу — в Гуйлинь, на север провинции Гуаней. Недалеко от этого города у нее жил брат, уездный начальник.

После рождения двойни, правда, Цзинго приехал в Гуйлинь, дал Яжо еще денег, но, понимая, что рождение детей не удастся сохранить в тайне, тут же отправился к отцу в Чунцин. Ну а потом, вроде бы все уладив, вернулся в Ганьчжоу, к законной жене.

Что же касается Яжо, то она вместе с близнецами осталась жить в Гуйлине. В августе 1942-го она заметила за собой слежку. Затем кто-то, сломав замок, проник в ее дом, унес какие-то вещи, после чего она решила заявить в полицию. Там ее принял сам начальник, не только внимательно ее выслушавший, но и угостивший чаем, а затем распорядившийся выставить у ее дома охрану. Все вроде бы вышло хорошо, но вскоре после визита в полицейский участок у Яжо начался сильный приступ диареи, сопровождавшийся острыми спазмами желудка. Ее раздирала боль. Насмерть перепуганная Гуй Чандэ вызвала врачей, и Яжо госпитализировали, положив в отдельную палату. Верная Гуй провела с ней всю ночь.

К утру 15 августа больной стало лучше. Пришел врач, представившийся Ваном (самая распространенная в Китае фамилия, как у нас Иванов), и сказал, что надо сделать укол. Она вытянула левую руку, он быстро уколол и ушел, не сказав больше ни слова. Что это был за укол и от какой болезни, никто не знал. «Доктор Ван» больше не появлялся. А вскоре Яжо, схватив свою левую руку правой, закричала: «Мне плохо! Я ничего не вижу!» Доктор попросил брата Гуй Чандэ, бывшего в палате, сбегать на улицу купить льда, но лед не понадобился: когда его принесли, Яжо уже была мертва. Ее друзьям дали справку, что она скончалась от «заражения крови».

То, что ее убили, не вызывает сомнений. Но по чьему приказу, неясно. Некоторые обвиняют Цзинго, несмотря на то что он очень переживал по поводу смерти Яжо до конца своей жизни и перед смертью во сне шептал ее имя. Другие возлагают вину на его однокурсника по Университету

имени Сунь Ятсена некоего Хуан Чжунмэя, учившегося в Москве под псевдонимом Малышев и работавшего под началом Цзинго в ганьчжоуской службе безопасности. Якобы он сделал это по собственной инициативе, чтобы «спасти лицо» своего начальника и друга. Эта версия вполне вероятна, тем более что впоследствии Хуан Чжунмэй был арестован и ликвидирован секретными службами Гоминьдана. Может быть, за то, что убил Чжан Яжо?

Однако, скорее всего, за убийством стоял не кто иной, как Чан Кайши. Именно на него указывал, например, бывший сотрудник гоминьдановских спецслужб генерал Гу Чжэнвэнь, в 2004 году заявивший об этом в интервью. Старый разведчик, кроме того, обвинил в этом убийстве и близкого соратника генералиссимуса, хорошо нам знакомого Чэнь Лифу, его «кровного племянника». А такому человеку, как Гу, трудно не поверить, тем более что рассказал он об этом за три года до своей смерти.

Как бы там ни было, но то, что Чан, дав имена своим новым внукам, никоим образом не хотел, чтобы адюльтер его сына стал известен общественности, хорошо известно. Он очень опасался скандала, который мог приобрести международный характер. Поэтому даже наедине с собой не откровенничал на эту тему. Вот что он, например, записал в дневнике спустя два года после рождения внуков, 6 июля 1944 года: «Моя жена получает очень много анонимных писем, в том числе с клеветой на меня. Одно из них, судя по выражениям, написано англичанином. Эти письма не только чернят меня, но и обоих моих сыновей — Цзина и Вэя. Особенно много клеветы в отношении сына Цзина — о том, что у него в Чунцине есть любовница, и она уже родила ему близнецов, которых отдали на воспитание ее матери. Все эти сплетни на руку как компартии, так и англичанам с американцами, которые используют их не только для того, чтобы подорвать доверие народа ко мне, но и полностью опорочить мою семью».

Чан, как видно, кривил душой. В пересказанных им «сплетнях» неправдой являлось только то, что любовница Цзинго жила в Чунцине. Все же остальное — верно, в том числе и слух о том, что детишек отдали бабушке. Та, будучи уверенной, что ее дочь убили, постаралась сделать все возможное, чтобы их обезопасить. Она даже зарегистрировала их под разными датами рождения. Возможно, поэтому до сих пор существует путаница в историографии: одни биографы считают датой их появления на свет 1 марта, другие — 13 марта, третьи — 2 мая, четвертые — 21 мая. И это несмотря на то что старший из близнецов, Чжан (Цзян) Сяоянь, с 2008 по 2014 год занимал один из важнейших постов в Китайской Республике —

заместителя председателя Центрального исполкома Гоминьдана, а младший, Чжан (Цзян) Сяоцы, вплоть до своей смерти в 1996 году был членом Центрального исполкома этой партии и ректором Сучжоуского университета в Тайбэе. Интересно, что в паспорте Чжан (Цзян) Сяояня до сих пор датой его рождения указано 2 мая 1942 года, хотя он еще в августе 2002 года получил из Второй народной больницы Гуйлиня (бывшей Гуандунской провинциальной больницы), где он с братом родился, копию свидетельства о рождении, из которой явствует — они родились 1 марта 1942 года.

Между тем конфликт между Стиллуэллом и Чан Кайши разгорался. Заметив, что генералиссимус не во всем поддерживает своего начальника штаба, многие китайские генералы стали саботировать приказы американца. 31 марта 1942 года разгневанный Стиллуэлл записал в дневнике: «Китайские командиры... чувствуют, конечно, настоятельную необходимость ублажать генералиссимуса, и, если мои предложения или приказы противоречат тому, что он, как они *думают*, от них хочет, они приводят бесконечные отговорки... Я же не могу их расстрелять и не могу их снять; простые же разговоры с ними бесполезны» (выделено в документе. — А. П.).

На следующий день он дал такую характеристику самому Чану: «Чан Кайши был боссом так долго, и его окружают так много подпевал, что он считает себя непогрешимым в любом предмете... Он человек умственно неуравновешенный и может сказать тебе в лицо много такого, чего на самом деле совсем не имеет в виду... Я же совершенно не могу конкурировать с роями паразитов и сикофантов, окружающими его».

В начале апреля 1942 года Чан и Мэйлин навестили Стиллуэлла в Бирме, стараясь как-то сгладить возникшую напряженность. Чан даже сказал Стиллуэllu, что тот имеет право снимать с должности и наказывать любого китайского офицера. Казалось, инцидент исчерпан: на фотографиях, сделанных 7 апреля, не видно никакого напряжения между ними, все трое широко улыбаются.

Но вскоре ситуация изменилась в связи с тем, что в начале мая английские и китайские войска потерпели сокрушительное поражение в Бирме, и Стиллуэлл вместе с остатками своих армий вынужден был в течение двадцати дней пешком через джунгли пробираться в Индию. В Чунцин он вернулся только в начале июня 1942 года, страшно исхудавший (он потерял десять килограммов) и озлобленный. В поражении он винил Чана, не отвечавшего на его телеграммы и посылавшего ему из Чунцина

«бессмысленные» приказы (например, отступить не в Индию, а к границе Китая, где китайские войска могли попасть в окружение). Именно так и произошло с теми, кто подчинился приказу генералиссимуса: японцы их окружили и рассеяли. Чан был вынужден согласиться со Стиллуэллом. Понятно, что Чан «потерял лицо», а этого он не мог простить американскому генералу.

Несколько дней Стиллуэлл почти безвылазно провел в своей резиденции — в том самом доме Т. В. Суна, где до него гостили Керри и Латтимор (по адресу: деревня Цзялин, 3^[104]). Из окон этого красивого, современного особняка открывался захватывающий вид на долину реки Цзялинцзян и окрестные холмы, но «Уксусному Джо» было не до любования пейзажами. В его дневнике появляется все больше негативных характеристик Чана, даже злобных выпадов против него: «Китайское правительство — это структура, основанная на страхе и фаворитизме, находящаяся в руках невежественного, деспотичного и упрямого человека. Она сплетена из семейных и финансовых нитей и связей, которые легко разорвут ее на части, если за них потянуть... Он <Чан>, исходя из своей «интуиции», может перепрыгнуть через логику и смысл; он отвергает общеизвестные принципы и методы, говоря, что китайская психология другая... И его упрямство отвергает дискуссию. По существу, он потерял какую бы то ни было способность к дискуссии, потому что все вокруг него — подпевалы. Никто не осмеливается сказать ему неприятную правду, так как он разозлится. Он в огромной опасности».

15 июня конфликт вырвался наружу. В разговоре с Чаном Стиллуэлл вдруг вспылел, так что Мэйлин пришлось его успокаивать. Чан сдержался, но через три дня излил свое негодование в письме Т. В. Суну в Вашингтон. А через неделю уже открыто выразил недовольство политикой США. Как раз в то время Рузвельт принял решение направить американские войска, дислоцированные в Индии, в Северную Африку на помощь англичанам, сражавшимся против лучшего немецкого полководца, фельдмаршала Эрвина Роммеля. Чан Кайши, обидевшись на то, что американцы, с его точки зрения, не считаются с интересами антияпонской войны, через Стиллуэлла потребовал от Рузвельта до конца августа направить три американские дивизии на границу Индии и Бирмы, предоставить Китаю не менее пятисот самолетов и ежемесячно переправлять до пяти тысяч тонн грузов. В противном случае он намекал на возможность капитуляции перед врагом. Чан попросил Стиллуэлла поставить перед Рузвельтом вопрос: «Заинтересованы ли США в сохранении китайского театра боевых действий?»

Стилуэлл расценил это как «ультиматум», о чем с неудовольствием заявил Мэйлин (которую в то время часто за глаза называл «Мадамиссима», «Гранд-дама» или даже «Мадам императрица»). Никакие «ультиматумы» своему президенту он передавать не хотел, тем более что поражение в Бирме привело к закрытию «дороги жизни» и почти полной блокаде Китая. Если в течение 1941 года ежемесячные поставки в Китай возросли с четырех тысяч до почти пятнадцати тысяч тонн американских грузов, то теперь даже пять тысяч тонн казались ему нереальными. Ведь отныне с Китаем существовало только воздушное сообщение через Индию и Гималаи.

Стилуэлл заявил Мэйлин, что он солдат, а не «резиновый штамп» или «почтовое агентство». Та вспылила и доложила обо всем Чану. В общем, получился скандал, и «Укусный Джо» даже заболел: всю ночь у него были рези в желудке, и он то и дело бегал в сортир.

Но Рузвельт поддержал своего генерал-лейтенанта, и конфликт вроде бы удалось потушить. Хотя с того времени Стилуэлл стал именовать Чана в своем дневнике не иначе как «Мелочь пузатая», а в письме жене довольно смешно назвал китайских бюрократов (*officialdom*) «официальными дураками» (*officialdumb*).

В сентябре, однако, Рузвельт проинформировал Чана, что может прислать хоть и не 500, но все же 265 самолетов и постарается довести объем грузов до пяти тысяч тонн. После этого умная Мэйлин старалась сглаживать противоречия между мужем и «Укусным Джо» и даже иногда принимала сторону Стилуэлла, который, правда, с октября стал появляться в Чунцине лишь наездами, поскольку Чан предоставил ему полный контроль над китайскими войсками, переброшенными в Индию.

А вскоре Чану стало совсем не до Стилуэлла, так как у него опять возникли проблемы на семейном фронте. В начале октября его жена неожиданно закрутила роман с прибывшим в Чунцин высоким гостем — личным посланцем Рузвельта Уэнделлом Уилки, совершавшим тогда турне вокруг света. В ноябре 1940-го он как кандидат в президенты США от Республиканской партии проиграл Рузвельту с огромным счетом: за него подали голоса 82 выборщика, в то время как за действующего президента — 449. Но Уилки не унывал, собираясь принять участие в следующих выборах в 1944 году. И он имел шансы стать президентом: он был очень красив, нравился женщинам и, как бы то ни было, в 1940-м за него все же проголосовали почти двадцать два с половиной миллиона американцев (из пятидесяти миллионов, пришедших на избирательные участки).

Уилки провел в Китае шесть дней и за это время несколько раз

встречался с Чаном и Мэйлин, беседуя на разные темы — от индустриализации Китая до войны на советско-германском фронте. Чан его очаровал: «Генералиссимус, как человек и вождь, превосходит даже свою легендарную репутацию... Если он не в военной форме, он носит китайскую одежду, и это усиливает то впечатление, которое он производит: он кажется ученым — почти клириком — более, нежели политическим деятелем. Он несомненно подготовленный слушатель, привыкший заимствовать идеи. Он качает головой в знак согласия, повторяя мягкое короткое «да, да»; это тонкий комплимент, разоружающий беседующего с ним человека... и завоевывающий его в определенной мере на сторону Чана... Он, без сомнения, искренен, и в его достоинстве и внутренней невозмутимости есть что-то почти жесткое».

Но еще больше пятидесятилетнему ловеласу Уилки понравилась Мэйлин — «одна из наиболее прекрасных, образованных и сексуальных женщин». Понравилась настолько, что он недолго думая соблазнил 45-летнюю красавицу, уведя ее из-под носа генералиссимуса. Вернувшись в Штаты, он, правда, уверял, что уединялся с женой Чан Кайши лишь для того, чтобы в тиши «решать проблемы мироздания».

Возможно, и так. Но, судя по рассказу основателя журнала «Лук» Гарднера Коулза, сопровождавшего Уилки в поездке, эти проблемы не были главными. Вот что он рассказывает:

«Однажды вечером в Чунцине генералиссимус устроил грандиозный прием в нашу честь... Где-то через час (после начала торжеств. — А. П.)... он <Уилки> шепнул мне, что исчезнет вместе с мадам через несколько минут, попросив... прикрыть его. Я устроился рядом с генералиссимусом и каждый раз, когда чувствовал, что его внимание отвлекается, сыпал вопросами о Китае. Он <Чан> оставался на приеме еще час, а затем вдруг, хлопнув в ладоши, позвал помощника. Он собрался уходить, и я решил сделать то же самое. Мой помощник проводил меня назад в дом <Т. В.> Суна, где мы остановились... Мне было интересно, куда подевались Уэнделл и мадам. К девяти часам я начал волноваться... А вскоре... во дворе послышался сильный шум. В дом ворвался генералиссимус, явно разгневанный, в сопровождении трех охранников с пистолетами-пулеметами Томпсона. Стараясь сдержать гнев, генералиссимус холодно поклонился, и я ответил тем же.

— Где Уилки? — спросил он».

Коулз ответил, что не имеет понятия. Тогда Чан обыскал дом, но никого не найдя, удалился. Казалось, он успокоился.

Уилки же появился только в четыре часа утра, довольный, как

«молодой студентик после успешной ночи с девочкой». Он, рассказав Коулзу о своем походе, заявил, что «никогда ничего подобного не испытывал» и вообще «первый раз в жизни влюблен». А потом добавил, что уговорил мадам поехать с ним в Вашингтон. Коулз взорвался:

— Ведь вас на аэродроме будут встречать жена и сын! Появление мадам разрушит вашу репутацию. Как же вы будете баллотироваться в 1944 году?

Поразмыслив, Уилки согласился с этим доводом и попросил Коулза сходить к Мэйлин, чтобы замять дело:

— У нее есть квартира на верхнем этаже больницы для женщин и детей здесь в городе. (Именно там у них проходило рандеву.)

Но визит Коулза к Мэйлин был не вполне удачным. Услышав, что Уилки передумал брать ее с собой, «Белоснежка» подскочила к основателю «Лука» и, не скрывая ярости, расцарапала ему обе щеки своими длинными ногтями.

Что там произошло дальше, никто не знает. Но хотя Мэйлин и не полетела в Штаты на одном самолете с Уилки, ни он, ни она не захотели прервать отношения. Перед тем как уехать, Уилки официально пригласил «Мадамиссиму» посетить Америку в ближайшее время. «С ее умом и шармом, щедрым и мудрым сердцем, благородными и прекрасными манерами и поведением, а также с горячей убежденностью <в своей правоте>, она как раз тот гость, который нам нужен», — сказал он Кун Сянси и его жене Айлин.

Как благое для Китая дело поездки Мэйлин в Штаты была представлена и Чану. И тот скрепя сердце согласился. Возможно, просто отказывался поверить в любовную связь жены с кандидатом в президенты США, а может быть, жертвовал личным ради общественного.

Скорее всего, второе. Ведь Мэйлин не очень-то и скрывала свою связь. В тот день, когда Уилки улетал из Чунцина, она опять встречалась с ним наедине: они провели вместе почти полтора часа. А затем не только поехала на аэродром проводить его, но и на глазах у всех Уилки запечатлел у нее на губах страстный поцелуй. И это в Китае, где даже мужу с женой считалось неприличным демонстрировать чувства на публике!

Через некоторое же время Мэйлин заявила мужу, что ей срочно нужно поехать в США «на лечение». И врачи тут же обнаружили у нее массу болезней, убедив Чана в том, что только в Штатах ее смогут вылечить.

Слов нет, Мэйлин действительно была не вполне здорова, но настолько ли серьезно она болела, чтобы ей срочно требовалась госпитализация в одной из клиник Нью-Йорка, — неизвестно. Как бы то ни

было, но в середине ноября 1942 года она надолго улетела в США. С собой она взяла любимую племянницу Жанетт, секретаршу Перл Чэнь, врача, трех медсестер и заместителя заведующего отделом пропаганды Центрального исполкома Гоминьдана Холлингтона Дуна — в качестве личного пресс-секретаря. В самолет ее внесли на носилках, дабы ни у кого не возникало сомнений относительно ее тяжелого физического состояния.

Между тем наступил 1943 год, принесший Китаю великую весть: 11 января Соединенные Штаты и Великобритания отменили неравноправные договоры с ним, заключив новые соглашения.

Этому событию Чан Кайши посвятил две работы — «Судьба Китая» (книга вышла в свет 10 марта 1943 года — к восемнадцатой годовщине смерти Сунь Ятсена^[105]) и «Китайская экономическая теория», опубликованная вскоре.

Обе книги были посвящены вопросу, как Китайской Республике следует развиваться в новых международных условиях. В них Чан сформулировал собственную парадигму общественного прогресса, представив жестко этатистскую интерпретацию общественно-политических идей Сунь Ятсена — «трех народных принципов» (национализм, народовластие и народное благосостояние). Чан, по сути, выступил апологетом некоего нового авторитаризма, объявив — в развитие идей Суня — необходимым усиление в Китае государственного контроля над экономикой и частное предпринимательство в духе традиционной, присущей восточному деспотизму, системы государственной монополии, резкое ограничение иностранных инвестиций, коллективизацию сельского хозяйства, укрепление политической монополии Гоминьдана и искоренение диссидентов.

По заданию Чан Кайши черновики обеих работ были подготовлены к печати Тао Сишэном, 44-летним бывшим профессором целого ряда китайских университетов, в том числе Пекинского.

Наибольшее значение Чан придавал первой книге, «Судьба Китая»; задание подготовить рукопись он дал Тао Сишэну 10 октября 1942 года, в день тридцать первой годовщины Синьхайской революции, — вскоре после того, как узнал о намерении США и Великобритании в будущем году отменить право экстерриториальности в Китае. В начале 1943-го Тао подготовил рукопись, и Чан сам внимательно ее отредактировал. В итоге он остался «очень доволен».

Ее начальный тираж составил 200 тысяч экземпляров, продажная цена была искусственно заниженной, чтобы ускорить распространение. Книгу

тут же включили в университетские программы и признали своего рода катехизисом гоминьдановца. Через десять дней Чан лично потребовал, чтобы книгу начали изучать во всех средних школах, директора которых должны были отчитаться о проделанной работе. А еще через десять дней он решил, что книгу должны проштудировать и все высшие офицеры. До конца 1943 года «Судьба Китая» была переиздана 200 раз.

Тогда же министерство информации Китая распространило в Нью-Йорке краткое содержание книги на английском языке, а китайская англоязычная газета «Вест Чайна мишионэри ньюс» («Новости миссионеров Западного Китая»), издававшаяся в Чэнду, опубликовала ее отдельные части. Полный англоязычный перевод, однако, китайское правительство не опубликовало, несмотря на то, что он был готов тогда же, в 1943 году. В дело вмешалась Мэйлин, вернувшаяся из Штатов 4 июля после семимесячного отсутствия и посоветовавшая мужу не делать этого, принимая во внимание откровенно антизападный и антилиберальный характер работы. Некоторые замечания Мэйлин были учтены Чан Кайши при переиздании книги на китайском языке в январе 1944 года, однако англоязычный перевод так тогда и не вышел в Китае.

К англоязычному изданию «Судьбы Китая» не стремились и правительства западных стран, хотя в Государственном департаменте США такой перевод был сделан, но хранился в архиве под грифом «Совершенно секретно». Характерно, что когда в январе 1946 года шесть конгрессменов обратились в Госдеп с запросом дать им возможность ознакомиться с переводом книги, им ответили, что надлежащий момент для предания текста гласности еще не наступил.

Два полных англоязычных перевода «Судьбы Китая» вышли в Нью-Йорке лишь спустя три года после исправленного китайского издания. И тот и другой — примерно в одно время, в начале 1947-го. Первый, тот самый гоминьдановский, подготовленный еще в 1943 году, сопровождался восторженными комментариями известного американского журналиста китайского происхождения Линь Юйтана, а второй — новый, независимый — яростными обвинениями Чан Кайши в фашизме и прочих грехах со стороны американского сталиниста Филиппа Джаффе, одного из издателей прокоммунистического журнала «Амэрейша». Джаффе даже сравнил эту книгу с гитлеровской «Майн камф» («Моя борьба»). Он же издал в 1947 году и первый англоязычный перевод «Китайской экономической теории», тоже с убийственными ремарками. Как «нацистскую» писанину, «оскорбляющую» читателя, книги Чан Кайши восприняли тогда все западные либералы.

В советской и российской историографии книги Чан Кайши тоже считаются «фашистскими», «реакционными» и «ксенофобскими». Известный историк Арлен Ваагович Меликсетов называл содержащиеся в них идеи «утопическими» и «сомнительными».

Но так ли все это на самом деле? Можно ли чановский авторитаризм приравнять к фашизму или считать утопическим? никоим образом.

В своих книгах Чан Кайши действительно стремился показать, что Китай не готов ни к какой демократии, так как в силу особенностей своего исторического развития вообще чужд западной идеологии и политики. Большая часть «Судьбы Китая», как и менее объемной «Китайской экономической теории» посвящены тотальной критике Запада, включая западные принципы рыночной экономики. Но в чем же здесь фашизм или утопизм?

О том же самом, по существу, неоднократно писал и Сунь Ятсен. И Сунь, и Чан, хорошо знавшие китайскую историю и философию, понимали: китайский тип цивилизации отличается от западного прежде всего тем, что китайская экономика, в отличие от западной, рыночной, базирующейся на частной собственности, всегда основывалась на собственности коллективной, персонифицированной в особе правителя. Иными словами, не частные собственники, а государство, неизменно стремившееся монополизировать основные средства производства, прежде всего землю, недра, воду и ирригационную систему, играло основную роль в экономике. Подчеркивая это, Чан Кайши ссылаясь на выдающихся экономистов и философов Китая — Гуань Чжуна (720–645 годы до н. э.), Шан Яна (390–338 годы до н. э.), Фань Чжунъяня (989—1052), Ван Аньши (1021–1086) и Чжан Цзюйчжэна (1525–1582). Каждый из них, служа при дворе разных династий, исходил в своих воззрениях именно из приоритета государства над личностью. «Теории вышеупомянутых экономистов различались между собой, но их характер и цели оставались едиными, — отмечал Чан. — Ни одна из них <этих теорий> не исходила... из каких-либо личностных устремлений отдельного индивидуума или индивидуумов. Все базировались на природе человека, исходили из необходимости национального (то есть государственного. — А. П.) планирования и народного благосостояния... В центре всех их лежала идея экономического планирования и <государственного> контроля <над рынком>». Именно эту идею Чан Кайши и собирался воплотить в жизнь, отвергая как неприменимую к Китаю либеральную западную теорию Адама Смита (*laissezfaire la nature*^[106]). Но об этом писал и Сунь Ятсен: «Социальные явления никогда нельзя предоставлять естественному

течению. Они подобны дереву, которое разрастается хаотически, если не вмешиваться в его развитие».

Отвергая западные ценности, Чан справедливо обращал внимание на то, что китайцы в силу особенностей экономического развития Поднебесной по самой своей социальной психологии коллективисты, поэтому «традиционная философия Китая основана на идее о том, что люди не отдельные личности, не разобщенные «я», а каждый из них — часть множественного «мы».

Именно поэтому, развивая идеи Сунь Ятсена, Чан Кайши представлял будущее идеальное китайское общество следующим образом: частная собственность, как и в сакраментальном прошлом, будет находиться под жестким контролем государства, пресекающего возникновение частнокапиталистических монополий и осуществляющего экономическое планирование; права на землю будут уравнены за счет государственной экспроприации дифференциальной земельной ренты; и крестьянство будет работать в колхозах, своего рода военных поселениях, где все мужчины будут составлять отдельные военизированные отряды (некую народную милицию). Государство, кроме того, возьмет на себя функции посредника в урегулировании споров между рабочими и капиталистами и организацию широко развитой системы социальной помощи населению. «Экономическая обязанность правительства — вспомоществование народу, то есть < осуществление принципа> народного благосостояния, с одной стороны, и защита народа — национальная оборона — с другой», — резюмировал Чан, настаивая на том, что только таким путем Китай сможет прийти к «великой гармонии» или «великому единению» (*датун*), который «воплощает в себе окончательную экономическую цель трех народных принципов». Речь, по сути дела, шла о построении в Китае мирным путем государственного социализма, то есть того самого общества, о котором и мечтал Сунь Ятсен.

Так что Чан никоим образом не отступал от основных идей своего учителя: ведь Сунь Ятсен тоже исходил из необходимости «сохранения... традиций гос<ударственного> регулирования» и утверждал превосходство «кит<айской> цивилизации... над западной».

Не вызывает сомнений, что программа Чан Кайши соответствовала экономическим и социальным особенностям Китая, но он переоценил возможности, открывшиеся перед его страной в связи с предоставлением ей либеральным Западом полной независимости. Отмена неравноправных договоров вовсе не означала, что Чан от имени китайского правительства мог свободно выдвигать теории, шедшие вразрез с либеральными

ценностями, принятыми на демократическом Западе. Тем более в то время, когда во всем мире шла кровопролитная война между тоталитаризмом, ассоциировавшимся в массовом сознании с политическими режимами Германии, Италии и Японии, и демократией, главными поборниками которой считались тогда не только США и Великобритания, но и — парадоксальным образом — СССР.

Как видно, Чан Кайши совершил политическую ошибку. И она была особенно непростительна, потому что за три года до того, в конце 1939-го — начале 1940-го, с диаметрально противоположной интерпретацией идей Сунь Ятсена выступил Мао Цзэдун, объявивший о своем стремлении воплотить в жизнь после прихода к власти так называемую теорию «новой демократии». Вождь китайской компартии заявил о необходимости осуществить в Китае либерально-демократические реформы, отказавшись от борьбы за социалистическую диктатуру. Он обещал полностью гарантировать права частных собственников, стимулировать национальное предпринимательство и привлекать иностранных инвесторов под строгим государственным контролем. Кроме того, призывал к снижению налогов, развитию многопартийной системы, организации коалиционного правительства и осуществлению демократических свобод. От «старой западной демократии» теория «новой демократии» отличалась, по словам Мао Цзэдуна, тем, что должна была проводиться в жизнь под руководством коммунистической партии. Однако компартия Китая недвусмысленно меняла свой имидж, выступая уже не как политическая организация рабочего класса, а как блок единого революционного фронта, стремившийся к объединению «всех классов и слоев населения, которые способны быть революционными». Будущий Китай, утверждал Мао, будет не республикой пролетарской диктатуры, а республикой «объединенной диктатуры нескольких революционных классов»; в ее экономике будут сосуществовать как государственная и кооперативная, так и частнокапиталистическая собственность.

Общественно-политические взгляды Мао и Чана, таким образом, коренным образом различались, по крайней мере на бумаге. Мао Цзэдун представал в образе демократа, в то время как Чан Кайши — диктатора.

Чан явно недооценил степень влияния демократических идей на китайскую общественность. А ведь Китай первой половины XX века отнюдь не был страной, никогда не слышавшей о демократии. Многие факторы в то время стимулировали существенное обновление китайской политической культуры. Среди них были победа антимонархической Синьхайской революции 1911 года, провозглашение республики 1 января

1912 года, принятие Конституции 1912 года, выборы в первый парламент и парламентские дебаты, борьба Сунь Ятсена с Юань Шикаем и его планами реставрации монархии, антияпонское движение 4 мая 1919 года, массовые бойкоты иностранных товаров, а также сотрудничество и противоборство компартии и Гоминьдана в период первого единого фронта 1924–1927 годов. Все эти события усиливали демократические настроения китайской интеллигенции, и именно эта часть общества первая с энтузиазмом приняла «новую демократию». (Не случайно в декабре 1939 года, работая над концепцией «новой демократии», Мао Цзэдун подготовил даже специальное решение о привлечении интеллигенции на сторону партии.)

На самом деле, однако, теория Мао Цзэдуна носила не стратегический, а тактический характер — она основывалась на обмане. «Новодемократический» маневр должен был позволить китайской компартии значительно расширить массовую базу за счет переманивания на свою сторону представителей промежуточных слоев, выступавших против любой диктатуры, как коммунистической, так и гоминьдановской. И в итоге подготовить условия для дальнейшего захвата власти в стране.

Идею такого маневра еще в ноябре 1937 года подсказал Мао Цзэдуну Сталин, развивавший тогда новую тактику всего мирового коммунистического движения. Сталин пытался заставить не только китайских интеллигентов и Чан Кайши, но и весь буржуазный Запад поверить в то, что компартии разных стран — за исключением, понятно, ВКП(б) — начиная с VII конгресса Коминтерна (июль — август 1935 года), отказались от борьбы за социализм, заменив эту цель некоей идеей построения гуманного общества «народной (или новой) демократии».

Иными словами, парадигма общественного прогресса, сформулированная Мао Цзэдуном, являлась фикцией. Ни Мао, ни большинство его сторонников не собирались ее реализовывать. Им важно было ослабить Гоминьдан, заклеив Чан Кайши как диктатора, а себя представив подлинными демократами.

Но Чан, похоже, не отдавал себе в этом полного отчета. А потому напрасно противопоставлял свою стратегическую программу чисто тактическим идеям Мао^[107]. И в то время как Мао, искусно вводя в заблуждение и китайскую, и мировую общественность, непрерывно твердил о необходимости немедленного перехода к «конституционному правлению», Чан, недооценивая произошедшую в ходе войны мощную поляризацию общемировых сил тоталитаризма и демократии, упрямо настаивал, по сути, на незавершенности периода «политической опеки», чем вызывал неудовольствие все более усиливавшихся либеральных кругов

не только в Китае, но и на демократическом Западе.

Реакция западных либералов была особенно опасна. Авторитет Чан Кайши на демократическом Западе стал ослабевать, в то время как авторитет Мао Цзэдуна — возрастать. Этому способствовали и многочисленные публикации западных журналистов о неэффективности и коррумпированности чанкайшистского режима и тяжелейших условиях жизни китайского народа. Особенно сильное впечатление на публику производили античанкайшистские публикации Теодора Уайта, Эдгара Сноу, Т. А. Биссона, Фриды Атли и Агнес Смедли. Все эти живые свидетели в один голос уверяли мир в том, что китайские коммунисты не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Особенно показательна в этой связи статья Т. А. Биссона, прямо утверждавшего, что существуют два Китая: «демократический» — под властью компартии, и «феодальный» — под властью Чан Кайши. В итоге «мрачный диктатор» Чан и его режим неуклонно «теряли очки», проигрывая в глазах многих американцев «либеральному» националисту Мао и его «народному» правительству.

Негативный образ Чан Кайши и его режима постепенно складывался и в Белом доме. И не только под влиянием либеральной и левой прессы, но и на основе конфиденциальной информации, поступавшей от Стилуэлла, посла США Клэренса Эдварда Гаусса, презиравшего Чана^[108], а также второго секретаря посольства Джона Стюарта Сервиса и др. Вновь посетивший Чана осенью 1942 года Латтимор тоже выразил недовольство генералиссимусом — за то, что тот перекладывает бремя войны с Японией на Соединенные Штаты. В то же время близкий друг Рузвельта, его бывший телохранитель капитан Эванс Карлсон, посетивший Яньань еще в мае 1938 года, докладывал президенту США, что Мао — «мечтатель, гений», а «китайская коммунистическая группа (так называемая) — не коммунистическая в том смысле, какой мы вкладываем в этот термин... Я бы назвал их группой либеральных демократов, а может быть, социал-демократов (но не нацистской породы). Они хотят равенства возможностей и честного правительства... Это не коммунизм в нашем понимании». О том, что китайское коммунистическое движение больше похоже «на пробудившихся националистов и аграриев, чем на международный или пролетарский заговор», — сообщал по возвращении в Вашингтон и Уилки.

Немалый урон престижу Чан Кайши и его правительства нанесло и американское турне Мэйлин. Амбициозная мадам хотела сочетать в поездке полезное с приятным: поправить здоровье и вместе с тем развлечься. Сердце Уилки она уже покорила и теперь желала не только продлить роман, но и завоевать остальную Америку. Она намеревалась

произвести на американцев впечатление и как женщина, и как крупный политический деятель для того, чтобы обеспечить своей стране безоговорочную и всестороннюю поддержку со стороны США. Цель, конечно, была благородной, но Мэйлин явно переоценила свой шарм.

Чета Рузвельтов, принявшая мадам Чан сначала очень радушно, к концу ее пребывания уже не знала, как от нее избавиться. Миниатюрная больная женщина первое время вызвала естественную симпатию. Элеонора Рузвельт, посетившая ее в пресвитерианском медицинском центре Колумбийского университета, даже почувствовала желание позаботиться о ней «как о собственной дочери» (миссис Рузвельт была на 14 лет старше Мэйлин). Но когда, выписавшись из госпиталя, мадам Чан по приглашению Рузвельтов 17 февраля 1943 года переехала в Белый дом, президент и его супруга испытали большое разочарование. К тому времени из меморандума директора Федерального бюро расследований Джона Эдгара Гувера (от 15 января 1943 года) Рузвельт уже знал, что «Суны помешаны на деньгах, и их желание приобрести все новые фонды, похоже, определяет каждый их шаг». Гувер обвинял весь клан Сунов в «гигантском заговоре» с целью присвоения кредитов, отпускаемых по ленд-лизу. Организация Сунов, писал он, «очень сплочена и действует беспощадно... Непокорных либо подкупают, либо убивают». «Мозгом» группы, по его словам, являлась сестра мадам Чан — Айлин, жена министра финансов и управляющего Центральным банком Кун Сянси. Гувер высказывал подозрение, что истинной целью приезда мадам Чан в США было не лечение, а контроль за финансовыми потоками из Америки в Китай.

Пуритански настроенных Рузвельтов не могла также не удивить роскошь, в которой предпочитала жить Мэйлин, поражавшая своими драгоценностями и не желавшая спать на хлопчатобумажных простынях, которыми были застелены кровати в Белом доме (она привезла с собой из Китая четыре комплекта шелковых простыней, причем требовала, чтобы горничные меняли их каждый день^[109]). Нескромно вели себя и ее молодые родственники — 23-летняя племянница Жанетт и 26-летний племянник Кун Линкань (Дэвид), приехавший к тетушке из Гарварда. Они тоже поселились в Белом доме — к неудовольствию слуг, которых родственники Мэйлин третировали «как китайских кули» и с которыми, к смущению Рузвельтов, «совсем не хотели быть дружелюбными», как будто тая на них «какую-то обиду», по словам жены президента. Особенно всех поразила Жанетт, задиравшая нос по причине того, что она — прямой потомок Конфуция, и одевавшаяся в мужскую одежду. Рузвельт вначале по ошибке даже назвал ее «мой мальчик». Удивила Рузвельтов и неожиданная

жестокость внешне «доброй, мягкой и хрупкой» Мэйлин, когда за обедом на вопрос президента: «Что бы вы в Китае сделали с таким профсоюзным лидером, как Джон Льюис^[110]?» — миниатюрная мадам молча чиркнула себя по горлу.

В общем, когда в конце февраля 1943 года Мэйлин наконец покинула Белый дом, вернувшись в Нью-Йорк, Рузвельт, по свидетельству вице-президента Генри Эгар-та Уоллеса, вспоминая о ней, всегда «держал пальцы скрещенными» (знак, означающий «чур меня»).

В Нью-Йорке Мэйлин заняла целый этаж в фешиенебельном отеле «Вальдорф Астория» и целыми днями ходила по дорогушим магазинам на Пятой авеню. Уилки заваливал ее цветами и навещал, но их роман оборвался в середине апреля 1943 года, вскоре после публикации его книги о путешествии вокруг света. Книга ли послужила разрыву или что-то еще, нам знать не дано (в книге он писал о Мэйлин только в восторженных тонах). Как бы то ни было, но вскоре после разрыва Мэйлин в частном разговоре с Рузвельтом назвала бывшего любовника «вечным подростком». Забегая вперед скажем, что через год Уилки примет участие в новой президентской гонке, но сойдет с дистанции уже во время праймериз. А вскоре, 8 октября 1944 года, скончается от инфаркта.

А пока, 26 мая 1943 года, советник президента Керри получил от своего информатора сообщение о том, что чеки на сумму в 370 тысяч долларов США — пожертвования, собранные Мэйлин в Америке — положены на счет ее племянника Дэвида Куна. По новой информации, 10 июня деньги ушли на личный счет Мэйлин, где на тот момент числилось 800 тысяч американских долларов.

Чем дольше Мэйлин оставалась в Штатах, тем больше «грязного белья» удавалось обнаружить не только американской контрразведке, но и репортерам. К концу ее пребывания пресса уже кричала о капризах и богатстве «перламутровой красавицы» из Китая. Причем в самой Америке тогда средний уровень жизни был невысок, а в условиях военного времени правительство даже ввело контроль за ценами и нормированием продуктов. И тут такая вызывающая роскошь, да еще в тот момент, когда на родине Мэйлин разразился страшный голод, эпицентром которого стала провинция Хэнань. Американцы с ужасом читали сообщения о гибели сотен тысяч людей и случаях массового каннибализма. И невольно задавались вопросом: «Как же жене Чан Кайши не стыдно демонстрировать свое богатство?»

Конечно, было бы несправедливым считать в целом визит Мэйлин в США провальным. Ее артистические страстные речи в Конгрессе 18

февраля 1943 года наряду с пресс-конференциями и многочисленными выступлениями от Бостона до Лос-Анджелеса способствовали росту симпатий американцев к Китаю и его борьбе за независимость. Но конкретных результатов Мэйлин не добилась: на Рузвельта ее шарм не подействовал, и ничего конкретного он ей не пообещал. Напротив, в ответ на ее попытки заводить с ним разговоры о политике президент лишь улыбался. Он давал ей возможность выступать на всевозможных собраниях, высказываться по всем вопросам, в том числе военной стратегии, агитировать за то, чтобы союзники сначала разгромили Японию, а уж потом Германию, и призывать к увеличению американской помощи Китаю. Но было понятно, что как полноправного правителя Китая он ее не воспринимал, оставляя решение конкретных вопросов до личной встречи с Чан Кайши. В конце ее пребывания в США Рузвельт был уже настолько утомлен, что даже позволил себе заметить одному из конгрессменов: было бы лучше, если бы эта «примадонна» поскорее вернулась домой, чтобы «раздражение» по поводу ее визита «могло улечься».

В общем, длительное американское турне мадам принесло больше вреда, чем пользы, хотя по возвращении в Чунцин в начале июля 1943 года Мэйлин и заявила на пресс-конференции о «колоссальном духовном подъеме», который она испытала от проявления «спонтанных чувств доброй воли» американского народа. Но это была хорошая мина при плохой игре.

А тем временем Рузвельт стал прорабатывать идею личной встречи с Чан Кайши, который к тому времени занял в Китае уже все высшие посты: в августе 1943 года после гибели в автомобильной катастрофе 75-летнего Линь Сэня он получил и пост председателя правительства.

Рузвельт уже давно хотел пригласить Чан Кайши хотя бы на одну из тех встреч в верхах, которые проводились между главами союзных держав, чтобы обсудить общую военную стратегию. Но из-за противодействия Черчилля, не желавшего признавать Китай великой державой, Чана не пригласили ни на встречу в марокканской Касабланке в январе 1943 года, ни на саммит в канадском Квебек-Сити в августе того же года. Чан, конечно, был страшно обижен.

Свое недовольство он выражал в дневнике, а также срывал зло на Стилуэлле, отношения с которым к осени 1943 года оказались на грани разрыва. В начале октября через Т. В. Суна Чан потребовал у Рузвельта отзыва строптивного генерала Стилуэлла. Президент США не возражал, но, желая смягчить противоречия, передал Чану приглашение принять участие в следующей встрече союзников — в Каире в ноябре 1943-го. Это

приглашение доставил Чану генерал-майор Патрик Дж. Хэрли, бывший министр обороны США, которого Рузвельт специально для этого послал в Чунцин. Ожидалось, что на каирскую встречу прибудет не только Черчилль, но и Сталин. (Вождь СССР, правда, вскоре отказался, не желая раздражать японцев своей встречей с Чан Кайши, поскольку у СССР с Японией, как мы помним, был подписан пакт о нейтралитете. Рузвельт приглашал и Молотова, но тот, понятно, тоже не приехал. В итоге было решено, что Рузвельт и Черчилль встретятся со Сталиным сразу после Каира, в Тегеране.)

Вряд ли стоит говорить, что Чан Кайши с радостью согласился и даже решил не отправлять Стилуэлла в отставку.

21 ноября он прибыл в Каир. Конечно, вместе с Мэйлин, несмотря на то что она опять была больна. Чан, конечно, волновался о жене, но был в приподнятом настроении: впервые в истории лидер Китая на равных должен был участвовать в саммите с главами двух ведущих держав!

Сама конференция была короткой: четыре дня, с 23 по 26 ноября 1943 года, но для Чан Кайши и для Китая она действительно имела колоссальное значение. Чан смог наконец встретиться и с Рузвельтом, и с Черчиллем — как в формальной, так и в неформальной обстановке. Он смог составить о них личное мнение, а также решить ряд важнейших вопросов. Рузвельт ему очень понравился, а вот Черчилль — нет: «Он политик английского типа, классический представитель англо-саксонской нации. И по своим идеям, и по моральным качествам, и по характеру его никак нельзя поставить рядом с президентом Рузвельтом. Узколобый и склизкий эгоист и упрямец».

Интересно, что у Черчилля, напротив, сложилось о Чане довольно хорошее впечатление, а вот у Рузвельта — не совсем. Президенту США не понравилось то, что Чан старался вытянуть из него как можно больше средств и вооружений, а сам отнюдь не собирался использовать их против японцев. Несмотря на то что Чан накануне конференции записал в дневнике, что воздержится от каких бы то ни было просьб к американскому президенту, он 26 ноября 1943 года послал к Рузвельту свою жену, с тем чтобы она «выцыганила» у него целый миллиард золотых долларов!

Рузвельт почувствовал, что Чан хочет его обмануть, «припрятав» деньги и оружие для послевоенной борьбы с коммунистами. А он, понятно, не собирался таскать для Чана, саботировавшего, по его мнению, войну с японцами, каштаны из огня. Во время встреч в Каире Рузвельт делал все возможное, чтобы убедить Чана не конфликтовать с коммунистами, сконцентрировав усилия на борьбе с японцами. Он даже поставил это условием дальнейшей поддержки Китая, потребовав, чтобы Чан

«сформировал объединенное правительство с яньаньскими коммунистами пока еще идет война» (выделено в документе. — А. П). Чан обещал — если Рузвельт даст гарантии, что СССР будет уважать границы Маньчжурии, а англичане и другие иностранцы не будут иметь особые права в Гонконге, Шанхае и Кантоне. Рузвельт согласился.

Сразу после Каирской конференции, 27 ноября 1943 года, на рассвете, Рузвельт и Черчилль вылетели в Тегеран, попросив Чана и Мэйлин задержаться в Каире: они планировали вернуться туда, чтобы еще раз скоординировать с ними стратегию уже после Тегеранского саммита со Сталиным. Но супруги отказались и в тот же день, 27-го, вылетели из Каира домой. Рузвельт, прилетев в Тегеран, сообщил Сталину о договоренностях с Чан Кайши по поводу коммунистов и о его просьбах к СССР соблюдать границы Маньчжурии. И советский вождь на все это согласно кивнул головой.

Но вернувшись поздно вечером 2 декабря в Каир, Рузвельт вновь стал сомневаться в надежности Чан Кайши. И через четыре дня вызвал Стилуэлла, тоже присутствовавшего на саммите, чтобы тот рассказал ему все, что думает о Чане. Можно представить, что «Уксусный Джо» наговорил президенту! В итоге Рузвельт велел ему сделать все возможное, чтобы «Китай продолжал воевать», добавив: «А если Чан полностью обанкротится, поддержите кого-нибудь другого». Стилуэлл воспринял слова президента как приказ подготовить план покушения на Чан Кайши, чтобы в соответствующий момент привести его в исполнение. Вернувшись с саммита, он сказал своему заместителю, полковнику Фрэнку Дорну: «Большой мальчик сыт по горло Чаном и его истериками». И через две недели план был готов. Но Стилуэлл так и не получил приказ из Вашингтона на его исполнение.

А Чан между тем, ни о чем не подозревая, благополучно вернулся в Чунцин. Он остался доволен результатами саммита. Ведь в итоговую декларацию был вписан очень важный для всех китайцев параграф: «Все территории, отнятые Японией у Китая, такие как Маньчжурия, Формоза <Тайвань> и Пескадорские острова, будут <после войны> возвращены Китайской Республике». И Рузвельт, и Черчилль согласились на это.

Это был звездный час Чан Кайши. И генералиссимус был горд и счастлив, даже не заметив, что во время встречи в Каире недоверие Рузвельта и к самому Чану, и к его режиму, вызванное визитом Мэйлин в США, усилилось. Так что можно только сожалеть, что, вернувшись из Каира домой, Чан не вспомнил слова мудрого Лаоцзы: «Добившись успеха — отступай. В этом — Путь Неба».

Горький вкус победы

Вечером 7 декабря 1943 года, через шесть дней после возвращения в Чунцин, Чан Кайши ужинал со старшим сыном в Хуаншани. Они мирно беседовали, когда Чану принесли секретную телеграмму Рузвельта, из которой он узнал, что на позднюю весну 1944 года союзники запланировали операцию «Оверлорд» («Повелитель»), то есть высадку войск в Нормандии. Об этом Рузвельт и Черчилль в Тегеране договорились со Сталиным, настаивавшим на открытии второго фронта против нацистской Германии.

Чан был страшно разочарован. Ведь всего за несколько дней до того в Каире Рузвельт заверил его, что весной 1944 года союзники высадят морской десант на юге Бирмы, осуществив операцию под кодовым названием «Бакканир» («Пират»). Цель операции заключалась в снятии блокады Китая путем восстановления британского контроля над бирманской «дорогой жизни». Правда, ее детали Рузвельт обсуждал с Чан Кайши без согласия Черчилля, который был решительно против высадки в Бирме. Поэтому неудивительно, что в Тегеране Черчилль поддержал Сталина, так что президенту США ничего не оставалось, как согласиться с главными партнерами по антигитлеровской коалиции. И Чану теперь он предлагал подождать с операцией «Пират» до ноября 1944 года.

Не в силах сдержать себя, Чан Кайши 8–9 декабря 1943 года набросал Рузвельту резкое письмо, вновь пригрозив капитулировать перед японцами: «Если китайская армия и народ сейчас узнают о радикальном изменении в политике и стратегии, они будут настолько обескуражены, что, боюсь, это скажется на способности Китая дальше вести войну». Он также заметил, что японцы не преминут воспользоваться ситуацией, и пока союзники будут заняты войной в Европе, несомненно начнут «в наступающем году... генеральное наступление против Китая». Понимая, однако, что Рузвельт не пойдет против Сталина и Черчилля, он призвал президента США доказать «искреннюю заботу о китайском театре военных действий», потребовав чуть ли не в ультимативной форме в качестве компенсации предоставить ему (Чану) заём в миллиард золотых долларов, удвоить количество американских самолетов в Китае и довести поставки через Гималаи до 20 тысяч тонн в месяц.

Ответа он не дождался, а потому 17 декабря, очевидно, испугавшись, послал Рузвельту новое, более спокойное письмо, согласившись подождать

с операцией «Пират» до ноября 1944 года. Вместе с тем вновь, уже умоляя, попросил, как можно скорее предоставить ему финансовые средства и вооружение.

Рузвельт коротко ответил только 18 декабря: «Я беседовал с министерством финансов и телеграфирую Вам в понедельник <20 декабря>». И действительно, 20-го через Стилуэлла отправил развернутый ответ (Чан получил его на следующий день вечером). Исходя из того, что американцы уже в несколько раз увеличили поставки через Гималаи (в декабре 1943 года они переправили в Китай почти тринадцать с половиной тонн грузов — в два раза больше, чем за весь 1942 год), президент отклонил соответствующую просьбу Чана. Отказом ответил Рузвельт и на просьбу удвоить число американских самолетов в Китае, а насчет займа почему-то написал, что вопрос все еще «прорабатывается министерством финансов», хотя еще 18-го получил от министра финансов категоричный ответ, в котором черным по белому говорилось: «Заём Китаю... не может быть оправдан». (Кстати, фраза о том, что вопрос о займе «прорабатывается министерством финансов», была вписана в текст письма самим президентом. В проекте письма, подготовленного его секретарями, говорилось, что этот вопрос «сейчас серьезно рассматривается мною».)

Это, конечно, разочаровало Чана, так как ему позарез нужна была либо бирманская «дорога жизни», либо доллары, а лучше и то и другое, чтобы в первую очередь остановить катастрофические темпы инфляции, грозившие свободному Китаю экономическим коллапсом. В письме Рузвельту от 9 декабря он откровенно написал, что «экономическое положение Китая хуже, чем военное», и был прав. Если в 1939 году оптовые цены в Чунцине, где экономическая ситуация была еще не самой худшей, увеличились по сравнению с 1938 годом на 99 процентов, то в 1940 году — еще на 301 процент, в 1941 году — на 144 процента, в 1942 году — на 154 процента, а в 1943 году — еще на 192 процента. (Для сравнения — ежегодный уровень инфляции в США составлял тогда только 9,6 процента, в Англии — 4,4 процента, а в нацистской Германии за весь период 1939–1943 годов цены выросли лишь на 10 процентов.)

Еще более резким был рост розничных цен. Житель Чунцина рассказывает: «Когда началась война в 1937 году... за три китайских доллара давали один американский. К 1939 году официальный курс вырос до шести за один; цены удвоились соответственно. Но к весне 1940 года цены вновь возросли в два раза, а к концу осени того же года — еще в два. К июню же 1941 года... цены были уже в шестнадцать раз выше, чем в начале войны... а осенью 1942 года — в тридцать два раза. К зиме же 1942

года они возросли в шестьдесят четыре раза по сравнению с довоенными... Ко времени вступления Америки в войну <7 декабря 1941 го-да> официальный курс вырос до двадцати китайских долларов за один американский. Но так как китайская валюта обесценилась, реальный курс составлял сто к одному; к началу же 1944 года он был уже двести к одному».

В январе 1943 года чанкайшистское правительство установило жесткий контроль над ценами (их потолок не должен был превышать уровня цен на 30 ноября 1942 года), но это только ухудшило ситуацию, так как многие товары начали исчезать с прилавков, а предприятия — закрываться. Кому хотелось работать в убыток? Ведь отрез полотна, например, стал официально стоить дешевле, чем хлопок, из которого его изготавливали.

Чан прибегнул к репрессивным мерам, начав расстреливать спекулянтов, бороться с черным рынком и конфисковывать товары, продававшиеся по ценам выше установленных. Но реальные цены продолжали расти: с ноября 1942-го по январь 1943 года они выросли на 12 процентов, а под конец декабря 1943 года — более чем на 200 процентов. И если в Чунцине стоимость жизни с июля 1937-го по конец 1938 года возросла всего на 40 процентов, а с января 1939-го по декабрь 1942-го — в 48 раз, то за один 1943 год она увеличилась в целых 208 раз!

Причины инфляции заключались прежде всего в страшнейшем дефиците государственного бюджета, вызванном войной. Не будучи в состоянии оплатить расходы на армию, вооружение, капитальное строительство, чиновников и других бюджетников, правительство пускало в оборот все больше бумажных денег, ничем не обеспеченных. В 1943 году, например, было напечатано 42 миллиарда китайских долларов — в два раза больше, чем в 1942-м.

Не менее важную роль играло и сокращение товарной массы из-за блокады Китая японцами и оккупации значительной территории страны. Существенным фактором являлось и увеличение покупательского спроса в связи с резким ростом населения свободных районов за счет притока беженцев (только с 1937 по 1940 год население свободного Китая увеличилось на четверть). Кроме того, правительство не могло организовать централизованный сбор налогов с территории, формально находившейся под его контролем: этому противились региональные власти.

Инфляция, естественно, увеличивала масштабы коррупции, пронизывавшей общество сверху донизу. О серьезности проблемы свидетельствует, например, тот факт, что в конце 1943 года секретная

полиция «китайского Гиммлера» Дай Ли раскрыла заговор молодых офицеров, планировавших арестовать Чан Кайши в Куньмине по возвращении с Каирской конференции, чтобы заставить его очистить правительство от коррупционеров, в первую очередь — от Кун Сянси, министра обороны и начальника генштаба Хэ Инциня и братьев Чэнь Гофу и Чэнь Лифу. Похоже, это была попытка нового *бинцзянь* («увещевания с помощью солдат»), но она не удалась, и несколько сотен офицеров арестовали, а их вождей, в том числе 16 генералов, расстреляли.

Чан просто не знал, что делать. Как же можно было пресечь коррупцию, если, например, в городе Чэнду в 1943 году цены по сравнению с довоенными выросли в 174 раза, а зарплата даже профессоров — только в девятнадцать? Для тех, кто сидел на зарплате, было только два выхода из положения — воровать или брать взятки. «Ни один чиновник не мог долго оставаться честным, — вспоминает очевидец. — ...Инфляция сделала со средним классом в городах и университетах то же, что голод сделал с крестьянами в Хэнани: вся их лояльность < Гоминьдану > испарилась и осталось только одно желание — выжить».

А как можно было остановить коррупцию в вооруженных силах, если национальное правительство не в состоянии было обеспечить солдат ни деньгами, ни продовольствием? К 1944 году военнослужащие, включая генералов, на линии фронта почти повсеместно торговали с неприятелем, особенно с военнослужащими марионеточных войск, с которыми могли найти общий язык. Кроме того, они нещадно обирали местное население, что часто вызывало крестьянские бунты. В дополнение ко всему офицеры и старослужащие измывались над рекрутами (в которые с августа 1944 года стали набирать даже студентов средних учебных заведений): били, отбирали у них еду, жалованье и даже убивали. Нередко солдаты умирали и от истощения.

В первый день нового, 1944 года Чан Кайши открыл свой дневник цитатой из Конфуция: «Кунцзы <Учитель Кун> сказал Цзы Чжану^[111]: «Надо почитать пять хороших и избавляться от четырех скверных качеств, и тогда можно успешно управлять государством. Благородный муж добр, но не расточителен; он понуждает народ к труду, но не вызывает гнева на вышестоящих; он желает обрести, но не ради корысти; он величав, но не высокомерен: грозен, но не свиреп».

В качестве примера такого благородного мужа Чан привел своего старшего сына. Но таких работников, как Цзинго, всеми силами старавшегося превратить Южную Цзянси в образцовый район, поднимавшегося в четыре-пять утра, а ложившегося спать в два часа ночи,

в Китае было очень мало, так что все надежды в преодолении финансово-экономического кризиса Чан возлагал на помощь США.

Однако 5 января 1944 года Рузвельт известил генералиссимуса о том, что министерство финансов отказало ему в миллиардном займе. Обиженный Чан не отвечал десять дней, а затем вручил послу Гауссу резкий ответ, в котором, во-первых, заявил о том, что министерство финансов США ведет себя не так, как положено союзнику, а во-вторых, потребовал, чтобы американцы в таком случае сами оплачивали расходы на содержание своих войск, дислоцированных в Китае, сами строили и ремонтировали аэродромы и другие военные объекты. Причем расплачивались по официальному курсу — 20 китайских долларов за один американский. Он не мог совладать с собой и, передавая письмо, «серьезно предупредил» посла, что «ситуация сейчас несравнимо хуже, чем в прошлом году... и если США не могут помочь Китаю деньгами, то американская армия должна будет опираться на собственные силы, начиная с 1 марта 1944 года».

Он также добавил, что Китай «не мелкий воришка и не грабитель с большой дороги», чем вызвал улыбки и у посла, и у сопровождавшего его советника посольства Джорджа Атчесона-мл., а также пригрозил, что его страну ждет «неминуемый экономический и военный коллапс».

Американцы не отказывались оплачивать пребывание своих войск в Китае, однако требование производить расчеты по нереальному курсу 20:1 было для них, разумеется, неприемлемо. Гаусс, ссылаясь на мнение американского советника китайского правительства, предлагал потребовать от Чана принять курс 60:1 или 75:1, что тоже было весьма убыточно для Америки, но все же более реалистично.

20 января Рузвельт вежливо заметил Чан Кайши, что «не надо принимать скоропалительных решений, не соответствующих интересам ни одного из наших народов», сообщив, что правительство США будет тратить на содержание своих войск в Китае 25 миллионов американских долларов и ни цента больше, при этом ничего не сказал об обменном курсе. При сохранении обменного курса 20:1 это означало, что американские военнослужащие (а их насчитывалось в Китае несколько тысяч) не могли бы свести концы с концами и неизбежно покинули бы страну.

Вопрос с обменным курсом так и остался не решен: министр финансов Кун Сянси согласился поднять его только в два раза. Но это, понятно, не устроило американцев. В результате самим китайцам пришлось предоставить на содержание американских войск в течение трех весенних месяцев 1944 года 15 миллиардов китайских долларов. Реальный обменный

курс в то время уже составлял 230:1.

Для дальнейшего обсуждения финансовых проблем в Вашингтон в июне 1944 года вылетел Кун Сянси. К этому любителю дорогих сигар, однако, в Белом доме относились с недоверием, даже презрением. И не только из-за его невероятной коррумпированности, но и потому, что этот низкорослый толстяк, с точки зрения работавших с ним американцев, был плохим экономистом — на уровне менялы с набережной Банд в Шанхае. Не случайно его американский советник говорил: «Проблема Китая не в том, что генералиссимус не разбирается в экономике, а в том, что в ней не разбирается его министр финансов». Известно, например, что Кун в одном из интервью журналисту Уайту восклицал: «В Китае нет никакой инфляции! Если люди хотят платить двадцать тысяч долларов за авторучку, это их дело, это не инфляция. Они сумасшедшие, вот и все. Пусть не платят». Да, Чана можно было пожалеть.

Между тем весной 1944 года катастрофически ухудшилась ситуация на китайском фронте. В апреле японцы прорвали хэнаньский фронт, развернув стремительное наступление, и Чану пришлось заниматься исключительно военными делами. План японских «карликов» был ясен: установить полный контроль над Бэйпин-ханькоуской, Учан-кантонской и Хэньян-гуйлиньской железными дорогами, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение армии и гражданского населения Японии сырьем, добываемым в Юго-Восточной Азии, прежде всего нефтью. Дело в том, что начиная с лета 1942 года японцы терпели одно поражение за другим от американцев на Тихом океане. В итоге транспортные суда Японии уже не могли эффективно осуществлять транспортировку грузов: авиация союзников успешно топила японские танкеры, и к концу 1943 года морские перевозки Страны восходящего солнца сократились на 77 процентов. Надо было срочно менять трафик, а потому японцы 22 ноября 1943 года разработали план кампании по соединению северных территорий оккупированного Китая с южными. Они хотели захватить огромный район — от бассейна реки Хуанхэ до Индокитая. Кроме того, им необходимо было сровнять с землей китайские аэродромы в провинциях Хунань и Гуаней, с которых воздушная армия генерала Шенно совершала дерзкие рейды в японский тыл. Это была «крупнейшая кампания в истории японской армии».

В декабре 1943 года операция получила название Итиго (№ 1), и в середине апреля 1944-го войска микадо численностью 140 тысяч начали ее первый этап, переправившись через Хуанхэ. Этим известием Чан был захвачен врасплох. До последнего момента он не верил, что японцы возобновят крупное наступление в Китае, ведь 8 марта 1944 года они с

территории Бирмы атаковали Индию, казалось бы, начав масштабную индийскую операцию. Кто мог подумать, что это — отвлекающий маневр, а главный удар японцы нанесут в Хэнани? Даже когда Чан получил сообщение о боевых действиях в районе Хуанхэ, он отказался поверить, что это серьезно, записав в дневнике: «Вражеские бандиты в Хэнани с 17-го числа вновь предпринимают идиотские действия».

То, что эти действия были не «идиотскими», показало ближайшее время. Армия одного из наиболее преданных Чану генералов, Тан Эньбо, дислоцированная в Хэнани, буквально развалилась, потеряв за один месяц более двадцати тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными. В мае японцы атаковали город Лоян и со дня на день могли взять его. Запаниковав, Чан часами не отходил от телефона, отдавая распоряжения не только генералу Тану, но и через голову генерала его подчиненным. В эти дни он стал особенно религиозен и по несколько раз в день молился, прося у Бога защиты. В своих же снах начал искать предзнаменования свыше. 14 мая, увидев во сне яркую луну и звезды, он решил, что Бог сообщает ему о близком свете в конце туннеля. А когда узнал, что неожиданный ливень на поле боя остановил японские танки, воспринял это как помощь Всевышнего. Он поклялся Создателю, что, если японцы не возьмут Лоян и потерпят поражение, он окрестит своего старшего сына, который был пока некрещеным.

Но японцы взяли Лоян 26 мая, устремившись на юг, в Хубэй, а затем и в Хунань. Нанесли они удар и в западном направлении, начав продвигаться к Сиани. Чан потерял аппетит и сон. Его лучшие войска, оборонявшие Шэньси, бежали с поля боя. Чан расстрелял трех дивизионных командиров и записал в дневнике: «Если Тунгуань^[112] и Сиань падут, нам трудно будет исправить положение в целом». К счастью, японцы не планировали захватить Сиань. Их целью на том этапе являлась Чанша, столица Хунани. Разгромив лучшие силы Чана, японцы прекратили наступление на сианьском направлении. Чан вздохнул с облегчением, воздав хвалы Господу.

Но расслабляться было рано. Доведя численность армии до 326 тысяч за счет подкреплений, японцы в конце мая атаковали Чаншу и 18 июня захватили ее, после чего вышли к важному железнодорожному узлу Хэнъян в южной Хунани. Чанкайшистские войска не могли оказать никакого существенного сопротивления.

С волнением наблюдавший за положением в Китае, Рузвельт направил туда для прояснения обстановки вице-президента Уоллеса, который с 21 по 24 июня провел несколько встреч с Чаном и Мэйлин. Одной из задач его

миссии было сплочение Китая для действенного сопротивления Японии. Уоллес прямо поставил перед Чаном вопрос о прекращении распри с коммунистами. Он даже попросил разрешения посетить Особый район, но Чан решительно воспротивился.

Уоллес остался чрезвычайно недоволен ситуацией в Китае и в докладах Рузвельту подчеркнул: «Вы должны быть готовы к тому, что... в течение трех-четырех недель весь Восточный Китай, в том числе все американские военно-воздушные базы передового развертывания окажутся в руках японцев». Уоллес предложил послать в Китай вместо Стилуэлла (который, с его точки зрения, должен был заниматься только бирманскими делами) «американского генерала высокого калибра, чтобы он, по крайней мере временно, взял в свои руки всю полноту политической и военной власти». По его словам, когда он обсуждал этот вопрос в Китае, ему «настоятельно рекомендовали генерала <Альберта> Ведемейера», с 1943 года исполнявшего обязанности заместителя начальника штаба юго-восточно-азиатского театра военных действий.

Рузвельт согласился поставить американского генерала во главе китайских и американских войск, но не захотел заменять Стилуэлла. Поэтому 6 июля 1944 года направил Чан Кайши срочную телеграмму, предложив немедленно вызвать Стилуэлла из Северной Бирмы (где с октября 1943-го англо-американо-китайские войска вновь вели ожесточенные бои с японцами), чтобы отдать ему контроль над всеми вооруженными силами в Китае. Рузвельт проинформировал Чана, что производит Стилуэлла в генералы армии (высший командный чин в США), заметив: «Думаю, я вполне осведомлен о Ваших чувствах в отношении генерала Стилуэлла, но... я не знаю никого другого, кто обладает способностью, силой и решимостью остановить катастрофу, угрожающую Китаю и нашим общим планам по победе над Японией». При этом он, правда, дипломатично заметил, что Стилуэлл будет находиться в прямом подчинении китайского генералиссимуса. Последняя фраза, понятно, была формальностью.

Президент США выразил «искреннюю уверенность», что Чан Кайши не «обидится на искренность» его слов, но ошибся. Чан страшно возмутился, расценив послание Рузвельта как «вмешательство во внутренние дела Китая». Особенно обидным было то, что получил он эту телеграмму 7 июля — в день седьмой годовщины начала войны! (Конечно, это было совпадение — Рузвельт и не думал таким образом задеть чувства Чан Кайши, но Чан испытал унижение.)

В тот же вечер он набросал ответ, заявив, что командовать китайскими

войсками в Китае — не то же самое, что в Северной Бирме, а потому назначать Стилуэлла «в спешке» не стоит: «Нужен подготовительный период». Иными словами, отклонил предложение Рузвельта, которому оставалось только заметить в ответ: «Ситуация, угрожающая нашему делу, требует быстрого решения».

Что же касается Стилуэлла, то он, наблюдая за ситуацией в Китае, был просто вне себя от бездарности китайских военных и, как всегда, винил во всем Чан Кайши — «Мелочь пузатую»: «В Китае дела выглядят черным-черно... Если бы в результате этого кризиса <мы> избавились от Мелочи пузатой, а судно не разбилось вдребезги, этот кризис можно было бы приветствовать».

В довершение ко всему у Чана вновь обострились проблемы в семье. После возвращения из США Мэйлин постоянно пребывала в дурном настроении. Ее болезни, реальные и мнимые, не прошли, Чунцин она ненавидела, и ее все раздражало. Неудивительно, что ей стало трудно жить с Чаном, а ему — с ней. Это стало заметно на публике: первой паре Поднебесной все труднее было скрывать натянутые отношения. По Чунцину поползли слухи, что генералиссимус завел себе шестнадцатилетнюю любовницу. Многие с пониманием пожимали плечами: «А что вы хотите? Мадам — бесплодна, а Чан хочет еще детей». Другие болтали, что к Чану вернулась Дженни, его бывшая наложница, а потому он вот-вот бросит Мэйлин.

Вряд ли все эти слухи были правдивы, но ситуацию в семье они, понятно, не улучшали. Летом 1944 года для того, чтобы развеять их, Чан с Мэйлин устроили во дворе своего дома пресс-конференцию для иностранных журналистов. «Слухи о моей частной жизни, — заявил генералиссимус, — ...угрожают будущему нашей революции». Его слова звучали искренне. Однако посол США сообщил в Вашингтон о «чрезвычайно серьезном расколе» между супругами Чан. По его словам, Мэйлин часто с горечью говорила о «том, как ей трудно жить с ним <мужем>», а мадам Кун рассказывала иностранцам, что проблемы сестры «тяжелым камнем лежат на ее сердце».

Поэтому неудивительно, что 9 июля 1944 года, прихватив неизменную Жанетт, а также свою старшую сестру, племянника Кун Линцзе (Луиса), четырех служанок, повара и секретаря, Мэйлин улетела из Чунцина, бросив мужа в самый трудный момент.

Вылетела она в Рио-де-Жанейро. Почему? Непонятно. Хороших врачей, которые могли бы ей помочь, там не было, а бразильский климат вряд ли способствовал ее выздоровлению. По некоторым данным, в

Бразилии у Мэйлин имелись «существенные капиталовложения», а семейству Кун Сянси, одному из богатейших в Китае, принадлежала крупная земельная собственность. Если это так, тогда многое объясняется. Например, то, что ее визит был тайным — ни американский посол в Бразилии, ни бразильский министр иностранных дел ничего о нем не знали. Мэйлин провела в Рио месяц и в начале сентября улетела в Нью-Йорк — теперь уже действительно на лечение, в тот самый медицинский центр Колумбийского университета, где лежала раньше. Лечилась она и в клинике Университета Джона Гопкинса в Балтиморе, но, так и не выздоровев, в октябре переехала в семнадцатикомнатный особняк на берегу Гудзона, где вместе с ней жили Жанетт и племянник Дэвид. В США Мэйлин проведет больше года и домой вернется только в сентябре 1945-го — через 14 месяцев после отъезда из Чунцина!

А Чан тем временем продолжал уповать на Господа. 21 июля он записал в дневнике: «Небесный Отец, я погружен в глубокий колодец, я вижу только четыре черные стены, мое тело изранено. Если Ты не протянешь мне руку помощи, боюсь, я не смогу выполнить миссию, возложенную на меня Господом, и буду вечно испытывать стыд». А через четыре дня пообещал Богу, что если тот «дарует победу» его войскам под Хэнъяном, то он в день своего шестидесятилетия по принятому в Китае летоисчислению, 31 октября 1946 года, воздвигнет на вершине горы Наньюэ в Хунани огромный железный крест. 31 июля он повторил это обещание, поклявшись, кроме того, в том, что если победит, окрестит всю свою 10-ю армию.

В те дни помимо Библии он каждый вечер читал еще одну книгу — «Потоки в степи» американской проповедницы Летти Берд Коуман (1870–1960), которая написала книгу в то время, когда ее муж Чарлз тяжело болел. Глубоко переживая нездоровье любимого человека и желая обрести покой, бедная женщина каждый день записывала свои мысли, рожденные чтением Священного Писания, а также цитаты из Библии и проповедей известных евангелистов. Получился своего рода дневник из 366 коротких глав (по числу дней високосного года), так и озаглавленных: «1 января», «2 января» и т. д. Название для своей книги миссис Коуман взяла из Книги пророка Исаии: «Пробьются воды в пустыне, и в степи — потоки». «Потоки в степи» были впервые изданы в США в 1925 году, а китайский перевод книги — в Шанхае в декабре 1939-го.

Чан Кайши, как и миссис Коуман, пытался найти объяснение своим страданиям и поражениям, жадно ища выход из драматической ситуации. Первую ссылку в своем дневнике на «Потоки в степи» он сделал 12 июля

1944 года — «Бог указывает путь к успокоению», и затем, читая по соответствующей главе в день, все чаще цитировал книгу. Вот характерная цитата: «Наши испытания — хорошая возможность для Бога проверить нас. Но мы часто смотрим на них как на препятствия. Мы бы смогли обрести покой и вдохновение, если бы знали, что все и каждое из испытаний — это путь, который Господь выбирает для того, чтобы доказать нам Его любовь»^[113].

Чана, конечно, можно понять. С одной стороны, его громили японцы, с другой — давил Рузвельт, требовавший передачи командования Стиллуэллу и укрепления единого фронта с коммунистами. Игра Мао Цзэдуна в «новую демократию» приносила настолько чудные плоды, что Рузвельт стал всерьез задумываться о сотрудничестве с китайской компартией. В конце июля 1944 года в Яньань на встречу с Мао Цзэдуном прибыла американская миссия, в состав которой входили сотрудники Госдепартамента, Пентагона и Отдела стратегических служб (ОСС, предтечи ЦРУ — Центрального разведывательного управления). Возглавлял миссию полковник Дэвид Д. Барретт. Вскоре после них, в начале августа, прибыла и вторая группа во главе с дипломатом Раймондом П. Лудденом. В целом в 1944 году в Яньани находились 32 сотрудника так называемой американской информационной службы.

Главный вывод, который сделали Барретт и многие другие члены миссий из разговоров с Мао Цзэдуном и из собственных наблюдений, заключался в следующем: «Коммунисты по своим взглядам и программе превратились в китайских реалистов. Они проводят демократическую политику, надеясь на одобрение и дружескую поддержку со стороны Соединенных Штатов». Члены миссий настоятельно советовали американскому руководству переориентироваться на китайских коммунистов, предупреждая, что те могут «вновь повернуться лицом к Советской России, если их вынудит к этому необходимость отразить нападение со стороны Гоминьдана, поддерживаемого Америкой».

Не менее мастерски и цинично дипломатическую обработку американцев вели в то же время и Сталин с Молотовым. Вот что, например, говорил Сталин по поводу компартии Китая послу США в СССР Уильяму Авереллу Гарриману 10 июня 1944 года: «Большой ошибкой Чана является то, что он отказывается использовать китайских коммунистов против врага. Это глупая политика... Китайские коммунисты — не настоящие коммунисты, они «маргариновые» коммунисты». А Молотов убеждал представителей вконец запутавшегося Рузвельта, приехавших в Москву в начале сентября 1944 года специально для того, чтобы выяснить

«отношение России к китайским коммунистам и позицию России к Китаю»: «Некоторые из этих людей <бедных китайцев> называют себя «коммунистами», но они не имеют никакого отношения к коммунизму... Советское правительство никоим образом... не связано с этими «коммунистическими элементами». Осенью 1944 года через поверенного в делах СССР в Китае Тихона Федотовича Скворцова-Токарина советская сторона даже предлагала организовать встречу Сталина с Чан Кайши для того, чтобы продемонстрировать переориентацию Москвы на Гоминьдан.

А тем временем 8 августа 1944 года пал Хэнъян, и японцы устремились в Гуаней вдоль Хэнъян-Гуйлиньской железной дороги. Через два дня Чан получил еще одно неприятное послание от Рузвельта, настаивавшего на «немедленном» разрешении вопроса о назначении Стилуэлла фактическим командующим всеми силами союзников в Китае. Для улаживания конфликта между «Уксусным Джо» и Чаном он предлагал отправить в Китай в качестве своего личного представителя знакомого нам Хэрли, который во время своей первой поездки в Чунцин произвел на Чана прекрасное впечатление. Вместе с ним он посылал в Китай для изучения экономической обстановки Дональда М. Нельсона, главу американского бюро по контролю за военным производством.

Ошеломленный и поражениями на фронте, и требованиями Рузвельта, Чан записал в дневнике: «Я недооценил мощь японцев... Тут не о чем больше говорить, мои страдания и гнев не имеют границ... Как наша армия может продолжать называться армией? Как нас могут не презирать иностранцы? Это может вынудить меня передать обучение и командование всей армией Стилуэлла». 12 августа он согласился назначить Стилуэлла командующим, а также принять Хэрли и Нельсона. Рузвельт был удовлетворен.

Но на самом деле отдавать командование Стилуэлла Чану не позволяла гордость, хотя сам он с японцами и не мог справиться. В эти дни Чан даже в очередной раз задумался, не покончить ли с собой. Правда, эта страшная мысль ушла так же быстро, как и пришла. И не столько потому, что Чан вспомнил о Божьей каре, сколько из-за его убежденности, что страна и народ без него не проживут. 11 августа Чан Кайши записал в дневнике: «Если я проживу еще один день, то и страна проживет этот день... А если, поддавшись пессимизму и печали, я покончу с собой, страна и народ <тоже> неизбежно погибнут».

На защиту Гуаней Чан бросил свою 93-ю армию, большинство офицеров которой являлись выпускниками военной школы Вампу. Армии были приданы танковый и артиллерийский батальоны. Но на помощь

армиям микадо, вторгшимся в Гуаней из Хунани, пришли японские войска из Кантона и Вьетнама. И 93-я армия позорно бежала.

Между тем Рузвельт с волнением ждал информации, когда же наконец Чан Кайши примет окончательное решение по Стиллуэллу. Но тот все тянул. И тут в середине сентября начальник американского Генштаба Маршалл получил секретную телеграмму от самого Стиллуэлла, который только что посетил гуансийский город Гуйлинь, где занимался вопросами эвакуации американского персонала. «Ситуация в этом районе безнадежная, — писал Стиллуэлл. — ...Это место... станет еще одной ловушкой для крыс, подобно Чанше и Хэньяну... Мы убираемся из Гуйлиня сейчас и уберемся из Лючжоу, как только там появятся японцы. Катастрофа к югу от Янцзы — в огромной степени результат отсутствия должного командования — как обычно, приказы идут из тылового Чунцина. Проблема по-прежнему наверху».

Рузвельта не было тогда в Вашингтоне: он принимал участие в очередном саммите в Квебек-сити. Маршалл переслал ему письмо Стиллуэлла и рекомендовал отправить Чану ультимативную телеграмму, текст которой сам же и подготовил. В телеграмме содержалось требование «перед лицом катастрофы... немедленно предоставить генералу Стиллуэллу неограниченное командование всеми Вашими <Чана> вооруженными силами». Рузвельт подписал телеграмму 16 сентября, и через два дня (18-го) Маршалл переслал телеграмму Стиллуэллу, который сам (!) должен был вручить ее Чан Кайши.

Получив телеграмму на следующий день, «Уксусный Джо» не мог сдержать радости и в 5 часов 40 минут вечера в Хуаншани в присутствии Хэрли вручил эту «связку горького перца» Чан Кайши. Чан был раздавлен и, выслушав перевод, произнес только два слова: «Я понял», после чего завершил аудиенцию.

Оставшись один и едва сдерживая гнев, он написал на полях телеграммы Рузвельта: «Эта телеграмма равнозначна ультиматуму. Она не только унижает меня лично, но и является актом агрессии против моей страны (выделено в документе. — А. П.). С начала моего революционного пути, хотя и Япония, и СССР изо всех сил угрожали мне, но и их деяния не были настолько не приемлемы, как это... Это — пятно на политической карьере Рузвельта и несмыслимый позор в истории китайско-американских отношений». А в дневнике сделал следующую запись: «С тех пор, как 7 июля этого года я получил от Рузвельта обидную для нашей страны телеграмму, я опять, в третий раз, терплю боль и обиду... Это нельзя снести... Почему Господь заставляет меня испытывать позор и боль...

Телеграмма Рузвельта — величайшее унижение в моей жизни и в жизни страны за последнее время».

Помимо прочего, его опять кольнуло то, что телеграмма была отправлена из Вашингтона в особый день — на этот раз 18 сентября, в День национальной скорби! (Как мы помним, в тот день в 1931 году японцы начали оккупацию Маньчжурии.) Разумеется, это было простое совпадение, как в случае с телеграммой от 7 июля, но Чан Кайши был настолько уязвлен, что буквально возненавидел Рузвельта.

Стилуэлл же, возвратившись домой, с радостью записал: «*Личное. 19 сентября. Ватерлоо* ^[114] *Мелочи пузатой*». Наконец-то он мог насладиться видом Чунцина, блестевшего огнями. «Гарпун поразил маленького засранца прямо в солнечное сплетение, пронзив его», — торжествовал он.

Но он рано радовался. Сносить унижение даже от Рузвельта Чан Кайши не желал. Конечно, он не мог открыто выразить недовольство президентом США, но ему ничего не мешало обрушить свой гнев на «Укусного Джо». 20 сентября Чан попросил министра иностранных дел Т. В. Суна передать Хэрли и Нельсону свою мысль о «пятне», оставленном телеграммой «на американской демократии и на традиционных принципах равноправия и свободы в мире». Т. В. Сун должен был также объяснить посланцам Рузвельта, что «китайская армия не может терпеть унижения со стороны иностранцев, а китайский народ не желает, чтобы иностранцы смотрели на него как на рабов».

21 сентября 1944 года Чан удалился на несколько дней в Хуаншань, где в одиночестве размышлял о том, что делать. Даже с сыновьями, жившими тогда с ним, он не делился мыслями. Наконец 23 сентября он принял решение: убрать Стилуэлла из Китая. И на следующее утро рассказал об этом Т. В. Суну, а вечером — Хэрли, которому на следующий день передал «Памятную записку» для Рузвельта. В этой записке Чан Кайши, в частности, заявил: «Я согласен на выбор американского генерала в качестве главнокомандующего китайско-американскими войсками против Японии в Китае; я передам под его командование все китайские полевые армии и воздушные силы; и назначу его одновременно начальником штаба китайского театра военных действий... Я не могу, однако, возложить эту ответственность на генерала Стилуэлла и должен просить его отставки с поста начальника штаба китайского театра военных действий и освобождения от обязанностей в этом районе».

26 сентября 1944 года он написал о своем решении жене и Кун Сянси, находившимся в Штатах. А затем приказал Куну не просить больше у американцев помощи, чтобы не давать им лишнего повода для насмешек.

2 октября Чан Кайши собрал заседание Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана, на котором дал, по его словам, «полный и точный» отчет о том, что произошло. Он был очень возбужден и, стуча кулаком по столу, выкрикивал: «Генерал Стилуэлл должен уйти! Если в Китае и будет американский главнокомандующий, он должен подчиняться генералиссимусу! Похоже, что сейчас американцы стараются по-новому посягнуть на суверенитет Китая! Это новая форма империализма! Если мы согласимся, то будем никем иным, как марионетками! Может, нам просто перейти на сторону Ван Цзинвэя?! Мы можем справиться и без них <американцев> — без их помощи!» Один из присутствующих рассказывал, что Чан был «похож на сумасшедшего».

Рузвельт не стал возражать, хотя выразил «удивление и сожаление», что Чан пересмотрел их прежнюю договоренность относительно Стилуэлла. И заявил, что в создавшихся условиях «правительству Соединенных Штатов <вообще> не следует брать на себя ответственность, связанную с назначением американского офицера командующим Вашими сухопутными силами на территории Китая». А Патрика Дж. Хэрли попросил узнать, кого бы Чан хотел видеть вместо Стилуэлла на посту начальника его союзного штаба. Чан назвал троих генералов, первым из них — Дуайта Эйзенхауэра. Но Рузвельта кандидатуры не устроили, и вдруг Чан в середине октября вспомнил про Ведемейера.

Рузвельт согласился, и 18 октября через Хэрли сообщил Чану об отзыве Стилуэлла и назначении Ведемейера. Чан с удовлетворением воспринял эту информацию.

21 октября 1944 года Стилуэлл навсегда покинул Китай. Перед отъездом Чан хотел наградить его высшим боевым орденом Китайской Республики — Драгоценного треножника с лентой. Узнав об этом, Стилуэлл записал в дневнике: «Я передал ему, чтобы он засунул его себе <понятно, куда>». Вдова Сунь Ятсена, которая, как мы помним, ненавидела Чан Кайши, плакала при прощании, а посол США Гаусс «в гневе и с отвращением» подал в отставку. По просьбе китайской стороны новым послом Рузвельт назначил 23 ноября 1944 года Хэрли, с которым у Чана сложились хорошие отношения. 11 декабря тот вступил в должность.

Тем временем армия Чан Кайши по-прежнему терпела поражения, а он продолжал уповать на Всевышнего, ища в Библии тайные предзнаменования. 31 октября, в свой день рождения, читая Книгу пророка Иезекииля, Чан возликовал, встретив в 39-й главе следующие слова: «И почувствуют они бесчестие свое и все беззакония свои, какие делали предо Мною, когда будут жить на земле своей безопасно, и никто не будет

устрашать их, когда Я возвращу их из народов, и соберу их из земель врагов их, и явлю в них святость Мою пред глазами многих народов». Чан воспринял это как пророчество, обращенное непосредственно к нему. «Утраченные земли будут возвращены, и в государстве наступят мир и радость», — записал он в дневнике.

Однако 11 ноября 1944 года японцы взяли крупнейшие города провинции Гуаней — Гуйлинь и Лючжоу, а затем, сметая все на своем пути, вторглись в провинции Гуйчжоу и Сычуань. В довершение неудач авиация Шенно по ошибке разбомбила штаб-квартиру одной из китайских армий, погибло более тысячи военнослужащих и большое число гражданских лиц.

Прибывший 1 ноября 1944 года в Чунцин Ведемейер ничем не мог помочь Чану, хотя и старался. «Высокий, импозантный, сдержанный, способный и амбициозный», он служил когда-то, в 1930–1932 годах, в американских войсках в Тяньцзине, а затем, в 1936–1938 годах, проходил обучение в Германской военной академии в Берлине. Раздраженный Чан первоначально и к нему отнесся с подозрением, тем более что Ведемейер по складу характера был человеком замкнутым и на радушие китайцев отвечал холодной вежливостью. Но, в отличие от Стиллуэлла, новый начальник штаба сразу же составил хорошее впечатление о Чане, «этом невысоком человеке с изящными манерами, хорошо сложенном, с черными, пронизательными глазами и приятной улыбкой». Положительного мнения о Чане он не изменил и в дальнейшем, был с ним подчеркнуто вежлив, и хотя не скрывал своего негативного отношения к организации китайской армии, никогда не оспаривал его авторитета. Уже через две недели Чан записал в дневнике о Ведемейере: «Этот человек искренний, приятный, прямой и внимательный... Он по характеру — полная противоположность Стиллуэлли. Он напряженно и хорошо работает. Вот образец для наших военных».

Неожиданно в те тяжелые дни к Чану пришла и приятная новость, и как ни странно, — из Японии. 10 ноября 1944 года в 16 часов 20 минут в клинике Императорского университета города Нагои, в возрасте 61 года скончался его заклятый враг Ван Цзинвэй. Дело в том, что Ван так и не смог полностью оправиться после тяжелого ранения в спину, полученного в результате покушения 1 ноября 1935 года. Тогда пулю не смогли извлечь, рана болела, а в августе 1943 года сильно воспалилась. Ему сделали операцию в японском военном госпитале в Нанкине, но это не помогло. Тогда в марте 1944 года его перевезли в Японию, в Нагою, где ему сделали новую операцию. Но 9 ноября на Нагою налетели американские бомбардировщики, Вана перенесли в убежище, слабо обогревавшееся, где

он простудился. На следующий день он скончался. «Хотя это и не влияет на общую обстановку, — записал Чан в дневнике, — ...но для партии и страны — это хорошо».

Затем Чана вновь раздражил Рузвельт, в двадцатых числах ноября потребовавший у него сместить коррупционера Кун Сянси с поста министра финансов. Что конкретно он написал Чану, мы не знаем, но в конце ноября Чан записал в дневнике: «Слова Рузвельта в отношении Юнчжи (величальное имя Кун Сянси. — А. П.) презрительные, обидные и бесстыдные». Тем не менее Куна он все же с этого поста отстранил, хотя и оставил заместителем председателя Исполнительной палаты и управляющим Центральным банком Китая. (Кун был также управляющим Крестьянским банком и Банком Китая.)

Между тем ситуация настолько ухудшилась, что 2 декабря Ведемейер посоветовал Чану подготовить перенос столицы в Куньмин, будучи уверен, что Чунцин падет. Но Чан решительно отклонил это предложение, и Ведемейер заявил, что останется с Чаном, чем глубоко растрогал его.

К счастью для Чана, на расстоянии 300 километров от Чунцина японцы остановились. Задачи операции Итиго были выполнены, а на штурм китайской столицы у них уже не было сил.

Результаты японского наступления были ужасающими. Армия Чана потеряла 750 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, а также 23 тысячи тонн вооружений, достаточных для сорока дивизий, 7 баз ВВС и 36 аэродромов в провинциях Хунань и Гуаней. Японцы нанесли тяжелый удар и по китайской экономике, оккупировав столицы провинций Хэнань, Хунань, Фуцзянь и Гуаней, 146 других городов и 200 тысяч квадратных километров территории, в том числе важнейшие сельскохозяйственные районы, снабжавшие свободный Китай зерном. Трудно не согласиться с историком Ци Сишэном, который пишет: «К концу 1944 года правительство <Чана> более не располагало эффективной военной машиной для обороны собственно Китая».

Да, 1944-й был не лучшим годом в жизни Чан Кайши, и 31 декабря Чан, обращаясь к народу, назвал его «годом великих испытаний и опасностей». За шесть дней до того, в Рождество, он передал командование всеми китайскими сухопутными войсками генералу Хэ Инциню, ставка которого располагалась в Куньмине, столице провинции Юньнань. Ведемейер занялся реорганизацией и переподготовкой войск, пытаясь исправить, по его словам, «множество ошибок, допущенных в прошлом», но не рассчитывая, правда, что китайцы смогут вскоре повести

наступательные действия.

Тем не менее в начале 1945 года на бирманском фронте наступил перелом. 21 января китайская армия Х, вышколенная в свое время Стилуэллом на базе в Индии и ведшая бои в Северо-Западной Бирме с октября 1943 года, соединилась с китайской армией Y, вторгшейся в Северо-Восточную Бирму в апреле 1944 года. При поддержке англичан и американцев эти армии отвоевали у японцев все северные районы Бирмы, обеспечив бесперебойную доставку грузов по новой «дороге жизни» — из Северо-Восточной Индии через Бирму в Куньмин. Эту дорогу начали строить американцы еще в декабре 1942 года как альтернативу захваченной японцами «бирманской дороге жизни». Участвовали в ее строительстве и китайские солдаты.

Соединение китайских армий было великим событием, о котором китайский корреспондент сообщил так: «X + Y = V <victory — победа>». 26 января Рузвельт по этому поводу поздравил Чан Кайши, который затем благородно назвал новый путь из Индии в Китай дорогой Стилуэлла.

Примерно в то же время решительный перелом наступил и в войне на Тихом океане. В январе 1945 года американцы десантировались на Филиппинах и в феврале взяли столицу этой страны Манилу. И для Чана, и для его народа и армии стало очевидно, что крах Японии не за горами.

Но победы над Японией омрачались тем, что в том же месяце, в феврале, на еще одном саммите глав трех держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — в Ялте Сталин, Рузвельт и Черчилль втайне от всего мира, а главное — за спиной Чан Кайши, договорились о том, что за вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после победы над Германией Советский Союз под предлогом «восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г.», получит ряд концессий в Китае. А именно: торговый порт Дайрень (Далянь) будет интернационализирован «с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды Порт-Артура <Люйшуня> как на военно-морскую базу СССР», а Китайско-Восточная и Южно-Маньчжурская железные дороги перейдут в «совместную эксплуатацию» СССР и Китая, опять же «с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза». Было также договорено, что Монголия сохранит «status quo», то есть независимость^[115]. Иными словами, как писал позже Чан, «в обмен на согласие Советского Союза вступить в войну против Японии был принесен в жертву китайский суверенитет над Внешней Монголией и Северо-Восточными

провинциями».

Чан, конечно, предполагал нечто подобное. И еще за три дня до подписания ялтинского секретного соглашения, 8 февраля, размышлял в дневнике: «Не сговорится ли Рузвельт против меня с англичанами и русскими?» 26 февраля по его поручению Цзян Цзинго справлялся у поверенного в делах СССР Скворцова-Токарина, «обсуждались ли на <Крымской> конференции вопросы, касающиеся Дальнего Востока». Но Скворцов — сам, скорее всего, ничего не зная, — заявил: «Как явствует из сделанных заявлений, такие вопросы на конференции не обсуждались».

Чан надеялся, что Рузвельт известит его о результатах конференции, но так как соглашение было тайным, президент США не стал раскрывать правду даже своему новому вице-президенту Гарри С. Трумэну, а также другим ближайшим соратникам и членам Конгресса. Своему же послу в Китае Хэрли он просто лгал. И только когда последний по воле случая ознакомился с соглашением, признался, что кривил душой.

Да, конечно, Рузвельт предал Чана, но уступки президента США Сталину можно понять: ведь он, естественно, думал в первую очередь не о Китае, а о жизнях американских солдат, многие из которых могли быть спасены, вступи СССР в войну. Чуть больше чем за месяц до Ялтинской конференции, 30 декабря 1944 года, Рузвельт узнал от военного руководителя Манхэттенского проекта (сверхсекретная программа создания ядерного оружия) генерал-лейтенанта Лесли Ричарда Гровса-мл., что первая атомная бомба будет готова не ранее начала августа 1945 года, а вторая — только к концу года, а потому не мог точно знать, смогут ли США применить ее против Японии и, если применят, будет ли это достаточно для победы.

Тем не менее в начале апреля 1945 года, когда Хэрли посетил Рузвельта в Белом доме, тот, будучи уже серьезно больным, чувствовал себя плохо не только физически, но и морально (из-за Ялты), а потому попросил Хэрли слетать в Лондон и Москву, чтобы как-то исправить ситуацию.

Однако к тому времени Чан уже знал о ялтинском сговоре от своего посла в США. Тот известил его телеграммой 15 марта утром, и Чан пришел в ярость. Вот что он записал в дневнике: «Узнал, что Рузвельт и Сталин в одностороннем порядке обсуждали Дальний Восток... Если это так, то идеалы, <за которые мы сражались во время> этой антияпонской войны, становятся иллюзорными».

Дополнительные детали Чан узнал из сообщения Хэрли, когда тот вернулся в Чунцин из поездки в Лондон и Москву. Ни Черчилль, ни Сталин

не захотели ничего менять. 25 апреля 1945 года Чан выразил свои чувства в дневнике: «Утром размышлял о международных проблемах, главным образом о визите Хэрли в Англию и Россию, чувствую невероятные печаль и гнев».

К тому времени Рузвельта уже не было в живых. Он скончался 12 апреля 1945 года в 15 часов 35 минут в возрасте шестидесяти трех лет от инсульта.

Весть о смерти президента США Чан встретил с печалью, несмотря на то что в последнее время их отношения не были идеальными. 13 апреля он записал в дневнике: «Сегодня в 6 часов утра узнал о смерти президента Рузвельта... Это событие окажет огромное влияние на мир и дальнейшее развитие международной обстановки. Но, с моей точки зрения, за последний год внешняя политика Рузвельта явно сделала поворот. Он ублажал Англию, боялся Россию и унижал Китай. Вплоть до того, что уступил требованию России в отношении Люйшуня <Порт-Артура>. Это очень печально. Но после его смерти политика США в отношении Китая еще больше ухудшится. Рузвельт умиротворял Россию и беспринципно защищал только китайскую компартию. Но он действовал в рамках, и у него были определенные принципы и идеалы». Такова была его эпитафия.

Вместе с тем американцы продолжали одерживать победы над японцами. И это несколько примиряло Чана с ялтинским предательством покойного Рузвельта. Тем более что в апреле у Чана в семье случилось немало радостных событий. На Пасху, 1 апреля, в тот самый день, когда американские солдаты, начав операцию «Айсберг», высадились в самой Японии — на острове Окинава, его сын Цзинго вместе с племянником от младшей сестры, военным летчиком Чжу Пэйфэном, приняли крещение в городской резиденции Чана в Чунцине. Чан был несказанно счастлив. «Для моей семьи это на самом деле большой день, — записал он в дневнике, — это великое утешение в моей жизни. Я предложил Цзинго, чтобы он сам назначил день крещения, и он радовался крещению. У меня в доме каждый вечер в течение года он вместе со мной становился на колени и молился, многократно призывая Дух Святой. Я верю, что отныне Святой Дух непременно дарует моим стране и семье победу и процветание. Благодарю Всевышнего за Его милость».

На крещении присутствовали вся семья Цзинго и его младший брат Вэйго вместе с женой, 27-летней красавицей Ши Цзинъи, принадлежавшей к одному из известнейших в Китае кланов. Вэйго познакомился с ней в Сиани, долго ухаживал, а 6 февраля 1945 года, испросив заранее благословение отца и приемной матери, женился. На свадьбе в Сиани

председательствовал генерал Ху Цзиннань, командующий 1-й военной зоной. Чан Кайши приехать не смог, но прислал постер с пожеланием, написанным каллиграфическим почерком: «Пусть у вас в семье все будет хорошо, пусть в семье будут мир и благополучие». Чана представлял Цзинго, по возвращении подробно рассказавший отцу о церемонии.

А в конце месяца, 25 апреля, Фаина Цзян принесла Чану еще одного внука, которому довольный генералиссимус дал красивое имя Сяоу («сяо», как мы помним, — «почтительность к родителям», а «у» — «боевой»). В тот день Чан записал в дневнике: «Сегодня в 7 часов утра... родился второй внук^[116]. Если бы покойная мама была жива, она несказанно обрадовалась бы. Воздаю хвалу Господу за Его милость». При крещении маленькому дали имя Александр (в семье его все стали звать Алекс или Айли).

Чан в эти дни часто навещал семью Цзинго, которая переехала в Чунцин. Он любил играть с внуками. А с сыном продолжал неустойчиво молиться Господу и обсуждать «Потоки в степи». Вместе с тем военная обстановка на китайском театре военных действий продолжала оставлять лучшего, несмотря на то что японцы на Тихом океане и в Северной Бирме проигрывали союзникам. До начала мая 1945 года чанкайшистские армии повсеместно в Китае терпели поражения. В конце марта японские войска численностью 70 тысяч человек предприняли новые успешные наступления в юго-западной Хэнани, северном Хэбэе и западной Хунани. И только 8 мая 1945 года, в тот самый день, когда Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции, войска Чана смогли остановить врага и даже перейти в контратаку. 11 мая они взяли столицу Фуцзяни, Фучжоу, 27 мая — Наньнин, 28 июня — Лючжоу и 27 июля — Гуйлинь.

Вместе с тем об общем наступлении речи пока идти не могло. 1 августа 1945 года Ведемейер докладывал Маршаллу: «В настоящее время на всем театре <военных действий> мы придерживаемся активной обороны... В настоящее время мы активно готовим войска и снаряжение для Карбонадо (операции по освобождению Кантона и Гонконга. — А. П.) ... Следует вооружить и подготовить примерно двадцать китайских дивизий для проведения возможной операции в сентябре».

Но война закончилась неожиданно и для Ведемейера, и для Чан Кайши. 6 августа 1945 года в 8 часов 15 минут утра американские летчики по приказу нового президента Трумэна, стремившегося быстрее завершить войну, чтобы спасти как можно больше жизней своих солдат, сбросили первую в истории атомную бомбу на мирный японский город Хиросиму. Более шестидесяти пяти тысяч человек погибли, а около семидесяти тысяч получили ранения, что составило 60 процентов городского населения. 9

августа в 11 часов 01 минуту утра американские летчики сбросили вторую атомную бомбу — на Нагасаки. Пострадало более тридцати пяти процентов населения (тридцать девять тысяч — убиты, двадцать пять тысяч — ранены).

9 же августа, в ноль часов, границу Маньчжурии перешли советские войска, атаковавшие Квантунскую армию. Это было, конечно, серьезным ударом по Японии, однако и императора Хирохито, и японское правительство больше всего потрясли атомные бомбы США. 10 августа токийское радио объявило, что императорский кабинет министров готов принять условия капитуляции.

А через четыре дня в 9 часов вечера Хирохито подписал императорский эдикт о безоговорочной капитуляции. На следующий же день, 15 августа, в 12 часов по токийскому времени (в Вашингтоне было 22 часа 14 августа) он объявил об этом по радио, объяснив капитуляцию тем, что «противник применил новую и самую тяжелую бомбу, невиданной разрушительной силы, унесшей много ни в чем не повинных жизней. Если мы продолжим войну, это будет означать не только ужасную гибель и уничтожение японского народа, но также приведет к гибели всей человеческой цивилизации».

Чан по этому поводу записал в дневнике: «Сегодня утром получил текст о безоговорочной капитуляции вражеского государства. Чувствую только глубокую благодарность Всевышнему за его огромную милость и мудрость во время войны. Совершенно непостижимо, как воплощаются в жизнь слова из девятой главы Псалтири». В этой главе, в частности, говорится: *«Ты вознегодовал на народы, погубил нечестивого, имя их изгладил на веки и веки. У врага совсем не стало оружия, и города Ты разрушил; погибла память их с ними. <...> И Он будет судить вселенную по правде, совершит суд над народами по правоте».*

Возможно, Бог действительно помог Чану победить врага, но сделал он это все же руками американцев (прежде всего), а также советских солдат. Несмотря на колоссальные жертвы (Китай, по некоторым данным, потерял более пятидесяти миллионов человек), чанкайшистская армия самостоятельно не смогла сокрушить японскую военную машину. И когда микадо читал текст о капитуляции, его войска продолжали оккупировать более половины территории собственно Китая!

А тем временем за несколько часов до выступления императора Хирохито, поздно вечером 14 августа в Москве завершились длившиеся полтора месяца советско-китайские переговоры, в результате которых на основе ялтинского договора СССР, США и Великобритании был подписан

советско-китайский договор о дружбе и союзе. (В Чунцине было уже шесть часов утра 15 августа.) Советский Союз признавал суверенитет и территориальную целостность Китая, включая Маньчжурию, но специальные соглашения, сопровождавшие договор, давали советской стороне право иметь в течение тридцати лет военно-морскую базу на северо-востоке Китая в городе Люйшуне (Порт-Артуре), владеть портом города Далянь (Дальний), а также совместно управлять Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железными дорогами, которые теперь стали называться Китайской Чанчуньской железной дорогой (КЧЖД). Договор, кроме того, сопровождался правительственными нотами о признании Китаем независимости Внешней Монголии (МНР) в ее существующих границах.

Понятно, что договор был выгоден именно Советскому Союзу: сам Сталин называл его «неравным». Да и Чан Кайши признавал, что «в ходе... переговоров в Москве мы <китайцы> вынуждены были пойти на... существенные уступки». Но у Чана не было выбора: накануне советско-китайских переговоров, 14 июня, за две недели до того, как китайская делегация во главе с Т. В. Суном и Цзян Цзинго^[117] вылетела в Москву, Трумэн дал указание своему послу в Китае Хэрли уведомить Чана «о советских условиях», дав последнему понять, что США заинтересованы в том, чтобы он согласился их принять. Посол должен был также «уведомить генералиссимуса, что Правительство Соединенных Штатов будет поддерживать Ялтинское соглашение». Об этом Трумэн лично и совершенно секретно сообщил Сталину.

Интересно, что этот империалистический договор был подписан между двумя странами — основателями Организации Объединенных Наций, представители которых, в том числе сам Т. В. Сун, только что (с 25 апреля по 26 июня 1945 года) участвовали в международной конференции в Сан-Франциско, принявшей Устав ООН, и которые вскоре (24 октября того же года) войдут в состав ее Совета Безопасности на правах постоянных членов! Этот договор будет единственным такого рода в истории.

Сталин буквально заставил Чан Кайши согласиться на заключение этого договора, то подкупая обещанием поддержки в отношениях с коммунистами, то угрожая прервать переговоры. После первого же тура Т. В. Сун почувствовал себя совершенно разбитым и, воспользовавшись перерывом в переговорах в конце июля, вернулся в Чунцин. Он заявил Чану, что отказывается подписывать договор и вообще не хочет возвращаться в Москву. Т. В. Сун занимал тогда два основных поста: председателя Исполнительной палаты (в этом качестве он и вел переговоры

со Сталиным) и министра иностранных дел (как министр он должен был наряду с Молотовым поставить подпись под договором и соглашениями). Но, приехав в Чунцин, он подал в отставку с последнего поста. Чан принял ее, но уговорил Т. В. Суна продолжить переговоры, сказав, что «сам лично возьмет на себя ответственность за будущий договор». Новым министром он назначил бывшего заведующего отделом пропаганды ЦИК Гоминьдана Ван Шицзе, которому и пришлось подписать договор и соглашения. Это, правда, не спасло Т. В. Суна — «предателя родины» — от нападок патристически настроенной китайской общественности, расценившей договор и соглашения как новое национальное унижение Китая.

Между тем 17 августа 1945 года главнокомандующий американскими войсками на тихоокеанском театре военных действий (он же — верховный главнокомандующий, представлявший союзные державы) генерал Дуглас Макартур издал общий приказ № 1, за два дня до того одобренный Трумэном. В приказе, в частности, говорилось о том, чтобы японские войска в Китае (за исключением Маньчжурии), на Тайване и в Индокитае севернее 16-й параллели капитулировали только перед войсками Чан Кайши. Территорию Китая, где находились японские войска, разделили на 15 зон и в каждую назначили командующего. И именно ему соответствующие японские войска должны были сдаться, передав акты о капитуляции с последующей сдачей всего вооружения и снаряжения. Северный Вьетнам составил шестнадцатую зону. Что же касается Маньчжурии, там в тот же день, 17 августа, по соглашению с Макартуром Главное командование Квантунской армии передало акт о безоговорочной капитуляции советским войскам.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан формальный акт о безоговорочной капитуляции Японии. А 9 сентября в девять часов утра в здании Центральной пехотной военной школы в Нанкине состоялась главная торжественная церемония принятия акта о безоговорочной капитуляции всех японских вооруженных сил в Китае. От имени китайской армии акт принял командующий сухопутными войсками генерал Хэ Инцин. День и час церемонии были выбраны не случайно. Число девять, повторенное несколько раз, по поверью китайцев, приносит удачу: на китайском языке «девять» звучит так же, как «долгий» или «долгое время».

Весь Китай ликовал. А Чан записал в дневнике: «Сегодня —...День победы. Однако утраченные территории Северо-Востока все еще в руках русской армии, а в каждом важном районе Синьцзяна сидят марионетки России. Бандиты бесчинствуют, а военные и политические руководители

некомпетентны, армия отступает, когда захочет, и не может выполнять приказы... Вопрос с Внешней Монголией тоже еще не решен. Страна ужасно унижена, можно сказать, что со времени антияпонской войны обстановка никогда не была так опасна, как сегодня. Люди радуются, я же чувствую страшный стыд. Увы, хотя война сопротивления и завершилась победой, но революция еще совсем не достигла успеха. Если не победить Третий Интернационал^[118] и не вычистить коммунистических бандитов, революция не сможет завершиться победой».

Да, тяжелая война с Японией завершилась, но начиналась новая битва — с рвавшимися к власти коммунистами.

Новые испытания

Столкновения между коммунистическими и гоминьдановскими войсками, то и дело возникавшие во время Второй мировой войны, обострились накануне ее завершения в связи с вопросом, кому, где и когда принимать капитуляцию Японии. 11 августа 1945 года, то есть еще за три дня до заявления микадо о прекращении сопротивления, командующий войсками компартии Чжу Дэ издал приказ о наступлении на всех фронтах — для того, чтобы «быть готовыми принять капитуляцию». В ответ Чан Кайши приказал коммунистам «оставаться на своих позициях вплоть до получения инструкций», а 14 августа пригласил Мао Цзэдуна приехать в Чунцин на переговоры. Мао на приглашение ничего не ответил, а вот по поводу приказа «оставаться на своих позициях» 16 августа вместе с Чжу Дэ направил Чану радиогранму, потребовав отменить этот приказ и «признать ошибку».

Ситуация благоприятствовала коммунистам, поскольку войска Чан Кайши, как мы помним, располагались далеко от районов, находившихся под оккупацией японцев, в то время как именно в тех районах, в японском тылу, и действовала компартия. Поэтому головной болью Чана стала быстрая переброска своих вооруженных сил в Северный, Северо-Восточный и Восточный Китай. Чан даже попросил Сталина задержать намеченную на 15 ноября 1945 года эвакуацию Красной армии из Маньчжурии, поскольку американцы могли начать оказывать ему помощь в переброске войск только с октября 1945 года.

20 и 23 августа Чан направил Мао еще два приглашения на переговоры. Но 23 августа войска Чжу Дэ в провинции Хэбэй оккупировали крупный город Калган, расположенный в 196 километрах к северо-западу от Бэйпина. На это генерал Хэ Инцин, ответственный за все вопросы, связанные с капитуляцией, потребовал от японцев (!) вернуть этот город и удерживать его до тех пор, пока к нему не подойдут гоминьдановцы. Сделал он это в полном соответствии с той политикой, которую проводил в Китае генерал Макартур, получивший соответствующие инструкции из Вашингтона. «Нам было совершенно ясно, что, если мы скажем японцам немедленно сложить оружие и маршировать к морскому побережью, вся страна будет захвачена коммунистами, — вспоминал Трумэн в середине 1950-х. — Поэтому японцам были даны инструкции оставаться на своих местах и

поддерживать порядок».

Однако американцы и гоминьдановцы не учли, что это только обострит и без того сложную ситуацию. Поэтому потребовалось прямое вмешательство Трумэна и Сталина, чтобы предотвратить широкомасштабную гражданскую войну. Ни новый хозяин Белого дома, ни хозяин Кремля, поддерживавшие в тот период союзнические отношения, никакого бурного конфликта в Китае не хотели, опасаясь, что он мог легко положить конец миру на всей планете. Миру, с таким трудом завоеванному.

В отличие от Рузвельта, правда, Трумэн уже не испытывал особых иллюзий ни в отношении Советского Союза, ни в отношении китайской компартии. По его признанию, «маленький сукин сын <Сталин>» понравился ему только при первой встрече, в июле 1945 года на Потсдамской конференции^[119], поскольку показался «честным и чертовски умным». «Нас тогда волновало, вступит ли Россия в войну с Японией, — вспоминал Трумэн в начале 1946 года. — Конечно, позднее мы поняли, что нам там <в этой войне> Россия не нужна, и с тех пор русские были нашей головной болью». Да, Трумэн был знаком с информацией о «независимом от СССР демократе» Мао, поступавшей в Вашингтон от американских агентов спецслужб, дипломатов и журналистов, но при этом оставался большим прагматиком, нежели Рузвельт. Выходец из простой фермерской семьи, он не спешил верить всему, что говорили коммунисты. «Я никогда не принимал всерьез разговоры о том, что китайские коммунисты лишь «реформаторы-аграрии», — вспоминал Трумэн в середине 1950-х. К тому же летом 1945 года разведчики в Вашингтоне, проанализировав донесения своих коллег из Китая, а также огромное количество другой литературы о китайской компартии, доложили ему: «китайские коммунисты — это коммунисты... «Демократия» китайских коммунистов — это советская демократия...

Китайское коммунистическое движение — это часть международного коммунистического движения, финансируемого и руководимого из Москвы».

Вместе с тем, следуя пожеланиям американской общественности, Трумэн стремился как можно скорее вернуть домой американских солдат, которых в Китае насчитывалось 113 тысяч человек. Эти военнослужащие прибыли в Китай, чтобы оказать помощь в репатриации в Японию около трех миллионов японских граждан, в том числе полутора миллионов бывших солдат императорской армии и военно-морского флота, «сдавшихся, но не побежденных». Новая гражданская война могла затянуть процесс репатриации, а вместе с ним и пребывание в Китае американских

солдат. Более того, как и многие в то время в США, Трумэн испытывал определенную долю вины за то, что в 1920—1930-е годы Америка не помогла Чан Кайши преодолеть раздробленность его страны, сделав Китай легкой добычей японских агрессоров и тем самым по существу подтолкнув последних к Тихоокеанской войне. «Мы должны реабилитировать Китай и создать там сильное центральное правительство», — написал Трумэн госсекретарю Джеймсу Бирнсу в то время. И именно он через своего посла Хэрли заставил Чана трижды обратиться к Мао с предложением переговоров.

Сталин тоже не хотел новой бойни в Китае, так как в своих геополитических расчетах 1945–1949 годов должен был учитывать монополию США на ядерное оружие и делать все возможное, чтобы не спровоцировать Вашингтон на ядерную атаку. Более того, ради поддержки Мао Цзэдуна он не хотел рисковать и тем, что уже получил от США и Великобритании в Ялте и по договору с Чан Кайши в Москве. Поэтому он начал открыто выражать сомнения в способности китайских коммунистов взять власть и посоветовал Мао «прийти к временному соглашению» с Чаном, настаивая на его поездке в Чунцин. И объяснил необходимость этого тем, что новая гражданская война якобы может привести к уничтожению китайской нации.

Мао Цзэдун был страшно подавлен таким «предательством» вождя и учителя, но не мог не подчиниться. 28 августа в 11 часов утра вместе с Чжоу Эньлаем и еще одним деятелем компартии Китая Ван Жофэем он вылетел из Яньани в Чунцин, хотя и не верил в успех переговоров. Во время полета Мао сказал своим товарищам: «Вполне возможно, что переговоры не принесут никаких результатов». Сопровождали коммунистических вождей прибывшие накануне в Яньань представитель Чана генерал Чжан Чжичжун и посол США в Китае Хэрли, принимавшие активнейшее участие в организации переговоров. Как и многие либералы в Госдепе, Хэрли считал китайских коммунистов «хорошими людьми, которые стремятся к реформам». «Конечно, — говорил он, — очень неприятным является наличие у <их> политической партии вооруженных сил, однако обязательно следует создавать демократическую базу для устранения этого положения, дабы коммунисты мирно сотрудничали и помогали Чан Кайши в общей борьбе».

Чан встретился с Мао тем же вечером, в 21.30, на банкете. И тот и другой держались подчеркнуто вежливо, улыбались, пожимали друг другу руки и даже выпили за мир и сотрудничество. О делах не говорили.

За стол переговоров сели на следующий день. Чан Кайши хотел

обсудить со старым врагом много вопросов, связанных с объединением и демократизацией страны. Еще на VI Всекитайском съезде Гоминьдана, проходившем в Чунцине с 5 по 21 мая 1945 года, Чан, идя навстречу американцам и другим союзникам, по крайней мере формально, повел дело к «уничтожению господства одной партии в Китае». Он выступил с предложением завершить после войны период «политической опеки», созвав Национальное собрание, введя в стране конституционное правление и даже ликвидировав гоминьдановские ячейки в армии. 579 делегатов, представлявших 6 миллионов 920 тысяч членов Гоминьдана, постановили созвать парламент (Национальное собрание) 12 ноября 1945 года, очевидно, рассчитывая, что война к тому времени закончится.

Собираясь все это обговорить с вождем коммунистов, Чан хотел сделать упор на необходимость военного и административно-территориального объединения страны как залог ее дальнейшей демократизации. «Что касается политических требований, тут можно проявить исключительную терпимость, — считал он, — но в вопросе о полном объединении армий нельзя уступать ни на йоту».

Однако именно на слияние войск компартии с армией Чана и на передачу власти в «освобожденных районах» национальному правительству ни Мао, ни другие лидеры коммунистов идти не желали, будучи уверены, что это «неизбежно приведет КПК и ее вооруженные силы к ликвидации». Мао отказался даже сократить численность своих войск, насчитывавших тогда 1 миллион 200 тысяч военнослужащих. Более того, потребовал передать компартии, помимо Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся, еще пять провинций Северного Китая. Это не означало, конечно, что Мао собирался разделить Китай навечно, как считают некоторые историки. Ни корейский, ни будущий вьетнамский или немецко-австрийский варианты его не устраивали. Он просто хотел закрепиться на севере для того, чтобы потом легче было захватить весь Китай, но эти мысли, разумеется, вслух не высказывал. И все время твердил о необходимости немедленной демократизации, освобождения всех политических заключенных, проведения всеобщих выборов и образования коалиционного правительства.

Чан был не против демократизации, но считал, что всеобщие выборы — слишком сложная вещь, к которой надо как следует подготовиться. Требование же передать коммунистам пять провинций рассматривал как «разделение Китая на две части — два государства» и пойти на это, конечно, не мог. (Понимал ли он, что предложение Мао о разделении носило чисто тактический характер, неизвестно.) Чан истово молился,

прося Всевышнего вразумить Мао Цзэдуна, показав ему путь мирного объединения родины, но то ли Господь не услышал его, то ли атеист Мао не воспринял глас Божий.

Мао провел в Чунцине 43 дня, неоднократно встречался с Чаном и другими гоминьдановскими деятелями, а также с представителями либеральной общественности и даже подписал соглашение о мире, но при этом не отказывался от борьбы за власть. Он просто делал уступку Сталину, прекрасно понимая, что его, Мао, столкновение с Гоминьданом может быть успешным только при условии оказания военной и экономической помощи со стороны СССР. Да и Чан на самом деле мечтал только об уничтожении компартии. «Гоминьдан никогда не подчинится рыхлому конгломерату партий», — полагал он. В этом же духе настраивал его представитель Черчилля, считавший, что «есть только один ответ коммунистам, и этот ответ — победа на поле брани». В общем, переговоры не могли ни к чему привести, и не привели. По словам Мао Цзэдуна, «между сторонами обнаружилась дистанция огромного масштаба». Было подписано лишь формальное соглашение о недопущении гражданской войны, да, кроме того, Чан обещал предоставить народу демократические свободы, созвать многопартийную Политическую консультативную конференцию (ПКК) для широкого обсуждения вопроса о Национальном собрании и наконец завершить период политической опеки.

Но уже во время переговоров о мире, в сентябре — октябре 1945 года, коммунистическая полевая армия военного района Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань под командованием Лю Бочэна и Дэн Сяопина, следуя указанию Мао, провела успешную операцию против войск Гоминьдана, продвигавшихся в горный район Тайхан на границе провинций Шаньси и Хэбэй для принятия японской капитуляции. Сделано это было, по словам Мао, «с тем, чтобы оказать давление на ГМД и заставить его быть более уступчивым в переговорах». После этого, стремясь закрепить успех, Мао Цзэдун дал указание Лю и Дэну провести еще одну операцию против продвигавшихся на север гоминьдановских войск. И вновь их армия одержала победу, тем самым по сути дела и положив начало настоящей гражданской войне.

А в октябре 1945 года Сталин принял решение передать войскам китайской компартии в Маньчжурии часть захваченного советскими солдатами вооружения Квантунской армии, а также не разрешил гоминьдановской армии высадиться в порту Далянь под предлогом того, что этот порт — торговый, а не военный. И еще — дал приказ советским войскам позволить вооруженным силам компартии захватить на юге

Маньчжурии два других порта. В результате высадка гоминьдановских войск в Маньчжурии была полностью блокирована. 17 ноября коммунисты в Шэньяне создали некий «Съезд представителей народов Маньчжурии», на котором провозгласили Коалиционный автономный совет Маньчжурии, главой которого заочно был избран Чжан Сюэлян, по-прежнему находившийся в неволе у Чан Кайши. И все это — невзирая на то, что по одному из соглашений, подписанных в Москве 14 августа 1945 года, советские войска были обязаны передать всю власть на оккупированных ими территориях национальному правительству Китая.

При этом Сталин не желал афишировать свое участие в китайской гражданской войне, хотя и начинал, по-видимому, принимать ее как реальность. Не желал он выступать и посредником между китайской компартией и Гоминьданом, формально заявляя о «невмешательстве во внутренние дела Китая», но при этом явно поддерживая одну сторону конфликта — Мао Цзэдуна. Поэтому все попытки Чана решить с ним вопрос о переброске войск Гоминьдана в Маньчжурию окончились неудачей. Сталин не позволил Чану даже перевезти его войска по КЧЖД и не дал добро на формирование в Маньчжурии гоминьдановских военных частей из местного населения.

Чан Кайши находился в полной растерянности. А тут еще импульсивный посол США Хэрли внезапно подал в отставку. Это было неожиданно не только для Чана, но и для Трумэна. В конце сентября Хэрли вернулся в Вашингтон для консультаций, а 27 ноября, менее чем через два часа после того, как заверил Трумэна, что «в Китае все находится под контролем», сделал заявление для прессы, обвинив госдеповских «карьеристов» в проведении в этой стране «прокоммунистической» политики и передав репортерам подготовленное еще за день до того обращение к Трумэну о сложении с себя полномочий посла. Под «карьеристами» Хэрли имел в виду бывшего второго секретаря посольства США в Китае Сервиса, которого он уволил еще в апреле 1945 года. Вернувшись в США, тот предоставил редактору журнала «Амэрэйша» Джаффе секретные госдеповские документы, где выражалась симпатия к коммунистам. Джаффе их опубликовал, после чего Сервиса и еще четверых человек арестовало Федеральное бюро расследований (ФБР) США. Вскоре их, правда, под разными предлогами освободили, а Сервиса даже отправили на работу в Японию. Так что демарш Хэрли казался несколько запоздалым. «Посмотрите, что сукин сын <Хэрли> сделал со мной!» — воскликнул Трумэн, обращаясь к членам своего кабинета, собравшимся в тот день на еженедельное застолье. Он был в ярости и растерянности, не

зная, кем заменить Хэрли.

Выход нашел министр сельского хозяйства Клинтон Андерсон, предложивший кандидатуру генерала Маршалла, бывшего начальника Генштаба, героя Второй мировой, которого Черчилль как-то назвал «архитектором победы». Тот, правда, уже шесть дней, как был в отставке, но Трумэн тут же ему позвонил, попросив отправиться в Китай. «Слушаюсь, мой президент», — лаконично ответил Маршалл и повесил трубку.

Чан поначалу был расстроен. Вместо Хэрли ему хотелось видеть послом Ведемейера, которого он очень ценил. Но Трумэн и не посылал Маршалла в Китай послom, хотя и возвел его в этот ранг. Место посла оставалось вакантным; Маршалл же исполнял роль специального представителя президента, перед которым Трумэн поставил задачу «убедить китайское правительство созвать национальную конференцию из представителей главных политических групп для того, чтобы осуществить объединение Китая и одновременно способствовать прекращению столкновений, особенно в Северном Китае». Президент США разрешил Маршаллу даже пригрозить Чану — если Китай не будет объединен, то американцы не «смогут всерьез рассматривать» эту страну как «надлежащее место для американских вложений».

Маршаллу было около 65 лет. Высокий, под метр восемьдесят, худой, чуть сутуловатый, с пепельными коротко постриженными волосами и пронзительно голубыми глазами, он умел влиять на окружающих. Черчилль называл его «самым благородным римлянином», а будущий госсекретарь Дин Ачесон считал, что «от него исходила мощная, направленная на вас сила. Его фигура излучала энергию, которую усиливал звук его голоса, низкого и резкого стаккато. Он вызывал уважение. От него веяло властью и спокойствием».

Маршалл когда-то неплохо знал Китай, служил в Тяньцзине вместе со Стиллуэллом в 1924–1927 годах и даже немного владел китайским языком. Но о Чан Кайши как о человеке и о его окружении имел представление лишь по донесениям своего друга Стиллуэлла. Много лет спустя Маршалл будет отрицать, что именно отношение Стиллуэлла к Чану «окрасило» его представление о националистическом Китае, и даже заявит, что был и остается «поклонником Чан Кайши». На самом же деле он относился к Чану очень критически еще до прибытия в Китай 21 декабря 1945 года, а потом неоднократно высказывал ему не менее резкие замечания, чем те, что делал Стиллуэлл. Перед отъездом из Штатов Маршалл встретился со знакомым нам Дональдом, который посвятил его в семейные тайны Чана. В

частности, рассказал о том, какое большое влияние оказывает на Чан Кайши его свояченица Нэнси-Айлин, коррумпированная старшая сестра Мэйлин, являвшаяся супругой Кун Сянси. И хотя Дональд защищал Чана, уверяя, что сам он отнюдь не коррупционер, просто не в силах противостоять свояченице, критическое отношение Маршалла к режиму Чана не могло не упрочиться.

Накануне приезда Маршалла Чан Кайши совершил краткую поездку в Бэйпин, а затем завернул в Нанкин, где и встретил специального представителя президента США. В Пекине Чан выступил перед толпой школьников, которые были настолько возбуждены от прилива патриотических чувств, что окружили его тесной толпой, не давая спуститься с трибуны, тянули к нему руки, шумели, хватали за полы одежды. Такой же радостный прием его ждал в Нанкине. Прибыв в город, он прежде всего вознес молитву Всевышнему за то, что тот даровал ему победу, позволив спокойно вернуться в старую столицу. После этого прямо с аэродрома проследовал в Военную школу, на территории которой раньше жил, где встретился с генералами и офицерами, а для одной из аудиторий написал красивым почерком плакат: «Зал триумфальной песни Христа». В поездке его сопровождал Цзинго, с которым он посетил Мавзолей Сунь Ятсена на Лилово-золотой горе, чтобы поклониться великому учителю, а также другие достопримечательности. На обратном пути он остановился в Ухани.

Поездки на какое-то время развлекли его, но полностью расслабиться Чан не мог. Его волновал не прекращавшийся конфликт с китайской компартией, и хотелось выяснить, каковы же истинные цели Сталина в Китае. Через нового посла СССР Аполлона Александровича Петрова, сменившего Панюшкина весной 1945 года, он еще в середине ноября обратился к кремлевскому вождю с просьбой принять в качестве его (Чана) личного представителя своего старшего сына. К тому времени Цзинго стал наиболее доверенным лицом отца. По словам Сун Цинлин, свояченицы Чана, трудно было «найти второго такого человека, который бы пользовался столь широкими полномочиями, как Цзян Цзинго». О возросшей роли Цзинго в китайской политике знал и Сталин. Не случайно летом 1945 года на банкете по случаю приезда в Москву китайской делегации во главе с Т. В. Суном он поднял тост и за Чана, и за Цзян Цзинго «как преемника Чан Кайши».

Цзинго вылетел в Москву из Чунцина в Рождество, 25 декабря 1945 года, и Сталин удостоил его двумя продолжительными аудиенциями — 30 декабря (час сорок минут) и 3 января (час тридцать), но никаких обещаний

не дал. Более того, принял его не как личного представителя главы дружественного государства, а как частное лицо: дал команду не украшать аэродром, куда приземлялся самолет с Цзинго, флагами СССР и Китая, не выставлять почетный караул, не исполнять гимны. Да и поселил Цзинго как туриста — в гостинице «Националь», за его собственный счет (ему дали обычную комнату под номером 200). Во время же переговоров в основном отнекивался, говоря, что о ситуации в Китае знает мало, а о положении в китайской компартии — почти ничего. Он даже спрашивал Цзинго, является ли Китай республикой! Не знал он, по его словам, и о том, чего хотят коммунисты в Китае. На неоднократные же просьбы Цзинго дать китайским коммунистам совет сотрудничать с Гоминьданом отвечал одно — что «китайские коммунисты не подчиняются русским коммунистам» и «не просят совета». И даже сказал, что «Советское правительство... недовольно их поведением» и «они знают, что Советское правительство с ними не согласно». «Если они обратятся за советом, то он им будет дан, а так — Бог его знает», — глубокомысленно заметил вождь, добавив, что, с его точки зрения, «у коммунистов есть какая-то затаенная мысль». Нелестно высказался он и о Мао: «Мао Цзэдун — своеобразный человек и своеобразный коммунист. Он ходит по деревням, избегает городов и ими не интересуется». «Он, тов. Сталин, этого не понимает», — записал стенографист.

Слов нет, хороший спектакль разыграл «великий вождь и учитель»! Встретившись накануне нового, 1946 года с советским послом, Чан Кайши решил сыграть ва-банк, заявив для передачи Сталину, что согласен даже на мирное сосуществование в Китае вооруженных сил «различных партий и направлений», только бы они подчинялись приказам Верховного главнокомандования.

А Маршалл тем временем развернул кипучую деятельность, встретившись со многими китайскими политиками и приложив все усилия к тому, чтобы вновь усадить гоминьдановцев и коммунистов за стол переговоров. В разговорах с ним коммунисты и большинство членов других партий и беспартийных на чем свет поносили Гоминьдан, Чан же и его сторонники ругали компартию. Но Маршалл не вдавался в детали. Он стремился выполнить свою миссию любой ценой, так как привык побеждать. И когда Чан стал уж слишком настойчиво убеждать его в том, что коммунисты ненадежны, напрямик изложил ему угрозы Трумэна: «Нет единства — нет помощи и инвестиций».

Это возымело действие, и уже через 19 дней после приезда, 10 января 1946 года, Маршаллу удалось убедить Чана согласиться на перемирие. Под

соглашением подписались и коммунисты. Перемирие, правда, не везде соблюдалось, но Маршалл был доволен: ему казалось, что его миссия начала приносить плоды. 10 января в Чунцине открылась Политическая консультативная конференция с участием восьми гоминьдановцев, семи коммунистов, четырнадцати представителей либеральных партий и девяти беспартийных. Конференция приняла решение о созыве через четыре месяца, 5 мая (в годовщину вступления Сунь Ятсена в 1921 году в Кантоне в должность «чрезвычайного президента Китайской Республики»), Национального собрания для принятия конституции.

Но все это было формальностью. Китай нельзя было объединить путем переговоров. В стране, как и раньше, существовали различные милитаристские группировки, и из них компартия была лишь одной, хотя и самой агрессивной. В стране по-прежнему отсутствовал единый рынок, а безграмотное население ничего не понимало ни в демократии, ни в выборах, ни в конституции, живя, как и сотни лет до того, в своих замкнутых мирках. Ведемейер, хорошо понимавший эту страну, писал: «Китай не готов к демократической форме правления — и потому, что 95 процентов его населения безграмотны, и в силу многих других веских причин. Безмолвные массы Китая жаждут мира, но не очень-то заинтересованы в каких бы то ни было идеологиях, ничего не зная о них. Они заботятся главным образом о том, чтобы получить работу, обеспечить едой и одеждой свои семьи и жить в счастливой мирной обстановке. С ситуацией здесь лучше всего может справиться доброжелательный деспот или военный диктатор; коммунист или гоминьдановец — не имеет значения. По моему опыту, практически все китайские чиновники интересуются <только> собственным обогащением».

Ну как тут опять не вспомнить Черчилля, который еще в апреле 1945-го говорил Хэрли (то же он мог сказать и Маршаллу): «Вы чудак. Они <китайцы> в течение пяти тысяч лет не могут объединиться, а Вы <путем переговоров> хотите объединить их в три месяца». Пресечь центробежные тенденции в Китае можно было только силой. И Мао Цзэдун давно выразил это в яркой формуле: «Винтовка рождает власть».

Так же, как Мао, мыслил и Чан Кайши, а потому, поддавшись на уговоры Маршалла, тем не менее записал в дневнике: «Маршалл совершенно не понимает, что они <коммунисты> абсолютно неискренни... В последние дни я нахожусь в мрачном настроении, мне стыдно. Коммунистические же бандиты необузданны, они лают, как свора собак. Я знаю, что прошлые дела неразрешимы».

Перемирие продолжало нарушаться и коммунистами, и

гоминьдановцами. Маршалл вначале был склонен во всем винить Гоминьдан, потом — компартию, затем — опять Гоминьдан. 2 февраля 1946 года Чан записал в дневнике: «Разговаривал с Маршаллом. Похоже, он начинает постепенно осознавать мошенничество китайских коммунистов... Чжоу Энлай... сказал Маршаллу, что КПК настроена проамерикански, а не просоветски. Вот уж удивительно, нет слов!» А вот что констатировал Чан Кайши в конце февраля: «Хотя Маршалл и понимает меня более или менее хорошо, но влияние на него риторики коммунистов особенно глубоко. Американцы легко поддаются на обман, их нетрудно одурачить. Это справедливо даже для таких закаленных бойцов, как Маршалл... Не перестаю волноваться о судьбах мира».

Трумэн тоже волновался о судьбах мира, но, как и большинство американцев, считал, что спасение человечества — только в демократизации. Китай он не знал и его специфику, в отличие от Ведемейера, не понимал. Получив донесение Маршалла о том, что первый этап его миссии успешно завершился, он написал ему 2 февраля 1947 года: «Похоже, что китайская программа осуществляется точно так, как мы запланировали».

15 марта довольный Маршалл вернулся в Вашингтон для консультаций с президентом. Он считал, что теперь пришло время подкрепить мирный процесс в Китае крупной суммой денег, и запросил кредит в 500 миллионов долларов. Но пока Маршалл отсутствовал, ситуация вышла из-под контроля. Связано это было во многом с ухудшением китайско-советских отношений из-за вопроса о Маньчжурии.

Вплоть до весны 1946 года Чан все надеялся, что Сталин выполнит договор о дружбе и союзе и поможет установить власть гоминьдановского правительства на северо-востоке Китая. И для того, чтобы успеть переправить в Маньчжурию свои воинские части, еще дважды просил кремлевского диктатора отсрочить вывод оттуда советских вооруженных сил — сначала до 3 января 1946 года, а потом — до 1 февраля. Но никакой помощи так и не получил. Более того, оккупационные войска остались на северо-востоке Китая и после 1 февраля («ввиду зимних условий и плохой погоды»), причем занимались беспардонным грабежом: под видом «военных трофеев» демонтировали и вывозили в Советский Союз крупные промышленные предприятия, включая Аньшанский металлургический комбинат и авиационный завод в Цзюйтяне, а также присваивали имущество не только японских, но и китайских граждан. В результате экономике Маньчжурии, по разным данным, был нанесен урон на сумму от 858 миллионов до 2 миллиардов 236 миллионов американских долларов.

Неудивительно, что Гоминьдан и общественность стали открыто выражать недовольство поведением Советской армии. В феврале-марте 1946 года в Чунцине, Шанхае, Нанкине и Кантоне прошли массовые демонстрации студентов, носившие резко антисоветский характер.

Этим настроениям поддался и Чан Кайши, начавший проводить недалёковидную политику в отношении СССР. 6 марта 1946 года МИД китайской Республики выразил по поводу разграбления Маньчжурии протест, потребовав немедленной эвакуации Советской армии. Понимал ли тогда Чан, что на смену русским придут китайские коммунисты? Вероятно, нет: он рассчитывал сам занять остающиеся Советами города, опираясь на помощь США. Но просчитался.

Через неделю, 13 марта, Сталин начал отвод советских войск, завершившийся 3 мая. Одновременно, обидевшись на Чана, он призвал китайских коммунистов действовать активно и свободно, даже раскритиковав их за излишнюю вежливость по отношению к Соединённым Штатам. Советская армия стала оказывать КПК огромную помощь в переброске её войск в Маньчжурию, передала им оставшееся вооружение Квантунской армии и даже частично немецкое, чехословацкое и советское оружие.

Американцы старались оказать помощь Чан Кайши в переброске его войск в Северный, Северо-Восточный и Восточный Китай и даже не пожалели на это огромную сумму — 300 миллионов долларов (для сравнения: во время Второй мировой войны на поставки в Китай по ленд-лизу они потратили всего 846 миллионов)^[120]. Но они не могли использовать главные маньчжурские порты — Далянь и Порт-Артур, продолжавшие находиться под советской оккупацией.

К тому времени отношения Советского Союза и Соединённых Штатов резко ухудшились, в мире «заполыхала» холодная война. Ещё в начале 1946 года Трумэн написал своему госсекретарю Бирнсу: «Я устал нянчиться с Советами», после чего американцы взяли курс на сдерживание СССР. Сталин ответил тем же. 9 февраля он произнес довольно критическую по отношению к бывшим союзникам речь на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа города Москвы. А 5 марта, во время визита в США, с одобрения Трумэна и в его присутствии Черчилль обрушился на политику Сталина в Восточной Европе в речи при вручении ему диплома почётного доктора Вестминстерского колледжа в городе Фултоне (штат Миссури).

И тогда Мао предпринял новую атаку на Гоминьдан, отдав приказ нанести удар по гоминьдановским войскам в Маньчжурии, начавшим 31

марта продвигаться к столице провинции Цзилинь — Чанчуню, оставленному Советской армией. И вновь коммунисты одержали победу, после чего во второй половине апреля заняли крупные города Чанчунь и Харбин, превращая Маньчжурию, богатую нефтью, газом и углем, в свою военную базу.

Чан вознегодовал. «Коммунистические бандиты открыто захватили Чанчунь... нарушили договоренность о прекращении войны, вызвали смуту в государстве, — записал он в дневнике. — ...Россия открыто перебрасывает на самолетах помощь коммунистическим бандитам, из Харбина в Чанчунь по железной дороге непрерывно перевозит солдат коммунистических бандитов. Они <русские> решили разделить Северо-Восток <Китая>, создав в Северной Маньчжурии марионеточный режим из их коммунистических бандитов».

В новых условиях Чан Кайши пришел к выводу, что американцы уже не смогут не помогать ему. Однако он не учел глубины демократических заблуждений Трумэна и его окружения. Американцы упорно гнули свою линию. И вместо того, чтобы предоставить Чану незамедлительную военную помощь, продолжали настаивать на мирном урегулировании конфликта и на проведении в Китае демократических реформ. Маршалл, вернувшийся в Чунцин в апреле 1946 года, откровенно заявил Чан Кайши, что правое крыло Гоминьдана на него (Чана) плохо влияет и что если Чан будет продолжать слушать военных ястребов, это приведет Китай к такому же краху, какой переживает Япония.

Но Чан его советов не послушал. «Во второй половине дня обсуждал с Маршаллом курс в отношении коммунистов, — записал он в дневнике 22 апреля. — Он по-прежнему давил на меня, советуя, чтобы я пошел на компромисс, но я вновь ясно изложил свою позицию». И далее: «Он <Маршалл> не знает, что, если в настоящее время я пойду на уступки коммунистическим бандитам, это будет равносильно моему подчинению России и капитуляции перед ней».

Чан был уверен, что сможет одержать победу над коммунистами в три месяца, а потому война разгоралась. И к счастью для Чана, он начал действительно одерживать победы над Мао Цзэдуном. Его войска численностью 4 миллиона 305 тысяч человек значительно превосходили армию коммунистов, в которой, как мы помним, было не более 1 миллиона 200 тысяч солдат и командиров.

29 апреля Чан откровенно изложил Маршаллу свое понимание того, какую политику Соединенные Штаты должны вести в Китае: «<Вам> надо пересмотреть отношение к России и <китайским> коммунистам. И сделать

это быстро. Перед вами стоит вопрос: пассивно ли уйти из Восточной Азии или активно вмешаться <в события>, сыграв <в них> руководящую роль? Нельзя уходить пассивно — так, как вы сделали 18 сентября <1931 года>. <Ваш уход> привел к трагедии Второй мировой войны. Если бы тогда США и Великобритания применили против Японии силу, предприняв активные действия, Япония смирилась бы и трагедию войны можно было бы избежать. Ситуация в Восточной Азии сегодня такая же. Сейчас нельзя заниматься пустой болтовней с коммунистами. Вместо этого надо, собрав все силы, перейти к активным действиям. И недвусмысленно заявить о решимости оказать помощь нашему Центральному правительству. Тогда <китайских> коммунистов и Россию можно будет победить. В противном случае Соединенным Штатам будет крайне трудно поддерживать свой руководящий авторитет в Восточной Азии, что несомненно приведет к Третьей мировой войне».

Но Маршалл и Трумэн третьей мировой, похоже, не испугались, а потому продолжили вести дело к прекращению китайской гражданской войны.

Между тем 3 мая 1946 года Чан с женой вернулся из Чунцина в Нанкин. А через два дня туда же переехало все национальное правительство. Нанкин вновь стал столицей Китайской Республики.

Чан был рад вернуться из более чем восьмилетней эвакуации. Поселился он опять в своей любимой Цилу (Хижине отдохновения) на улице Хуанпу, на территории Центральной пехотной военной школы. И каждое утро на автомобиле отправлялся в офис, находившийся в десяти минутах езды, на проспекте Чанцзян (Янцзы), во дворце Цзычжао — красивом пятиэтажном здании из желтого кирпича, построенном в конце 1935 года в виде трехступенчатой пирамиды для тогдашнего председателя правительства Линь Сэня, а потому названном в его честь (Цзычжао — величальное имя Линь Сэня). Офис Чана — просторная и по-спартански убранная комната в правом крыле второго этажа — единственным своим окном выходил в сад с высокими деревьями — душистой калиной, соснами и кедрами.

Нанкин постепенно принимал прежний вид, повсеместно шло строительство новых домов, разрушенные войной здания восстанавливались. Весной 1946 года в городах Китая прошли судебные процессы над главными подручными Ван Цзинвэя. Большинство из них, в том числе Чэнь Гунбо, в марте 1944-го после отъезда Вана на лечение в Японию вставший во главе марионеточного режима, были приговорены к расстрелу. Чан помиловал только одного из них — Чжоу Фохая (бывшего

заместителя Вана и Чэня), заменив ему смертную казнь на пожизненное заключение. Сказались связи: Чжоу Фохай был старым другом Дай Ли, того самого «китайского Гиммлера», который много лет возглавлял секретные службы китайского правительства. Дай, правда, погиб в авиакатастрофе за семь месяцев до суда, 17 марта 1946 года, но Чан, очевидно, в память о нем, не стал расстреливать Чжоу.

Страшная участь, с точки зрения китайцев, постигла главного преступника Ван Цзинвэя. Победители надругались над его останками, что по старинному поверью должно было оказать разрушающее влияние на его геомантику. За три месяца до возвращения Чан Кайши, в январе 1946-го, по приказу командующего сухопутными войсками генерала Хэ Инцзиня, получившего добро от Чана, его могила, находившаяся неподалеку от Мавзолея Сунь Ятсена на Лило-во-золотой горе, была взорвана. В декабре 1945 года, когда Чан с сыном посещали Нанкин, она еще там была, а вот теперь на ее месте, на небольшом холме Мэйхуашань (Холм цветов сливы) красовалась небольшая беседка, увитая виноградом. Установить ее приказал Сунь Фо, сын Сунь Ятсена. В 1947 году беседка тоже будет снесена, и на ее месте, также по решению Сунь Фо, соорудят довольно изящный павильон под изогнутой черепичной крышей.

Вскоре после переезда в Нанкин, 6 мая 1946 года, Чан получил приглашение Сталина посетить Москву. Это приглашение передал ему через Цзинго военный атташе посольства СССР Николай Васильевич Рошин. Чан вежливо отказался под предлогом того, что ситуация в Китае чересчур серьезна. Как пишет американский историк Стивен И. Левин, «он стремился избежать двухсторонних советско-китайских переговоров, предпочитая многостороннюю дипломатию, в которой американская поддержка могла компенсировать слабость Китая».

Война тем временем продолжалась. 23 мая гоминьдановские войска отбили у коммунистов Чанчунь. А за несколько дней до того взяли крупнейший город Маньчжурии Шэньян. Чан вместе с женой посетил его.

А в июне 1946 года благодаря неимоверным усилиям Маршалл смог опять достичь перемирия. Но и оно длилось недолго. Раскручивавшуюся пружину войны сжать было невозможно. В последней попытке вразумить Чана американское правительство в конце июля 1946 года ввело эмбарго на поставки вооружения его армии. Но и это не помогло.

В июле 1946 года Трумэн назначил нового посла в Китае — Джона Лэйтона Стюарта, крупного китаевода и миссионера, родившегося и прожившего в этой стране (с перерывами) 52 года. С января 1919 года Стюарт руководил Яньцзинским университетом в Пекине,

финансировавшимся американцами. Мысль сделать его послом Трумэну подсказал Маршалл, чувствовавший недоверие Чана к себе и считавший, что вдвоем со Стюартом (кстати, личным другом Чана и Мэйлин) ему будет легче влиять на генералиссимуса. Стюарт, правда, был уже довольно пожилым — ему исполнилось 70 лет, но это не смущало ни Трумэна, ни Маршалла, который познакомился со Стюартом в апреле 1946 года в Нанкине и с тех пор стал тесно сотрудничать с ним. Кандидатура Стюарта получила единогласную поддержку в Сенате США, а также полное одобрение Чан Кайши. Все надеялись, что именно Стюарт, американец по происхождению и китаец по духу, сможет помочь Чану в решении непростых проблем. После вручения верительных грамот Стюарт сказал генералиссимусу, что хочет поддерживать с ним отношения на основе их долгой дружбы, а не как американский чиновник.

Но именно в июле гражданская война опять обострилась. Под предлогом необходимости централизовать власть в условиях войны Чан стал всеми силами укреплять личную диктатуру, огнем и мечом искореняя диссидентов. В том же июле в Куньмине (провинция Юньнань) охранка расправилась с двумя лидерами Демократической лиги (прокоммунистической организации китайской интеллигенции, созданной в 1944 году), в том числе со знаменитым поэтом Вэнь Идо. Это вызвало широкий резонанс и в Китае, и за рубежом: в оппозиции к Чан Кайши и Гоминьдану оказалось еще больше людей, а либеральная западная общественность стала еще активнее подвергать Чана критике.

Чан и американцы все больше не понимали друг друга. «Взгляды и действия генералиссимуса были взглядами и действиями милитариста старой формации, а потому, как и другие милитаристы, он не пользовался любовью народа», — отмечал Трумэн. А Чан писал в дневнике: «Американцы по характеру очень наивны, они смешны, как дети». 10 августа президент США направил Чану письмо, выразив «серьезное беспокойство американского народа по поводу быстро ухудшающейся политической обстановки в Китае», подчеркнув, что, с его точки зрения, миссия Маршалла «оказалась бесполезной». Он обвинил во всем «экстремистские элементы как в Гоминьдане, так и в компартии», намекнув, что прекратит помощь, если Чан не исправит ситуацию, и призвав генералиссимуса сообщить ему «в ближайшем же будущем» что-нибудь «ободряющее». Но Чан не внял Трумэну и, встретившись с Маршаллом через шесть дней в Гулине, прямо заявил, что «коммунисты нарушают все условия перемирия... открыто проводя политику силы». Он объяснил, что ситуация изменилась и коммунисты теперь «работают рука

об руку с советским правительством». Маршалл попытался возразить, заметив, что «во многих случаях силу применяло именно правительство», но Чан не стал его слушать, объявив, что «не верит коммунистам». «В настоящий момент генералиссимус, похоже, явно склоняется к политике силы как единственному приемлемому решению», — сделал вывод Маршалл, через некоторое время написавший Трумэну, что они со Стюартом «загнаны в угол».

Осенью Чан объявил о намерении отобрать у коммунистов Калган. В ответ коммунисты предупредили, что будут считать атаку на этот хэбэйский город официальным объявлением гражданской войны. Узнав об этом, Маршалл тут же пригрозил Чану, что попросит Трумэна прекратить всю экономическую и военную помощь Китаю и отозвать его (Маршалла) домой. 5 октября он написал об этом Трумэну, который с апреля 1946 года вынашивал идею назначить Маршалла вместо заболевшего Бирнса госсекретарем. В тот же день Чан, встретившись с Маршаллом, заявил, что «не может и помыслить» о его отъезде. Но с предложением Маршалла «прекратить войну» не согласился. Правда, на следующий день под давлением Маршалла и Стюарта он дал обещание приостановить военные действия в районе Калгана, но не сдержал их. 10 октября гоминьдановцы взяли Калган.

Маршалл был вне себя и, посетив Чан Кайши, сказал ему: «Вы нарушили соглашения, вы отбросили наши планы. Раньше люди говорили, что вы современный Джордж Вашингтон, но после всего этого они так никогда не скажут». Спыхватившись, что его слова звучат недипломатично, он попросил Мэйлин не переводить их, если она считает это слишком бестактным, однако супруга генералиссимуса решила, что Чану надо их услышать.

Чан слушал молча, то поднимая, то опуская носки сапог, — так он делал всегда, когда нервничал. Но ничего не ответил: он был уверен в своей правоте и в близкой победе над коммунистами.

И, казалось, Чан имел на то основания. После кровопролитных боев войска коммунистов оставили 105 городов и других населенных пунктов. Чан Кайши повел широкое наступление по всему фронту — от провинции Шэньси на западе до тихоокеанского побережья на востоке. Продолжал он войну и в Маньчжурии.

Американцы, правда, считали действия Чан Кайши «сверхамбициозными», предупреждая, что такая военная кампания «ввергнет страну в экономический хаос и в конце концов приведет к поражению национального правительства», поскольку Чан, растягивая

фронт, подставляя свои «линии коммуникаций под удар коммунистических партизан», вынуждая солдат своей армии «либо отступать, либо сдаваться вместе с вооружением, поставляемым Соединенными Штатами».

В том, что говорили американцы, был резон. Армия Чан Кайши не имела никакого другого преимущества перед войсками Мао Цзэдуна, кроме материального. В моральном же плане она существенно проигрывала. И Чан сам это скоро поймет. В 1947 году он признает, что несмотря на то что его войска «обеспечены оружием, продовольствием, фуражом и боеприпасами в десять раз лучше, чем коммунисты... нельзя отрицать, что <революционный> дух большинства командиров подорван». В отличие от солдат и командиров китайской компартии, гоминьдановцы совсем не горели желанием воевать. И в этом, собственно, заключалась основная беда Чан Кайши: он бросал в бой дивизии и армии, но его генералы часто стремились избежать сражений, будучи «озабочены только тем, чтобы сберечь свои военные силы и ресурсы», рассматривая свои подразделения прежде всего как источник собственного политического влияния в обществе и обогащения. По-прежнему во всех частях процветали коррупция и местничество.

Ситуация была несколько не лучше, чем во времена Стилуэлла, который еще в 1944 году писал: «Он <Чан> не может понять, что массы китайского народа приветствуют красных как единственную осязаемую надежду на освобождение от убивающего их налогообложения, насилия со стороны армии и <террора> Гестапо, руководимого Дай Ли. При Чан Кайши они <массы> начинают сейчас видеть то, что, возможно, и ожидали <увидеть>: жадность, коррупцию, фаворитизм, еще больше налогов, разрушенную экономику, ужасающие жертвы, колоссальное пренебрежение всеми правами человека».

Пристально наблюдавший за ситуацией в Китае Трумэн заметил в неформальной беседе с группой американских издателей, что в Китае все «очень и очень плохо».

Между тем во второй декаде октября 1946 года Чан и Мэйлин посетили Тайвань, бывшую провинцию Китая, отторгнутую Японией в 1895 году. Ранее, 15 августа 1945 года, как только Япония капитулировала, Чан назначил губернатором Тайваня генерала Чэнь И, являвшегося в то время губернатором провинции Фуцзянь. И тот, когда американцы переправили на Тайвань чанкайшистские войска, 25 октября 1945 года, принял ставшую уже формальной капитуляцию от местного японского генерал-губернатора. Собственно, Чан и Мэйлин потому и прилетели на Тайвань в октябре 1946-го — принять участие в торжествах по случаю

первой годовщины возвращения Тайваня в лоно родины. Это была их первая совместная поездка на остров, который португальцы в XVI веке называли Илья Формоза (Красивый остров). Чан с женой побывали в Тайбэе и Тайчжуне. В Тайбэе, столице провинции, они остановились в красивейшем месте — в горах Цаошань (Травяные горы), в северном предместье города, у горячих минеральных источников. Чан заметил, что японское влияние на острове еще глубоко, однако очень многое ему и понравилось: и природа, и особенно то, что на острове не было коммунистических организаций. Малочисленная тайваньская коммунистическая партия прекратила свое существование еще в 1931 году, и с тех пор коммунистические идеи не находили отклика в сердцах ни тайваньцев (то есть китайцев, родившихся на этом острове), ни перебравшихся сюда материковых китайцев, поскольку уровень жизни здесь при японцах был намного выше, чем при Чане на материке. «Тайвань можно назвать чистой землей. Мы должны отстроить его, превратив в образцовую провинцию нашей страны», — записал Чан в дневнике.

Вскоре после того, как Чан и Мэйлин вернулись в Нанкин, 4 ноября, между Китаем и США был подписан важный для Чана Договор о дружбе, торговле и мореплавании. Он был совершенно равноправным: никаких привилегий в Китае США не получали. Но договор немедленно был подвергнут суровой критике китайскими и советскими коммунистами. В Яньани даже на три дня приспустили флаги, а Мао Цзэдун объявил 4 ноября «днем национального позора». Обвинения, правда, не были ни на чем основаны, и единственное, за что можно было упрекнуть Чан Кайши, да и то чисто теоретически, так это за то, что договор разрешал гражданам США строить в Китае промышленные предприятия и инвестировать капитал в китайскую промышленность. Да, кроме того, предоставлял американцам режим наибольшего благоприятствования. Но его могла получить в Китае любая другая держава, а за привлечение иностранного капитала в китайскую экономику ратовал и сам Мао, выступавший тогда за «новую демократию». Коммунистов, однако, не волновало, насколько их критика была справедливой. Они использовали договор для разжигания мощной антиамериканской кампании, направленной на быстрейший вывод войск США из Китая. Досталось и Чану, «продавшему Китай американскому империализму». А тут еще 24 декабря в Бэйпине одна студентка заявила о том, что ее изнасиловал американский солдат. По всей стране стали создаваться общества «протеста против насилий американских войск в Китае», начался сбор подписей за изменение

китайской политики США. В итоге к 1 июня 1947 года Трумэн вывел почти все свои войска из Китая. По просьбе Чана остались только 6180 человек — из группы советников и охранных подразделений.

Между тем 15 ноября 1946 года Чан Кайши созвал в Нанкине Национальное собрание, которое первоначально, как мы помним, было запланировано на 5 мая, но в срок проведено не было. Коммунисты его бойкотировали, ибо считали выборы в него незаконными, поскольку проходили они по гоминьдановскому сценарию. Чжоу Энлай, до того сотрудничавший с Маршаллом, демонстративно улетел в Яньань, дав понять, что компартия больше не будет вести с Гоминьданом даже формальных переговоров. В Национальном собрании не участвовали и представители Демократической лиги, и некоторые видные беспартийные политики. И все же собрание не являлось однородным. Из 1355 делегатов 15 процентов составляли оппозиционные Гоминьдану люди.

В рождественский день, 25 декабря, Национальное собрание приняло Конституцию Китая, которая была обнародована 1 января 1947 года. Она была основана на учении Сунь Ятсена о разделении властей на пять независимых ветвей: законодательную, исполнительную, судебную, экзаменационную и контрольную и провозглашала Китайскую Республику «демократической республикой народа, для народа, управляемой народом, основанной на трех народных принципах». Ряд статей гарантировал гражданские права и свободы, в том числе всеобщее и равное право избирать членов парламента и местные органы власти (по достижении двадцатилетнего возраста) и быть избранными в эти органы власти (по достижении 23-летнего возраста). Президент и вице-президент избирались Национальным собранием на шесть лет и не более чем на два срока каждый. В общем, это был вполне демократический документ. И, по словам Стюарта, он «превзошел все его ожидания».

Тем временем гражданская война продолжалась, и Маршаллу больше нечего было делать в Китае. 3 января 1947 года Трумэн дал распоряжение Бирнсу, госсекретарю, отозвать его в Вашингтон. А пока Маршалл был в дороге, назначил его новым госсекретарем.

Перед отъездом Маршалл сказал Чан Кайши, что не верит в его победу, заметив, что коммунисты могут вести войну на истощение, перерезывая, когда хотят, линии снабжения и коммуникаций националистов, в то время как войска Чана стремятся удерживать в своих руках города.

Вряд ли Маршалл имел право так унижать Чан Кайши. Не только Чан и Мао, но и сами американцы были виновны в том, что их посредничество

в переговорах между гоминьдановцами и коммунистами об «объединении и демократизации Китая» не удалось. Сталин просто переиграл Трумэна, сознательно отдав ему роль единственного посредника, несмотря на то что и американцы, и Чан не-416 однократно просили его также взять на себя посреднические функции. Но он, понимая, что США хотят играть роль Мессии в распространении демократических ценностей по всему земному шару, по сути дела вынудил их таскать из огня каштаны именно для него. Ведь не кто иной, как Сталин посоветовал китайской компартии еще во время антияпонской войны выступить как главный апологет демократии в Китае — в противовес тоталитарному Гоминьдану. Так что американское вмешательство в китайские дела (посредничество Хэрли и Маршалла) могло укрепить лишь позиции КПК — точно так же, как формальное невмешательство СССР, демонстрировавшего, что Советы не имеют ничего общего с «маргариновыми коммунистами» Китая. А то, что Сталин фактически помогал коммунистам вооружением, доказать было трудно: любое расследование требовало времени и сил, которых ни у американцев, ни у чанкайшистов не было. К тому же Сталин упорно все отрицал, уверяя, что не вмешивается во внутренние дела Китая.

Иными словами, заставляя Чан Кайши по сути подыгрывать коммунистам в их пропагандистских «демократических» трюках, Маршалл, сам того не желая, играл на руку Сталину. Так что с этой точки зрения его миссия была не просто неудачной, а провальной: ведь она не только не предотвратила гражданскую войну в Китае, но и укрепила позиции Мао и Сталина. Вместе с тем трудно не согласиться и со Стивеном И. Левином, который пишет, что в миссии Маршалла было и положительное зерно: представитель президента США смог свести на нет возможность открытого противостояния в Китае Америки и СССР и к тому же оттянул, насколько было возможно, широкомасштабную гражданскую войну.

Как бы то ни было, но отъезд Маршалла развязал руки и Чан Кайши, и Мао Цзэдуну. Китай окончательно погрузился в пучину гражданской войны, самой ожесточенной из всех, которые когда-либо переживал. И в этой войне Чану противостоял враг намного сильнее японцев, враг, опиравшийся не только на свои вооруженные силы, но и на поддержку многомиллионных масс китайского народа, а также на помощь одной из сильнейших стран мира — СССР, враг, не стремившийся сделать из Чан Кайши марионетку, склонив его к капитуляции, а ставивший целью полное уничтожение его режима.

Война, таким образом, пошла не на жизнь, а на смерть. И Чан

поставил на карту все, что у него было.

Часть VI

«ИМЕЯ ВОЛЮ, ДОБЬЕШЬСЯ ПОБЕДЫ»

蔣

Катастрофа

Между тем во второй половине 1946 года резко ухудшилось экономическое положение страны. Война отнимала от семидесяти до девяноста процентов сильно инфляционного бюджета, а Чан Кайши все продолжал настаивать на том, чтобы, как и в годы Второй мировой войны, печатать все больше бумажных денег. С сентября 1945-го по февраль 1947-го курс юаня упал в 30 раз. За один январь 1947 года он понизился более чем в два раза — с семи тысяч семисот юаней до восемнадцати тысяч за доллар. В 1947 году ежемесячный рост цен составил 26 процентов. 1 марта 1947 года Т. В. Сун, не согласный с такой политикой, подал в отставку, и тогда Чан вместо него занял место председателя Исполнительной палаты. Это было смело, но недальновидно: концентрируя всю полноту власти, Чан Кайши сам подставлял себя под критику населения, страдавшего от инфляции и роста цен. Чан осознал это довольно скоро и, по рекомендации Маршалла, уступил этот пост другу юности и одному из самых доверенных лиц Чжан Цюню, считавшемуся в гоминьдановской верхушке либералом.

А кризис все продолжал углубляться. Очевидец сообщает: «Инфляция была столь стремительной, что если какой-то суммы утром хватало на покупку трех яиц, то уже днем за эти же деньги можно было купить лишь одно. Деньги возили в тележках, а цена риса была так высока, что люди, в обычные времена и не помышлявшие о воровстве, громили продовольственные лавки и выносили оттуда все что могли». Бутылка кока-колы, стоившая на американские деньги десять центов, продавалась за миллион юаней.

Закусив удила Чан саботировал любые предложения провести реформы, как экономические (в том числе аграрную и налоговую), так и политические. На словах он соглашался их осуществить, но ничего не делал. Еще в середине июля 1946 года гоминьдановцы объявили о начале земельной реформы, включавшей снижение налогов, расширение кредитования земледельцев и даже перераспределение земли, но дальше деклараций не пошли. Было понятно, что Чан просто не желал вступать в конфликт с американцами, настаивавшими на реформах, однако считал, что их осуществление пока невозможно, а потому откладывал на послевоенное время.

По-прежнему против любых оппозиционеров применялись репрессивные меры. Наиболее массовые репрессии имели место на

Тайване в феврале — мае 1947 года. Против демонстрантов, выступивших с осуждением коррупции гоминьдановских чиновников, централизации экономики, безработицы, инфляции и роста цен, были брошены войска и полиция. Губернатор Тайваня Чэнь И получил полную поддержку Чана, считавшего необходимым поддерживать мир и порядок на Тайване, опираясь «на военную силу». В результате столкновений, начавшихся 28 февраля, на прекрасном острове, так понравившемся Чану и Мэйлин, погибло несколько тысяч человек (по данным ЦРУ — от десяти до двадцати тысяч), три тысячи бежали с острова. «Чистая земля» была залита кровью, а любое публичное упоминание о бойне приравнено к государственному преступлению.

7 марта 1947 года Трумэн сказал членам своего кабинета: «Чан Кайши не сможет победить. Победят коммунисты — они фанатики. <Давать помощь> при такой обстановке, это все равно что сыпать песок в крысиную нору». Его полностью поддержал госсекретарь Маршалл: «Он <Чан Кайши> отдает примерно 40 процентов своих вооружений врагу (так как его войска плохо воюют. — А. П.). Если процент возрастет до 50, он должен будет решать, стоит ли ему вообще вооружать свои войска». С ними, однако, не согласились министры обороны и ВМФ, а также генерал Макартур, некоронованный король Японии, командовавший союзными оккупационными войсками в Стране восходящего солнца. Макартур выразил мнение этой группы военных наиболее точно: «Гоминьдан не лучшая <партия, но> она на нашей стороне».

Между тем, однако, 12 марта 1947 года авиация Чан Кайши нанесла бомбовый удар по самому городу Яньань, столице коммунистов, и окрестному пещерному лагерю, где жили вожди компартии. И через несколько дней войска Ху Цзуннаня заняли Яньань. Но это было последним успехом Чана.

Уже летом 1947 года части коммунистов начали наступать на позиции противника. Чан запаниковал. В июне 1947 года он обрушил на своих генералов и офицеров ярость и гнев: «Если бы речь шла только о духе и морали, уровне знаний и способностей, а также о степени понимания того, что представляем из себя мы и что наши враги, то мы должны были потерпеть поражение от армии бандитов уже давно».

По его требованию прокурор Верховного суда издал приказ об аресте Мао Цзэдуна, после чего все коммунисты были объявлены «предателями китайского народа». Но в войне уже наступил перелом. Поняв, что скоро коммунисты смогут разгромить Чана, американская администрация еще в конце мая 1947-го сняла эмбарго на поставки вооружения в Китай — через

десять месяцев после его введения. Забегая вперед скажем, что до конца 1949 года США предоставят Чан Кайши не только товары по ленд-лизу, но кредиты и займы на сумму около двух миллиардов долларов (больше, чем любой стране Западной Европы после Второй мировой войны). Кроме того, продадут оружие на сумму в 1 миллиард 200 миллионов долларов. Правда, ситуацию это переломить не сможет.

В июне 1947 года посол США Стюарт заявил советскому послу Петрову: «Китайское правительство становится все более слабым. Это наблюдается в военном, экономическом и психологическом аспектах. Экономический кризис усиливается, финансовые затруднения вызывают недоверие к правительству, и рост недоверия... в свою очередь, является важнейшим психологическим фактором... В правительственных кругах нарастают пораженческие настроения... Чан Кайши должен пойти на решительные и существенные реформы. В противном случае ему следует... поехать за границу или уйти в отставку». А Маршалл в то же время откровенно сказал представителям бизнес-элиты США: «Я сломал свой мозг, но не могу найти ответа (на вопрос, что делать с Китаем. — А. П.)».

Не знал, что делать, и Трумэн. С июля 1946-го по июнь 1947 года войска Чана потеряли 780 тысяч солдат и офицеров, а с учетом местных охранных частей — 1 миллион 120 тысяч. Чтобы «оценить политическую, экономическую, психологическую и военную ситуацию» в этой стране, Трумэн в июле послал в Китай столь любимого Чаном генерала Ведемейера, который с мая 1946 года находился в Штатах.

Проведя обследование в течение двух месяцев, Ведемейер вынужден был перед отъездом сказать Чану правду (тем более что тот сам попросил его об этом): «Центральное правительство сможет победить китайских коммунистов, применив силу, но завоевать лояльность и горячую поддержку народа оно может, только если немедленно улучшит политическую и экономическую ситуацию». Он резко осудил широкомасштабную коррупцию, бездарное военное командование и репрессивное правительство, потерявшее доверие народа.

Чан обиделся, но политическую ситуацию решил улучшить. С 21 по 23 ноября 1947 года в районах, находившихся под его контролем, прошли выборы в Национальное собрание (конституционный парламент). Был избран 2961 депутат. Коммунисты и демократы бойкотировали выборы, но это было их дело. Не участвовали в выборах и некоторые левые деятели Гоминьдана, в том числе вдова Сунь Ятсена — Сун Цинлин, вдова Ляо Чжункая — Хэ Сяннин, маршал Фэн Юйсян и генерал Ли Цзишэнь. В ноябре 1947 года они собрались в Гонконге на так называемый I съезд

Левого Гоминьдана и 1 января 1948 года объявили о создании новой партии — Революционный комитет Китайского Гоминьдана, который «будет стремиться свергнуть диктаторский режим Чан Кай-ши <так в тексте>». Свояченица Чана, Сун Цинлин, стала почетным председателем Революционного комитета ГМД. 7 февраля 1948 года Фэн Юйсян обратился с открытым письмом к Чану, призвав его «уйти в отставку, немедленно покинуть страну, отдать все народу» и найти убежище в другой стране, лучше всего в Аргентине (?).

Деятельность раскольников, разумеется, была на руку коммунистам, и Чан их исключил из партии. А 29 марта 1948 года в массивном дворце Нанкина, расположенном недалеко от дворца Цзычжао, на проспекте Чанцзян, торжественно открыл первую сессию парламента, которая должна была избрать президента и вице-президента Китайской Республики.

За два месяца до ее созыва гуансийский генерал Ли Цзунжэнь, с которым у Чана, как мы помним, далеко не всегда ладились отношения, заявил о своем желании баллотироваться на пост вице-президента, потребовав избрать президентом профессора Ху Ши, известного философа и дипломата, к тому же беспартийного. Возможно, в условиях обострения гражданской войны это был бы наилучший вариант. Даже Чан стал раздумывать над ним. Ли Цзунжэня он избирать не хотел и даже уговаривал его снять свою кандидатуру (на пост вице-президента он намечал Сунь Фо, сына Сунь Ятсена), а вот с выдвижением Ху Ши готов был согласиться. Понятно, что он в глубине души сам хотел стать президентом, но, взвесив все «за» и «против», 31 марта все же предложил этот пост профессору Ху. Тот сразу же согласился. Это несколько озадачило Чана: как мы знаем, в Китае было не принято принимать предложение с первого раза. 1 апреля Чан пригласил к себе председателя Исполнительной палаты Чжан Цюня, чтобы еще раз посоветоваться о кандидатуре Ху Ши. Чжан в принципе не возражал против выдвижения профессора Ху, хотя и заметил, что у него сложный характер.

Но собравшиеся утром в воскресенье 4 апреля на очередной пленум члены Центрального исполкома и Центральной контрольной комиссии Гоминьдана никакого Ху Ши на посту президента видеть не захотели. По поручению пленума на следующий день вопрос обсудили члены Постоянного комитета ЦИК, большинство которых выступили за то, чтобы пост президента занял *цзунцай* (вождь) партии Чан Кайши. Собравшиеся на заседание 6 апреля члены ЦИК и ЦКК выдвинули в президенты Чана.

И 19 апреля депутаты Национального собрания, среди которых преобладали члены Гоминьдана, избрали Чан Кайши президентом на

шестилетний срок подавляющим большинством голосов. Из 2699 голосов за него было подано 2430, то есть 90 процентов, а за его формального конкурента, председателя Законодательной палаты Цюй Чжэна, — всего 269 (10 процентов). При вступлении в должность Чан обещал «привить нашему народу демократические навыки и, таким образом, повести нашу страну по пути к подлинной демократии».

Авторитет Чана, однако, не был непререкаемым. Несмотря на то что Чан недвусмысленно дал всем понять, что хотел бы видеть вторым лицом в государстве Сунь Фо, он столкнулся с оппозицией даже среди гоминьдановских депутатов. И большинством голосов на этот важный пост все же прошел генерал Ли Цзунжэнь. Он получил 1438 голосов из 2761, то есть 52,1 процента, в то время как Сунь Фо — 1295 голосов (46,9 процента). 28 голосов были признаны недействительными.

Депутаты проголосовали за генерала Ли, во-первых, потому, что он подкупил многих из них (стоимость одного голоса составляла 100 миллионов юаней и выше), а во-вторых, потому, что Ли Цзунжэнь, в отличие от генералиссимуса, считался сторонником демократических реформ. По крайней мере, он уверял, что «острый внутривластный и экономический кризис в Китае вызван загниванием политико-административной системы Гоминьдана. В этой системе господствует крупная бюрократия, которая не заботится об интересах народа. Поэтому разрешение внутренних проблем Китая необходимо начинать с проведения всеобщих реформ, направленных на улучшение государственной системы, очищение ее от коррупции, произвола, взяточничества и других социальных болезней».

За день до избрания Чана президентом члены Национального собрания по решению Постоянного комитета ЦИК, принятому 5 апреля, внесли в конституцию страны несколько дополнительных «Временных статей на период мобилизации для подавления смуты». Эти статьи давали право президенту вводить в стране военное положение, неограниченно продлевать свой срок пребывания у власти, а также принимать другие чрезвычайные меры в целях безопасности государства.

Между тем гоминьдановские войска разваливались буквально на глазах. К началу февраля 1948 года их потери составили уже 1 миллион 977 тысяч человек, и новое пополнение не могло компенсировать сокращение армии. Численность войск Чан Кайши сократилась до 3 миллионов 650 тысяч человек (по данным министра обороны Китая Хэ Инциня — четыре миллиона), в то время как вооруженные силы Мао Цзэдуна возросли до 2 миллионов 800 тысяч (по оценке Хэ Инциня — 2 миллионов 200 тысяч). 25

апреля 1948 года коммунисты вновь взяли Яньань.

Чан рвал и метал. «Большинство офицеров безмозглы, — сокрушался он, — ...а мозги у большинства солдат пребывают в спячке». «Только потому, что в Китае всё отсталое и не хватает талантливых людей, на вас, людях с мизерными способностями, лежит такой груз ответственности!» — кричал он на своих генералов. Но те были бессильны выправить положение. Боевой дух солдат продолжал стремительно падать. Во всех частях процветали воровство и коррупция. По-прежнему сильны были пережитки местничества и милитаризма. И Чан, по его собственным словам, уже ничего не мог поделать ни с коррумпированными военными, ни с продажными бюрократами. «Если я стану что-то менять, — сказал он одному из американских друзей, — правительство развалится и коммунисты захватят власть». Он и его ближайшие соратники, как и прежде, всеми силами старались вовлечь в конфликт американцев, подчеркивая, что «борьба в Китае составляет часть большого плана сопротивления русскому тоталитаризму» и что «Китай играет роль аванпоста третьей мировой войны», но у них ничего не получалось. Трумэн не менял свою политику.

Не веря Трумэну и считая, что тот со дня на день вмешается в китайский конфликт, причем применит против коммунистов ядерное оружие, Сталин в июне 1948 года отдал приказ начать транспортную блокаду Западного Берлина, стремясь отвлечь от Китая внимание американцев. Трумэн поддался на этот трюк, действительно на какое-то время переключив внимание на Берлин.

Остро давала о себе знать и неспособность правительства Китая стимулировать экономическое развитие. Весной 1948 года правительство вынуждено было ввести карточки на продовольствие во всех крупных городах и, чтобы как-то увеличить запасы зерна, ввело принудительные закупки его по заниженным ценам. Однако это оттолкнуло от Гоминьдана его естественного союзника — зажиточного крестьянина. В августе 1948 года цены на рис возросли в десять раз по сравнению с маем. Чтобы как-то выправить положение, Чан Кайши ввел в обращение золотой юань — он обменивался на три миллиона старых юаней (один американский доллар равнялся четырем золотым юаням). Но это тоже не помогло. Новый юань обесценился так же быстро, как старый.

Города переполняли беженцы, тяжелейшая ситуация сложилась в столице. Жительница Нанкина свидетельствует: «Здесь... не хватает муки, риса, сахара и дров... Магазины закрываются. Беженцы прибывают в город с севера. Люди голодают». Повсеместно разорялись предприятия, быстро

росла безработица, здесь и там проходили антиправительственные забастовки рабочих и демонстрации студентов. В общем, Чан Кайши потерял как свою армию, так и тыл. Его внутренняя политика вызвала недовольство широких масс населения.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
КПК С ГОМИНЬДАНОМ
(1946—1949 гг.)

Чан 15 сентября 1948 года выступил по радио с обращением к нации начать «движение за трудолюбие и экономию в целях осуществления национальной реконструкции», чтобы «сократить до минимума потребление в общественной и частной жизни и... повысить производство и боевую мощь до наивысшего возможного предела». Он призвал народ «усердно трудиться и жить экономно», чтобы «сберечь ограниченные ресурсы Китая» и «подавить коммунистов в ближайшее время». При этом он откровенно подчеркнул, что «Китай столкнулся с двумя новыми серьезными угрозами». Одна из них «заключается в повсеместном восстании китайских коммунистов, а другая — в экономической разрухе и социальной несправедливости».

В начале ноября 1948 года Чан записал в дневнике: «В последнее время военная и экономическая ситуация чрезвычайно ухудшилась, а интеллигенты, в особенности левацки настроенные профессора и журналисты, яростно клеветают <на правительство>... Сердца людей не спокойны, в них скапливается все больше обиды. Это результат тридцатидвухлетней систематической кампании коммунистических бандитов, направленной на мою дискредитацию. Это ядовитая трава, которая убивает сильнее оружия».

В это тяжелое время единственной хорошей новостью для Чан Кайши было рождение еще одного внука (27 октября 1948 года Фаина разрешилась от бремени). При крещении ему дали имя Эдвард (в семье его стали звать Эдди). «Это утешение в горе», — записал Чан в дневнике на следующий день.

Он приказал своему старшему сыну навести порядок хотя бы в шанхайском регионе — наиболее важном в экономическом отношении. И Цзинго с присущей ему энергией взялся за дело, начав искоренять коррупцию и спекуляцию самыми жесткими мерами. Но неожиданно обнаружил, что одним из главных спекулянтов являлся его двоюродный брат, родной племянник Мэйлин — Дэвид Кун. Недолго думая Цзинго посадил его под домашний арест, но в дело тут же вмешалась Мэйлин. Да и сам Чан не остался в стороне. Взволновал его даже не арест Дэвида, а то, что дело привлекло внимание прессы, в том числе гоминьдановской. Дело Дэвида бросало тень на самого Чана, а этого он допустить не мог. Под давлением отца Цзинго вынужден был освободить кузена. А тот в обмен вернул в казну шесть миллионов американских долларов и навсегда покинул Китай. Он переехал в Штаты, куда за год до того, в августе 1947-го, перебрались его родители (Кун Сянси формально приехал туда как

личный представитель Чан Кайши).

А тем временем в течение пяти месяцев, с сентября 1948-го по январь 1949-го, коммунистические войска провели три крупнейшие стратегические операции. Одну — в Маньчжурии, другую — в Восточном Китае и третью — в районе Бэйпин — Тяньцзинь. В результате было уничтожено более 1,5 миллиона солдат и офицеров противника, взяты несколько больших городов.

В ноябре 1948 года Мэйлин вновь отправилась в США, чтобы, используя свой шарм, убедить правительство Трумэна оказать срочную помощь Китаю. А 10 декабря 1948 года Чан, воспользовавшись правом вводить в стране военное положение, провозгласил его на основной территории страны, за исключением западных провинций (Синьцзяна, Тибета, Сикана и Цинхая), а также Тайваня. Но это не помогло.

Многие вожди Гоминьдана заколебались, утратив веру в победу, и стали настойчиво требовать от Чана возобновить мирные переговоры с коммунистами. Во главе этой группы встал вице-президент Китая Ли Цзунжэнь. Его поддержали члены Исполнительной палаты. В этих условиях 16 января 1949 года Чан посетил Мавзолей Сунь Ятсена, трижды поклонился гробу Учителя, как бы испрашивая его благословение, вечером устроил официальный обед для руководителей партии и правительства и через пять дней, 21 января, собрав заседание Постоянного комитета ЦИК, объявил о своей отставке, после чего в четыре часа пополудни улетел в Ханчжоу. В тот вечер он записал в дневнике: «Только сейчас почувствовал спокойствие. Благодарю Всевышнего за его милость, за то, что помог мне отойти от дел так легко. Это действительно счастье». На следующий же день он улетел в родную деревню Сикоу, где сразу же направился на могилу матери, чтобы поклониться ее праху.

Исполняющим обязанности президента стал генерал Ли Цзунжэнь, тут же отменивший военное положение и вступивший в переговоры с коммунистами. Но из переговоров ничего не вышло. 31 января 1949 года по соглашению с предавшим Чана генералом Фу Цзои, оборонявшим Бэйпин, части армии коммунистов вошли в этот город без единого выстрела, после чего коммунисты опубликовали список из сорока пяти «военных преступников», потребовав их немедленного ареста и наказания, прежде чем заключать перемирие. Среди этих сорока пяти были Чан, Мэйлин, Цзинго и Т. В. Сун. Генерал Ли всеми силами старался договориться с коммунистами и даже подписал приказ об освобождении из-под стражи их старого друга Чжан Сюэяна (Чжан к тому времени был перевезен на Тайвань), но Чан, по-прежнему, несмотря на отставку, державший власть в

своих руках, отменил этот приказ. В начале марта Чана в Сикоу посетили представители Ли Цзунжэня, чтобы уговорить его уехать за границу, но он отказался и именно в то время отдал тайный приказ вывезти золотые резервы страны на Тайвань. Руководить этой последней операцией он назначил своего сына Цзинго (по некоторым данным, через Шанхай было вывезено более 112 тысяч 380 килограммов золота и огромное количество серебра). Одновременно более 15 миллионов 270 тысяч американских долларов были переведены в банки США. 20 апреля Ли Цзунжэнь вынужден был отвергнуть требования коммунистов.

Тогда коммунисты ударили по Нанкину. Очевидец рассказывает: «Мирные переговоры между вице-президентом Ли Цзунжэнем и китайскими коммунистами неожиданно прервались в среду <20 апреля> В ту же ночь с другого берега Янцзы велась сильная бомбардировка». 22 апреля началась эвакуация. Очевидец вспоминает: «Самолеты летали над нашими головами целый день, перевоза партийных и правительственных чиновников и тех, кто хотел улететь и мог найти деньги на билет... Мы очень боимся, что начнутся беспорядки и грабежи». На следующий день коммунисты взяли город.

Ли Цзунжэнь бежал в свою вотчину — в Гуйлинь (провинция Гуаней), а гоминьдановское правительство заранее, еще 5 февраля, переехало в Кантон. Т. В. Сун еще 24 января уехал в Гонконг. Оттуда в мае он отплывет в Париж, а в начале июня, как и Кун Сянси с женой, переберется в Штаты. (10 июня 1949 года торговая палата Шанхая потребует от гоминьдановского правительства вернуть Т. В. Суну и Кун Сянси в Китай для предания их суду по обвинению в коррупции, махинациях на китайской фондовой бирже и монополизации того, что они именовали «нормальные торговые каналы», но к их требованию никто не прислушается.) В марте же 1949 года Чана покинул Сунь Фо, сын Сунь Ятсена. Вместе с женой он уехал в Гонконг, а в 1951 году он, как и Т. В. Сун до него, переберется во Францию, а затем — в США.

Все развалилось, и Чан принял решение вновь взять власть в свои руки. 25 апреля он в последний раз посетил могилу любимой матери. Долго стоял, склонив голову и шепча слова прощания, после чего навсегда покинул Сикоу. В тот же день он уехал в портовый город Нинхай, расположенный к югу от города Нинбо. Там его ждал военный корабль, на котором он в сопровождении Цзинго отправился в Шанхай, чтобы взять на себя его оборону. Но крупнейший мегаполис страны пал 27 мая, когда 2-я и 3-я полевые армии коммунистов под командованием Лю Бочэна, Дэн Сяопина и Чэнь И (не путать с гоминьдановским губернатором Тайваня

Чэнь И — их имена пишутся разными иероглифами) в течение недели разгромили двухсоттысячную гоминьдановскую группировку, защищавшую город.

Чан не увидел падения Шанхая. Еще в начале мая он отплыл из осажденного города на Пескадорские острова в Тайваньском проливе, а оттуда в конце мая — на Тайвань. Понимая, что война на материке подходит к концу, он решил выяснить, можно ли закрепиться на острове, о котором написал в дневнике, что «очень хочет сделать его провинцией трех народных принципов». Новым губернатором Тайваня Чан Кайши еще в конце декабря 1948 года назначил преданного ему генерала Чэнь Чэна, который, с одной стороны, в начале 1949-го инициировал аграрную реформу, снизив арендную плату с 50–70 процентов до 37,5 процента и освободив крестьян от долгов, а с другой — 19 мая 1949-го ввел на острове военное положение, чтобы пресечь подрывную деятельность коммунистов. В мае того же года Чан получил письмо от старого друга, генерала Ведемейера, советовавшего ему именно на Тайване создать «базу для <дальнейших> операций, а также наиболее эффективное правительство, стремящееся укрепить благосостояние жителей острова».

В июне Чан Кайши приехал в Кантон, где организовал Верховный политический комитет Гоминьдана из одиннадцати человек, который сам возглавил (заместителем его стал Ли Цзунжэнь). Этот комитет по сути дела заменил правительство. Во главе же Исполнительной палаты формально встал генерал Янь Сишань (также вошедший в Верховный политический комитет). После этого Чан опять отправился на Тайвань, откуда 10 июля совершил поездку на Филиппины, чтобы договориться с тамошним президентом о совместном отражении коммунистической опасности. Он получил поддержку, по крайней мере устную. И через несколько дней вновь был в Кантоне, где 16 июля на совместном заседании Политического и Постоянного комитетов ЦИК Гоминьдана был создан новый орган власти — Чрезвычайный верховный совет, также во главе с Чан Кайши (заместитель — Ли Цзунжэнь).

Но ни Чан, ни Ли, ни остальные члены обоих комитетов уже не могли спасти Гоминьдан. Войска компартии устремились на юг мощным потоком.

21 июля 1949 года Чан вновь улетел в Тайбэй, где 1 августа в Цаошане основал свою новую штаб-квартиру. А через неделю опять отправился в зарубежную поездку — на этот раз в Южную Корею, чтобы и с местным президентом обсудить вопрос о совместной борьбе с коммунизмом, и получил от него заверение в безусловной поддержке. После этого в речи по случаю четвертой годовщины освобождения Тайваня от японских

колонизаторов Чан заявил, что «Формоза предназначается для того, чтобы быть оплотом сопротивления планам русского империализма, и уже является таким оплотом».

На материке же ситуация ухудшалась с каждым днем. 23 августа Чан прибыл в Кантон, созвал срочное военное совещание, а через два дня вылетел в Сычуань, где посетил Чунцин и Чэнду, а затем, в середине сентября, опять улетел в Кантон, чтобы руководить его обороной. К тому времени, в начале сентября, гоминьдановское правительство вновь, как и во время Второй мировой войны, перебралось в Чунцин. Чан же уехал из Кантона (в Сямэнь, провинция Фуцзянь) только в самом конце сентября и уже оттуда вновь улетел в Тайбэй.

Между тем 1 октября 1949 года в Пекине, на центральной площади Тяньаньмэнь, Мао Цзэдун провозгласил образование Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. На следующий день это правительство признал Советский Союз, разорвавший дипломатические отношения с Чан Кайши. Некоторые западные журналисты считали, что Чан тут же объявит войну СССР, но этого, конечно, не произошло. Чан просто заявил, что «третья мировая война уже началась».

14 октября Кантон пал, а 14 ноября Чан прилетел в Чунцин из Тайбэя, но, как оказалось, только для того, чтобы уже в конце ноября бежать в Чэнду — последний оплот сопротивления в материковом Китае. 5 декабря Чан Кайши дал интервью представителям печати, заявив, что «борьба на территории Китая будет продолжена любой ценой, независимо ни от каких жертв», но 7 декабря национальное правительство Китая из Чэнду перебралось на Тайвань, в город Тайбэй. Правда, не в полном составе. Президент Китая Ли Цзунжэнь выехал из Гуаней в США под предлогом лечения от гастрита. «Лечиться» он будет 15 лет и в 1965 году, накануне «культурной революции», получив прощение от Мао Цзэдуна, вернется в Китай. Скончается Ли Цзунжэнь в Пекине 30 января 1969 года от пневмонии.

Оглядываясь назад, один из архитекторов американской политики в Китае Джон Картер Винсент, глава отдела Дальнего Востока в Госдепе в 1945–1947 годах, писал: «Мы не могли спасти Китай для Чан Кайши... Историческая трагедия заключается в том, что усиление коммунизма совпало с полным разложением националистического правительства. Революция была неизбежна. Мы старались сделать ее либеральной, но шансы были не на нашей стороне». О том же в сентябре 1952 года писал и Трумэн: «Падение Чан Кайши было делом рук его самого. Его полевые

генералы сдавали коммунистам технику, которую мы ему давали, и использовали его собственные армии и вооружение для его свержения. Только американская армия в два миллиона человек могла бы спасти его, но это была бы Третья мировая война». «Китай потерпел поражение из-за слабости Национального правительства», — подтвердил Трумэн через четыре месяца в своем «Прощальном обращении» к нации перед тем, как сложить с себя обязанности президента.

Вряд ли Чан был полностью с ним согласен. С его точки зрения, президент США мог бы сделать гораздо больше, чем сделал, даже не посылая войска для того, чтобы спасти Китай от коммунизма. Свои обиды в отношении Трумэна Чан выскажет позже, в воспоминаниях, которые опубликует в 1956 году.

А пока 10 декабря 1949 года в два часа дня генералиссимус вместе со старшим сыном (Мэйлин все еще находилась в Америке) одними из последних поднялись в Чэнду на борт самолета, который тут же стал выруливать на взлетную полосу. В солнечных лучах блеснули номер авиалайнера — 219 и два иероглифа, нарисованные на его борту — «Мэйлин». (Чан когда-то назвал этот самолет в честь жены.) За окном иллюминатора побежали корпуса аэропорта, затем рисовые чеки, а вскоре Чан смог рассмотреть и весь город Чэнду, стремительно удалявшийся от него. Самолет взял курс на восток.

Чан видел всполохи пламени. Там, внизу, шел бой, однако исход его не вызывал сомнений. Штурм столицы провинции Сычуань, начатый коммунистами ранним утром, был мощным. Остававшийся единственным опорным пунктом китайских националистов на материке, Чэнду обречен был неминуемо пасть. Битва за материковый Китай была проиграна. Однако Чан не хотел об этом думать. Его воля оставалась несломленной. Он летел на остров Тайвань, чтобы продолжать борьбу с коммунизмом, твердо помня слова Сунь Ятсена: «Конечная победа принадлежит тому, кто борется до последнего».

Тайваньский узник

Остров Тайвань (Формоза) расположен в 180 километрах от юго-восточного побережья Китая. Вытянувшийся с севера на юг на 395 километров, он довольно узок в поперечье: в самом широком месте — 144 километра с востока на запад. На карте он контурами напоминает большую папайю, плывущую в океане. Площадь острова — около 36 тысяч квадратных километров, но только одна его треть пригодна для земледелия (основные сельскохозяйственные культуры — рис, сахарный тростник, ананасы и чай). Две же трети — холмы и горы, покрытые вечнозелеными лесами из пальм, бамбука, кипарисов, пихт и камфорного лавра. Вдоль побережья тянутся заросли мангровых деревьев. Климат — тропический, влажный. С июня по август — сезон дождей, когда безостановочно моросит мелкий дождь, то и дело переходящий в ливень. Но это приносит хоть какую-то прохладу, так как летом очень жарко — 30–35 градусов. В остальное же время года — около 25 градусов и сухо. В общем, Тайвань — типичный тропический остров, райское место.

Так что удивительно, что до середины XVI века здесь практически не было китайцев. Хозяевами красивого острова были аборигены-австронезийцы^[121], совсем не похожие на своих соседей из Китая. Но затем началась миграция с китайского материка, особенно усиливавшаяся во времена Цинской монархии, собственно, и включившей Тайвань в состав Китайской империи в 1683 году. До того же, в XVI веке, на юго-западном побережье острова обосновывались голландцы, а потом, на севере, — испанцы. В середине XVII века, когда почти весь Китай оказался под властью маньчжуров, голландских колонизаторов победил ненавистник Цинов и европейцев китайский флотоводец Чжэн Чэнгун (1624–1662), образовавший на месте голландской колонии китайское государство Дуннин (Восточный мир). Но оно просуществовало всего 22 года и пало под ударами Цинов.

Долгое время Тайвань административно был частью провинции Фуцзянь, а в 1887 году Цины выделили его в отдельную провинцию. Но уже в 1895 году его захватили японцы, разгромившие Китайскую империю в ходе войны 1894–1895 годов. В результате Тайвань стал колонией японского империализма и оставался таковой, как мы знаем, вплоть до победы Китая во Второй мировой войне.

Колониальное господство наложило огромный отпечаток на образ

жизни, социальное и экономическое положение островного населения. Оно составляло перед Второй мировой чуть больше пяти миллионов человек (из них коренные тайваньцы, то есть китайцы, родившиеся на Тайване, — более 400 миллионов 700 тысяч, японцы — более 250 тысяч, китайцы, приехавшие в XX веке, — около 45 тысяч и аборигены, давно оттесненные в горы китайцами, занявшими плодородные долины, — около 150 тысяч). Японцы не только эксплуатировали своих подданных, но вместе с тем и цивилизовали их. Они установили гражданский порядок, стабилизировали денежное обращение, провели переучет всех земель, инвестировали деньги в инфраструктуру и гидроэнергетику, механизировали сельское хозяйство, развили систему образования (к 1937 году более полумиллиона тайваньских детей ходили в школу, а свыше четырех тысяч юношей и девушек получали высшее образование), организовали крестьянские ассоциации и кредитные союзы и даже ввели систему выборов местной городской и сельской администрации (к 1939 году свыше 286 тысяч мужчин-тайваньцев в возрасте от 25 лет получили право голоса). Можно сказать, Тайвань до Второй мировой войны процветал. Уровень доходов населения непрерывно возрастал. В 1926–1930 годах прирост ВВП^[122] на острове составил более восьми процентов, а в 1931–1935 годах, даже несмотря на мировой экономический кризис, — 5,21 процента! Эдгар Сноу, американский журналист, посетивший остров в 1930 году, вспоминал: «Это, конечно, была колония, но администрация, похоже, не брала взяток, а люди, как видно, чувствовали себя в безопасности в своих домах и не волновались, что у них отберут собственность, пока они соблюдают закон. Земля была чистой и процветающей, нищие — редкими, общественные службы, включая санитарные и здравоохранения, — хорошими, школ насчитывалось множество, а уровень жизни и процент грамотности на Формозе был выше, чем в любой другой провинции Китая».

К середине 1949 года, то есть к тому времени, когда войска Чан Кайши начали бегство на Тайвань (первые потоки беженцев устремились туда сразу же за форсированием коммунистами реки Янцзы в конце мая 1949 года), население этого острова составляло уже шесть с половиной миллионов. Большинство, как и прежде, было коренными тайваньцами, предки которых переселились с материка (в основном из провинций Фуцзянь и Гуандун) в XVI–XIX веках. Новых мигрантов, переехавших с материка в XX веке, или, как называли их тайваньцы, людей с горы Тан (гора Тан — тайваньское название китайского материка), насчитывалось уже свыше шестидесяти тысяч. А бывших хозяев Тайваня, аборигенов, — около двухсот тысяч.

С прибытием войск Чан Кайши и гражданских беженцев население острова увеличилось более чем на полтора миллиона человек. Среди них более шестисот тысяч составил «цвет нации» — профессора, инженеры, техники и профессионалы-администраторы. По словам американского специалиста Нила Г. Джэкоби, такое «увеличение <на 9,2 процента> населения сравнительно небольшой страны за счет талантливых людей не имело аналогов». Это заложило основу бурного развития Тайваня.

Чан Кайши вместе со старшим сыном прибыл в Тайбэй 10 декабря 1949 года, через шесть с половиной часов после отлета из Чэнду, в 8.30 вечера. У трапа их ждал автомобиль. Было непривычно тихо. Тайбэй отличался от фронтового Чэнду, «как небо от земли». В машине они отправились в близлежащие горы Цаошань. Там, на склоне покрытого вечнозелеными деревьями холма, в 16 километрах к северу от города, находился дом Чана, в котором он уже неоднократно останавливался. Чан звал его *Цаолу* — Травяная хижина. В тот день он уснул около полуночи.

Чан Кайши любил этот дом, выстроенный много лет назад для будущего императора Японии Хирохито, посетившего Тайвань. Из его окон открывался изумительный вид на окрестные холмы и поля. В следующем году, весной, Чан переедет в более просторный особняк — расположенный у отрогов Цаошани, в северном тайбэйском районе Шилинь (Лес воинов), на территории большого паркового комплекса по адресу: Тайбэй, улица Фулинь, дом 60, - но будет время от времени приезжать в *Цаолу* подышать горным воздухом. А в марте 1950 года у него возникнет мысль переименовать так понравившиеся ему горы Цаошань в Янминшань — в честь своего любимого философа Ван Янмина. Провинциальное правительство Тайваня 31 марта примет по этому поводу соответствующее решение, которое через месяц вступит в силу.

Из-за любви к горам Янминшань Чана в одной из тайбэйских газет назовут «Дряхлым стариком в горах Цаошань» и даже «Бандитом, скрывающимся в высокой траве». (Эта газета представляла интересы коренных тайваньцев, после кровавых событий 28 февраля 1947 года не жаловавших людей с горы Тан.) Чан придет в ярость, потребовав закрыть газету и арестовать автора статьи. А через много лет после смерти Чана, в начале 2007 года, в этом доме будет устроен музей *Цаошань сингуань* (то есть Вилла Цаошань), но в апреле дом полностью сгорит. Теперь на этом месте — выставочный зал с фотографиями Чан Кайши и ресторан.

Но все это будет позже, а пока, отдохнув один день в *Цаолу*. Чан 12 декабря 1949 года принял начальника контрразведки министерства

обороны Мао Жэньфэна, чтобы обсудить план организации общенационального партизанского движения на оккупированной коммунистами территории Китая. А 13 декабря наметил задачи на ближайшее время: «1. Сокращение и реорганизация Центрального правительства. 2. Реорганизация Центрального <исполнительного> комитета <Гоминьдана>. 3. Реорганизация и выборы провинциального правительства Тайваня. 4. Объединение центральных и местных органов. 5. Назначение исполняющим обязанности председателя провинциального правительства Тайваня <У> Гочжэня для того, чтобы прощупать, каково отношение США к вопросу об оказании помощи Китаю».

На тот момент ключевой для Чана была пятая задача. Без помощи США его режим неминуемо рухнул бы в ближайшее время. Самые оптимистичные обозреватели предсказывали его падение к концу 1950 года. Именно поэтому Чан и выдвигал в губернаторы Тайваня доктора политических наук У Гочжэня (1903–1984), известного также как К. С. У — дипломата и политического деятеля, бывшего мэра Чунцина, в 1943–1945 годах являвшегося заместителем министра иностранных дел, а в 1945–1949 годах — мэром Шанхая. Получивший образование в США (в 1926 году он защитил диссертацию в Принстоне), К. С. У был своим среди американцев, а потому, как никто, мог быть полезен Чану^[123]. 15 декабря Чэнь Чэн сложил с себя полномочия губернатора, и на его место был назначен К. С. У.

На Рождество Чан вместе с Цзинго и его семьей отправился на живописное озеро Жиюэтань (Озеро солнца и луны), расположенное прямо в центре Тайваня, в горах. Его название происходит от того, что восточная часть озера — круглая, как солнце, а западная — длинная и тонкая, как серп луны. Чан с сыном, невесткой и внуками остановился в уютном особняке на северном берегу озера, на небольшом полуострове, носящем название Ханьби (Яшмовый). (Сейчас там гостиница.) «Приятный пейзаж, сердце и душа постепенно успокаиваются», — записал Чан в дневнике.

Целый день они плавали на небольшой лодке по озеру, гуляли по маленькому острову Лалу, находящемуся в его центре, а вечером собрались у рождественской елки за праздничным столом. Восславив Господа и поужинав, посмотрели фильм.

Идиллический отдых продолжился на следующий день. Чан встал, вознес хвалу Всевышнему за то, что тот помог ему 13 лет назад бежать из Сиани, и пошел дарить сыну, невестке и внукам рождественские подарки. Потом все снова гуляли, а Чан даже удил рыбу, что делал в своей жизни крайне редко. Ему повезло — он поймал большую рыбину, которую

китайцы называют *цуйяюй* (по виду она напоминает длинного карпа). Ее приготовили на ужин, и Чану она так понравилась, что, узнав об этом, все на Тайване с тех пор стали звать ее «рыбой президента». И члены семьи, и слуги были очень рады и в один голос уверяли, что такой хороший улов — добрый знак, указывающий на то, что следующий год будет счастливым.

Чан, конечно, понимал, что даже такая большая рыба не сможет исполнить все его желания. Слишком много их было. «За прошедший год все совершенно развалилось — и партия, и государство, и экономика, и армия, и внешняя политика, и образование... и совсем нет надежды», — записал он в тот день в дневнике.

Хотя одно желание рыба все-таки исполнила: Чан очень хотел, чтобы Мэйлин поскорее вернулась из США, и 13 января 1950 года он смог вновь обнять жену. Несмотря на то что многие, в том числе ее сестра Нэнси (Кун Айлин), а также вдова Рузвельта Элеонора, отговаривали Мэйлин от поездки на Тайвань, она все-таки решила разделить судьбу с мужем. По ее словам, она вдруг на рассвете услышала Голос: «Все делается хорошо», а потому больше не сомневалась, тут же поспешив в спальню старшей сестры (Мэйлин жила в доме Кунов) и заявив, что Бог велел ей ехать «домой».

Чан был несказанно рад и, как только Мэйлин вышла из самолета, сразу же повез ее на ближайшую дачу в местечко Даси (Большой ручей), минутах в тридцати от аэродрома. Он любил это место — своей природой оно напоминало ему родную Сикоу. По дороге она безостановочно рассказывала ему о своей миссии в Штатах. Миссии, увы, провалившейся.

Президент Трумэн, разочаровавшийся в Чан Кайши и считавший теперь его режим «самым прогнившим правительством, которое когда-либо существовало», больше помогать ему не хотел. «Пусть пыль уляжется», — решил он, начав прорабатывать возможности сближения с коммунистическим Китаем. Как раз в то время (1948–1949 годы) произошел конфликт между вождем югославских коммунистов Иосипом Броз Тито и Сталиным, а потому и Трумэн, и его Госдеп стали надеяться на такой же раскол между Сталиным и Мао Цзэдуном в ближайшем будущем. Призрак титоизма стал возбуждать умы американских политиков, и многие воскресили сказку о «демократе Мао». Для переманивая вождя китайской компартии и титоизации Нового Китая они были готовы пожертвовать Тайванем.

30 декабря 1949 года Трумэн одобрил резолюцию Национального совета безопасности под номером 48/2, в которой подчеркивалось: «Соединенным Штатам следует продолжать политику, направленную на то,

чтобы избегать оказания военной и политической поддержки любым некоммунистическим элементам в Китае», но при этом «использовать соответствующие политические, психологические и экономические меры для углубления любого раскола между китайскими коммунистами и СССР и между сталинистами и другими элементами в Китае».

5 января 1950 года Трумэн выступил в Белом доме перед журналистами с открытым «Заявлением о Формозе», где подчеркнул, что «правительство Соединенных Штатов не будет проводить политику, которая привела бы к вмешательству в гражданский конфликт в Китае. Равным образом правительство Соединенных Штатов не будет ни оказывать военную помощь, ни давать военные советы китайским войскам на Формозе». 12 и 16 января то же самое повторил госсекретарь Ачесон. Чан был потрясен.

Одновременно в Вашингтоне прорабатывался и вариант провозглашения независимости Формозы, некоммунистической, но и нечанкайшистской. Игра была многоходовой. Агенты США устанавливали контакты с китайскими либералами, эмигрировавшими в Гонконг, налаживали связь с проамериканскими военными в армии Чан Кайши, в первую очередь с генералом Сунь Лижэнем, командующим гоминьдановскими войсками на Тайване, и в то же время проводили переговоры с тайваньскими националистами, обосновавшимися в Токио. А Трумэн даже встречался по этому поводу с Т. В. Суном, бежавшим, как мы помним, в Америку. (С лета 1949 года Сун жил на Манхэттене — Парк-авеню, дом 1133, недалеко от Центрального парка и Метрополитен-музея.) По некоторым данным, Трумэн недвусмысленно предложил ему помощь, если тот решит возглавить режим на Тайване: «Если вы согласны, мы приведем вас к власти». Говорят, что Т. В. Сун был польщен и даже составил список нового правительства из пятидесяти человек. Но об этом узнали его сестра Мэйлин, находившаяся тогда в Нью-Йорке, и члены семьи Кунов. Все были возмущены его предательством, а Дэвид Кун даже заявил, что убьет негодяя, но Мэйлин его остановила: «В конце концов, это твой родной дядя».

Так это было или нет, точно неизвестно, но вот то, что планы покушения на жизнь Чана рассматривали в то время сами американцы, — правда. Но ни один из этих планов не был осуществлен. А в конце февраля 1950 года позиция США начала меняться, так как 14 февраля в Москве Мао Цзэдун и Сталин заключили Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи на 30 лет, и надежды на то, что Китай пойдет по титовскому пути, развеялись.

Между тем Чан и Мэйлин наслаждались общением друг с другом после долгой разлуки. Теперь они вновь стали молиться вместе. Чан испытывал такой душевный подъем, что засел за работу под названием «Выживание Китая и вопрос об успехе или поражении наций Востока в борьбе за свободу и независимость». Правда, он эту работу не закончил и ничего из нее никогда не опубликовал.

В то же время укрепились и официальные позиции Чан Кайши на Тайване. В феврале 1950 года, несмотря на настойчивые просьбы ряда вождей Гоминьдана вернуться «на родину», исполнявший обязанности президента Китая генерал Ли Цзунжэнь решил остаться в США «по состоянию здоровья», о чем и сообщил в Тайбэй. Тогда, по просьбе членов высших органов партии и государства, 1 марта на пост президента вернулся Чан Кайши, который на следующий день на приеме в присутствии более чем двух тысяч официальных лиц огласил основные принципы своей программы: «1. В военной области: укрепить базу на Тайване для подготовки последующего возвращения на континент. 2. В области международных отношений: перейти от опоры на собственные силы к организации антикоммунистического альянса с демократическими странами. 3. В экономической области: соблюдать аскетизм, увеличивать производительность труда и осуществлять суньятсеновский принцип народного благосостояния. 4. В политической области: соблюдать основные права человека и верховенство закона». «Коммунисты отдали Китай в кабалу русским, — добавил он. — Китай находится на пороге величайшей катастрофы за всю его пятитысячелетнюю историю».

А через два дня Чан и Мэйлин приветствовали стотысячную толпу горожан, собравшихся на площади перед президентским дворцом, чтобы выразить восторг по поводу возвращения Чана на пост президента.

Возможно, многие, собравшиеся на площади, были действительно рады, хотя и не избирали Чана, — он просто вернулся на пост, на который его избрали депутаты Национального собрания 19 апреля 1948 года.

Накануне, в феврале 1950 года, в Тайбэй по собственной инициативе прибыл бывший командующий военно-морскими силами США на Дальнем Востоке (7-й флот) адмирал Чарлз М. Кук-мл., по прозвищу «Умник». С мая 1948 года он находился в отставке, поэтому, прибыв на Тайвань, предложил свои услуги Чану. Чан знал его с 1946 года, уважал как талантливого военного и с радостью сделал своим советником. Он настолько доверял адмиралу, что весной 1950 года даже принял его ревизионистское предложение эвакуировать гоминьдановские войска с

островов Чжоушань, расположенных вблизи чжэцзянского города Нинбо.

Дело в том, что, помимо Тайваня, чанкайшисты контролировали в то время и эти острова, плюс острова Дачэнь, находящиеся чуть к югу от островов Чжоушань, напротив чжэцзянского города Тайчжоу, а также острова Мацзу, Цзиньмэнь и Пескадорские в Тайваньском проливе и остров Хайнань в ЮжноКитайском море. Однако в начале мая 1950 года коммунисты захватили Хайнань. Так же легко они могли взять и острова Чжоушань, расположенные всего в одной морской миле от побережья КНР, но почти в 350 милях от Тайваня. Именно поэтому Кук и считал, что надо, оставив дальние острова, сконцентрировать все силы на обороне Тайваня и других островов в проливе. 16 мая Чан эвакуировал 150 тысяч своих солдат и офицеров с этих островов, уступив их коммунистам без боя, но в тот же день заявил, что, защищая Формозу, либо погибнет в бою, либо покончит жизнь самоубийством. «Я сдержу свое слово», — добавил он. Примерно тогда же вместе с Мэйлин он обратился ко всем женщинам Китая с призывом «использовать их влияние в семье для борьбы с коммунизмом».

Кук полностью поддерживал Чана, но после падения Хайнаня среди многих жителей Тайваня, в том числе иностранных представителей, началась паника: все ждали вторжения коммунистов и неизбежного захвата острова не позже середины июля 1950 года. Американские дипломаты на Тайване считали, что правительство Чана в ближайшее время сбежит в Манилу или Сеул. В Вашингтоне стали вновь раздаваться голоса, требующие либо замены Чана на генерала Сун Лижэня (тот в секретных письмах в Госдеп заверял, что готов взять власть в любую минуту), либо введения на Тайване правления ООН, либо возвращения Тайваня Японии, либо подчинения острова генералу Макартуру, все еще командовавшему союзными оккупационными войсками в Токио. По некоторым данным, Чан Кайши и сам был готов уйти — если бы Трумэн защитил Тайвань от коммунистов. Он даже лично пригласил Макару на Тайвань.

Но 25 июня 1950 года международная обстановка, а с ней и положение Чана резко изменились. В тот день северокорейские коммунисты, по соглашению со Сталиным, развязали войну против Южной Кореи, одного из союзников США. Именно это спасло Тайвань. Трумэн понял: надо спасать всех друзей в Восточной Азии, которым угрожает коммунистическое вторжение, в том числе Чан Кайши.

Радостную новость о начале войны в Корее Чану сообщил Цзинго, с июля 1949 года по поручению отца возглавлявший секретные службы Гоминьдана. Для Чана этот день стал вторым Пёрл-Харбором, подарком судьбы ^[124]. Через несколько часов Совет Безопасности ООН, созданный по

просьбе США, осудил северокорейцев. (Соответствующая резолюция была принята девятью голосами «за». Только одна страна воздержалась — Югославия; против не голосовал никто, Советский Союз бойкотировал заседание.) А через два дня Совет Безопасности, опять же в отсутствие советского представителя, санкционировал использование международных вооруженных сил против Корейской народной армии (КНА), и вскоре 15 стран приняли участие в отпоре агрессору (применение силы одобрили 53 государства). В тот же день, 27 июня, Трумэн направил 7-й американский флот в Тайваньский пролив, чтобы блокировать любые попытки китайских коммунистов захватить остров. При этом он подчеркнул: «Оккупация Формозы войсками коммунистов создала бы прямую угрозу безопасности Тихоокеанского региона, а также войскам Соединенных Штатов, осуществляющим законные и необходимые функции в этом районе».

Через два дня Чан Кайши выразил желание принять участие в корейской войне, запросив согласие американской стороны на посылку в Корею тридцати трех тысяч своих солдат (двух дивизий) под командованием того самого генерала Сунь Лижэня, который втайне от Чана разрабатывал планы его свержения. Для этого Чан был даже готов эвакуироваться с островов Цзиньмэнь, находящихся в Тайваньском проливе вблизи фуцзяньского города Сямэня. Он, правда, просил американцев полностью вооружить эти дивизии и обучить в течение двух лет современному бою. По свидетельству тогдашнего помощника госсекретаря по дальневосточным делам Дина Раска, «вся идея была обманом»: Чан понимал, что американцы отвергнут его предложение, исходя из того, что отправка гоминьдановских солдат в Корею могла поставить под угрозу безопасность самого Тайваня, но хотел продемонстрировать свою верность союзническому долгу. Трумэн вначале благожелательно отнесся к этой идее, но под влиянием госсекретаря Ачесона и начальников штабов в конце концов действительно отверг ее.

А вскоре, в самом конце июля 1950 года, к Чану прилетел Макартур. Но не для того, чтобы взять на себя руководство островом, а чтобы выяснить, насколько Чан Кайши мог обеспечить защиту Тайваня в военном отношении. Ну и выразить генералиссимусу горячую поддержку. Действовал он по собственной инициативе: ни с Трумэном, ни с Госдепом свой визит не согласовывал.

Макартур давно симпатизировал Чан Кайши, а с конца 1948 года настойчиво уверял администрацию Трумэна, что «стратегическим интересам Соединенных Штатов будет угрожать серьезная опасность, если Формоза окажется под властью державы, враждебной Соединенным

Штатам». В конце мая 1950 года он сравнил Тайвань с «непотопляемым авианосцем и плавучей базой подводных лодок», которые ни в коем случае нельзя сдавать коммунистам. А накануне корейской войны вновь повторил это полюбившееся ему сравнение, призвав Вашингтон принять «политические, экономические и военные меры для того, чтобы не допустить падения Формозы».

И вот теперь он прилетел в Тайбэй. «Мне доставило огромное удовольствие встретить старого товарища по оружию, генералиссимуса Чан Кайши, — вспоминал он. — Его неукротимая решимость сопротивляться коммунистам вызвала мое искреннее восхищение». Чан обсудил с Макартуром предложение направить в Корею гоминьдановские войска, но тот, сам вначале вынашивавший эту мысль, все же отверг ее. Он не хотел, чтобы Чан Кайши разбрасывал силы. Напротив, всячески внушал Чану, что ему надо из всех сил укреплять Тайвань.

Вернувшись в Токио, Макартур направил в трехнедельную инспекционную поездку в Тайбэй своего заместителя, генерала Алонсо Фокса, для определения потребностей гоминьдановской армии в вооружениях. Фокс рекомендовал предоставить Чану оружие на 158,2 миллиона долларов, но Трумэн не согласился выделить средства. Тогда разозлившийся Макартур, считавший, что президент несправедливо «испытывает глубокую неприязнь к Чан Кайши», вновь выступил, на этот раз перед ежегодным съездом американских ветеранов зарубежных войн, с заявлением о том, что Тайвань — «непотопляемый авианосец», который нужно укреплять.

Но только после того, как 19 октября 1950 года Мао Цзэдун, следуя пожеланиям Сталина, направил четыре полевые армии и три артиллерийские дивизии в Корею на помощь северокорейским коммунистам, Трумэн начал склоняться к тому, чтобы вооружить Тайвань. Чан ковал железо, пока горячо, и в конце декабря 1950 года открыто обратился к Соединенным Штатам с призывом «обеспечить руководство всем народам и правительствам Азии, которые сейчас борются за сохранение своей свободы», подчеркнув, что «самая неотложная задача на сегодняшний день — это найти способ предотвратить распространение на другие районы Азии пожара, начатого коммунистами в Корее. Это основное условие для того, чтобы сорвать советскую империалистическую политику, направленную на завоевание мирового господства».

В феврале 1951 года Трумэн принял наконец решение выделить на военные нужды Тайваня 71,2 миллиона долларов. Сумма, как видно, была еще скромная, но лиха беда начало. В последующие годы военная помощь

США Чану будет расти быстрыми темпами и к апрелю 1955 года составит 948 миллионов долларов. С весны 1951 года в Тайбэе работала и группа американских военных советников во главе с героем Тихоокеанской войны генерал-майором Уильямом К. Чейзом. К концу 1951 года в ее составе насчитывалось 360 человек. В то же время на острове стали создаваться американские базы.

Правда, американцы, взяв под защиту Тайвань, поставили Чан Кайши жесткие условия: группа Чейза должна полностью контролировать военный бюджет острова. В противном случае Трумэн отказывался вооружать режим Чана. Чан был возмущен, от негодования лишился сна, но должен был смириться. Без помощи США он просто не выжил бы, а потому ни о каком равноправии в отношениях с Америкой больше не мог и мечтать.

Все бы ничего, но Трумэн продолжал третировать Чана политически. Под давлением англичан, еще в начале января 1950 года признавших единственным законным правительством Китая правительство Китайской Народной Республики, Трумэн согласился, например, с тем, чтобы чанкайшисты не представляли Китай при подписании мирного договора с Японией в Сан-Франциско в сентябре 1951 года. И это несмотря на то что именно гоминьдановский Китай вынес на своих плечах основную тяжесть войны с Японией! За спиной Чана США и Англия договорились, что китайцев вообще не пригласят в Сан-Франциско, так как англичане не признавали гоминьдановцев, а американцы — коммунистов. Узнав об этом, потрясенный Чан заявил протест, но не был услышан. Тогда президент Тайваня решил объявить голодовку. 9 сентября, в день подписания мирного договора представителями 49 держав, среди которых не было не только Китая, но и — по разным причинам — СССР, Монголии, Кореи, Бирмы и Индии, он отказался от завтрака!

Китайская Республика подписала двусторонний мирный договор с Японией (кстати, без аннексий и контрибуций) только 28 апреля 1952 года — после того, как японцы, получившие от американцев и англичан в обход всех приличий незаконное право самим выбирать, с кем им подписывать договор — с Чаном или с Мао, выбрали Чана.

Между тем Чан приступил к осуществлению на Тайване целого ряда реформ, отдельные из которых наметил еще в декабре 1949 года. Главными из них были экономические — аграрная и промышленная.

Именно эти реформы через несколько лет заставили многих в мире говорить о «тайваньском чуде». Теоретическую основу реформам дал сам Чан, коренным образом пересмотревший свои прежние экономические

взгляды, в систематическом виде изложенные в «Судьбе Китая» и «Китайской экономической теории». Вместо огосударствления экономики он теперь взял курс на приватизацию, признав, что на современном этапе развития китайского общества (он назвал его точно так же, как в будущем Дэн Сяопин, — сяокан, то есть общество «средней зажиточности» или «малого благоденствия») «товары производятся ради прибыли, а люди трудятся ради получения заработной платы» — в отличие от идеального общества датун («великого единения»), в котором «целью производства является удовлетворение потребностей населения... труд служит всему обществу, а не является трудом ради заработной платы». Общество дашун по-прежнему воплощало в себе конечную экономическую цель «трех народных принципов», Гоминьдана и самого Чан Кайши, но Китай к нему, с точки зрения Чана, был еще не готов. «При сопоставлении двух этапов развития общества — сяокан и датун, — говорил он, — выясняется, что строительство... идет по ступеням лестницы — от... <сяокан к дашун>. Дело нашей революции и национальной реконструкции должно продвигаться вперед по ступеням этой лестницы, чтобы достичь общества свободы и спокойствия, общества... <дашун>».

Огромную роль в реализации этих идей сыграл генерал Чэнь Чэн, бывший губернатор Тайваня, которого Чан 15 марта 1950 года назначил председателем Исполнительной палаты. В июне 1951 года, когда инициированное им еще в начале 1949 года сокращение ренты до 37,5 процента и освобождение крестьян от долгов было повсеместно проведено в жизнь и закреплено законодательно, Чэнь начал второй этап аграрной реформы, разрешив арендаторам, обрабатывавшим общественные земли (те, что прежде находились в собственности японских колонизаторов, а затем перешли в собственность тайваньского правительства), выкупить их в рассрочку в течение десяти лет по ценам ниже рыночных (требовалось уплатить 250 процентов стоимости ежегодного урожая с этой земли). И к июлю 1952 года более чем 150 тысяч семей бывших арендаторов стали земельными собственниками. В начале же 1953 года наступил третий этап реформы: под лозунгом «Земля тем, кто ее обрабатывает» крестьянам передали не только оставшуюся общественную землю, но и излишки земли крупных землевладельцев (по новому закону нельзя было иметь участки свыше 2,84 гектара поливных земель и 5,68 гектара — суходольных). Те же, кто потерял излишки земли, получили компенсацию от правительства в виде земельных облигаций, а также акций нескольких государственных предприятий — опять же из расчета 250 процентов стоимости ежегодного урожая с земли.

В целом в результате реформы более 70 процентов всей обрабатываемой земли перешли к сельским труженикам и 86 процентов крестьян стали земельными собственниками. Это привело к их материальной заинтересованности, быстрому росту среднего класса и развитию потребительского рынка, дав мощный толчок как сельскому хозяйству, так и промышленности. Одновременно были приняты меры для технического оснащения деревни, а также развития системы здравоохранения и образования сельского населения. В итоге к 1952 году был восстановлен довоенный уровень производства, а урожайность риса с одного гектара повысилась по сравнению с 1948 годом на 19 процентов. К 1959 же году производство риса с одного гектара выросло еще на 31 процент. Возросли и доходы крестьян: к 1952 году — на 81 процент, а к 1959 году — еще на 50 процентов.

Как и аграрная, промышленная реформа была направлена на увеличение численности среднего класса и усиление его позиций в экономике. С начала 1950-х годов Чан и его правительство стали осуществлять масштабную приватизацию государственных предприятий, повсеместно ликвидировав монополии, особенно усилившиеся в период правления первого гоминьдановского губернатора острова генерала Чэнь И (1945–1947). Тот пытался огосударствить все, что было можно, в том числе торговлю и производство камфорного масла, спичек, вина, сигарет, создав в итоге невозможные условия существования для мелких собственников. Именно эта политика, наряду с коррупцией, инфляцией, ростом цен, безработицей, и привела, как мы помним, к кровавым событиям 28 февраля 1947 года.

Но вот теперь Чан Кайши и Чэнь Чэн приступили к созданию общества *сяокан* и в городе. В течение двенадцати лет (с 1951 по 1963 год) доля частных компаний выросла с 45 до 62 процентов. Число частных фирм увеличилось с 68 тысяч до 227 тысяч. В 1953 году был принят первый четырехлетний план экономического развития, направленный на завершение реконструкции страны и дальнейшее увеличение производства риса, удобрений и электроэнергии.

С аграрной и промышленной реформами была тесно связана финансовая, которую Чан провел в теснейшем сотрудничестве с американцами и на их кредиты (с 1950-го по апрель 1955 года экономическая помощь США Тайваню составила 527 миллионов американских долларов). Эта реформа была проведена в жизнь специальным Советом по экономической стабилизации, принявшим меры по укреплению тайваньской валюты — нового тайваньского доллара,

введенного в оборот в июне 1949 года. К концу 1954 года цены на основные товары в целом стабилизировались, темпы инфляции резко замедлились, а с помощью американских дотаций стал легко покрываться дефицит бюджета.

Исключительно важной была и партийная реформа, начавшаяся в августе 1950 года. Чан давно задумал ее, еще в январе 1948 года под впечатлением поражений от коммунистов придя к мысли, что Гоминьдан утратил «свой дух», а члены партии — «дисциплину и даже более — представление о том, что такое хорошо, а что такое плохо». «Никогда еще, ни в Китае, ни за рубежом, — сокрушался он, — не существовало революционной партии, настолько же дряхлой и коррумпированной, как наша». И партия, и ее молодежная организация, считал он, «просто пустые скорлупки, они не обладают никакой реальной силой». И сравнивая Гоминьдан с компартией, приходил к неутешительному выводу: «Наши методы и действия во всем уступают их методам и действиям», так как «большинство наших кадровых работников не шевелят мозгами и не желают учиться, невнимательны и ненадежны... Поэтому-то мы и терпим поражение». Чан с похвалой отзывался о маоистском *чжэнфэне* (широкомасштабной «чистке» компартии), осуществленном в 1942–1945 годах, и, едва обосновался на Тайване, постарался сделать нечто подобное. «Только если мы изучим все, чем они <коммунисты> обладают, и только если мы поймем все это, мы сможем быть уверены в том, что уничтожим их», — считал он.

Чан Кайши представил проект партийной реформы еще в июле 1949 года на встрече с членами Центрального исполкома Гоминьдана в Кантоне. Но тогда по понятным причинам воплотить эту реформу в жизнь было невозможно. И вот теперь, в 1950 году, в мае, он начал ее, прежде всего обязав всех членов центральных органов партии принести присягу лично ему (как мы помним, так делал и Сунь Ятсен). 22 же июля Чан распустил Центральный исполнительный комитет и Центральную контрольную комиссию, избранные VI Всекитайским съездом Гоминьдана в 1945 году, а также Постоянный комитет ЦИК. А 5 августа образовал Центральный комитет по делам реорганизации партии (ЦКР) из шестнадцати человек, лично им отобранных и находившихся под его контролем. Это были его самые доверенные лица, в том числе старший сын Цзинго, а также председатель Исполнительной палаты Чэнь Чэн. Ни старых милитаристов, ни вождей бывших внутрипартийных фракций Чан в ЦКР не включил, поскольку разуверился в них. Утратил он доверие даже к «кровным племянникам» — Чэнь Лифу (тот вскоре уедет в США) и Чэнь Гофу (тот к

тому же был болен туберкулезом и вообще не мог принимать участия в политической жизни; 25 августа 1951 года он скончается в тайбэйском госпитале).

Двадцать девять заслуженных членов ЦИК и ЦКК Чан Кайши перевел во вновь организованный Центральный консультативный комитет, давший возможность руководителям пожилого возраста, не желавшим уходить на пенсию, достойно отойти от дел, «сохранив лицо». Этот комитет тоже непосредственно подчинялся Чану. (Интересно, что Дэн Сяопин через много лет, в сентябре 1982-го, сделает то же самое, образовав Центральную комиссию советников.)

Одновременно вместо чисто территориальных первичных партакчеек, существовавших до того, стали создаваться низовые парторганизации по территориально-производственному принципу, как у коммунистов. И этим ячейкам были приданы не только организационные, но и идейно-воспитательные функции.

Более того, Чан заставил членов партии изучать документы маоистского *чжэнфэна*, специально изданные в рамках кампании по реорганизации Гоминьдана, вменил им в обязанность обязательные выступления на партсобраниях с критикой и самокритикой, а также проведение встреч с населением для выяснения его нужд, обязал всех платить членские взносы и стал проводить курс на повышение образовательного уровня гоминьдановцев.

В горах Янминшань для партийных, правительственных и военных кадров высшего и среднего звена был открыт так называемый Институт революционной практики (по сути Высшая партийная школа), президентом которого стал сам Чан Кайши, а директором — Цзян Цзинго. В период реорганизации в нем обучалось 3075 учащихся. Обучение длилось от четырех до шести недель. Для остальных же партийных кадров и рядовых членов Гоминьдана повсеместно был учрежден ряд образовательных программ. Так что к началу 1952 года более 40 процентов гоминьдановцев на Тайване из 282 тысяч имели среднее или высшее образование.

Для проведения чистки была учреждена дисциплинарная комиссия, выявившая в период между августом 1950-го и августом 1952 года более тысячи нарушений дисциплины членами партии. Ряд провинившихся исключили. Либо навсегда, либо временно.

Тем не менее численность партии за тот период выросла на 210 тысяч 533 человека — с 72 тысяч 426 человек в 1950 году до 282 тысяч 959 человек в 1952 году. Члены Гоминьдана составляли 3,5 процента от 8 миллионов 128 тысяч жителей острова. По сути дела, это была новая,

молодая и боевая партия. Люди в возрасте до 40 лет составляли 80 процентов ее членов — 226 тысяч 367 человек, а в армии служили почти 40 процентов — 112 тысяч. По-прежнему значительная часть членов партии (83 тысячи 300 человек) являлась рабочими и крестьянами — почти 30 процентов. Женщин в Гоминьдане было мало — всего 5,6 процента.

Проведя партийную реорганизацию, Чан смог в октябре 1952 года созвать VII съезд Гоминьдана. Этот форум, проходивший в окрестностях Тайбэя, в горах Янминшань, с 10 по 20 октября, не был, конечно, всекитайским, хотя в целях пропаганды именовался именно так. В нем участвовали 200 делегатов, а также 325 приглашенных гостей, в том числе 173 члена и кандидата в члены ЦИК и 98 членов и кандидатов в члены Центральной контрольной комиссии, избранные на VI съезде, и члены ЦК по делам реорганизации.

Съезд принял исправленный устав Гоминьдана, в котором реорганизованная партия определялась как «революционно-демократическая», утвердил ленинский принцип демократического централизма, заимствованный у коммунистов, распустил Центральный комитет по делам реорганизации, объединил Центральный исполком и Центральную контрольную комиссию в Центральный комитет и одобрил предложенную Чан Кайши «Платформу борьбы с коммунизмом и сопротивления России», определившую китайскую компартию и СССР как двух главных врагов свободного Китая. «Мы будем бороться против русской агрессии и китайских коммунистов за восстановление территориальной целостности Китайской Республики», — говорилось в документе. Идеи платформы легли в основу новой программы партии, одобренной съездом.

Съезд избрал 32 члена Центрального комитета, в который вошли и Чэнь Чэн, и Цзян Цзинго, 16 кандидатов в члены ЦК и утвердил 48 членов Центрального консультативного комитета, отобранных Чан Кайши. Среди них были Мэйлин и такие известные нам деятели Гоминьдана, как Ван Шицзе, Хэ Инцин, Ху Цзуннань, Чжан Цюнь, Юй Южэнь, Янь Сишань.

Высшим органом партии вновь стал восстановленный Постоянный комитет ЦК, избранный на 1-м пленуме Центрального комитета и полностью обновленный, куда вошли десять человек, в том числе Чэнь Чэн и Цзян Цзинго. Официального председателя этого комитета не избирали, но обычно на его заседаниях будет председательствовать Чан Кайши, хотя формально и не вошедший в Постоянный комитет, но на самом съезде переизбранный *цзунцаем* (генеральным директором, вождем).

Только состав Национального собрания, Законодательной и

Контрольной палат Чан обновить не мог. Эти представительные органы были сформированы в результате общекитайских выборов, а потому менять их состав до новых выборов в масштабах всего Китая Чан считал неприемлемым. Это было возможно только при возвращении власти Гоминьдана на материке. Вот такой возник казус власти: члены собрания и палат старели, но переизбрать их Чан Кайши не мог по политическим причинам. Зато в начале 1951 года были проведены выборы в уездные и городские органы власти, а в декабре члены уездных и городских собраний сформировали Временное собрание провинции Тайвань.

Одновременно, в начале 1950-х годов, проводилась и военная реформа, одним из элементов которой явилось восстановление отмененной после Северного похода системы войсковых политкомиссаров для усиления идейно-политического воспитания солдат и укрепления партийного контроля за действиями командиров. Отсутствие должного воспитания, считал Чан, привело к тому, что «воля к борьбе с врагом ослабла и боевой дух оказался полностью утрачен. Более того, солдаты не понимали, что следует защищать народ и объединяться с ним, они же, напротив, притесняли его без всяких ограничений. Так что военная дисциплина полностью отсутствовала». Начальником Главного политуправления министерства обороны Чан в апреле 1950 года назначил своего сына Цзинго, у которого, однако, вскоре возникли напряженные отношения с начальником группы американских военных советников генералом Чейзом. Генерал был недоволен тем, что Главное политуправление, как он считал, играет роль «секретной службы» Гоминьдана в армии, а потому «недемократично». Он требовал поставить политуправление под контроль своей группы. Но Чан встал на сторону сына, и Чейз в конце июля 1955 года ушел в отставку.

Была осуществлена и реорганизация армии. К осени 1953 года вооруженные силы Тайваня были сокращены в два раза — до 600 тысяч человек (с двадцати до десяти армий) и перевооружены американским оружием. Их боеспособность существенно повысилась: американские советники и инструкторы знали свое дело.

Одновременно Цзинго организовал массовую кампанию по вовлечению военнослужащих в Гоминьдан, чтобы превратить тайваньскую армию в партийную. Проводилась кампания энергично, и к 1954 году из 600 тысяч солдат и офицеров 210 тысяч (то есть более одной трети) уже были членами партии.

Все эти реформы проходили на фоне усиления авторитарного правления Гоминьдана и при колоссальных расходах на оборону — до 70

процентов годового бюджета. Чан и его единомышленники отказывались признать, что гражданская война закончилась. Для них она продолжалась и после того, как американцы взяли на себя обеспечение их безопасности, а потому обещание Чана соблюдать основные права человека не выполнялось. Помимо введения военного положения, на Тайване был установлен жесточайший белый террор, направленный против «красной опасности». Руководимые Цзинго секретные службы Гоминьдана повсеместно разоблачали «коммунистов», «шпионов» и «вредителей», среди которых оказались даже несколько генералов армии и их жены. За первые десять лет террора арестованы были тысячи людей. Из них не менее двух тысяч — расстреляны, а восемь тысяч получили суровые тюремные сроки; многие были брошены в концентрационный лагерь, созданный по приказу Цзинго на острове Люйдао (Зеленый остров), расположенном к юго-востоку от Тайваня. Лагерь носил издевательское название — Институт новой жизни.

Одной из жертв террора стал и генерал Сунь Лижэнь, заговорщические планы которого стали, по-видимому, известны Чану. В июне 1954 года генерал был смещен с поста главнокомандующего вооруженных сил и назначен на второстепенную должность начальника личного штаба Чан Кайши. А в августе следующего года — отправлен под домашний арест. (Он выйдет на свободу только через 13 лет после смерти Чана, в марте 1988 года, и будет реабилитирован.)

В апреле 1953 года либеральный губернатор Тайваня К. С. У после попытки покушения на его жизнь ушел в отставку. Вместе с женой он бежал в США, откуда 27 февраля 1954 года послал депутатам тайваньского Национального собрания открытое письмо, в котором осудил однопартийный режим, превращение национальной армии в партийную, введение института политкомиссаров, разгул белого террора спецслужб Цзян Цзинго, нарушение прав человека и свободы слова. В ответ в официальной тайваньской прессе поднялась волна обвинений в адрес К. С. У в «предательстве» и «коррупции». Но бывший губернатор не только не замолчал, но и усилил атаку на террористический режим Чан Кайши. Он начал писать письма Чану и давать интервью американским журналистам. (В результате Чан исключил его из партии, но чтобы как-то сбить волну критики в свой адрес, летом 1954 года позволил его сыну, который оставался в заложниках на Тайване, воссоединиться с родителями.)

И генерал Сунь Лижэнь, и К. С. У были членами высшего органа партии — Центрального комитета, избранного в октябре 1952 года на VII съезде Гоминьдана. Но и высокий партийный статус не смог их защитить.

Реорганизовав партию и укрепив свою власть, Чан Кайши в конце 1952 года вновь предложил американцам послать тайваньские войска в Корею — на этот раз для того, чтобы сражаться с войсками Мао Цзэдуна, — и заявил, что в 1953 году завершит подготовку своих вооруженных сил к вторжению в материковый Китай.

Но ни в Корею, ни в КНР он по разным причинам войска так и не послал и в 1954 году уже заявил о том, что вторжение на континент можно отложить «на год или два», увязав это с третьей мировой войной, в «неизбежность» которой верил.

В феврале того же 1954 года Чан в интервью агентству Рейтер заявил, что не хочет переизбираться президентом на второй срок (выборы должны были состояться в следующем месяце). Он изъявил желание стать премьером или главнокомандующим вооруженными силами, а на пост президента, как и в 1948 году, рекомендовал беспартийного Ху Ши. Но это была обычная игра. В марте Чан во второй раз баллотировался в президенты страны. Из 1575 депутатов Национального собрания за него проголосовали 1507, то есть 95,7 процента. За выдвинутого же Чаном на пост вице-президента Чэнь Чэна из 1569 депутатов, принявших участие в голосовании, проголосовало 1417, то есть 90,3 процента.

Таким результатам мог позавидовать любой кандидат в подлинно демократической стране, но Тайвань, как и Китай 1948 года, когда Чана избрали с результатом в 90 процентов, конечно, не был демократическим.

А вот что касается китайских коммунистов, то они сами через год после завершения войны в Корею, 3 сентября 1954 года, начали интенсивный обстрел находившихся в руках гоминьдановцев островов Цзиньмэй (там было 50 тысяч чанкайшистских солдат), а затем и островов Дачэнь (15 тысяч солдат), расположенных рядом с побережьем КНР, хотя захватывать их совсем не собирались. Военное присутствие Чана у берегов КНР коммунистам было выгодно: это сплачивало китайский народ на борьбу за выполнение планов партии! Кроме того, надо было показать всему миру боевой дух и возросшую мощь китайской армии.

Однако Мао Цзэдун переусердствовал. Обстрел островов привел к тому, что новые власти США — а в ноябре 1952-го на президентских выборах победил герой Второй мировой войны Дуайт Д. Эйзенхауэр, кандидат от Республиканской партии — в декабре 1954 года подписали с Тайванем договор о взаимной обороне. Значение этого договора для Чана и его режима трудно переоценить. В нем подчеркивалось, что США и Тайвань будут давать «совместный» отпор «вооруженным атакам и подрывной деятельности коммунистов». Чан, однако, вынужден был

обещать, что не будет пытаться захватить материковый Китай без согласия на то США. Более того, в конце января 1955 года Конгресс США подавляющим большинством голосов (против в обеих палатах было подано всего шесть голосов) дал президенту право «применять вооруженные силы Соединенных Штатов тогда, когда он посчитает это необходимым, для решения специальных задач по обеспечению безопасности и защите Формозы и Пескадорских островов против вооруженной атаки на них».

В зону защиты, правда, не были включены острова Цзиньмэй и Мацзу, но это мало что меняло. Главное заключалось в том, что США продемонстрировали СССР и КНР, что будут защищать Тайвань так, как собственную территорию. Чан был несказанно рад. К тому же в марте 1955 года до него дошли слова начальника военно-морских операций США адмирала Роберта Б. Карни, заявившего журналистам, что война с КНР «неизбежна» и что кое-кто среди американских военных оказывает давление на президента, чтобы «уничтожить военный потенциал Красного Китая, положив конец его экспансионистским устремлениям».

И хотя чересчур болтливый Карни был вскоре смещен с поста Эйзенхауэром, Чан Кайши мог быть абсолютно спокоен. К августу 1955 года численность группы американских советников на Тайване возросла до 2 тысяч 347 человек, что превратило ее в самую многочисленную группу советников США в мире. Под крылом Вашингтона Чан был в полной безопасности.

Под крылом Вашингтона

Между тем личная жизнь Чана шла своим чередом. Большую часть времени он с женой проводил на вилле Шилинь в просторном двухэтажном особняке под черепичной крышей с застекленной террасой на первом этаже. Сейчас там музей, вход — 100 юаней (чуть больше трех американских долларов).

Дом окнами выходит в парк. В часы отдыха Чан любил сидеть на террасе, наслаждаясь тишиной и покоем. Его рабочий кабинет и спальня находились на втором этаже. Рядом была и спальня Мэйлин, отделенная от спальни супруга ванной комнатой. Чан по-прежнему вставал очень рано, в шесть утра, обтирался горячим влажным полотенцем и выпивал стакан теплой кипяченой воды. За всю жизнь он никогда не изменял раз и навсегда заведенному распорядку: после стакана воды — молитва, потом — медитация, в восемь часов — легкий завтрак, затем — работа, после полудня — легкий обед, потом — сон, прогулка, работа, в семь вечера — легкий ужин, отдых (на Тайване он очень любил после ужина посмотреть кинофильмы, причем тайваньского производства), затем — записи в дневнике, в десять вечера — молитва, в одиннадцатом часу — сон. Если он не успевал закончить записи в дневнике вечером, то продолжал их на следующее утро. Все было четко, по-военному.

Как и прежде, его распорядок отличался от распорядка богемной Мэйлин, вечно страдавшей от болезней, как правило кожных, от аллергии и бессонницы. Она долго лежала в кровати, курила ментоловые сигареты, смотрела телевизор. Засыпала под утро и спала до обеда. Супруги по-прежнему были привязаны друг к другу, звали друг друга «дар» (от английского *darling* — дорогой, дорогая), гуляли вместе по парку, играли в гольф и шахматы. Еще им очень нравилось выращивать цветы и кормить золотых рыбок в пруду, причем Чан давал каждой рыбке имя и, если какая-то не приплывала за кормом, спрашивал Мэйлин: а куда сегодня делась рыбка по имени такому-то? Кроме того, они любили собак, и у них в доме всегда жили две овчарки. Чан сам их кормил, выгуливал и дрессировал. Особенно тепло он относился к псу, которому дал славную кличку Бай Лан (Белый волк) — скорее всего, в память о знаменитом китайском Робин Гуде, носившем это имя. (В 1913 году в провинции Хэнань тот поднял восстание против Юань Шикая.)

Правда, супруги нередко и ссорились. Но разве бывают семьи без

ссор?

Недалеко от дома, расположенного в северной части паркового комплекса, они выстроили небольшой храм из красного кирпича, который называли Кайгэтан (Храм победного гимна). Именно так в честь победы над Японией Чан когда-то назвал часовню, находившуюся в его резиденции в Нанкине. В Кайгэтан супруги молились каждое утро по воскресеньям. В службах обычно принимали участие их дети и родственники, а также христиане из членов правительства и высшего руководства Гоминьдана. По средам же Мэйлин устраивала здесь групповые моления и беседы о Библии со своими подругами.

К удивлению Чана, на Тайване Мэйлин увлеклась пейзажной живописью. Раньше она никогда не рисовала, а тут вдруг стала проводить за этим занятием многие часы и даже начала брать уроки живописи три дня в неделю. Чан скептически отнесся к ее новому хобби, то и дело ворча: «Если бы у тебя был хоть какой-то талант, ты обнаружила бы его раньше. В твоём возрасте ты никогда не достигнешь успеха». Чан был неправ: на самом деле Мэйлин научилась хорошо рисовать.

Помимо Шилиня у Чанов, по официальной информации, было еще тридцать три виллы. По неофициальной же, распространяемой членами Демократической прогрессивной партии, — сорок шесть! Последнее, скорее всего, преувеличение, но как бы то ни было, вилл, как видно, насчитывалось много. Разбросаны они были по всему острову, а одна из них находилась даже на Пескадорских островах. И Чан, и Мэйлин любили природу и, время от времени путешествуя по стране, посещали свои загородные резиденции.

Мэйлин, правда, не всегда сопровождала мужа. То болезнь, то ностальгия по родственникам, жившим в Америке, заставляли ее часто покидать супруга. Иногда она уезжала и потому, что ее тяготили ухудшавшиеся день ото дня отношения со старшим пасынком. После того как она бросила Чана в самый трудный для него момент, в июле 1944 года уехав за рубеж, Цзинго стал *alter ego* (другим я) Чана. Вернувшись в Китай в сентябре 1945-го, Мэйлин вступила с ним в борьбу за влияние на генералиссимуса и на какое-то время вроде бы даже победила, но после того, как вновь надолго оставила супруга в ноябре 1948 года, Цзинго безраздельно занял главное место около отца. Чан теперь просто не мог без него обойтись и, перебравшись на Тайвань, стал готовить почву для того, чтобы сделать его своим преемником. Цзинго, как мы знаем, занял массу постов и в партии, и в армии, и в секретной полиции. А с октября 1952 года он руководил и вновь созданным тогда Антикоммунистическим союзом

китайской молодежи по спасению государства — своего рода гоминьдановским комсомолом (формальным председателем союза был сам Чан Кайши). И именно Цзинго, по требованию отца, установил на Тайване жесточайший белый террор, вызвав ненависть таких либералов, как К. С. У, губернатор острова. Вернувшись из Штатов, Мэйлин тщетно пыталась вернуть себе власть, то и дело жалуюсь на Цзинго Чану и даже используя К. С. У против своего пасынка, но ей не удалось вбить клин между отцом и сыном. Чан ничего и никого не хотел слушать. Когда в феврале 1952 года К. С. У открыто заявил Чану, что он не должен оставлять Цзинго на посту начальника секретной полиции, генералиссимус стал дико кричать, что у него болит голова и он просит К. С. У замолчать.

В отличие от Мэйлин, время от времени уезжавшей в Штаты, Цзинго всегда был рядом с Чаном — и в горе, и в радости. Он боготворил отца и был готов выполнить любой его приказ. Нежностью и заботой окружали Чана и жена Цзинго, Фаина, и его внучка Эмма, и внуки — Ален, Алекс и Эдди. Чан очень любил проводить с ними время, и те довольно часто его навещали.

По-прежнему хорошие отношения были у Чана и с младшим сыном Вэйго, но у того не было детей. Его жена, Ши Цзинъи, с которой он обвенчался 6 февраля 1945 года, никак не могла выносить ребенка. За восемь лет у нее случилось девять выкидышей! После очередного выкидыша, находясь в глубокой депрессии, она в отсутствие мужа (он находился в служебной командировке в Японии) приняла чересчур большую дозу снотворного, то ли желая покончить с собой, то ли просто борясь с мучившей ее бессонницей. Она скончалась 21 марта 1953 года. Вэйго тут же вернулся домой, очень переживал и в память о супруге даже основал начальную школу.

Все члены семьи ему искренне сочувствовали, и после похорон Чан сказал Вэйго:

— Потерять жену в расцвете лет очень плохо. Сейчас у нас в стране нет особо важных дел, поэтому тебе надо воспользоваться случаем и опять засесть за учебу.

И Вэйго уехал в Соединенные Штаты, где был зачислен в учебную группу при штабе сухопутных войск.

А в это время по Тайваню поползли слухи, будто на самом-то деле покончить с собой бедную Цзинъи заставил Чан Кайши, потому что ее отец, фабрикант-текстильщик, оказался замешан в коррупционном скандале: поставлял в армию недоброкачественную форму для солдат. Ходили и другие слухи: будто Цзинъи была убита. Кто-то говорил — по

приказу Чана, кто-то — Цзинго, якобы узнавших, что она сама замешана в хищении: то ли американских товаров, предназначенных для армии, то ли валюты. Но вряд ли всем этим сплетням можно верить.

Через год Чан сказал Вэйго:

— Одиночество в расцвете лет не может длиться слишком долго. В противном случае будут нарушены семейные традиции. Если появится возможность, тебе надо еще раз жениться.

И вскоре на одной из вечеринок в Китайско-германском обществе культурных и экономических связей Вэйго познакомился с красивой девушкой Цю Жусюэ, чье христианское имя было Эллен. Была она на 18 лет моложе Вэйго, но у них имелось много общего. Как и он, она любила Германию, поскольку родилась там, ее мать была немкой. Отец Эллен, китайский инженер и будущий профессор Национального университета на Тайване, познакомился с ее матерью в Ганновере, когда работал над докторской диссертацией в Университете Лейбница.

В Эллен нельзя было не влюбиться: правильные черты лица, тонкие брови, пухленькие губки, пышные черные волосы. И при этом обворожительная улыбка. Вэйго представил ее своей приемной матери Ечэн, жившей в городе Тайчжуне, и отцу. Обоим она понравилась. В 1955 году они обручились, а через два года, после того как Эллен закончила учебу в Японии, поженились. В 1958 году Вэйго был назначен командиром 1-й танковой дивизии, расквартированной недалеко от Тайбэя, в местечке Хукоу, а в 1961-м он получил звание генерал-лейтенанта.

В политической жизни Тайваня меж тем происходили весьма серьезные вещи. В первой половине 1955 года продолжались интенсивные обстрелы островов Цзиньмэй и Дачэнь с китайской территории. Войска чанкайшистов в ответ бомбили окраины фуцзяньского города Сямэня. Со дня на день ожидалось коммунистическое вторжение на Тайвань. Президент США Эйзенхауэр всерьез обсуждал с членами своей администрации возможность применения небольших атомных бомб против военных объектов КНР, чтобы остановить агрессора.

В отличие от Трумэна новый президент США относился к Чану тепло, считая его близким «союзником», пусть «гордым и иногда упрямым», но одним из «бесстрашных лидеров». Американцы по-прежнему полностью контролировали военный бюджет Тайваня, но Эйзенхауэр не позволял себе третировать Чана так, как это делал Трумэн. Более того, полагал, что «ради поддержания престижа Чан Кайши и морального духа его войск любое изменение в военном и политическом планировании <на Тайване> должно

осуществляться под руководством Чана; самое главное — нельзя давать повода общественности думать, что изменения происходят из-за вмешательства и под давлением Америки».

В то же время Эйзенхауэр всеми силами старался защитить Тайвань. Еще в августе 1954 года, до заключения Договора о взаимной обороне, он на одной из пресс-конференций заявил: «Любое вторжение на Формозу должно вначале преодолеть <наш> 7-й флот».

Вместе с тем Эйзенхауэр понимал: «Если мы ввяжемся во всеобщую войну, логичным противником будет Россия, а не Китай, так что мы должны будем ударить там <по России>». А этого-то он совсем не хотел. Поэтому, с одной стороны, давал понять и китайским, и советским коммунистам, что может применить ядерное оружие для защиты Тайваня, а с другой — по совету своего госсекретаря Джона Фостера Даллеса — предложил Чану компромисс: отдать коммунистам небольшие острова Дачэнь, находящиеся в 200 морских милях от Тайваня, но укрепить оборону основных островов.

Чан Кайши вынужден был согласиться, и 4 февраля американские корабли начали эвакуацию гоминьдановских войск с островов Дачэнь, которая заняла неделю. 15 же марта Даллес, а 16-го Эйзенхауэр открыто заявили, что применяют тактическое ядерное оружие в случае всеобщей войны в Азии. «Я не вижу причин, почему его не следует применять точно так же, как вы применяли бы пули или что-нибудь еще», — объяснил Эйзенхауэр журналистам.

В ответ коммунисты тоже пошли на уступки. На проходившей в Бандунге (Индонезия) в апреле 1955 года конференции двадцати девяти стран Азии и Африки Чжоу Энлай, бывший тогда и премьером, и министром иностранных дел КНР, заявил, что китайский народ не хочет конфликта с США, предложив американцам сесть за стол переговоров. Он также не исключил возможности «мирного освобождения Тайваня». Тайваньский кризис был на какое-то время разрешен, и американцы даже начали переговоры с китайскими коммунистами на консульском уровне в Женеве (затем встречи были перенесены в Варшаву и переведены на уровень послов обеих стран).

А меньше чем через год Чан Кайши, как и весь мир, узнал потрясающую новость, которую с трибуны XX съезда Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 года сообщил импульсивный советский политик Никита Сергеевич Хрущев, преемник Сталина, скончавшегося за три года до того. Новость эта заключалась в том, что покойный вождь и учитель всех коммунистов мира оказался ужасным

преступником, совершившим бесчисленные злодеяния, включая уничтожение миллионов честных советских граждан. Чан и сам считал Сталина преступником, но, услышав *такое* из уст нового советского лидера и ближайшего союзника Мао Цзэдуна, был, понятно, поражен. Хрущева он, правда, терпеть не мог, как и самого Сталина, но не согласиться с хрущевской оценкой бывшего кремлевского диктатора не мог. Хотя ни в коем случае не стал доверять Хрущеву во всем другом, тем более когда узнал, что в отчетном докладе XX съезду Хрущев не только заявил о «возможности предотвращения войн в современную эпоху», но и развил сталинский тезис о «мирном сосуществовании двух систем»^[125]. «Казалось, он смягчил сталинизм, — вспоминал Чан Кайши. — Ведь Сталин считал, что война неизбежна, да к тому же рассматривал ее как путь, ведущий к мировому владычеству коммунизма. Хрущев же, представляя себя противником войны, стал утверждать, что военного конфликта можно избежать. По существу, однако, хрущевская формула «мирного сосуществования»... есть лишь повторение сталинского «народного фронта» 30-х гг., поскольку и Сталин, и Хрущев хотели пробить брешь в обороне свободного мира».

Чан Кайши захотелось донести эту мысль до всего человечества, поделиться с людьми свободного мира своим горьким опытом общения с коммунистами, которые, как он считал, его все время обманывали. И вместе с секретарями стал усиленно работать над книгой воспоминаний и размышлений, которую завершил 1 декабря 1956 года, в день двадцатидевятилетия супружеской жизни с Мэйлин и через месяц после своего семидесятилетия (напомним, что по принятому в Китае летоисчислению китайцы засчитывают девять месяцев, проведенные в утробе, за год). Он назвал эту книгу «Советская Россия в Китае: Обобщение опыта тридцати лет общения Китая с советскими коммунистами» и посвятил «священной памяти наших <с Мэйлин> горячо любимых матерей — покойной госпожи Цзян, урожденной Ван, и покойной госпожи Сун, урожденной Ни». При этом подчеркнул, что ему и его супруге так и не удалось «достигнуть тех идеалов, которые привили нам наши матери в пору нашего детства».

Конечно, не все в повествовании Чана выдерживает критику. Как каждый проигравший, Чан Кайши в чем-то пытался обелить себя, представив Мао и СССР исчадием ада. Иногда его подводила память, в каких-то случаях он откровенно лукавил. И все же, невзирая на недостатки, ему удалось изложить правдивую историю китайского национально-освободительного движения, развивавшегося, как мы и сами видели, в

борьбе на два фронта — против западного и японского империализма и оказавшегося особенно агрессивным советского экспансионизма. И если над первым врагом Чан Кайши удалось одержать победу, то от второго он как раз и потерпел поражение.

В книгу помимо основного историко-мемуарного очерка, представляющего, безусловно, большой интерес, Чан включил и теоретические разделы — «Об истоках и особенностях военной стратегии коммунистов», «О концепции «мирного сосуществования» коммунистов как части их программы мировой революции и методы ее осуществления. Комбинированное использование тактики мира и военных приготовлений» и — в виде заключения — «Путь к миру во всем мире и наши антикоммунистические убеждения и платформа». Но они, увы, получились многословны и неинтересны ни с исторической, ни с философской точек зрения.

Такое же впечатление производит и приложение к книге, озаглавленное «Как коммунисты используют диалектику». Через всю книгу проходит мысль о том, что верить коммунистам нельзя ни в чем и что надо готовиться к национально-революционной войне на Дальнем Востоке, которая «сможет привести к разгрому советского блока, уничтожению железного занавеса, восстановлению мира во всем мире и обеспечению прав человека».

Книга Чан Кайши «Советская Россия в Китае: Обобщение опыта тридцати лет общения Китая с советскими коммунистами» вышла мгновенно — в рождественский день 25 декабря 1956 года, и тираж ее был тут же сметен с прилавков членами Гоминьдана. Впоследствии на Тайване она переиздавалась неоднократно. В 1957 году было опубликовано ее первое американское издание под названием «Советская Россия в Китае: Воспоминания и размышления в 70 лет», а затем немецкое и т. д.

Первое же издание на русском языке под неточным названием «Советский Союз в Китае» появилось в 1961 году. Перевод выполнили сотрудники тайваньского отделения российского эмигрантского издательства «Посев» (которое и выпустило книгу), принадлежащего известной антисоветской организации Народно-трудовой союз. Перевод, правда, был сделан довольно небрежно, с бесчисленным количеством стилистических ошибок. Чан написал «Предисловие автора к русскому изданию», в котором выразил надежду, что книга позволит гражданам России «лучше понять, каким образом коммунисты, поработив русский народ, под прикрытием ослепляющих лозунгов «мировой революции» и «диктатуры пролетариата» принесли также обман, унижение, порабощение

и братоубийственную междоусобицу китайскому народу». Но книга в то время к русскому читателю не дошла, так как сразу была запрещена в СССР. И только через 53 года она появилась на российских прилавках — но уже в новом, исправленном и дополненном, издании того же издательства «Посев» и теперь не только с предисловием Чан Кайши, но и с обращением «К русскому читателю», написанным его правнучкой Цзян Юмэй.

Через десять месяцев после выхода первого тайваньского издания книги, 10–23 октября 1957 года, в Тайбэе состоялся очередной, VIII Всекитайский съезд Гоминьдана. Выступая на нем, Чан Кайши заявил, что Гоминьдан сможет подавить китайских коммунистов в результате контратаки в ближайшие два-три года.

В съезде участвовали 372 делегата и 202 гостя, представлявших 509 тысяч 864 члена партии. То есть со времени VII съезда в 1952 году Гоминьдан вырос на 226 тысяч 905 человек. По-прежнему 80 процентов партийцев составляла молодежь — люди в возрасте до 40 лет (их теперь насчитывалось 407 тысяч 891 человек). На долю рабочих и крестьян приходилось уже 26 процентов (132 тысячи 565 человек), то есть на четыре процента меньше, чем в 1952 году. В целом члены Гоминьдана составляли 5,1 процента от почти десяти миллионов жителей острова.

Делегаты съезда в очередной раз единогласно избрали Чан Кайши *цзунцаем* (генеральным директором, вождем) и, восстановив пост заместителя *цзунцая*, упраздненный после предательства Ван Цзинвэя, утвердили на этом посту Чэнь Чэна, предложенного Чаном. Цзян Цзинго вновь был избран членом Центрального комитета, в который, помимо него, вошли еще 49 человек (39 — избранных съездом и десять — добавленных лично Чаном, которому такое право дал новый партийный устав, принятый на съезде). Были также избраны 25 кандидатов в члены ЦК, а 76 членов Центрального консультативного комитета, отобранных Чаном, утверждены (среди них опять была Мэйлин). На 1-м же после съезда пленуме ЦК Цзинго вновь вошел в члены Постоянного комитета (помимо него, членами этого высшего органа были избраны еще 14 человек).

А вскоре, через несколько месяцев, получил подтверждение основной тезис книги воспоминаний Чана — что коммунистам нельзя ни в чем верить. В августе 1958 года в Тайваньском проливе вновь возник острый кризис. На этот раз китайские коммунисты подвергли мощной бомбардировке острова Цзиньмэнь и Мацзу в Тайваньском проливе, где в то время была сосредоточена треть всех сухопутных сил Чан Кайши. Чан объявил это «атаками против первой линии обороны Америки в Азии», и Эйзенхауэр вновь встал на защиту Чана, подтвердив свое намерение

сбросить небольшие атомные бомбы на военные объекты КНР в случае коммунистического вторжения на тайваньскую территорию. Все вооруженные силы США в регионе были приведены в боевую готовность. Но Мао Цзэдун и на этот раз не собирался захватывать острова. В то время в Китае разворачивался «большой скачок» — великая стройка коммунизма, призванная обеспечить удвоение промышленного и сельскохозяйственного производства в течение одного года, а потому вождям компартии было особенно важно усилить в стране атмосферу военного лагеря для поднятия энтузиазма китайского населения.

Китайские коммунисты продолжали бомбардировки (только по нечетным дням — почему именно по нечетным, неизвестно) в течение последующих двадцати лет, и Чан Кайши с американцами должны были в конце концов смириться с этим. «Просить китайских коммунистов о прекращении огня — это только обманывать самих себя, — заявил Чан в октябре 1958 года. — ...Желание добиться прекращения огня никогда не осуществится». По совету Эйзенхауэра он просто сократил свои вооруженные силы на островах Цзиньмэнь и Мацзу, хотя и не хотел этого делать.

Эйзенхауэр же продолжал поддерживать Чана и впоследствии. И не только демонстрацией силы, но и материально. До конца его президентского срока, то есть до 20 января 1961 года, он предоставил Тайваню только на экономическое развитие более одного миллиарда долларов. Сотни миллионов были потрачены на военные нужды острова. В августе 1959 года, например, американцы передали Тайваню 36 пусковых установок и большое число ракет земля — воздух «Ника-Геркулес», способных нести ядерные боеголовки.

Ракеты были крайне необходимы Чану, так как в 1959 году в Красном Китае создалась особенно тяжелая ситуация — и в связи с провалом «большого скачка», и в связи с мятежом тибетцев, требовавших предоставления независимости. Чан вновь стал рассматривать возможность вторжения на материк. Еще за пять дней до восстания в Тибете, 7 марта 1959 года, в интервью итальянской газете «Коррьере делла сера» («Вечерний вестник») он заявил: «Если на китайской земле произойдет восстание, мы не будем сидеть сложа руки. Мы высадимся на континенте и выиграем битву. Я думаю, что Советский Союз ни в коем случае не вмешается в это дело, потому что побоится увязнуть в Китае, как это было с японцами. Кроме того, я убежден, что Советский Союз не использует ядерное оружие, ибо знает, что таким образом он может спровоцировать мировую войну... Советский Союз не хочет войны, по крайней мере, в

данный момент. Это единственный пункт, по которому я согласен с Хрущевым».

Мятеж тибетцев, начавшийся 12 марта, был, однако, жестоко подавлен коммунистическими войсками. И, несмотря на моральную поддержку восставших, Чан Кайши так и не вторгся на континент. Духовный лидер Тибета Далай-лама бежал в Индию, а Чан продолжил укреплять оборону Тайваня за счет американцев, по-прежнему твердя, что «контрнаступление против континентального Китая — это наш долг», однако подчеркивая, что эта задача — «на 70 проц<ентов> является политической задачей и лишь на 30 проц<ентов> — военной». Все это, как и прежде, позволяло ему спланировать Гоминьдан и Национально-революционную армию.

Особенно важным в жизни Чан Кайши стал 1960 год. В марте 1960-го, исходя из «Временных статей на период мобилизации для подавления смуты», принятых в 1948 году, а затем продленных, Национальное собрание избрало Чана президентом на третий срок (напомним, что Конституция Китайской Республики не позволяла президенту переизбираться в третий раз). Показательно, что за три месяца до выборов, 23 декабря 1959 года, Чан, выступая перед двумя тысячами активистов Гоминьдана, заявил, что он «против поправки в Конституции». Но это была игра. В Вашингтоне, не догадываясь об этом, приветствовали его решение, считая, что Чана заменит вице-президент Чэнь Чэн. Американцы даже собирались пригласить Чэнь Чэна посетить США. Но Чан Кайши быстро перестроился и на выборах получил целых 98,1 процента голосов депутатов (за него проголосовал 1481 человек из 1509). Генерал Чэнь Чэн, вновь баллотировавшийся в вице-президенты, получил 91,8 процента (1381 голос из 1505). Чан опять мог праздновать победу. В 12 часов 30 минут пополудни тысячи людей, несмотря на дождь, собрались перед Президентским дворцом. В руках у них были портреты Чан Кайши и плакаты с надписью «Мы пойдем за Чаном на материк».

Вторым значимым моментом стал визит на Тайвань главного союзника Чана — Эйзенхауэра вместе с сыном и невесткой. Это был первый в истории визит американского президента в Китай, а потому, конечно, он имел историческое значение, хотя Эйзенхауэр пробыл в Тайбэе менее 24 часов. Он прибыл туда днем 18 июня на вертолете (взлетевшем с одного из кораблей 7-го флота), провел две беседы с Чан Кайши и Мэйлин и выступил перед огромной толпой горожан, собравшихся на площади перед Президентским дворцом в центре Тайбэя. (По официальным данным, присутствовало более полумиллиона человек.)

Чан был несказанно рад принять Эйзенхауэра, так много сделавшего для укрепления Тайваня. Неподдельную радость выказывали и простые тайваньцы. От аэропорта Суншань до резиденции Чан Кайши обе стороны широкого проспекта заполнило море людей, радостно махавших флажками Китайской Республики и США. Среди них были и привезенные гоминьдановцами представители островов Цзиньмэй и Мацзу. Люди танцевали, отовсюду неслась веселая музыка.

Чан Кайши встречал Эйзенхауэра в аэропорту — в парадном военном мундире, с орденом Синего неба и Белого солнца на левой стороне груди. Чан очень любил этот орден, хотя он был второй по значению наградой в Китайской Республике. У Чана имелся и высший орден — Национальной славы, которого он удостоился 10 октября 1943 года, в годовщину Синьхайской революции, но надевал он его редко. Орден Синего неба и Белого солнца был особенно дорог ему тем, что он получил его за объединение страны в результате Северного похода (орден был вручен ему в 1930 году).

Выглядел Чан Кайши для своих лет (ему шел уже 73-й год) неплохо: поджарый, с красивыми седыми усами и живыми глазами. Только вот стал сутуловат, да и голос больше не поднимался до прежнего резкого стаккато. Мэйлин же, приехавшая с мужем в аэропорт, была, как всегда, неотразима; 63 года ей никак нельзя было дать. По-прежнему элегантная и хрупкая, одетая в бело-голубое *платье-ципао*, она произвела на американского президента самое приятное впечатление. Мэйлин тоже была кавалером ордена Синего неба и Белого солнца, который Чан вручил ей сразу после Каирской конференции за большой вклад в переговоры с Рузвельтом, но она его не надевала.

Чан и Мэйлин уже встречались с Эйзенхауэром, в ноябре 1943 года в Каире, но тогда Айк (как его все звали) был всего лишь членом американской делегации. Теперь же он в глазах Чана являлся главой всего свободного мира и его главным союзником. Чан, правда, был очень расстроен тем, что Эйзенхауэр ничего не сделал для защиты президента Южной Кореи, 84-летнего Ли Сын Мана, в марте 1960 года свергнутого в результате массовых демонстраций либеральной интеллигенции, выступившей против фальсификаций на прошедших тогда в Южной Корее выборах. Американцы лишь помогли Ли Сын Ману бежать на Гавайи.

Свержение южнокорейского диктатора не могло, понятно, не взволновать Чана. И не только потому, что он считал Ли Сын Мана другом, но и потому, что опасался, не предадут ли американцы его так же, как Ли, в случае аналогичных выступлений тайваньских либералов. Волновали его и

события в Турции, где в мае 1960 года тоже произошли народные выступления и еще один союзник США, премьер-министр этой страны, потерял власть. По воспоминаниям Эйзенхауэра, Чан сказал ему, что за всеми этими восстаниями несомненно стоят коммунисты, как советские, так и китайские, и выразил опасение, не произойдет ли аналогичного переворота в Японии. Он был абсолютно убежден, что Хрущев и Мао действуют рука об руку и их главная цель — подорвать стабильность в Азии, «самом слабом звене в обороне свободного мира». В обозначившиеся в то время разногласия между КПСС и КПК Чан Кайши не верил, заверяя Эйзенхауэра в том, что «Мао никогда не сможет порвать с Советским Союзом, ибо своей властью он обязан поддержке Кремля».

Как же он ошибался! На самом деле именно в то время конфликт между Мао Цзэдуном и Хрущевым достиг точки невозврата.

В выступлениях и беседах с Чаном и Мэйлин Эйзенхауэр подчеркивал «твердую солидарность Америки» лично с Чан Кайши и его правительством, а пекинский режим называл не иначе как «воинственный и тиранический». В коммюнике же, опубликованном по итогам визита 19 июня 1960 года, было отмечено, что «оба президента выразили полное взаимопонимание по вопросу о жизненной необходимости достижения более тесного союза и укрепления всех свободных наций перед лицом продолжающейся угрозы коммунистической агрессии против свободного мира и в особенности свободных стран Дальнего Востока».

Много внимания было уделено и экономическим проблемам Тайваня. Чан рассказал об успехах, а Эйзенхауэр «выразил восхищение американского народа прогрессом, достигнутым Китайской Республикой в различных областях в последние годы, заверив <Чана> в неизменной помощи Соединенных Штатов».

Эйзенхауэр не зря выражал восхищение. Экономика Тайваня действительно была на подъеме. Первый четырехлетний план 1953–1956 годов был успешно выполнен, и если в 1952 году рост ВВП составил 12,3 процента, то за 1953–1956 годы он вырос еще на 37 процентов, а в пересчете на душу населения — на 17 процентов. Почти был завершён и второй четырехлетний план 1957–1960 годов, и было ясно, что ВВП вырастет еще на 31 процент, а в пересчете на душу населения — еще на 13 процентов. Магазины и рынки на Тайване были заполнены товаром. В отличие от КНР, где в результате «большого скачка» миллионы людей умирали от голода.

В 1960 году два важных события случились и в семье Чан Кайши: почти одновременно были сыграны две свадьбы. В апреле старший сын

Цзинго и Фаины Ален женился на девушке Сюй Найцзинь (христианское имя — Нэнси), с которой вместе учился в Калифорнийском университете в Беркли. (Ален с сестрой Эммой приехали на учебу в Америку в декабре 1959 года.) Как и вторая жена Вэйго, Нэнси была наполовину немкой и так же, как все женщины в семействе Чана, настоящей красавицей. Но главное заключалось не в ее красоте. Нэнси имела очень сильный характер, и то, что она вышла замуж за Алена, стало настоящим счастьем для всей семьи. Дело в том, что в Америке Ален начал пить, так что будущей невесте приходилось буквально силой вытаскивать его из баров. И только женившись, он на какое-то время остепенился. Жили они с женой в северной части Беркли, недалеко от университета, на тихой улочке Килер, в доме 1095 — симпатичном двухэтажном особняке.

А через четыре месяца, 11 августа 1960 года, свадьбу сыграла и дочь Цзинго — Эмма. Она вышла замуж за Юй Янхэ, который был старше ее на 14 лет, да к тому же трижды разведенный. Правда, это был очень интересный человек, бывший военный летчик, участник более тридцати воздушных боев с японцами, а кроме того, сын чанкайшистского министра обороны генерала Юй Давэя. Но все равно этот брак вызвал неудовольствие Цзинго, обожавшего Эмму и желавшего ей лучшей доли. Тем не менее он вынужден был смириться. И молодые счастливо зажили в Штатах, в городе Окленде, поселившись в небольшой квартирке в доме под номером 5939 на центральном проспекте Телеграф. Их жилье находилось примерно в двадцати минутах езды от дома Алена.

В конце 1960 года, однако, Чана ждало неприятное известие. Оно, правда, касалось не семьи, а политики, но политика давно стала его семейным делом. В ноябре на выборах президента США кандидат от Республиканской партии вице-президент Ричард Никсон проиграл молодому демократу Джону Ф. Кеннеди. Проиграл Никсон с минимальной разницей, всего в семнадцать сотых процента, и это было особенно обидно. Чан достаточно натерпелся от американских демократов, а от республиканцев, того же Эйзенхауэра, видел в основном только хорошее. Поэтому болел за Никсона, тем более что знал его лично: в 1953 году Эйзенхауэр посылал своего вице-президента на Тайвань, где тот в течение семи часов беседовал с Чаном и Мэйлин, выполнявшей роль переводчицы. Никсон и Чан понравились друг другу, и Никсон впоследствии вспоминал, что был «приятно поражен его <Чана> высоким интеллектом и беззаветной преданностью делу освобождения китайского народа от коммунистического угнетения».

Правда, в 1949 году Кеннеди показал себя другом китайских националистов, выступив с осуждением китайской политики Трумэна, несмотря на то что был с ним из одной партии. «Когда-то мы сражались за свободу Китая, — сказал он 30 января 1949 года, понимая, что победа коммунистов очевидна. — Но то, что наши молодые ребята спасли, наши дипломаты и наш президент растратили попусту». Однако позиция Кеннеди в отношении Тайваня не вызывала у Чана оптимизма. Он не без оснований опасался, что Кеннеди пожертвует Тайванем ради развития отношений с КНР и, возможно, поддержит прием маоистского Китая в члены ООН.

Чан был недалек от истины. Концепцию двух Китаев вовсю проталкивал Дин Раск, ставший в январе 1961 года госсекретарем в администрации Кеннеди. Чан, конечно, не знал, что Эйзенхауэр, покидая Белый дом, сказал Кеннеди, что «хотя он и будет поддерживать его в общих вопросах внешней политики, но решительно выступит против любых попыток новой администрации признать Пекин и посадить материковый Китай в Организацию Объединенных Наций». Не знал Чан и того, что получив незначительный перевес в голосах на выборах, Кеннеди «проявлял большую осторожность в выборе вопросов, по которым готов был дать бой». Но осторожность он проявлял только в начале президентского срока. Скорее всего, у него просто не хватило времени внести принципиальные изменения в китайскую политику Вашингтона. По воспоминаниям его помощника Артура Мейера Шлезингера-мл., Кеннеди никоим образом не отбросил идею «двух Китаев» и признания КНР. «Это на самом деле бессмыслица — то, что Тайвань представляет Китай», — говорил он членам своей администрации в 1961 году, отложив признание КНР до окончания выборов в американский Конгресс в ноябре 1962 года.

В 1961 году Кеннеди добился лишь того, что Чан очень неохотно согласился дать указание своему представителю в Совете Безопасности воздержаться при голосовании вопроса о принятии в ООН Монголии. Чан был недоволен поведением Кеннеди в этом вопросе, так как по-прежнему считал Монгольскую Народную Республику частью Китая, несмотря на старый, 1945 года, договор с Советским Союзом, который он, понятно, считал недействительным. Тем не менее он вынужден был подчиниться президенту США.

Не понравилось Чану и то, что в 1962 году Кеннеди открыто дал понять и СССР, и Китаю, что поддерживать Чан Кайши во всех его «авантюрах» в отношении материкового Китая он не будет. Это обидело престарелого генералиссимуса, посчитавшего, что друг не должен

«открыто объявлять врагу о том, что США не будет помогать» своему союзнику.

Между тем в 1961 году в семье Чана опять произошли радостные события. 21 марта у внука Чана — Алена и его жены Нэнси родилась дочь, первая правнучка Чан Кайши. В соответствии с традициями клана ее называли Юмэй. Иероглиф «ю» («братство») приходится на 31-е поколение в роду Улинских Цзянов, а иероглиф «мэй» означает «цветок сливы». Полным же ее именем стало Юмэй Маргарита Фаина Мария. Маргаритой ее называли в честь бабушки по материнской линии, Фаиной — в честь бабушки по отцовской, а Мария — ее имя, полученное при крещении.

Родилась девочка в Тайбэе, и Чан с Мэйлин были рады поддержать правнучку на руках, она стала их любимицей. 30 июня в соответствии с китайской традицией они устроили праздник в честь ее ста дней. Вскоре Ален, Нэнси и Юмэй уехали в США, где Ален с Нэнси продолжили учебу. Забегая вперед скажем, что через три года Ален вновь начал пить и как-то, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, попал в аварию в окрестностях Окленда, после чего его выслали из Соединенных Штатов. С ним на Тайвань вернулись и Нэнси с Юмэй. Но нет худа без добра. С тех пор Юмэй стала жить то в доме Чана и Мэйлин, то в доме Цзинго и Фаины. С вечно пьяным отцом было неудобно.

Пьянство не было наследственной болезнью Алена, хотя и Цзинго, и Фаина тоже любили хорошо выпить, особенно под русскую закуску. В их семье обожали русское застолье да и вообще все русское, даже общались Цзинго и Фаина между собой по-русски. Но ни Цзинго, ни Фаина алкоголиками не стали — в отличие от Алена, хотя Фаина даже незадолго до смерти (она скончалась 15 декабря 2004 года в возрасте 88 лет), уже будучи подключенной к кислородному аппарату, просила налить ей стаканчик водки.

В мае 1961 года у Чана от внучки Эммы родился и первый правнук. Назвали его Цзушэн, что значит «Голос предков». Родился он в Америке, в Сан-Франциско. Интересно, что его бабушка по отцовской линии, как и бабушка Юмэй по материнской, была немкой. Свекор Эммы Юй Давэй познакомился с будущей женой в Германии во время своей учебы, в начале 1920-х годов. Они полюбили друг друга, родили ребенка (будущего мужа Эммы) и собирались пожениться, но им это не удалось: родители невесты не только не разрешили дочери выйти замуж за китайца, но и заставили ее отказаться от сына. Так что Юй Давэй увез его в Китай, где муж Эммы и вырос.

Правнук, конечно, не являлся продолжателем рода Чан Кайши, так как был от внучки, но на отношении к нему Чана это не сказывалось. Генералиссимус был любвеобильным дедом — в отличие, кстати, от Мао Цзэдуна, относившегося к своим детям и внукам почти безразлично. Чан Кайши любил шумные семейные пикники в горах Янминшань, веселые застолья и даже сам иногда готовил еду для всей семьи — обычно обжаренный на масле рис. Любил он и бродить с детьми по горным тропам в длинном халате, с тростью, декламируя стихи танских поэтов: Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэя, Мэн Хаожаня.

В мае 1961 года хорошая новость пришла и из Вашингтона. Кеннеди прислал Чану письмо, заверяя его в том, что «США по-прежнему придерживаются своих обязательств перед националистами по договору о взаимной обороне, стоят на позиции непризнания коммунистического Китая, возражают против предоставления коммунистическому Китаю места в ООН, поддерживают представительство националистического Китая в ООН и верны своим обещаниям оказывать этой стране экономическую помощь». Это письмо передал Чану вице-президент США Линдон Б. Джонсон, посетивший Тайбэй вместе с женой, очаровательной Леди Бёрд, а также сестрой Кеннеди и ее мужем 14–15 мая с 23-часовым визитом.

Все бы ничего, но в начале 1960-х годов у Чан Кайши начались серьезные проблемы со здоровьем. Ему требовалась операция по удалению аденомы простаты, и в 1962 году встревоженная Мэйлин написала брату Т. В. Суну в Штаты, попросив найти хорошего хирурга-уролога. Прибывший на Тайвань хирург сделал успешную операцию, но после нее Чан долго приходил в себя. Мэйлин очень нервничала и упростила свою любимую племянницу Жанетт приехать к ней из Нью-Йорка. Жанетт поселилась в том же парковом комплексе Шилинь — по соседству с Чанами, в двухэтажном особнячке, именовавшемся «Постоялый двор». По желанию Мэйлин она взяла на себя управление всем поместьем, потребовав от слуг величать ее не иначе как генеральная управляющая Кун. Говорят, что со временем даже сам Чан да и Цзинго стали ее так называть. Как и прежде, Жанетт одевалась в мужское платье, и слуги, ненавидевшие ее за отвратительный характер, судачили о том, что она в любовных утехах предпочитает женщин мужчинам. Мэйлин старалась выдать ее замуж, но у нее ничего не получилось.

А весной 1963 года Чана вновь разозлил Кеннеди. В конце апреля президент США и его госсекретарь Раск объявили на пресс-конференции о своем стремлении «улучшить отношения» с КНР. Чан был вне себя. И

только рождение 22 мая 1963 года еще одного внука улучшило его настроение.

Новый, последний, внук был, наконец, от Вэйго. Довольный дед назвал его Сяоган («сяо», как мы помним, — «почтительный к родителям», а «ган» — «крепкий», «твердый»). При крещении мальчик получил имя Грегори. Интересно, что он был на два года моложе своей двоюродной племянницы Юмэй и двоюродного племянника Цзушэна.

Рождение внука не могло, однако, отвлечь Чана от дурных мыслей надолго. В июле 1963 года в пику Кеннеди Чан Кайши решился на опасный гамбит: начать секретные переговоры с Советским Союзом на общей антимаоистской платформе. К тому времени он уже понял, что конфликт Никиты Хрущева с Мао Цзэдуном всерьез и надолго, а потому решил объединить с Хрущевым силы для возможного совместного удара по КНР. По приказу Чана соответствующие тайваньские службы стали прощупывать почву в этом направлении, но в то время у них ничего не вышло.

Между тем осенью же 1963 года Чан в Тайбэе созвал IX съезд партии. На форум, проходивший с 11 по 22 ноября, собралось 996 человек (600 делегатов и 396 гостей), представлявших 667 тысяч членов Гоминьдана. Со времени VIII съезда в 1957 году партия, как видим, возросла на 157 тысяч 136 человек. Молодежь в возрасте до 40 лет составляла уже чуть более 70 процентов (свыше 472 тысяч). На долю рабочих и крестьян приходилось 23 процента (более 150 тысяч), то есть на три процента меньше, чем в 1957 году. В целом члены Гоминьдана составляли 5,8 процента от более чем одиннадцати миллионов жителей острова.

Хотя Чану шел уже 77-й год, его опять единогласно избрали *цзунцаем*, Чэнь Чэн вновь стал его заместителем, а Цзян Цзинго — членом Центрального комитета (в комитет теперь вошли 74 человека — 60 избранных и 14 назначенных Чан Кайши). Было увеличено и число кандидатов в члены Центрального комитета — с 25 до 35 человек, а также членов Центрального консультативного комитета, отобранных Чаном, — с 76 до 144 (одним из его членов вновь стала Мэйлин). На 1-м же после съезда пленуме ЦК Цзян Цзинго вновь занял место среди пятнадцати членов Постоянного комитета ЦК. На съезде Чан выступил с речью, в которой заявил, что китайские националисты в настоящее время сильны «как никогда со времен революции 1911 года». По предложению Чана съезд принял «Программу противодействия коммунизму и строительства родины», в основу которой была положена идея объединения всех китайцев внутри и вне Тайваня в некий Китайский антикоммунистический союз

строительства родины.

На следующее утро после съезда Чан получил новость, вызвавшую у него смешанные чувства: 22 ноября в 12 часов 30 минут на президента США Кеннеди было совершено покушение, и через полчаса он скончался.

Как мы помним, Чан Кеннеди не любил. С начала же ноября 1963 года он стал относиться к нему откровенно недоброжелательно — после того, как в Сайгоне 2 ноября в результате покушения был убит южновьетнамский президент Нго Динь Зьем. Возможно, Чан и не знал точно, что за убийством стояло ЦРУ, но до него не могли не дойти слухи о том, что именно Кеннеди был виновен в смерти сайгонского диктатора.

Через год, правда, по просьбе младшего брата покойного Роберта, Чан написал небольшие (в английском переводе — четыре страницы) воспоминания о Кеннеди для его мемориальной библиотеки, в которых дипломатично заметил, что уже во время президентской кампании 1960 года «стал питать глубокое уважение к его <Кеннеди> способностям, великому таланту, молодой энергии и умению находить выход из любой ситуации». Он даже заявил, что «считает президента Кеннеди «вторым Линкольном» среди президентов США» и не столько потому, что его тоже убили, а потому, что Кеннеди «старался вернуть свободу и надежду миллиарду людей, поработанных коммунистами».

Что же касается нового президента США Джонсона, то у Чана с ним вроде бы сложились хорошие отношения еще со времени визита того на Тайвань 15 мая 1961 года. Когда Джонсон прилетел в Тайбэй, Чан вначале отнесся к нему прохладно, так как думал, что человек из окружения Кеннеди прибыл читать им с Мэйлин «лекции или бранить их, или сообщить им плохие новости о близившемся сокращении помощи Соединенных Штатов». Но вскоре выяснилось, что это не так. Как и Эйзенхауэр, Джонсон составил хорошее впечатление о Чане, Мэйлин и о положении на Тайване, отметив «большие успехи», достигнутые тайваньским режимом в экономической сфере, в особенности «в осуществлении земельной реформы и в развитии системы ирригации», а также «образования». Он обратил внимание и на повышение уровня жизни тайваньцев. «Коммунисты никогда не смогут рассчитывать на успехи там, где крестьяне владеют собственной землей», — сказал он.

Вместе с тем Джонсон тоже оказался «твердым орешком». 28 мая 1964 года без предварительных консультаций с Чаном он объявил, что США прекратят оказывать Тайваню экономическую помощь с июня 1964 года, поскольку «в Китайской Республике на Тайване и так наблюдается здоровый экономический рост». Военная помощь к 1970 году также должна

была сократиться — со 100 до 30 миллионов долларов в год. До Чана дошли также известия о том, что Джонсон решил продолжить политику Кеннеди по наведению мостов с КНР.

Все это было неприятно, тем более что вскоре международная ситуация на Дальнем Востоке резко ухудшилась. 16 октября 1964 года в три часа пополудни на полигоне Ма-лань в пустыне Лоб-Нор (Синьцзян) китайские коммунисты произвели успешное испытание ядерного оружия. Чан, конечно, страшно обеспокоился, хотя внешне вида не подал. Он давно предполагал, что Мао Цзэдун может стать обладателем своей атомной бомбы, а потому еще в декабре 1958 года отдал приказ о разработке собственной, тайваньской, бомбы. Приказ, понятно, был секретный — даже от американцев.

Создать бомбу раньше коммунистов у тайваньцев не получилось, а потому Чан Кайши, с одной стороны, активизировал работы по производству ядерного оружия, а с другой — стал просить нового президента США разрешить ему послать диверсионные группы в материковый Китай, чтобы уничтожить атомные объекты КНР. Чан считал, что «это единственный способ положить конец ядерной угрозе и сделать шаг в сторону уничтожения режима, принесшего неисчислимые бедствия в наш район». Но Джонсон ему этого не позволил.

В 1964–1965 годах американцы все сильнее увязали в Южном Вьетнаме, где партизаны-коммунисты, как местные, так и проникшие из Северного Вьетнама, вели войну против поддерживавшегося США правительства. После смерти Нго Динь Зьема в Сайгоне то и дело сменялись президенты, пока 14 июня 1965 года у власти с помощью американцев не утвердился генерал Нгуен Ван Тхьеу. Но и с его приходом военно-политическая ситуация в Южном Вьетнаме оставалась критической, а потому 28 июля 1965 года Джонсон решил направить туда большой контингент американских войск. Американцы окончательно увязли в Индокитае, и им уже стало не до планов Чан Кайши в отношении Мао Цзэдуна.

Интересно, что Чан еще за год до того в письме предупреждал Джонсона, что ввязывание в индокитайскую войну вызовет только ненависть вьетнамцев к Америке и американцы столкнутся с перспективой затяжной войны на истощение. Он отговаривал Джонсона от опрометчивого шага, однако Джонсон к нему не прислушался. Тогда Чан предложил отправить и свои войска во Вьетнам, но получил отказ. Ну что ж! Он не настаивал: это его предложение носило такой же формальный характер, как и предложение послать две дивизии в Корею. На самом деле

Чан считал, что вьетнамцы сами должны решать свои дела.

Тем временем приближался 1966 год — год четвертого переизбрания Чан Кайши президентом Тайваня. Чану было уже 78 лет, и зачем ему нужно было опять переизбираться на шестилетний срок вместо того, чтобы заставить Национальное собрание провозгласить себя пожизненным президентом, неясно. Даже американцы хорошо понимали, что выборы на Тайване — профанация. Но так, видимо, устроены все диктаторы, живущие в современном мире, где демократия считается общепризнанной ценностью. Раз в несколько лет им требуется получать подтверждение «всенародной любви», пусть даже неискренней.

Увы! Как далеки они от благородных мужей древности, о которых Конфуций сказал: «Благородный муж требователен к себе, маленький муж требователен к другим».

Печаль и надежда

В феврале 1966 года Чан Кайши в очередной раз перед президентскими выборами проявил «деликатность», заявив, что не желает больше баллотироваться. В соответствии с китайской традицией надо было продемонстрировать «скромность». Но его, конечно, опять выдвинули центральные органы Гоминьдана, и он согласился. И в марте во время выборов получил 1405 из 1425 голосов депутатов Национального собрания (98,6 процента). Генерал Чэнь Чэн к тому времени уже умер (5 марта 1965 года), и на пост вице-президента Чан выдвинул нового кандидата. Им стал Янь Цзягань, известный на Западе как С. К. Янь, шестидесятилетний химик, с 1950 года занимавший различные посты в правительстве, в том числе министра экономики и финансов; в самом конце декабря 1963 года он заменил больного Чэнь Чэна на посту председателя Исполнительной палаты. При голосовании С. К. Янь получил 782 голоса из 1416 (55,2 процента).

По сообщению корреспондента Ассошиэйтед Пресс, избрание Чан Кайши «послужило поводом для празднований по всему националистическому Китаю». На улицах Тайбэя и других городов были устроены фейерверки, люди танцевали и поздравляли друг друга. Толпа тысяч в двадцать пять, собравшаяся в центре Тайбэя, пела песни под аккомпанемент десяти духовых оркестров, сменявших друг друга, а затем, разбившись в колонны, прошла «по украшенным флагами улицам столицы».

Трудно сказать, получил бы Чан большинство голосов, если бы выборы на Тайване были демократическими. С одной стороны, многие коренные тайваньцы не могли простить ему бойни 1947 года. Кроме того, местным уроженцам не нравилось, что во всех властных структурах доминировали прибывшие с материка гоминьдановцы. В самой партии большинство тоже составляли «люди с горы Тан» — 70 процентов. Но, с другой стороны, жители острова не могли не признать, что за последние 15 лет (со времени переезда гоминьдановского правительства на Тайвань) их жизнь значительно улучшилась. В 1951–1965 годах тайваньская экономика по темпам роста уступала в Азии только японской. Среднегодовой рост ВВП составлял 7,6 процента, а в пересчете на душу населения — 4,2 процента. И даже в 1956 году, когда мощный тайфун нанес народному хозяйству огромный ущерб, ВВП вырос на четыре процента. За 1951–1963

годы производство сельскохозяйственной продукции увеличилось на 82 процента, а промышленное производство — на целых 324 процента. В результате в общем объеме ВВП доля промышленной продукции возросла с 28 до 49 процентов. В середине 1960-х годов тайваньские власти стали создавать особые экономические районы (ОЭР) — примерно такие же в будущем, через 13 лет, начнет организовывать Дэн Сяопин, явно копируя опыт Чан Кайши. Это были специальные экспортные зоны, в которых создавался идеальный инвестиционный климат, а произведенный товар освобождался от налогов и таможенных сборов. Иностранные или смешанные предприятия, создаваемые в этих районах, должны были выпускать продукцию на экспорт. Существовал также стабилизированный валютный рынок — один американский доллар стал обмениваться на 40 тайваньских.

Разумеется, такие успехи были бы невозможны без колоссальной финансовой, экономической и военной помощи США, которая в 1951–1965 годах составила огромную сумму — 1443,3 миллиона американских долларов. Более того, вряд ли Тайвань достиг бы такого прогресса, если бы американцы не взяли на себя и обеспечение его безопасности.

Но, конечно, решающую роль сыграла политика самого Чан Кайши. Ведь именно при нем крестьяне получили землю, а городские жители — возможность брать дешевые кредиты и свободно вести бизнес, не опасаясь ни полицейского произвола, ни чиновничьей коррупции, ни жестокой конкуренции с государственными и частными монополиями.

Большие успехи были достигнуты и в социальной сфере, в первую очередь в медицине и образовании. К 1963 году тайваньские медики полностью покончили с эпидемией малярии и смогли сократить уровень смертности от туберкулеза на 75 процентов. В результате развития системы всеобщего образования увеличился процент грамотных — с 57 до 76. На четыре процента возросла численность городского населения — с 31 процента в 1955 году до 35 процентов в 1963-м. Тиражи газет возросли с 350 до 750 тысяч, а у 490 человек из тысячи тайваньцев появились радиоприемники (в 1951 году только 31 человек из тысячи имел радио). Возросло и число тайваньцев, имевших личные телефоны, — с 29 человек из каждых десяти тысяч до 121.

Улучшение условий жизни привело к росту рождаемости — до 3,3 процента в год, а также к увеличению продолжительности жизни мужчин — с 51,7 до 65,2 года и женщин — с 54,7 до 67,6 года. В 1965 году население острова составляло уже 12,6 миллиона человек.

Ну и, конечно, жители Тайваня прекрасно знали, насколько их уровень

жизни выше уровня их братьев и сестер в коммунистическом Китае. Они каждый день слышали о том, как их соотечественники умирают от голода после «большого скачка». А тут еще известия о начавшейся в апреле 1966 года некой «великой пролетарской культурной революции»! Взмолвленные тайваньцы с ужасом читали сообщения о том, как в КНР наэлектризованные Мао Цзэдуном толпы молодежи громили университеты и другие образовательные и культурные центры, памятники тысячелетней цивилизации и религиозные святыни, оскверняли могилы Конфуция и других исторических деятелей, низвергали авторитеты и требовали мировой революции. Контраст с тихим Тайванем был налицо. К тому же объятый пламенем «культурной революции» маоистский Китай, и без того представлявший опасность для их страны, становился совершенно непредсказуемым. Все это заставляло народ Тайваня спланиваться вокруг Гоминьдана и его вождя.

А Чан, как известно, умел играть на настроениях населения. Он постоянно внушал тайваньцам мысль, что на материке вскоре произойдет антимаоистская революция и поработенный коммунистами китайский народ вернется под крыло Гоминьдана. При этом изыскивал любую возможность, чтобы подорвать режим Мао. 7 октября 1966 года Чан Кайши призвал всех христиан мира «объединиться против пекинского правительства, которое использует своих красных охранников <хунвейбинов>, чтобы уничтожить свободу религии в континентальном Китае». Он требовал «нанести жестокий удар <по> китайским коммунистам». Что он имел в виду под «жестоким ударом», непонятно, но в любом случае его призывы звучали не очень-то по-христиански. Правда, как мы помним, Чан был «ветхозаветным христианином», и, несмотря на то что каждый день читал Евангелие и «Потоки в степи» Летти Берд Коуман, заповеди Христовы не так уж глубоко проникали в его душу.

Через три дня Чан Кайши обратился по радио с воззванием к солдатам и офицерам армии КНР, призвав их восстать против пекинских властей. Он заявил, что в случае восстания сможет перебросить свои войска на материк «в течение восьми часов», и обещал всем восставшим «такое же вознаграждение и обращение, как и его собственным солдатам».

К сожалению для Чан Кайши, американские покровители по-прежнему отказывались поддерживать его воинственные планы. Более того, 12 июля 1966 года Джонсон открыто выступил за мирные отношения с КНР, заявив, что «в Азии никогда не наступит длительный мир, если 700 миллионов населения континентального Китая останутся изолированными... от остального человечества». В то же время

американцы продолжали вести переговоры с китайскими коммунистами на уровне послов обеих стран в Варшаве (с 1955 по 1968 год было проведено 134 встречи).

Не вселял в Чана надежду на изменение курса США и Никсон, начавший свою новую избирательную кампанию на пост президента США весной 1967 года. В октябре 1967 года в статье, опубликованной в журнале «Форин афферс» («Иностранные проблемы»), он, к удивлению Чан Кайши, всегда считавшего этого видного республиканца своим другом, выразил желание улучшить отношения с Мао Цзэдуном.

На престарелого Чана это подействовало ужасно. Он очень разволновался. Правда, продолжал надеяться, что Никсон, с 1953 года неоднократно бывавший на Тайване в качестве личного гостя его и Мэйлин и поддерживавший с ними дружеские отношения, не сможет предать его и, придя в Белый дом, продолжит курс Эйзенхауэра, отстаивавшего интересы Тайваня. По некоторым данным, Чан всеми силами поддерживал никсоновскую кампанию и даже передал в фонд Республиканской партии США изрядную сумму денег. Но через год, летом 1968-го, вождь Гоминьдана на всякий случай решил возобновить попытки достичь взаимопонимания с СССР. К тому времени Хрущев уже лишился власти (в октябре 1964-го), и Чан возложил надежды на нового советского вождя — Леонида Ильича Брежнева, тем более что один из советских дипломатов, работавший в ООН, еще в феврале 1965-го пытался наладить диалог с тайваньским представителем в этой организации. Тогда Чан Кайши проявил осторожность, и дело ничем не кончилось, но в июле 1968-го он отдал тайный приказ одному из секретарей тайваньского посольства в Мексике установить соответствующий контакт с советскими дипломатами. И тот начал переговоры с первым секретарем посольства СССР, который в одной из бесед явно по приказу свыше заявил ему, что китайская проблема — «основная головная боль» советского правительства. Более того, сказал, что «мы признаем ошибки, допущенные нами в прошлом в <нашей> политике по отношению к Китаю».

Переговоры развивались на фоне все усиливавшегося разочарования Чана в США. В августе 1968 года, сразу после своей номинации, его друг Никсон заявил: «Мы не должны забывать Китай. Мы должны все время искать возможности вести с ним переговоры... Мы должны не только наблюдать за изменениями. Мы должны стремиться осуществлять изменения». В ноябре на президентских выборах Никсон победил, и Чан стал ждать, что он пересмотрит свои заявления, сделанные в ходе предвыборной кампании. Но этого не произошло.

Никсон на самом деле был очень заинтересован в нормализации отношений с Пекином. Дело в том, что к началу 1970-х американская война во Вьетнаме зашла в полный тупик, и ему была чрезвычайно нужна помощь Пекина. Никсон понимал, что рано или поздно надо будет выводить американские войска из Индокитая, но хотел, чтобы это не выглядело поражением. Ему было очень важно, чтобы Вьетконг (южновьетнамские партизаны) и Северный Вьетнам дали проамериканскому сайгонскому режиму хоть какие-то гарантии. Только тогда он мог бы «с чистой совестью» отдать приказ об эвакуации. Вот зачем ему нужен был Мао: он хотел, чтобы тот оказал давление на своих вьетнамских товарищей, обязав их пойти на уступки. Равным образом Никсон рассчитывал использовать и Москву, обещав Советам в обмен на их услуги в решении вьетнамской проблемы продовольственную помощь.

19 октября 1968 года Чан записал в дневнике: «Я чувствую, что унижен всеми и прежде всего — безгранично обманут и предан Соединенными Штатами. Это небывалое бесчестье для всей нации и для моей семьи. Если бы я не заставил себя осознать реальность и не принял соответствующих решений, я бы лишился надежды вернуться на континент и в конце концов превратился в сторожевого пса Америки. Как стыдно было бы мне тогда предстать перед моей нацией, моим народом и духами предков! Безмерно стыдно! Теперь же мне остается только одно: ради спасения и защиты моего правительства порвать с американцами и начать все заново. Пока еще это не слишком поздно».

Еще бы чуть-чуть, и Чан действительно вновь бы стал нашим другом, как о том пророчил мой дед. В октябре 1968 года в Тайбэй даже прибыл сотрудник КГБ Виктор Евгеньевич Луи, работавший под прикрытием — корреспондентом британской газеты «Ивнинг ньюс» («Вечерние новости»), Чан лично дал разрешение на его приезд, поскольку был очень заинтересован в успехе переговоров. По его поручению все встречи с Луи контролировал Цзинго, который 29 октября даже лично встретился с посланцем Москвы. Луи прямо сказал Цзинго, что Москва поддержит Гоминьдан в его вторжении в КНР, но выставил одно условие: чтобы националисты, вернувшись на материк, допустили существование просоветской компартии Китая. Чан был разочарован. Достаточно натерпевшийся от кремлевских вождей, то и дело пытавшихся его обмануть, он и к этой идее отнесся с подозрением, решив, что новые советские лидеры тоже хотят всего лишь использовать Гоминьдан для разгрома своего врага (в данном случае Мао Цзэдуна), после чего приведут к власти в Китае свою новую марионетку: промосковскую компартию

Китая.

Переговоры Чан Кайши все же не прекратил, и его представитель Вэй Цзинмин, возглавлявший отдел информации в тайваньском правительстве, еще дважды встречался с Луи, но уже не на Тайване, а в Европе: в мае 1969 года в Риме и в октябре 1970 года в Вене.

Чан хотел, чтобы СССР предоставил Тайваню наступательное вооружение, причем бесплатно, но так ничего и не добился. И он знал почему. Его разведка докладывала, что советское руководство не было едино в вопросе об установлении союзнических отношений с Китайской Республикой на антимаоистской платформе. За союз с Чаном наиболее активно выступали только два члена Политбюро: Арвид Янович Пельше и Александр Николаевич Шелепин. Первый был председателем Комитета партийного контроля, а второй — председателем Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. Но решительно против был председатель Совета министров Алексей Николаевич Косыгин, стремившийся восстановить отношения с КНР. В итоге Брежнев так и не принял решения, а Чан потерял интерес к СССР и отдал приказ свернуть переговоры.

Вряд ли из этих встреч с Луи вообще что-нибудь вышло бы, даже если бы Косыгин и не противился союзу с Тайванем. Ведь Чан Кайши на самом деле никогда не решился бы начать вторжение в материковый Китай, так как у него не было шансов победить Мао Цзэдуна, обладавшего ядерным оружием. В марте 1969 года у Чана, правда, возникла надежда на то, что Советский Союз поможет ему не только вооружением, но и действием, ударив по ядерным объектам маоистского Китая. Между СССР и КНР в то время возник настоящий вооруженный конфликт. Советские и китайские пограничники вступили в бой за остров Даманский (Чжэньбао) на реке Уссури. С обеих сторон имелись десятки убитых и раненых. И Чан стал жадно следить за развитием событий, дав указание тайваньским средствам массовой информации изменить враждебное отношение к СССР. Вся печать Тайваня немедленно стала сочувствовать русским в их конфликте с КНР. Чан, конечно, не знал, что в то время члены советского Политбюро действительно рассматривали возможность взорвать китайские атомные объекты, а министр обороны СССР Андрей Антонович Гречко настаивал на ядерной атаке против промышленных центров Китая. Брежнев, однако, опять ни на что не решился, дав лишь команду нанести массированный удар по китайской территории из пусковых установок «Град» на глубину до 20 километров. В апреле, мае, июне и августе 1969 года имели место новые столкновения — как на Дальнем Востоке, так и в синьцзянском секторе

границы. Но на этом дело и кончилось.

Между тем в конце марта 1969 года Чан созвал очередной X съезд партии. Он проходил с 29 марта по 9 апреля в величественном дворце имени Сунь Ятсена, возведенном за три года до того в горах Янминшань. В съезде принимали участие 1198 человек, в том числе 596 делегатов, представлявших 919 тысяч 327 членов партии. Со времени IX съезда в 1963 году партия, таким образом, выросла на 252 тысячи 327 человек. Рабочие и крестьяне по-прежнему составляли 23 процента ее членов, а женщин, как и прежде, было мало, хотя чуть больше, чем раньше, — 9 процентов. Данных о количестве молодых партийцев до 40 лет не приводилось, а вот тех, кому было до тридцати пяти, в партии насчитывалось 39 процентов. 56 процентов гоминьдановцев имели высшее и среднее образование. Чан председательствовал на открытии и закрытии съезда. В своей речи 29 марта он призвал всех членов Гоминьдана и граждан страны выполнить три задачи: «Осуществить всесторонние реформы, заложить прочную базу возрождения; сплотиться воедино, искоренить коммунистических бандитов и возродить новый Китай, основанный на этических, демократических и научных трех народных принципах».

Съезд принял новый устав партии, в котором пост заместителя *цзунця* (генерального директора, вождя) ликвидировался. Вместе с тем создавался новый орган — Президиум Центрального консультативного комитета из одиннадцати человек. В него вошли Мэйлин, а также другие заслуженные ветераны, в том числе Сунь Фо, Хэ Инцин, Чжан Цюнь и Чэнь Лифу, вернувшийся на Тайвань из США в 1966 году. Сам же Центральный консультативный комитет был расширен со 144 до 154 человек. Увеличен был и Центральный комитет — с 74 до 99 членов и с 35 до 51 кандидата в члены. Чан, понятно, единогласно вновь был избран *цзунцаем*. Цзинго, как и раньше, ввели в состав ЦК, а на 1-м после съезда пленуме Центрального комитета — в Постоянный комитет ЦК, состоявший теперь из 21 члена.

Съезд, как обычно, прошел без сюрпризов, да их и не могло быть: члены партии привыкли подчиняться вождям. Но вот международная обстановка оставалась нервной. Накануне съезда дурная весть опять пришла из Вашингтона. 27 марта новый государственный секретарь США Уильям П. Рожерс, выступая перед сенатским комитетом по международным делам, заявил: «С трудом можно представить себе, как продвигаться вперед в таких фундаментальных вопросах, как Ближний Восток, Вьетнам и разоружение без того, чтобы не подвергнуть внимательному изучению наши отношения с... коммунистическим Китаем, обладающим потенциальной мощностью... Мы... продолжаем надеяться, что

придет время, когда мы сможем достигнуть прогресса... и двинуться в направлении более конструктивных отношений <с этой страной>».

Отношениями с США теперь занимался Цзинго, 25 января 1965 года занявший пост министра обороны Тайваня, а 1 июля 1969-го — заместителя председателя Исполнительной палаты. Чан все более сближался с Цзинго, а вот к младшему сыну Вэйго охладел. Перемена в чувствах была связана с тем, что 21 января 1964 года некий генерал Чжао Чжихуа, сменивший Вэйго в 1963 году на посту командира 1-й танковой дивизии (когда того перевели на должность ректора университета Генштаба сухопутных войск), неожиданно поднял антиправительственный мятеж в местечке Хукоу недалеко от Тайбэя. Чжао быстро арестовали его же подчиненные, и из попытки мятежа ничего не вышло, но Чан так и не смог простить Вэйго то, что именно он рекомендовал будущего мятежника на пост командира дивизии. Вэйго сильно переживал, что подвел отца, и с горечью говорил знакомым: «Мне не сравниться со свиньей и собакой». Как мы помним, Вэйго родился в год Дракона (в 1916-м), Чан — в год Свиньи (в 1887-м), а Цзинго — в год Собаки (в 1910-м).

Теперь Чан много времени проводил в Янминшани. В 1969 году он затеял строительство новой резиденции чуть выше в горах, чем его старая Цаолу. Она называлась Чжунсин биньгуань (вилла Возрождение). Но 19 сентября 1969 года около пяти часов пополудни на горной дороге он и Мэйлин попали в автомобильную аварию. Виновником инцидента был шофер армейского джипа, неожиданно вылетевшего из-за поворота на большой скорости. Головная машина кортежа резко затормозила, чтобы избежать столкновения, и роскошный «кадиллак» Чан Кайши, двигавшийся сзади, врезался в нее. Чан и Мэйлин не были пристегнуты, их подбросило, а затем швырнуло вперед, прямо на стальную перегородку, отделявшую салон от водителя. Мэйлин повредила руки и ноги, а Чан разбил лицо, сильно поранившись. Обоих доставили в ближайший Госпиталь ветеранов.

Мэйлин долго не могла встать на ноги и несколько месяцев провела в постели. Травмы же Чана быстро прошли, но через некоторое время лечащий врач обнаружил у него шумы в сердце. С тех пор Чан стал не домогать, то и дело жалуясь на боли и жжение в грудной клетке. Опытный врач (звали его Сюн Вань), бывший рядом с ним с 1943 года, понял, что у Чана поврежден клапан аорты. Он делал все возможное, но возраст (Чану шел 82-й год) и нервный стресс, полученный в результате аварии, не оставляли Чану шансов на выздоровление. Кроме того, у Чана вновь возникли проблемы с предстательной железой. Ему сделали еще одну операцию, но неудачно.

И инцидент, и болезнь Чана составляли, конечно, государственную тайну, как это принято в авторитарных и тоталитарных странах. Даже американцы узнали об аварии спустя полгода. Так что Никсон смог выразить сочувствие супругам Чан Кайши только в середине ноября 1969 года.

Запоздалое сочувствие Никсона было, конечно, приятно, но Чан и Мэйлин предпочли бы вместо пустых слов поддержки, чтобы президент США, на которого они так рассчитывали, прекратил свои реверансы в отношении маоистского Китая. Но этого не происходило. В конце 1969 года Никсон отозвал 7-й флот США из Тайваньского пролива, а в начале октября 1970-го в интервью журналу «Тайм» («Время») даже выразил желание посетить КНР. «Если бы я и хотел что-либо сделать перед тем, как умру, так это съездить в Китай, — сказал Никсон. — Если же я не съезжу, я хочу, чтобы мои дети сделали это». А через год, в апреле 1971-го, в Китай из японского города Нагойи, где проходил 31-й чемпионат мира по настольному теннису, по приглашению китайских теннисистов, согласно личному распоряжению Мао, прибыла команда из США. 14 апреля американцев (а также участвовавших в чемпионате теннисистов Канады, Колумбии, Англии и Нигерии, приглашенных заодно с ними) торжественно принимали в китайском парламенте. Языки всех стран мира обогатились новым выражением: «пинг-понговая дипломатия». А вскоре, 9 июля 1971 года, в Пекин через Пакистан прибыл специальный представитель Никсона Генри Киссинджер, советник президента по национальной безопасности. В течение трех дней он беседовал с Чжоу Эньлаем и сотрудниками МИД КНР за закрытыми дверями. 15 июля 1971 года по предварительной договоренности было обнародовано совместное китайско-американское заявление об этих встречах. В тот же день Никсон сообщил, что его советник по национальной безопасности привез ему приглашение от премьера Чжоу, которое он «с удовольствием» принял.

Эти сообщения буквально подкосили Чана. А за ними пошли новые, все более ужасающие. В начале октября 1971 года прибывший в Тайбэй по поручению Никсона губернатор Калифорнии Рональд Рейган сообщил Чану, что американцам необходимо допустить КНР в ООН. Чану было предложено либо согласиться на двойное китайское представительство в этой организации (и КНР, и Тайваня), либо добровольно уйти из нее. Под давлением Мэйлин больной Чан предпочел «сохранить лицо», и 25 октября 1971 года тайваньская делегация покинула здание ООН, а делегация КНР заняла ее место. Соответствующая резолюция (2758) была принята Генеральной Ассамблеей. Американский представитель, до того

отстаивавший права Тайваня, снял возражения. А через четыре месяца, 21 февраля 1972 года, президент США с супругой прибыли в Пекин. И их принял Мао! После чего 28 февраля в Шанхае было опубликовано совместное китайско-американское коммюнике, в котором, помимо прочего, подчеркивалось, что «прогресс в деле нормализации отношений между Китаем и Соединенными Штатами соответствует интересам всех стран».

В марте 1972 года Чан Кайши в пятый раз баллотировался на пост президента. Ему уже шел 85-й год, но членов центральных органов Гоминьдана это ничуть не смущало! Сначала Центральный консультативный комитет, а затем и Центральный комитет (оба — единогласно) выдвинули Чан Кайши, чтобы, как они заявили, «удовлетворить общее желание китайского народа». Китайский народ, конечно, никто не спрашивал, но это никого, в том числе и народ, похоже, не волновало. Чан получил 1308 голосов из 1316, то есть целых 99,4 процента. Это был его лучший результат за все годы участия в выборах! Баллотировавшийся во второй раз на пост вице-президента С. К. Янь из 1307 голосов набрал 1095, то есть 83,8 процента.

Однако реальная власть сосредоточилась уже в руках Цзинго, в мае 1972 года сменившего С. К. Яня на посту председателя Исполнительной палаты. Чан Кайши почти совсем отошел от дел, а в июле 1972-го вообще тяжело заболел. Случайно простудившись, он, несмотря на интенсивное лечение, чувствовал себя все хуже. Его лечащий врач Сюн Вань рассказывает: «Помню, как-то на озере Жиюэтань господин Чан попросил меня зайти поговорить, и я тут же заметил, что у него не все в порядке с речью. Мне показалось, что у него микроинсульт». Доктор забеспокоился, и Чана перевезли в его новую резиденцию Возрождение, находившуюся высоко в горах Янминшань. Здесь было прохладнее, но, к сожалению, *фэншуй* (организация пространства в соответствии с даосскими представлениями) оказался неблагоприятным. Как-то гуляя по окрестностям, Чан вдруг ощутил тяжесть в ногах. Он остановился, не в силах сделать ни шагу. Врачи и телохранители перенесли его в дом и уложили в постель. Но ему становилось все хуже. Сюн посоветовал госпитализацию, и Чан согласился. «Хорошо, я поеду в госпиталь», — проговорил он заплетающимся языком, но не смог встать. Он вдруг весь обмяк и уткнулся лицом в руки доктора. Сюн вколол ему нужное лекарство и привел в чувство, но от госпитализации пришлось отказаться. Из соседнего Госпиталя ветеранов прибыла группа врачей, и Чана стали лечить на дому. Вечером 21 июля 1972 года он сделал очередную запись в

дневнике, которая оказалась последней: «Отомстим за позор^[126]. Я сегодня очень устал, на душе неспокойно. Днем заходил Аньго^[127]. Потом с Цзинго катались в машине по горным дорогам». На следующее утро у него началась пневмония, он стал задыхаться и в 17 часов впал в кому.

6 августа с величайшей осторожностью Чан Кайши перевезли в Госпиталь ветеранов и по странной случайности поместили в палату номер 6. Хотя врачи, лечившие его, вряд ли читали Чехова. Все они тоже перебрались в госпиталь, заняв соседние палаты.

Между тем в мире началась волна официального признания КНР. В сентябре 1972 года премьер-министр Японии Танака посетил Мао Цзэдуна, и между КНР и Страной восходящего солнца были установлены дипломатические отношения. А через месяц состоялся обмен послами между КНР и ФРГ, а затем и многими другими странами.

Но Чан этого уже не знал, он лежал без сознания. Его постоянно окружали врачи во главе с Сюн Ванем, но они были бессильны. По предложению доктора Сюна из Америки пригласили известного кардиолога, доктора Пола Юя (Юй Наньгэна), заведующего отделением кардиологии в госпитале нью-йоркского Университета Рочестера. Но и он ничего сделать не мог. Чан медленно умирал, артериальное давление было высокое, дышать ему стало очень трудно.

Чан вышел из комы через полгода, в январе 1973-го. Очнувшись, он первым делом позвал Цзинго. Ему захотелось обсудить с ним государственные дела. С тех пор Цзинго каждый вечер приходил к нему с докладом. Как только солнце начинало клониться к закату, Чан спрашивал у врачей: «Цзинго пришел?» И если ему отвечали «да», тут же распоряжался: «Давайте ужин!» Без Цзинго он теперь не ужинал. Если же в палату заглядывал Вэйго, Чан уделял ему несколько минут, после чего говорил: «Ну хорошо, никаких дел нет, можешь идти!»

В середине 1973 года Чан Кайши стало лучше, он уже мог подниматься в кровати, и его стали вывозить на коляске в больничный двор. Но еще несколько месяцев он провел в госпитале, и только 22 декабря 1973 года врачи разрешили перевезти его в городскую резиденцию Шилинь. Туда же переехали Мэйлин, Жанетт и Цзинго, а также все лечащие врачи и медсестры. Поскольку больному становилось лучше, Пол Юй вернулся в Нью-Йорк, но доктор Сюн каждый день общался с ним по телефону.

В то время пока Чан болел, втайне от него госпитализировали и Мэйлин: у нее обнаружили рак молочной железы, и ей пришлось удалить

часть груди. Но, сильная по природе, Мэйлин пережила болезнь. И 25 марта 1974 года даже смогла присутствовать на обеде в связи с отъездом с Тайваня посла США Уолтера П. Макконахи. По ее желанию на обеде присутствовал и Чан — в коляске, страшно исхудавший и мертвенно-бледный. В соседней комнате наготове был весь состав врачей с кислородным баллоном и медикаментами. Правда, помощь не понадобилась, Чан выдержал весь обед до конца. Но с тех пор больше уже никогда не показывался на публике.

Вплоть до апреля 1975 года он и правда чувствовал себя совсем неплохо и физически, и морально, а его мозг продолжал хорошо работать. Ежедневно в обеденное время к нему заходила Мэйлин, а каждый вечер — Цзинго, Чан с удовольствием общался с ними. Однажды он попросил и жену и сына зайти к нему вместе, после чего потребовал, чтобы они, взявшись за руки, поклялись любить друг друга после его смерти. Они выполнили требование.

В самом начале апреля наступил кризис. Неожиданно на мониторе зубцы электрокардиограммы вытянулись в прямую линию. Сердце Чана перестало биться. Врачи тут же добавили лекарство в капельницу, и сердце восстановило работу. Чан пришел в себя. Слабым голосом он попросил медсестру почитать ему стихи танских поэтов, где говорилось бы о традиционном в Китае событии — празднике поминовения усопших (*цинмин цзе*), который отмечается 4–6 апреля. И медсестра прочитала ему стихотворение Ду Му (803–852), так и называвшееся — «Цинмин»:

Сильный дождь льется с неба во время Цинмин,
Я бреду по тропе, а душа рвется к Богу.
«Где бы выпить вина? Подскажи, господин».
«В Синхуа»^[128], — пастушок объясняет дорогу.

5 апреля против обыкновения Цзинго зашел к отцу утром. Спросил, как тот провел ночь. Чан ответил, что спал очень хорошо.

— Ты иди, сам отдохни, — проговорил он.

И Цзинго ушел — не отдыхать, конечно, работать. Но весь день сердце у него было не на месте.

И не случайно. В восемь часов вечера Чану вновь стало очень плохо. Случился инфаркт. Сердце остановилось во второй раз. Доктор Сюн сделал укол в сердце. На электрокардиограмме появились зубцы, но вскоре опять потянулась прямая линия. Сюн сделал новый укол. В эту минуту в комнату

вошли Мэйлин и Цзинго. Сердце Чана то билось, то останавливалось. Сюн обратился к Мэйлин:

— Вы видите, мы не можем его спасти, может быть, прекратить попытки?

— Нет! Продолжайте! — приказала Мэйлин.

Бедный Сюн старался оживить Чана еще в течение получаса. В конце концов Мэйлин сказала:

— Остановитесь!

В это самое время за окном вспыхнула молния и началась страшная буря, тяжелые потоки воды обрушились на землю, завыл ураганный ветер, затрещали пальмы. Конечно, это было чистое совпадение, но все же весьма символичное!

Генералиссимус скончался на 88-м году жизни.

Занятые его спасением люди забыли посмотреть на часы. И когда секретарь Чана спросил доктора: «Во сколько же умер почтенный господин?» — тот не знал, но сказать правду побоялся. Было уже около двух часов ночи 6 апреля. И доктор Сюн, вспомнив, что они начали оживлять Чана часа три назад, ответил:

— Пятого апреля в двадцать три пятьдесят.

ЭПИЛОГ

Тайбэй нельзя не любить. В нем есть всё: и ультрасовременные коммерческие центры, и широкие проспекты, и один из высочайших небоскребов мира (Тайбэй, 101) высотой 509 метров, и роскошные отели известнейших западных брендов. И в то же время — шумные ночные рынки, традиционно китайские, колоритные, с бесчисленными лотками снеди и ширпотреб, с маленькими харчевнями, где можно отведать мясо змеи и вообще все, что пожелают душа и желудок. А кроме того — уютные парки, сады и набережные, узкие улочки торговых кварталов с бесконечными рядами ресторанов и всевозможных магазинов, буддийские, конфуцианские и даосские пагоды и храмы под изогнутыми крышами и великолепные исторические и художественные музеи, в том числе лучший в мире Музей китайского искусства Тугун (бежав с материка, гоминьдановцы вывезли на Тайвань все лучшие художественные творения). И все это утопает в тропической зелени и разноцветном море экзотических цветов, меж которыми высятся пальмы и камфорные деревья.

Основанный сравнительно недавно — всего две сотни лет назад — Тайбэй расположен в широкой долине на изгибе Даньшуйхэ (Светлая река). С севера Тайбэй огибает река Цзилунхэ (река, текущая из района Цзилун), а с юга — река Синьдяньхэ (река, текущая из района Синьдянь). Обе — притоки Даньшуйхэ. Со всех сторон вдоль горизонта тянутся горы, по склонам которых тесно жмутся друг к другу вечнозеленые кустарники, издали похожие на гигантские брокколи.

В центре города много зданий японской архитектуры. И главное среди них — бело-розовый Президентский дворец в шесть этажей с шестидесятиметровой башней над входом посередине. Дворец строгой прямоугольной формы, с внутренним двором, разделенным стеной на две равные части. Так что если посмотреть на дворец сверху, он будет выглядеть как японский или китайский иероглиф солнце; этот же иероглиф — первый в японском слове *Huppon* и в китайском — *Жибэнь* (и то и другое слово означает Япония). Таких зданий японцы построили два — и оба для генерал-губернаторов своих колоний. Одно — в корейской столице Сеуле, другое — в Тайбэе. Но сохранилось одно — сеульский дворец был разрушен после освобождения Кореи в 1945 году.

А вот в Тайбэйском дворце после разгрома Японии сначала устроили офис китайского губернатора, а в марте 1950 года туда переехал Чан

Кайши, вернувшийся на пост президента Китайской Республики.

Ну а ныне первый этаж дворца — бесплатный музей. Можно, придя пораньше (музей открыт всего три часа — с 9 до 12 и только в будние дни), обойти все здание по периметру, посмотреть на оба внутренних дворика и познакомиться с фотогалереей по истории Тайваня. На другие же этажи пустят лишь в том случае, если вы гость главы государства или сотрудник его аппарата. От центрального входа на второй этаж ведет широкая лестница. Там, наверху, — по-прежнему рабочий кабинет президента, но уже седьмого по счету. И этот президент — женщина, которую зовут Цай Инвэнь. Она первая в истории острова представительница слабого пола, избранная на высший пост, первый глава Тайваня, в чьих жилах течет не только китайская, но и аборигенская кровь, и второй президент — не член Гоминьдана. С 2014 года Цай Инвэнь — председатель Демократической прогрессивной партии.

Да, многое изменилось после смерти Чан Кайши. Уже давно отменено военное положение (15 июля 1987 года это сделал его сын Цзян Цзинго, избранный президентом через три года после смерти отца). Давно уже (с 1991 года) проводятся настоящие демократические выборы в Национальное собрание, с 1992-го — и в Законодательную палату, а с 1996-го — и выборы президента. И уже в третий раз Гоминьдан проигрывает президентские выборы. Демократы-прогрессисты побеждали партию Чана и в 2000-м, и в 2004-м, и в 2016 годах.

Был бы Чан Кайши огорчен, узнав об этом? Конечно. Ведь Гоминьдан — его детище. Ну а ввел бы он опять военное положение, чтобы положить конец «безобразию»? Возможно. Ведь он был жесток, авторитарен и вспыльчив. И, идя к власти, никогда не жалел людей. Мы же помним, как в 1927 году он развязал белый террор в Китае, а в 1950-м — на Тайване, как по его приказам десятками тысяч арестовывали и убивали инакомыслящих и как в 1947 году с его одобрения губернатор Чэнь И устроил тайваньскую бойню (о ней было разрешено говорить публично только в 1987 году). Мы помним и какие военные преступления он совершил в годы японо-китайской войны, как обрек на смерть не менее полутора миллионов мирных граждан, перенес боевые действия в Шанхай, взорвав дамбы на реке Хуанхэ и испепелив Чаншу. И мы знаем, что это он создал в Китае коррумпированный олигархический режим, в итоге приведший страну к революции в 1949 году. Так что во многом именно по его вине к власти в Китае пришли коммунисты.

Но вместе с тем ведь именно он, сделав выводы из уроков поражения на материке, заложил на Тайване социальные, экономические и культурно-

нравственные основы нынешней демократии. Он в конце концов покончил с олигархией, осуществил аграрную и другие экономические реформы, обеспечил высочайший темп экономического роста, взрастил средний класс, составивший большинство тайваньского общества, вывел Тайвань на первое место среди развивающихся стран по уровню жизни, осуществил суньятсеновский принцип народного благосостояния, уравнил всех граждан в правах собственности и обеспечил безопасность стране и народу. Так что именно он вывел тайваньцев на путь, приведший их к политической свободе.

Ну так, может быть, он принял бы и демократию в ее нынешнем виде? Кто знает.

Сам Чан Кайши уже не ответит на этот вопрос. С 16 апреля 1975 года он покоится в черном гранитном саркофаге — в скромном мавзолее на берегу озера Цыху (Милосердное), в 65 километрах к юго-западу от Тайбэя и вблизи его любимой виллы Даси. Именно эти места, как мы помним, своей природой напоминали ему окрестности его родной деревни Сикоу. А потому именно здесь он и завещал устроить свой мавзолей.

О кончине вождя тайваньскому народу и всему миру сообщили через 11 часов после его смерти, 6 апреля 1975 года. Гроб с телом покойного выставили в монументальном Доме памяти Сунь Ятсена, расположенном в центре Тайбэя. За 11 дней прощания мимо гроба прошли не менее двух миллионов человек (примерно каждый шестой житель Тайваня). Чан лежал, укрытый государственным флагом Китайской Республики, а рядом с ним в гробу находились его любимые книги: Библия, «Три народных принципа» Сунь Ятсена, сборник танской поэзии и «Потоки в степи». Проводить Чан Кайши в последний путь пришли сотни тысяч людей. Многие опустились на колени или простерлись ниц вдоль дороги из центра Тайбэя к мавзолею на берегу озера Цыху. Похоронная процессия двигалась три часа.

Ну а сейчас можно взять дешевое тайбэйское такси и добраться до озера Цыху из центра Тайбэя за час. Затем узкая тропинка поведет вас вдоль берега через густой тропический лес. Тут и там высятся пальмы, топорщится молодой бамбук, а от недвижной глади маленького озера веет покоем. Через десять минут ходьбы из зарослей тропического кустарника становится видна каменная стела с надписью *Цыху линцинъ* (Мавзолей Цыху). Еще две минуты — и вы у ворот небольшого павильона, выстроенного в традиционном стиле «сыхэюань» с внутренним двором и одноэтажными постройками по периметру. Прямо за воротами — резной экран из лакового дерева черно-красных цветов с двумя иероглифами: *фу*

(счастье) — на его внешней стороне и шоу (долголетие) — на внутренней. Экран закрывает вход: прямо пройти нельзя, надо свернуть, обогнув его справа или слева. Это тоже традиция: вход закрыт не от вас, а от злых духов, ведь последние, как известно, ходят лишь по прямой. Огибаете экран и идете по галерее, окружающей внутренний дворик, к центральной комнате. Перед ней справа — маленькая табличка на высокой подставке с надписью на трех языках (китайском, английском и японском): «Пожалуйста, поклонитесь портрету Чан Кайши, выразите уважение. Спасибо». Двери в комнату открыты, и вы видите наконец черный гранитный саркофаг, стоящий посередине. Перед ним — желтый массивный крест, а за ним, на стене, — портрет Чана. Справа и слева у стен — по четыре кресла, очевидно, для высоких гостей.

Вот и всё. Можно постоять, помолчать, никто не торопит уходить, как в мавзолее Мао Цзэдуна. Но и посетителей гораздо меньше, чем в Доме памяти «великого кормчего».

Той же тропинкой возвращаетесь к выходу, рядом с которым на широкой лужайке — мемориальный парк, где собрано несколько десятков статуй покойного генералиссимуса. Черные, серые, коричневые, даже светло-зеленые. Вот Чан, одетый в полувоенный френч: в подобной куртке ходил Сунь Ятсен (по его имени она и называется «суньятсеновка»), вот он стоит, опираясь на трость, вот — сидит в кресле в китайском халате, вот он в военной форме с эполетами, а вот — с какой-то книгой.

Со всей страны свезли сюда эти скульптуры. И здесь им угрожают лишь ветер и дождь. Во многих же других местах Тайваня ныне, после прихода к власти Демократической прогрессивной партии, статуи Чана уничтожаются. Демократия, как всегда, начинается со сноса памятников.

Для большинства молодых тайваньцев сегодня Чан Кайши — кровавый диктатор, заслуживающий в лучшем случае забвения, а то и ненависти. Молодежь стремится в будущее, создавая новых героев. И не задумывается о том, что без Чана не было бы не только нынешнего процветающего Тайваня, но и успешного Северного похода 1926–1928 годов, подавления милитаристов, объединения страны, победы национальной революции, отмены неравноправных договоров, восстановления китайского контроля над таможнями страны, ликвидации права экстерриториальности и консульской юрисдикции иностранных держав, сохранения независимости Китая и организации сопротивления превосходящему по силе противнику на протяжении четырнадцати лет японской агрессии, установления союзнических отношений с ведущими странами Запада во время Второй мировой войны и всемирного признания

Китая одной из пяти великих держав. Правда, Чан Кайши не превратил Китай в один из главных геополитических центров мира — это сделал его исторический противник Мао Цзэдун, в 1960-е годы равно дистанцировавшийся от двух сверхдержав — и от США, и от Советского Союза, но уже того, что он осуществил, достаточно для одной жизни.

Так что с памятниками или без них, но Чан Кайши навсегда останется в истории Китая и Тайваня великим национальным революционером. Его действительно можно судить за многое, он совершал ошибки и преступления, но он был человеком своего времени и своего общества. И всю жизнь сражался. То с маньчжурами, то с милитаристами, то с коммунистами, то с японцами. Вплоть до переезда на Тайвань у него практически не было ни одного дня мира. И даже бежав на Тайвань, он должен был все время готовиться к войне, крепить оборону острова, противодействовать коммунизму.

Чан Кайши очень не хотел войти в историю как обыкновенный диктатор. «Если я умру диктатором, — говорил он, — то я войду в историю так же, как и все диктаторы, но если я смогу установить мир, демократию и единство в стране, то я умру, как великий вождь».

Тем не менее даже не все потомки Чана публично гордятся своим дедом, зачастую не желая афишировать свое с ним родство. Они живут в другом мире, многие из них — на Западе, в либеральной среде, не очень жалующей диктаторов.

Те же, кто хорошо знал Чан Кайши и гордился им, давно умерли. Старший сын Цзян Цзинго — 13 января 1988 года (он похоронен недалеко от отца, тоже в небольшом мавзолее), а младший Вэйго — 22 сентября 1997 года. Скончалась и его вдова Мэйлин — 23 октября 2003 года. После смерти мужа она переехала в свой любимый Нью-Йорк, поближе к кровной родне. Несмотря на вечные болезни, она дожила до 106 лет. И была похоронена в семейном склепе на Фёрнклиффском кладбище в штате Нью-Йорк рядом с братом, Т. В. Суном, старшей сестрой, Нэнси (Кун Айлин), и зятем, Кун Сянси. И недалеко от могилы старого друга Чана, «цикады» Чжана.

Смерть не пощадила и большинство внуков Чана. Из семи живы только двое: внучка Эмма (Сяочжан) — дочь Цзян Цзинго и Фаины Вахревой (она живет в Калифорнии) и внук Джон (Сяоянь) — сын Цзян Цзинго от Чжан Яжо (он живет в Тайбэе).

Но живы все четырнадцать правнуков и правнучек. Одна из них, дочка Эрика-Алена, старшего сына Цзинго, Юмэй Маргарита Фаина Мария, поэтесса и художница, проживает в Лондоне. Она старшая в роду.

Чан Кайши просил, чтобы после смерти его тело не предавали земле. Он верил, что придет время, и Гоминьдан победит коммунистов, национальное правительство вернется в Китай и тогда его тело перевезут в столицу страны Нанкин, где и похоронят со всеми почестями рядом с его Учителем, Сунь Ятсеном, на отрогах Лилово-золотой горы.

Поэтому небольшой мавзолей в Цыху — временный. Перед входом по обе стороны ворот — застывшие солдаты почетного караула. Стальные каски, парадная форма, белые перчатки. Руки крепко сжимают винтовки с примкнутыми штыками. Солдаты зорко охраняют покой усопшего генералиссимуса. Чан Кайши же крепко спит в своем гранитном гробу. Он ждет возвращения в Нанкин.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАН КАЙШИ

1887, 31 октября — в деревне Сикоу уезда Фэнхуа провинции Чжэцзян в семье лавочника Цзян (Чан) Суаня и его жены Ван Цайюй родился сын Чан Жуйюань (второе, клановое, имя — Чжоутай).

1893 — Чан поступает в начальную частную школу в родной деревне.

1895, лето — умирает отец Чана.

1901 — Чан женится на девушке Мао Фумэй (род. 9 ноября 1882 года) по требованию матери.

1903, август — Чан меняет имя на Чжицин («Стремящийся быть честным»).

Поступает в уездную школу города Фэнхуа.

1905, весна — поступает в новую школу «Золотая стрела» в городе Нинбо. Знакомится с идеями Сунь Ятсена, вождя китайского национально-демократического движения.

1906 — Чан уезжает в Японию. Поступает в школу Цинхуа, знакомится с земляком Чэнь Цимэем, членом партии Сунь Ятсена «Китайский революционный объединенный союз».

Ноябрь или декабрь — Чан встречается с Сунь Ятсеном.

1907, лето — после возвращения из Японии поступает в подготовительную группу для желающих учиться в зарубежных военных школах, открытую в Баодинской военной академии.

1908, март — возвращается в Японию, где поступает в подготовительную военную школу «Симбу гакко» («Школу повышения боевого искусства»).

По рекомендации Чэнь Цимэя вступает в «Объединенный союз» Сунь Ятсена.

1909, лето — на короткое время возвращается в Китай для подготовки восстания против Цинской монархии.

1910, 27 апреля — рождение сына Цзинго.

Ноябрь — заканчивает школу «Симбу гакко» и начинает проходить практику в качестве унтер-офицера-стажера в 19-й роте полевой артиллерии 13-й японской дивизии в городе Такаде (остров Хонсю).

1911, 10 октября — в городе Учане происходит антимонархическое

восстание, положившее начало буржуазной Синьхайской революции в Китае.

Конец октября — Чан отплывает в Шанхай, чтобы принять участие в революции.

Ноябрь — из рыбаков уезда Фэнхуа формирует отряд «презирающих смерть», во главе которого штурмует столицу провинции Чжэцзян, город Ханчжоу.

Декабрь — знакомится с Яо Ицинь (Ечэн) (род. 26 августа 1887 года) и берет ее в содержанки.

1912, 1 января — Сунь Ятсен вступает в должность временного президента и провозглашает Китайскую Республику.

14 января — Чан убивает Тао Чэнчжана, оппонента Сунь Ятсена и Чэнь Цимэя.

12 февраля — маньчжурский император Пу И отрекается от престола.

13 февраля — Сунь Ятсен подает в отставку, и через два дня генерала Юань Шикая избирают временным президентом. *Март* — Чан вновь уезжает в Японию. Выбирает себе новое имя — Цзеши (Кайши — «Твердый как камень»). Издает журнал «Цзюньпэн» («Голос армии»).

25 августа — Сунь Ятсен основывает Националистическую партию (Гоминьдан). Чан вступает в нее.

1913, февраль — Гоминьдан одерживает победу на парламентских выборах. Чан возвращается в Китай.

Лето — конфликт между Сунь Ятсеном и Юань Шикаем. Сунь начинает вторую революцию — против Юань Шикая. Чан принимает в ней участие.

Ноябрь — Юань Шикай ставит Гоминьдан вне закона. Чан вновь уезжает в Японию.

1914, 8 июля — Сунь создает новую партию — Чжунго гэминдан (Китайская революционная партия). Чан вступает в нее.

1915, осень — зима — Чан принимает участие в новом восстании против Юань Шикая в Шанхае.

1916, 18 мая — Чэнь Цимэй погибает в результате покушения.

6 июня — Юань Шикай умирает. В Китае начинается многолетняя борьба за власть между региональными милитаристскими кликами.

1917 — Чан выбирает себе еще одно имя — Чжунчжэн («Срединный и правильный»).

1 сентября — Сунь Ятсена избирают генералиссимусом Южного Китая.

7–8 ноября — большевистская партия под руководством Ленина и

Троцкого берет власть в Петрограде. В России происходит социалистическая революция.

1918–1919 — Чан принимает участие в боях на юге Китая на стороне Сунь Ятсена в составе Гуандунской армии, но у него возникает ряд конфликтов с командующим Чэнь Цзюньмином.

1919 — усыновляет сына своего друга, Дай Цзитао. Дает ему имя Вэйго и отдает на воспитание своей наложнице Ечэн.

10 октября — Сунь Ятсен реорганизует Китайскую революционную партию в Китайский Гоминьдан.

1920–1921 — Чан увлекается большевизмом, мечтает поехать в Советскую Россию.

1921, 7 апреля — Сунь Ятсена провозглашают в Кантоне чрезвычайным президентом Китайской Республики.

14 июня — умирает мать Чана.

23–31 июля — в Шанхае проходит I съезд Коммунистической партии Китая.

Декабрь — Чан берет новую содержанку, Дженни Чэнь Фэн (Цзежу) (род. 26 августа 1906 года).

1922, 15–16 июня — сторонники Чэнь Цзюньмина поднимают мятеж против Сунь Ятсена в Кантоне.

25 июня — Чан помогает Сунь Ятсену бежать из Кантона в Шанхай.

1923, 21 февраля — после захвата Кантона войсками дружественных Сунь Ятсену милитаристов Сунь Ятсен возвращается в этот город, где возглавляет южнокитайское правительство. Апрель — Чан переезжает в Кантон.

16 августа — во главе делегации Гоминьдана отправляется в Москву, где в сентябре — ноябре ведет переговоры с вождями большевиков о помощи Гоминьдану. Разочаровывается в большевизме, приходит к мысли о том, что большевики хотят захватить Китай.

1924, 20–30 января — в Кантоне проходит I съезд Гоминьдана. Чан присутствует на его заседаниях в качестве гостя.

3 мая — вступает в должность начальника гоминьдановской Офицерской школы сухопутных войск (школы Вампу).

75 октября — подавляет мятеж *шантуаней* (боевых охранных отрядов кантонских торговцев).

1925, февраль — март — участвует в Первом восточном походе против Чэнь Цзюньмина.

12 марта — умирает Сунь Ятсен.

30 мая — английские полицейские на Нанкин-роуд в Шанхае

расстреливают демонстрацию китайцев. В стране начинается национальная революция.

Июнь — Чан разбивает расквартированные в Кантоне войска гуансийских и юньнаньских милитаристов.

20 августа — в результате покушения погибает соратник Сунь Ятсена Ляо Чжункай, многие вожди Гоминьдана оказываются скомпрометированы. Чан Кайши приходит к власти вместе с Ван Цзинвэем.

26 августа — становится командиром 1-го корпуса Национально-революционной армии Гоминьдана.

Октябрь — посылает старшего сына Цзинго на учебу в СССР. *Осень — зима* — возглавляет Второй восточный поход против Чэнь Цзюньмина.

1926, 1—19 января — участвует в работе II съезда Гоминьдана в Кантоне. Избирается членом Центрального исполкома ГМД. После съезда входит в Постоянный комитет и Политический комитет ЦИК.

20 марта — осуществляет бескровный переворот в Кантоне, отстраняет Ван Цзинвэя от власти.

Май — становится главнокомандующим (генералиссимусом) Национально-революционной армией.

Начало июля — становится председателем Политического совета ЦИК Гоминьдана и начинает Северный поход.

1927, 22 марта — войска Чан Кайши вступают в Шанхай.

12 апреля — Чан Кайши развязывает белый антикоммунистический террор в Шанхае и других районах Восточного Китая.

18 апреля — провозглашает город Нанкин столицей Китая.

13 августа — из-за межфракционного конфликта в Гоминьдане Чан уходит в отставку со всех постов.

1 декабря — женится на Сун Мэйлин (род. 5 марта 1897 года).

1928, январь — переезжает в Нанкин и вновь становится главкомом (генералиссимусом) Национально-революционной армии.

Февраль — вновь становится председателем Политического совета ЦИК Гоминьдана.

Апрель — продолжает Северный поход и к 15 июня успешно завершает его.

10 октября — Чан становится председателем правительства Китайской Республики.

Декабрь — Маньчжурия мирно объединяется с Китаем.

1929, 1 января — Политический совет ЦИК Гоминьдана провозглашает начало периода политической опеки со стороны Гоминьдана над государством и обществом.

Февраль — апрель — Чан ведет войну с гуансийскими милитаристами.

Май — ведет войну с Фэн Юйсяном.

Сентябрь — декабрь — ведет войну с Чжан Факуем, Юй Цзобо, Ли Минжуем и «реорганизационистами».

1930, февраль — декабрь — ведет войну с Янь Сишанем.

Октябрь — ведет новую войну с Фэн Юйсяном.

23 октября — проходит обряд крещения по правилам методистской церкви.

24 ноября — Чан становится председателем Исполнительной палаты.

1930, конец — 1931, начало — войска Чан Кайши осуществляют первый карательный поход против Центрального Советского района в юго-восточном Китае и терпят поражение.

1931, апрель — май — войска Чан Кайши осуществляют второй карательный поход против Центрального Советского района и терпят поражение.

Июль-сентябрь — войска Чан Кайши осуществляют третий карательный поход против Центрального Советского района и терпят поражение.

18 сентября — японская Квантунская армия начинает оккупацию Маньчжурии.

15 декабря — из-за межфракционного конфликта в Гоминьдане Чан вновь уходит в отставку со всех постов.

1932, 22 января — Чан по просьбе правительства возвращается в Нанкин и вновь возглавляет армию.

28 января — 3 марта — в Шанхае происходят китайско-японские вооруженные столкновения.

Февраль — март — войска Чан Кайши осуществляют четвертый карательный поход против Центрального Советского района и терпят поражение.

1933, сентябрь — 1934, октябрь — войска Чан Кайши осуществляют пятый карательный поход против Центрального Советского района и побеждают. Войска китайских коммунистов начинают Великий поход.

1934, весна — Чан Кайши начинает общекитайское движение «За новую жизнь!».

1935, октябрь — китайские коммунисты завершают Великий поход на северо-западе Китая.

16 декабря — Чан вновь становится председателем Исполнительной палаты.

1936, июнь — сентябрь — ведет войну с юго-западными

милитаристами.

Сентябрь — начинает подготовку к шестому антикоммунистическому походу.

Октябрь — отправляет младшего сына Вэйго получать военное образование в Германии.

12–25 декабря — Сианьский инцидент.

1937, 19 апреля — старший сын Цзинго с семьей возвращается из СССР.

7 июля — Япония начинает широкомасштабную войну на севере Китая.

13 августа — Чан Кайши переносит боевые действия против японцев в Шанхай.

21 августа — СССР и Китай заключают договор о ненападении.

13 декабря — японцы захватывают Нанкин.

1938, 1 января — Чан уходит с поста председателя Исполнительной палаты.

29 марта — 1 апреля — Чан проводит Всекитайский чрезвычайный съезд Гоминьдана в городе Ухани, на котором его избирают *цзунцаем* (генеральным директором, вождем) Гоминьдана.

Июнь — по приказу Чан Кайши китайские солдаты взрывают дамбы на реке Хуанхэ для того, чтобы остановить продвижение японской армии.

25 октября — японцы захватывают Ухань.

Ноябрь — опасаясь, что японцы возьмут Чаншу, Чан отдает приказ сжечь город.

11 декабря — Чан вновь становится председателем Исполнительной палаты.

29 декабря — Ван Цзинвэй переходит на сторону японцев.

1939, 1 сентября — начинается Вторая мировая война.

1940, 27 октября — младший сын Чана Вэйго возвращается в Китай.

1941, 6 января — гоминьдановские войска уничтожают штабную колонну коммунистической Новой 4-й армии.

Март — Рузвельт принимает решение оказать Китаю помощь по ленд-лизу.

7(8) декабря — Япония нападает на Соединенные Штаты.

1942, 1 января — публикуется Декларация Объединенных Наций.

Китай включают в четверку ведущих стран мира.

3 января — Чан принимает предложение Рузвельта взять на себя верховное главнокомандование союзными войсками на китайском театре военных действий.

Февраль — Чан с супругой посещают Индию, встречаются с Ганди и Неру. Чан призывает англичан предоставить индийцам свободу «как можно скорее».

Март — в Китай прибывает начальник союзного штаба Чан Кайши, генерал-лейтенант Джозеф Уоррен Стилуэлл.

1943, 11 января — Соединенные Штаты и Великобритания отменяют неравноправные договоры с Китаем.

Март — Чан публикует книги «Судьба Китая» и «Китайская экономическая теория».

1 августа — Чан вновь становится председателем правительства Китайской Республики.

21–27 ноября — Чан с супругой принимают участие в каирской встрече трех держав (США, Великобритании и Китая).

1944, апрель — декабрь — японцы проводят военную операцию Итиго.

18 октября — Рузвельт отзывает Стилуэлла из Китая из-за конфликта последнего с Чан Кайши.

1 ноября — в Китай прибывает новый начальник союзного штаба Чан Кайши, генерал Альберт Ведемейер.

1945, 25 апреля — 26 июня — представитель Китая Т. В. Сун участвует в международной конференции в Сан-Франциско, на которой принимается Устав ООН.

25 июня — Чан уходит с поста председателя Исполнительной палаты.

6 августа — США сбрасывают атомную бомбу на японский город Хиросиму.

9 августа — советские войска переходят границу Маньчжурии, а США сбрасывают атомную бомбу на японский город Нагасаки.

14 (15) августа — Япония капитулирует.

Конец августа — середина октября — Чан Кайши ведет мирные переговоры с Мао Цзэдуном в Чунцине.

24 октября — Китай входит в состав Совета Безопасности ООН с правом вето.

1945, 21 декабря — 1947, 8 января — специальный представитель президента США Джордж Кэтлетт Маршалл-мл. безуспешно пытается примирить Коммунистическую партию Китая и Гоминьдан.

1946, июнь — начало новой широкомасштабной гражданской войны.

1947, 28 февраля — губернатор Тайваня Чэнь И по соглашению с Чаном подавляет массовые антиправительственные демонстрации на острове.

1948, 19 апреля — Чан Кайши избирают президентом Китайской

Республики.

20 мая — Чан уходит с поста председателя правительства Китайской Республики.

10 декабря — вводит военное положение на основной территории страны.

1949, 21 января — Чан Кайши уходит в отставку с поста президента из-за поражения в войне с коммунистами.

Апрель — май — войска китайской компартии берут Нанкин и Шанхай.

19 мая — новый губернатор Тайваня Чэнь Чэн по соглашению с Чаном вводит на острове военное положение.

1 октября — Мао Цзэдун провозглашает Китайскую Народную Республику.

10 декабря — вместе со старшим сыном Цзинго Чан улетает из города Чэнду на Тайвань.

1949–1951 — губернатор Тайваня Чэнь Чэн проводит первый этап аграрной реформы.

1950, 1 марта — Чан Кайши возвращается на пост президента Китайской Республики.

27 июня — через два дня после начала корейской войны Трумэн направляет 7-й флот США в Тайваньский пролив для защиты Тайваня.

Чан Кайши начинает масштабную приватизацию государственных предприятий и реформу в социальной сфере. Одновременно устанавливает на Тайване режим террора, направленный против «красной опасности».

1950–1952 — реформирует Гоминьдан и проводит военную реформу.

1951–1953 — Чан проводит два заключительных этапа аграрной реформы на Тайване.

1952, октябрь — руководит VII съездом партии. Переизбирается цзунцаем.

1954, 22 марта — во второй раз избирается президентом Китайской Республики.

1954, сентябрь — 1955, апрель — китайские коммунисты обстреливают прибрежные тайваньские острова Цзиньмэнь и Дачэн.

2 декабря — США и Тайвань подписывают договор о взаимной обороне.

1955, 29 января — Конгресс США дает президенту США право применять вооруженные силы для защиты Формозы (Тайваня) и Пескадорских островов, «когда он посчитает это необходимым».

1956, 25 декабря — Чан публикует книгу воспоминаний «Советская Россия в Китае».

1957, октябрь — руководит VIII съездом партии. Переизбирается *цзунцаем*.

1958, весна — в КНР начинается «большой скачок».

Конец августа — Мао Цзэдун отдает приказ начать артиллерийский обстрел прибрежных островов Цзиньмэнь и Мацзу в Тайваньском проливе, принадлежащих гоминьдановцам.

Зима — в КНР начинается массовый голод, вызванный «большим скачком».

1960, 21 марта — Чан в третий раз избирается президентом Китайской Республики.

14–15 мая — принимает президента США Эйзенхауэра.

1963, июль — по приказу Чана тайваньские спецслужбы начинают прощупывать почву для ведения секретных переговоров с СССР.

Ноябрь — руководит IX съездом партии. Переизбирается *цзунцаем*.

1966, 21 марта — Чан в четвертый раз избирается президентом Китайской Республики.

1968, июль — Чан дает добро на проведение секретных переговоров между тайваньскими и советскими представителями.

1969, март — апрель — руководит X съездом партии. Переизбирается *цзунцаем*.

19 сентября — вместе с супругой попадает в автомобильную аварию, после чего врач обнаруживает у него шумы в сердце из-за повреждения клапана аорты.

1971, 25 октября — Тайвань добровольно выходит из состава ООН. КНР занимает его место.

1972, 21 февраля — Никсон прибывает в КНР, беседует с Мао.

28 февраля — в Шанхае публикуется совместное китайско-американское коммюнике, знаменующее нормализацию отношений между КНР и США.

21 марта — Чан в пятый раз избирается президентом Китайской Республики.

22 июля — Чан заболевает пневмонией и впадает в кому.

1973, январь — Чан выходит из комы.

1974, 25 марта — Чан в последний раз принимает иностранного гостя — посла США Уолтера П. Макконахи.

1975, 5 апреля, около 23.50 — Чан умирает от инфаркта.

ИЛЮСТРАЦИИ

蔣中正

Комната, в которой родился Чан Кайши

Дом Чан Кайши в деревне Сикоу

*Чан Кайши с матерью, первой женой Мао Фумэй и сыном Цзинго.
Конец 1910 г.*

Чан Кайши с матерью. Нинбо, 1917 г.

*Чан Кайши, только что вступивший в члены партии Сунь Ятсена
«Китайский революционный объединенный союз». Токио, 1908 г.*

Чан Кайши (справа) с другом Чжан Цюнем в японской военной школе «Симбу гакко». Токио, 1911 г.

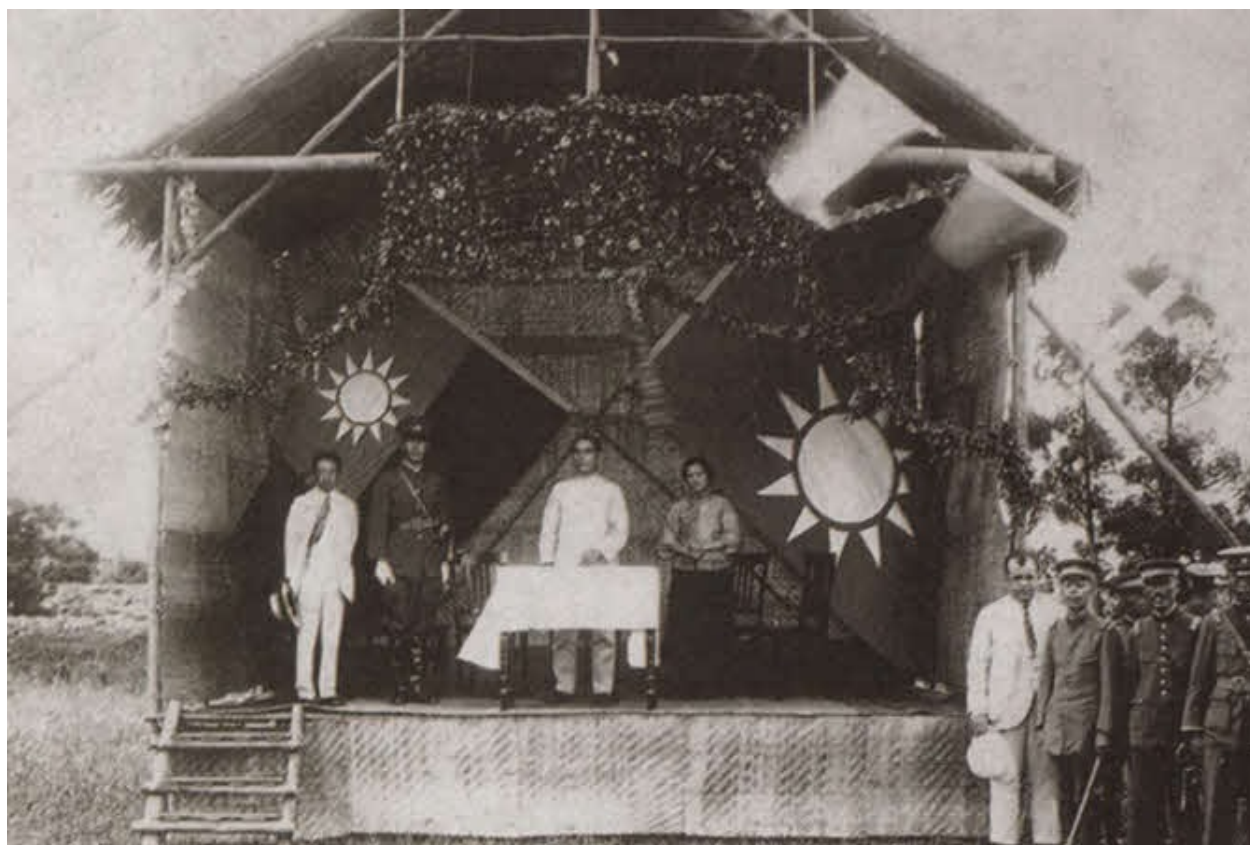
Чэнь Цимэй — ближайший друг и «кровный брат» Чана

Дай Цзитао, «кровный брат» Чана

Вождь Гоминьдана Сунь Ятсен с офицерами школы Вампу (стоят слева направо): Хэ Инцинъ, Чан Кайши и Ван Болин. Остров Чанчжоу, 16 июня 1924 г.

*Руководители Гоминьдана на официальном открытии школы Вампу.
На сцене (слева направо): Ляо Чжункай, Чан Кайши, Сунь Ятсен, Сун
Цинлин. У сцены первый: телохранитель Сунь Ятсена — Морис
Абрахам Коэн. Остров Чанчжоу, 16 июня 1924 г.*

Члены нового гоминьдановского руководства после смерти Сунь Ятсена. Первый ряд слева направо: Тань Янькай, Сюй Чунчжи, Ван Цзинвэй, Ху Ханьминь, Сунь Кэ (Сунь Фо), Ляо Чжункай, Линь Сэнь; второй ряд: Гу Инфэнь, Чэн Цянь, У Чаошу, Чжу Пэйдэ. Кантон, 1 июля 1925 г.

***Чан Кайши со своей наложницей Дженни Чэнь Цзежу в школе Вампу.
Остров Чанчжоу, май 1926 г.***

В начале Северного похода. Стоят слева направо: «Высокий советник Гоминьдана» и представитель Коминтерна в Китае М. М. Бородин, Гу Мэньюй, Ф. С. Бородина, Хэ Сяннин, Дженни Чэнь Цзежу, главный военный советник В. К. Блюхер, Чан Кайши, младший сын Чана Вэйго; сидит «цикада» Чжан Цзинцзян, «кровный брат» и покровитель Чана. Кантонской вокзал, июль 1926 г.

Чан Кайши с сыном Цзинго

Чан Кайши с сыном Вэйго. 1930 г.

Чан Кайши во время антикоммунистического переворота. Шанхай, апрель 1927 г.

*Свадебная фотография Чан Кайши и его второй жены Сун Мэйлин.
Нанкин, 1 декабря 1927 г.*

Чан Кайши с Сун Мэйлин и ее родственниками.

Сидят (слева направо): Сун Мэйлин, теща Чана — Ни Гуйчжэнь, старшая сестра Мэйлин — Сун Айлин. Стоят (слева направо): брат Мэйлин — Т. А. Сун, Чан Кайши, муж Айлин — Кун Сянси, брат Мэйлин — Т. Л. Сун. 1928 г.

Чан Кайши (в центре) с маршалом Фэн Юйсяном (слева) и генералом Янь Сишанем. 1928 г.

Северный поход завершен. Чан Кайши (в первом ряду в центре) на могиле Сунь Ятсена. Во втором ряду: Фэн Юйсян (первый слева), Ли Цзунжэнь (второй справа). За плечом Фэн Юйсяна — Янь Сишань.

Пекин, 6 июля 1928 г.

Чан Кайши на фронте гражданской войны. 1932 г.

*Чан Кайши руководит пятым карательным походом против
Центрального Советского района. 1934 г.*

Генералиссимус вооруженных сил Китая Чан Кайши.

Нанкин, 8 октября 1936 г.

Чан Кайши и Сун Мэйлин празднуют пятидесятилетие Чан Кайши по принятому в Китае летоисчислению.

Лоян, 31 октября 1936 г.

Чан Кайши (справа) и маршал Чжан Сюэлян с женами — Сун Мэйлин (вторая справа) и Юй Фэнчжи. 1930-е гг.

Вожди китайской компартии. Слева направо: Чжоу Эньлай, Мао Цзэдун, ЧжуДэ

Здание тюрьмы в окрестностях деревни Сикоу, где после Сианьского инцидента содержался Чжан Сюэлян

Чан Кайши и Сун Мэйлин. Нанкин, 1937 г.

Чан Кайши с сыновьями: Цзинго (слева) и Вэйго

Мост Марко Поло, на котором 7 июля 1937 года началась японо-китайская война. На заднем плане — город Ваньпин

Японские войска на марше. Конец 1930-х гг.

*Чан Кайши выступает с речью о начале войны сопротивления Японии.
Лушань, 17 июля 1937 г.*

Чан Кайши с женой Сун Мэйлин (третья справа) и ее сестрами — Сун Айлин (вторая справа) и Сун Цинлин (четвертая справа). Чунцин, 1940 г.

Чан Кайши (в центре) с работниками советского посольства: Н. Т. Федоренко (второй слева), послом А. С. Панюшкиным (четвертый), военным атташе В. И. Чуйковым (пятый). Чунцин, 1941 г.

Чан Кайши и Сун Мэйлин с генералом Джозефом Уорреном Стилуэллом («Уксусным Джо»). 1942 г.

Чан Кайши и Сун Мэйлин в Индии. Сидят (слева направо): Сун Мэйлин (вторая), генерал-губернатор и вице-король Индии Виктор Александр Джон Хоуп (третий), Чан Кайши (четвертый) и супруга Хоупа — Дорин Мод Милнер. Нью-Дели, 10 февраля 1942 г.

Чан Кайши размышляет. Чунцин, 1943 г.

Чан Кайши читает свою книгу «Судьба Китая».

Чунцин, 1943 г.

Каирская встреча.

Сидят слева направо: Чан Кайши, президент США Франклин Д. Рузвельт, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, Сун Мэйлин.

27 ноября 1943 г.

Чан Кайши выступает перед молодежью.

Чунцин, декабрь 1943 г.

Чан Кайши с генералами Альбертом Ведемейером (второй слева), Патриком Дж. Хэрли (первый справа) и министром иностранных дел Китая Т. В. Суном (первый слева).

Чунцин, 1 ноября 1944 г.

Чан Кайши и командир 14-й воздушной армии США генерал Клэр Ли Шенно.

24 марта 1945 г.

Чан Кайши принимает документ о капитуляции Японии из рук заместителя начальника Генерального штаба Национально-революционной армии Китая генерала Лэн Синя.

Чунцин, 10 сентября 1945 г.

Мао Цзэдун и Чан Кайши во время переговоров о мирном объединении страны.

Чунцин, 28 августа 1945 г.

Чан Кайши и Сун Мэйлин с председателем Исполнительной палаты Т В. Суном (крайний справа), будущим губернатором Тайваня генералом Чэнь Чэном (крайний слева во втором ряду) и сыном Цзинго.

Чунцин, 3 октября 1945 г.

Чан Кайши (первый справа), Сун Мэйлин и специальный представитель президента США Г. Трумэна — Джордж К. Маршалл-мл.

Чунцин, 22 декабря 1945 г.

Чан Кайши слушает донесение о ходе новой гражданской войны с коммунистами.

Май 1947 г.

Президент Китая Чан Кайши (крайний слева) и вице-президент Ли Цзунжэнь направляются на церемонию вступления в свои должности.

Нанкин, 20 мая 1948 г.

Дворец президента Чан Кайши в Нанкине

Поражения в гражданской войне с китайской компартией не удалось избежать. Солдаты армии Чан Кайши перед эвакуацией на Тайвань

Чан Кайши и генерал Дуглас Макартур.

Тайбэй, конец июля 1950 г.

Чан Кайши выступает с призывом искоренить «коммунистических бандитов» и вернуться на материк.

Тайбэй, 12 ноября 1962 г.

Чан Кайши в рабочем кабинете.

Тайбэй, 7 мая 1964 г.

Сын Чана — Цзинго с женой Фаиной и внучкой Юмэй.

Тайбэй, 8 октября 1965 г.

Чан Кайши с родными в день своего восьмидесятилетия по принятому в Китае летоисчислению.

Тайбэй, 31 октября 1966 г.

Чан Кайши с женой на параде по случаю 60-й годовщины Синьхайской революции.

Тайбэй, 10 октября 1971 г.

С сыном Цзинго, будущим президентом Тайваня

Чан Кайши в кругу семьи накануне своего 84-летия по принятому в Китае летоисчислению.

Тайбэй, 14 октября 1970 г.

Чан Кайши в день своего 87-летия по принятому в Китае летоисчислению. Тайбэй, октябрь 1973 г.

Родственники прощаются с Чан Кайши

Автор книги у саркофага Чан Кайши в Мавзолее Цыху.

Тайвань

Автор книги с шестым президентом Тайваня Ма Инцзю.

Тайбэй, Президентский дворец, 26 июля 2015 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Избранные работы Чан Кайши

На русском языке

Личное дело Чан Кайши // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 225. Д. 120; Д. 120/2.

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае: Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009.

На китайском языке

Гошигуань данъань (Архив<тайваньской> Академии истории).

Сянь цзунтун Цзян гун цюаньцзи (Полное собрание сочинений покойного президента, господина Чана). В 3 т. Тайбэй, 1984.

Цзунтун яньлунь сюаньцзи (Избранные сочинения Президента). В 4 т. Тайбэй, 1953.

Цзян вэйюаньчжан юй Лосыфу цзунтун чжань ши тунсюнь (Переписка Председателя Чана и Президента Рузвельта во время войны). Тайбэй, 1978.

Цзян цзунтун милу: Чжун жи гуаньси баши нянь чжи чжэнь-янь (Тайные записки президента Цзяна: Откровенные слова о 80 годах китайско-японских отношений). В 15 т. Тайбэй, 1974–1978.

Цзян цзунтун яньлунь хуэйбянь (Собрание сочинений Президента Чана). В 24 т. Тайбэй, 1956.

Цзян Чжунчжэн цзунтун у цзи (Пять дневников Президента Чан Кайши). В 6 т. Тайбэй, 2011.

Цзян Чжунчжэн. Цзыфаньлу (Самоанализ). В 3 т. Сянган, 2016.

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Чжунго цзинцзи сюэшо (Китайская экономическая теория). <Чунцин>, 1943.

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Чжунго чжи минъюнь (Судьба Китая). Чунцин, 1943.

Чан Кайши. Жицзи (Дневник).

Чан Кайши. Сунь да цзунтун Гуанчжоу мэннань цзи (Записки о похищении великого президента Суня в Кантоне). Шанхай, 1922.

Чжунго гоминьдан чжунъян даншигуань (Центральный партийный архив Гоминьдана). Тайбэй, Тайвань.

Чжунго ди эр лиши данъаньгуань (Второй исторический архив Китая).

На английском языке

Chiang Kai-shek. A Fortnight in Sian: Extracts from a Diary; Soong Chiang Mayling (Madame Chiang Kai-shek). Sian: A Coup d'Etat. 2nd ed. Taipei, 1986.

Chiang Kai-shek. The New Life Movement in China. Calcutta, 1942.

The Collected Wartime Messages of Generalissimo Chiang Kai-shek 1937–1945. In 2 vols. New York, 1946.

Generalissimo Chiang Kai-shek. Resistance and Reconstruction: Messages During China's Six Years of War 1937–1943. New York, 1943.

<p>Избранные работы о Чан Кайши</p>
--

На китайском языке

Ван Гуанъюань. Цзян Цзеши цзай Тайвань (Чан Кайши на Тайване). Пекин, 2008.

Ван Гуанъюань. Цзян Цзеши цзай Хуанпу (Чан Кайши в Вампу). Пекин, 2009.

Вэн Юань, Ван Фэн. Во цзай Цзян Цзеши фуцзы шэньбянь (Рядом с супругами Чан Кайши). Тайбэй, 2015.

Е Банцзун. Цзян Цзеши шивэйчжан хуэйилу (Воспоминания начальника охраны Чан Кайши). Пекин, 2012.

Ли Сунлинъ. Цзян Цзеши дэ ванънянь суйюэ (Последние годы Чан Кайши). Пекин, 2013.

Люй Фаншан и др. Цзян Цзеши дэ циньцин, айцин юй юцин (Семейные, любовные и дружеские связи Чан Кайши). Тайбэй, 2011.

Ма Чжэньду. Канжи чжун дэ Цзян Цзеши (Чан Кайши во время войны сопротивления). Пекин, 2013.

Мао Сычэн. Миньго шиу нянь илай чжи Цзян Цзеши сяньпэн (Господин Чан Кайши до 1926 года). Сянган, 1965.

Се Жуди. Цзян Цзеши дэ пэйдун суйюэ: 1937–1946 (Пребывание Чан Кайши во временной столице: 1937–1946). Шанхай, 2010.

Сюн Вань. Цзян Цзеши сюжэнь ишэн хуэйилу (Воспоминания личного врача Чан Кайши). Пекин, 2009.

Фэн Юйсян. Во со жэньпи дэ Цзян Цзеши (Чан Кайши как я его помню). Харбин, 2010.

Хэ Хушэн. Ба нянь канжи чжун дэ Цзян Цзеши 1937–1945 (Чан Кайши во время восьмилетней войны сопротивления 1937–1945 гг.). Пекин, 2011.

Хэ Хушэн. Цзян Цзеши чжуань (Биография Чан Кайши). В 3 т. Пекин, 2005.

Цзунтун Цзян гун ай сы лу (Скорбные записки о господине президенте Чане). В 3 т. Тайбэй, 1975.

Цзунтун Цзян гун дашицзи чанбань чугао (Первоначальный вариант большой хронологической биографии господина Президента Чана). В 13 т. Тайбэй, 1978.

Цзян Цзеши дэ жичан шэнхо (Повседневная жизнь Чан Кайши). Тайбэй, 2012.

Цзян Цзеши няньпу чугао (Первоначальный вариант хронологической биографии Чан Кайши). В 2 т. Пекин, 1992.

Цзян Чжунчжэн сяньшэн няньпу чанбянь (Большая хронологическая биография Цзян Чжунчжэна). В 6 т. Тайбэй, 2014.

Цзян Цзунчжэн цзунтун шицун жэньюань фанвэнь цзилу (Записи интервью с обслуживающим персоналом президента Цзян Чжунчжэна). В 2 т. Тайбэй, 2012.

Цзяцзинь лянцзы (Йешика Рюко). Цзян Цзеши юй Наньцзин гоминь чжэнфу (Чан Кайши и нанкинское национальное правительство). Пекин, 2005.

Цуй Сяочжун. Циннянь Цзян Цзеши (Молодой Чан Кайши). Пекин, 2003.

Цюй Ицяо, Цзян Юаньдань. Гэньсюй Цзян Цзеши шиэр нянь (Следуя за Чан Кайши в течение 12 лет). Чанша, 1988.

Чжан Цинцзюнь. Цзян Цзеши мидан юй синьхань (Секретный архив и переписка Чан Кайши). Тайбэй, 2014.

Чэн Шу вэй и др. Цзян Цзеши миши (Тайная история Чан Кайши). Пекин, 2007.

Чэнь Булэй. Цзян Цзеши сяньшэн няньбяо (Хронологическая биография господина Чан Кайши). Тайбэй, 1978.

Ши Юнган, Фан Сюй. Цзян Цзеши хоу чжуань: Цзян Цзеши Тайвань 26 нянь чжэнчжи дили (Последняя часть биографии Чан Кайши: Политическая география 26-летнего пребывания Чан Кайши на Тайване). Пекин, 2013.

Ян Тяньши. Цзян Цзеши чжэньсян чжи и: чжанцян: Наньцзин чжэнфу (Истинный облик Чан Кайши. Т. 1: Взятие власти: Нанкинское правительство). Тайбэй, 2009.

Ян Тяньши. Цзян Цзеши чжэньсян чжи эр: фэньци: Канчжань цзи

чжаньхоу (Истинный облик Чан Кайши. Т. 2: Подъем: Война сопротивления и после). Тайбэй, 2009.

Ян Тяньши. Цзян Цзешу чжэньсян чжи сань: фэньци: Канчжань цзи чжаньхоу (сю) (Истинный облик Чан Кайши. Т. 3: Подъем: Война сопротивления и после. <Продолжение>). Тайбэй, 2009.

Ян Тяньши. Цзян ши мидан юй Цзян Цзешу чжэньсян (Секретный архив Чана и истинный облик Чан Кайши). Пекин, 2015.

Ян Тяньши. Чжаосюнь чжэнши дэ Цзян Цзешу: Цзян Цзешу жицзи цзеду (В поисках подлинного Чан Кайши: Разбирая дневники Чан Кайши). В 3 т. Сянган, 2008–2014.

На английском языке

Ch'en Chieh-Ju. Chiang Kai-shek's Secret Past: The Memoir of His Second Wife. Boulder, CO, 1993.

Chiang Kai-shek and His Time: New Historical and Historiographical Perspectives. Venezia, 2017.

Chiang Wego W. K., General. How Generalissimo Chiang Kai-shek Won the Eight-year Sino-Japanese War 1937–1945. Taipei, 1979.

Crozier Brian. The Man Who Lost China: The First Full Biography of Chiang Kai-shek. New York, 1976.

Eastman Lloyd E. Who Lost China? Chiang Kai-shek Testifies // *China Quarterly.* 1988. Vol. 88. P. 658–668.

Fenby Jonathan. Chiang Kai-shek: China's Generalissimo and the Nation He Lost. New York, 2004.

Furuya Keiji. Chiang Kai-shek: His Life and Times. New York, 1981.

Hsieh Shou-kang. President Chiang Kai-shek: His Childhood and Youth. Taipei, <1954>.

Hsiung S. I. The Life of Chiang Kai-shek. London, 1948.

Lattimore Owen, Fujiko Isono. China Memoirs: Chiang Kai-shek and the War Against Japan. Tokyo, 1990.

Lin Hsiao-ting. Accidental State: Chiang Kai-shek, the United States, and the Making of Taiwan. Cambridge, MA, 2016.

Loh Pichon P. Y. The Early Chiang Kai-shek: A Study of His Personality and Politics, 1887–1924. New York, 1971.

Payne Robert. Chiang Kai-shek. New York, 1969.

Taylor Jay. The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Cambridge, MA, 2009.

Tong Hollington K. Chiang Kai-shek: Soldier and Statesman: Authorized Biography. In 2 vols. Shanghai, 1937.

П 16

Панцов А. В.

Чан Кайши / Александр Панцов. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 507[5] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1757).

ISBN 978-5-235-04202-5

УДК 94(510)(092)"18/19"

ББК 63.3(5Кит)6

знак информационной продукции 16+

Панцов Александр Вадимович
ЧАН КАЙШИ

Редактор |Л. С. Калюжная |
Художественный редактор А. В. Никитин
Технический редактор М. П. Качурина
Корректоры Т. И. Маляренко, Г. В. Платова

Сдано в набор 23.08.2018. Подписано в печать 06.02.2019.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 26,88+1,68. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1911450.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN
Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного электронного оригинал-макета в «Ярославский полиграфический комбинат» КШИ 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Владимир Широгоров

УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

В XVI–XVII вв. Западная Русь предстала зоной соперничества Литвы и Польши, Швеции и Орды, Турции, Крымского ханства и Московского княжества. Кто мог предположить тогда, что речь шла о чем-то несравненно большем, нежели об очередном разделе пространств Восточной Европы? Многовековая Украинская война явилась одной из самых плотных в истории концентрацией боевых действий, затронув абсолютно все сферы: идеологию, экономику, общественные процессы, качества лидеров и стремления народов.

Книга I

Схватка за Русь

До середины XVI века

Книга II

Турецкий прорыв

Балканы — Причерноморье — Кавказ

До конца XVI века

Книга III

Встречное наступление

Балтика — Литва — Поле

Вторая половина XVI века

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Рабинер, В. Галедин «ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ»
Е. Новицкий «ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ»
Е. Лобанкова «ГЛИНКА»
Г. Чернявский, Л. Дубова «ПРЕЗИДЕНТЫ США»
Н. Петрова «НАХИМОВ»
А. Карпов «ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»
В. Устинов «ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»
Д. Быков «ШЕСТИДЕСЯТНИКИ»
Е. Глаголева «РОКФЕЛЛЕРЫ»
А. Якимович «КАНДИНСКИЙ»
Г. Прашкевич, С. Соловьев «СТИВЕН ДЖОБС»
М. Девлин «НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН»

---

notes

Примечания

Коминтерн (Коммунистический Интернационал, Третий Интернационал) — международная организация, объединявшая в 1919–1943 годах коммунистические партии разных стран. — *Прим. ред.*

В традиционном Китае сутки делились на 12 двухчасовых периодов, которые, как и годы в двенадцатилетнем цикле, именовались по названиям животных. Отрезок времени с одиннадцати часов утра до часу дня назывался часом Лошади.

В традиционном Китае невесты одевались во все красное, ибо красный — цвет благополучия и удачи. Белый же — цвет траура.

В «Ли цзи» 49 глав. «Да сюэ» и «Чжун юн», входящие в «Четверокнижие», — две главы из этого трактата, выделенные в отдельные книги.

Здесь и далее переводы стихов с китайского автора книги.

Кстати, в отличие от большинства китайских женщин того времени, в том числе матери Чан Кайши, Фумэй не стягивала изо дня в день ступни ног жесткими бинтами для того, чтобы придать им миниатюрность, поэтому могла работать с большой отдачей.

Конгрегационализм — ветвь кальвинизма, протестантского учения, оформившаяся в Англии в 80-е годы XVII века. Его апологеты утверждают независимость религиозных общин (конгрегаций) друг от друга.

Мамаша Ван цитировала древнекитайского философа-конфуцианца Мэнцзы (372–289 годы до н. э.). Два других вида сыновьей непочтительности: попустительство недостойному поведению родителей и отказ от заботы о них в старости.

Как мы помним, дом Чан Кайши в Сикоу назывался Фэнгао — по названиям двух ранних столиц династии Чжоу: Фэнцзин и Гаоцзин.

Даже японский язык был у Чан Кайши не настолько хорош, как у Чжан Цюня. Впоследствии Чан будет иногда использовать Чжана как своего переводчика с японского.

Цинь — старинный китайский музыкальный инструмент.

Река Ечанцзин — название канала в провинции Цзянсу, на берегах которого была расположена родная деревушка пассии Чана, ныне вошедшая в состав города Сучжоу.

Внешняя Монголия — регион в составе Империи Цин и Китайской Республики до 1921 года; затем — Монгольская Народная Республика.

Хакка («гости») — патронимии, переселившиеся в южные провинции с севера Китая много веков назад под давлением кочевников-степняков, но так и не ассимилировавшиеся с местным населением (*бэнъди*, «коренные жители»), которое их презирало и нещадно эксплуатировало.

В то время Чан и Дай вновь жили вместе: Чан — на первом этаже небольшого особняка, а Дай — на втором.

Как мы помним, дом Чан Кайши в Сикоу назывался Фэнгао — по названиям двух ранних столиц династии Чжоу: Фэнцзин и Гаоцзин. Старший сын Чан Кайши, Цзян Цзинго, уже носил детское имя Цзяньфэн («Тот, кто выстроит столицу Фэн»).

Буквальный перевод иероглифов «цзин» и «вэй» — «долгота» и «широта», а иероглифа «го», как мы знаем, — «государство». Смысл имен заключается в следующем: Цзинго должен будет управлять страной с севера на юг (то есть по долготе), а Вэйго — с запада на восток (то есть по широте). Вот такие амбициозные имена были даны детям Чан Кайши.

Ходили слухи, что Ван избежал казни только потому, что, будучи очень красивым, понравился маньчжурской принцессе.

Эта дорога идет от города Ланьчжоу, столицы провинции Ганьсу, в древности называвшейся Лун, до восточного города Хайчжоу на берегу Желтого моря.

Вопрос написан заглавными буквами в русском переводе оригинала.

Мексиканские доллары ходили в Китае наряду с юанями (китайскими долларами), обменивались один к одному.

Через месяц после приезда делегации в Москву к ней присоединился еще один гоминьдановец, прибывший из Европы.

Сунь подписал приказ о его назначении за день до того.

Напомним, что Нинбо — крупный город в провинции Чжэцзян, родины Чан Кайши.

Методизм — ветвь протестантизма, выделившаяся вXVIII веке; методистская церковь требует методичного соблюдения евангельских предписаний.

Сампан — лодка на воде, жилище кантонской бедноты; буквальный перевод: «три доски».

Холм высотой 447 метров в восточных окрестностях Нанкина.

С учетом того, что в октябре 1925 года численность войск, приданных школе Вампу, составляла около шести тысяч человек, планировавшееся увеличение за два месяца должно было быть не меньше чем в четыре-пять раз.

Характерно, что, объявляя о результатах голосования, секретарь съезда коммунист У Юйчжан по договоренности с Ваном поставил фамилию Ху после фамилий Ван Цзинвэя и Чан Кайши.

«Твердокаменные» большевики считали радикальных «интеллигентов» ненадежными и не заслуживающими доверия попутчиками.

Забавно, что Бородин вернулся в Кантон из Пекина через Шанхай тоже 29 апреля и тоже на одном пароходе с Ху Ханьминем, которому во время рейса рассказал, что после 20 марта «многие не одобряют Чан Кайши».

Решение об организации объединенного совещания из пяти представителей ЦИК Гоминьдана и трех представителей ЦИК КПК с участием Бородина было принято также майским (1926 года) пленумом ЦИК Гоминьдана. Решение, правда, так и осталось на бумаге.

Пресвитерианство — ветвь кальвинизма, протестантского учения, зародившегося в Шотландии в 60-х годах XVII века.

Пунка-валлы — индийские слуги, машущие опахалами.

Ныне улица Шэньси бэйлу, 369.

Ныне улица носит название Наньшань лу, номер виллы — 189.

В гоминьдановском правительстве вообще было мало женщин — 2,75 процента. Больше всего, как ни странно, их насчитывалось в Военном министерстве: двадцать две женщины.

Шао Чжиган учился в УТК под псевдонимом Мирский.

Ныне дом 10 по улице Хунань лу.

Квантун (Гуаньдун) — название южной оконечности северо-восточного китайского полуострова Ляодун, на котором находятся города Далянь (Дальний, Дайрень) и Люйшунь (Порт-Артур). Именно здесь 1 августа 1906 года вслед за победой в Русско-японской войне по решению японского правительства была создана Квантунская армия для защиты вновь обретенных Японией прав в Маньчжурии. Прежде всего — охраны Южно-Маньчжурской железной дороги, строительство которой было начато японцами через четыре месяца.

В Китае долго ходили слухи, что Макс Бауэр был отравлен одним из его китайских врагов.

Пикуль — мера веса, равная 60,475 килограмма.

Первые Дальневосточные олимпийские игры были проведены в 1913 году в Маниле. Всего состоялось десять игр.

Существует подозрение, что Татэкава сам дал себя заманить в ресторан, так как сочувствовал планам квантунских офицеров захватить Маньчжурию.

Полотно почти не пострадало; через десять минут по этому участку железной дороги без всякой задержки прошел поезд.

В китайских операх все женские партии исполняют мужчины.

ЦИК Гоминьдана официально провозгласит Суня отцом-основателем Китайской Республики 1 апреля 1940 года, но уже до того в Китае его неофициально величали «гофу» (Отец государства).

Начатые весной 1932 года переговоры по этому поводу были, однако, вскоре прерваны по инициативе японцев.

СССР предлагал Маньчжоу-Го тоже открыть пять консульств в Советском Союзе, но этого так и не было сделано.

Другое название этого особняка «Дача на мосту Богини милосердия Гуаньинь».

Габсбурги — династия австро-венгерских монархов (1526–1918).

Чан и Мэйлин обратили внимание на Дональда в начале 1934 года, когда он, сопровождая Чжан Сюэяна, встретился с ними в одном из ресторанов в Ханчжоу. Они быстро установили с ним близкие доверительные отношения, несмотря на то что австралиец Дональд не говорил на китайском языке. Мэйлин охотно играла роль переводчицы. В конце 1934 года по приглашению Чана Дональд стал его неофициальным советником. Супруги Чан очень дорожили его дружбой и звали просто Дон.

Кайкоса (на китайском языке: *цзесин*) — выражение из древнекитайского поэтического сборника «Шицзин» (Книги песен и гимнов), встречающееся в строке: «Знаю, вместе с тобою мы в битву с врагами пойдем».

Выражение лисин («изо всех сил реализовывать») было взято из древнекитайского трактата «Чжуньюн» (Учение о середине), в котором говорится: «Тот, кто хорошо учится, приближается к знаниям; тот, кто изо всех сил реализует <знания>, приближается к человеколюбию; тот, кто знает, что такое стыд, приближается к храбрости».

Иное название: «Отряд тех, кто носит хлопчатобумажные (то есть простые. — А. П.) одежды» (*буитуань*).

Новый курс — серия социально-экономических реформ американского президента Франклина Делано Рузвельта, осуществлявшаяся в 1933–1937 годах и направленная на финансовую поддержку малоимущих с целью повышения покупательной способности населения.

Уравнять права на землю (*англ.*).

И Чахар, и Суйюань с 1948 года входят в состав Внутренней Монголии.

После покушения на Ван Цзинвэя обязанности председателя Исполнительной палаты в течение чуть более месяца выполнял Кун Сянси.

Так Фаина называла Анну в письмах к ней.

Сект умер в Берлине через полтора года после возвращения из Китая, 28 декабря 1936 года.

Эти слова принадлежат корреспонденту «Газеты Польска», опубликовавшему 13 августа 1935 года репортаж о VII конгрессе Коминтерна.

Несмотря на китайское лобби в Германии, Гитлер вообще относился к китайцам с презрением, ставя их на одну доску с неграми. О японцах же писал в своей книге «Майн камф» («Моя борьба») как о нации, находившейся «под арийским влиянием», приветствуя борьбу Японии против «махинаций международного еврейства».

Инь Жугэн (1883–1947) в 1935 году возглавил прояпонское Автономное антикоммунистическое правительство Восточного Хэбэя.

Новую вставную челюсть через десять дней привезет ему Мэйлин.

Вообще за пределами Китая о Сианьских событиях узнали только утром 13 декабря. Первыми о них сообщили японские газеты.

В пекинской опере *Ляньхуаньтао*, основанной на одном из китайских романов эпохи Цин, рассказывается о том, как романтический разбойник Доу Эрдунь отпустил своего врага, Тяньба, бывшего когда-то его другом, из плена, несмотря на то что тот разоблачил его как вора.

Чан Кайши действительно ходатайствовал о помиловании Чжан Сюэляна, но это было пустой формальностью. Просил помиловать Молодого маршала и Фэн Юйсян.

Первые строки сталинского радиообращения к советскому народу 3 июля 1941 года.

В то время китайская армия (без резервов) стояла на первом месте в мире по численности. На втором была армия СССР, на третьем — Италии, на четвертом — Франции, на пятом — Германии. Японская армия находилась на восьмом, а американская — на одиннадцатом месте.

В этой конференции должны были принять участие девять держав (подписавших 6 февраля 1922 года Вашингтонский договор, гарантировавший территориальную целостность Китая): Бельгия, Британская империя, Китай, Италия, Нидерланды, Португалия, США, Франция и Япония. Но последняя отказалась участвовать. Девятой державой, приглашенной на конференцию, был СССР.

Так в тексте.

Альберт Янович Лепин (настоящая фамилия — Лапиньш; 1899–1937) — комкор, военный атташе при полпредстве СССР в Китае в 1933–1937 годах.

В отличие от Шанхая в Нанкине не было Международного сеттльмента, где под защитой иностранцев могли бы законно укрыться китайские граждане.

Цзиньлин (Золотая гора) — древнее название Нанкина.

В сентябре 1937 года полпред СССР Богомолов и военный атташе Лепин были отозваны Москвой из Китая; вскоре обоих арестовали за то, что они «неправильно информировали» руководство; кроме того, их обвинили в троцкизме. Оба были затем расстреляны и реабилитированы только спустя 20 лет.

Впоследствии, правда, и с японской, и с китайской стороны по-прежнему предпринимались попытки начать мирные переговоры. В течение всего периода войны Япония, например, 29 раз обращалась с соответствующими предложениями к Китаю. Чиновники двух стран даже тайно встречались в Гонконге или обменивались письмами, но из всего этого так ничего и не вышло.

Бэйпин-Кантонская железная дорога состояла из двух не соединенных друг с другом дорог: Бэйпин-Ханькоуской и Учан-Кантонской, так как железнодорожного моста через Янцзы до 1957 года не было.

Китайцы покупали самолеты и в других странах, но не так много, как в СССР. С мая по октябрь 1938 года в Западной Европе они приобрели 211 самолетов.

22 октября 1938 года по приказу Сталина Блюхер вообще был арестован, а через 18 дней — казнен. Позже Сталин объяснил Сунь Фо, за что был расстрелян Блюхер: он якобы «поддался прелестям японской шпионки» (?!).

Цзунцай — буквально: Тот, кто принимает главные решения.

Эта история уникальна, даже если считать верной легенду о том, как 2 мая 1945 года, выполняя приказ покойного к тому времени Гитлера, нацисты якобы взорвали туннель метро под Ландвер-каналом. Согласно ей, утонуло от пятнадцати до двадцати тысяч немцев, спасавшихся от советских бомбардировок. Цифра, как видно, не сопоставимая с китайским наводнением. Правда, большинство историков считают саму версию о причастности гитлеровцев к этому взрыву несостоятельной.

Японцы потеряли более ста тысяч.

Имеется в виду Китай без окраинных территорий, таких как Маньчжурия, Синьцзян и Тибет.

Жители считали, что крыс в городе было более двух миллионов, но кто их считал?

Секретные переговоры с японцами с одобрения Ван Цзинвэя уже вели его сторонники. Посреднические услуги Вану оказывала Италия.

Сталин поручил Лаврентию Павловичу Берию ликвидировать Троцкого в сентябре 1938 года.

Секретный протокол устанавливал, в частности, новую советско-германскую границу за счет раздела Польши и прибалтийских государств в случае войны Германии и СССР с этими странами.

Под соглашением с Японией Чан имел в виду заключение перемирия между СССР и Японией после конфликта в районе реки Халхин-Гол (Монгольская Народная Республика) в мае — сентябре 1939 года. Чан рассчитывал, что этот конфликт приведет к японо-советской войне, но он был урегулирован 15 (16) сентября.

Японцы бомбили город вплоть до августа 1943-го, пока поражения в войне на Тихом океане не отвлекли их внимание от Чунцина.

Наркомвнешторг — Народный комиссариат внешней торговли СССР.

Шао Лицзы прибыл в СССР в качестве нового посла Китая 7 июня 1940 года. Он сменил Ян Цзе, ушедшего в отставку из-за разногласий с Чаном в вопросе о советско-финской войне. Через девять лет в Гонконге генерал Ян Цзе будет убит в результате покушения.

На посту главного военного советника Качанова заменил военный атташе Чуйков.

Державы «Оси» (от термина «Ось Берлин — Рим») — военный союз Италии и Германии, впоследствии к нему присоединились Япония и некоторые другие профашистские государства.

На самом деле пакт о нейтралитете был подписан в 14 часов 45 минут.

В апреле 1942 года АВГ будет включена в состав вновь сформированной 14-й воздушной армии США, которая будет действовать в Китае и Бирме. Шенно вернут на действительную военную службу, назначив командующим этой армией. В марте 1943 года ему будет присвоено звание генерал-майора.

Вместе с ним из Германии уехали около тридцати китайских студентов и курсантов, в том числе сын Кун Сянси — Луис, отправившийся в Шотландию.

Английского посла не было тогда в Чунцине; он получил это предложение на следующий день.

Как мы помним, Чан Кайши страстно ненавидел англичан еще с июня 1925 года, с тех самых пор, когда более пятидесяти китайцев, участвовавших в антиимпериалистической демонстрации у моста в англо-французскую концессию Шамянь в Кантоне, в том числе 20 кадетов его школы Вампу, пали, сраженные насмерть пулями английских солдат.

100

Чан просил сто миллионов, но принял и половину.

Джи-мо — сокращенное от английского *Generalissimo*.

Стилуэлл ошибается. В 1860–1864 годах англичанин Чарлз Джордж Гордон (1833–1885) командовал китайской императорской «Всегда побеждающей армией» в боях против Тайпинов.

«Дамао» и «Сяомао» также звучат как «Большой волосатик» и «Маленький волосатик» (так, очень ласково, многие в Китае называют своих новорожденных детей за мягкие, как пух, волосы на их головах).

Ныне — Цзялин синьлу, 63. Там теперь находится музей Стилуэлла.

Как мы помним, Сунь Ятсен скончался 12 марта 1925 года.

Laissez faire la nature (*фр.*) — пусть природа возьмет свое; экономическая теория свободного рынка, отвергающая вмешательство государства в экономику.

Книги Чана во многом явились реакцией на «новую демократию» Мао Цзэдуна.

Гаусс хорошо знал Чан Кайши. Он работал в Китае с 1912 года (вице-консулом, консулом, генеральным консулом, а с 1941-го — послом).

Мэйлин утверждала, что хлопок вызывает у нее аллергию. Скорее всего, так и было, но складывалось впечатление, что она брезгует постельным бельем в Белом доме.

Джон Л. Льюис (1880–1969) — президент Объединенных шахтеров Америки с 1920 по 1960 год, доставлявший немало хлопот Рузвельту.

Цзы Чжан (Чжуаньсунь Ши; 504 —? до н. э.) — ученик Конфуция.

Тунгуань — город на берегу реки Хуанхэ, на пути в Сиань.

В оригинале: «Наши испытания — великие возможности. Слишком часто мы смотрим на них как на препятствия. Мы бы обрели небесный покой и вдохновение невыразимой силы, если бы каждый из нас признал любую сложную ситуацию как один из выбранных Господом путей доказать нам Его любовь».

Ватерлоо — селение недалеко от Брюсселя, в окрестностях которого Наполеон проиграл свою последнюю битву 18 июня 1815 года.

Еще раз напомню, что китайцы считали Монголию частью Китая, надеясь на ее возвращение.

Как мы помним, детей от покойной любовницы Цзян Цзинго Чан не признавал.

По словам вдовы Сунь Ятсена, Сун Цинлин, Т. В. Сун являлся формальным главой делегации, а фактически ее возглавлял Цзян Цзинго.

Чан Кайши имеет в виду идеологию коммунизма. Организационно Коммунистический Интернационал был распущен Сталиным в мае 1943 года.

Потсдамская конференция лидеров трех держав — победительниц Германии (СССР, США и Великобритании) проходила с 17 июля по 2 августа 1945 года.

Кстати, американская помощь Великобритании за годы Второй мировой войны составила 29 миллиардов долларов, а Советскому Союзу — свыше одиннадцати миллиардов.

Австронезийцы — коренные жители Тайваня, Индонезии, Филиппин, Восточного Тимора, Сингапура и многих других островов Тихого океана, а также Малайзии, говорящие на австронезийских языках.

ВНП — внутренний национальный продукт.

Заменить Чэнь Чэна на К. С. У советовал Чану еще Ведемейер в мае 1949 года.

Интересно, что Чан сам собирался спровоцировать войну на Корейском полуострове, надеясь, что она приведет к коренному изменению политики США на Дальнем Востоке, в том числе в отношении Тайваня. Еще в марте 1950 года он с этой целью планировал послать своих секретных агентов в Южную Корею.

Сталин впервые высказал мысль о возможности «мирного сосуществования» в апреле 1952 года.

Чан часто начинал записи с этой фразы-заклинания. До конца дней он оставался патриотом, болезненно переживавшим унижения, наносившиеся его стране великими державами.

Дай Аньго (1913–1984) — сын Дай Цзитао.

В Китае насчитывается более тридцати населенных пунктов с названием Синхуа. Какое из них имел в виду Ду Му, неизвестно. В современном китайском языке Синхуа означает место, где торгуют хорошим вином.